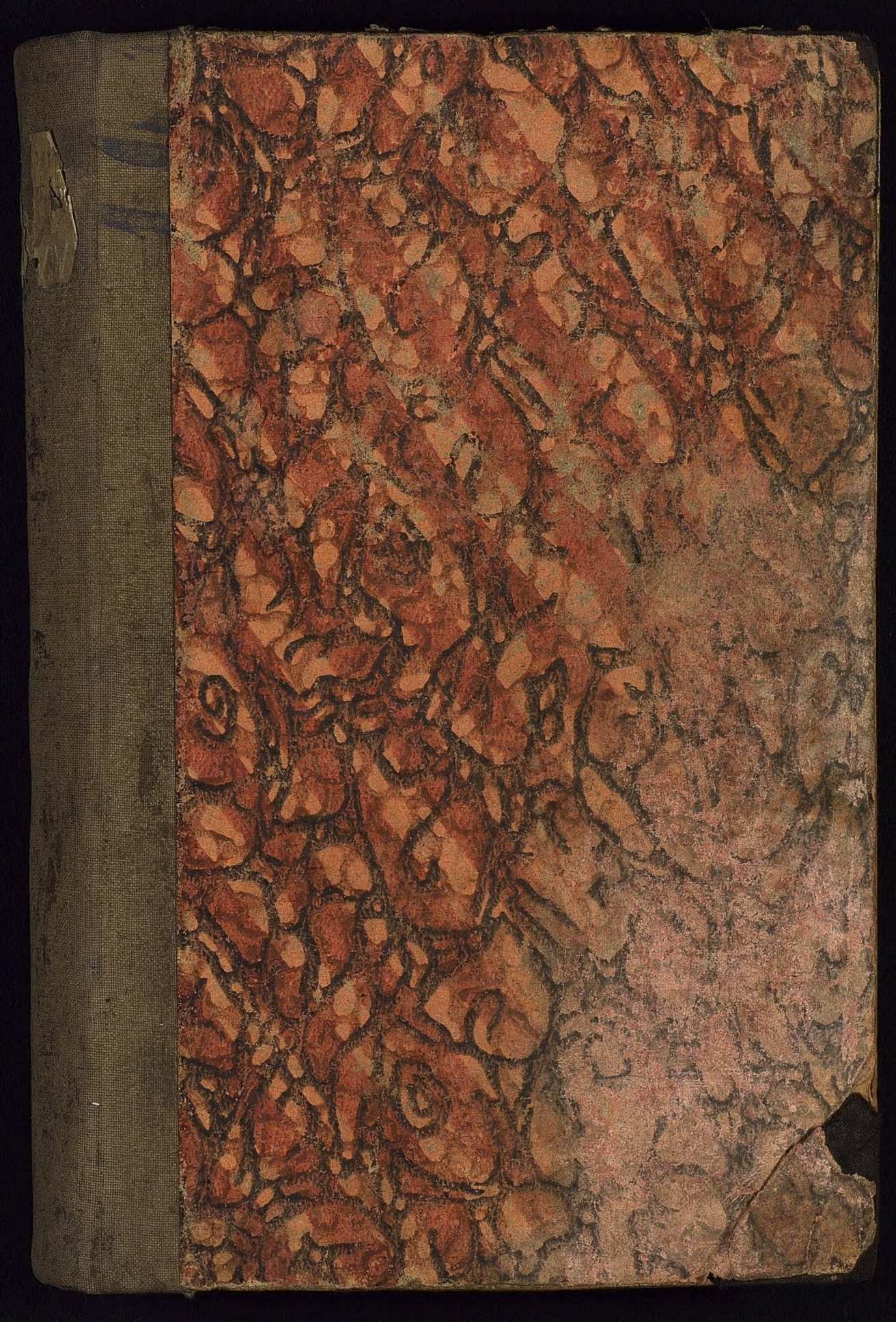


11 ОКТ. 1916

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

22631

49 г.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДъ

ЧЕЧИТЬ НАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

АВГУСТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

11 ОКТ. 191

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ. — АВГУСТЪ.

		стр.
I.	НА ПЕРЕПУТЬѢ. — **Зинаиды Тулубъ.**	5
II.	ИЗЪ ЦИКЛА „АЛТАЙ". Стих. — **Г. Вяткина.**	42
III.	ВЪ ВЕЛИКУЮ МИНУТУ. Разсказъ. — **А. Кайдарова.**	45
IV.	НЕ ИСКУШАЙ СУДЬБУ СВОЮ... Стих. — **Христофора Бахчисарайцева.**	65
V.	ДРЕВНѢЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ. — **В. Бузескула.**	67
VI.	ТИХО ЗА СКОРБНЫМИ ТУЧАМИ... Стих. — **А. Домасудъ-Бромирской.**	108
VII.	КРАСНАЯ КНИЖЕЧКА. — **Ивана Наживина.**	109
VIII.	НЕПРЕРЫВНЫЙ ВѢТЕРЪ СЪ ЮГА... Стих. — **Георгія Шевлякова.**	124
IX.	М. М. КОВАЛЕВСКІЙ КАКЪ СОЦІОЛОГЪ. — **Пр. Владиміра Вагнера.**	125
X.	ВЪ МИГЪ ТИШИНЫ. Стих. — **В. Уманова-Каплуновскаго.**	149
XI.	ВЪ СУМЕРКАХЪ. Стих. — **Николая Лепетича.**	150
XII.	ТОСКА. Романъ Граціи Деледда *(Продолженіе.)* — Перев. съ итал. **З. Журавской**	151
XIII.	ВЪ СТЕПИ. Стих. — **Николая Лепетича**	152
XIV.	ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СТАРАГО ПОРЯДКА. — **Князя В. Оболенскаго**	153
XV.	**ХРОНИКА.** — ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА (V. Basco Jbanez, „Los cuatro jinetes del Apocalipsis". Valencia. 1896). — **Діонео**	227
XVI.	ФРАНКЪ БРЭНГВИНЪ (Письмо изъ Парижа). — **К. Залевскаго**	252
XVII.	ПРОЕКТЪ РЕФОРМЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. — **Д. Науменко**	263
XVIII.	ИЗЪ ИСТОРІИ БАЛКАНСКИХЪ СОГЛАШЕНІЙ И СОЮЗОВЪ (Тайная конвенція между Болгаріей и Австро-Венгріей 1898 г.) — **Влад. Викторова-Торопова**	292
XIX.	КНИГА О ЦѢЛЯХЪ ВОЙНЫ (André Cheradame. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piége berlionois de „la partie nulle". Paris. 1916). — **Л. Слонимскаго**	314
XX.	ПРИМИРИТЕЛЬНЫЯ КАМЕРЫ. — **А. Мануилова.**	319
XXI.	НА ТЕМЫ ДНЯ. — Вопросъ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ. — Методъ исчисленія ихъ по „себѣстоимости". — Твердыя цѣны на сахаръ и на скотъ — Продовольственное дѣло, какъ „побочное" для министерства земледѣлія. — Землевладѣльческая	

СТР.

идиллія. — Письмо А. И. Гучкова. — Рабочіе старосты и примирительныя камеры. — Перемѣна въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. — Маріампольская трагедія. — Дерзновеніе и покаяніе. — М. Ѳ. Громницкій †. — **К. Арсеньева.** 325

XXII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Вопросъ о принудительномъ трудѣ крестьянъ на помѣщиковъ. — Государственная необходимость и частный интересъ землевладѣльцевъ. — Сельскохозяйственныя работы военноплѣнныхъ. — Походъ аграріевъ на земли колонистовъ и на хлѣбныя цѣны. — Еще о польскомъ вопросѣ. — **В. Кузьмина-Караваева.** 340

XXIII. SCRIABINIANA. Къ годовщинѣ со дня смерти А. Н. Скрябина. — **Виктора Вальтера.** 353

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Активное выступленіе Румыніи противъ Австро-Венгріи. — Оффиціальные мотивы этого акта. — Значеніе румынскаго участія въ войнѣ — Объявленіе войны Германіи со стороны Италіи. — Международное положеніе Греціи. — Борьба съ Австро-Венгріей. 360

XXV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. 1916. — Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шаньскаго. Томъ III и IV. Эпаха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.) Петроградъ. 1915—1916 гг. — Къ 10-лѣтію I Государственной Думы 27 апрѣля 1906 — 27 апрѣля 1916 г. Сборникъ статей перводумцевъ. Петроградъ. 1916 г. — **Ч. В—скаго.** — Георгію Ивановичу Челпанову отъ участниковъ его семинаріевъ въ Кіевѣ и Москвѣ 1891—1916. — Статьи по философіи и психологіи. Москва. 1916. — **Т. Райнова.** — „Музыкальный Современникъ", № 8-й, посвященный памяти С. И. Танѣева. Апрѣль. 1916. Петроградъ. — **Виктора Вальтера.** — Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. 1916. — **Питирима Сорокина.** — Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Опыты эстетическіе и критическіе. Москва. 1916. **Ч. В-скаго** 373

XXVI. ОРГАНИЗАЦІЯ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛѢННЫМЪ (Письмо въ редакцію). — **Н. Бородина.** 394

XXVII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 405

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 407

11 ОКТ.

№ 1168 Ин. Дн.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

НА ПЕРЕПУТЬѢ.

I.

У Досѣкиныхъ на дачѣ были гости. Праздновали именины Юліи Ивановны, хозяйки дома. Люди постарше и посолиднѣе сидѣли на террасѣ, молодежь — играла въ крокетъ.

Красными шарами играла Оля Досѣкина, ея братъ Петя и студентъ Калмыковъ.

У Оли было симпатичное лицо съ немного грустнымъ, немного соннымъ выраженіемъ, пепельные волосы, худощавая фигурка. Играла она безъ азарта, но очень старательно. Впрочемъ, всегда и во всемъ Оля была старательной и аккуратной.

Петя глядѣлъ совсѣмъ юнцомъ: онъ только что получилъ аттестатъ зрѣлости и уже щеголялъ въ новенькой студенческой фуражкѣ. Говорилъ онъ баскомъ, употреблялъ много иностранныхъ словъ, вычитанныхъ изъ журналовъ, — вообще старался казаться вполнѣ сложившимся человѣкомъ. Крокетъ его увлекалъ; но игралъ онъ небрежно, боясь показаться мальчишкой.

Третій партнеръ, Калмыковъ, держался спокойно и увѣренно. Видно было, что на душѣ у него ясно, что доволенъ онъ и собой, и погодой, и присутствіемъ Оли, которая ему давно нравилась.

Партія черныхъ тоже состояла изъ трехъ человѣкъ.

Первымъ игралъ Леша Досѣкинъ, поручикъ артиллеріи. Онъ и хотѣлъ бы увлечься игрой, но на душѣ было тревожно и темно. Онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что назавтра объявлена мобилизація и что это, быть можетъ, послѣдній вечеръ въ кругу родныхъ.

„Война — такъ война; на то я и военный“, думалъ онъ, раскачивая молотокъ крокета. Но что-то назойливое, какъ зубная боль, продолжало сверлить ему душу.

— Лешка, не зѣвай, пожалуйста! Твоя очередь, — не разъ окликала его Оля.

Тогда онъ подтягивался и заговаривалъ съ Олиной подругой, Катей Кострицыной. Катя отвѣчала охотно: остроумный и энергичный Досѣкинъ былъ ей по душѣ. А главное — онъ избавлялъ ее отъ третьяго партнера, капитана Ка пкина.

Катя играла порывисто. Первую партію выиграла блестяще, потомъ вдругъ заскучала, охладѣла; но молчала, не желая разстраивать компаніи. Ее раздражалъ Кашкинъ. Он нетерпѣливо поглядывала на его широкое, веснущатое лицо и бѣлобрысую, выстриженную ежикомъ голову.

„Какой онъ безцвѣтный: точно старое, облѣзлое платье", думала она. И на всѣ обращенія Кашкина отвѣчала односложно.

Кашкинъ видѣлъ, что Катя раздражена, краснѣлъ, часто вытиралъ лицо платкомъ, но не отходилъ. И Катя почуяла, что въ душѣ его идетъ какая-то смутная, тревожная работа.

Она не ошибалась. Приказъ о мобилизаціи ошеломилъ Кашкина. Онъ почувствовалъ, какъ что-то огромное и неизбѣжное подхватываетъ его своимъ теченіемъ. Кашкинъ не былъ мастеръ разбираться въ своихъ переживаніяхъ, но одна мысль преслѣдовала его весь день: надо выяснить свои отношенія къ Катѣ. Въ лагеряхъ было шумно и суетливо. Чувствовался сильный подъемъ. И Кашкинъ поддался общему настроенію. Онъ преодолѣлъ свою обычную нерѣшительность, выпросилъ у товарища лошадь и прискакалъ къ матери на дачу. День прошелъ для него, какъ въ чаду; но матери онъ ни въ чемъ не признался и подъ вечеръ собрался къ Досѣкинымъ на именины, зная, что тамъ будетъ Катя.

Катя пришла нарядная и по праздничному веселая. И, сидя съ нею рядомъ, вдыхая ароматъ ея духовъ, Кашкинъ затосковалъ:

„Не пара я ей, не пара", думалъ онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. И все-таки ждалъ подходящей минуты, чтобы высказаться.

Началась третья партія. Игра шла вяло. Петя строилъ скучающее лицо, офицеры нервничали. Скоро всѣ шары сбились у мышеловки, мѣшая другъ другу. Игра запуталась и стала неинтересной. Невольно заговорили о постороннемъ.

— Будешь завтра на гуляніи? — спросила Катя подругу.

— Едва ли. Мама посылаетъ меня въ городъ за покупками для Леши. Она, бѣдная, такъ волнуется.

— Ну, еще рано горевать, — съ дѣланной бодростью

отозвалась Катя. — Война вѣдь еще не объявлена. Правда, Алексѣй Кирилловичъ?

— Пока нѣтъ. А скоро будетъ.

— Нѣтъ, серьезно?

— Совершенно. Спросите Семенъ Семеныча.

Катя повернулась къ Кашкину.

— Вотъ какъ! Такъ вы... Семенъ Семенычъ, умѣете предсказывать? А ну-ка скажите: будетъ война, или нѣтъ?

Въ тонѣ Кати было что-то обидное. Онъ покраснѣлъ и сказалъ, заикаясь отъ смущенія:

— Какой я гадатель... Прикажутъ — пойдемъ воевать. Ничего не подѣлаешь... Ваша очередь, Катерина Андреевна.

Катя рѣзко ударила молоткомъ по шару. Шаръ отскочилъ и зацѣпился за дужку.

— Застряла, — сказала она сквозь зубы.

— Ничего, я васъ проведу, — отвѣтилъ Кашкинъ, цѣлясь. — Вы напрасно поторопились.

— Я не торопилась. Мнѣ просто надоѣло играть. Пойду, посижу въ бесѣдкѣ.

— Можно мнѣ съ вами?

— Нѣтъ - нѣтъ, оставайтесь. Возьмите лучше мой шаръ и доигрывайте за меня. Пожалуйста!

— Развѣ... на ваше счастье.

— Да - да... Не разстраивайте партіи.

И, передавъ ему свой молотокъ, Катя сошла съ площадки.

Солнце склонялось къ закату. Тонкая пыль дымилась въ глубинѣ просѣки, золотясь на низкомъ солнцѣ. Вѣтеръ стихъ, и сосны еле шумѣли сухимъ шорохомъ, похожимъ на шумъ дождя. Съ нѣжнымъ звономъ кружились въ воздухѣ комары. Въ цвѣтникѣ раскрывалась матіола. Сладко и сильно пахло цвѣтами. А съ полей, къ которымъ сбѣгалъ зеленый просвѣтъ просѣки, доносился сухой и пыльный запахъ только-что сжатыхъ колосьевъ.

Катя сѣла на скамеечку и задумалась.

— Зачѣмъ онъ пришелъ портить мнѣ вечеръ? — повторяла она, смотря на золотящееся сквозь зелень небо. — Смотритъ преданными глазами, заикается, ходитъ слѣдомъ, какъ тѣнь...

Въ небѣ таяли легкія, подбитыя пурпуромъ тучки. Катя слѣдила за ними глазами, понемногу забывая о Кашкинѣ. Видъ природы ее всегда успокаивалъ. Она сорвала вѣточку резеды, прошлась по дорожкѣ и стала прислушиваться къ голосамъ играющихъ.

— Леша, ты опять зазѣвался, — укоризнено повторяла Оля.

— Прохожу. Крокирую. Два хода, — методически отсчитывалъ Калмыковъ. А голосъ Пети невольно добавлялъ:

— Абсолютно неровная площадка... Ну-съ, господа офицеры, держитесь!

Защелкали шары, замелькали сквозь зелень фигуры, и голосъ Кашкина не скоро отвѣтилъ:

— Вотъ и на нашей улицѣ праздникъ. Отыгрывайтесь теперь, господа студенты.

— Какъ студенты? Это Петька-то студентъ? — расхохотался старшій Досѣкинъ.

— А что же я, по-твоему? Гимназистъ?

— Ты? Междометіе ты абсолютное — вотъ что!

Раздался взрывъ веселаго смѣха. Разсѣялась и Катя, и отъ смѣха ей вдругъ стало легко и спокойно.

„Славные люди эти Досѣкины, — подумала она. — Особенно Леша. Оля тоже хорошая, только немного скучная; забылъ ее Господь Богъ посолить. Если бъ только не этотъ Кашкинъ... И угораздило же его влюбиться въ меня“.

Катя даже покраснѣла отъ тайнаго укола самолюбія. Чувство Кашкина унижало и обезцвѣчивало ее въ собственныхъ глазахъ.

— Нѣтъ, я заставлю его наконецъ понять, что между нами нѣтъ ничего общаго. Главное, надо какъ можно меньше обращать на него вниманія, — рѣшила Катя и быстро направилась къ играющимъ.

На верандѣ звенѣли чайной посудой. Горничная съ трудомъ протащила пыхтящій самоваръ. Дворникъ сталъ развѣшивать разноцвѣтные фонарики. Темнѣло.

— Пожалуйте чай пить! — позвала съ веранды именинница. И молодежь, нагруженная шарами и молотками, двинулась къ дому.

Пока складывали крокетъ, мыли руки и разсаживались у стола, Леша подошелъ къ матери.

— Вотъ что, мамочка. Ты меня извини, но я скоро исчезну. Въ пять утра мы выступаемъ.

— Какъ выступаемъ? Куда?

И съ лица Юліи Ивановны сразу сбѣжала именинная улыбка, а глаза съ жалкимъ испугомъ и болью впились въ глаза сына.

— Ты только не волнуйся, мамочка. Мы возвращаемся въ городъ для мобилизаціи. Ничего угрожающаго пока нѣтъ. Послѣзавтра я постараюсь пріѣхать.

— Да-да, постарайся.

И, закусивъ задрожавшія губы, Юлія Ивановна стала рѣзать кулебяку.

А Леша ужъ потчевалъ гостей и говорилъ старичку-доктору, наливая ему зубровки:

— Видите ли, война съ Австріей для насъ не неожиданность. Убитый эрцгерцогъ былъ заклятымъ врагомъ славянъ и вѣчно твердилъ о войнѣ съ Россіей. Мы только не думали, что его укокошатъ.

Докторъ чувствовалъ себя превосходно. Подагры — какъ не бывало, жена осталась дома, такъ что можно и много говорить, и поѣсть острыхъ закусокъ, а главное — немного выпить. Но держалъ себя онъ важно и говорилъ съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. А слова его вязались туго и тяжело, какъ въ казенной бумагѣ.

— И все-таки, Алексѣй Кирилловичъ, — повторялъ онъ, — я никакъ не могу себѣ представить, чтобы великія европейскія державы могли затѣять войну. И не гдѣ-нибудь въ колоніяхъ, а между собой, въ самомъ сердцѣ культуры.

— Почему? Вѣдь великія державы вооружаются больше мелкихъ, а, слѣдовательно, у нихъ накопляется очень много военной энергіи.

— Такъ, что изъ этого?

Леша снова налилъ гостямъ вина и отвѣтилъ:

— Видите ли, военная энергія по-моему, похожа на нарывъ, который все растетъ и непремѣнно долженъ прорваться. Это — разъ. А во-вторыхъ, державы слишкомъ много тратятъ на вооруженія, чтобы въ одинъ прекрасный день не потребовать процентовъ на свои капиталы. А ужъ платить ихъ придется сосѣдямъ.

— Можетъ быть... Но вы какъ будто забываете, что культура давно развѣнчала войну. Появились космополиты, соціалисты, растетъ и правовое сознаніе, и обмѣнъ культурными цѣнностями, и многое-многое...

— Эхъ, дорогой Федоръ Максимычъ, все это — хорошія слова хорошихъ людей. Но политика не на нихъ куется.

Докторъ развелъ руками.

— И все-таки я никакъ не могу осмыслить войну. Вообразите меня, человѣка всю жизнь занятаго борьбой за человѣческое здоровье и жизнь, на войнѣ. Вдругъ передо мной толпы молодыхъ, здоровыхъ организмовъ будутъ превращаться

въ груды труповъ, или калѣкъ. Можетъ быть, я выжилъ изъ ума, но я не въ силахъ примириться съ подобнымъ абсурдомъ.

— Доктрина милитаризма съ точки зрѣнія соціологіи...— началъ Петя тономъ митинговаго оратора. Но никто не сталъ его слушать.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Появились новые гости съ шумными поздравленіями и восклицаніями.

Катя сидѣла между Калмыковымъ и своимъ гимназическимъ учителемъ словесности, который, по старой памяти, называлъ ее просто Катей.

— Что это вы, Катенька, пригорюнились?—ласково спросилъ онъ ее.

— Тяжело, Алексѣй Ивановичъ. Этотъ австрійскій ультиматумъ — такая низость, такой ужасъ... Но неужто, неужто будетъ война. По-моему, за чужой народъ можно болѣть душой, можно жертвовать деньгами, трудомъ, чѣмъ хотите, но только не кровью. Пусть идутъ добровольцы, но не весь народъ. Вѣдь никакія побѣды не воскресятъ убитыхъ и не исцѣлятъ калѣкъ!

Катя говорила тихо, но горячо, съ дрожью въ голосѣ.

— Ахъ, вы, Катенька, душа добрая! А по-моему война пойдетъ намъ впрокъ. Пусть европейцы научатъ насъ жить по-настоящему.

— Развѣ мы такіе азіаты?

— Вотъ именно! Увидите, какъ наши враги будутъ насъ защищать отъ нашихъ же казаковъ.

Катя смутилась и умолкла.

Къ счастью, на верандѣ появились новыя лица,—актеръ въ бѣлой фланелевой парѣ съ ярко-оранжевымъ галстухомъ, и завитая, какъ пудель, дѣвица, дочь священника дачной церкви. Актеръ громогласно поздравилъ хозяйку и сейчасъ же подсѣлъ къ дамамъ. Онъ изображалъ небрежнаго гостинаго льва, привыкшаго ко всеобщему поклоненію, и разсказывалъ, безбожно привирая, какъ ему предлагали перейти на столичную сцену.

Завитая дѣвица жеманно усѣлась между Лешей и докторомъ. Леша сталъ ее угощать. Ѣла она крошечными кусочками, манерно оттопыривая мизинцы, и разспрашивала Лешу о нашей артиллеріи. Досѣкинъ дѣловито объяснялъ, и до Кати долетали отдѣльныя фразы:

— Австрійская артиллерія считается пятой по качеству... Наша скорострѣльная трехдюймовка... Заводы Круппа...

Леша увлекся, а его собесѣдница скучала: она завела разговоръ отъ нечего дѣлать, а тутъ приходилось слушать серьезно. Она не перебивала Лешу, но украдкой переглядывалась съ Калмыковымъ. Калмыковъ этого не любилъ. Онъ нахмурился и отвернулся къ Катѣ.

— Какъ ваши занятія, Катерина Андреевна?

— На курсахъ почти все закончено. Зато въ консерваторіи остались теоретическіе. А вы какъ?

— Готовлюсь къ государственнымъ.

— О чемъ вы такъ таинственно бесѣдуете? — не выдержала завитая дѣвица.

— Объ экзаменахъ.

— Охъ, не напоминайте мнѣ о нихъ, — взмолилась она, закатывая глаза. — Я сама — курсистка... Къ чему такая проза на дачѣ, въ такую упоительную ночь.

Подали чай, фрукты, сладости. Гости разбились на группы, оживленно бесѣдуя.

— Я говорю вамъ, что волненія рабочихъ въ Петербургѣ — явленіе далеко не случайное. Статистика забастовочнаго движенія показываетъ сильное повышеніе, — съ надрывомъ говорилъ Петя учителю словесности, радуясь, что онъ ужъ не гимназистъ и можетъ открыто высказывать свои взгляды.

Актеръ подсѣлъ къ Катѣ и сталъ разсказывать о послѣдней постановкѣ въ художественномъ театрѣ. Завитая дѣвица — звали ее Тамарой — чокалась съ докторомъ. Леша куда-то скрылся.

И одна Юлія Ивановна грустно и разсѣянно глядѣла въ ночь, думая о завтрашней мобилизаціи.

А ночь была теплая, лунная. Скользящій свѣтъ блестѣлъ на росной травѣ тонкой серебряной сѣткой. Все гуще и слаще пахло цвѣтами. И развѣшенные въ саду фонарики казались крупными золотыми бусами.

Наконецъ кончился чай, и гости перешли въ гостиную. Учитель сыгралъ два шопеновскихъ вальса. Потомъ стали просить актера что-нибудь прочесть. Онъ долго ломался, наконецъ прочелъ два декадентскихъ стихотворенія.

Пока онъ читалъ, Оля подсѣла къ Катѣ и судорожно прижалась къ ней.

— Что съ тобой, дорогая?

— Леша только что уѣхалъ... Господи, неужто будетъ война...

— Катенька, спойте намъ что-нибудь, — подошелъ старичекъ-учитель.

— Не могу, Алексѣй Ивановичъ. Не до пѣнія теперь...

— Нѣтъ, спой, — попросила и Оля. — Мнѣ хорошо, когда ты поешь.

Катя сѣла за рояль и пробѣжала по клавишамъ рукой.

— Острою сѣкирой
Ранена береза, —

начала она сильнымъ и глубокимъ голосомъ слова знаменитаго романса. Она пѣла горячо, взволнованная словами Оли, заражая и себя, и слушателей своимъ настроеніемъ. Гости притихли, задумались и не сразу заговорили, когда она кончила.

— Еще! Еще! Пожалуйста! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Подошелъ къ ней и Кашкинъ, просидѣвшій весь чай на другомъ концѣ стола.

— Спойте еще, Катерина Андреевна. Тотъ романсъ... Знаете, — о мимозахъ...

Что-то мелькнуло въ ея глазахъ затаенной, нѣжной радостью. Она положила руки на клавиши, но взглянула на Тамару, на Кашкина — и руки ея опустились.

— Нѣтъ, только не это...

И, подумавъ, запѣла арію изъ „Лакмэ“.

Гости разошлись поздно.

И случилось то, чего Катѣ такъ не хотѣлось: она осталась на улицѣ наединѣ съ Кашкинымъ.

Молча пошла она по тихой улицѣ среди дачъ съ погасшими окнами. Луна свѣтила мутно и холодно, и пески оврага въ концѣ просѣки бѣлѣли тускло, какъ рѣка. Катя ежилась отъ ночного холода и молчала. Молчалъ и Кашкинъ, чувствуя, что настала рѣшительная минута. За чаемъ онъ мысленно приготовилъ цѣлую рѣчь, и вдругъ всѣ слова куда-то исчезли изъ памяти, и онъ не могъ ни вспомнить ихъ, ни придумать новыхъ, подходящихъ.

Катя тоже вдругъ заволновалась. Какимъ-то непонятнымъ инстинктомъ она угадала, что хочетъ сказать ей Кашкинъ, и немного растерялась. Она вдругъ почувствовала, что сдѣлать больно такому робкому и безотвѣтному человѣку, какъ Кашкинъ, — такъ же трудно, какъ обидѣть ребенка, или больное, беззащитное животное. Жалость противъ воли за-

крадывалась въ ея душу; но мысль о жизни съ Кашкинымъ попрежнему, казалась чудовищной.

Такъ прошли они цѣлый кварталъ, холодѣя отъ волненія.

Наконецъ Кашкинъ заговорилъ.

— Какъ вы сегодня чудно пѣли, Катерина Андреевна... А слушалъ васъ и вдругъ почувствовалъ... и рѣшилъ сказать вамъ сегодня очень-очень важное...

У Кати задрожали губы, забилось сердце... Но съ дѣланной безпечностью она отвѣтила:

— Да, я очень люблю эту арію изъ „Лакмэ". Правда, чудная музыка?

Но Кашкинъ точно не слыхалъ ея словъ.

— Я подумалъ... — продолжалъ онъ, заикаясь. — Завтра мобилизація... Мы, можетъ быть, больше не увидимся, если будетъ война... Катерина Андреевна, мнѣ всегда такъ хорошо было съ вами, — совсѣмъ не такъ, какъ съ другими людьми... Катерина Андреевна, я... я... я понялъ, что люблю васъ...

Кашкинъ сказалъ и остановился, самъ пораженный своими словами. Остановилась и Катя, не зная, какъ отвѣтить.

— Что же вы молчите, Катерина Андреевна?... Скажите хоть словечко...

— Вотъ оно что, — почему-то промолвила Катя и шагнула въ переулокъ.

Здѣсь было почти темно. Луна осталась за соснами, совсѣмъ черными на лунномъ небѣ. Волна ночного вѣтра поднялась имъ навстрѣчу, будя въ лѣсу таинственные шорохи.

Катя повернулась къ Кашкину.

— Семенъ Семеновичъ, — сказала она сердечно, но серьезно, — спасибо вамъ за ваше чувство. Оно трогаетъ меня до глубины души... Но я не могу отвѣтить вамъ такъ, какъ вамъ хотѣлось бы.

Было темно. Но Катя все-таки замѣтила, какъ Кашкинъ съежился, втянувъ голову въ плечи, точно его кто-то ударилъ.

— Не принимайте этого такъ близко къ сердцу. Повѣрьте, вамъ же потомъ будетъ лучше.

— Но почему же, почему? — вырвалось у него невольно.

— Зачѣмъ говорить объ этомъ... Просто мы съ вами — люди разные.

И Катя облегченно вздохнула, завидѣвъ калитку своей дачи. Странный звукъ заставилъ ее обернуться. Кашкинъ прислонился къ забору, и плечи его вздрагивали отъ слезъ.

— Семенъ Семеновичъ! Богъ съ вами! Перестаньте! Не мучьте себя и меня.

Катя боялась, что не выдержитъ. И, чтобы не поддаться порыву и показать, что все кончено, прибавила нетерпѣливѣе:

— Поймите, что я не могу жить, какъ всѣ. Я и такъ до сихъ поръ только жду настоящей жизни. Возьмите себя въ руки, Семенъ Семеновичъ. Попрощаемся лучше по-хорошему.

Кашкинъ вытеръ рукавомъ глаза и выпрямился. Катя протянула ему руку. Онъ поклонился ей низко-низко — и отошелъ.

Вернувшись къ себѣ, Катя задумчиво присѣла къ своему столику. Лицо ея было грустно, но спокойно. Ночной вѣтеръ колыхнулъ занавѣску, подошелъ къ лицу, сдувая со лба распущенные волосы... Она наклонилась къ ящику и вынула изъ папки бережно хранимый романсъ, — тотъ, о которомъ ей напомнилъ Кашкинъ. Долго сидѣла она, разсматривая заглавный листъ съ надписью автора, знаменитаго русскаго композитора, и глаза ея мерцали тонкимъ, радостнымъ свѣтомъ.

— Да, такъ надо было, — сказала она наконецъ, думая о Кашкинѣ, и стала раздѣваться.

II.

Катя и Оля были ровесницами. Четыре года тому назадъ онѣ вмѣстѣ кончили гимназію и дальше пошли разными путями: Оля стала учительствовать, а у Кати оказался голосъ. Она поступила въ консерваторію и одновременно на курсы. Родные уговаривали ее не разбрасываться; но Катя стояла на своемъ.

— Для сцены мало одного пѣнія, — говорила она. — Надо быть образованнымъ человѣкомъ, надо читать, работать.

И Катя, дѣйствительно, работала, набрасываясь на все новое съ жадностью голоднаго человѣка. На курсахъ ее захватила исторія искусствъ. Она много читала, рылась въ описаніяхъ знаменитыхъ храмовъ и развалинъ, собирала гравюры. Экзамены она сдавала блестяще, но работа ея шла неровно — скачками. Иногда она забрасывала книги, задумывалась, начинала прятаться отъ людей... Чувство смерти

преслѣдовало ее; ей было жаль каждой промелькнувшей минуты, каждой мысли, настроенія.

„Въ жизни вѣчно съ чѣмъ-нибудь прощаешься“, думала она тогда. И не хотѣлось ни работать, ни учиться.

Въ отношеніяхъ съ людьми Катя тоже была неустойчивой. Она набрасывалась на новыя знакомства. Незнакомые манили ее чѣмъ-то невѣдомымъ, а знакомые скоро надоѣдали. Мелочное самолюбіе и громкія фразы ее возмущали; зависть и любовь къ тряпкамъ возбуждали почти брезгливость. А между тѣмъ, она любила и блескъ, и наряды, но какъ-то по-своему — не по-женски: красивыя вещи радовали ее такъ, какъ поэта яркіе образы.

Красивой она не была. Но была у нея молодость, грація, глубокіе мерцающіе глаза... За ней ухаживали; ей нравилось чувствовать обаяніе своей молодости — и только. Въ ея жизни не было ни одного романа.

Къ своимъ многочисленнымъ подругамъ Катя была по-своему привязана, даже любила ихъ и все-таки чувствовала себя одинокой. Ее тянуло къ большимъ талантамъ, какъ бабочку къ свѣту: съ ними ей было необыкновенно хорошо.

— Мнѣ тогда кажется, что на землѣ нѣтъ смерти, и что моя душа становится свѣтлой, какъ звѣзды, — сказала она какъ-то.

Съ Кашкинымъ Катя познакомилась предыдущимъ лѣтомъ, на пикникѣ. И какъ-то незамѣтно онъ сталъ бывать у Кострицыныхъ. Катя не обращала на него вниманія, и родители принимали его привѣтливо и немного снисходительно.

Какъ-то, отъ нечего дѣлать, Катя стала разспрашивать Кашкина объ его прошломъ. Кашкинъ долго отмалчивался, потомъ разговорился и по обрывкамъ разсказалъ о своемъ дѣтствѣ.

Отецъ его умеръ рано, оставивъ жену съ ребенкомъ безъ всякихъ средствъ. Мать, женщина необразованная, но энергичная и рѣшительная, билась, какъ рыба объ ледъ, чтобы вырастить Сеню. Она стала сдавать комнаты съ домашними обѣдами студентамъ и мелкимъ чиновникамъ, сама стряпала, обшивала сына и, наконецъ, опредѣлила его въ гимназію. Сеня учился плохо. Онъ не лѣнился, но наука давалась ему съ трудомъ. Да и не легко было учиться при такой обстановкѣ. Вернется онъ, бывало, изъ гимназіи, а дома — суета: приходятъ столовники, шумятъ, хохочутъ. Пахнетъ кухоннымъ чадомъ и крѣпкимъ, дешевымъ табакомъ. Мать во-

зится въ кухнѣ, потная и красная отъ жары и усталости. Сеня бросаетъ книги и начинаетъ помогать: то бѣжитъ въ лавочку, то рѣжетъ хлѣбъ, то тащитъ обѣдъ заболѣвшему квартиранту. И такъ весь день, весной, зимой, осенью...

А вечеромъ — сыро и холодно въ ихъ крошечной комнаткѣ. По стѣнамъ шуршатъ тараканы, скудно свѣтитъ маленькая жестяная лампа. Мать, бывало, тоже примостится къ столу, что-нибудь шьетъ, или штопаетъ... И незамѣтно начнутся жалобы на здоровье, на дороговизну, на квартирантовъ...

— За дрова отдала три съ четвертью, муки купила, картошки... Мясо сегодня на копейку дороже... А они, ироды, бубнятъ: супъ, говорятъ какъ помои... Опять Никифоровъ не отдаетъ за комнату. Надо ему, Сенечка напомнить: галоши вѣдь у тебя каши просятъ...

Лампочка коптитъ и нестерпимо воняетъ керосиномъ. Сеня лѣзетъ на табуретъ, открываетъ форточку. Изъ нея тянетъ холодомъ и сырымъ ноябрьскимъ туманомъ, И такъ же холодно и безнадежно становится у него на душѣ. За стѣной шумятъ студенты, что-то поютъ, о чемъ-то спорятъ. Мать все жалуется разбитымъ, простуженнымъ голосомъ... Сеня затыкаетъ уши и зубритъ-зубритъ... Но что ему до всѣхъ этихъ Гогенштауфеновъ и Людовиковъ, когда у матери пухнутъ ноги отъ ревматизма и не на что позвать доктора; когда отказываетъ она себѣ во всемъ, даже въ церковь ходитъ изрѣдка, чтобы не истратить лишняго мѣдяка на свѣчку... Два раза остался онъ на второй годъ и вышелъ изъ шестого класса — въ юнкерское. Мать плакала, но пришлось покориться судьбѣ.

Къ концу японской войны Сеню произвели въ офицеры.

Какъ во снѣ вспоминалось ему безконечное путешествіе по Сибири, долгія стоянки въ грязныхъ китайскихъ деревушкахъ, слякоть, томительное бездѣліе, пьянство товарищей — и снова — однообразное мытарство по вагонамъ съ буйнымъ, озвѣрѣвшимъ на пути эшелономъ.

Кашкинъ вернулся на родину въ разгаръ освободительнаго движенія растерянный и пришибленный. И потянулась однообразная полковая служба, сперва — по грязнымъ еврейскимъ мѣстечкамъ юго-западнаго края, а потомъ — въ родномъ городѣ.

Военная служба не переродила Кашкина: онъ навсегда остался сутулымъ, застѣнчивымъ, совсѣмъ не похожимъ на

военнаго. Товарищи звали его пономаремъ, а Катя — божьей коровкой.

Послѣ такой откровенной бесѣды, Кашкинъ долго не показывался къ Кострицынымъ. А Катя вдругъ пожалѣла его и захотѣла поближе узнать. Она стала допытываться, что онъ любитъ, ходитъ ли въ театръ, что читаетъ. Кашкина трогало вниманіе Кати. Но ея вопросы часто ставили его втупикъ, заставляя мучительно чувствовать недостатокъ образованія. Катя замѣтила это и стала, какъ бы невзначай, звать его то на картинную выставку, то въ театръ, то на публичныя лекціи. Иногда она нарочно сказывалась усталой и просила Кашкина почитать ей вслухъ. А затѣмъ начинала говорить о прочитанномъ. Но серьезное чтеніе мало его увлекало. Легче всего онъ разбирался въ пѣніи: у него былъ слухъ; онъ даже пѣлъ, тайкомъ отъ знакомыхъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Но на симфоническихъ ему было скучно; а изъ книгъ онъ любилъ длинные романы съ запутанной интригой.

Долгія бесѣды съ Катей были для Кашкина большой радостью. Онъ привыкъ къ ней и пересталъ дичиться. „Это нравится Катѣ, это Катя любитъ", думалъ онъ о какой-нибудь книгѣ и, не разсуждая, считалъ ее превосходной.

Какъ-то Кашкинъ сильно простудился. Цѣлую недѣлю онъ не выходилъ изъ дому, скучая немилосердно, особенно въ сумерки. Вдругъ кто-то позвонилъ. Мать пошла отпирать и вернулась съ узкимъ англійскимъ конвертомъ въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ, Сеня, письмо отъ Кострицыныхъ. Горничная ихняя принесла.

Кашкинъ почувствовалъ, какъ сердце его вдругъ сжалось, а потомъ забилось быстро-быстро... Онъ взялъ письмо дрожащими руками и долго не могъ разорвать конверта. Записка была отъ Кати.

„Отчего васъ такъ долго не видно?—писала она.—Приходите въ субботу вечеркомъ. У насъ будетъ музыка, и я тоже буду пѣть новые романсы, которые, кажется, выходятъ у меня недурно. Ваша Е. К."

— Ваша... Какъ это она написала...

И вдругъ цѣлый потокъ радости хлынулъ въ душу Кашкина.

За окномъ золотились нѣжныя мартовскія сумерки. Голые сучья деревьевъ переплелись на фонѣ неба легкимъ, чернымъ неводомъ. На вербѣ набухали мохнатыя почки.

Московской обл. библиотеки

22631

Тонкій ледокъ сѣрѣлъ въ тѣни кустарника. Звонили къ вечернѣ.

„Скоро весна, — думалъ Кашкинъ. — Господи, какъ хорошо, какъ чудесно жить на свѣтѣ“.

Вошла мать съ бутылкой Оберзальцбруннена и стаканомъ молока, поставила ихъ на столикъ и подозрительно взглянула на сына.

— Что это ты такой веселый?

— Меня, маменька, приглашаютъ къ Кострицынымъ на вечеръ...

— Что-то ты ужъ больно радуешься... Смотри, Сеня, не дури: Катя барышня хорошая, да не про тебя. Съ твоимъ жалованьемъ да такой женой — концовъ не сведешь.

— Богъ съ вами, маменька!.. Развѣ я...

— А ты молчи. Я такъ, къ слову сказала. На то я и мать.

Слова матери выразили то, въ чемъ Кашкинъ не рѣшался себѣ признаться. Онъ понялъ, что любитъ Катю всей душой, всѣмъ существомъ — и испугался...

Пришла и прошла ожидаемая суббота. У Кострицыныхъ было весело: пѣли, играли, декламировали. Катя была въ ударѣ. Она умѣло занимала гостей, а послѣ чаю затѣяла живой и интересный споръ о сценическомъ искусствѣ съ извѣстнымъ критикомъ изъ столицы. Кашкинъ любовался ею, но вдругъ съ болью почувствовалъ, что Катѣ куда веселѣе и интереснѣе съ другими гостями, чѣмъ съ нимъ, Кашкинымъ. Эта мысль такъ его угнетала, что онъ забился въ уголъ, все время молчалъ и вернулся домой съ тяжелымъ сердцемъ.

Съ этого времени онъ сталъ стыдиться своей простоты и бѣдности и ненавидѣть ее. Мучился онъ и своею угловатостью, и неумѣньемъ говорить по-французски, и тѣмъ, что ничего онъ не видѣлъ и ничего не умѣетъ разсказать. Теперь онъ смотрѣлъ на Катю съ растерянной и молящей преданностью, а на бывавшую у нея молодежь — съ завистью.

Онъ сталъ подолгу мечтать, лежа въ своей комнатѣ на кровати, и въ мечтахъ видѣлъ себя блестящимъ и краснорѣчивымъ. Катя съ горящими глазами прислушивается къ его словамъ, на вечерахъ танцуетъ только съ нимъ. А когда онъ говоритъ ей о своемъ чувствѣ, — лицо ея становится блѣднымъ отъ счастья, а глаза — еще прекраснѣе и глубже, чѣмъ всегда. Они мерцаютъ, какъ звѣзды, и крупная, хрустальная слеза медленно скатывается съ рѣсницы...

Все это рисовалось такъ живо, что Кашкинъ съ трудомъ приходилъ въ себя. И тогда — сѣрой и тоскливой казалась ему дѣйствительность.

Онъ шелъ къ Катѣ, твердо рѣшивъ подтянуться и держать себя такъ, какъ всѣ: быть веселымъ и занимательнымъ. Но передъ квартирой Кострицыныхъ всѣ его намѣренія таяли, и Кашкинъ попрежнему терялся, жался въ уголъ и смотрѣлъ на Катю такъ, какъ смотрятъ очень вѣрующіе и очень несчастные люди на чудотворную икону.

Катя замѣтила эту перемѣну, поняла ее и возмутилась.

„Какъ глупо, — подумала она. — Пожалѣла его, а онъ ужъ воображаетъ, что имѣетъ какія-то права на мое будущее. Нѣтъ, надо поставить его на мѣсто".

Съ этого времени Катя стала отдаляться. Когда Кашкинъ звалъ ее въ театръ, Катя сказывалась усталой, а иногда просто отказывалась, не объясняя почему. Прекратились ихъ прогулки, бесѣды. Но Кашкинъ попрежнему приходилъ къ Кострицынымъ по два-три раза въ недѣлю. Къ катиному счастью, полкъ ушелъ въ лагери, такъ что встрѣчи ихъ стали рѣже. Катя старалась не оставаться съ нимъ наединѣ; а если и оставалась, — больше говорила о своихъ планахъ на будущее, о стремленіи въ столицу, къ жизни кипучей и разнообразной.

— Надоѣла мнѣ здѣшняя жизнь, — говорила она. — Людей какъ будто и много, а душа — голодаетъ. Хороши здѣсь только дома да улицы. Но нѣтъ ни спайки, ни общественныхъ интересовъ. О, какъ я понимаю чеховскихъ сестеръ...

Кашкинъ пробовалъ возражать, а Катя кипятилась:

— Вы говорите: профессора, артисты. Да каждый профессоръ сидитъ у себя и что то сочиняетъ, а изъ дому выходитъ только затѣмъ, чтобы отчитать положенныя по расписанію лекціи. Гдѣ у насъ толстые журналы, народные университеты, студенческіе кружки?!.. А нашъ театръ? — продолжала Катя, нервно шагая изъ угла въ уголъ. — Играютъ то, что дѣлаетъ сборы. Ансамбля никакого. Постановка дрянная. Актеры тянутся за суфлеромъ... Вотъ вамъ и храмъ искусства, воспитатель вкусовъ!.. Нѣтъ, кончу учиться — и только меня и видѣли.

Послѣ такихъ бесѣдъ Кашкинъ возвращался домой разбитымъ.

А Катя, взвинтивъ себя, забывала о немъ и мечтала, мечтала...

И вспоминался ей одинъ вечеръ, быть можетъ, лучшій въ ея жизни. Она впервые выступала на ученическомъ концертѣ въ консерваторіи. На этотъ разъ участвующіе особенно волновались: говорили, что гостящій въ городѣ знаменитый композиторъ пріѣдетъ ихъ послушать. Онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ ко второму отдѣленію и сидѣлъ у самой эстрады, съ усталымъ и равнодушнимъ лицомъ. Публика слѣдила за нимъ тысячью глазъ, почти забывая объ исполнителяхъ.

Катя выступала послѣдней. Она пѣла вальсъ изъ „Ромео и Джульеты". При первыхъ звукахъ ея голоса композиторъ встрепенулся, а когда Катя взяла послѣднюю ноту, захлопалъ ей первый, совсѣмъ забывъ, что въ консерваторіи запрещено апплодировать.

Шопотъ зависти и одобренія встрѣтилъ ее въ артистической. Профессора и товарищи наперерывъ поздравляли ее съ успѣхомъ. Подошелъ къ ней и старикъ композиторъ съ привѣтливой и довольной улыбкой.

— Богатѣйшій голосъ, — говорилъ онъ, обводя глазами столпившуюся вокругъ него молодежь. — Обширный діапазонъ, правильное дыханіе... Знаете что: когда кончите — обратитесь прямо ко мнѣ. Я устрою вамъ дебютъ на столичной сценѣ.

Катя была какъ во снѣ. Ее окружили, жали руки, куда-то приглашали. Потомъ композиторъ самъ отвезъ ее домой, просилъ писать и убѣждалъ работать и работать.

Съ этого дня Катя повѣрила въ себя и поклялась себѣ жить однимъ искусствомъ.

А черезъ два мѣсяца она получила отъ старика-композитора только что отпечатанный романсъ съ надписью и посвященіемъ...

Наступило лѣто. Кострицыны переѣхали на дачу. Катя съ досадой узнала, что мать Кашкина живетъ по сосѣдству и что сынъ навѣщаетъ ее каждый праздникъ. Въ эти дни Катя нарочно уходила изъ дому; но, какъ на зло, они часто сталкивались въ знакомыхъ домахъ. Кашкинъ держался въ сторонѣ и только неотступно слѣдилъ за Катей глазами. Знакомые и подруги скоро замѣтили это молчаливое поклоненіе: начались насмѣшки, намеки, Катя раздражалась и вышучивала Кашкина, а онъ — мучился и терпѣлъ.

И вдругъ — мобилизація, толки о войнѣ... Событія оторвали Кашкина отъ почвы, закружили, какъ вихрь, заставили сдѣлать непоправимый шагъ, и остался онъ оглушенный, раздавленный, потерявшій единственную радость, единствен-

ную мечту. А жизнь подхватила его незамѣтное существованіе и умчала въ своемъ потокѣ.

III.

Началась война.

Событія ошеломили Катю. Она ходила, какъ потерянная, и все валилось у нея изъ рукъ. Жизнь пошла наперекоръ всѣмъ законамъ разума: то, что вчера казалось истиной, сегодня рушилось; невозможное — стало возможнымъ; каждый день приносилъ столько новаго, какъ будто за сутки надъ міромъ проносился годъ.

Катя тщетно искала смысла окружающаго. Вспоминались ей слова Леши: „Милитаризмъ похожъ на нарывъ, который непремѣнно долженъ прорваться". Но развѣ они что-нибудь объясняли! И она пряталась отъ людей и все думала, думала...

Въ саду было ясно, радостно. Катя лежала на травѣ, и казалось ей страннымъ, что гдѣ-то теперь война. Высоко въ небѣ проходятъ ослѣпительно-бѣлыя горы облаковъ. Сосны четко вырисовываются на небѣ своими бурыми стволами и сочной хвоей. Въ травѣ стрекочутъ кузнечики... Не сонъ ли все это, страшный и тяжелый?

Вотъ ужъ девятнадцать вѣковъ звучитъ надъ міромъ проповѣдь Христа, а люди, чтущіе Его, продолжаютъ нарушать лучшую заповѣдь Его ученія. Да и помимо Христа — тысячи величайшихъ умовъ твердятъ о цѣнности человѣческой личности и жизни, — о томъ, что никто въ мірѣ не имѣетъ права на нее посягать. И все-таки — попрежнему льется кровь, попрежнему прахомъ и пепломъ развѣяны лучшія сокровища духа.

И откуда пришло все это? Неужто съ родины Канта, Шиллера, Гете?

И вспоминалась ей Германія новая, та, которую она исколесила нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вспоминались Крупповскіе заводы въ Эссенѣ, клокочущій адъ пламени и желѣза, мелькомъ видѣнный изъ оконъ вагона; вспоминались захлебывающіяся отъ восторга рѣчи знакомыхъ нѣмокъ, разсказывавшихъ Катѣ о блескѣ и силѣ германской арміи. Вспоминалось много-много мелочей, которыя раньше проходили незамѣченными. И понемногу, сквозь толщу старыхъ привычныхъ взглядовъ, въ катиномъ умѣ сталъ проступать другой образъ, —

образъ современной Германіи. Она поняла, что у насъ до сихъ поръ судятъ о ней по туманнымъ и возвышеннымъ идеаламъ эпохи романтизма. А эти идеалы почти не коснулись народныхъ массъ: массы шли своими путями, жили будничными, матеріальными интересами.

Катя слыхала, что эпосъ считается зеркаломъ народной души. И, чтобы провѣрить себя, стала перечитывать „Нибелунговъ". Но и отъ нихъ пахнуло чѣмъ-то мрачнымъ и жестокимъ.

„Золото, власть, женщина, — вотъ ихъ идеалы, вотъ ихъ правда и жизненная цѣль", подумала она, дочитывая послѣднюю страницу.

И какими трогательными и свѣтлыми показались Катѣ послѣ „Нибелунговъ" образы русскихъ былинъ. А послѣ хрустальныхъ звуковъ Римскаго-Корсакова мрачная душа вагнеровской музыки показалась ей еще болѣе мрачной чуждой и зловѣщей.

Запестрѣли извѣстія о нѣмецкихъ звѣрствахъ. Катя металась, какъ раненая, стыдясь своего покоя, своей роли зрительницы общаго горя.

— Господи, Господи, — шептала она, сжимая руки: — Что это, Господи.

И опять думала, вспоминала...

Когда-то она прочитала „Исторію маленькаго гарнизона", когда-то слышала о Цабернской рѣзнѣ, о гоненіяхъ въ Эльзасѣ, о бойкотѣ русскихъ студентовъ, о розгахъ въ нѣмецкой школѣ... Теперь всѣ эти факты связались другъ съ другомъ.

— Вотъ она, почва этой ужасной войны, — говорила себѣ Катя.

И ей становилось страшно: вѣдь, нѣмцы сорокъ лѣтъ готовились къ войнѣ, а у насъ такъ мало думали объ оборонѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Отъ волненія Катѣ не сидѣлось дома. Она уѣзжала въ городъ, долго бродила по улицамъ, всматриваясь во встрѣчныя лица, разспрашивала, кого могла, накупала книгъ, га-

зетъ и возвращалась домой успокоенная: стерлись всѣ грани, всѣ партіи, народъ вставалъ одной могучей волною, и не было ни пьянства, ни хвастовства. Шли на войну съ сосредоточенными и торжественными лицами, словно къ исповѣди. Взглядъ становился глубокимъ и одухотвореннымъ. И Катя съ удивленіемъ глядѣла на солдатъ, словно видѣла ихъ впервые. Въ эти минуты война казалась ей не звѣрствомъ, а великимъ подвигомъ самоотреченія и братской любви.

Нѣмцы хлынули въ Бельгію...

Лувэнъ лежалъ въ развалинахъ, французы все отступали. Жизнь становилась страшной и темной, какъ Апокалипсисъ. А изъ окровавленныхъ развалинъ вставалъ лучезарной легендой образъ страдалицы Бельгіи. Катя рылась въ памяти и не могла подыскать примѣра, чтобы цѣлый народъ, цѣлое государство отъ нищаго до короля пожертвовалъ ради чести и справедливости своей землею, кровью, свободой.

Какъ всегда, Катя мыслила живыми образами. И теперь образъ Бельгіи сливался въ ея воображеніи съ тѣми бельгійцами, которыхъ она встрѣчала въ жизни.

Все это были инженеры съ донецкихъ копей, живые, мускулистые, даже сухощавые въ своихъ кожаныхъ курткахъ, гетрахъ и спортсмэнскихъ шапочкахъ. Жили они по минутамъ, энергичные, вѣчно занятые, холодные и неумолимые ко всякой халатности и лѣни.

Одинъ особенно врѣзался въ ея память.

— Русскіе люди не умѣютъ работать, — говорилъ онъ, звонко отчеканивая быстрыя французскія слова. — Мы сами работаемъ и знаемъ, сколько можетъ сдѣлать здоровый рабочій. Съ русскими — вѣчная борьба: они не знаютъ чувства долга. Мы покупаемъ ихъ рабочую энергію, а они не понимаютъ, не хотятъ понять, что не додѣлать оплаченную работу — то же, что украсть.

— Дьяволы! Живодеры! — отплевывался заводской докторъ Михеевъ, въ семьѣ котораго гостила Катя. — Для нихъ люди — не люди. Да и сами они — какіе-то двигатели въ четыре лошадиныхъ силы.

— Que dit le docteur? — удивленно подымалъ бровь бельгіецъ. И, быстро взглянувъ на часы, раскланивался:

— Bon, je tarde! A tantot, mesdames.

А черезъ нѣсколько часовъ тѣ же бельгійцы сходились за общимъ столомъ, и никто не могъ бы подумать, что эти

выхоленные, безукоризненно одѣтые баре только что вылѣзли изъ шахты, гдѣ не брезгали самой черной работой.

Матовыми сталактитами спускались съ потолка тяжелыя люстры. Нѣжно звенѣлъ хрусталь, налитой золотистымъ шабли, или темнымъ бургундскимъ. На ослѣпительной скатерти искрилось серебро, и быстро и легко лилась звонкая французская рѣчь. Слова вспыхивали ярко и остро, словно солнечныя искры на морѣ, всегда неожиданныя и мѣткія.

Катя слушала и думала:

„Двигатели — пожалуй. Но не мертвые, а живые, брыжжущіе силой и энергіей. Жаль только, что вся эта энергія уходитъ на обогащеніе“.

Какъ-то выпало два дня праздника. Докторъ, его дочь и студентъ-практикантъ позвали Катю погулять въ степи, вдоль желѣзнодорожной линіи. Пошелъ и бельгіецъ, тяготившійся рѣдкимъ бездѣліемъ.

Шли они вдоль рельсъ, по полосѣ отчужденія. Стояла ранняя, хрустальная осень. Бурая, сожженная солнцемъ степь была пустынна. Нѣжно голубѣли въ травѣ рѣдкіе цвѣты цикорія. Катя отстала отъ Михеевыхъ и набрала цѣлый букетъ, перемѣшивая цвѣты съ какими-то серебристыми листьями, похожими на полынь. Бельгіецъ шелъ съ нею рядомъ и говорилъ:

— Россія — государство будущаго. У васъ еще не знаютъ, что жизнь — борьба, въ которой побѣждаетъ сильный. А чтобы быть сильнымъ — надо закалиться въ работѣ. Когда работаешь — чувствуешь пульсъ міровой жизни, а въ грохотѣ машинъ слышишь музыку силы и разума.

Степь словно замерла. Нѣжно-розовая полоска зари потухала за шахтой, съ востока набѣгали пепельныя сумерки. Катя поднялась на курганъ и, молча, оглядывала низкое кольцо горизонта, пустое небо, поля... Ея спутникъ умолкъ.

— Какая тоска въ этомъ пейзажѣ, — сказалъ онъ вдругъ дрогнувшимъ голосомъ. — Какая меланхолія... Думаешь о милліонахъ людей, нѣкогда жившихъ на этой землѣ. Отъ нихъ ничего не осталось, даже имени... Хочется оцѣпенѣть и слушать, слушать: быть можетъ, въ этой степи еще бродитъ эхо забытыхъ вѣковъ...

— Разскажите мнѣ о своей родинѣ, — попросила Катя на обратномъ пути.

— Я слишкомъ люблю ее, чтобы разсказывать спокойно, — отвѣтилъ онъ. — А кромѣ того, издалека все кажется лучше.

Бельгія вся изрыта копями, застроена фабриками, заводами. Люди у насъ закаленные и упругіе, какъ сталь. Жизнь бьетъ ключомъ... Но есть тихіе, прелестные уголки, напоенные ароматомъ старины. Тамъ живутъ наивныя дѣтскія сказки, и бережно хранятся остатки стараго фламандскаго искусства... Я — не поэтъ. Прочтите Роденбаха и Метерлинка — и вы поймете. Наша душа, наша природа — все въ нихъ.

„Гдѣ-то онъ теперь? — думала Катя вечерами. — Можетъ быть, убитъ; можетъ быть, застрѣлился, чтобы не попасть въ плѣнъ и не пережить своей родины. Вѣрно, всѣ они такіе: стальная воля, кипучая жажда жить; а гдѣ-то глубоко-глубоко — море нѣжности и поэзіи... Да, такіе непобѣдимы.

А событія все шли, все развивались...

Появились списки убитыхъ и раненыхъ. Грустно и больно было ихъ читать.

Какъ-то пришелъ Калмыковъ, Катинъ отецъ, профессоръ гражданскаго права, затащилъ его въ кабинетъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ на юридическія темы. Вышли они только къ вечернему чаю, прямо въ столовую.

— Папа, — сказала Катя, накладывая въ вазочку варенья, — какъ ты можешь говорить теперь о правѣ, когда права больше не существуетъ?

— То есть, я тебя не совсѣмъ понимаю.

— Какъ бы это выразить... Я не юристъ и не умѣю говорить, какъ юристы. По-моему, сила и право — вещи несовмѣстимыя. По-моему, государство это та власть, которая охраняетъ права частныхъ лицъ такъ, какъ это велитъ законъ. Но чтобы охранять какія-то права и наказывать за нарушеніе ихъ, — надо, чтобы государство само не нарушало ихъ и во всемъ поступало по праву. Ну, а теперь война, въ которой побѣдитъ не правый, а болѣе сильный. Значитъ, въ наше время о правѣ и говорить не приходится.

Профессоръ усмѣхнулся.

— Ахъ, ты философъ этакій... Впрочемъ, твои слова меня не касаются: я — теоретикъ, ученый; а ты говоришь объ юридической практикѣ. Если хочешь, пойди къ Тиверіадскому и скажи ему, что на время войны слѣдуетъ закрыть всѣ суды.

— Ахъ, папа, ты всегда со своими шутками... Вѣдь, это ужасно. Мнѣ иногда кажется, что всѣ кругомъ сошли съ ума. Ты только вообрази: гдѣ-то на поляхъ сошлись ты-

сячи молодыхъ, свѣжихъ жизней, чтобы убивать другъ друга... Это ужаснѣе кошмара. Зачѣмъ тогда представляться культурными, гуманными, говорить о цѣнности человѣческой личности, возмущаться всякимъ убійствомъ, если каждый изъ насъ въ одинъ прекрасный день можетъ подвергнуться точно такой же участи.

— Мы не начинали. Мы защищаемся именно во имя человѣчности и всего свѣтлаго, — спокойно отвѣтилъ Калмыковъ.

— Знаю. Но развѣ это не насмѣшка — защищать лучшіе идеалы силой и кровопролитіемъ?

Калмыковъ медленно допилъ стаканъ и отвѣтилъ:

— Увѣряю васъ, что уходящіе на войну больше всего думаютъ о томъ, что идутъ умирать, чѣмъ о томъ, что станутъ убійцами.

— И это знаю. Но, право, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше запутываюсь... Я, кажется, ужъ ничего-ничего не понимаю...

— И понимать не слѣдуетъ, — вставилъ отецъ. — Приходится мириться съ настоящимъ и вѣрить, что настанутъ лучшія времена, когда люди научатся рѣшать свои споры иначе.

— Только мы-то этого не увидимъ, — вздохнула Катя и задумалась.

Профессоръ посидѣлъ еще немного, разсѣянно барабаня по столу пальцами, потомъ всталъ и сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Въ меня, старика, извините: пойду къ себѣ заниматься.

На порогѣ онъ остановился и прибавилъ съ мечтательной, немного застѣнчивой улыбкой:

— А я пишу статью о томъ, что въ Америкѣ вводятъ судъ присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ. Это очень важное нововведеніе...

IV.

Въ семьѣ Кострицыныхъ о Кашкинѣ не говорили.

Профессоръ вообще рѣдко вспоминалъ знакомыхъ, а Марія Константиновна молчала изъ деликатности. Катя съ усиліемъ и не сразу разсказала ей о предложеніи Кашкина. И видно было, что ни вспоминать, ни думать о немъ ей не хотѣлось.

А между тѣмъ въ рѣдкія минуты, когда забывалась война, — въ катиной душѣ рождалась смутная, тяжелая тревога. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Деликатность матери трогала Катю; но было бы легче поговорить по душѣ, разсказать что и ей недаромъ прошла эта минута, что жаль ей Кашкина, но еще больше жаль себя. А главное — жить хочется. Но трудно было самой заговорить объ этомъ, даже съ матерью. И Катя мучилась странной застѣнчивостью, которая нападала на нее всякій разъ, когда дѣло шло объ ея внутреннемъ мірѣ.

Съ другой стороны, она скоро устала отъ долгаго нервнаго напряженія, отъ газетъ, отъ всѣхъ своихъ мыслей. Не прошло и мѣсяца со дня объявленія войны, какъ на Катю напала странная апатія, точно вся ея душа засыпала летаргическимъ сномъ. И отъ этого ей становилось страшно. Хотѣлось встряхнуться, найти себѣ какое нибудь жизненное дѣло.

Но за что взяться, куда пойти? Кострицыны, по обыкновенію, долго оставались на дачѣ. Все кругомъ понемногу пустѣло, все больше томила осенняя тишина.

Собрались уѣзжать и Досѣкины.

Тихимъ, туманнымъ вечеромъ пришла Оля прощаться. Она осунулась и похудѣла за мѣсяцъ войны. Леша давно былъ въ арміи, а Петя — въ Петроградѣ, въ горномъ институтѣ. И Оля одна коротала дни съ матерью, измученной вѣчной тревогой за Лешу.

— Знаешь, — жаловалась она усталымъ голосомъ. — Мы часто сами не свои: засмѣешься и вдругъ подумаешь, что въ эту самую минуту Лешу могли убить, или ранить. Хорошо, что въ школѣ начались занятія: за работой забываешь себя.

— Вотъ и я ничего не дѣлаю и мучусь отъ тяжелыхъ мыслей.

— А экзамены? — удивленно спросила Оля.

— Все бросила. Теперь противно заниматься. Столько кругомъ горя, а я вдругъ стану копаться въ какой-нибудь методологіи, или еще лучше — гармоніи. А ты что подѣлывала?

— Да вотъ вязала Лешѣ шлемъ и перчатки изъ верблюжьей шерсти. Скоро вѣдь, зима...

— И то дѣло, — отвѣтила Катя задумчиво. — Все-таки у тебя хоть есть о комъ заботиться, хлопотать, помолиться

даже... А у меня въ арміи — ни души. И нѣтъ у меня никакого отношенія къ войнѣ, точно я здѣсь ничья, чужая, какъ случайно заѣхавшая иностранка.

Оля опять удивилась:

— Неужто никого. А Кашкинъ?

— Кашкинъ не считается.

— Развѣ онъ тебѣ не пишетъ?

— Нѣтъ.

— Онъ заходилъ къ намъ передъ отъѣздомъ, — продолжала Оля, ни о чемъ не подозрѣвая. — Такой грустный-грустный... Мнѣ стало его ужасно жаль. Отчего это съ нимъ?

Катя наклонилась и стала перевязывать шнурки отъ своихъ туфель, чтобы Оля не видѣла ея лица.

— Гдѣ теперь Леша? — спросила она неожиданно.

— Гдѣ-то въ Люблинской губерніи. Пишетъ, что ужасно усталъ, потому что восемь сутокъ былъ бой, и онъ все сидѣлъ на наблюдательномъ пунктѣ. Все время, говоритъ, клевалъ носомъ... Да и погода тамъ ужасная. Ночью, пишетъ, промокнешь до нитки, а днемъ — высушитъ солнышко.

— И что же, здоровъ?

— Здоровъ.

Катя задумалась.

— Какой это ужасъ, — сказала она тихо: — ночью поливаетъ дождь, а днемъ сушитъ солнце... Знаешь, Оля, мнѣ иногда ужасно стыдно, что они отказываютъ себѣ во всемъ, живутъ, какъ дикари, и еще каждую минуту рискуютъ жизнью. А мы — сидимъ себѣ дома и даже веселимся. Развѣ это справедливо?

— Конечно, нѣтъ! Но что же дѣлать? Мы — женщины.

— Ахъ, нѣтъ, это не такъ просто, — продолжала Катя, волнуясь. — Они не для себя страдаютъ, — они насъ защищаютъ, за насъ мучатся. Понимаешь, за всѣхъ оставшихся — за тебя, за маму, за меня... И если въ Россіи сто семьдесятъ милліоновъ жителей, а войскъ милліоновъ десять — на каждыхъ семнадцать человѣкъ страдаетъ одинъ. И почему именно страдаетъ онъ, а не мы. Можетъ быть, я, напримѣръ, вовсе не хочу, чтобы за меня кто-то страдалъ: мнѣ было бы куда легче страдать самой, чѣмъ принимать такую жертву по привилегіи быть женщиной, барышней, бѣлоручкой.

— И совсѣмъ ты не бѣлоручка. Ты всегда работаешь. Теперь вотъ перестала — и полѣзли въ голову съ непривычки разныя мысли.

— Да, но работа моя — эгоистическая, — продолжала Катя нервно. — Теперь надо искать работы жизненной. А для нея я не гожусь.

— Отлично годишься.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, запишись въ лазаретъ на дежурства.

— Что же я тамъ буду дѣлать? Я никогда не ходила за больными, — призналась Катя, краснѣя.

— То, что и всѣ. Я дежурю два раза въ недѣлю сначала въ перевязочной, потомъ въ палатахъ. И это совѣмъ не трудно

— Ну, такъ и я запишусь, какъ только переѣдемъ въ городъ, — рѣшила Катя. — А не страшно смотрѣть на раны? — спросила она, помолчавъ.

— Нѣтъ, ничего. У меня нервы здоровые. Вотъ Надя Смирнова недавно оскандалилась: дѣлали солдатику операцію — вынимали осколки кости изъ колѣна и велѣли ей держать ногу. Она держала-держала да и бухъ въ обморокъ. А я ничего: присмотрѣлась. Страшно только тогда, когда операція безъ хлороформа.

— Развѣ это бываетъ?

— Конечно, если у больного слабое сердце. Есть у насъ одинъ раненый. Осколокъ шрапнели вошелъ ему возлѣ уха, пробилъ верхнюю челюсть, задѣлъ глазъ и застрялъ возлѣ переносицы. Рана ужасная, съ нагноеніемъ. Такъ вотъ пришлось ему вылущить глазъ, потому что иначе онъ совсѣмъ бы ослѣпъ. Его нельзя было хлороформировать, и онъ такъ страдалъ, что даже у доктора дрожали руки.

Катя слушала съ ужасомъ. Но ей доставляло странное наслажденіе терзать себя такими подробностями. У нея холодѣли руки, билось сердце. А Оля, не замѣчая, продолжала ровнымъ голосомъ;

— Ты только не разсказывай мамѣ, потому что это заразительно: я недавно ухаживала за столбнячнымъ.

— Столбнячнымъ! Это что же? Параличъ?

— Нѣтъ, это — особая болѣзнь. Если раненый долго лежитъ не перевязанный, въ его рану могутъ попасть бациллы столбняка. И вотъ его начинаетъ сводить ужасными судорогами. Понимаешь, позвоночный столбъ выгибается со страшной болью, а голову сводитъ назадъ, такъ что больной опирается на затылокъ и ноги... Если бъ ты только видѣла это искаженное мукой лицо, надувшіяся жилы, закатившіеся глаза, сведенныя руки... Господи, Катя, что съ тобой?

Катя поднялась съ мѣста, поблѣднѣвъ, со сжавшимся отъ тошноты горломъ.

— Перестань, — сказала она, задыхаясь. — Видишь: не могу... Не гожусь я въ сестры милосердія, — прибавила она съ кривой усмѣшкой.

Подали чай. Принесли вечернія телеграммы. Вся семья читала ихъ надъ картой, утыканной флажками. Оля, какъ дочь и сестра военнаго, многое имъ объясняла. Говорили о раненыхъ, о сборахъ въ пользу Краснаго Креста. Тутъ Оля вспомнила о данномъ ей порученіи.

— А я къ тебѣ, Катя, не только прощаться. Въ паркѣ устраиваютъ концертъ въ пользу раненыхъ, и меня просили узнать, согласна ли ты участвовать. Если согласна, къ тебѣ заѣдетъ распорядитель.

— Господи, вотъ выдумали! Кому теперь до музыки.

— Такъ это въ пользу раненыхъ. Пожалуйста, не отказывайся. Ты жаловалась, что нѣтъ тебѣ подходящаго дѣла. А вотъ-какъ разъ и нашлось.

— Нашлось-то нашлось... Но какъ теперь подойти къ роялю? Неужели нельзя устроить сборъ безъ концерта.

Оля подошла къ ней, взяла ее за плечи и сказала съ шутливой строгостью:

— Вотъ тебѣ, Катюша, совѣтъ: не прислушивайся такъ къ своимъ нервамъ. И тебѣ будетъ легче, и другимъ. Значитъ, рѣшено: ты будешь пѣть.

— Вовсе не рѣшено. Мой репертуаръ теперь совсѣмъ не годится.

— Ну, разучи что-нибудь. А на бисъ — все сойдетъ.

И какъ-то помимо Кати, рѣшилось ея участіе въ концертѣ. На столбахъ появились афиши, въ хроникѣ — замѣтки. И всюду упоминалась катина фамилія. Катя видѣла ее и удивлялась своему равнодушію. Прежде всякое выступленіе тревожило ее жуткой радостью, заставляло не спать, волноваться. Теперь она читала свою фамилію, какъ чье-то чужое незнакомое имя, и холодно и безразлично было у нея на душѣ.

„Состарилась я для радости“, думала она, грустно улыбаясь.

Одно волновало ее: что пѣть. Для колоратурнаго сопрано не было ни подходящихъ словъ, ни мелодій.

Наступилъ день концерта. Съ утра было жарко, солнечно. Катя встала съ головной болью. Ей приснился Кашкинъ, котораго мучилъ столбнякъ. И будто заболѣлъ онъ

по винѣ Кати, которая не перевязала ему во время раны. Морщась, Катя выпила кофе и пошла въ садъ.

Въ саду было по-осеннему ярко и солнечно. Дикій виноградъ качался пурпуровыми сѣтями въ просвѣтахъ бесѣдки. Растрепанныя астры буйно росли на грядкахъ, перегибаясь на дернъ, точно имъ было тѣсно. Катя сорвала одну, бѣлую, съ зеленоватой серединой, и прижалась лицомъ къ ея свѣжимъ, влажнымъ лепесткамъ. Они пахли молодой травкой, росой и еще чѣмъ-то грустнымъ и нѣжнымъ, какъ всѣ осенніе цвѣты. Катя обошла газонъ, машинально стряхивая съ елочекъ мелкія стекляшки росы, и присѣла на скамеечку. Думала она о Кашкинѣ съ какой-то ласковой, хрустальной грустью.

Бронзовый ирландскій сеттеръ подошелъ и положилъ ей голову на колѣни.

— Что тебѣ, Гвидонушка?

Собака, слегка повизгивая, умно и грустно посмотрѣла ей въ глаза.

— Ну, что тебѣ?

И снова понеслись предъ глазами невеселые образы...

Но собака не отставала. Ей хотѣлось въ поле погонять мышей и птицъ. Она тихонько повизгивала и тянула катино платье.

— Ну, что же пойдемъ!

Въ полѣ было пустынно и ярко. Бурое ржище щетинилось по взгорьямъ; чернѣли полосы озимой запашки; по межамъ кое-гдѣ краснѣли головки чертополоха.

Сеттеръ, закинувъ голову, гонялъ по полю, пугая сусликовъ и стрижей. Въ воздухѣ плавали мотки паутины, точно чьи-то сѣдые волосы.

Катѣ, противъ воли рисовался Кашкинъ, раненый, забытый на полѣ, умирающій. И былъ онъ какой-то другой, не похожій на прежняго Кашкина. Лицо какъ будто и то; но выраженіе новое — умное, одухотворенное, котораго Катя никогда не замѣчала у него до войны.

— Больше сія любви никто же имать, да кто душу положитъ за други своя, — звучалъ въ ея душѣ древній голосъ Евангелія.

А другой голосъ, спокойный и насмѣшливый, перебивалъ:

— Развѣ война похожа на евангельскую любовь? До боя въ походѣ живутъ самой обыкновенной, будничной жизнью; пьютъ, ѣдятъ, думаютъ о ночлегѣ, объ орденахъ. А въ бою — либо трусятъ, либо звѣрѣютъ. И зачѣмъ это я думаю о Каш-

кинѣ. Развѣ онъ стоитъ вниманія. Сѣренькій герой сѣренькой жизни... Впрочемъ, много ли ея, на свѣтѣ, этой яркой могучей красоты!..

Вдали тугой, блестящей паутиной убѣгали отъ столба къ столбу телеграфные провода. На нихъ сидѣли какія-то птички, собиравшіяся стайками предъ отлетомъ. А провода гудѣли низко и таинственно, словно встревоженные тѣми вѣстями, что передавали по нимъ люди. Выбрасывая бѣлые хлопья дыма, изъ-за лѣса показался поѣздъ. Онъ пробѣгалъ полями, словно кирпично-красная гусеница съ глянцевитой черной головкой, ловко извиваясь на поворотахъ.

Гвидонъ съ оглушительнымъ лаемъ бросился къ шлагбауму. За нимъ поспѣшила и Катя. На поворотѣ поѣздъ замедлилъ ходъ, — и съ затихающимъ грохотомъ побѣжали мимо Кати товарные вагоны. Она не замѣтила, какъ волна воздуха сорвала съ ея головы шарфъ, какъ вѣтеръ сталъ трепать ея волосы: въ вагонахъ ѣхали солдаты. Обрывки пѣсни захлестнули ее на мгновеніе, рѣзко и фальшиво ударили звуки гармоники... Она ихъ не слышала. Она только видѣла людей, уносившихся навстрѣчу смерти — и болью и ужасомъ наполнилась ея душа. Такъ вотъ она, жизнь... Невольно набѣжали на глаза слезы, невольно протянулись руки къ убѣгающимъ вагонамъ. Нѣсколько человѣкъ замѣтили ее, закричали что-то въ отвѣтъ... Но ихъ слова унесъ вѣтеръ...

Обратно Катя шла, какъ во снѣ, торопливой, неровной походкой. А изъ-за лѣса, вслѣдъ за пробѣжавшимъ поѣздомъ, выходила тяжелая, синяя туча, смутно вздрагивая отъ золотистой молніи. Приближалась послѣдняя августовская гроза.

Катя вернулась благополучно. Но только поднялась она на веранду, — буйный порывъ вѣтра согнулъ вершину крайняго тополя въ саду; онъ задрожалъ, засеребрился перевернутыми листьями, наклонился къ сосѣду, и скоро вся аллея наполнилась тревожнымъ, гудящимъ шорохомъ. Деревья сходились вершинами, что-то шептали другъ другу и качали головами испуганно и сердито.

V.

Вечеромъ было сыро. Но радостно синѣли лужи на дорогѣ; влажный, острый вѣтеръ обвѣвалъ лицо, на закатѣ золотились тучи. Катя ѣхала въ автомобилѣ, жадно глотая

воздухъ и наслаждаясь запахомъ листвы, шорохомъ шинъ и быстрымъ движеніемъ.

Но вотъ и паркъ съ длиннымъ, дощатымъ зданіемъ дачнаго театра.

— Скверная погода для дачныхъ развлеченій, — говорилъ Катѣ сопровождавшій ее студентъ-распорядитель. — Собственно говоря, сезонъ кончился, и только цѣль концерта дѣлаетъ сборъ... Сюда, сюда пожалуйте... Намъ вѣдь за кулисы.

Спотыкаясь по какимъ-то доскамъ и ступенькамъ, Катя добралась до уборной, гдѣ ужъ собралась самая разнокалиберная компанія. Тамара въ платьѣ цвѣта танго, старая, похожая на филина генеральша, какой-то журналистъ, сѣденькій скрипачъ съ волосами, какъ у псаломщика, два-три актера и нѣсколько растрепанныхъ молодыхъ людей типа экстерновъ изъ провинціальной гимназіи.

Генеральша пыхтѣла папироской и говорила басомъ:

— Удивляюсь здѣшней публикѣ. Даже одѣться не умѣютъ по-человѣчески: Тиверіадская вырядилась, какъ какая-нибудь шансонетка, или еще хуже... А мужчины — кто въ пиджакѣ, кто въ косовороткѣ... То ли дѣло у насъ въ Павловскѣ!

Скрипачъ жадно набросился на пирожныя. Тамара, играя глазами, наливала актерамъ чай. А распорядители бѣгали какъ угорѣлые.

— Значитъ, сейчасъ рефератъ, потомъ скрипка, потомъ монологъ Минина, потомъ стихи... Тьфу, чортъ — опять перепуталъ, — бормоталъ старичекъ-учитель, первый разъ въ жизни попавшій въ отвѣтственные распорядители. — Господа, помогите! Скажите, что послѣ Минина?

— Послѣ Минина поетъ Каялова, потомъ стихи, потомъ хоръ, — жеманно объясняла Тамара. — Знаете, Алексѣй Ивановичъ, лучше мнѣ сегодня не пѣть: у меня горло распухло отъ сырости.

— Сойдетъ, сойдетъ, голубушка, — разсѣянно бормоталъ учитель. — Митя, пойди, узнай, поѣхали ли за Каяловой.

Студентъ летѣлъ справиться, и въ раскрытыя двери доносился голосъ читавшаго рефератъ журналиста. Онъ что-то выкрикивалъ о германскомъ засиліи, звалъ кому-то поклониться до земли. И отъ его крикливаго паѳоса вѣяло чѣмъ-то плоскимъ и заѣзженнымъ.

— Бѣда, Катенька, съ этими артистками, — охалъ учи-

тель, торопливо глотая горячій чай. — Такія капризницы, такія фокусницы! Поѣхали за Каяловой въ открытомъ автомобилѣ, а она и уперлась: не поѣду, говоритъ, въ открытомъ потому что прическа испортится... Одна вы у меня — умница. Только надолго ли!

— Конечно, навсегда, Алексѣй Ивановичъ.

— Ннуу... не говорите. Прославитесь — и смотрѣть на насъ не захотите.

И старичекъ снова срывался съ мѣста, вспомнивъ какую-нибудь мелочь.

Катя съ улыбкой смотрѣла ему вслѣдъ.

„Славный старикъ, — думала она. — Настоящій восторженный словесникъ. Бранилъ все русское, восхищался нѣмцами. А пришла бѣда — первый бросился помогать".

Въ ожиданіи Каяловой, генеральша старательно перемывала ей косточки. Катя слушала, еле скрывая отвращеніе, и наконецъ, встала.

— Пойду, послушаю рефератъ, — сказала она распорядителю.

„Какое ей дѣло до ея средствъ, до жизни, — думала она брезгливо. — Убѣжать бы отъ этой компаніи..."

Катѣ хотѣлось остаться хоть на минуту одной, помолчать, собраться съ мыслями. Но и здѣсь, за картоннымъ кустомъ, къ ней подсѣлъ племянникъ той же генеральши.

— Какъ сборъ? — спросила Катя.

— Великолѣпный. Всѣ билеты проданы. Кромѣ того — бенефиціи, программы, цвѣты... Ma tante опустошила свой цвѣтникъ и оранжерею. A propos, вы слышали, что произошло съ Тамарой?

— Нѣтъ.

— Она продавала цвѣты. Подходитъ старый Лукошниковъ и даетъ за розу три золотыхъ. Она благодаритъ. А онъ ей на это: — „Если бы вы меня поцѣловали, — я бы вамъ и „катеринку" отвалилъ". — Дѣвица, конечно, на дыбы. Mais, entre nuos soit dis, еще вопросъ, какъ бы она отвѣтила безъ свидѣтелей.

— Когда мой выходъ? — перебила Катя.

— О, еще не скоро: во второмъ отдѣленіи. On vous garde pour la bonne bouche. Заранѣе поздравляю съ успѣхомъ. Вы сегодня очаровательны. Этотъ туалетъ, эти аквамарины... Совсѣмъ Раутенделейнъ изъ „Потонувшаго колокола".

Катя нервно кусала кончикъ платка. О, какъ она ненавидѣла эту напомаженную голову, съ проборомъ до шеи, эту картавую рѣчь...

А на сценѣ все звучалъ крикливый голосъ референта, все шипѣли керосино-калильныя горѣлки... И каѳедра, поставленная на фонѣ лѣсной декораціи, казалась взятой изъ „Вампуки“.

Вечеръ затягивался. На сценѣ смѣнялись пѣвцы, актеры и просто любители. Катю угощали, смѣшили. Но было ей скучно и странно. Къ обычной тоскѣ отъ провинціальныхъ разговоровъ примѣшивалось новое, тяжелое чувство. Все, что читалось, пѣлось и говорилось на сценѣ — казалось ей ненужнымъ, фальшивымъ и искусственнымъ, какъ декораціи со стороны кулисъ. И было стыдно и за себя, и за людей, которые обманываютъ себя, и публику.

Съ холоднымъ сердцемъ спѣла Катя два романса и уѣхала домой грустная и разстроенная.

„Какъ быстро я измѣнилась, — думала она, лежа въ постели. — Точно разомъ открылись глаза. Но почему раньше я не замѣчала условности сцены... И чѣмъ жить, если и искусство обманетъ“.

И казалось Катѣ, что пока она пѣла, гдѣ-то шли бои и умирали люди. И отъ этой мысли еще сильнѣе чувствовалось, какъ далеко ушелъ театръ отъ подлинной жизни, какъ трудно повѣрить его надуманной правдѣ предъ лицомъ жизни и смерти.

Катя съ ужасомъ видѣла, какъ расшатывается все манившее ее къ жизни, — все, что казалось ей лучшимъ и цѣннымъ. Страшно и тяжело было ей въ эту ночь.

Потомъ появились рецензіи о концертѣ, и Катя снова воспрянула духомъ. И снова показалось ей, что ея дѣло — нужное и жизненное. И чѣмъ свѣтлѣе становилось у нея на душѣ, тѣмъ война казалась тусклѣе и обыденнѣе. Катя читала первыя корреспонденціи и первые разсказы на военныя темы и удивлялась, какъ это можно писать такъ фальшиво, слащаво и напыщенно. Война казалась ей долгимъ рядомъ тяжелыхъ будней, а не романтической феерiей, полной красивыхъ позъ.

„Собственно говоря, — думала она, храбрость похожа на опьянѣніе, на азартъ, или экстазъ, когда люди ни въ чемъ не отдаютъ себѣ отчета. И чему тутъ поклоняться! Ужъ если поклоняться, такъ другому: сознательному отреченію отъ

себя, готовности умереть за идею. Но, если такъ, — война — подвигъ для очень немногихъ, для тѣхъ, кто идетъ добровольно, по зову души, а не по призыву, и для тѣхъ, кто привыкъ къ довольству и лишаетъ себя привычной обстановки, обрекаетъ себя на голодъ и холодъ, и лишенія... Но зато, какъ имъ, вѣрно, хорошо отъ мысли. что никто за нихъ не рискуетъ собой, не страдаетъ, не лишается чего-то! — думала Катя съ тоскою. — Хуже всего сидѣть теперь дома, сложа руки, и мучиться своимъ бездѣліемъ и безполезностью".

Потомъ ей приходилъ въ голову Кашкинъ, и ей казалось, что, несмотря на усталость и всѣ лишенія, на душѣ у него хорошо и ясно отъ сознанія исполненнаго долга.

„Счастливецъ Кашкинъ, — думала она. — Онъ никому ничѣмъ не обязанъ".

— А что, если его убьютъ? — тотчасъ приходило ей в голову.

И снова становилось тяжело.

— Зачѣмъ я выдумала передѣлывать его на свой ладъ, — упрекала она себя. — Какъ это мнѣ не пришло въ голову, что онъ можетъ меня полюбить? Вотъ, всегда осуждала кокетство, а сама измучила его хуже всякой кокетки. Глупая я, глупая.

И жалость къ Кашкину, и мысль, что надо какъ-нибудь искупить свою вину не давала ей покоя.

А время шло, и Катя все больше отвыкала отъ Кашкина. Забывались его черты, выраженіе, манеры. И понемногу воображеніе, дополняя пробѣлы памяти, создавало вмѣсто настоящаго новое, другое лицо. Катина душа шла тѣми темными путями, какими народъ творитъ свои легенды. Кашкинъ, былъ далеко, и Катя смотрѣла на него, точно онъ давно жилъ и давно умеръ: новыя черты все больше заслоняли настоящія, и изъ живого человѣка выросталъ образъ, созданный ея душой.

Вспоминалась ей его трогательная любовь къ матери, вѣчная забота о томъ, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась, чтобы старость ея протекала тихо и спокойно. Вспоминалась его отзывчивость на чужое горе, скромность и искренность. И чудилось ей, что много непочатой сердечной чуткости было въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ и что эта чуткая стыдливость заставляла его таить въ себѣ все хорошее и считать себя хуже другихъ. И правдой, простой, народной прав-

дой вѣяло на Катю отъ этого новаго Кашкина, просвѣтленнаго страданіемъ и близостью смерти.

И съ душевной болью вспоминала Катя свою вѣчную погоню за блескомъ и красотой жизни, свой эгоизмъ и жажду славы. Пѣла она неохотно и все больше русскихъ композиторовъ. Противны стали ей стихи, романсы, и книги модныхъ авторовъ, ищущихъ только красивыхъ словъ и созвучій. Опера стала оскорблять ее своей сусальной народностью, а драма — игрой артистовъ, которые говорятъ и движутся такъ, какъ никогда не говорятъ и не движутся въ жизни. И странно-странно чувствовала она себя.

Она все чаще уходила въ поле, къ рельсамъ желѣзной дороги. Мимо нея проносились воинскіе поѣзда, а навстрѣчу имъ шли другіе, — санитарные... Она смотрѣла на нихъ, и ей доставляло безконечную радость мучить себя. И она дѣйствительно мучилась все наростающей тоской, болью и нѣжностью, которую не на кого было излить. Она старалась представить себѣ всѣ страданія раненыхъ, всю горечь и тревогу близкихъ, отправляющихъ на войну своихъ отцовъ, братьевъ, сыновей. Ей хотѣлось перестрадать душой чужое горе и пріобщиться къ нему. Но армія попрежнему оставалась для нея невѣдомой, тысячеликой массой, гдѣ знала она и помнила чуть ли не одного Кашкина. И понемногу мысль о немъ все больнѣй ударяла по сердцу.

Какъ-то Катя встрѣтила его мать. Она шла съ базара съ проволочной корзиночкой и какимъ-то узелкомъ, похожая на богомолку въ своей черной тальмѣ и шляпкѣ съ длинными завязками. Катя подошла къ ней первая и, краснѣя, спросила о здоровьѣ.

Кашкина недовѣрчиво и удивленно оглядѣла Катю, еле кланявшуюся ей прежде.

— Что мнѣ дѣлается! Живу помаленьку. Пора вотъ въ городъ...

— Да... Тяжело вамъ, вѣрно, въ одиночествѣ?

— Мнѣ скучать некогда. Да и чего?

— А сынъ вашъ? Онъ на войнѣ, вѣдь?

— А какъ же? Пока Богъ милуетъ.

— Я и хотѣла сказать, что тяжело вамъ, какъ матери.

— Про то знаемъ мы, старухи, — отвѣтила Кашкина степенно. — Да что же дѣлать! Кому судьба — тотъ и дома умретъ.

„Какъ она странно смотритъ на меня, — подумала Катя,

отходя. — Неужто онъ разсказалъ ей все. Нѣтъ, не можетъ быть... Но какъ она спокойно говоритъ о сынѣ. И какъ ему вѣрно, было тяжело уѣзжать, видя такое равнодушіе".

И не знала Катя, что эта же мать, благословивъ сына и попрощавшись съ нимъ, цѣлую ночь простояла на молитвѣ, а потомъ просидѣла до заката на пустынномъ лѣсномъ полустанкѣ, чтобы хоть разочекъ кивнуть ему въ окно проходящаго поѣзда.

А время шло, и все сильнѣй хотѣлось ей загладить прошлое. Хотѣлось написать Кашкину, хотѣлось сказать, что жива въ ней душа живая, что открылись ея глаза, что изстрадалось сердце.

VI.

Холоднымъ, сизымъ днемъ, прислушиваясь къ гулкимъ и по-зимнему звонкимъ свисткамъ локомотивовъ, писала Катя Кашкину свое первое настоящее письмо.

„Простите меня, — начала она нервнымъ, неровнымъ почеркомъ, — что пишу вамъ безъ заголовка. Но, знаете, бываютъ минуты, когда всѣ обычныя обращенія кажутся ненужными. А написать иначе, какъ душа велитъ — не подымаются руки послѣ нашей послѣдней встрѣчи.

Помните, я сказала вамъ, что жду полной, настоящей жизни. Но какъ я плохо знала тогда, что такое настоящая жизнь! Недавно это было, но за это время все измѣнилось, и я стала другой. Точно гроза прошла по душѣ, очистила, освѣжила ее.

Прежде я жила умомъ да художественными восторгами. Теперь научилась жить сердцемъ, состраданіемъ, взглянула на себя — и ужаснулась.

Что, въ сущности, это сценическое искусство, которому я отдавала жизнь?! Вѣдь оно — только для богатыхъ, праздныхъ и счастливыхъ и безъ него своею жизнью. И все на сценѣ — ложь, все условность. Говорятъ, что искусство безсмертно. Можетъ быть. Но только не наше, актерское. Какъ бы я ни пѣла и ни играла, — мое искусство умретъ со мною. И никому не будетъ нужна ни жизнь моя, ни мой талантъ.

Все это я поняла и перечувствовала съ глубокой душевной болью. И теперь я знаю одно: я — лишняя, никому на свѣтѣ не нужная. Рухнуло все, что казалось мнѣ цѣннымъ жизнь идетъ мимо, а я — за ея бортомъ. Хорошо только то

что я еще молода, что еще не поздно пойти по другому пути, найти себѣ въ жизни мѣсто и работу. И еще хорошо, что я нашла правду и честно гляжу ей въ лицо.

Помните безконечные споры о театрѣ, о символизмѣ, футуризмѣ, которыми я такъ недавно увлекалась? Странно думать, что можно было ими жить и чувствовать себя удовлетворенной.

Вотъ я пишу вамъ, а гдѣ-то возлѣ васъ и, можетъ быть, вы сами идете сейчасъ умирать за родину, за всѣхъ насъ оставшихся — слѣдовательно и за меня, ненужную... И не только умирать: пожалуй, на войнѣ страшнѣе сраженій — эта звѣриная, первобытная жизнь, когда люди на цѣлые годы отказываютъ себѣ во всемъ привычномъ, терпятъ голодъ, холодъ, изнуряютъ себя безсонными ночами, долгими переходами и видятъ все то, при мысли о чемъ холодѣешь отъ ужаса и отвращенія. И — ни жалобы, ни тѣни рисовки. Господи, да будь я на вашемъ мѣстѣ, — какъ бы я любовалась собой, какимъ ореоломъ мученичества не окружала бы себя! А вы, солдаты, и не думаете объ этомъ. О, насколько я хуже, извращеннѣе васъ душой!

И вы, Семенъ Семенычъ, — вы, котораго я считала такимъ некрасочнымъ и обыкновеннымъ, — вы теперь лучше и выше меня. А я сдѣлала вамъ больно, очень больно своимъ эгоизмомъ и погоней за внѣшнею красивостью жизни.

Стою я теперь на перепутьѣ и не знаю, куда идти. Но вернуться къ прежнему — невозможно. Душа гонитъ впередъ, велитъ начать что-то новое, нужное. Что именно — я еще не знаю, но вѣрю, что и для меня найдется путь нужный и полезный.

Тогда приду къ вамъ, попрошу прощенія и скажу еще многое, о чемъ пока говорить не время... А пока прощайте и дай вамъ Богъ силъ и мужества въ вашемъ святомъ, великомъ дѣлѣ".

Катя дописала письмо со свѣтлымъ, спокойнымъ лицомъ. Наконецъ вырвалась изъ души исповѣдь, которая одна могла ее облегчить. Она собрала исписанные листки, вложила ихъ въ конвертъ и только теперь сообразила, что не знаетъ кашинскаго адреса.

„Пойду, спрошу у его матери. Пусть осудитъ, если хочетъ", — подумала Катя и, засунувъ готовое письмо въ сумочку, вышла на улицу.

Калитка кашкинской дачи была открыта. Изъ кухни вы-

глянула босоногая прислуга-дѣвочка, какая-то старушка торопливо шмыгнула въ ворота...

Не террасѣ было пусто. Валялись какіе-то пузырьки да пустыя коробки. Видно было, что въ домѣ собираются уѣзжать. Катя простояла минуту-другую, но никто не показывался. Тогда она несмѣло толкнула дверь. Въ комнатѣ тоже было пусто и сорно, стояли завязанные чемоданы да пара колченогихъ табуретовъ. А у окна, на садовой скамейкѣ, сидѣла Кашкина въ верхней кофтѣ и платкѣ. Она, молча, подняла на Катю разсѣянные выцвѣтшіе глаза.

— Здравствуйте, — сказала Катя, переступая порогъ.

Старуха молчала.

— Простите, я, кажется, помѣшала, — прибавила Катя смущенно.

— Вы ко мнѣ? — спросила Кашкина, очнувшись.

— Да... Я на минутку. Я хотѣла узнать адресъ Семена Семеновича.

— Адресъ? — переспросила мать и опустила голову. — Поздно, барышня: убитъ мой Сенечка... Ничего ему больше не надо — ни писемъ, ни людей...

Что-то тонко и протяжно зазвенѣло въ катиныхъ ушахъ. Комната сдвинулась куда-то влѣво, что-то сдавило горло и обдало холодомъ руки, лицо... Блѣднѣя, Катя опустилась на табуретку и долго не могла ничего сказать.

— Такъ-то, барышня... Я, старуха, живу... А онъ...

И еще ниже опустилась сѣдая голова съ такимъ глубокимъ, съ такимъ безысходнымъ отчаяніемъ, что Катѣ стало жутко.

— Когда же?.. Кто вамъ сказалъ? — спросила она, не узнавая собственнаго голоса.

— Да вотъ письмо. Привезъ денщикъ капитана Чекменева. Прочитайте.

Листокъ былъ грязный, буквы размазаны, вѣрно отъ слезъ. И съ трудомъ можно было разобрать слова, написанныя лиловымъ химическимъ карандашомъ:

„Съ тяжелымъ сердцемъ пишу вамъ, многоуважаемая Анна Лукинична, — читала Катя. — Прокопенко на словахъ сообщитъ вамъ тяжелую вѣсть. Но мнѣ хочется прибавить отъ себя нѣсколько строкъ.

Все послѣднее время мы прожили съ вашимъ сыномъ вмѣстѣ. Вмѣстѣ ночевали, обѣдали. Вмѣстѣ пошли и въ ту атаку, изъ которой онъ не вернулся. Передъ боемъ онъ былъ

задумчивъ, но спокоенъ и нѣсколько разъ просилъ передать вамъ свой привѣтъ и просьбу не горевать, если его убьютъ.

Намъ поручили выбить изъ деревушки два батальона австрійцевъ. Пока артиллерія подготовляла атаку, мы сидѣли съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсу. И вдругъ Сеня говоритъ мнѣ:

— Знаешь, Митя, какъ хорошо мнѣ вдругъ стало. Понимаешь, сколько лѣтъ прослужили мы съ тобой въ полку, и никому наша служба не была нужна. Доктора, напримѣръ, лѣчили, учителя — учили. А мы все стояли, точно какой-то резервъ на случай бѣды. А вотъ сегодня мы съ тобой тоже пригодились, стали нужными. Ужасно хорошо хоть разъ въ жизни пригодиться...

Я, каюсь, разсердился на него за эти слова: что это, думаю, онъ ударился въ философію. А потомъ, какъ вспомнилъ ихъ послѣ боя, — такъ мнѣ стало его жаль, что и не передать. Хорошая у него была душа, — чистая, прямая".

Буквы расползались предъ катиными глазами, и каждое слово жгло ея душу, какъ раскаленное желѣзо.

Катя выронила письмо, закрыла лицо руками и, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Она не помнила, какъ вернулась домой, какъ пробралась къ себѣ. И вдругъ рухнула на постель, вся содрогаясь отъ тяжелыхъ, безысходныхъ рыданій.

Зинаида Тулубъ.

ИЗЪ ЦИКЛА „АЛТАЙ“.

КАТУНЬ[1]).

Царица рѣкъ, въ немеркнущей коронѣ,
Рожденная невѣдомо когда
Въ снѣгахъ вершинъ, въ ихъ непорочномъ лонѣ,
Свѣтла Катунь, быстра ея вода.

Межъ дикихъ скалъ въ несокрушимой бронѣ,
Подъ шумъ лѣсовъ, немолкнущій года,
Летятъ ея безчисленные кони
И отдыха не знаютъ никогда.

Вспѣненные, съ мятущеюся гривой,
То тяжело, то ласково-игриво,
Сбѣжавъ къ степямъ, шумятъ у береговъ.

А тамъ, вверху, тамъ новые родятся,
Вздымаются и прыгаютъ и мчатся
Въ алмазахъ брызгъ и въ пѣнѣ жемчуговъ.

ДОЛИНА.

Богъ окропилъ долину огоньками,
Посѣялъ щедро лиліи на ней.
Остановись! Тайга теперь за нами.
Ночуемъ здѣсь. Разсѣдлывай коней.

---

[1]) Катунь — главная рѣка горнаго Алтая.

Вечерній часъ задумчивъ и прохладенъ,
Серпъ мѣсяца прозраченъ и остеръ,
А даль во мглѣ... Изъ синихъ горныхъ впадинъ
Ползетъ туманъ. Но мы зажжемъ костеръ.

Какъ сладко пахнутъ травы полевыя!
Какъ будетъ тлѣть, пылать огонь въ ночи!
И запоетъ про чудеса былыя
Нашъ проводникъ, пѣвецъ былинъ — кайчи [1]).

Онъ будетъ пѣть и плакать и качаться,
Склоняясь ницъ сѣдою головой,
И станетъ намъ еще живымъ казаться,
Что умерло и поросло травой.

А на разсвѣтѣ вѣтеръ благовонный
Пахнетъ дымкомъ изъ чьихъ-то близкихъ юртъ,
И медленно долиной полусонной
На перевалъ пройдетъ овечій гуртъ.

ВЪ ГЛУШИ.

Чей голосъ тамъ серебряной трубой
Звенитъ, томитъ, тревожитъ даль сѣдую?
Мараль [2]) ли кличетъ самку молодую,
Иль Горный Духъ зоветъ врага на бой?

Какая глушь! На камни встали камни,
И вздыбились утесы на утесъ.
И нѣтъ пути. И всюду мохъ проросъ,
Сухой, какъ пыль, невыразимо давній.

А дальше пропасть грозная чернѣетъ,
Туманами и гарью повита.
Здѣсь каждый мигъ тоской и жутью вѣетъ
И что ни шагъ — заклятая черта.

---

[1]) Кайчи — мѣстное названіе сказителя.
[2]) Мараль — алтайская разновидность оленя.

Я прижимаюсь къ камню головой,
И страшно, мнѣ и холодно, и сиро...
... Быть можетъ, сотворенье міра
Еще, Господь, не кончено Тобой?

Г. Вяткинъ.

ВЪ ВЕЛИКУЮ МИНУТУ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Положеніе сдѣлалось, наконецъ, невыносимымъ.

Не произошло, собственно, никакого важнаго событія или катастрофы; сложилась обыкновенная житейская драма, вся сотканная изъ мелочной озлобленности, мелкаго эгоизма.

Создалось все это очень просто.

Григорій Васильевичъ Шуровъ дослужился до чина капитана одного изъ армейскихъ полковъ столицы, когда ему стукнуло тридцать лѣтъ.

Никакой „блестящей" карьеры онъ не дѣлалъ, да и не заботился о ней.

Онъ „служилъ", какъ служитъ большинство обыкновенныхъ людей, добросовѣстно исполняя свои обязанности, не выскакивая безъ надобности впередъ, не забѣгая передъ начальствомъ.

Скорѣе можно было бы сказать, что онъ нѣсколько тяготился военнымъ режимомъ и охотно ушелъ бы въ деревню, къ себѣ, въ заботы о сельскомъ хозяйствѣ.

Но въ имѣніи сидѣли двѣ старухи, мать его, Софья Андреевна и тетка, сестра матери, Катерина Андреевна.

Въ представленіи этихъ женщинъ Григорій Васильевичъ былъ мальчикомъ, которому, конечно, никакой самостоятельности въ дѣлахъ управленія имѣніемъ предоставлено быть не могло.

Этого мало. „Мальчикъ" долженъ былъ во всемъ поступать по указкѣ старшихъ, во всемъ имъ повиноваться, вплоть до покроя своего платья или стрижки волосъ.

По опыту Григорій Васильевичъ отлично зналъ, что ему не сломить упорства старыхъ женщинъ. Добродушный, не лишенный сверкающаго юмора въ веселыя минуты, онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкихъ столкновеній и оставался подъ

всякими предлогами въ столицѣ, хотя его неоднократно призывали къ родному очагу.

Оставаясь на службѣ, онъ все же былъ независимымъ въ своей личной, хотя и незатѣйливой жизни.

Такъ шло время...

Въ глухую осень на одномъ изъ баловъ офицерскаго собранія Григорій Васильевичъ встрѣтилъ красивую дѣвушку, Нину Александровну.

Только весной она окончила институтъ и съ радостью „выѣзжала" на каждый вечеръ, если къ этому представлялась возможность.

Она безотчетно радовалась и смѣялась.

Избытокъ ея здоровья, искреннее веселье молодости производили чарующее впечатлѣніе.

Нѣжное чувство овладѣло офицеромъ, и власть нѣсколько удивленныхъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ Нины Александровны росла съ каждымъ днемъ.

Григорій Васильевичъ переживалъ мучительное состояніе. Охваченный искреннимъ порывомъ, онъ хотѣлъ бы поступить совершенно опредѣленнымъ образомъ, но онъ предчувствовалъ, что едва ли получитъ согласіе на бракъ со стороны своей матери.

Такъ было уже не разъ.

Во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ Софья Андреевна „знакомилась" съ дѣвушкой, приглянувшейся ея сыну, и „допрашивала" ее, послѣ чего неизмѣнно объявляла, что „невѣста" не годится, что, конечно, онъ воленъ поступать, какъ хочетъ, — теперь уже вѣкъ такой! — но ея, старухи, согласія на этотъ бракъ не будетъ.

Что заставляло ее оттягивать моментъ женитьбы ея сына, сказать трудно, но у нея всегда въ такихъ случаяхъ пробуждалась какая-то глухая ненависть въ дѣвушкѣ, которая могла заслонить собою разъ навсегда ея могучее вліяніе.

На этотъ разъ Григорій Васильевичъ долго колебался, писать ли матери о своемъ намѣреніи или нѣтъ. Однако, кончилъ тѣмъ, что написалъ. Отвѣтъ получился стереотипный, и старуха только спрашивала, когда ей удобнѣе пріѣхать для знакомства.

Онъ хорошо уже зналъ по опыту, что это значитъ...

Тогда, въ отчаяніи, онъ рѣшился на безумный, какъ это ему всегда раньше казалось, поступокъ, — онъ наскоро обвѣнчался и уже post factum извѣстилъ объ этомъ событіи

Сверхъ ожиданія ничего „страшнаго“ не случилось; мать увеличила его жалованье вдвое, но видѣть невѣстки не пожелала... На второй годъ у него родилась дочь; еще черезъ годъ дѣвочка схватила воспаленіе легкихъ.

Доктора прописали „воздухъ“.

Тогда Григорій Васильевичъ вышелъ изъ полка и привезъ молодую женщину съ годовалымъ ребенкомъ къ себѣ въ имѣніе.

Тутъ сразу начались муки Нины Александровны.

Старухи, прожившія свою жизнь далеко не безъ грѣха, были необыкновенно строги къ другимъ, — до ханжества.

Нина Александровна, попавшая изъ душнаго города на деревенскій просторъ, безотчетно всему радовалась, — зеленымъ полямъ, тихому пруду, задумчивому саду; она цѣлые дни проводила на воздухѣ, смѣясь, забавляясь съ ребенкомъ, даже играя съ предоставленной въ ея распоряженіе дѣвушкой въ мячъ.

Эта счастливая беззаботность молодой женщины сразу возбудила подозрительность зловѣщихъ старухъ; когда же вокругъ Нины образовалось цѣлое кольцо поклонниковъ, онѣ заахали.

— Того и гляди женушка муженька украситъ! — злорадно прорицала Софья Андреевна. — Недаромъ у красавицы лобъ блѣдный да блестящій, — такія ненадежны.

— Да и глаза хороши, — поддерживала другая, — горятъ, что лампады и таковы-то блудливы, такъ и стрѣляютъ!

Свекровь тотчасъ же обратила на это обстоятельство вниманіе своего сына.

— Ахъ, мама, — съ неудовольствіемъ отвѣтилъ ей Григорій Васильевичъ, — вы бы не вмѣшивались! Нина — интересная, красивая женщина; что же удивительнаго, если за нею ухаживаютъ, да еще здѣсь, въ нашей глуши, гдѣ и живого-то человѣка не сыскать!..

— Ни-и-чего!.. Ничего удивительнаго и нѣтъ, — отвѣтила значительно Софья Андреевна. — Кто говоритъ!.. А только я упреждаю... какъ бы не случилось чего...

— Ничего случиться не можетъ. Я знаю Нину, ничего дурного она не сдѣлаетъ, не сказавъ мнѣ...

— Не-е сдѣлаетъ? — недовѣрчиво спросила старуха, съ насмѣшкой поглядѣвъ на сына. — Ну что жъ, тѣмъ лучше...

— Конечно, не сдѣлаетъ! Что вы, Богъ съ вами... Да и вообще... я бы хотѣлъ, чтобы вы... не вмѣшивались, — робко, избѣгая смотрѣть на мать, закончилъ онъ.

— Еще бы ты хотѣлъ!.. Кому же пріятно, когда мать да сына своего оберечь хочетъ!.. Но только я тебя упреждаю, — смотрѣть за красавицей буду, какъ ты себѣ хочешь, и если что замѣчу, одно изъ двухъ, — либо я уйду, либо она, — не до скандалу же дѣло доводить!..

И онѣ начали „смотрѣть", начали свой сыскъ, исподтишка, крадучись, выслѣживая каждый шагъ женщины, каждую ея улыбку.

Старухи что называется „поѣдомъ ѣли" молодую женщину и прозвали ее на своемъ жаргонѣ „вертихвосткой".

Онѣ допекали ее тысячами мелочей, которыхъ не учтешь; онѣ поминутно дѣлали ей всевозможныя замѣчанія, съ виду направленныя къ ея же благополучію, но оскорбительныя для самолюбія молодой женщины.

Нина Александровна сначала всему этому только удивлялась, потомъ попробовала бороться, но скоро убѣдилась, что ничего сдѣлать здѣсь не можетъ, — кромѣ безобразныхъ, возмутительныхъ сценъ, унижающихъ достоинство ея и ея мужа, ничего не выходило. Она постаралась замкнуться, страдать молча...

И каждый слѣдующій день все больше и больше сгущалъ спертый воздухъ; съ каждымъ днемъ накипала взаимная злоба, раздраженіе наростало, какъ нарывъ, и рано или поздно должно было прорваться...

Сергѣй Семеновичъ Раделинъ строилъ громадный барскій домъ въ сосѣднемъ имѣніи богатыхъ помѣщиковъ Пасынковыхъ.

Этимъ воспользовались энергичныя старухи и пригласили его построить имъ новую часовенку, взамѣнъ старой, развалившейся.

Сергѣй Семеновичъ пріѣхалъ въ форменной курточкѣ гражданскаго инженера, въ высокихъ сапогахъ, но глаженый воротничекъ его съ оттянутыми кончиками выдѣлялся своей бѣлизной на черномъ бархатѣ тужурки.

Высокій, тонкій, съ быстрыми, нѣсколько отрывистыми движеніями, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе своей несомнѣнной энергіей, которая свѣтилась въ его карихъ гла-

захъ овальнаго разрѣза; длинные черные и мягкіе усы его съ пушистыми концами выгодно оттѣняли бѣлизну красиваго лица и сочныя крѣпкія губы.

— Красавчикъ-то, — кивали старухи въ его сторону при первомъ же его появленіи, — не нашему Гринькѣ чета, соколъ-соколомъ...

Грѣховныя мысли сейчасъ же овладѣли ихъ воображеніемъ, и онѣ рѣшили, въ тайнѣ злорадствуя:

— Поди, какъ завертится вертихвостка-то наша передъ молодчикомъ...

Сергѣй Семеновичъ сразу почувствовалъ ту удушливую атмосферу, въ которой жила молодая женщина.

Онъ пытливо въ нее вглядывался, ожидая увидѣть выраженіе протеста съ ея стороны, проявленіе ея воли.

Однако, онъ долженъ былъ признаться, что царили старухи, что все дѣлалось только сообразно съ ихъ желаніемъ.

Это порабощеніе возмутило его, и не столько нравственное его чувство, прошедшее черезъ сознаніе, сколько его натуру, — прямо и непосредственно.

Къ Григорію Васильевичу онъ сталъ съ первыхъ же шаговъ относиться пренебрежительно, когда увидѣлъ, какъ третировали его старухи, а онъ это допускалъ; но Нина Александровна, съ ея затаенной мукой въ красивыхъ глазахъ, вызывала въ немъ глубокую жалость.

Онъ сталъ ѣздить часто...

Старухи шептались, злорадно сверкая глазками...

Весна разгорѣлась, пышная, богатая, какъ красивая нарядная дѣвушка.

Цвѣло семейство миндальныхъ. Бѣлые лепестки ихъ, ароматные, ласкающіе взоръ, какъ подвѣнечнымъ нарядомъ, убирали молодыя деревца и нѣжно трепетали при каждомъ дуновеніи вѣтерка, точно крохотные листочки бумаги.

Слабыя еще тѣни ложились на дорожку и производили впечатлѣніе тончайшей безплотной сѣтки, раскинутой рукой Великаго Мастера Вселенной.

Прозрачный воздухъ чуть слышно звенѣлъ пробудившейся жизнью. Весенніе соки, какъ фонтаны, пробивались сквозь землю и возносились въ высь живительными струйками....

Молодая женщина стояла въ концѣ аллеи, у входа въ бесѣдку, опираясь спиной на ея рѣшетчатую стѣнку.

Противъ нея стоялъ Раделинъ.

Она ждала этого свиданія, какъ неизбѣжнаго, рокового.

Она поняла, наконецъ, что рано или поздно это все равно случится, что она не въ силахъ устоять противъ этого искушенія.

Она тянулась къ нему, къ этому сильному человѣку, тянулась инстинктивно, какъ цвѣтокъ тянется къ солнцу.

Она смутно угадывала его чувство къ ней, и это вносило отраду въ ея безпросвѣтную жизнь; она не сопротивлялась, не хотѣла бороться.

Она ждала только толчка, который положилъ бы конецъ колебаніямъ; она желала его, измученная до крайнихъ предѣловъ...

И теперь она смотрѣла на него, блѣдная, взволнованная, не зная еще, во что выльется это свиданіе...

А Сергѣй Семеновичъ говорилъ ей:

— Неужели вы не понимаете, что вы дѣлаете!.. Что вы въ тюрьмѣ, что вы губите свои лучшіе годы, лучшія силы!.. Зачѣмъ? Во имя чего? Изъ-за самодурства двухъ отжившихъ старухъ?.. Если этотъ растягай, — вы извините, что я говорю такъ о вашемъ мужѣ, — если эта тряпка не въ силахъ сломить ихъ упорства, вы должны дѣйствовать сами!

— Но что же дѣлать? Что дѣлать? — невольно вырвалось у молодой женщины и вся горечь пережитаго, все наболѣвшее чувство выразилось въ этомъ восклицаніи.

— Уйти! — рѣзко, точно отрубивъ однимъ ударомъ топора, отвѣтилъ онъ. — Уйти немедленно, сейчасъ же! Не ждать, пока эти два дряхлыхъ крокодила втянутъ васъ въ свою мерзкую пасть!.. Проломить эту стѣну, вырваться на волю!

— А дѣти?

— Кто-нибудь долженъ расплатиться!.. Что дѣлать, лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Но вы не безпокойтесь, дѣтей онѣ сберегутъ; онѣ ихъ вырастятъ, хотя бы для собственнаго развлеченія и забавы... Но васъ... васъ онѣ не пощадятъ... И... я вамъ совѣтую, бросьте ихъ.

Онъ взялъ ее за руки и, тихо пожимая ея нѣжные пальчики, говорилъ медленно, съ волненіемъ:

— Уходите... Уходите... ко мнѣ... Нина!.. Нина,

милая!.. Вы можете поступить, какъ вамъ будетъ угодно.. Отдохните, соберитесь съ силами, а тогда... тогда рѣшайте..

Она подняла на него свои большіе глаза, въ которыхъ стояли слезы; уголки ея губъ подергивались.

Не выпуская ея рукъ, онъ продолжалъ, плохо владѣя собой:

— Повѣрьте, я говорю вамъ искренно... Ваше положеніе... ваше положеніе ставитъ мнѣ препятствія сказать вамъ... гораздо больше... Но... но, Нина, милая...

Онъ потянулъ ее къ себѣ.

Болѣзненный стонъ вырвался изъ ея груди, замеръ на дрогнувшихся губахъ.

Она разрыдалась...

Она прижалась къ нему, довѣрчиво, точно искала защиты.

Ея ароматные волосы коснулись его щеки; ея горячее дыханіе обдало его губы...

И власть молодого трепещущаго тѣла взяла свое...

Началась новая жизнь молодой женщины, у Раделина.

И какая-то боль все время щемила чуткое сердце... Вспоминался Григорій Васильевичъ съ его кроткими глазами, безропотно перенесшій послѣднее горе.

Вспоминалась сцена прощанія.

Глубокая ночь. Тихо кругомъ. Старухи, изливъ свой гнѣвъ, какъ рѣка льетъ свои воды, крѣпко спятъ, и ничто не тревожитъ ихъ покой.

Черная ночь смотрится въ окно. Ярко горятъ южныя звѣзды.

Мятежный духъ женщины не унимается. Какое-то безпокойство гонитъ ее изъ комнаты.

Почти безсознательно идетъ она къ нему, къ мужу.

У письменнаго стола, положивъ голову на руки, глухо рыдаетъ Григорій Васильевичъ.

Молодая женщина видитъ, какъ вздрагиваютъ его широкія плечи, какъ съ подавленнымъ стономъ медленно склоняется его голова то на одну сторону, то на другую.

И такъ жалко этого добраго человѣка!

И нѣтъ силы ему помочь...

Она тихо съ порога зоветъ, чуть слышно, словно боится испугать своимъ звукомъ тишину:

— Гриша!..

И сейчасъ же неслышно подходитъ и кладетъ свою руку ему на плечо.

— Не надо, Гриша! — умоляетъ она и сама едва сдерживаетъ слезы.

Она говоритъ ему долго, съ теплымъ участіемъ и смотритъ въ его кроткіе глаза, въ которыхъ дрожатъ крупныя слезы, какъ капли лѣтняго дождя...

Она заканчиваетъ, держа его руки въ своихъ:

— Это судьба, Гриша!.. Рокъ, — ничего не сдѣлать, — къ прошлому возврата нѣтъ...

Заглушая свою муку, онъ отвѣчаетъ, и голосъ его звучитъ, какъ надорванная струна:

— Я понимаю, Нина!.. И не осуждаю... Что жъ, я самъ виноватъ... Но... Но, Нина, дорогая, вѣрь, — я люблю тебя, всегда любилъ и люблю и буду любить!..

Онъ падаетъ передъ нею на колѣни и въ какомъ-то молитвенномъ экстазѣ воспаленными губами цѣлуетъ ея ноги сквозь легкую ткань ея платья.

Обезсиленная, побѣжденная его кротостью, она уже готова сдаться, готова отказаться отъ своего рѣшенія.

Она уже наклонилась къ нему съ любовью, чтобы взять его курчавую голову въ свои руки, но въ это время внезапно раздается сухой деревянный трескъ; онъ прорѣзываетъ торжественную тишину, онъ сгоняетъ грезу своимъ грубымъ прикосновеніемъ...

Это хлопнула дверь въ сараѣ, послышались голоса, первые голоса, такъ звонко раздающіеся въ предразсвѣтной тиши.

Нина Александровна распахнула окно.

Ворвалась просыпающаяся жизнь, предъявила свои суровыя требованія...

II.

Мобилизація!..

Какимъ трепетомъ охватило всю страну, всю матушку Русь! Всѣ сразу почувствовали, что надвигается что-то въ высшей степени важное, отвѣтственное, то, что отводитъ на задній планъ всѣ личные интересы и дѣла...

Великая страна дрогнула отъ края и до края, какъ одно могучее тѣло, какъ пробудившійся чудо-китъ, всколыхнувшій милліоны людей, сидѣвшихъ на хребтѣ его.

Всѣ почувствовали все величіе момента... Торжественныя процессіи хлынули по городу, какъ потокъ лавы, захватывая въ свое русло всѣ элементы, — богатыхъ, и бѣдныхъ, и друзей, и враговъ.

Говорили только о войнѣ, говорили горячо, говорили вездѣ, — на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, ресторанахъ, въ вагонахъ трамвая; говорили всѣ, — знакомые и незнакомые.

Моментъ былъ жуткій, потрясающій, красивый...

И Германія, съ которой предстояло воевать, рисовалась въ возбужденномъ воображеніи какимъ-то таинственнымъ, какимъ-то грознымъ чудовищемъ, которое сверкало стальной чешуйчатой броней и шло въ бой, обнаживъ свою огненную пасть, готовое поглотить все на своемъ пути...

И казалось, всѣмъ казалось, что наступилъ часъ грознаго испытанія, часъ подвига, часъ священной борьбы съ этимъ страшнымъ гадомъ.

И какъ въ минуты неотвратимыхъ стихійныхъ бѣдствій, въ минуты міровыхъ катастрофъ, поднималась сѣрая Русь на защиту родины, какъ на религіозный подвигъ...

... Наконецъ, война объявлена! Ясно, открыто...

Первыя извѣстія произвели на Нину Александровну опеломляющее впечатлѣніе.

Она металась.

Она еще не отдавала себѣ отчета въ томъ, что происходитъ; она только безсознательно чувствовала то жуткое настроеніе, которое охватило массу, тотъ трепетъ момента, который переживали всѣ въ то время.

Она не находила себѣ мѣста и безпрерывно повторяла...

— Война!.. Боже мой, война!.. Жертвы, ужасы... Кровь, раздробленныя кости!..

Она хваталась за голову, то садилась, то вставала, то зачѣмъ-то куда-то шла, то возвращалась.

Сергѣй Семеновичъ старался успокоить ее, призвать къ благоразумію. Онъ говорилъ долго, убѣдительно. Онъ приводилъ тысячи причинъ, по которымъ война все равно рано или поздно должна была разразиться, доказывалъ, что ее всегда слѣдовало ожидать и теперь нужно принять спокойно, какъ неизбѣжное зло.

Нина Александровна принуждала себя слушать его, но

всѣ его слова звучали такъ странно, какъ совершенно ненужныя, откуда-то вычитанныя.

И Нина Александровна отмахивалась отъ нихъ, какъ отъ назойливой мухи, которая своимъ жужжаніемъ мѣшаетъ думать:

— Ахъ, Боже мой, Сережа! Что значатъ въ эту минуту всѣ эти разговоры!? Одни слова! Праздная философія!.. Люди идутъ сражаться, на смертный бой, а ты...

Она металась по комнатѣ, изъ угла въ уголъ, странно разводя руками, хрустя пальцами, съ какими-то стонами...

Она остановилась у окна на улицу, на которой ярко свѣтило солнце, а черезъ дорогу виднѣлся садъ съ тѣнистыми деревьями.

Она постояла съ минуту и, обернувшись, вздѣла руки вверхъ и крикнула надтреснувшимъ отъ муки голосомъ:

— Ахъ, Боже мой!.. Милые, милые! Мои милые!..

Сергѣй Семеновичъ посмотрѣлъ на нее, какъ на безумную и, переждавъ минуту, спросилъ:

— Кто милые?

— Всѣ! Всѣ, кто идетъ сражаться! Солдатики, родные!..

Потомъ она остановилась противъ него, блѣдная, съ лихорадочными глазами. Она смотрѣла на него, точно выжидая нападенія.

— Ну да, я знаю! — рубила она короткими фразами. — Соціальный законъ, экономическая необходимость, борьба за существованіе! Все слышала, знаю!.. Только это не годится! Это отъ головы! Это логика!.. А вотъ сердце, сердце говоритъ другое!..

— Но кто же виноватъ? — попробовалъ онъ замѣтить.

— Ахъ, Боже мой! Почемъ я знаю! Да и не все ли равно, кто!.. Вѣдь это же катастрофа, народное бѣдствіе, пойми!.. И я не знаю, какъ ты можешь оставаться спокойнымъ, разсуждать, когда...

— А что же мнѣ прикажешь дѣлать? — спросилъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Что? — съ недоумѣніемъ повторила она, сбитая этимъ вопросомъ. — Ну... я не знаю, что... но... Но нельзя же такъ... оставаться спокойнымъ зрителемъ, когда... когда надвигаются такія грозныя событія...

— Не въ санитары ли мнѣ прикажете идти? — ироніей прозвучали его слова.

— А хотя бы и такъ! Хотя бы и такъ, — горячо

подхватила она. — Почему бы вамъ не пойти и въ санитары?.. Все же лучше, чѣмъ сидѣть въ креслѣ, раскуривая сигары!..

— Ты это говоришь въ запальчивости, въ минуту твоего потрясенія, а когда ты успокоишься, ты поймешь, что гораздо полезнѣе не вмѣшиваться въ дѣло, къ которому я не способенъ...

— Не способенъ?! — воскликнула она съ изумленіемъ. — Ты не способенъ даже къ такому простому дѣлу?!. А къ чему же ты способенъ въ такомъ случаѣ?.. Въ винтъ играть, да за... барынями ухаживать?

— М-можетъ быть, — неопредѣленно отвѣтилъ онъ, сдерживая просыпающійся гнѣвъ. И черезъ минуту добавилъ:

— Ты забываешь, что я еще строю домъ...

Она даже не сразу его поняла, до того страннымъ казался ей этотъ доводъ.

— Домъ?! Боже мой, — кому они нужны теперь, твои дома?.. Наконецъ, это — профессія! А что ты дѣлаешь какъ человѣкъ?

Она отошла отъ него, возмущенная, пожавъ плечами. Она быстрыми шагами ходила передъ нимъ, готовая бросить ему въ лицо обвиненіе.

Ея блестящіе каштановые волосы растрепались, щеки горѣли румянцемъ, и вся она, съ ея блѣднымъ, блестящимъ лбомъ, съ ея стройной красивой фигурой, въ этомъ изящномъ свѣтломъ одѣяніи съ высокой таліей, была такъ обаятельна, что Сергѣю Семеновичу захотѣлось схватить ее въ объятія, ласкать, цѣловать, но онъ удержался изъ упрямства, изъ самолюбія, не желая обнаруживать передъ ней своего восхищенія; кромѣ того, онъ побаивался, какъ бы этотъ его порывъ не оскорбилъ Нину въ эту минуту ея крайняго душевнаго подъема; онъ боялся уронить себя въ ея глазахъ.

Переждавъ, онъ спросилъ:

— А ты окончательно рѣшила... уйти въ дѣло?

— О, да! Безъ всякаго сомнѣнія!.. Сестрой милосердія, въ комитетъ, заготовлять бѣлье, на позиціи, — куда угодно!.. Я не останусь ни минуты безъ дѣла!..

Молодая женщина спорила долго, горячо...

Въ передней раздался звонокъ.

Горничная сообщила:

— Григорій Васильевичъ спрашиваютъ, можно къ вамъ?

— Григорій Васильевичъ? — переспросила Нина Александровна, съ недоумѣніемъ смотря на дѣвушку, точно рѣчь шла о совершенно неизвѣстномъ ей лицѣ. — Какой Григорій Васильевичъ?

Горничная усмѣхнулась:

— Какъ какой, барыня?.. Григорій Васильевичъ, баринъ...

— Баринъ? — съ изумленіемъ протянула молодая женщина, точно отказываясь вѣрить своимъ ушамъ.

Это появленіе ея мужа было настолько неожиданнымъ, что она растерялась въ первую минуту и не знала, что сказать; только потомъ, спохватившись, она велѣла просить его.

Она ждала, взволнованная, теряясь въ догадкахъ, чѣмъ объяснить это посѣщеніе.

Григорій Васильевичъ остановился на порогѣ въ мундирѣ того полка, въ которомъ служилъ.

И все сразу стало ясно, точно яркій лучъ молніи внезапно прорѣзалъ тьму.

— Гриша!.. — воскликнула молодая женщина. — Григорій Васильевичъ!

Она бросилась къ нему, протянувъ руки:

— Вы... вы призваны?

— Да! — односложно отвѣтилъ онъ, не поднимая на нее взора. — Какъ запасный офицеръ...

— Да, да... Какъ запасный, — повторяла она безсвязно. — Какъ запасный, конечно... Но... садитесь же, ради Бога...

Она указала ему на кресло. Она волновалась; голосъ ея поминутно срывался, движенія плохо ей повиновались.

— И... и вы ѣдете?.. Туда?.. На позиціи?..

— Ничего пока еще неизвѣстно, — смущенно отвѣтилъ онъ. — Велѣно только явиться къ своимъ частямъ.

Онъ назвалъ ей мѣсто ближайшаго назначенія.

— Да-да... И... и когда же... вы ѣдете? — съ трудомъ спросила молодая женщина.

— Завтра съ вечернимъ...

— Ахъ, завтра... Уже?.. Такъ скоро!..

— Да...

Жуткое молчаніе нависло въ этой уютной комнатѣ. Чувствовалась необходимость переговорить о чемъ-то важномъ, серьезномъ, но никто не рѣшался начать, — слова не шли съ языка.

Сергѣй Семеновичъ стоялъ въ сторонѣ. Сейчасъ онъ чувствовалъ себя здѣсь лишнимъ; онъ угадывалъ ихъ скрытое желаніе остаться наединѣ и въ то же время считалъ неудобнымъ уйти, чтобы не подчеркнуть этимъ уходомъ свою догадку, а предлога, какъ на грѣхъ не было.

Нина Александровна, наконецъ, рѣшилась. Она спросила, смущаясь:

— А какъ же вы?.. Какъ вы рѣшили съ дѣвочками?.. Какъ же онѣ останутся?

Она ставила ему этотъ вопросъ, но ея собственное рѣшеніе уже было принято, и она казнила себя за то, что не имѣла смѣлости прямо его объявить...

— Вотъ объ этомъ я и хотѣлъ поговорить съ вами, — живо подхватилъ онъ, обрадовавшись. — Я такъ вамъ благодаренъ, что этотъ вопросъ подняли вы... Я только за этимъ и пріѣхалъ...

— Только!? — невольно вырвалось у нея, но она сейчасъ же осѣклась, покраснѣвъ до корней волосъ. Она сама не ожидала у себя этого движенія души и теперь уже чувствовала угрызенія совѣсти, считая себя въ чемъ-то виновной.

— Да, — отвѣтилъ глухо Григорій Васильевичъ. — Я... знаю... прошлаго не возвратить...

Онъ искоса поглядѣлъ въ сторону Сергѣя Семеновича и, точно опасаясь осложненій, продолжалъ торопливо:

— Но я не объ этомъ, не объ этомъ!.. Я хотѣлъ васъ просить относительно дѣвочекъ... Конечно, у нихъ есть бабушки, но... согласитесь... этого слишкомъ мало... Онѣ лишаются родительской ласки; онѣ сразу теряютъ и мать и отца! И я хотѣлъ просить васъ, — онъ поднялъ нее молящій взоръ, — я хотѣлъ просить васъ, Нина Александровна, вернуться... ну хоть на время... къ нимъ, къ малюткамъ... Я понимаю, вамъ не легко... вамъ трудно будетъ въ той обстановкѣ...

— Ахъ, Боже мой, Григорій Васильевичъ! — вырвавшимся крикомъ перебила она его. — О чемъ вы говорите?!. О какихъ трудностяхъ?.. Да развѣ теперь, сейчасъ можетъ быть рѣчь о чемъ-нибудь затруднительномъ, тяжеломъ?.. Я вернусь! Когда угодно, — сегодня, завтра, послѣзавтра, сейчасъ!.. Я перенесу что угодно!.. Мои дѣвочки! Мои дорогія!.. Катя, Нина!..

Она протянула впередъ свои красивыя руки, точно при-

зывая съ мольбой своихъ дѣтей, которыя должны теперь остаться безъ отца и матери.

Григорій Васильевичъ поднялся охваченный радостью. Онъ цѣловалъ руки своей жены и, взволнованный, благодарилъ ее.

— Такъ вы вернетесь, Нина Александровна? Могу я надѣяться?

— Я же сказала!.. Непремѣнно!

— Вы несказанно обрадовали меня!.. Я не о себѣ хлопочу... И чтобы уничтожить всякую тѣнь сомнѣнія, чтобы вы ни на минуту не думали, что... что тутъ примѣшаны какія-либо мои желанія, я прошу васъ вернуться, когда меня не будетъ, когда я уѣду...

Сердце ея болѣзненно сжалось; ей хотѣлось крикнуть ему, что и онъ имѣетъ право на эту радость, на это небольшое счастье, теперь, когда впереди его ждетъ тяжелый искусъ, тяжелый подвигъ.

Онъ продолжалъ:

— Пусть этотъ рай настанетъ для нихъ безъ меня, а когда я вернусь, если этому суждено случиться, вы вольны поступать, какъ найдете сами нужнымъ; если же меня убьютъ, вы сдѣлаете...

Она не могла выдержать больше и болѣзненно крикнула:

— Не надо! Не надо объ этомъ! Не надо, Гриша!..

Она взяла его руки; она наклонилась къ нему и торопливо поцѣловала его пальцы...

Онъ схватился за голову отъ избытка счастья, потомъ, кивнувъ молча головой, быстро ушелъ какой-то торопливой частой походкой, точно боялся, что, если онъ останется, ея рѣшеніе можетъ перемѣниться, и то счастье, которое сейчасъ ему посулили, можетъ исчезнуть...

Сергѣй Семеновичъ все еще продолжалъ оставаться въ прежней позѣ.

Онъ стоялъ, наклонившись у рояля, положивъ локти на его блестящую лакированую крышку и подперевъ ладонями рукъ свой подбородокъ.

Онъ слѣдилъ за Ниной Александровной, за каждымъ выраженіемъ ея нервнаго лица, за подергиваніемъ ея толстыхъ пунцовыхъ губъ.

Онъ видѣлъ, что творилось съ ней; онъ понималъ ту душевную бурю, которая налетѣла на молодую женщину и кружила ее въ своемъ вихрѣ.

— Какъ она поступитъ? — задавалъ онъ себѣ вопросъ и почти не сомнѣвался въ рѣшеніи. Она, конечно, вернется туда, къ своимъ дѣвочкамъ, но вотъ какъ сложатся теперь ея отношенія къ нему, къ Сергѣю, отношенія, еще такъ недавно совершенно выясненныя и опредѣленныя?

Неужели же на этотъ разъ побѣдитъ онъ, Григорій? А не онъ, Сергѣй? Неужели же возьметъ верхъ безсиліе, а не сила? Кротость и незлобивость, а не его непреклонная воля?

Неужели же это счастье, которымъ онъ такъ дорожилъ и которое такъ недавно вышало ему на долю, неужели же оно изчезнетъ, какъ дымъ, какъ чудное видѣніе, которое мелькнуло только на мгновеніе? И почему исчезнетъ? Развѣ Григорій сталъ лучше, интереснѣе только потому, что явился въ мундирѣ? Или этотъ моментъ всеобщаго подъема переродилъ его?

Однако, сомнѣнія родились, и самый фактъ ихъ рожденія уже былъ знаменателенъ.

И онъ не хотѣлъ ея возврата; онъ смутно чувствовалъ, что, если она теперь уйдетъ, онъ не вернетъ ея больше. И онъ рѣшилъ уговорить ее остаться... А въ ушахъ его все еще звучало это: „Только!“, которое такъ невольно вырвалось у молодой женщины и прорѣзало тишину, какъ лезвее ножа... Оно царапнуло его по самолюбію, какъ острыми крючками, и оскорбило его гордость мужчины.

Онъ не допускалъ превосходства надъ собою вообще, а по отношенію къ этому слабому, безвольному человѣку и подавно, и онъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы предпочтеніе, хотя бы минутное, было на сторонѣ того, другого.

И это маленькое „Только!“ всколыхнуло его сверху донизу и подняло со дна души его смрадныя чувства зависть — и злость...

„Неужели онъ, этотъ теленокъ, возьметъ верхъ? — думалъ онъ съ пренебреженіемъ. — Надо мной, Раделинымъ? И чѣмъ?“

Кротость и смиреніе онъ считалъ качествами, годными для монаха въ стѣнахъ убогаго манастыря, но не въ рамкахъ кипучей жизни и уже во всякомъ случаѣ не для того, чтобы привлечь къ себѣ женщину.

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ!.. Это надо выяснить сейчасъ же, сегодня же!..

Сергѣй Семеновичъ считалъ себя человѣкомъ яснымъ и опредѣленнымъ, твердо установившимъ основныя задачи жизни.

Онъ, наконецъ, безшумно отдѣлился отъ рояля и тихими неслышными шагами перешелъ на другую сторону гостиной.

Нина Александровна сидѣла, не шевелясь, въ глубокомъ креслѣ, откинувшись на его спинку, протянувъ впередъ стройныя ноги и забросивъ руки за голову; она застыла въ этой позѣ, точно разбитая, обезсиленная тяжелой борьбой.

Сергѣй Семеновичъ остановился противъ нея у другого кресла, взявшись руками за его мягкую спинку.

Онъ долго смотрѣлъ въ лицо молодой женщины съ закрытыми глазами.

— Нина! — тихо позвалъ онъ ее. — Я бы хотѣлъ переговорить съ тобой. Можешь ты меня выслушать?

— Да, пожалуйста, — не мѣняя положенія и не открывая глазъ, безстрастно отвѣтила она.

— Я хотѣлъ спросить тебя... Ты дѣйствительно вернешься... туда, къ нимъ?

— А ты какъ думаешь? — тѣмъ же тономъ съ разстановкой произнесла она.

Онъ усмѣхнулся.

— Мое мнѣніе, кажется, не играетъ въ данномъ случаѣ большой роли, но если оно все же признается, я бы сказалъ слѣдующее. Я всегда думалъ, что твой уходъ ко мнѣ не есть капризъ взбалмошной женщины или результатъ ея минутнаго раздраженія; я всегда понималъ такъ, что это вопросъ серьезный, вопросъ всей твоей жизни...

— Такъ! — рѣзко, неожиданно для него, а можетъ быть и для себя, какъ будто даже съ озлобленіемъ перебила она, вдругъ перемѣнивъ свое положеніе и перегнувшись корпусомъ въ его сторону. — Такъ! Вѣрно!.. И что же изъ этого слѣдуетъ?

Онъ нѣсколько опѣшилъ отъ ея тона, но быстро справился съ собой.

— Слѣдуетъ то, что такой вопросъ не можетъ и перерѣшаться такъ вдругъ, въ одно мгновеніе.

— А почему же не можетъ? Потому что это вопросъ всей моей жизни, — подчеркнула она, — какъ ты го-

воришь? Но вѣдь моей жизни, а не чьей-либо другой! А что же значитъ моя жизнь теперь, въ эту великую минуту? Что? Что теперь значу я, когда призываются сотни, тысячи, десятки тысячъ человѣческихъ жизней? Что значатъ въ эту великую минуту наши личные, мелочные интересы?

Она смотрѣла на него, снова загорѣвшись огнемъ, поднявшись съ кресла и опираясь на столикъ, отдѣлявшій ихъ другъ отъ друга.

Онъ понялъ, или вѣрнѣе, — почувствовалъ, какая нравственная сила неожиданно проснулась у этой тихой скромной женщины; понялъ ясно, что схватка съ нею неизбѣжна, и постарался приготовиться къ борьбѣ.

Онъ смотрѣлъ теперь на нее, какъ на врага, котораго надо побѣдить, а для этого прежде всего надо обладать хладнокровіемъ и выиграть время. Однако, обычное его самообладаніе на этотъ разъ ускользало изъ его власти, хотя онъ и старался его вернуть...

Онъ остановилъ ее жестомъ.

— Погоди, Нина, не горячись. Мы должны обсудить все спокойно...

И поймавъ ея нетерпѣливое движеніе, настойчиво продолжалъ:

— Да, должны. Несмотря на всю важность момента. Горячка не ведетъ ни къ чему... и родитъ одни недоразумѣнія. Боюсь, что они уже есть и сейчасъ, такъ какъ ты, повидимому, усматриваешь какое-то крупное противорѣчіе между нами въ этомъ вопросѣ; но вѣдь я тебѣ и не говорю, чтобы ты оставалась глухой къ требованію минуты! Вѣдь ты же можешь послужить дѣлу и иначе! Внести, какъ говорятъ, свою лепту, вовсе и не уродуя своей жизни... Къ тому же ты такъ и хотѣла, только что, еще такъ недавно...

— Хотѣла, да! Вѣрно!.. Пока... пока я не знала, что я нужна тамъ, у Гри... у Григорія Васильевича, его дѣтямъ...

Это имя снова хлестнуло его по больному мѣсту; ему стоило большого труда сдержаться.

Сжавъ губы, онъ спросилъ съ разстановкой, заглушая злобу:

— А теперь?.. Обстоятельства перемѣнились?

— Да, перемѣнились! — точно на зло, отвѣчала она ему.

— Скоро! — вырвалось у него съ ироніей.

— М-можетъ быть!.. Можетъ быть и скоро!.. Что жъ дѣлать, значитъ я такая... легкомысленная, непостоянная, вообще недостойная, — подчеркнула она, — женщина! Ну и прекрасно!.. Но я тебѣ заявляю, я вернусь туда, къ дѣтямъ...

— Въ кабалу! — въ запальчивости бросилъ онъ ей рѣзко.

— Да, въ кабалу! Какую угодно!.. Я перенесу все! Все, что потребуется, но... но я исполню свой долгъ! Мой долгъ передъ родиной!

— Это твой долгъ?!

— Да, мой долгъ!.. Облегчить путь тому, кто идетъ умирать, скрасить его, можетъ быть, послѣднія минуты, быть возлѣ его дѣтей, согрѣть ихъ своей лаской... А, Боже мой! — въ болью воскликнула она. — Да неужели же... неужели же ты не понимаешь? Не понимаешь такой простой вещи!.. Или ты только притворяешься, что не понимаешь?

— Н-нѣтъ, не понимаю, — съ гнѣвомъ отвѣтилъ онъ. — Притворяться мнѣ не къ чему; но я дѣйствительно не понимаю... Ты же можешь, наконецъ, взять дѣтей къ себѣ, сюда, а не сидѣть тамъ, гдѣ постоянно насилуется твоя личность, гдѣ подавляется малѣйшая свобода, гдѣ сидятъ двѣ зловѣщихъ старухи, какъ два крокодила на солнцѣ и выслѣживаютъ свою добычу!..

Она отвѣтила съ отчаяніемъ, заломивъ руки:

— А-ахъ, Боже мой!.. О чемъ ты говоришь!.. Ну, ты же слышалъ, — онъ проситъ меня вернуться, онъ... И я должна, слышишь, должна исполнить его просьбу! Я считаю своею обязанностью это сдѣлать! Потому что ему вовсе не все равно, гдѣ будутъ дѣти, здѣсь или тамъ!..

— Ну да, этого онъ хочетъ! — теряя самообладаніе, съ сарказмомъ воскликнулъ Сергѣй Семеновичъ. — Онъ, вдругъ ставшій кумиромъ!.. Если его уродливое, близорукое желаніе стало теперь для тебя закономъ, тогда, конечно, о чемъ же говорить!..

И онъ захохоталъ долгимъ злобнымъ смѣхомъ, искривившимъ его красивое лицо. Она никогда раньше этого у него не видѣла.

Она посмотрѣла на него изумленными глазами, внезапно пораженная догадкой.

Только теперь она поняла его побужденія! Она покрас-

нѣла густо-густо, до корней волосъ, вся возмущенная его предположеніемъ...

Она дѣйствительно думала о немъ, о мужѣ; она рѣшила скрасить послѣднія его минуты здѣсь, до отъѣзда, но какъ!..

Тѣ побужденія, которыми руководился Сергѣй Семеновичъ, вовсе не приходили ей въ голову.

Оскорбленная въ своихъ чистыхъ порывахъ, она едва сдерживала свое негодованіе.

Она быстро перешла гостиную и остановилась у рояля, однимъ локтемъ опершись на его крышку; она стояла въ профиль къ Сергѣю Семеновичу, смотря прямо передъ собою, постукивая высокимъ каблукомъ объ полъ; лицо ея, до этого момента залитое краскою стыда, теперь вдругъ поблѣднѣло, глаза наполнились слезами...

Прошло нѣсколько минутъ.

Овладѣвъ собой, заглушая только что перенесенную обиду, она сказала отчетливо и медленно:

— Да, такъ ты вотъ о чемъ!.. Вотъ чего испугался...

И откинувшись нѣсколько назадъ, какъ будто для того, чтобы вобрать побольше воздуху, быстро добавила, вздохнувъ:

— Ну не ожидала я!.. Тогда, конечно, разговаривать не о чемъ...

И торопливо, точно убѣгая отъ преслѣдованія, она вышла изъ гостиной, прихлопнувъ за собой дверь.

И вслѣдъ за этимъ, сейчасъ же, щелкнулъ замокъ въ ея комнатѣ...

На вокзалъ Нина Александровна ѣхала съ Раделинымъ. Они обмѣнивались незначительными фразами, избѣгая, послѣ вчерашняго, говорить о томъ, что было существенно и что единственно могло занимать ихъ.

На перронѣ она быстро нашла мужа и больше уже не отходила отъ него, не заботясь вовсе о Сергѣѣ Семеновичѣ, не обращая на него никакого вниманія.

Григорій Васильевичъ сообщилъ ей, что ее ждутъ лошади, если она сегодня же пожелаетъ отправиться къ нему въ имѣніе; впрочемъ, время переѣзда зависитъ всецѣло отъ нея.

Молодая женщина испытывала мучительное состояніе. Такъ много хотѣлось сказать и такъ мало было времени.

Прошлой ночью, когда она такъ долго не спала, она

обдумала все, что скажетъ ему при прощаніи; и вотъ теперь, когда пришла эта минута, не находилось словъ, не находилось рѣчей...

Она не сводила съ него глазъ, горѣвшихъ, какъ звѣзды, лучезарными огнями.

Раздался первый звонокъ.

Она взяла его за руки и, вся зардѣвшись, торопливо, точно боясь остановиться, произнесла:

— Вотъ что... вотъ что я хотѣла вамъ сказать, Гри... Гриша... Я... я больше не вернусь туда... къ Сергѣю... Никогда... Я... я... твоя, Гриша... навсегда, навѣкъ...

Она прильнула къ нему, трепетная отъ счастья, охваченная чувствомъ глубокой любви, налетѣвшимъ на нее, какъ ураганъ; она спрятала свое заплаканное лицо на его сѣрой шинели.

Онъ взялъ ея красивую голову обѣими руками, съ невыразимой нѣжностью посмотрѣлъ въ ея огромные глаза и поцѣловалъ ее долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ.

— Какое счастье! Какое счастье! — едва слышно бормоталъ онъ сквозь слезы. — Нина, дорогая!..

И когда поѣздъ тронулся, когда его стальное туловище, изгибаясь, какъ тѣло огромной змѣи, уже исчезло за поворотомъ колеи, молодая женщина еще стояла на перронѣ и, вытирая тонкимъ платкомъ заплаканные глаза, шептала:

— Милый, милый, милый!.. Дорогой мой!.. Гриша, милый!..

И этотъ горячій, какъ пламя, шопотъ нѣжной души летѣлъ вдогонку и, казалось, пронизывалъ своей волной все пространство между молодой женщиной и тѣмъ, кто уѣхалъ умереть или возвратиться со славой.

Когда она очнулась, на перронѣ было пусто; только въ отдаленіи виднѣлась высокая темная фигура, которую сразу узнала молодая женщина.

Она торопливо прошла мимо, только слабо кивнувъ головой...

А. Кайдаровъ.

* * *

Не искушай судьбу свою мечтами,
Не воздвигай строеній на пескѣ,
Не вѣрь, что счастье легкими стопами
Въ чудесно-яркій мигъ придетъ къ тебѣ.

Нѣтъ, грезы лгутъ! И сказокъ жизнь не знаетъ!..
Долиной слезъ ведетъ она людей...
И огнецвѣтъ, не вспыхнувъ, отцвѣтаетъ...
И смерть стоитъ на стражѣ у дверей.

---

* * *

Я снова одинъ на просторѣ
И манитъ, влечетъ меня даль.
Великое, вѣчное море!
Развѣй, погаси мое горе!
Пусть въ этомъ безбрежномъ просторѣ
Гнетущую сброшу печаль.

Ладьей моей легкой я рою
Зеркальную водную гладь.
И зыбкой, и пѣнной стезею
Скольжу я, прощаясь съ землею...
Прошедшее въ волнахъ зарою, —
Начну о грядущемъ гадать.

Угасшимъ надеждамъ на смѣну
Другія надежды придутъ,
Взметая жемчужную пѣну,
Я міръ своей грезой одѣну!
Пусть сновъ быстролетную смѣну
Лучи золотые сплетутъ!

Плыву я въ безбрежномъ просторѣ...
Плыву, ничего мнѣ не жаль!
Великое, вѣчное море!
Забыто, развѣяно горе!
Готовъ я всю жизнь на просторѣ
Летѣть въ безконечную даль.

Христофоръ Бахчисарайцевъ.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

Какія бы горькія разочарованія въ современной культурѣ подчасъ ни приносила намъ тяжелая дѣйствительность, мысль наша съ отрадою останавливается на великой культурной работѣ человѣчества, на его великихъ мирныхъ завоеваніяхъ, — тѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ въ области науки, которыми ознаменовались XIX и начало XX вв. Къ числу ихъ принадлежитъ открытіе древней богатой культуры, которая существовала въ теченіе многихъ вѣковъ въ Европѣ, въ области Эгейскаго моря, и пышно расцвѣла тамъ во времена отдаленной древности, въ третьемъ и второмъ тысячелѣтіи до Р. Х. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ не подозрѣвали о ея существованіи, а теперь предъ нами открылся огромный и важный періодъ блестящаго культурнаго развитія, первой великой цивилизаціи въ Европѣ. Впервые культуру эту открылъ Шлиманъ въ 70—80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ древнихъ городахъ Пелопоннеса, Микенахъ и Тиринѳѣ. По имени перваго города она сначала была названа микенскою, но послѣ замѣчательныхъ открытій на островѣ Критѣ англичанина Эванса и итальянскихъ ученыхъ уже въ началѣ XX в., оказалось, что микенская культура — это только часть, поздній періодъ культуры, охватывавшей гораздо болѣе обширный районъ и гораздо болѣе продолжительное время, и что главнымъ центромъ ея были не Микены, а Критъ. Культуру эту называютъ критско-микенскою или эгейскою[1]).

[1]) Недавно вышло 2-е, значительно распространенное изданіе превосходнаго труда объ этой культурѣ, — Dussaud, Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée (1914), и Hall, Aegean Archaeology (1915). См. также книжку Лихтенберга, переведенную на русск. яз. под. заглавіемъ: „Доисторическая Греція (Эгейская культура)“. Спб. 1913 съ предисловіемъ Б. В. Фармаковскаго. Подробныя библіографическія указанія въ моемъ „Введеніи въ исторію Греціи“. Изд. 3-е, Птр. 1915, стр. 318—319 сл., 416, 422—3 сл.

I.

Еще Аристотель въ своей „Политикѣ“ (II, 7, 1 сл., 1271-в 1272-а) отмѣчалъ „прекрасное географическое положеніе“ Крита, самою природою какъ бы предназначеннаго къ господству надъ Греціей: островъ этотъ, замыкая собой Архипелагъ съ юга, находится въ центрѣ восточной половины Средиземнаго моря, неподалеку отъ Пелопоннеса, Египта, Малой и Передней Азіи, на путяхъ изъ странъ древняго Востока на Западъ, въ Грецію, служа однимъ изъ главнѣйшихъ мостовъ между этимъ Востокомъ и Европой.

„Одиссея“ (XIX, 172 сл.) говоритъ о немъ:

„Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахеянъ,
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ; кидоны
Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, племя пеласговъ,
Въ городѣ Кноссѣ живущихъ“...

Иліада называетъ Критъ „стограднымъ“ (II, 646 сл.). Главный, „великій городъ“ здѣсь — Кноссъ. Онъ расположенъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морского берега, въ сѣверной части острова, которая обращена къ Эгейскому морю. Это — резиденція легендарнаго Миноса. Въ греческихъ сказаніяхъ Миносъ — сынъ Зевса и прекрасной дочери Кадма, Европы, обладатель чудеснаго дворца, построеннаго изобрѣтательнымъ Дедаломъ, — лабиринта, въ которомъ заключено было чудовище Минотавръ и съ которымъ связаны миѳы о Тезеѣ и Аріаднѣ. Миносъ — образъ мудраго законодателя, у Гомера (Од., XI, 568 сл.) — одинъ изъ трехъ судей въ подземномъ царствѣ: „скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ, сидя“; по Гезіоду Миносъ — „изъ всѣхъ смертныхъ царей наиболѣе царственный“; онъ царствовалъ надъ множествомъ людей, подвластныхъ его скипетру. У Ѳукидида (1, 4, 8)[1]) Миносъ — первый создатель сильнаго флота, властитель моря, повелитель надъ Кикладскими островами, которые онъ колонизовалъ, изгнавъ карійцевъ и очистивъ море отъ пиратовъ. И Эвансъ, когда открылъ на мѣстѣ древняго Кносса развалины грандіознаго дворца, назвалъ этотъ дворецъ „дворцомъ Миноса“, а крит-

[1]) Ср. у Герод., 1, 171.

скую культуру, памятникомъ которой онъ является, — минойскою (миносовой).

Культура эта — вѣка мѣди и бронзы. Дворецъ въ Кноссѣ построенъ на мѣстѣ, гдѣ была раньше культура болѣе первобытная — неолитическая, остатками которой служатъ утварь, сдѣланная отъ руки, каменныя орудія и т. под. и начало которой здѣсь восходитъ ко временамъ глубочайшей древности: судя по толщинѣ слоя ея (около 7 метровъ), Эвансъ полагаетъ, что эта древнѣйшая неолитическая культура существовала въ теченіе огромнаго періода времени, въ 12.000 и даже 14.000 лѣтъ.

Кносскій дворецъ[1]) не имѣлъ укрѣпленій или особой окружной стѣны. Владѣтели его, очевидно, чувствовали себя въ безопасности со стороны суши, а съ моря ихъ охранялъ сильный флотъ. Онъ занималъ обширное пространство (болѣе 20.000 кв. метровъ, считая со входами и прилегающимъ съ запада дворомъ), имѣлъ нѣсколько этажей и представлялъ вокругъ внутренняго, центральнаго, большого двора, дѣйствительно, цѣлый „лабиринтъ“ ходовъ, коридоровъ и разнообразныхъ помѣщеній: тутъ были залы, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе, такъ назыв., „тронная“, получившая это наименованіе потому, что въ ней стояло сѣдалище изъ алебастра, принятое сначала за тронъ[2]); „зала двойного топора“, съ изображеніями сѣкиры съ двумя лезвеями; близъ нея — внутренніе царскіе покои, аппартаменты царицы и царской семьи. Были и молельня, школа для обученія письму, мастерскія для скульптуры, для керамики, фаянсовыхъ издѣлій, для выдѣлки оливковаго масла, помѣщенія для рабочихъ, кладовыя, гдѣ въ пиѳахъ, огромныхъ глиняныхъ сосудахъ въ ростъ человѣка, стоявшихъ рядами вдоль стѣнъ, хранились припасы — зерно, масло и т. под., и цѣлый архивъ глиняныхъ табличекъ съ письменными знаками. Были во дворцѣ и ванныя или купальни; для воды проведены трубы. Вообще дворецъ имѣлъ всѣ удобства... Стѣны его оштукатурены и украшены фресками, изображав-

---

[1]) О древней культурѣ на Критѣ см., кромѣ упомянутыхъ раньше, книгу Burrows, The discoveries in Crete and their bearing on the history of ancient civilisation. Lond. 1908, — превосходное научно-популярное изложеніе.

[2]) Интересная фреска — по обѣ стороны двери — въ этой залѣ, изображающая грифона, безъ крыльевъ, съ высоко поднятой головой, воспроизведена теперь въ реставрированномъ видѣ во 2-мъ изд. Dussaud, табл. I.

шими то отдѣльныя человѣческія фигуры, то цѣлыя процессіи, то нарядныхъ придворныхъ дамъ или сцены ловли и усмиренія быка. Ко дворцу, съ запада, примыкалъ дворъ, вымощенный плитами, со спускающимися къ нему широкими ступенями; какъ предполагаютъ, это — театръ, древнѣйшій въ мірѣ: дворъ служилъ мѣстомъ дѣйствія, а широкія ступени лѣстницъ — мѣстами для зрителей.

На сѣверо-востокъ отъ дворца находилась большая постройка — „царская вилла“ или малый дворецъ. Повидимому здѣсь былъ городской кварталъ: найдены остатки частныхъ домовъ. Съ внѣшнимъ видомъ этихъ домовъ до нѣкоторой степени знакомятъ изображенія ихъ на дошедшихъ до насъ небольшихъ фаянсовыхъ пластинкахъ: дома здѣсь изображены въ два или полтора этажа, съ плоскою крышею, иногда съ возвышеніемъ посрединѣ, въ родѣ мезонина; дверь — въ центрѣ фасада; четыреугольныя отверстія служили окнами. Далѣе, за городомъ, находилось кладбище.

Другой, подобный кносскому, большой дворецъ былъ на мѣстѣ древняго города Феста или Файста, также упоминаемаго у Гомера (Ил., II, 646 сл.), на югѣ острова, въ той его части, которая обращена къ Египту: тотъ же приблизительно планъ, такія же разнообразныя помѣщенія, театръ, подъ дворцомъ тоже слой болѣе древней культуры, неолитическаго поселенія, со множествомъ костей домашнихъ животныхъ, полированыхъ орудій и т. под. Дворецъ расположенъ былъ на возвышенности, среди плодородной равнины, и отличался многочисленными коридорами и лѣстницами. Былъ ли онъ резиденціей особаго царя или же принадлежалъ тому же владѣтелю, что и Кноссъ, мы не знаемъ.

Неподалеку отъ Феста, тамъ, гдѣ теперь стоитъ церковь Св. Троицы, Agia Tріада (Hagia Triada), находился дворецъ меньшихъ размѣровъ, состоявшій изъ двухъ флигелей, которые соединялись подъ прямымъ угломъ; но онъ былъ прекрасно украшенъ, съ замѣчательными фресками, съ предметами высокой техники, художественной работы, а съ его колоннады открывался чудный видъ на окрестности. Итальянцы, открывшіе этотъ дворецъ, приняли его за лѣтній дворецъ царей Феста. Такъ ли это или же онъ принадлежалъ какому-нибудь отдѣльному владѣтелю, зависимому отъ Феста, знатному лицу и т. под., — сказать трудно.

Были на Критѣ въ ту эпоху и другія поселенія, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ остатки критско-микенской куль-

туры въ восточной части острова — въ Прессѣ, Палеокастро, Гурніи, — мѣстечкѣ съ узкими и кривыми улицами, но съ мостовой и каналами для стока воды[1]). Обычный типъ тогдашняго простого жилища — круглая хижина. На это указываютъ, напр., урны въ формѣ круглой хижины, найденныя на Мелосѣ и на Аморгосѣ, и купольныя могилы, представляющія собой воспроизведенія въ большомъ масштабѣ такихъ жилищъ.

Критскіе дворцы, съ ихъ разнообразными помѣщеніями, фресками и различными предметами, найденными въ нихъ, даютъ намъ понятіе о богатой, развитой, подчасъ утонченной культурѣ, которая въ тѣ далекія времена процвѣтала тамъ. Интересны, напр., дамы, изображенныя въ миніатюрѣ на стѣнахъ кносскаго дворца, ихъ вычурныя прически, декольтэ, перетянутыя таліи, платья голубого и желтаго цвѣтовъ, украшенныя воланами, широкіе, вздутые рукава. Дамы эти сидятъ и бесѣдуютъ; вокругъ нихъ мужчины. Предъ нами, очевидно, высшее, придворное общество. Если одному французскому археологу особы эти напомнили придворныхъ дамъ времени Карла X и Луи-Филиппа, 20—40-хъ годовъ прошлаго вѣка, то другой французскій ученый говоритъ о нихъ: „Ихъ непринужденныя позы, ихъ неправильныя, но миловидныя лица, ихъ подвитые волосы вызвали сперва изумленіе, а потомъ радость важныхъ археологовъ, увидѣвшихъ эту фреску. Подъ классическимъ искусствомъ, такимъ простымъ по своимъ формамъ, найденъ былъ современный міръ, съ его элегантностью и болѣе привычною, и болѣе искусственною“. Или, напр., интересенъ портретъ молодой особы, изображенной въ профиль, по грудь, со вздернутымъ кончикомъ носа, съ ярко пунцовыми губами, съ ниспадающими на затылокъ волнистыми волосами, отъ которыхъ отдѣлилась прядь, въ видѣ небольшого локона или завитка спускаясь на лобъ, слегка декольтированной, съ большимъ бантомъ на спинѣ. Рисунокъ сдѣланъ, очевидно, наскоро, нѣсколько небреженъ, не совсѣмъ правиленъ (глазъ), но смѣлъ и выразителенъ. Изображеніе изслѣдователямъ показалось столь современнымъ, что эту особу назвали „парижанкой“. Съ этимъ можно сопоставить нѣкоторыя статуэтки и геммы. Одна изъ статуэтокъ изображаетъ, напр., платье съ различными полосами вверху и растеніями внизу; а на одной изъ геммъ мы видимъ женскую фигуру — передъ деревомъ и жертвенникомъ — съ чрезвычайно изогнутой, выдавшейся

---

[1]) См. мое „Введеніе“ стр. 436—7.

впередъ верхнею частью корпуса, перетянутой таліей, въ юбкѣ, стянутой у колѣнъ. Гемма, вѣроятно, имѣетъ отношеніе къ культу и религіи, но насъ, въ данномъ случаѣ, интересуетъ не ея смыслъ, а внѣшность изображенной женской фигуры Если такое и ему подобныя изображенія показать современнымъ дамамъ и спросить, откуда это, то онѣ, навѣрное, отвѣтятъ, что это — плоховато исполненное изображеніе изъ недавняго моднаго журнала, „какая-то декадентская барыня"![1]). Изслѣдователь древне-критскихъ туалетовъ[2]) утверждаетъ, что уже въ то время существовали корсеты, декольтэ, рукава, воротники, турнюры, передники, панталоны, шляпы (съ каркасомъ) и т. под., „Костюмъ древне-критскій и костюмъ нѣкоторыхъ странъ современной Европы", по его мнѣнію, — „одного и того же происхожденія; это — два развѣтвленія одного и того же ствола, отдѣленныя вѣками другъ отъ друга".

Многія фрески поражаютъ реализмомъ, натуральностью изображенія, вѣрно схваченными чертами. Изображенъ несущій вазу юноша, съ длинными локонами, полуобнаженный, въ передникѣ, съ ожерельемъ на шеѣ, съ запястьями на рукахъ и подобными же украшеніями на ногахъ. Правою рукою онъ держитъ вазу за ручку, а лѣвою придерживаетъ ее снизу; съ видимымъ напряженіемъ идетъ онъ впередъ, изогнувши станъ сильно назадъ. „Работа, усиліе, движеніе великолѣпно выражены общимъ контуромъ и стана и рукъ"[3]). На фрескахъ въ Hagia Triada чрезвычайно реально изображена природа, пейзажъ и животныя — дикая кошка, выглядывающая изъ-за куста и подстерегающая пестраго фазана, сидящаго на вѣткѣ; быкъ, пробирающійся чрезъ чащу, и т. д. Можно даже точно опредѣлить тѣ растенія, которыя изображаетъ пейзажъ, — плющъ, дурманъ и друг.[4]). Но особенно распространенный сюжетъ — скачущій быкъ, его ловля или усмиреніе, игры или бой съ быками (тавромахія). Полагаютъ, что это не просто сцены изъ обыденной жизни и не только спортъ или акробатство, что — по крайней мѣрѣ первоначально — это

---

[1]) П. А. Флоренскій. Напластованія эгейской культуры („Богосл. Вѣстн.", 1913, іюнь, стр. 359—60).

[2]) Deonna, Les toilettes modernes de Crète Minoenne. Genève 1911. См. Berl. Philol. Wochenschr., 1913, № 12.

[3]) Ѳ. И. Шмитъ. Введеніе къ курсу всеобщ. исторіи искусствъ („Зап. Харьк. Унив.", 1915, кн. 3), стр. 185. Въ отдѣльномъ изд. — подъ заглавіемъ „Законы исторіи", 1916.

[4]) Е. Е. Кагаровъ. Изъ заграничн. впечатлѣній („Гермесъ", 1911, № 16, стр. 403—4, прим.).

имѣло отношеніе къ культу, что тавромахія, эти игры, какъ и танцы, имѣли религіозное значеніе, входили въ ритуалъ, были священнодѣйствіемъ. Какъ бы то ни было, — позы и движенія животныхъ и дѣйствующихъ лицъ, среди которыхъ встрѣчаются и женщины, отличаются удивительною естественностью, выразительностью.

По реализму и выразительности съ этими фресками слѣдуетъ сопоставить стеатитовыя вазы, съ рельефными изображеніями, тоже изъ Hagia Triada.

На одной изображена какая-то процессія, быть можетъ, жнецовъ (эту вазу обыкновенно называютъ „вазой жнецовъ"): идутъ попарно мужчины, обнаженные по поясъ, безъ бороды и усовъ, на головѣ у нихъ тюрбаны, правая рука на груди сложена въ кулакъ, на лѣвомъ плечѣ у каждаго нѣчто въ родѣ вилъ, съ тремя зубьями. Въ центрѣ процессіи — человѣкъ съ музыкальнымъ инструментомъ (систромъ) въ рукахъ; ротъ его раскрытъ, онъ поетъ громко, „во все горло"; сзади него три женщины, съ откинутыми назадъ головами онѣ тоже поютъ „во все горло". А впереди процессіи шествуетъ фигура крупнѣе другихъ, съ обнаженной головой, съ длинными волосами, съ изогнутой тростью на правомъ плечѣ, въ туникѣ или панцырѣ, неплотно прилегающемъ къ тѣлу, нѣсколько отстающемъ внизу. Эту вазу по художественности работы сравниваютъ съ произведеніями флорентійскихъ мастеровъ эпохи Возрожденія. Другая ваза, воронкообразной формы, въ четырехъ горизонтальныхъ поясахъ, между которыми распредѣлены сцены, изображаетъ борцовъ и воиновъ, тавромахію, гимнастическія состязанія, кулачный бой, борьбу... Съ удивительною вѣрностью представлены различныя положенія: напр., во второмъ поясѣ быкъ подымаетъ человѣка на рога, въ четвертомъ — одинъ изъ борцовъ упалъ на спину, на обѣ лопатки, высоко поднявъ ноги; другой, сидя на землѣ, ногою отбивается отъ противника и т. под. На фрагментѣ третьей вазы обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайно выразительная гордая, повелительная поза царя или вообще начальника, предъ которымъ стоитъ, съ оружіемъ на плечѣ, очевидно, подчиненный („офицеръ"), а далѣе виднѣется голова воина, солдата. Это — рѣдкія изображенія воиновъ и военныхъ сценъ [1]): на Критѣ рѣшительно преоблада-

[1]) Можно отмѣтить еще, среди рельефовъ изъ гипса и штукатурки, изображеніе какого-то начальника или царя почти въ натуральную величину, съ опоясанною таліею, съ гордо откинутой назадъ головой, въ коронѣ съ перьями, опирающагося на жезлъ или копье.

ютъ сцены изъ мирной жизни; судя по нимъ, культура тутъ, носила преимущественно мирный характеръ.

Натурализмъ, естественность, умѣніе тѣхъ далекихъ отъ насъ мастеровъ изображать природу бросается въ глаза и въ другихъ произведеніяхъ. На фаянсовой пластинкѣ изъ Кносса, изображающей козу съ дѣтенышами, такъ естественна поза одного изъ этихъ дѣтенышей, пригнувшагося, сгибая переднія ноги, и сосущаго матку! Или, напр., фрагментъ руки въ натуральную величину, воспроизводящій всѣ мускулы и даже жилы! Насколько вѣрны природѣ были иногда изображенія въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, показываетъ примѣръ краба: Эвансъ нашелъ въ Кноссѣ краба, сдѣланнаго изъ глины, и принялъ было его за естественнаго, лишь окаменѣлаго.

О высокой, художественной техникѣ въ пору расцвѣта „минойской" культуры свидѣтельствуютъ и многочисленныя издѣлія керамики, въ особенности вазы стиля Kamares. Такъ называется тотъ видъ вазъ, образцы котораго впервые были найдены у деревни этого имени, въ пещерѣ, на южномъ склонѣ горы Иды. Вазы эти — съ закругленными ручками, тонкими стѣнками, пестро, ярко разрисованы: на блестящемъ черномъ фонѣ — красные, бѣлые или желтовато-бѣлые (кремовые) цвѣта и, наоборотъ, по свѣтлому фону — черные или красные цвѣта. Онѣ украшены изображеніями круговъ, розетокъ, спиралей, лилій и другихъ растеній, осьминоговъ, щупальцы которыхъ иногда кажутся живыми. Нѣкоторыя настолько тонко сдѣланы, что ихъ можно сравнить съ тонкимъ китайскимъ фарфоромъ. Вообще знатоки критскихъ древностей увѣряютъ, что подобныя издѣлія никогда не были превзойдены во всей исторіи керамики и что по тонкости и цвѣтовымъ эффектамъ они совершеннѣе, нежели старая венеціанская посуда.

Реализмъ, естественность, выразительность смѣнились впослѣдствіи, въ эпоху упадка „минойской" культуры, вычурностью, условностью и своего рода „декадентскимъ" стилемъ.

Говоря о произведеніяхъ художественнаго ремесла, слѣдуетъ отмѣтить еще фаянсовыя статуэтки, женскія фигуры, найденныя въ Кноссѣ, близъ „царской виллы": въ нихъ видятъ женскіе идолы; между ними изображеніе (по обычному мнѣнію) богини или жрицы[1]) съ высокимъ головнымъ уборомъ въ родѣ тіары и со змѣями. Для характеристики рели-

[1]) Ѳ. И. Шмитъ полагаетъ, что это вовсе не идолъ, не жрица, а просто укротительница змѣй („Введеніе къ курсу всеобщ. ист. иск.", стр. 167—8).

гіозныхъ вѣрованій критско-микенской эпохи интересны грубыя каменныя или глиняныя женскія фигуры, со сложенными руками, съ рѣзко выраженными, какъ бы подчеркнутыми, признаками женскаго пола, находимыя на Критѣ и за его предѣлами. По господствующему воззрѣнію, это — „нагая богиня", олицетвореніе женскаго начала въ мірѣ, богиня, которую сближаютъ съ „Великою Матерью" (Реей, Кибелой [1]), культъ коей, подъ разными именами, былъ очень распространенъ на Востокѣ, въ особенности въ Малой и Передней Азіи. Мало-азійскую „Великую Матерь" и владычицу звѣрей напоминаютъ также изображенія на геммахъ и печатяхъ, напр., женская фигура, стоящая на вершинѣ горы, между двумя львами [2]) и т. п. На геммахъ и печатяхъ встрѣчаются часто и фантастическія изображенія разныхъ демоническихъ существъ съ бычачьими (вспомнимъ Минотавра), бараньими, ослиными или птичьими головами, а также фигуры (щиты?) въ видѣ цифры 8 или скрипки.

Въ Кноссѣ и въ другихъ мѣстахъ находимъ въ большомъ числѣ изображенія бычачьихъ роговъ. Мы видимъ ихъ на стѣнахъ, на вазахъ, камняхъ, саркофагахъ; ихъ изготовляли изъ гипса, стеатита, металла. Это — такъ называемыя horns of consecration, вотивные или посвященные рога: быкъ былъ священнымъ животнымъ, воплощеніемъ или атрибутомъ божества, а рогъ — главный атрибутъ быка, слѣдовательно, — и атрибутъ или символъ божества, предметъ культа [3]). На критскихъ памятникахъ той эпохи очень часто встрѣчается также изображеніе двойного топора, т.-е. съ двумя лезвеями: въ Кноссѣ, какъ мы видимъ, была „зала двойного топора". Онъ служилъ, очевидно, тоже какою-то религіозную эмблемою, по мнѣнію однихъ — мужского божества, бога грома и молніи, небеснаго бога, оплодотворяющаго мать-землю, по мнѣнію другихъ — символомъ божества женскаго, великой богини-матери, богини плодородія [4]), животворящей силы. Въ связь съ „двойнымъ топоромъ", labrys (греч., заимствованное изъ лидійскаго)

---

[1]) Ѳ. И. Шмитъ видитъ въ „эгейскихъ идолахъ" грубо-магическія изображенія женщины-наложницы, которыя клались въ могилу, какъ и фигуры музыкантовъ, чтобы обезпечить покойнику радости земной жизни (стр. 162).

[2]) Впрочемъ, по Dussaud², стр. 338, это не богиня, а личность, сбращающаяся къ ней съ молитвой на вершинѣ горы.

[3]) Е. Е. Кагаровъ, Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913 (Изъ „Ж. М. Н. Пр."), стр. 36—38.

[4]) См. между проч. Е. Е. Кагарова, Культъ фетишей..., стр. 45—46.

приводятъ иногда самое названіе „Лабиринтъ“ [1]). Къ священнымъ символамъ относятся, вѣроятно, столпы или колонны, играющія чрезвычайно видную роль въ критскихъ дворцахъ [2]). Нѣкоторые видятъ въ нихъ архитектоническое средство, просто опору для верхнихъ этажей. Но, кромѣ того, изображенія столповъ встрѣчаются на геммахъ, перстняхъ, фрескахъ и тамъ они, очевидно, представляютъ извѣстный символъ, являются предметомъ культа (какъ сокращенное изображеніе священнаго дерева?).

Въ связь съ культомъ ставятъ и такія дѣйствія, какъ ловлю и усмиреніе быка, прыганіе черезъ него, борьбу съ нимъ, тавромахію,— дѣйствія или игры, входившія въ ритуалъ. Впослѣдствіи священный характеръ ихъ могъ утрачиваться, становиться пережиткомъ, и тавромахія превращаться больше въ спортъ и акробатство, въ развлеченіе, зрѣлище [3]). Судя по нѣкоторымъ изображеніямъ, были и культовые, священные танцы (сравн. экстатическіе танцы, напр., русскихъ сектантовъ [4]). А къ числу чисто свѣтскихъ развлеченій обитателей критскихъ дворцовъ принадлежала игра въ шашки, какъ доказываетъ найденная въ Кноссѣ великолѣпная шахматная доска изъ слоновой кости съ украшеніями изъ золота, серебра, горнаго хрусталя.

Замѣчательно, что развалинъ или слѣдовъ храмовъ, какъ отдѣльныхъ зданій, на Критѣ не найдено: очевидно, храмовъ тамъ не было. Были лишь жертвенники или алтари, домашнія молельни во дворцахъ, съ престолами. Божества почитались также въ священныхъ рощахъ, въ пещерахъ, въ священныхъ огороженныхъ мѣстахъ. Какъ показываютъ могилы и разрисованный саркофагъ, о которомъ мы еще будемъ говорить, существовалъ культъ умершихъ.

Типы могилъ на Критѣ разнообразны, въ зависимости, можетъ быть, отъ эпохи, народности, знатности или незнатности погребеннаго. Обычно встрѣчается погребеніе въ землѣ, но есть случаи сожженія умершихъ. Могилы были часто

---

[1]) Съ чѣмъ, однако, не всѣ согласны. См. напр. E. Meyer, Gesch d. Altert., I², 2, 637, прим.

[2]) Evans, The Mycen. Tree and Pillar Cult and its mediterranean relations Lond, 1901 (изъ Journ. of Hellen. Stud., XXI). См. замѣчанія у Е. Е. Кагарова, стр. 24—25.

[3]) Ѳ. И. Шмитъ, стр. 184.

[4]) В. Л. Богаевскій, Нов. минойское кольцо съ изображеніемъ культоваго танца (Зап. классич. отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., VII, 1913). Авторъ видитъ въ танцѣ этомъ родъ симпатической магіи такимъ способомъ вызывается появленіе божества.

общими, иногда для костей и череповъ отводилось особое мѣсто. Въ общемъ, критскія могилы можно подвести подъ два типа — шахтообразныя и куполообразныя. Послѣднія, характеризующія собственно микенскую эпоху, на Критѣ встрѣчаются еще раньше. Прототипомъ для нихъ послужили, вѣроятно, первобытныя жилища круглой или овальной формы. Одна изъ такихъ могилъ, съ θолосомъ и съ ведущимъ къ нему коридоромъ, дромосомъ, открыта у Hagia Triada (см. „Введеніе"[3], стр. 436). Царское погребеніе въ Исопатѣ, близъ Кносса, къ сожалѣнію, было еще въ древности разграблено, такъ что въ могилѣ почти ничего не осталось; только немногіе предметы свидѣтельствуютъ о быломъ ея богатствѣ.

Съ представленіями о загробной жизни и связанными съ этимъ жертвоприношеніями знакомитъ насъ расписной саркофагъ изъ Hagia Triada[1]), чрезвычайно интересный и въ художественномъ отношеніи.

На одной изъ продольныхъ сторонъ саркофага, направо, изображена какая-то небольшая постройка, повидимому, камера, съ изукрашенной спиралями дверью. Спиною къ ней стоитъ мужская фигура, завернутая въ плащъ изъ звѣриной шкуры, словно въ саванъ; передъ нею — пальмовое дерево и трое мужчинъ, одинъ за другимъ, съ подношеніями: одинъ подноситъ предметъ въ родѣ ладьи (или слоноваго клыка), двое другихъ — по теленку. Мужчины обнажены по поясъ, ниже пояса одѣты въ платье, точнѣе въ юбку изъ звѣриныхъ шкуръ. Фонъ, на которомъ изображены эти фигуры, голубой, тогда какъ остальной фонъ фресокъ на этой сторонѣ саркофага бѣлый. Лѣвѣе, спиною къ только что описанной сценѣ, изображена фигура (по темному цвѣту лица мужчина, а по одеждѣ — женщина) съ музыкальнымъ инструментомъ, въ родѣ лиры, въ рукахъ. Впереди ея женщина съ короной на головѣ, въ богатой одеждѣ; на плечахъ у нея коромысло съ двумя корзинами или ведрами. Далѣе — женщина (опять въ платьѣ изъ звѣриной шкуры) льетъ изъ подобнаго же сосуда какую-то жидкость въ большой кратеръ, стоящій между двумя древесными стволами или столпами, сверху которыхъ двойные топоры и на каждомъ сидитъ птица. На другой продольной сторонѣ, гораздо хуже сохранившейся, между прочимъ, тоже изображенъ столпъ съ двойнымъ топоромъ и птицей, жертвенникъ, предъ которымъ стоитъ женщина, въ

---

[1]) Библіографич. указанія — въ моемъ „Введеніи"[3], стр. 435, прим. 2.

платьѣ изъ звѣриной шкуры, съ протянутыми руками, со взглядомъ, устремленнымъ впередъ; на жертвенникѣ — корзина и графинъ, а вверху, какъ бы въ воздухѣ, тоже корзина съ фруктами. Налѣво отъ этой женщины лежитъ на подставкахъ связанный быкъ, очевидно, предназначенный для жертвоприношенія; ниже его, на землѣ, двѣ козы или лани; а вверху изъ-за быка виднѣется мужчина съ флейтой во рту, съ надутыми отъ усилій щеками. Налѣво сохранилась только нижняя часть росписи — ноги и длинныя платья нѣсколькихъ человѣческихъ фигуръ. На этой продольной сторонѣ фонъ направо голубой, посрединѣ — бѣлый, налѣво — желтый. На обѣихъ продольныхъ сторонахъ саркофага фрески обрамлены розетками и спиралями. На боковыхъ сторонахъ — колесница съ двумя сидящими въ ней женскими фигурами; на одной сторонѣ колесницу везутъ лошади, на другой — чудовища, грифоны, надъ которыми изображена птица, обращенная къ сидящимъ въ колесницѣ.

Представляютъ ли изображенія на продольныхъ сторонахъ саркофага двѣ отдѣльныхъ сцены или же одна служитъ продолженіемъ другой, мнѣнія расходятся. Вообще объясненія деталей могутъ быть разныя; но въ общемъ предъ нами, повидимому, погребальный ритуалъ, жертвоприношеніе умершему.

Къ позднѣйшей порѣ минойской культуры относятся глиняные или терракотовые саркофаги — ларнаки, формой своей напоминающіе галоши. Тѣла покойниковъ клались въ нихъ на дно съ поднятыми и согнутыми ногами.

Уже въ эпоху минойской культуры извѣстно было письмо: таблички съ письменными знаками, содержащія, повидимому, разные инвентари, счета, квитанціи и т. п., насчитываются тысячами; были письменные знаки и на печатяхъ, и на другихъ предметахъ. Письмена критскія двухъ системъ: письмо „пиктографическое“, образное, въ родѣ іероглифовъ, по мнѣнію Эванса, господствовавшее въ восточной части Крита, у этеокритянъ, древнѣйшаго туземнаго населенія; другое — „линейное“, приближающееся къ буквеннымъ знакамъ; есть сходство съ нѣкоторыми знаками финикійскаго алфавита. Быть можетъ, отъ этого письма ведетъ начало европейскій алфавитъ... Къ сожалѣнію, критскія письмена еще не разобраны. Письменными знаками являются и тѣ изображенія, которыя находятся на небольшомъ терракотовомъ дискѣ, най-

денномъ въ Фестѣ[1]). Среди этихъ знаковъ чаще всего повторяется двойной топоръ, лира, человѣческая голова въ коронѣ или въ шлемѣ съ перьями. Послѣднее изображеніе особенно интересно: оно чрезвычайно сходно съ изображеніемъ народа Pulasati, т. е. филистимлянъ, находящемся на египетскихъ памятникахъ времени Рамзеса III. Однако, былъ ли дискъ этотъ туземнаго, критскаго, происхожденія или же онъ очутился здѣсь, будучи завезенъ изъ какой-либо иной страны, неизвѣстно.

Критско-микенская культура имѣетъ болѣе, чѣмъ тысячелѣтнюю исторію, и кносскій, какъ и фестскій, дворецъ насчитываетъ нѣсколько періодовъ въ своемъ существованіи. Древнѣйшіе остатки старины въ Кноссѣ, какъ мы видѣли, относятся еще къ неолитическому періоду, а начало бронзоваго вѣка — къ третьему тысячелѣтію. Въ началѣ второго тысячелѣтія былъ построенъ въ Кноссѣ первый дворецъ; почти одновременно и въ Фестѣ строится первый дворецъ. Вскорѣ какъ тамъ, такъ и здѣсь на мѣстѣ перваго дворца возникаетъ второй, который затѣмъ подвергается перестройкѣ. Около 1400 г. оба эти дворца, какъ кносскій, такъ и фестскій, разрушаются, погибаютъ въ пламени. Въ XIII—XII вв. настаетъ конецъ критско-микенской культурѣ.

Сверхъ неолитическаго слоя, по примѣру Эванса[2]), принимаютъ обыкновенно три періода минойской культуры: 1) ранне-минойскій (Early Minôan), 2) средне-минойскій (Middle-Minôan) и 3) поздне-минойскій (Late-Minôan), и каждый подраздѣляютъ еще на три части, напр.: ранне-минойскій I, ранне-минойскій II, ранне-минойскій III и т. д. Расцвѣтъ минойской культуры начинается со II средне-минойскаго періода. Это — время перваго дворца въ Кноссѣ и въ Фестѣ, стиля Kamares. Высшаго блеска минойской культуры и могущества Критъ достигаетъ въ концѣ средне-минойской и въ началѣ поздне-минойской эпохи. Это — время второго дворца въ Кноссѣ и Фестѣ, дворца въ Hagia Triada, эпоха натурализма. Къ ней относится бо̀льшая часть фресокъ, „ваза жнецовъ“ изображеніе козы съ дѣтенышами, дискъ изъ Феста, быть можетъ, линейное письмо. Второй поздне-минойскій періодъ характеризуется господствомъ условнаго, такъ называемаго

---

[1]) См. „Введеніе“, стр. 433, и библіографич. указанія тамъ же въ прим.

[2]) Essai de la classification des époques de la civilis. minoenne. Londres 1906.

„дворцоваго стиля“ (Palace-Style); къ послѣдней эпохѣ (III) поздне-минойской принадлежатъ, какъ уже упомянуто, глиняные саркофаги, ларнаки [1]). Что касается росписного саркофага изъ Hagia Triada, о которомъ мы говорили, то его тоже относятъ къ позне-минойскому періоду, ко II, если не къ началу III [2]).

Не говоря уже о лежащемъ близъ самаго берега Крита островкѣ Мохлѣ, гдѣ найдены поселеніе и многочисленныя могилы, а въ нихъ различные предметы, — эгейская культура распространялась на Кикладахъ и другихъ островахъ (древнѣйшій періодъ этой культуры здѣсь носитъ спеціальное названіе — культуры кикладской или островной), особенно на Аморгосѣ, на Ѳерѣ, подъ толстымъ слоемъ лавы, и на Мелосѣ. Съ послѣднимъ Критъ имѣлъ тѣсныя сношенія: въ древности Мелосъ былъ главнымъ поставщикомъ орудій изъ обсидіана, находимыхъ и на Критѣ. На Мелосѣ, въ Филакопи, были поселенія въ родѣ тѣхъ, которыя находились на Критѣ въ Гурніи. Имѣются развалины трехъ городовъ, послѣдовательно строившихся одинъ на мѣстѣ другого. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе дома второго города, обыкновенно состоявшіе изъ двухъ комнатъ, и интересныя фрески съ изображеніями летающихъ рыбъ. Отъ третьяго города сохранились остатки дворца; улицы этого города пересѣкались подъ прямымъ угломъ. Изъ предметовъ, находимыхъ вообще на Кикладахъ, слѣдуетъ отмѣтить „обрѣзные камни“, геммы, керамику, каменные женскіе „идолы“ со скрещенными руками и изображенія въ видѣ скрипки или цифры 8.

Слѣды критско-микенской культуры имѣются и на Родосѣ, Кипрѣ (могильныя находки въ Энкоми), гдѣ, однако, существовала и иная, хотя бы и родственная культура („Кипрскія вазы“ [3])), на Эгинѣ.

---

[1]) Хронологію минойской культуры можно приблизительно установить благодаря тому, что критско-микенскіе предметы находятся среди датированныхъ египетскихъ памятниковъ; съ другой стороны, египетскіе предметы, дата которыхъ можетъ быть установлена, имѣются въ слояхъ критско-микенской культуры. Значительная разница въ хронологіи замѣчается у Эванса по сравненію съ новѣйшими изслѣдователями. Зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что Эвансъ относитъ эпоху XII египетской династіи къ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ то, которое недавно установлено Эд. Мейеромъ

[2]) Fimmen, Zeit und Dauer der kretisch-myken. Kultur. Leipz.-Berl. 1909.

[3]) О Кипрѣ подробно у Dussaud. По Poulsen, Der Orient und die frühgriech. Kunst. Berl.-Leipz. 1912, металлическія чаши — финикійскія, во всякомъ случаѣ — сирійскія, а не кипрскія, какъ полагаетъ Dussaud.

II.

Кромѣ Крита, другимъ замѣчательнымъ мѣстонахожденіемъ древнѣйшей культуры въ районѣ Эгейскаго моря была Троя[1]).

Въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Геллеспонта, возвышается холмъ, по-турецки называемый Гиссарликъ (собственно Асарлыкъ), „Мѣсто развалинъ". Это и есть то мѣсто, гдѣ въ греко-римскую эпоху былъ Новый Иліонъ, а раньше — прославленная въ преданіяхъ гомерическая Троя, отыскивая которую Шлиманъ произвелъ тутъ свои знаменитыя раскопки. Мѣстность совершенно соотвѣтствуетъ описаніямъ Гомера[2]). На юго-востокъ отъ Гиссарлика возвышается величественная Ида, на вершинѣ которой, какъ говорится въ VIII пѣснѣ Иліады (ст. 51 сл.), Зевсъ возсѣлъ, „градъ созерцая Троянъ и суда мѣднобронныхъ Данаевъ", и съ которой онъ бросалъ перуны въ „ахейскія рати". На западъ предъ Гиссарликомъ разстилается долина древняго Скамандра (теперь р. Мендере), на сѣверъ — долина Симоиса (теперешняго Думбрека), далѣе виднѣются Геллеспонтъ и море, острова Тенедосъ, Имбросъ и горная вершина Самоѳракіи „лѣсистой", съ которой „мощный земли колебатель", Посейдонъ, взиралъ на кровавую битву:

„..... оттолѣ великая видѣлась Ида,
Видѣлась Троя Пріама и станъ корабельный Ахеянъ".

(Ил., XIII, 10 сл.).

Здѣсь, на Гиссарликѣ, въ древности существовало девять поселеній, возникавшихъ одно за другимъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая греко-римской эпохой. Тутъ предъ нами длинная смѣна разныхъ культурныхъ періодовъ.

Древнѣйшее поселеніе или „первый городъ" (первый — считая снизу, отъ твердой земли или материка) относятъ къ неолитической эпохѣ, приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х.[3])

---

[1]) Dörpfeld, Troja und Ilion. Athen. 1902. Библіографія — въ моемъ „Введеніи"[3], стр. 318—319.

[2]) Leaf, Troy. A. Study in Homeric Geography. Lond. 1912.

[3]) Таково обычное мнѣніе. Основываясь на Reisinger, Kretische Vasenmalerei vom Kamares-bis zum Palast-Stil. Leipz. 1912, Б. В. Фармаковскій, въ предисловіи къ рус. пер. книжкѣ Лихтенберга, стр. XXI, прим. Трою относитъ не къ каменному вѣку, а къ одному періоду съ I и II средне-минойскимъ; II Трою — не къ третьему тысячелѣтію, а ко второму (=I поздне-минойскому).

Рядъ небольшихъ стѣнъ, внутри ихъ довольно жалкія жилища, каменныя орудія — топоры, ножи и проч. — изъ нефрита; утварь — сосуды, преимущественно черные, изъ глины, сдѣланные большею частью отъ руки, безъ всякихъ украшеній или съ украшеніями чрезвычайно простыми, примитивными, въ родѣ зигзагообразныхъ линій и точекъ, нацарапанныхъ на глинѣ и наполненныхъ мѣломъ; раковины, рыбьи кости и кости животныхъ — быка, барана, козы, кабана,— все это указываетъ на еще низкую степень культуры обитателей этого „города", занимавшихся скотоводствомъ и рыбною ловлею.

Гораздо интереснѣе, богаче и сильнѣе, несравненно выше въ культурномъ отношеніи былъ второй городъ или, собственно говоря, акрополь, защищенный крѣпкою стѣною, съ сильными выступами и воротами. За нею, внутри — зданія; между ними резиденція властителя — дворецъ, открытый къ югу, представляющій уже въ зародышѣ тотъ типъ дворцовъ, который развился въ болѣе позднюю микенскую эпоху. О богатствѣ и сношеніяхъ владѣтелей этого „города" говорятъ предметы, найденные въ немъ, въ особенности такъ называемый „большой кладъ" — слитки серебра, сосуды и блюда изъ драгоцѣнныхъ металловъ, золотыя діадемы и множество мелкихъ вещей. Оружіе — бронзовое; кромѣ металлическихъ сосудовъ, интересны глиняные разнообразной формы, напр. съ изображеніемъ лица (т. наз. „лицевыя вазы") или животныхъ, а изъ идоловъ обращаетъ на себя вниманіе женская нагая фигура, съ локономъ волосъ въ видѣ рога около уха, съ скрещенными на груди руками и съ рѣзкимъ обозначеніемъ пола. Запасы зерна показываютъ, что обитатели этого города занимались хлѣбопашествомъ, на ряду со скотоводствомъ.

Этотъ второй городъ, ошибочно принятый Шлиманомъ за гомерическую Трою, болѣе древній, чѣмъ эпоха гомерическая и даже эпоха, характеризуемая памятниками Микенъ, относится къ бронзовому вѣку, ко второй половинѣ III тысячелѣтія (ок. 2500—2000 [1]). Въ его существованіи было два или даже три періода и палъ онъ вслѣдствіе какой-то катастрофы, погибъ въ огнѣ, отъ пожара и, вѣроятно, руки врага.

Культура двухъ первыхъ городовъ называется троянскою. Она, какъ сказано, древнѣе культуры не только гомерической, но и микенской.

---

[1]) По господствующему мнѣнію. Ср. однако предыдущее примѣчаніе.

На мѣстѣ этихъ городовъ возникли одно за другимъ три незначительныхъ поселенія (III, IV и V „городъ"), а затѣмъ „шестой городъ", изслѣдованный Дерпфельдомъ и относящійся ко второй половинѣ II тысячелѣтія (приблизительно 1500—1100 г.) до Р. Х., — городъ съ микенскою культурою. Это и есть Троя, воспѣтая Гомеромъ. Ея акрополь — ибо въ сущности и здѣсь сохранились развалины только акрополя — занимаетъ значительно большее пространство, чѣмъ „второй городъ". Онъ обнесенъ былъ могучей стѣной, шедшей полукругомъ, ломаною линіей, изъ большихъ, хорошо отесанныхъ и пригнанныхъ одинъ къ другому камней. Ее защищаютъ съ боковъ далеко впередъ выступающія три башни, при чемъ сѣверо-восточная башня, самая большая и крѣпкая, имѣла внутри колодезь, очевидно, чтобы не лишить защитниковъ воды на случай осады. Въ стѣнѣ трое большихъ воротъ. Постройки расположены на трехъ концентрическихъ террасахъ, подымавшихся къ центру акрополя. Внутри стѣнъ, на второй и третьей террасѣ, многочисленныя зданія; въ самой срединѣ, на вершинѣ, — дворецъ царя. Стѣны зданій изъ тесаныхъ гладко камней, что напоминаетъ описаніе у Гомера дворца Пріама и его спаленъ, которыхъ было „двѣнадцать, подъ кровлей одною, изъ тесаныхъ камней". Въ помѣщеніи, служившемъ кладовой, при раскопкахъ найдены стоящими одинъ подлѣ другого огромные глиняные сосуды, пиѳы, въ которыхъ хранилось зерно и прочіе припасы. И живо вспоминаются слова Гомера о кладовой Телемакова отца (Од., II, 338 сл.): это было.

„Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;
Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;
Куфы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ.

Сосуды и вообще предметы въ шестомъ городѣ — микенской эпохи. Очевидно, были тѣсныя связи и сношенія этого города съ центрами критско-микенской культуры, но все здѣсь мельче, нежели на Критѣ, въ Кноссѣ и Фестѣ.

И этотъ городъ погибъ, подобно второму, вслѣдствіе внѣшней катастрофы — отъ огня и руки побѣдителя, о чемъ говорятъ слѣды сильнаго пожара и разрушенія. Такъ поэтическія преданія грековъ о паденіи Трои находятъ себѣ подтвержденіе въ новѣйшихъ открытіяхъ, въ свидѣтельствахъ археологіи Здѣсь, у Геллеспонта, гдѣ азіатскій берегъ такъ близокъ къ европейскому, въ этой мѣстности, которая служила мостомъ

изъ Азіи въ Европу, происходила борьба[1]). Мы видимъ болѣе, нежели тысячелѣтнюю исторію, разные слои культуры, рядъ поселеній, одно на мѣстѣ другого, изъ которыхъ нѣкоторыя погибали, разрушаемыя торжествующимъ побѣдителемъ.

III.

На континентѣ Греціи главнымъ — извѣстнымъ намъ — средоточіемъ эгейской культуры являются Микены и Тиринѳъ. Оба города — въ Пелопоннесѣ, въ области Арголиды.

Столица Агамемнона, по преданію грековъ, мѣсто дѣйствія кровавыхъ драмъ въ его семьѣ, „богатыя золотомъ" Микены, какъ называетъ ихъ эпосъ, находились въ верстахъ 15 отъ морского берега[2]), на пути изъ Аргоса въ Коринѳъ и къ Коринѳскому заливу, и расположены были между двумя горами на возвышенномъ плато. Въ противоположность незащищеннымъ критскимъ дворцамъ, въ Микенахъ мы видимъ акрополь, хорошо укрѣпленный. Онъ былъ окруженъ громадными, „циклопическими" стѣнами, толщиною отъ 3 до 7 метровъ, а кое-гдѣ даже до 14 м. Въ ихъ кладкѣ можно различить троякую технику: въ одномъ мѣстѣ — почти не отдѣланныя каменныя глыбы, въ другомъ — большіе четыреугольные камни, положенные правильными горизонтальными слоями, и наконецъ отесанные, тщательно подогнанные одинъ къ другому многоугольники правильной формы. Очевидно, стѣны эти принадлежатъ разному времени: первыя, сложенныя изъ неотдѣланныхъ каменныхъ глыбъ, древнѣе, послѣднія изъ многоугольныхъ камней — новѣе. Доступъ въ акрополь открывали знаменитыя „Львиныя ворота": два колоссальныхъ камня, сверху прикрытыхъ толстою плитою, на которой стоитъ колонна, нѣсколько расширяющаяся, а по бокамъ ея двѣ львицы. Внутри акрополя былъ дворецъ съ мегарономъ, залой.

О богатствѣ и роскоши микенскихъ властителей краснорѣчиво говорятъ намъ шахтообразныя могилы, которыя открыты были Шлиманомъ въ акрополѣ недалеко отъ Львиныхъ воротъ и которыя впервые дали ясное понятіе о микенской культурѣ. Могилы эти, если не Агамемнона и его спутниковъ, какъ убѣжденъ былъ Шлиманъ, то, во всякомъ случаѣ, царскія, съ мас-

---

[1]) Leaf, Homer and History. 1915.

[2]) Тутъ подтверждается наблюденіе Ѳукидида, что въ древности города строились не на самомъ берегу, въ видахъ безопасности отъ пиратовъ (I, 7).

сой разнаго рода драгоцѣнностей и украшеній; съ золотыми масками на лицахъ нѣкоторыхъ покойниковъ; съ золотыми идольчиками женскаго божества — въ родѣ Астарты, — у котораго на головѣ и на плечахъ изображены голуби; съ изображеніями бычачьей головы, знакомыми намъ по Криту, грифоновъ, полиповъ, медузъ; съ многочисленными сосудами изъ глины, алебастра, мѣди, серебра и золота; съ оружіемъ. Съ точки зрѣнія техники и по сходству съ находками въ Египтѣ замѣчательны бронзовые мечи или, скорѣе, кинжалы, обоюдоострые, довольно узкіе, но длинные: ими можно было колоть, но не рубить. На ихъ клинкахъ — накладныя изображенія (инкрустаціи). На одномъ изображенъ, напр., берегъ рѣки съ растеніями въ родѣ папируса и хищныя животныя (кошки?), бросающіяся на птицъ, похожихъ на утокъ; на другомъ чрезвычайно живо представлена борьба со львами; на третьемъ — три бѣгущихъ другъ за другомъ льва. По живости и натуральности замѣчательны также сцены охоты и сраженія па перстняхъ.

Есть вещи и черты въ Микенахъ, чрезвычайно напоминающія описываемыя Гомеромъ, ибо эпосъ хранитъ память о микенской культурѣ: послѣдняя находитъ себѣ въ немъ отраженіе на ряду съ собственно гомерической эпохой. Одинъ кубокъ, золотой, съ двумя ручками, сверху которыхъ изображено по голубю, удивительно похожъ на кубокъ Нестора, о которомъ говорится у Гомера (Ил., XI, 632 сл.), что былъ онъ.

„Дивно прекрасный, гвоздями усѣянный весь золотыми.
Ручки имѣлъ онъ четыре, и около каждой паслися
Горлицы двѣ золотыя“...

(Перев. Н. М. Минскаго.)

А обломокъ серебряной вазы даетъ, въ видѣ рельефа, очень живое изображеніе сраженія у городской стѣны: сдѣлана, повидимому, вылазка; впереди идутъ пращники, поднявъ высоко надъ головой пращи, за ними стрѣлки изъ лука, немного припавъ на колѣна, и наконецъ прикрытые большими щитами воины съ копьями. Большинство сражающихся представлены нагими. На холмѣ возвышается городская стѣна; на ней — жители, женщины; ихъ позы и жесты выражаютъ сильное волненіе; за ними видны зданія; на фонѣ — деревья. Съ костюмомъ и вооруженіемъ воиновъ знакомитъ насъ большая ваза позднѣйшаго времени микенской культуры: воины изображены здѣсь въ шлемахъ, съ небольшимъ круглымъ щитомъ, копьемъ, въ короткой одеждѣ, замѣняющей панцырь.

Сцены изъ военной и охотничьей жизни имѣются и на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ каменныхъ стелъ, которыя найдены выше могилъ и которыя, несомнѣнно, имѣютъ отношеніе къ погребенію[1]); барельефы изображаютъ, напр., колесницу, на ней воинъ, правящій конемъ; съ боку у него мечъ; а впереди коня — человѣкъ съ поднятымъ мечомъ. На стелѣ, кромѣ колесницы, возницы и коня, изображено еще животное, повидимому, собака. Орнаментъ — обычный, характеризующій памятники микенской культуры, — въ видѣ спиралей.

За предѣлами акрополя находились другія могилы — куполообразныя, тоже царскія или, во всякомъ случаѣ, знатныхъ особъ, и тоже микенской эпохи, но болѣе поздняго ея періода, нежели шахтообразныя въ акрополѣ. Самая знаменитая изъ нихъ — такъ называемая „Сокровищница царя Атрея", дающая, въ свою очередь, понятіе о роскоши и богатствѣ тогдашнихъ погребальныхъ сооруженій. Къ куполообразному помѣщенію велъ длинный дромосъ; у входа два столба, книзу суживающіеся, изъ темносѣраго алебастра, украшенные зигзагами и спиралями; надъ дверями, замыкая углубленіе, въ видѣ треугольника, — плита изъ краснаго порфира, тоже съ украшеніями; остальная часть фасада облицована плитами изъ краснаго, зеленаго и бѣлаго мрамора, со скульптурными украшеніями. Внутри куполъ украшенъ былъ золотыми розетками, дававшими при свѣтѣ факеловъ большой эффектъ. Къ куполообразному помѣщенію примыкала небольшая собственно погребальная камера. Микенскія могилы показываютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ царствовавшихъ домахъ и среди знати существовалъ культъ предковъ.

У стѣнъ микенскаго акрополя ютился небольшой городъ, судя по слѣдамъ домовъ и многочисленнымъ могиламъ, небольшимъ, гораздо болѣе простымъ, нежели описанныя выше.

Въ Тиринѳѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя его укрѣпленія и дворецъ.

Тиринѳъ лежалъ ближе къ морю, въ верстахъ двухъ отъ берега, на скалистой возвышенности, подымавшейся изъ

---

[1]) Къ погребенію имѣетъ отношеніе и каменный кругъ изъ двойного ряда или кольца каменныхъ плитъ, поставленныхъ вертикально и сверху прикрытыхъ тоже плитами, и овальный — въ видѣ спиралей — алтарь, циклопической постройки, изъ большихъ камней, съ круглымъ посрединѣ отверстіемъ въ видѣ колодца; кругъ находился въ древности на самой поверхности, а подъ нимъ были алтарь, стелы и могилы.

окружающей болотистой низменности. Развалины его до начала раскопокъ Шлимана и Дерпфельда представляли собой груды каменныхъ глыбъ, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Это — остатокъ древнихъ тиринѳскихъ стѣнъ, о которыхъ Павсаній говоритъ, что онѣ, наравнѣ съ такъ называемою „Сокровищницею царя Минія“ въ беотійскомъ Орхоменѣ, заслуживаютъ не меньшаго удивленія, чѣмъ египетскія пирамиды. Подобно Микенамъ, и Тиринѳъ считался у грековъ сооруженіемъ „циклоповъ“. По преданіямъ онъ древнѣе Микенъ, которыя, возвысившись, затмили его славу и даже впослѣдствіи подчинили его себѣ.

Тиринѳскій акрополь вѣнчалъ собой возвышенность въ 300 метровъ длины и 100 ширины. Возвышенность эта, понижаясь къ сѣверу, состоитъ какъ бы изъ трехъ террасъ. На самой высокой террасѣ, на югѣ, находился царскій дворецъ, на средней — помѣщеніе для слугъ и воиновъ, а ниже тянулись кладовыя, конюшни и прочія службы. Все это окружено было высокими толстыми стѣнами, сложенными изъ слегка лишь отесанныхъ — да и то не всегда — каменныхъ глыбъ громадныхъ размѣровъ и тяжести, вѣсомъ отъ 200 до 800 пудовъ. Въ промежуткахъ между этими колоссальными глыбами насыпанъ болѣе мелкій камень. Стѣны толщиной въ нижней части акрополя 7—8 метровъ, а въ верхней — отъ 5 до 15 и даже до $17^1/_2$ метровъ. Въ толщѣ ихъ существовала цѣлая сѣть ходовъ и коридоровъ, камеръ со стрѣльчатымъ сводомъ. Эти своего рода казематы служили магазинами или кладовыми.

Въ акрополь было два входа. Одинъ — на западной сторонѣ, узкій, доступный только для пѣшеходовъ; тутъ лѣстница вела ко дворцу. Другой, главный входъ или, лучше сказать, въѣздъ находился на восточной сторонѣ. Здѣсь дорога, постепенно подымаясь, шла сначала по направленію съ сѣвера на югъ у подножія окружной стѣны акрополя, подъ прикрытіемъ ея выступовъ и башенъ. Дойдя до самой вершины возвышенности, она чрезъ проходъ, оставленный въ окружной стѣнѣ, вступала въ узкій промежутокъ, образуемый слѣва только что названною стѣною, а справа дворцовыми стѣнами, и такимъ образомъ шла до воротъ, имѣвшихъ крѣпкіе запоры. Миновавши ворота, дорога приводила, наконецъ, къ обширной эспланадѣ, въ юго-восточномъ углу акрополя, гдѣ находились большіе Пропилеи, служившіе ужъ входомъ въ дворцовыя помѣщенія.

Таковы были тиринѳскія укрѣпленія. Тутъ виденъ строго обдуманный планъ, цѣлая сложная система. Имѣлось въ виду, чтобы, въ случаѣ вторженія непріятеля, правая сторона нападающихъ, не прикрытая щитомъ, находилась подъ ударами защитниковъ акрополя. А чтобы выполнить подобный планъ, чтобы возвести стѣну изъ огромныхъ камней, вѣсомъ въ нѣсколько сотъ пудовъ, конечно, нужны были опытные и искусные архитекторы, цѣлые отряды рабочихъ и громадныя средства.

Тиринѳскій дворецъ занималъ пространство вдвое, если не втрое, меньше, чѣмъ большіе критскіе дворцы. Примыкавшій къ нему дворъ былъ окруженъ портиками и вымощенъ мелкимъ камнемъ. Вспомнимъ, что и у Гомера, при описаніи дворца Одиссея (О., XVII, 264 сл.) упоминается „широкій и чисто мощеный дворъ". Основной планъ главной части дворца — прототипъ греческаго храма [1]). Тутъ мы видимъ большую залу, мегаронъ, и посреди нея домашній очагъ, окруженный четырьмя колоннами, что опять соотвѣтствуетъ описанію Гомера: Навсикая говоритъ Одиссею (Од., VI, 305), что, войдя во дворецъ Алкиноя, онъ найдетъ царицу „тамъ передъ ярко блестящимъ очагомъ",

„Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити
Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня, и на нихъ онъ
Сидя виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный".

Слѣва главнаго строенія были многочисленные коридоры и небольшія комнаты, въ числѣ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе баня или ванная. Ея полъ состоитъ весь изъ одного колоссальнаго камня вѣсомъ, по крайней мѣрѣ, въ 20 000 килограммовъ, т. е. болѣе 1200 пудовъ; посреди находилась ванна и устроенъ былъ особый каналъ для стока воды. Извѣстно, какую роль играетъ омовеніе въ гомерическомъ эпосѣ: первое, что предлагаютъ путнику или гостю, — это принять ванну... Направо отъ главной половины дворца находилась другая, вѣроятно, женская половина, не имѣвшая прямого, непосредственнаго сообщенія съ мегарономъ, отдѣленная отъ послѣдняго цѣлымъ рядомъ дверей и узкихъ переходовъ. Въ этой же части дворца, наиболѣе удаленной, были спальня, оружейная, казнохранилище и т. под.

---

[1]) Dussaud², стр. 196.

Подъ этимъ дворцомъ, открытымъ Шлиманомъ, былъ дворецъ болѣе древній, открытый Дерпфельдомъ, а подъ нимъ, — во дворѣ — нѣсколько небольшихъ могилъ (въ одной изъ нихъ трупъ въ сгорбленномъ положеніи), а ниже слоя могилъ — два древнѣйшихъ поселенія...

Владѣтели „микенскихъ" дворцовъ заботились не только объ ихъ укрѣпленіи и объ удобствахъ, но и объ ихъ украшеніи. До извѣстной степени подтверждаются слова Телемака, при видѣ дворца Менелая (Од., IV, 71 сл.):

„Видишь, какъ много здѣсь мѣди, сіяющей въ звонкихъ покояхъ;
Блещетъ все златомъ, сребромъ, янтаремъ, слоновою костью;
. . . . . .
Что за богатство, какъ много всего . . . ."

или вспомнимъ извѣстное описаніе Алкиноева дворца (Од., VIII, 81 сл.). Въ Тиринѳѣ, напр., алебастровый фризъ украшенъ былъ лаписъ-лазурью, съ изображеніемъ, между прочимъ, розетокъ и спиралей, столь часто встрѣчаемыхъ въ Микенахъ. И въ Одиссеѣ стѣны дворца Алкиноя „были сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазури". По поводу описанія дворца Алкиноя у Гомера англійскій ученый Burrows замѣчаетъ, что первыя греческія поэмы распѣвались людьми, слышавшими объ этихъ дворцахъ, какъ о живыхъ реальностяхъ, даже если они сами и не видѣли ихъ; распѣвались людьми, быть можетъ, разгуливавшими по дворцамъ, если не какъ ихъ строители, то, по крайней мѣрѣ, какъ наемники или какъ пираты [1]).

Полъ въ тиринѳскомъ мегаронѣ представляетъ своего рода мозаику или узорчатый коверъ изъ красныхъ и голубыхъ полосъ. Но особенно замѣчательна стѣнная живопись. На стѣнахъ были фрески, не только изображающія спирали и розетки, но и съ довольно сложными сюжетами, освѣщающія намъ тогдашній бытъ. Части этихъ фресокъ сохранились. Такъ, въ упомянутой уже ванной комнатѣ, на стѣнѣ изображенъ былъ мчащійся быкъ, а на немъ человѣкъ; одной ногой онъ касается спины быка, а другая высоко приподнята въ воздухѣ; лѣвою рукою онъ держитъ быка за рога, — сюжетъ, столь распространенный и на Критѣ, имѣющій, быть можетъ, отношеніе къ культу. Фонъ картины голубой; быкъ — желтоватый съ красными пятнами. Фреска эта извѣстна еще со

---

[1]) The Discoveries in Crete, стр. 209.

времени раскопокъ Шлимана. Еще интереснѣе фрески, открытыя въ недавнее время[1]). Въ болѣе древнемъ дворцѣ, раскопанномъ послѣ Шлимана, имѣется фрагментъ, изображающій двухъ идущихъ „охотниковъ“ или „оруженосцевъ“, съ обнаженной головой, съ черными волосами, ниспадающими до плечъ, съ локонами на лбу, въ одеждѣ съ короткими рукавами, стянутой у таліи поясомъ и доходящей до середины бедеръ; у каждаго въ правой рукѣ по два копья. Фризъ, украшавшій второй, болѣе поздній, дворецъ, представлялъ, судя по остаткамъ изображенія, какую-то процессію женщинъ почти въ натуральную величину. Техника этихъ фресокъ — критская, тѣла мужчинъ — темнаго цвѣта, женщинъ — бѣлаго; та же, что̀ и на Критѣ, манера изображать голову, глазъ, волосы. Костюмъ „дамъ“ тоже критской моды: корсажъ съ короткими рукавами, широко открытый спереди, съ сильно выдавшейся впередъ грудью, платье съ воланами, въ нѣсколько рядовъ оборокъ. Но одежда мужчинъ иная.

Особенно же замѣчательны сцены охоты. Одинъ изъ сохранившихся фрагментовъ фрески изображаетъ травлю кабана; большія рябыя собаки, въ ошейникахъ, его настигаютъ; впереди видна рука, вонзающая копье въ плечо кабана; другое копье вонзилось около уха. На второмъ фрагментѣ той же фрески — кабанъ, попавшій въ сѣти; охотники или слуги, пѣшіе, держащіе еще не спущенныхъ собакъ. Въ охотѣ принимаютъ участіе и женщины: съ краю изображены колесницы съ „дамами“, быть можетъ, приглашенными зрительницами. Фреска эта покрывала фризъ всѣхъ четырехъ стѣнъ мегарона. Дюссо сравниваетъ подобныя охотничьи сцены съ охотой восточныхъ, ассирійскихъ царей или средневѣковыхъ знатныхъ феодаловъ. „Могущество ахейское, которое воспѣваютъ гомерическія поэмы, но элементы котораго онѣ безсильны возстановить, находитъ себѣ здѣсь“, въ Микенахъ и Тиринѳѣ, „наиболѣе вѣрное свое изображеніе“[2]). Вообще тутъ все носитъ болѣе воинственный отпечатокъ, нежели на Критѣ.

Тиринѳскій дворецъ, какъ и другіе „микенскіе“ дворцы, отличается отъ дворцовъ критскихъ не только размѣрами, но

---

[1]) Tiryns. Die Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutsch. Archäol. Instit. in Athen. II Bd. Die Fresken des Palastes, von G. Rodenwaldt; предварит. отчеты — въ Mitteilungen, 1905, 1911, 1913; Dussaud² 161 и слѣд.; статья и ст. А. А. Захарова въ „Гермесѣ“, 1913, № 3.

[2]) Dussaud², стр. 164—165.

и по своему плану[1]): въ немъ главное — мегаронъ съ очагомъ. „Греческіе дворцы Тиринѳа и Микенъ“, замѣчаетъ Пельманъ, — „жилища типа мегаронъ, которыя соотвѣтствуютъ потребностямъ народности сѣвера, нуждающейся прежде всего въ теплѣ: очагъ ставился въ средоточіе всего дома. И вотъ въ древнѣйшихъ критскихъ постройкахъ нѣтъ этого источника искусственнаго тепла и мегарона. Ихъ залы, покоящіяся на пилястрахъ, съ портиками и открытыми внутренними дворами, разсчитаны на то, чтобы давать прохладу своимъ обитателямъ и защищать ихъ отъ солнечнаго зноя, т. е. соотвѣтствуютъ потребностямъ народа-южанина“[2]).

Микенская культура, т. е. культура, представленная памятниками Микенъ и Тиринѳа и имъ подобными, — бронзоваго вѣка; время ея существованія — второе тысячелѣтіе; время ея расцвѣта — 1500—1200 годы до Р. Х. Въ ея исторіи замѣчается нѣсколько стадій или періодовъ. Мы видѣли, что въ Тиринѳѣ былъ древнѣйшій и болѣе новый дворецъ, что кладка стѣнъ въ микенскомъ акрополѣ по своей техникѣ изобличаетъ разные періоды. Начало Тиринѳа и его стѣнъ относится къ древнѣйшему времени; шахтообразныя могилы въ акрополѣ въ Микенахъ древнѣе купольныхъ, находившихся за акрополемъ, и т. д. Вообще же микенская эпоха соотвѣтствуетъ поздне-минойской на Критѣ.

„Микенскія“ издѣлія и памятники во многомъ сходны съ критскими. И это понятно: по Эгейскому морю, между Арголидой и Критомъ, велись сношенія, и послѣдній вліялъ на первую. Съ Крита ввозились предметы, являлись мастера; подъ воздѣйствіемъ критскихъ и иныхъ образцовъ возникло, вѣроятно, и мѣстное производство. Изслѣдователь недавно открытыхъ фресокъ въ Тиринѳѣ, Роденвальдтъ, напр., полагаетъ, что живопись достигла на Критѣ своего апогея, когда она была перенесена на континентъ и тамъ она имѣла блестящее существованіе до тѣхъ поръ, пока процвѣтала у себя на родинѣ; вторженія, разрушившія мастерскія на островѣ, обрекли ее на упадокъ и въ тѣхъ даже странахъ, гдѣ она еще продолжала существовать. Но каковы были политическія отношенія Ми-

---

[1]) Noack подчеркиваетъ отличіе „микенскихъ“ дворцовъ и отъ гомерическихъ (Homerische Paläste. Leipzig. 1903). Ему возражалъ Dörpfeld, Die kret., myken. und homer.; Paläste (Mitteil. d. Arch. Inst. Athen, XXX, 1905, его же ст. тамъ же, XXXII, 1907).

[2]) Очеркъ греч. исторіи. Спб. 1910, стр. 22.

кенъ и Тиринѳа къ Криту, мы не знаемъ, равно какъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, въ какомъ отношеніи находились другъ къ другу Микены и Тиринѳъ, — были ли это два сосѣднихъ владѣнія, быть можетъ, вассальное одно по отношенію къ другому, или же это резиденціи одного и того же царя? Единаго государства въ Греціи, вѣроятно, и тогда не было.

IV.

Кромѣ Микенъ и Тиринѳа, слѣды той культуры, которая сначала получила свое названіе по имени Микенъ, находятся и въ другихъ мѣстахъ Арголиды — въ Навпліи, въ Герейонѣ (на мѣстѣ храма Геры, между Аргосомъ и Микенами).

Но на континентѣ Греціи критско-микенская или эгейская культура была распространена не въ одной только Арголидѣ: она захватывала преимущественно восточную часть Эллады, обращенную къ Эгейскому морю, къ Криту и къ культурнымъ странамъ древняго Востока, отъ южной оконечности Пелопоннеса и до сѣверной Ѳессаліи. Она существовала въ Лаконіи, о чемъ свидѣтельствуютъ не только гомерическія поэмы [1]), но и археологическія данныя: близъ Амиклъ, въ Вафіо, есть купольная могила и найдена извѣстная золотая чаша съ прекрасными изображеніями ловли или усмиренія быковъ [2]), — сюжетъ, столь характерный для критско-микенской эпохи. А въ Спартѣ, близъ Менелайона, было поздне-микенское поселеніе, разрушенное огнемъ. Въ Аттикѣ — „микенскія“ могилы въ Спатѣ, Мениди, Ѳорикѣ. Въ самыхъ Аѳинахъ, въ акрополѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ воздвигнутъ былъ знаменитый Парѳенонъ, во II тысячелѣтіи до Р. Х. возвышался „микенскій“ дворецъ, а среди наиболѣе глубокихъ слоевъ „персидскаго мусора“, образовавшагося вслѣдствіе разрушенія во время персидскаго нашествія, попадается утварь въ родѣ троянской. Есть слѣды критско-микенской культуры въ Дельфахъ; недаромъ легенды устанавливаютъ связь между Критомъ и дельфійскимъ Апполономъ: критскіе моряки, путеводите-

---

[1]) IV пѣснь Одиссеи — о пребываніи Телемака у Менелая.

[2]) Кромѣ выразительности и натуральности этихъ сценъ, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе попытка изобразить облака, — первая въ міровой исторіи искусства попытка въ этомъ направленіи. Ѳ. И. Шмитъ, „Введ.“, стр. 176.

лемъ которыхъ былъ самъ Аполлонъ, явились въ Дельфы и стали здѣсь его первыми жрецами.

Еще болѣе крупные слѣды оставила эгейская культура въ Беотіи, въ особенности въ мѣстности у Копаидскаго озера. Въ Орхоменѣ, на сѣверномъ берегу озера, были памятники древности, по словамъ Павсанія, не менѣе достойные удивленія, наравнѣ съ тиринѳскими, чѣмъ египетскія пирамиды. Здѣсь была знаменитая „Сокровищница царя Минія", — купольная могила наподобіе микенскихъ; орнаментъ въ видѣ спиралей и розетокъ на ея потолкѣ аналогиченъ украшеніямъ тиринѳскаго дворца. Вообще верхній слой Орхомена хранитъ остатки „микенскаго" дворца съ живописью, подобной фрескамъ на Критѣ и въ Тиринѳѣ, и съ многочисленными сосудами, на одномъ изъ которыхъ — надпись въ родѣ критскихъ письменъ.

У самаго озера Копаидскаго устроены были въ древности грандіозныя сооруженія, съ цѣлью его осушенія, среди же озера на островѣ Gla или Gulas — громадный дворецъ; къ нему тѣсно примыкалъ городъ, вокругъ котораго, по берегамъ озера, шла циклопическая стѣна.

Что касается Ѳессаліи [1]), то здѣсь не столько интересны остатки микенской культуры, напр., въ Воло (куполообразная могила), сколько находящіеся глубоко подъ микенскимъ слоемъ, остатками дворцовыхъ сооруженій, слѣды гораздо болѣе древней неолитической культуры въ „доисторическихъ акрополяхъ" близъ того же Воло въ Сескло и Димини, — культуры, существовавшей здѣсь очень долгое время [2]). По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ изслѣдователей „доисторической Ѳессаліи" Wace и Thompson'a, а также Dussaud, въ сѣверной Греціи въ доисторическія времена господствовала культура иного происхожденія, чѣмъ та, которая шла съ юга, съ Крита: Ѳессалія — представительница въ Греціи того теченія, которое шло съ сѣвера, изъ средней Европы; здѣсь оба теченія сталкивались, и Ѳессалія была барьеромъ, гранью между міромъ Эгейскимъ и народами балканскими; микенское же вліяніе явилось въ нее поздно, было поверхностнымъ, въ глубь страны не проникло и ограничивалось берегомъ. Другіе здѣсь

---

[1]) Литературныя указанія см. въ моемъ „Введ." [3], стр. 439, прим.

[2]) Культуру эту относятъ къ III тысячелѣтію до Р. Х. Цунда (Tsountas), изслѣдовавшій названные доисторическіе акрополи, датируетъ мегаронъ. А въ Димини приблизительно 3000 г. до Р. Х. Впрочемъ, есть и возраженія противъ такой датировки.

видятъ лишь развѣтвленіе одной общей культуры, существовавшей нѣкогда на Критѣ и другихъ островахъ Эгейскаго моря, и признаютъ такимъ образомъ, единство ея, все равно, искать ли родину этой культуры на югѣ, на Критѣ, или же на сѣверѣ, въ средней Европѣ (Э. Р. ф. Штернъ, Б. В. Фармаковскій) и даже на западѣ (Лихтенбергъ). Во всякомъ случаѣ, есть черты сходства между неолитической культурой Өессаліи и, напр., культурой троянской, вообще эгейской.

Критско-микенская культура проникала и на западъ Греціи. Ея остатки встрѣчаются въ Олимпіи, на мѣстѣ Пилоса, резиденціи старца Нестора, — Пилоса, который находился, какъ оказывается, въ Трифиліи, около нынѣшняго Kakovatos [1]), а не у Пилосской бухты, гдѣ теперь Наваринъ; на островѣ Левкадѣ, которую Дерпфельдъ отождествляетъ съ родиной Одиссея, Итакой, что, впрочемъ, подвержено еще спору [2]), и на Кефалленіи, гдѣ, кромѣ купольныхъ могилъ и вообще предметовъ микенской эпохи, открыта неолитическая стоянка съ погребеніемъ внутри или около хижинъ. Ея слѣды имѣются и за предѣлами Греціи — въ Сициліи и Сардиніи, въ Италіи (въ особенности обращаютъ на себя вниманіе черты аналогіи между этрусской и эгейской культурой), даже на Пиренейскомъ полуостровѣ: повидимому, эгейцы проникали на дальній западъ, въ Испанію, за серебромъ, которымъ та была богата, хотя прочныхъ поселеній они тамъ и не основывали. Найденныя же въ Микенахъ украшенія или шарики изъ янтаря указываютъ на какія-то сношенія съ далекими берегами Балтійскаго моря.

А неолитическая культура съ чертами, напоминающими троянскую и ту, которая находится подъ микенскимъ слоемъ въ Өессаліи, открывается на сѣверъ отъ Греціи — во Өракіи и Македоніи, Сербіи и Босніи, въ Венгріи и Румыніи, Буковинѣ и Галиціи. Ея слѣды идутъ далеко въ среднюю Европу, въ Чехію, и на сѣверо-западъ до Ютландіи и Франціи. Мы встрѣчаемъ ее и въ юго-западной Россіи, въ Черниговской, Кіевской, Бессарабской губерніяхъ.: это — та культура, которая у насъ открыта была В. В. Хвойкой и названа трипольской, по имени Триполья, гдѣ она была впервые обнаружена, и слѣды которой, ведущіе къ Балканскому полуострову, найдены проф.

---

[1]) Dörpfeld Alt-Pylos (Mitteil. d. Deutsch. Archäol. Instit. XXXIII. 1908; XXXVIII. 1913.

[2]) См. „Введ.“ [3], стр. 417, прим. 1.

Э. Р. ф. Штерномъ въ дер. Петрены (Бессар. губ.) [1]), — культура, характеризуемая „площадками", съ утрамбованной глиняной почвой, служившими, вѣроятно, мѣстомъ погребенія и жертвоприношеній, и съ разными предметами неолитической эпохи, въ томъ числѣ сосудами съ изображеніями человѣческаго лица, животныхъ, грушевидными и биноклеобразными, и съ расписной керамикой, представляющей сходство съ троянской и критско-микенской.

Въ виду такого сходства многіе принимаютъ разсматриваемую культуру за одно цѣлое. По словамъ русскаго археолога Б. В. Фармаковскаго [2]), всѣ памятники этой культуры свидѣтельствуютъ объ однородномъ бытѣ, однородныхъ вкусахъ, однихъ идеалахъ, одномъ стилѣ въ искусствѣ, одинаковой письменности, одной религіи и вообще объ единомъ міровоззрѣніи. Но вопросъ въ томъ, гдѣ родина этой культуры и откуда шло ея распространеніе. Губ. Шмидтъ, Э. Р. ф. Штернъ принимаютъ за родину ея среднюю Европу или югъ Россіи; по ихъ мнѣнію, племена, съ неолитическою культурою, идутъ на югъ, заселяютъ районъ Эгейскаго моря, гдѣ культура и достигаетъ пышнаго расцвѣта. Другіе принимаютъ обратное движеніе — съ юга на сѣверъ, и въ неолитической культурѣ средней Европѣ и юго-западной Россіи видятъ вліяніе, отраженіе культуры критско-микенской. Но возможно и третье рѣшеніе: аналогичный, но независимый процессъ въ развитіи неолитической культуры тамъ и здѣсь, самостоятельное достиженіе сходныхъ чертъ и результатовъ [3]).

Если стать на точку зрѣнія единства эгейской культуры, то какъ далеко простиралась она и ея вліяніе — отъ Крита до Балтійскаго моря, отъ Кіева и Черниговской губ. чуть ли не до береговъ Испаніи! Во всякомъ случаѣ это — одна изъ величайшихъ культуръ древняго міра: эгейская культура была первою великою культурою въ Европѣ.

Съ другой стороны, между критско-микенскимъ культурнымъ міромъ и древнимъ Востокомъ существовали довольно тѣсныя сношенія, связь и взаимодѣйствіе.

---

[1]) См. его „Доисторическая греч. культура на югѣ Россіи". М. 1906 (изъ I т. „Трудовъ XIII Археол. Съѣзда").

[2]) Въ предисловіи къ рус. перев. книги Лихтенберга, стр. XI.

[3]) Е. Е. Кагаровъ, Нов. изслѣдов. въ области критско-микенской культуры („Гермесъ", 1909, № 17—20).

V.

Эгейцамъ — понимая подъ этимъ именемъ не только обитателей острововъ, но и вообще носителей эгейской культуры — море было хорошо знакомо. Это показываютъ сюжеты тогдашняго орнамента, столь употребительнаго, въ видѣ волнообразныхъ линій (меандра), изображенія морскихъ растеній, полиповъ, медузъ, скпрутовъ и другихъ низшихъ морскихъ организмовъ, рыбъ и грабовъ. Имѣется и изображеніе корабля, найденное на одномъ изъ островковъ близъ Крита. По всей вѣроятности эгейцы имѣли большой флотъ. Вспомнимъ, что говоритъ Ѳукидидъ (1,4) о „талассократіи", господствѣ на морѣ Миноса. По Эгейскому морю и въ восточной части Средиземнаго велись тогда уже сношенія, перевозились продукты изъ однѣхъ странъ въ другія; тутъ скрещивались и переплетались различныя культурныя вліянія, оказывали взаимодѣйствіе другъ на друга, и видную роль культурныхъ центровъ и, такъ сказать, узловъ должны были играть такіе острова, какъ Критъ, уже по самому своему географическому положенію. Должны были установиться и близкія связи въ культурнымъ Востокомъ.

Критско-микенская культура имѣла точки соприкосновенія съ культурой Малой Азіи, Месопотаміи, Сиріи и Палестины. Такъ, напр., микенскія могилы имѣютъ сходство съ памятниками Фригіи, Каріи, Ликіи. Львы на микенскихъ воротахъ напоминаютъ намъ тоже Фригію, пожалуй, Ассирію, но особенно памятники хеттовъ, остатки культуры которыхъ открыты въ центрѣ Малой Азіи, въ Каппадокіи, на берегахъ Галиса, въ Богазкеоѣ: здѣсь тоже встрѣчаются изображенія львовъ, охраняющихъ врата, не въ видѣ отдѣльныхъ фигуръ, а являющихся связанными съ каменными плитами, какъ горельфы[1]). Поульсенъ отмѣчаетъ, что и двойной топоръ — священная эмблема у хеттовъ[2]). Двойная сѣкира между рогами быка находитъ себѣ аналогію и въ Каріи, въ атрибутѣ карійскаго божества Зевса Лабрандійскаго и въ позднѣйшемъ карійскомъ гербѣ на монетахъ. Изображенія въ родѣ „великой матери" указываютъ на Малую и Переднюю Азію и на вліяніе опять-таки хеттовъ, у которыхъ, по мнѣнію проф. Б. А. Тураева[3]), изображенія божествъ, стоящихъ на животныхъ и

---

[1]) Б. А Тураевъ, „Ист. древн. Востока". изд. 2-е, Спб. 1913, I, 331.

[2]) Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipz. 1912.

[3]) „Ист. древн. вост.", I, 332.

на горахъ, являются спеціальною принадлежностью религіи. Женскіе идольчики съ голубями напоминаютъ семитическую Астарту. Найденная на Критѣ въ Кноссѣ вавилонская печать въ видѣ цилиндра явно свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ съ Месопотаміей. Въ южной Сиріи, въ Гезерѣ и другихъ мѣстностяхъ обнаружены эгейскія гончарныя издѣлія, оружіе, постройки эгейскаго типа, которыя говорятъ о вліяніи критско-микенской культуры [1]), что вполнѣ понятно, если вспомнить, что поселившіеся здѣсь филистимляне явились сюда, по свидѣтельству Библіи, изъ Кафтора, т. е. съ Крита. Найденное въ Микенахъ натуральное страусовое яйцо прямо указываетъ на Востокъ и на Африку.

Особенно же замѣтны сношенія и связь между Эгейскимъ міромъ и Египтомъ. Оказавшійся въ кносскомъ дворцѣ, среди сосудовъ древнѣйшаго періода, кусокъ чаши изъ прозрачнаго діорита египетской работы и другой фрагментъ чаши египетской формы, но изъ липарита, т. е. матеріала, находимаго на Липарскихъ островахъ, къ сѣверо-востоку отъ Сициліи, бросаетъ свѣтъ на сношенія Крита, на его посредничество между далекимъ западомъ, Италіей, и долиной Нила еще въ IV тысячелѣтіи до Р. Х. [2]). Въ томъ же дворцѣ оказалась крышка къ вазѣ, изъ египетскаго алебастра, съ именемъ и картушемъ Хіана, наиболѣе выдающагося изъ царей гигсосовъ (приблизительно за 1700 лѣтъ до Р. Х.): „Богъ благой Свесер-ни-Ра, сынъ Ра, Хіанъ“, что явно уже указываетъ на раннія сношенія Крита съ Египтомъ. На Критѣ и въ Микенахъ встрѣчаются египетскіе скарабеи съ именемъ Ти или Тіи, египетской царицы, любимой и вліятельной жены фараона Аменхотепа (Аменофиса) III, XV ст. до Р. Х., и съ именемъ самого Аменхотепа. Среди находокъ на Критѣ попадается статуя египтянина, сфинксъ и т. п. Вспомнимъ также, что на извѣстной стеатитовой „вазѣ жнецовъ“ изъ Hagia Triada есть изображеніе музыкальнаго инструмента, похожаго на египетскій систръ [3]). А изображенія на найденныхъ въ Микенахъ клинкахъ, этотъ пейзажъ, рѣка и растенія въ родѣ лилій или папируса напоминаютъ намъ долину Нила.

---

[1]) Хогартъ, Іонія и Востокъ. Пер. съ англ., Спб. 1914 (Прибавленіе къ 54 вып. „Извѣстій Имп. Археолог. Ком.“), стр. 25.

[2]) Б. А. Тураевъ, „Ист. древн. Вост.“, I, 210—211.

[3]) Брэстедъ, Исторія Египта. М. 1915, II, 18 (пер. съ англ.), принимаетъ даже фигуру, идущую впереди процессіи, за египетскаго жреца.

Въ свою очередь, находки въ Египтѣ, свидѣтельства египетскихъ памятниковъ говорятъ о существованіи сношеній, культурныхъ и политическихъ, между міромъ Эгейскимъ и Египтомъ, о проникновеніи критско-микенскихъ издѣлій въ долину Нила, начиная съ глубокой древности [1]).

Въ гробницахъ фараоновъ первыхъ двухъ династій — слѣдовательно, второй половины IV тысячелѣтія — оказываются обломки глиняныхъ сосудовъ, напоминающихъ критско-микенскую керамику. Начало сношеній между островами Эгейскаго моря и Египтомъ относится, конечно, къ еще болѣе ранней порѣ. Уже въ текстахъ временъ постройки пирамидъ упоминаются сѣверныя страны „Хауинебу", а этимъ именемъ, какъ полагаютъ, обозначались острова и народы Эгейскаго моря. Въ эпоху Средняго царства, приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х., одинъ изъ царскихъ казначеевъ въ надписи съ гордостью называетъ себя „укрощающимъ Хауинебу", т. е. эгейцевъ [2]), а писецъ той же эпохи хвалится, что его перомъ вписаны въ лѣтописи также и Хауинебу [3]).

При существованіи сношеній между Критомъ и Нильскою долиной было бы удивительнымъ, если бы въ Египетъ не проникали издѣлія высоко развитой критской керамики, если бы тамъ не было спроса на эти великолѣпныя вазы стиля Kamares, поражавшія своей красотой и техникой. И дѣйствительно, въ гробахъ временъ XII династіи (за 2000 лѣтъ до Р. Х.) найдены обломки критскихъ глиняныхъ сосудовъ. Столь распространенный въ критско-микенскомъ искусствѣ орнаментъ — спираль — употребляется и въ Египтѣ, хотя трудно сказать, кто у кого ее заимствовалъ.

Связи между Эгейскимъ міромъ и Египтомъ особенно усилились при XVIII династіи, во времена Тутмоса III и Аменхотепа (Аменофиса) III, т. е. въ XV и въ началѣ XIV стол. На египетскихъ памятникахъ того времени изображаются данники, приносящіе свои дары; въ числѣ ихъ — „люди страны Кефтіу"; ихъ дары — слитки серебра, серебряныя головы быка, критско-микенскія вазы и т. п. Самыя фигуры человѣческія, по типу и одеждѣ, похожи на тѣ изображенія, которыя имѣются на стѣнахъ кносскаго дворца. Очевидно, „люди страны

---

[1]) Брэстедъ, Ист. Египта. М. 1915. 2 т.; Б. А. Тураевъ, Ист. древн. Вост. Пгр. 1913—1914. 2 т. (2-е изд.).

[2]) См. у Б. А. Тутарева, I, 223—4.

[3]) Брэстедъ, I, 198.

Кефтіу" — обитатели Крита и островов Эгейскаго моря, представители міра критско-микенской культуры. Были ли они въ вассальной зависимости отъ Египта въ ту пору, были ли приносимые ими предметы дѣйствительно „данью", какъ гласитъ офиціальный текстъ, сказать трудно; быть можетъ, это были просто дары для поддержанія добрыхъ сосѣдскихъ или торговыхъ отношеній. Правда, есть указанія, что владѣтель Кипра сталъ вассаломъ Египта при Тутмосѣ III, что флотъ послѣдняго властвовалъ въ восточной части Средиземнаго моря, и одинъ военачальникъ этого фараона включаетъ „острова среди моря" въ предѣлы своей юрисдикціи, въ качествѣ правителя сѣверныхъ странъ; но власть его ограничивалась, въ сущности, полученіемъ ежегодныхъ даровъ[1]). А какую роль игралъ тогда флотъ эгейцевъ, видно изъ того, что, какъ отмѣчаютъ лѣтописи Тутмоса III, лѣсъ, который египетская армія рубила на горахъ Ливана, доставлялся въ Египетъ на корабляхъ Кефтіу. Во всякомъ случаѣ, тогда существовали живой обмѣнъ и тѣсныя сношенія между Критомъ и Египтомъ, еще болѣе развившіяся при Аменхотепѣ III.

Мы видѣли, что на материкѣ Греціи и на островахъ встрѣчаются скарабеи съ именемъ этого фараона и его жены Тіи, что клинки, найденные въ микенскихъ могилахъ, указываютъ на Египетъ. Въ свою очередь, подобные предметы встрѣчаются и въ Египтѣ. Критско-микенскія издѣлія находятъ себѣ все болѣе и болѣе доступъ въ долину Нила. На корабляхъ эгейцевъ сюда доставлялось въ большомъ количествѣ серебро. На улицахъ египетскихъ Ѳивъ постоянно можно было видѣть обитателей критско-микенскаго міра[2]); существовали, повидимому, цѣлыя поселенія, колоніи эгейскихъ купцовъ и мастеровъ въ Египтѣ. Ихъ произведенія оказываются среди царскихъ сокровищъ во дворцѣ фараоновъ. Въ Тель-эль-Амарнѣ, среди развалинъ резиденціи царя-реформатора и еретика Аменхотепа IV, найдена масса микенскихъ черепковъ (насчитывается 1341).

Во второй половинѣ XIV в., въ началѣ XIX династіи, князья Хауинебу изображаются на египетскихъ памятникахъ, какъ покорные фараону. Опять-таки трудно сказать, дѣйствительно ли такъ было или же это изображеніе только

---

[1]) Брэстедъ, I, 319.
[2]) Брэстедъ, II, 18.

условность [1]). А египетскіе памятники времени начавшагося уже упадка внѣшняго могущества Египта въ концѣ XIII и въ началѣ XII стол. говорятъ о нападеніи сѣверныхъ или „морскихъ народовъ“, о движеніи этихъ народовъ на Египетъ, о томъ, что острова стали „безпокойны“...

Отмѣчая точки соприкосновенія между эгейской культурой и древнею восточною, въ особенности египетскою, пока нелегко отвѣтить на вопросъ: кто на кого больше вліялъ, кто былъ стороной дающей, и кто — получающей, воспринимающей. Скорѣе всего, здѣсь было вліяніе взаимное, взаимодѣйствіе.

Изъ предыдущаго видно, какую роль въ жизни эгейцевъ должны были играть мореходство и торговля. Но и скотоводство и земледѣліе были у нихъ достаточно развиты, какъ доказываютъ хлѣбныя, ячменныя зерна, найденныя въ Микенахъ и Аргосѣ, и бронзовые серпы на холмѣ микенскаго акрополя [2]). Прессъ для выдѣлки масла, оказавшійся въ Кноссѣ, указываетъ на существованіе уже въ ту пору культуры оливокъ. Это подтверждается и находкой масличныхъ косточекъ въ Микенахъ и Тиринѳѣ, гдѣ оказался цѣлый сосудъ, наполненный ими. Были тогда уже извѣстны, вѣроятно, и виноградъ, и смоква [3]).

IV.

Памятники критско-микенской эпохи — „циклопическія“ стѣны изъ колоссальныхъ каменныхъ глыбъ; обширные дворцы, богато украшенные, съ живописью на стѣнахъ, иногда съ цѣлымъ лабиринтомъ залъ, коридоровъ и комнатъ, съ магазинами и кладовыми для запасовъ, съ мѣстами для зрѣлищъ, какъ это было въ Кноссѣ и Фестѣ; царскія могилы то въ видѣ шахтъ или глубокихъ ямъ, въ которыхъ тѣла покойниковъ оказываются засыпанными разными драгоцѣнностями, то въ видѣ величественныхъ купольныхъ сооруженій, роскошно отдѣланныхъ; тонко художественная утварь и другія издѣлія, — все это краснорѣчиво говоритъ намъ не только о сравнительно развитой техникѣ, о богатой культурѣ, нѣкогда процвѣтавшей по берегамъ и островамъ Архипелага, о тѣсныхъ сношеніяхъ съ восточными странами и т. под., но и о типѣ государства того вре-

---

[1]) Б. А. Тураевъ, I, 326.

[2]) Б. Л. Богаевскій, Очеркъ земледѣлія Аѳинъ. Пгр. 1915, стр. 33 (изъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“).

[3]) Тамъ же, стр. 39—40.

мени, о томъ, что тогдашніе цари были могущественными владѣтелями [1]), что въ ихъ распоряженіи сконцентрированы были силы подвластнаго имъ населенія, масса рабочихъ рукъ, вѣроятно, рабовъ, огромныя матеріальныя средства. Вокругъ царей группируется придворная знать, аристократическое общество.

И эта богатая, цвѣтущая культура пала, исчезла, казалось, безслѣдно. Нѣкоторыя воспоминанія о ней хранились въ преданіяхъ грековъ, въ гомерическомъ эпосѣ; но долго ученая критика считала это не отголоскомъ былой дѣйствительности, а порожденіемъ поэтическаго вымысла, фантазіи. Въ теченіе столѣтій памятники критско-микенской культуры таились въ нѣдрахъ земли, подъ многовѣковымъ мусоромъ, пока, наконецъ, уже въ послѣднюю четверть XIX и въ началѣ XX вѣка не были извлечены на свѣтъ Божій. Культура эта погибла въ концѣ второго тысячелѣтія, около 1200—1100 г. до Р. Х., судя по всему, вслѣдствіе какой-то катастрофы — нашествія, завоеванія, внѣшняго толчка. Но были вѣроятно, какъ и всегда это бываетъ въ исторіи, внутреннія причины подобнаго паденія; вѣроятно, внутреннія язвы подтачивали эту на видъ столь блестящую культуру; внутри критско-микенскихъ государствъ совершался процессъ разложенія, ослаблявшій ихъ силы, и государства эти, съ изжившей цивилизаціей, не могли уже устоять противъ натиска внѣшняго врага, какъ не устояла нѣкогда могучая, а затѣмъ разлагавшаяся Римская Имперія противъ вторженія германцевъ.

Но кому принадлежала эта культура? Кто былъ ея носителями? Кто были „эгейцы“ и этотъ внѣшній врагъ, нанесшій смертельный ударъ ихъ цивилизаціи?

Эгейская культура послужила одной изъ основъ культуры эллинской, а чрезъ нее и послѣдующей общеевропейской. Но сама она въ своей главной основѣ была негреческой; только послѣдняя ея эпоха, собственно микенская культура, считается ахейскою, т. е. греческою. Какъ полагаютъ, греки появились на Балканскомъ полуостровѣ во второй половинѣ III или даже въ началѣ II тысячелѣтія до Р. Х., т. е. тогда, когда эгейская культура уже существовала. У нихъ сохранились воспоминанія о народахъ, населявшихъ Грецію до нихъ, напр. о пресловутыхъ пеласгахъ, лелегахъ, этеокрита-

---

[1]) По мнѣнію Ѳ. И. Шмита, „Введ.“, стр. 166, критскіе цари — всего только „крупные помѣщики“. Но едва ли у помѣщиковъ, хотя бы и крупныхъ, могли быть такіе дворцы, какъ кносскій и фестскій.

нахъ („настоящихъ“, „подлинныхъ“ критянахъ), карійцахъ. Мы видѣли, что и Гомеръ (Од., XIX, 179 сл.; см. выше) отмѣчаетъ пеструю смѣсь языковъ и народовъ на древнемъ Критѣ: среди нихъ онъ называетъ „мужественныхъ этеокритянъ“ и „божественныхъ пеласговъ“. О догреческомъ населеніи свидѣтельствуютъ и сохранившіяся у грековъ географическія названія [1]) въ родѣ напр. Парнассъ, Гиметтъ, Коринѳъ, Тиринѳъ [2]), и что замѣчательно: подобныя названія носятъ не только мѣстности, горы, но и города, а отсюда можно заключить, что города эти построены не греками. Не говоримъ уже о семитическихъ элементахъ въ географическихъ названіяхъ Греціи (напр. Іорданъ, Саламинъ [3]). Кромѣ того, сохранилась надпись на о Лемносѣ, которую принимаютъ за тирренскую или этрусскую и двѣ надписи въ Пресѣ, на Критѣ, написанныя греческими буквами, но на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ; думаютъ, на языкѣ этеокритянъ, которые жили въ восточной части Крита около Преса.

И вотъ, когда открытъ былъ прежде невѣдомый намъ міръ критско-микенской культуры, то ученые вновь вспомнили о пеласгахъ и другихъ упомянутыхъ народахъ приписывая то одному, то другому изъ нихъ эту культуру [4]). Наибольшимъ успѣхомъ пользовалась гипотеза, которая указывала на карійцевъ или вообще на мало-азійскую расу“, какъ носителей эгейской культуры [5]). Еще недавно эту гипотезу можно было считать господствующею. Въ пользу ея говорили и

---

[1]) Fick, Vorgriechische Ortsnamen als Quelle f. die Vorgeschichte Grechenlands. Göttingen. 1905.

[2]) Окончанія на — assos, — essos (= ettos) и nthos — негреческія.

[3]) Assmann, Zur Vorgesch. von Kreta (Philol., N. F., XXI, 1908.

[4]) Что касается финикіянъ, которымъ Гельбигъ („Sur la question mycéniene“, 1896) приписывалъ микенскую культуру, то несостоятельность этой гипотезы была скоро обнаружена (см. Б. В. Фармаковскій, „Микены и финикіяне“, „Филол. Обозр.“, XI. 1896): роль финикіянъ, какъ торговцевъ, мореплавателей и основателей, если не колоній, то факторій, и распространителей культуры въ бассейнѣ Средиземнаго моря, принадлежитъ болѣе позднему времени, X—VIII в., когда эгейская культура уже пала.

[5]) Главный сторонникъ этой гипотезы извѣстный лингвистъ Kretschmer, авторъ труда: Einleitung in die Geschiche der griechischen Sprache. Göttingen. 1896; ср. его же очеркъ о языкѣ въ Einleitung in die Algertumtwissenschafs hrsg. von A. Gercke und E. Norden, т. I. По антропологическимъ признакамъ типъ древняго населенія Крита Luschan называетъ „армяноиднымъ“ или хеттитскимъ („Anthropologie von Kreta“, въ „Zeifschr. f. Ethnologie, 1913, H. III).

свидѣтельства греческихъ историковъ Геродота и Ѳукидида о быломъ господствѣ карійцевъ на Эгейскомъ морѣ и на островахъ, о вытѣсненіи ихъ затѣмъ оттуда греками; и упомянутыя географическія названія, съ негреческимъ окончаніемъ, указывавшія на М. Азію; и сближенія Лабиринта съ Зевсомъ Лабрандійскимъ, имѣвшимъ своимъ атрибутомъ двойную сѣкиру, которая такъ часто встрѣчается и на критскихъ памятникахъ. Однако въ послѣднее время, главнымъ образомъ, въ виду немногочисленности слѣдовъ эгейской культуры въ М. Азіи, въ самой Каріи, гипотеза эта начинаеть уступать мѣсто другимъ.

Такъ, напр., приписываютъ эгейскую культуру „средиземной расѣ", иногда считая ее „Ливійской", выводя ее изъ Африки[1]). Другіе выводятъ создателей критско-микенской культуры изъ Европы западной (Лихтенбергъ), сѣверной или средней и даже изъ предѣловъ нынѣшней юго-западной Россіи (Э. Р. ф. Штернъ, Б. В. Фармаковскій), принимая ихъ за арійцевъ, предковъ грековъ. Послѣдняя гипотеза находитъ себѣ опору въ находкахъ въ Ѳессаліи, подъ „микенскимъ" слоемъ, и въ открытіи „трипольской культуры". По мнѣнію Э. Р. ф. Штерна[2]), эта неолитическая культура, представляющая нѣкоторыя сходныя черты съ эгейской, не есть отраженіе послѣдней, возникла не подъ ея вліяніемъ, наоборотъ, — она ея первоисточникъ: культурное движеніе шло не съ юга, а съ сѣвера на югъ, въ предѣлы будущаго греческаго міра, и тамъ, на югѣ, въ районѣ Эгейскаго моря, среди болѣе благопріятныхъ условій и подъ воздѣйствіемъ Востока, культура эта достигла того блестящаго развитія, какое мы видимъ на Критѣ и на почвѣ Греціи. Но и эта гипотеза встрѣчаетъ возраженія. Если бы принять ее, пришлось бы отнести появленіе грековъ въ районѣ Эгейскаго моря къ гораздо болѣе раннему времени, нежели это допустимо на основаніи другихъ нашихъ данныхъ. Загадочнымъ и необъяснимымъ явится самая гибель критско-микенской культуры, павшей быстро, какъ бы внезапно, тотъ рѣзкій, крутой переломъ, который обнаруживается въ культурной жизни Эгейскаго міра на рубежѣ двухъ тысячелѣтій, въ концѣ второго и въ началѣ

---

[1]) Главнымъ образомъ — Sergi, Europa, l'origine dei popoli europei e loro relazioni coi popoli d' Africa, d'Asia e d'Oceania. Torino. 1908.

[2]) Доисторич. греч. культура на югѣ Россіи. М. 1906. Ср. зам. И. Н. Бороздина въ „Вѣстн. Евр.", 1910, дек.

перваго, когда блестящая, утонченная культура смѣняется эпохой варварства „греческаго ранняго средневѣковья“: такой переломъ, естественно, предполагаетъ какой-то переворотъ, смѣну этнографическихъ элементовъ, появленіе новыхъ племенъ и народовъ на историческую арену, разрушающихъ прежде существовавшую культуру. Что же касается сходства чертъ въ неолитической культурѣ средней Европы и юго-западной Руси съ одной стороны и эгейской съ другой, то такое сходство можетъ объясняться не только заимствованіемъ: оно можетъ являться результатомъ независимаго одного отъ другого, параллельнаго процесса развитія или тѣмъ, что обѣ культуры имѣютъ одинъ общій источникъ. Аналогичные предметы встрѣчаются и въ Сузахъ, въ Центральной Азіи, Китаѣ и даже въ Америкѣ...

Наконецъ, въ послѣдніе годы заговорили объ извѣстныхъ намъ еще изъ Ветхаго Завѣта филистимлянахъ, о томъ, что они имѣютъ отношеніе къ Криту и его культурѣ, что это — народъ эгейскій. Дѣло въ томъ, что среди изображеній на небольшомъ дискѣ, найденномъ въ 1908 г. на о-вѣ Критѣ, въ Фестѣ, особенно часто встрѣчается человѣческая голова въ коронѣ или въ шлемѣ съ перьями, и она совершенно соотвѣтствуетъ изображенію народа Пуласати на египетскихъ памятникахъ [1]), Пуласати же это — филистимляне. Правда, дискъ могъ быть привезенъ на Критъ, но на филистимлянъ имѣются и другія указанія. Въ числѣ тѣхъ „морскихъ народовъ“, которые нападали на Египетъ въ началѣ XII стол. до Р. Х. при Рамзесѣ III, называются Пуласати, т. е. филистимляне, на ряду съ Данона, т. е. данайцами: „Явились Пуласати, Джаккара, грабившіе страну. Отборные воины ихъ шли на сушѣ, другіе по морю черезъ рукавъ Нила... Не устояла ни одна страна предъ ними...“ [2]) Родиной филистимлянъ Библія называетъ Кафторъ, т. е. островъ Критъ. Іеремія предвѣщаетъ (47,4): „Господь разоритъ филистимлянъ, остатокъ острова Кафторъ“ [3]). У пророка Амоса (9,7) „Говоритъ Господь: не Я ли вывелъ Израиля изъ земли Египетской и филистимлянъ изъ Кафтора“. Повидимому, филистимляне вытѣснены были съ острова Крита и переселились въ Палестину: послѣ пораженія, нанесеннаго имъ Рамзесомъ III,

---

[1]) Ed. Meyer. Der Diskus von Phästos und die Philister (Sitz.-berichte d. Berl. Akad., 1909, 21 okt.).

[2]) Б. А. Тураевъ, Ист. древн. Востока, I, 338.

[3]) По русскому синодальному переводу.

они заняли прибрежную полосу, около Газы и Аскалона и значительно „осемитились“ [1]). Все же предметы, находимые въ этой области, представляютъ сходство съ эгейскими; керамика сходна съ поздно-минойской; городъ филистимлянъ Газа, носилъ названіе также Минои. Извѣстно, какую роль въ критской архитектурѣ играли столпы; вспомнимъ, что та зала, въ которой веселились филистимляне и потѣшались надъ ослѣпленнымъ Сампсономъ, была съ колоннами; Сампсонъ сдвинулъ столпы и зданіе обрушилось (Кн. Судей, 16, 26—30). Любопытно, что Голіаѳъ вооруженъ, какъ герои Гомера, въ пору ранняго средневѣковья [2]): „мѣдный шлемъ на головѣ его; и одѣтъ онъ былъ въ чешуйчатую броню... Мѣдные наколѣнники на ногахъ его, и мѣдный щитъ за плечами его. И древко копья его, какъ навой у ткачей“... (I кн. Царствъ, 17, 5—7).

Словомъ, много гипотезъ связывается съ критско-микенскою культурой. Предъ нами возникаетъ еще много недоумѣній и загадокъ. Разрѣшенія ихъ надо ждать тогда, когда разобраны будутъ пока еще таинственныя для насъ критскія письмена. Быть можетъ, на многое прольютъ свѣтъ и хеттскія надписи, найденныя при раскопкахъ въ Богазкеоѣ, на берегахъ Галиса, въ центрѣ Малой Азіи, гдѣ было когда-то царство хеттовъ, ибо хеттская культура имѣла, несомнѣнно, точки соприкосновенія съ культурой критско-микенскою [3]). Попытки разобрать эти надписи уже дѣлаются [4]).

Но обратимся къ другому вопросу: какъ пала эта первая великая цивилизація Европы? Пала она среди тѣхъ переселеній греческихъ племенъ, однимъ изъ которыхъ было вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ. Во II тысячелѣтіи происходитъ движеніе грековъ на югъ Балканскаго полуострова, въ районъ Эгейскаго моря. Движеніе произошло не сразу, а нѣсколькими волнами. Это было не одно, а рядъ переселеній, процессъ, занявшій нѣсколько вѣковъ: за одной волной

---

[1]) Б. А. Тураевъ, I, 338.

[2]) На это указалъ еще Фуртвенглеръ въ своемъ трудѣ „Die antiken Gemmen“. 1906.

[3]) Б. А. Тураевъ, I, 331.

[4]) Gleyc, Hettitische Studien. Leipz. и Томскъ. 1910 (ср. рец. М. Р. Фасмера въ журн. „Мин. Нар. Пр.“ ,1913, янв.). Только что вышло изслѣдованіе Ed. Meyer und. Fr. Hrozny, Die Enfzifferung der hethitischen Sprache. Mitteil. d. Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin, № 56.

шла другая. Вступая въ область уже развитой богатой культуры, греки то подчинялись ей, то наносили ей удары. Одна изъ первыхъ волнъ греческихъ племенъ, такъ назыв. ахеяне[1] около середины II тысячелѣтія заняли Пелопоннесъ, а затѣмъ (приблизительно въ 1400—1300) — острова и самый Критъ, но подчинились господствующей культурѣ, усвоили ее себѣ; наложивъ на нее нѣкоторый свой отпечатокъ. Культура продолжала жить, покоривъ себѣ завоевателей, подобно тому, какъ впослѣдствіи покоренная Греція плѣнила своего суроваго побѣдителя, Римъ, Graecia capta ferum victorem cepit, или какъ Римъ дѣйствовалъ обаятельно на германскихъ варваровъ, нерѣдко преклонявшихся предъ нимъ и его цивилизаціей. Въ этомъ смыслѣ культура второй половины II тысячелѣтія, культура собственно микенская, называется ахейскою. Такое мнѣніе находитъ себѣ опору, между прочимъ, въ томъ различіи, какое замѣчается въ планѣ дворцовъ древнѣйшихъ, критскихъ, и болѣе позднихъ, микенскихъ, и которое связываютъ съ появленіемъ новаго народа — ахеянъ[2]). Но за первыми волнами послѣдовали другія; явились наконецъ (ок. 1100 г.) доряне, суровые, воинственные, принесшіе съ собой желѣзо. Ихъ вторженіе, какъ полагаютъ, и положило конецъ критско-микенской культурѣ: доряне сокрушили эту культуру, внесли „варваризацію", и настало „греческое средневѣковье".

Въ такомъ приблизительно видѣ представляется, по господствующему воззрѣнію, паденіе эгейской культуры. Что въ XIII—XII в. въ области Эгейскаго моря совершалось большое движеніе народовъ, это видно изъ египетскихъ памятниковъ того времени. Памятники эти говорятъ намъ, что острова стали безпокойными, что сѣверные народы пришли въ движеніе, что „морскіе народы" нападали на Египетъ. И это не были простые набѣги, а цѣлыя переселенія: народы двигались и моремъ, и сушею, съ женами и дѣтьми, на повозкахъ, запряженныхъ волами, какъ изображаютъ тѣ же египетскіе памятники, напр., филистимлянъ. Въ числѣ

---

[1]) Таково господствующее воззрѣніе. Kretschmer считаетъ ахеянъ вторымъ слоемъ, а первымъ, древнѣйшимъ, — пеласго-іонійскій, которому и отводитъ роль древнѣйшаго греческаго культурнаго народа (въ ст. Zur Geschichte d griech Dialekte въ Glotta, I 1907—9).

[2]) Dörpfeld, Mitteil. d. Deutschen Archäol. instit. Ahent. XXX, 1906 XXXII, 1907.

„морскихъ народовъ“, нападавшихъ тогда на Египетъ“, оказываются имена ахеянъ[1]) и данайцевъ.

Итакъ, съ господствующей точки зрѣнія, греки не только не создатели эгейской культуры: они, въ лицѣ дорянъ, ея разрушители. Подъ ихъ напоромъ падаетъ эта древнѣйшая цивилизація Европы, но на ея развалинахъ и на ея почвѣ расцвѣтаетъ потомъ позднѣйшая, уже чисто эллинская культура, въ которую вошли элементы и культуры эгейской.

Тутъ сама собою напрашивается историческая параллель. Вѣдь, и древній Римъ и пышная античная культура пали, не говоря о внутреннихъ причинахъ, подъ напоромъ вторгающихся племенъ — германцевъ; эти вторженія, движеніе германцевъ на югъ, основаніе варварскихъ государствъ въ предѣлахъ Римской Имперіи и на ея развалинахъ продолжаются тоже цѣлые вѣка, отъ временъ кимвровъ и тевтоновъ до временъ лангобардовъ. Тамъ и здѣсь совершается „переселеніе народовъ“; тысячелѣтняя, богатая и утонченная культура погибаетъ, наступаетъ варваризація, пора „ранняго средневѣковья“ и затѣмъ новый расцвѣтъ культуры въ одномъ случаѣ эллинской, въ другомъ — западно-европейской. Тамъ и здѣсь прежняя культура погибаетъ не безслѣдно; и мертвая, она оказываетъ могущественное вліяніе; ея наслѣдіе живетъ, ея элементы, какъ основа или какъ составная часть, входятъ въ культуру, явившуюся ея преемницей.

Словомъ, наблюдается поразительная аналогія между историческими процессами, изъ которыхъ одинъ совершался въ восточной части Средиземнаго моря за тысячу съ лишкомъ лѣтъ до Р. Х., а другой — въ западной части Европы въ первые вѣка нашей эры...

В. Бузескулъ.

---

[1]) При фараонѣ Мернепта (1225—1215) среди нападающихъ египетскіе тексты называютъ народы Луку, Акайваша, Туриша, Шакалша, Шардана. Еще Руже отожествилъ ихъ съ ликійцами, ахеянами, тирренами, сицилійцами, сардинянами. Правда, затѣмъ это отожествленіе было отвергнуто, какъ ошибочное; но теперь оно признается правильнымъ. См. Б. А. Тураевъ, I, 336. При Рамзесѣ III (нач. XII в.) на ряду съ Пуласати (филистимлянами) названъ народъ Данона, въ которомъ видятъ данайцевъ.

Тихо за скорбными тучами
Мертвая бродитъ луна,
Ясно подъ темными кручами
Свѣжая насыпь видна.

Ночью надъ ней зажигается
Море различныхъ огней,
Много вокругъ собирается
Юношей стройныхъ и фей.

Полночь ударитъ побѣдная
Звонко надъ спящей землей,
Выйдетъ изъ насыпи блѣдная
Дѣвушка съ темной косой.

Тянетъ безсильныя руки
Къ мраку, гдѣ волны шумятъ,
Горя безумнаго муки
Въ рѣчи несвязной звучатъ.

Плачетъ слезами горючими,
Ищетъ кого-то она,
Быстро за скорбными тучами
Къ далямъ уходитъ луна.

А. Домасудъ-Бромирская.

КРАСНАЯ КНИЖЕЧКА.

Николай Дмитріевичъ, — судебный слѣдователь, человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, невысокаго роста, худощавый, съ остренькой бородкой и добродушными, немного усталыми глазами, сидѣлъ на палубѣ бѣжавшаго на низъ волжскаго парохода и молча любовался немножко однообразными, но милыми видами рѣки. Рядомъ съ нимъ сидѣла пожилая дѣвушка, похожая на сельскую учительницу, и читала какую-то книжку стариннаго типа. Потомъ она встала, положила свою книжку на маленькій бѣленькій столикъ и куда-то ушла. Николай Дмитріевичъ покосился на раскрытыя пожелтѣвшія страницы.

Душно!.. Безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна...
Буря бы грянула, что ли, —
Чаша съ краями полна!..

Николай Дмитріевичъ наморщилъ лобъ, вспоминая: это онъ знаетъ... Чье это? Онъ не вытерпѣлъ, приподнялъ книжку и заглянулъ на ветхій уже корешокъ: Некрасовъ... А-а, но почему же эти стихи такъ странно близки ему? Онъ никакъ не могъ припомнить...

— Николай Дмитріевичъ, прикажете вызывать? — спросилъ его знакомый молодой помощникъ капитана съ черными закрученными усиками, старавшійся быть похожимъ на настоящаго морского волка.

— Да-да, пожалуйста...

Помощникъ ловко, хотя и безъ надобности, козырнулъ — на палубѣ было много дамъ — и проворно взлетѣлъ на капитанскій мостикъ.

Николай Дмитріевичъ сталъ собирать свой немудрый багажъ, сложенный уже тутъ же, подъ бѣленькимъ столикомъ, а пароходъ властно заревѣлъ:

— У-у-у-у...

— У-у-у-у, — весело рявкали ему въ отвѣтъ высокіе крутые зеленые берега.

Отъ песчаной отмели, гдѣ сушились длинныя сѣти и вился въ тихомъ воздухѣ около шалаша стройный столбикъ сизаго дымка, почти тотчасъ же отдѣлилась и пошла навстрѣчу пароходу маленькая лодочка.

Пароходъ сталъ. Всѣ пассажиры столпились къ лѣвому борту, смотрѣли, какъ высаживается Николай Дмитріевичъ, и гадали про себя, куда и зачѣмъ можетъ слѣзать въ такомъ пустынномъ мѣстѣ этотъ человѣкъ съ тихимъ лицомъ, котораго они какъ-то и не замѣтили совсѣмъ на пароходѣ.

— Счастливый путь! — щеголяя, крикнулъ съ мостика молодой помощникъ.

Николай Дмитріевичъ ласково помахалъ ему рукой.

Лодка пошла, прыгая по разведенной пароходомъ волнѣ, къ луговому берегу.

— Впередъ!.. До полнаго!..

Пароходъ зашумѣлъ внутри, забилъ колесами и, изящно накренившись слегка на лѣвый бортъ, весь бѣлый въ солнечномъ сіяніи, красивый, выбросивъ султанъ темнаго дыма, понесся въ голубую даль...

— Ну, какъ вы тутъ живете? Все по-старому? — спрашивалъ Николай Дмитріевичъ нестараго, бронзоваго отъ загара рыбака съ огненно-рыжей бородой. — Давно я что-то у васъ не бывалъ...

— И то давно... А живемъ по-старому, Миколай Митричъ... День да ночь... — отвѣчалъ тотъ и вдругъ крикнулъ на своего бѣлоголоваго босоногаго сынишку, сидѣвшаго на кормѣ съ весломъ. — Ты что, чертенокъ, спишь-то?.. Бери поперекъ вала...

— А лошади выѣхали? — спросилъ Николай Дмитріевичъ.

— Выѣхали, — вонъ у салаша и ящикъ стоитъ...

— Василій?

— Василій...

Николаю Дмитріевичу было пріятно, что все такъ ладится, что такъ тепло и хорошо вокругъ, что такъ вольно, пріятно пахнетъ рѣкой и смолой...

Еще нѣсколько минутъ, и Николай Дмитріевичъ уже сидѣлъ въ маленькомъ плетеномъ тарантасикѣ, и пара низкорослыхъ гнѣдыхъ земскихъ лошадокъ уже трусила полегоньку по песчаной дорогѣ, вьющейся среди низкорослыхъ зарослей ивняка, гдѣ, надъ болотинками, вились и плакали луговки. Проѣхавъ большимъ селомъ со старинной бѣлой

церковью, потомъ широкими, тучными лугами, тарантасикъ нырнулъ въ безбрежный и темный, какъ море, казенный сосновый боръ. Тутъ по полянкамъ звонко пѣли, радуясь веснѣ, всякія пичужки, въ солнечной вышинѣ задумчиво звенѣли старыя сосны, и такъ легко, такъ отрадно дышалось. Только изрѣдка въ этой лѣсной пустынѣ попадались сѣрыя, одинокія избушки лѣсниковъ, со двора выскакивали, преслѣдуя тарантасъ ожесточеннымъ лаемъ, пестрыя собаки, и снова лѣсъ, тишина, и печально плачетъ о чемъ-то колокольчикъ подъ дугой у коренника...

Родился Николай Дмитріевичъ въ семьѣ священника, въ маленькомъ сонномъ уѣздномъ городкѣ, съ большимъ трудомъ — семья была поповская, огромная, а средства ничтожныя — кончилъ гимназію, потомъ попалъ въ московскій университетъ. На первомъ же курсѣ онъ пошумѣлъ съ товарищами на Моховой, былъ порядочно избитъ охотнорядскими мясниками, которымъ доставляло большое удовольствіе сокрушать крамольниковъ, отсидѣлъ годъ въ тюрьмѣ, потомъ, такъ какъ ничего страшнаго за нимъ не оказалось, кончилъ университетъ и поступилъ на службу. Въ первый же годъ службы онъ женился на земской фельдшерицѣ изъ новыхъ, начитанной, развитой, прижилъ съ ней двоихъ дѣтей, а потомъ она, забравъ дѣтей, уѣхала отъ него на курсы: по ея словамъ, онъ страшно опустился, а ей хотѣлось широкаго участія въ общественной жизни. Они не ссорились, а просто разъѣхались, но ему было больно, что вотъ и жена, и дѣтишки, которыхъ онъ любилъ, куда-то зачѣмъ-то отъ него уѣзжали... Но что же было дѣлать?

Онъ и самъ иногда думалъ, что онъ опустился. И случилось это какъ-то постепенно, незамѣтно. Онъ потерялъ всякій интересъ къ общественной жизни, недѣлями не развертывалъ газеты, не ходилъ ни въ театръ, ни въ клубъ, ни къ знакомымъ, не ѣздилъ во время отпуска въ столицы, жилъ настоящимъ затворникомъ. А когда попадалъ въ общество, то робко держался въ сторонкѣ, а когда къ нему приставали съ этими неугасимыми русскими разговорами на общественныя темы, онъ болѣзненно, незамѣтно морщился.

— Да что же... ковырять-то? — тихо говорилъ онъ. — Вѣдь это все всѣмъ извѣстно...

И онъ торопился спрятаться въ свою скромную квартирку-особнячокъ, гдѣ тихо, неслышно, какъ мышь, хозяйничала тихая, красивая, очень набожная Груня. А хозяй-

ничать было не легко: половину своего содержанія онъ отдавалъ женѣ и дѣтямъ.

Единственнымъ его развлеченіемъ въ минуты отдыха было чтеніе историческихъ книгъ и охота, и рыбная ловля. И когда, прочитавъ нѣсколько страничекъ изъ далекаго прошлаго какого-нибудь далекаго чуждаго народа — онъ любилъ смотрѣть такъ, издали на пестрое сверканіе жизни — онъ выходилъ въ камеру, то приносилъ онъ туда душу, размягченную и грустную, не путалъ подслѣдственныхъ арестантовъ, не запугивалъ, а смотрѣлъ на нихъ своими добрыми, немножко усталыми глазами и, пощипывая бородку, говорилъ:

— Ну, такъ... такъ...

И дѣлалъ заключеніе въ такихъ тонахъ, что казалось, что подозрѣваемый не виноватъ, а если и виноватъ, то немножко. Не то, что Николай Дмитріевичъ руководился тутъ какой-то предвзятой теоріей, — нѣтъ, а просто у него само собой это какъ-то выходило. Да иначе и выходить не могло: если смотрѣть на обыкновеннаго, маленькаго преступника изъ глубины Египта или древней Персіи, то надо очень большое усиліе, чтобы признать его преступленіе важнымъ, а весь этотъ шумъ, который поднимается обыкновенно людьми вокругъ, такъ называемыхъ, преступленій, очень важнымъ и нужнымъ.

Николай Дмитріевичъ понималъ, что карьера его кончена, что если онъ куда и подвинется, то не впередъ, а назадъ: не разъ и не два его заключенія вызывали удивленіе, и дѣло передавалось для дослѣдованія другому судебному слѣдователю. Да онъ и самъ хотѣлъ пойти навстрѣчу начальству въ этомъ отношеніи и просить перевода куда-нибудь въ глушь, въ какой-нибудь маленькій, забытый Богомъ и людьми городокъ, да какъ-то все не могъ собраться...

Какъ только выдавалось у него два-три свободныхъ денька — слава Богу, на Руси праздниковъ много, — онъ торопливо собирался и уѣзжалъ за Волгу или на охоту, или на рыбную ловлю, всегда одинъ, безъ компаніи. И, бродя съ ружьемъ за плечами по безконечнымъ лѣсамъ или сидя съ удочками на берегу какой-нибудь пустынной рѣчонки, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ рѣчной воздухъ, нѣжился на тепломъ солнышкѣ и чувствовалъ въ душѣ глубокій, свѣтлый покой, а иногда, когда все вокругъ было особенно хорошо, и тихое радованіе...

Никакихъ особенно тревогъ, никакихъ бурь въ жизни его не было, а онъ отъ жизни усталъ. Онъ любилъ ее, но со стороны, издалека...

— Эхъ, вы, соколики! — крикнулъ ямщикъ, выѣзжая изъ лѣса. — Къ Кастянтину прикажете, Миколай Митричъ? — спросилъ онъ, какъ всегда.

— Конечно, къ Константину, — неизмѣнно отвѣчалъ Николай Дмитріевичъ. — Къ кому же еще?..

Тарантасикъ запрыгалъ по невѣроятнымъ мосткамъ, набросаннымъ черезъ небольшую болотинку, выбрался на взгорокъ и вкатился въ широкую зеленую улицу крошечной — дворовъ въ десять — деревеньки „Становище", сжатой со всѣхъ сторонъ темными лѣсами. Николай Дмитріевичъ очень любилъ эту тихую, сумрачную деревеньку, ея отрѣзанную отъ всего міра маленькую, простую жизнь, даже самое названіе ея любилъ: въ немъ слышалось ему что-то сѣдое, древнее-древнее... Становище, — какое, чье становище? И ему рисовались смутныя, но прелестныя, дикія картины далекаго прошлаго, когда въ этомъ царствѣ безбрежныхъ лѣсовъ, находившемся подъ властью Господина Великаго Новгорода, не было даже этихъ сѣренькихъ убогихъ деревенекъ, а жили только медвѣди, сохатые да всякое другое звѣрье и птица да изрѣдка появлялся какой-нибудь дикарь-звѣроловъ...

У воротъ старой, почернѣвшей отъ времени избы Константина стояла его единственная дочь, Маша, стройная, красивая дѣвушка съ льняными волосами и мягкими сѣрыми глазами, которые безъ словъ говорили, что сопротивляться жизни Маша не будетъ и пойдетъ покорно туда, куда поведетъ ее жизнь. Она улыбалась Николаю Дмитріевичу немножко застѣнчиво, но довѣрчиво, и отъ улыбки ея на душѣ у него стало еще теплѣе и свѣтлѣе.

— Тпру... Пріѣхали... — ловко осадилъ лошадей предъ воротами Василій, уже успѣвшій ловко сдвинуть картузъ на ухо, и покосился на красавицу.

— Милости просимъ, милости просимъ... — низко кланялась выбѣжавшая на этотъ звонъ колокольчика Дарья, измученная работой и дѣтьми — ихъ у нея было одиннадцать, а уцѣлѣла только одна Маша — женщина или скорѣе замученное животное съ дряблой кожей и всегда воспаленными жалкими глазами битой собаки.

— А Константинъ гдѣ?

— На рѣку пошелъ, вентеля ставить, батюшка... — отвѣчала старуха. — Сейчасъ придти долженъ — чай, слышалъ колокольчикъ-атъ. Ставь, Маша, самоваръ попроворнѣй...

— Я у баньки соберу, Миколай Митричъ? — проговорила вопросительно Маша.

— У баньки, милая, у баньки... — отвѣчалъ Николай Дмитріевичъ. — Не въ избу же лѣзть въ такую погоду...

У старенькой сѣренькой баньки стояла развѣсистая старая дикая яблоня. Въ прохладной темной банькѣ Николай Дмитріевичъ лѣтомъ спалъ, а подъ яблонью чаевалъ и вообще блаженствовалъ. Это было его любимое мѣстечко. Тутъ всегда такъ пріятно пахло коноплянниками, навозцемъ и другими деревенскими запахами, и открывался отсюда такой пріятный видъ на сѣренькіе овины по косогору, на свѣтлую красавицу Ненду и на темные лѣса, за которыми скрывался міръ. Эта-то вотъ, такъ сказать, наглядная отрѣзанность своя отъ міра и была больше всего пріятна Николаю Дмитріевичу...

— Здравствуй, Миколай Митричъ... Съ пріѣздомъ!..

Это былъ Константинъ, худой, носастый мужикъ съ темными глазами, въ которыхъ точно стоялъ сумракъ лѣса. Николай Дмитріевичъ любилъ его за его поразительное знаніе лѣса и рѣки, за его большую простоту и молчаливость. Вотъ и теперь: пришелъ, поздоровался и сѣлъ на травку, обнявъ свои длинныя худыя ноги въ лаптяхъ узловатыми пахнущими рыбой руками.

— Ну, какъ живешь?

— Живемъ — трудимся, какъ и полагается... — отвѣчалъ тотъ медлительно. — Вотъ на той недѣлѣ бѣда стряслась, корова пала...

— Отъ чего?

— А Господь ее вѣдаетъ отъ чего... Стала пухнуть, пухнуть и сдохла... Говорятъ, что это бываетъ, когда пьетъ на рѣкѣ али въ лужѣ гдѣ да змѣю ненарокомъ проглотитъ...

— Ну, это чепуха... А, можетъ, съѣла чего ядовитаго...

— Все можетъ быть...

И оба замолчали. Дарья и Маша хлопотали, собирая чай и немудреную деревенскую закуску: яичницу, вкусныхъ пахучихъ ржаныхъ лепешекъ, топленаго молока криночку,

соленой лосятины... А Константинъ получалъ и глядѣлъ предъ собою своими лѣсными темными глазами...

А Николай Дмитріевичъ смотрѣлъ на стройную, милую Машу, похожую на какой-то безымянный лѣсной цвѣтокъ, и на замученную жизнью Дарью, и въ душѣ у него заныло. Эта мысль пришла ему въ голову впервые: пройдетъ еще годъ-два, выдадутъ Машу замужъ за какого-нибудь лѣсовика, въ родѣ Константина, — не выйдетъ замужъ, а именно выдадутъ, — будетъ она каждый годъ рожать дѣтей и каждый годъ таскать ихъ на дальній погостъ, и въ этихъ безсмысленныхъ родахъ-похоронахъ и непосильномъ трудѣ пройдетъ вся ея жизнь, и къ сорока годамъ она превратится въ безобразную старуху съ дряблой кожей и жалкими глазами. Возможно, что мужъ будетъ пьяница и будетъ въ пьяномъ видѣ бить ее, милую, нѣжную, кроткую, и угаснутъ въ слезахъ эти ея прелестныя, какъ вешняя зорька, застѣнчивыя улыбки...

И захотѣлось ему взять ее и умчать куда-нибудь далеко-далеко, спрятать отъ жестокаго рока, который уже ищетъ ее... Но какъ, какъ? Жениться? Нелѣпость... Пристроить въ горничныя? Это ничѣмъ не лучше того, что ждетъ ее въ лѣсу. Учить? Поздно уже... Единственный, кажется, выходъ это — если кто-нибудь изъ охотниковъ-господъ, которые изрѣдка наѣзжаютъ сюда, къ Константину, сманитъ ее къ себѣ въ любовницы... Бѣдная, милая дѣвочка!..

И вспомнилась та, другая, дѣвочка, которая теперь, волею судебъ, превратилась въ его кроткую Глашу... Правда, ей живется у него хорошо, лучше, чѣмъ если бы она попала куда въ другое мѣсто, но все же она мучится своимъ положеніемъ и неугасимыми лампадками и долгими ночными молитвами думаетъ загладить свой грѣхъ передъ небомъ, — она считаетъ эту свою жизнь однимъ сплошнымъ грѣхомъ...

И стало на душѣ тоскливо...

Бѣдная, милая дѣвочка, бѣдный лѣсной цвѣтокъ...

Солнце уже спустилось за темные зубцы лѣса, и отъ рѣки поднялся нѣжный туманъ, и деревенскіе запахи стали сильнѣе, и поднялась въ дымкѣ огромная красная луна, и запѣли въ прибрежной уремѣ соловьи, и лягушки, и зазвенѣли комары... Николай Дмитріевичъ, покуривая, посидѣлъ на порогѣ своей баньки, потянулся, легъ на свѣжую, вяну-

щую, такую пахучую траву, накошенную Константиномъ и покрытую Машею чистымъ, полосатымъ рядномъ, въ предбанникѣ и тотчасъ же заснулъ, точно утонулъ въ черной водѣ какой-нибудь безымянной лѣсной рѣчки...

На зорькѣ онъ сидѣлъ уже на берегу Ненды и задумчиво смотрѣлъ на свои поплавки и опять все думалъ о темной лѣсной судьбѣ красавицы Маши. Жаднымъ до добычи онъ ни на охотѣ, ни на рыбной ловлѣ никогда не былъ — есть добыча, — хорошо, нѣтъ, тоже хорошо, — но наслаждался онъ, какъ всегда, всей душой и яркимъ, радостнымъ сверканіемъ рѣки на раннемъ солнышкѣ, и звономъ комариныхъ полчищъ, отъ которыхъ не было другого спасенія, какъ дымъ костра, который молча, сосредоточенно, точно колдуя, поддерживалъ Константинъ, и грустной пѣсней, прозвучавшей за деревней, и особенно этимъ тепломъ, которое такъ нѣжило его, говорило о полнотѣ жизни и ея радости. Онъ наслаждался, но все же въ душѣ его точно облако какое темное стояло, точно что-то тамъ мѣшало ему... И онъ никакъ не могъ догадаться, что это было; пробовалъ отогнать — не могъ...

И только на второй день, уже къ ночи, когда онъ, досыта напившись теплаго парного, пахучаго и сладкаго молока, легъ у себя въ предбанникѣ и запѣли вокругъ соловьи, зазвенѣли комары, загремѣлъ безчисленный хоръ лягушекъ въ лугахъ и всталъ изъ-за рѣки круглый мѣсяцъ, онъ вдругъ вспомнилъ. Это стихи Некрасова ему мѣшали... И вдругъ ярко вспомнилось и то, почему они были ему близки...

Господи, какъ давно это было!..

Онъ только что поступилъ тогда въ университетъ и въ качествѣ человѣка, искренно преданнаго интересамъ народа, носилъ длинные волосы — они у него были мягкіе, нѣжные ... — вышитую сестрами-поповнами рубашку-косоворотку. Послѣ лекцій онъ всегда ходилъ на бульваръ посидѣть, — осень тогда стояла чудесная... Вокругъ многочисленная разряженная толпа, а онъ сидитъ одинъ на скамеечкѣ и или читаетъ что-нибудь по исторіи, или думаетъ, или просто смотритъ... И вотъ разъ, и два, и три бросилась ему въ глаза невысокая стройная, черноволосая дѣвушка съ хорошенькимъ, насмѣшливымъ личикомъ. Она ходила всегда или съ матерью, строгой важной дамой въ черномъ, или съ братомъ, корректнымъ студентомъ въ высокихъ

воротничкахъ и пенснэ, — идетъ мимо и всегда осторожно покосится на него своимъ темнымъ горячимъ, глазомъ, и что-то теплое прольется вдругъ въ душу бѣднаго одинокаго студента...

И онъ полюбилъ ее...

И вотъ разъ онъ рѣшился пойти за ней издали, чтобы хотя узнать, гдѣ она живетъ, кто она. Дѣвушка замѣтила, что онъ идетъ сзади и, видимо, была рада этому. А онъ боялся, какъ бы не замѣтила его ея мать, какъ бы не вышло для нея какой-нибудь непріятности, и прятался въ толпѣ, какъ только могъ...

Оказалось, что живетъ она въ одномъ изъ тихихъ переулковъ, выходящихъ на Покровку, въ старинномъ желтенькомъ особнячкѣ, какихъ въ Москвѣ теперь уже и не встрѣтишь, развѣ только на окраинахъ гдѣ-нибудь. И мѣдная дощечка на двери сказала ему, что дѣвушка его — дочь довольно извѣстнаго врача Д.

Онъ узналъ, что хотѣлъ, но уйти, оторваться отъ этого старенькаго домика, гдѣ жило его сокровище, онъ никакъ не могъ. Грустныя сумерки уже окутывали городъ, уже рѣдѣла въ переулкѣ толпа, уже загорались кое-гдѣ въ окнахъ огоньки, а онъ все ходилъ мимо желтенькаго особнячка... И вотъ вдругъ наверху, въ мезонинѣ, тихонько раскрылось окно, и къ ногамъ его, звонко щелкнувъ о каменную плиту тротуара, что-то упало. Онъ быстро нагнулся и поднялъ хорошенькій, очень толстый конвертикъ и взглянулъ наверхъ, но окно уже закрылось, и никого тамъ уже не было. Взволнованный, радостный, торжествующій, онъ отошелъ подальше, у ярко освѣщеннаго окна булочной вскрылъ осторожно конвертъ — тамъ была только маленькая, хорошенькая записная книжечка въ красномъ бархатномъ переплетѣ, отъ которой шелъ неуловимый и сладкій ароматъ духовъ. Онъ поискалъ записки, но записки не было — только на первой страницѣ дѣвичьимъ бисернымъ почеркомъ было написано:

Душно... Безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна...
Буря бы грянула, что ли,
Чаша съ краями полна!..
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!..

а въ самомъ низу странички стояло мелкое, мелкое: „Не забывайте Лиду“...

И онъ вернулся къ старенькому желтенькому наивному особнячку и долго въ сумеркахъ молился на слабо освѣщенныя лампой окна мезонина...

А на другой день студенты зашумѣли что-то, и Николай Дмитріевичъ, избитый мясниками, попалъ вмѣсто бульвара въ участокъ, а потомъ въ тюрьму. А, когда черезъ годъ онъ вышелъ на волю, первымъ же дѣломъ бросился онъ въ тихій переулокъ, къ желтенькому особняку, но — не нашелъ его: его сломали почти уже до основанія, чтобы возвести на его мѣстѣ новый, огромный домъ, какой стоялъ уже по сосѣдству. И показалось Николаю Дмитріевичу, что это не домъ, а его счастье ломаютъ люди... Онъ бросился разъискивать Лидочку, имя которой столько разъ за годъ слышали каменныя засаленныя стѣны тюрьмы, нашелъ квартиру врача, ея отца, и стороной узналъ, что Лидочка недавно вышла замужъ за молодого блестящаго петербургскаго инженера. И все, что ему осталось отъ Лидочки, это была только та красненькая книжечка, этотъ нѣжный цвѣтокъ, издававшій едва уловимый нѣжный ароматъ — жандармы возвратили ему ее. И онъ не зналъ, что ему дѣлать съ ней. Записывать „на память“? Во-первыхъ, нечего, не привыкъ онъ какъ-то къ этому, а во-вторыхъ, развѣ можно осквернять эту святыню какими-то тамъ записями? И онъ рѣшилъ писать въ ней свой дневникъ, а такъ какъ вся его жизнь въ это время состояла только изъ тоски по Лидочкѣ, то и писалъ онъ въ красной книжечкѣ только о Лидочкѣ... Но, исписавъ мелко-мелко три странички, онъ вдругъ ужаснулся своему святотатству и, осторожно вырѣзавъ исписанныя странички, сжегъ ихъ на свѣчѣ, пепелъ развѣялъ по вѣтру, а красную книжечку спряталъ...

Вотъ и все. Больше нечего не было: черкнувъ по его жизни, какъ прелестная падающая звѣзда, Лидочка исчезла для него навсегда. Онъ даже и не слыхалъ о ней ничего больше... И вообще въ его жизни больше ничего не было. Съ женой сошелся такъ какъ-то, безъ свѣтлой нѣжности, безъ яркой любви, сошелся и разошелся... И ничего....

...И разливались въ нѣжномъ серебряномъ туманѣ соловьи, и прославляли хоромъ молодую любовь лягушки, и ласково роились въ свѣтлой вышинѣ звѣзды, и тихонько шумѣлъ вѣтеръ въ листвѣ старой дикой яблони, и стояла

въ душѣ большая тоска и по томъ, что было и что прошло, и по томъ, чего не было, но что могло бы быть, и по ушедшей такъ незамѣтно, такъ скоро жизни... Онъ не спалъ до зари, томимый грустью о жизни и грустью о томъ, что эта грусть его безплодна и ничего не поправитъ: грусти, не грусти, а желѣзныхъ законовъ жизни не измѣнишь, тяжелаго хода ея не остановишь... Но почему же все такъ вышло? Почему другимъ вся яркая, пестрая, захватывающая красота жизни, а ему только сѣренькая Глаша, тихая, милая, простая, но все же только Глаша? Не сумѣлъ самъ? Да почему же другіе сумѣли, а онъ не сумѣлъ?..

Въ результатѣ цѣлой жизни — только маленькая красненькая книжечка.

И вспомнились ему его думы о Машѣ, а у ней и этого даже нѣтъ. А ея мать, это страшное, замученное животное? А вся эта глухая лѣсная деревенька съ сѣрыми молчаливыми лѣсовиками? Онъ еще богатъ въ сравненіи съ ними...

А-а, всѣ эти разсужденія болтовня одна — сердце тоскуетъ по солнечной жизни, сердце плачетъ по невозвратному, сердце зоветъ милую, а кругомъ никого и ничего нѣтъ...

Въ обѣдъ Константинъ подалъ ему свою лохматую, бѣлую, всю въ какихъ-то зеленыхъ пятнахъ, лошаденку...

— Ну, прощай, старуха... Вотъ тебѣ на блины... — говорилъ Николай Дмитріевичъ. — Прощай, Маша, — это тебѣ на платьѣ... Прощайте...

— Спасибо, Миколай Митричъ... — стыдливо проговорила Маша, глядя на него своими застѣнчивыми сѣрыми глазами.

„Вотъ такое небо бываетъ лѣтомъ въ сѣренькіе дни...“ подумалъ Николай Дмитріевичъ про ея глаза, и ему стало грустно, что онъ уѣзжаетъ.

И снова зашипѣлъ подъ колесами песокъ, и пошла мимо тарантаса безмолвная, неисчислимая рать старыхъ сосенъ и елей, и образъ Лидочки, смутный, едва уловимый, вился вкругъ него въ солнечной пахучей тишинѣ бора, и въ душѣ все стояла и не проходила глубокая грусть-тоска...

— Ну, что, не опоздали? — спросилъ онъ встрѣтившаго его бронзоваго рыбака съ огненной бородой.

— Никакъ нѣтъ, баринъ. Въ самый разъ... — отвѣчалъ тотъ. — Сичасъ мелкурьевскій пойдетъ, а тамъ „Самолетъ“, а за нимъ — кашинскій...

Тихій золотой вечеръ сіялъ надъ призатихшей Волгой. Было такъ тихо, такъ свѣтло-зеркально какъ-то, такъ хорошо, что вѣрилось, что счастье — вотъ, только руку протянуть. И захотѣлось счастья всѣмъ людямъ.

— Ну-ка, поди сюда, Константинъ... — поманилъ Николай Дмитріевичъ лѣсовика въ сторону. — Ну, вотъ держи, это тебѣ на корову... Ну, ну, ну... — строго прикрикнулъ онъ, замѣтивъ движеніе изумленнаго Константина броситься въ ноги. — Сколько разъ я тебѣ говорилъ...

— Ну, покорно благодаримъ, Миколай Митричъ. Дай тебѣ Богъ.... — говорилъ тотъ, все еще едва вѣря себѣ. — Отслужу, дастъ Богъ...

И его темные лѣсные глаза свѣтились новымъ просвѣтленнымъ выраженіемъ...

Изъ-за крутого, зеленаго мыса вдругъ быстро выдвинулся огромный, розовый въ лучахъ вечера, пароходъ, и Николай Дмитріевичъ, наскоро простившись съ Константиномъ, прыгнулъ въ маленькую лодочку, которая и побѣжала навстрѣчу громадному бѣлому чудовищу, буйно взламывавшему зеркальную поверхность тихой рѣки. Николай Дмитріевичъ, стоя, махалъ шляпой...

Еще нѣсколько минутъ, и онъ былъ уже на борту „Боярина“ со своимъ маленькимъ багажомъ, снастями и плетенкой, въ которой лежала въ крапивѣ его добыча. „Бояринъ“ могуче заботалъ колесами въ водѣ и быстро понесся впередъ. Константинъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ своими темными, полными лѣсного сумрака глазами, потомъ тяжело вздохнулъ о чемъ-то большомъ, но неопредѣленномъ и сталъ распрягать свою лошадку, чтобы попасти ее немного предъ обратнымъ путемъ.

Изъ рубки перваго класса неслись въ открытыя окна бѣшеные бравурные звуки рояля, веселые голоса, женскій смѣхъ — тамъ шелъ какой-то большой кутежъ, очевидно. Николай Дмитріевичъ заглянулъ въ ярко освѣщенное окно: рубка, обставленная съ обычной претенціозной пароходной „роскошью“, была полна офицерами, дамами, инженерами, путейцами и богатыми купцами. И сразу среди этой богатой, нарядной, немножко пьяной уже толпы Николаю Дмитріевичу бросилась въ глаза красивая, стройная женщина съ необыкновенно пышными золотистыми волосами. Она была уже не первой молодости, подводила слегка глаза и слишкомъ нѣжный и свѣжій цвѣтъ лица ея говорилъ, что

безъ косметики дѣло тутъ не обошлось... Она дурила и хохотала больше всѣхъ, и мужчины смотрѣли на нее жадными глазами и тѣснили ее нетерпѣливымъ тѣснымъ кольцомъ...

И вдругъ въ этомъ смѣющемся, накрашенномъ, самоувѣренномъ лицѣ начало проступать что-то для Николая Дмитріевича знакомое, давно забытое и — страшное...

— Лидочка!...

И тутъ же онъ успокоилъ себя: да вѣдь та была брюнетка...

— Лидія Александровна... Лидія Александровна! — взывалъ отъ піанино стройный красивый и щеголеватый адъютантъ. — Лидія Александровна, вы забываете: очередь за мной...

Лидія... Николай Дмитріевичъ оторопѣлъ окончательно...

Рядомъ съ нимъ на бѣленькой скамейкѣ сидѣлъ какой-то упитанный молодой коммерсантъ въ розовомъ галстухѣ и съ жирной золотой цѣпью на уже округляющемся брюшкѣ. Онъ жадно глядѣлъ въ окна рубки, но войти, повидимому, не рѣшался.

— Не знаете, что это за компанія? — спросилъ его Николай Дмитріевичъ.

— Какъ не знать. Это „Золотая головка" кутитъ... — отвѣчалъ тотъ — Ее вся Волга до Астрахани знаетъ. Соломенная вдова какого-то инженера. Рѣдкое лѣто она не чертитъ тутъ у насъ. Въ прошломъ году допились до того, что чуть пароходъ не утопили...

— Такъ что же, она изъ „этихъ", что ли?...

— Ну, не совсѣмъ. Она богата. Однако, и не отказывается — многихъ, говорятъ, поразорила...

— И... доступна?

— Весьма...

— Да вѣдь она была брюнеткой... — растерянно пробормоталъ Николай Дмитріевичъ.

— Такъ что? Развѣ не видите, что это парикъ?...

Николая Дмитріевича охватила какая-то паника, онъ не зналъ, что дѣлать. Онъ чувствовалъ, что что-то погибло, послѣднее, окончательное... Пароходъ вдругъ заревѣлъ — то была какая-то пристань... Онъ быстро собралъ свою поклажу и выскочилъ на пристань, чтобы пересѣсть на другой пароходъ. Нѣтъ, тутъ онъ не можетъ оставаться...

На разсвѣтѣ онъ подъѣзжалъ на дребезжащемъ извоз-

чикѣ къ своей тихой маленькой квартиркѣ, спрятавшейся въ тихомъ зеленомъ переулкѣ. Ему отворила сама Глаша, сонная, но улыбающаяся. Она, видимо, ждала его... Что-то теплое загорѣлось въ его душѣ...

— Кофій готовъ, идите...

— Спасибо... Вотъ только помоюсь...

Онъ бросилъ свою поклажу въ передней и такъ, какъ былъ, въ высокихъ сапогахъ и въ старомъ пальто, прошелъ въ свой кабинетъ, такой тихій и уютный въ лучахъ ранняго солнышка, отперъ боковую дверку письменнаго стола, выдвинулъ самый нижній ящикъ, порылся въ немъ и вытащилъ порыжѣлый конвертъ и разорвалъ его. Тамъ была немножко выцвѣтшая записная книжечка въ красномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. И едва-едва замѣтный, неуловимый, струился отъ нея знакомый сладкій ароматъ...

Онъ раскрылъ ее — бисерный дѣвичій почеркъ.

Душно... Безъ счастья и воли...

Горло перехватилъ спазмъ.

„Не забывайте Лиду“...

И вдругъ захотѣлось ему швырнуть эту изящную книжечку на полъ, растоптать ее... Но сердце сейчасъ же запротестовало. Зачѣмъ? Вѣдь, то все же было, была та милая, нѣжная любовь... А это — память о ней...

За дверью послышались знакомые шаги. Онъ торопливо спряталъ красненькую книжечку въ карманъ и взялъ лежавшій на столѣ томикъ Діодора Сицилійскаго.

— Идите, а то кофей остынетъ...

— Иду, иду...

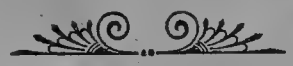
Онъ положилъ красненькую книжечку опять въ нижній ящикъ стола, заперъ его и вышелъ въ свою маленькую столовую, гдѣ съ обычной покорной улыбкой на миломъ, тихомъ лицѣ ждала его Глаша. Раннее солнышко врывалось въ окно и окутывало всю ее золотымъ теплымъ сіяніемъ. И странно: вдругъ въ ней почудилась ему сразу и похожая на лѣсной цвѣтокъ застѣнчивая Маша, и черноголовая хорошенькая Лидочка, и все, все то, о чемъ онъ читалъ у Діодора. И подъ желтенькой обложкой Діодора, и подъ застѣнчивыми улыбками Маши, и подъ пышнымъ парикомъ той, и подъ неугасимыми лампадами и кротостью этой кроется, въ концѣ концовъ, одно: страданіе человѣческое. Не сегодня страданіе, такъ завтра страданіе...

— Ну какъ, хорошо половили?

— Ничего, хорошо. Тамъ въ передней въ корзинкѣ рыба — только смотри, будешь брать, такъ осторожнѣе, тамъ крапива...

И большое, нѣжное, настоящее уже чувство къ этой преданной ему, любящей его молодой женщинѣ вдругъ властно поднялось въ его груди...

Ив. Наживинъ.

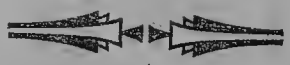


* * *

Непрерывный вѣтеръ съ юга,
На рѣкѣ взломало ледъ;
Черный боръ за далью луга
По-весеннему поетъ.
Я зажгу навстрѣчу чуду
Свѣтозарные огни,
Объ одномъ лишь думать буду —
Не погасли бы они.

Вѣтру властному покоренъ —
Въ море выплылъ мой челнокъ,
Въ небѣ свѣтъ жемчужныхъ зеренъ
Снова близокъ и далекъ.
Я плыву навстрѣчу Року,
Въ неизвѣстную страну, —
Къ югу, западу, востоку,
Иль на сѣверъ поверну?

Георгій Шевляковъ.



МАКСИМЪ МАКСИМОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ КАКЪ СОЦІОЛОГЪ.

I.

Въ небольшой статьѣ — „Соціологія на Западѣ и въ Россіи“, съ которой начинается первая книжка „Новыхъ идей въ соціологіи“ [1]. — М. М. Ковалевскій вспоминаетъ интересный фактъ. Когда О. Контъ приступилъ къ чтенію тѣхъ лекцій, изъ которыхъ составилась его шеститомная „Положительная философія“, то на скамьяхъ частной аудиторіи на rue Tournon сидѣло всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не очень много времени, а на конгрессѣ Международнаго института соціологіи, въ концѣ октября 1912 года, итальянскій министръ народнаго просвѣщенія Кредаро уже признаетъ за соціологіей не только право на самостоятельное существованіе, какъ научной дисциплины, которая синтезируетъ конкретное знаніе, сообщаемое всѣми и каждой изъ общественныхъ наукъ, но и прославляетъ величіе поставленной ею цѣли — опредѣленіе причинъ и хода человѣческаго прогресса. Этотъ быстрый ростъ науки, это признаніе за соціологіей ея высокаго не только научнаго, но и общественнаго значенія со стороны одного изъ офиціальныхъ представителей народнаго просвѣщенія вызываетъ въ М. М. такое же горячее чувство удовлетворенія, какъ горячо его чувство скорби о положеніи дорогого ему дѣла у насъ въ Россіи. Онъ вспоминаетъ бывшій съ нимъ случай на границѣ, когда жандармскій полковникъ допрашивалъ его: „Нѣтъ ли у васъ книгъ по соціологіи? Вы понимаете... въ Россіи — это невозможно“. Припомнилось мнѣ, говоритъ М. М., и сожженіе книги весьма консервативнаго американскаго писателя Уорда подъ заглавіемъ „Динамическая соціологія“. Авторъ ея до

[1]) Сборникъ № 1, 1913 г.

сихъ поръ увѣренъ въ томъ, что поводомъ къ сожженію послужило смѣшеніе „динамизма“ съ динамитомъ.

М. М. Ковалевскій поэтому не безъ зависти указываетъ на существованіе за границей цѣлаго ряда обществъ, занимающихся изученіемъ соціологіи, на множество спеціальныхъ каѳедръ по этому предмету (въ Парижѣ, Бордо, Тулузѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Килѣ, Вѣнѣ и др.), въ то время, какъ у насъ въ Россіи существуетъ всего-навсего одна каѳедра соціологіи на всю имперію въ 160 милліоновъ жителей, и то въ частной школѣ. „Меня, заключаетъ свои соображенія по этому поводу Ковалевскій, менѣе поразило бы извѣстіе о томъ, что въ Нанкинѣ или Пекинѣ создана каѳедра соціологіи, чѣмъ слухъ о томъ, что г. Кассо затѣваетъ такую реформу въ Москвѣ или Петроградѣ“.

М. М. прежде всего былъ не профессоромъ-книжникомъ, который на міръ и жизнь глядитъ изъ переплетовъ книгъ авторитетныхъ писателей, какъ человѣкъ въ футлярѣ sui generis, а ученымъ мыслителемъ, который смотрѣлъ на науку, какъ на элементъ жизни, который любилъ эту науку для жизни и жилъ для науки и мысли. Наука и жизнь у него нераздѣльно обслуживали и дополняли другъ друга.

Какъ соціолога-спеціалиста М. М. Ковалевскаго можно характеризовать прежде всего необычайной энциклопедичностью, а затѣмъ — столь же необычайной среди спеціалистовъ терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и признаніемъ за разнообразнѣйшими теченіями научной мысли права на соотвѣтствующее значеніе для рѣшенія общей имъ всѣмъ задачи.

Указывая на главнѣйшія изъ этихъ теченій и школъ, М. М. Ковалевскій старается примирить кажущееся непримиримымъ и, поскольку это возможно, сглаживаетъ разногласіе въ интересахъ цѣлаго.

Говоря о соціологахъ-историкахъ, онъ пишетъ: „Споръ между ними идетъ только о томъ, быть ли этой дисциплинѣ — облюбованной въ Германіи философіей исторіи, или болѣе широкой наукой отвлеченнаго обществовѣдѣнія. Многіе въ Германіи еще не прочь связывать эту новую науку съ судьбами той „психологіи народовъ“, развитію которой одно время такъ много послужилъ издаваемый Штейнталемъ и Лацарусомъ спеціальный журналъ. Въ народную психологію Вундта, напр., вошло не мало того, что принадлежитъ къ области соціологіи. Этнографы и географы не прочь также относить къ области

этнологіи и антропологіи, въ крайнемъ случаѣ — до-исторіи — начальныя главы поступательнаго развитія человѣчества, которыя по тому самому входятъ въ общую теорію прогресса, а слѣдовательно — и въ соціологію. Многое, написанное Бастіаномъ, Ратцелемъ, Постомъ или Колеромъ, служитъ или матеріаломъ для соціологіи или можетъ войти въ нее на правахъ отдѣльныхъ главъ". „То, что мы привыкли называть генетической соціологіей, вполнѣ обнимаетъ затрагиваемую ими сферу вопросовъ о происхожденіи семьи, собственности, государства и т. д. Макъ-Леннанъ и Морганъ, какъ и Вестермаркъ, сами того не зная, работали на пользу „новой науки объ обществѣ". То же дѣлали и дѣлаютъ на этотъ разъ сознательно Ламброзо съ его „Уголовной антропологіей" и Ферри съ его „Уголовной соціологіей". Ревнители, такъ называемой, „коллективной психологіи", начиная отъ Тарда и кончая Сигеле и Росси, также пишутъ однѣ начальныя главы нашей науки. Я не прочь думать, что то же дѣлаютъ и Эспинасъ, и Романесъ, и тѣ изъ нашихъ біологовъ, которые, подобно проф. В. Вагнеру, занимаются психологіей и общественнымъ бытомъ животныхъ. Зачатки общественности, гдѣ бы они ни выступали, не могутъ, разумѣется, остаться безразличными для тѣхъ, задачу которыхъ составляетъ ея изученіе во всей широтѣ и глубинѣ".

Ковалевскій поэтому горячо протестуетъ противъ разграниченности, нетерпимости спеціалистовъ, которые хотятъ свести все къ небольшому числу центральныхъ факторовъ, или къ какому-нибудь одному изъ нихъ — разумѣется, изъ подвѣдомственной имъ области. „Говорить о центральномъ факторѣ, увлекающемъ за собой всѣ остальные, пишетъ по этому поводу Ковалевскій, для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественное ея теченіе".

Въ частности, указывая, напримѣръ, на одностороннюю теорію де-Грефа, который во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ открываетъ присутствіе экономическаго зародыша, тогда какъ наоборотъ, въ строго экономическихъ явленіяхъ якобы отсутствуютъ элементы другихъ болѣе сложныхъ феноменовъ — религіозныхъ, научныхъ, юридикополитическихъ и т. д. Ковалевскій говоритъ слѣд. „Нельзя же игнорировать того, что признаніе за главаремъ, кѣмъ бы ни былъ послѣдній, роли руководителя при распредѣленіи годового дохода, а за чародѣемъ и позднѣе — жрецомъ — права на опредѣленную часть этого дохода значительно измѣняетъ природу даже наипро-

стѣйшихъ экономическихъ явленій, а развѣ это, въ концѣ концовъ, не равнозначительно признанію факта воздѣйствія эстетическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, научныхъ и юридико-политическихъ феноменовъ на экономическіе?"

Приведя рядъ подобныхъ же одностороннихъ точекъ зрѣнія на предметъ, М. М. заключаетъ свою критическую оцѣнку создавшагося въ наукѣ положенія вещей слѣдующими словами:

„Я думаю, что все, сказанное доселѣ, не говоритъ въ пользу признанія первенствующаго значенія ни за однимъ изъ, такъ называемыхъ, факторовъ развитія, а между тѣмъ намъ придется постоянно имѣть дѣло съ теоріями, которыя утверждаютъ это первенство, признавая его то за техникой производства, то за условіями обмѣна, то за борьбою расъ и національностей, то за соперничествомъ индивидовъ и классовъ, то за чисто психическими явленіями, либо умственными, какъ ростъ знанія, либо эмоціональными, какъ ростъ справедливости и права. Въ этой добровольной односторонности лежитъ характерная черта переживаемой нами эпохи выработки соціолога. По мѣрѣ того, какъ представители отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ, отказываясь отъ прежней узкости, станутъ все болѣе и болѣе настаивать на обусловленности изучаемыхъ ими трансформацій массою причинъ, стоящихъ за границами ихъ непосредственнаго изслѣдованія, все замѣтнѣе будутъ стихать въ средѣ соціологовъ горячія препирательства о томъ, не вызвано ли, напримѣръ, развитіе испанской живописи въ XVI в. полученными изъ Индіи и Америки драгоцѣнными металлами; не обусловлено ли появленіе многомужества или многоженства непосредственно экономическими причинами (Гроссе), и т. п. Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, будетъ постепенно исключена изъ сферы ея ближайшихъ задачъ, и если, въ полномъ соотвѣтствіи со сложностью общественныхъ явленій, она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ".

Такимъ отношеніемъ къ односторонности и нетерпимости, такъ рѣзко отличающимъ его отъ сонма ученыхъ спеціалистовъ вообще и спеціалистовъ по соціологіи въ частности,

Ковалевскій самъ опредѣляетъ мѣсто, которое онъ занимаетъ среди своихъ товарищей по спеціальности.

II.

М. М. Ковалевскій и біологическая школа въ соціологіи.

Переходя къ характеристикѣ М. М. Ковалевскаго, какъ соціолога-спеціалиста, я буду имѣть въ виду его взгляды, изложенные не въ видѣ опредѣленнаго ученія или системы[1]), а, такъ сказать, попутно, при изложеніи современныхъ теченій въ соціологіи, и не всѣхъ, а лишь тѣхъ, которые отразились въ его отношеніи къ школамъ біологической и психологической.

Для оцѣнки Ковалевскаго, какъ соціолога, выясненія его пріемовъ изслѣдованія, опредѣленія его основныхъ точекъ зрѣнія на методъ и задачи науки, ея область и границы — было бы несравненно лучше, если бы это можно было сдѣлать по матеріалу всего критическаго обзора его „Современныхъ соціологовъ", но такая задача, прежде всего, мнѣ не по силамъ и, сверхъ того, вышла бы далеко за предѣлы журнальной статьи. Отмѣчу лишь одно обстоятельство, стоящее въ связи съ критическимъ очеркомъ современныхъ теченій въ соціологіи у Ковалевскаго. Останавливаясь на представителяхъ важнѣйшихъ школъ, — біологической, психологической, соціологической, въ прямомъ значеніи этого слова, экономической, исторической и другихъ, — М. М. ни слова не говоритъ о школѣ философовъ-метафизиковъ. Какъ позитивистъ, М. М., по его признанію, „не понималъ метафизики"; какъ человѣка, ищущаго конкретныхъ знаній, его не могли интересовать разсужденія, хотя бы и самыя глубокомысленныя, на тему „о конечныхъ цѣляхъ общественности", — разсужденія, которыхъ такъ же много, какъ и авторовъ, пишущихъ на эту тему и, подобно Фихте, утѣшающихъ себя тѣмъ, что разнообразіе имѣетъ свою положительную сторону, давая возможность каждому выбирать философію по своему вкусу. Ковалевскій по складу своего ума искалъ такихъ отвѣтовъ на вопросы науки, кото-

---

[1]) Такого изслѣдованія М. М. Ковалевскій не оставилъ, да и едва ли могъ оставить, принимая во вниманіе, что переживаемая нами эпоха въ области соціологіи, по его же словамъ, не столько осново-положительная, сколько критическая.

рые обладали бы принудительной доказательностью. А философы-метафизики не только не даютъ такихъ отвѣтовъ, но полагаютъ, что факты біологическіе, психологическіе и историческіе могутъ служить матеріаломъ для „обобщенія лишь низшаго порядка, весьма далекихъ отъ понятій, выражающихъ собою послѣдніе элементы вещей". Но что это за элементы? Этого философы-метафизики, конечно, не объясняютъ, да и не могутъ объяснить на языкѣ точнаго знанія, отказывающаго въ отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается и гдѣ лежитъ „ключъ къ разгадкѣ послѣдней тайны вселенной", такъ интересовавшей другого нашего соціолога, де Роберти.

Какъ уже было сказано, Ковалевскій принципіально считаетъ біологическую школу въ соціологіи правомѣрной и научной. Незнакомство съ біологіей, однако, не избавило его отъ общей у соціологовъ ошибки: считать представителями біологической школы какъ тѣхъ ученыхъ, которые ищутъ рѣшенія соціальныхъ вопросовъ въ аналогіи между государствомъ и организмомъ, такъ и тѣхъ, которые въ основу своихъ теорій кладутъ принципы эволюціонной теоріи Дарвина. Обѣ эти существенно различныя между собою школы онъ называетъ органической школой, при чемъ подъ біологіей разумѣетъ „ученіе о живомъ организмѣ". Это смѣшеніе, воспринятое М. М. отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, не помѣшало ему, однако, какъ мы это увидимъ ниже, относиться къ представителямъ той и другой школы различно.

Что касается органической школы біо-соціологовъ, основу которой составляетъ идея сходства „общественнаго организма" съ живымъ организмомъ животнаго, и общности управляющихъ ими законовъ, то основу этого ученія мы находимъ еще у Ог. Конта: „Біологія показываетъ, — говоритъ онъ, — что усовершенствованіе животнаго организма выражается возрастающей спеціальностью различныхъ функцій, выполняемыхъ органами, которые все болѣе и болѣе объединяются, хотя всегда сохраняютъ взаимную самостоятельность". Таковы же, по его мнѣнію, отличительныя черты и общественнаго организма. Составляющія общество лица безконечно разнообразны, но способствуютъ общему развитію, нисколько объ этомъ не заботясь.

Этимъ ученіемъ было положено начало такъ наз. органической школы, которая ставитъ своей задачей путемъ на-

веденія между организмомъ и государствомъ выяснять законы, опредѣляющіе ихъ структуру и дѣятельность. Она явилась, такимъ образомъ, раньше выхода въ свѣтъ книги Дарвина о происхожденіи видовъ, развивалась и продолжаетъ развиваться независимо отъ послѣдней, хотя и пользуется, гдѣ это возможно, матеріаломъ и послѣ дарвиновской біологіи.

Гербертъ Спенсеръ ни въ статьѣ своей „Соціальный организмъ", ни въ своихъ „Основахъ соціологіи", не идетъ дальше утвержденія, что аналогія между организмомъ и обществомъ, путемъ наведенія, можетъ иногда приводить къ плодотворнымъ заключеніямъ. Онъ ни на минуту не забываетъ того, что рядомъ съ чертами сходства между организмомъ и обществомъ существуетъ и глубокое принципіальное различіе. Съ теченіемъ времени этотъ взглядъ на дѣло существенно измѣнился.

Представители органической школы, съ одной стороны, стали забывать указанное Спенсеромъ различіе, а въ тѣхъ случаяхъ, когда забыть это было нельзя, — старались ослабить значеніе различія; съ другой стороны, они систематически преувеличивали черты сходства и тамъ, гдѣ они находили это возможнымъ, проводили это сходство до его конечныхъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, Вормсъ пишетъ, что армія въ своей оборонительной роли соотвѣтствуетъ экзодермѣ; мозгъ представленъ правительствомъ, къ которому нужно присоединить мыслителей, ученыхъ, артистовъ, литераторовъ; телеграфныя проволоки—это нервныя нити; дороги и купцы, по нимъ разъѣзжающіе — кровеносные сосуды. Столица — голова общества, биржа — его сердце; банкиры — сосудодвигательные нервы; мастерскія — это гланды; досужихъ богачей довольно хорошо изображаютъ сальныя клѣточки; и, наконецъ, экскреторные аппараты представлены полиціей, судами и проч. А Лиліенфельдъ („Мысли о соціальной наукѣ будущаго") не только разсматриваетъ общество, какъ реальный организмъ, но утверждаетъ, что возраженія противъ такой реальности основаны на поверхностныхъ заключеніяхъ.

Я не войду здѣсь въ подробное разсмотрѣніе того, поскольку такой методъ рѣшенія соціологическихъ задачъ можетъ считаться научнымъ, а достигнутые имъ результаты правильно обоснованными и достовѣрными, — это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Скажу лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ относится къ этой школѣ біологовъ М. М. Ковалевскій.

Вотъ что пишетъ нашъ ученый по поводу Рене Вормса и другихъ сторонниковъ этого направленія въ наукѣ.

„Вормсъ — послѣдователь, такъ называемой органической школы въ соціологіи, т. е. вмѣстѣ со Спенсеромъ, Шефле, Лиліенфельдомъ, Новиковымъ и другими, онъ старается открыть въ обществѣ черты, сходныя съ живыми организмами. Съ этой точки зрѣнія вся соціологія распадается для него на анатомію и физіологію общества. Первая занимается изученіемъ среды и населенія, т. е. имѣетъ дѣло съ феноменами общественной географіи и этнографіи; что же касается до второй, то она интересуется феноменами четырехъ различныхъ порядковъ: экономическими, юридическими, умственными и политическими. Очевидно, что въ категорію умственныхъ вводятся Вормсомъ одинаково и религіозные, и научные, а въ категорію юридическихъ — и отличныя отъ нихъ по природѣ, въ виду недостатка санкціи, — нормы нравственности". Но куда дѣвались эстетическія и почему ни словомъ не упоминается о генетическихъ?" — основательно спрашиваетъ М. М. Ковалевскій.

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу книги американскаго соціолога Марка Бальдвина („О соціальной и нравственной интерпретаціи умственнаго развитія"), М. М. Ковалевскій, съ очевиднымъ сочувствіемъ автору этой книги, пишетъ:

„Противополагая свою психологическую теорію біологической или органической, Бальдвинъ говоритъ о прогрессѣ общества, ... что онъ болѣе аналогиченъ съ прогрессомъ сознанія, нежели съ развитіемъ біологическихъ организмовъ. Организація, реализуемая соціальной жизнью — организація психическая, ея матеріалы — психическаго характера, а именно — мысли, желанія, импульсы санкціи и вытекающія изъ всего этого чувствованія. Говорить поэтому заодно со Спенсеромъ объ атомахъ, органахъ, органическихъ процессахъ и центрахъ, о нервахъ первичнаго порядка, вторичнаго и т. д. въ области соціологіи — значитъ насиловать природу матеріаловъ, служащихъ для построенія соціальной науки. Держась біологическихъ аналогій, соціологъ не можетъ орудовать съ такими феноменами, какъ подражаніе, обобщеніе, изобрѣтеніе, общественная санкція и т. д. Ввести ихъ въ біологическія рамки нельзя иначе, какъ искажая ихъ. Гдѣ при исканіи аналогіи съ біологическимъ организмомъ найти подобающее мѣсто вліянію религіознаго и нравственнаго чувства, которое является при ближайшемъ анализѣ однимъ изъ

важнѣйшихъ факторовъ соціальнаго прогресса. Прогрессъ общественной организаціи ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ принципами и методами, которые имѣютъ значеніе для насъ настолько, насколько мы являемся разумными существами. Таковы внушенія, подражанія, чувствованія и т. д. Мы понимаемъ ихъ, только принимая въ расчетъ нашу личную эволюцію. На нихъ мы строили наше представленіе о характерѣ, какъ собственномъ, такъ и приписываемомъ нами ближнимъ".

Къ сказанному мнѣ остается присоединить, что біологическая школа въ соціологіи по даннымъ теоріи Дарвина относится къ органической школѣ біо-соціологовъ съ большой сдержанностью, а къ попыткамъ отожествленія общества съ организмомъ — безусловно отрицательно, находя такое отождествленіе совершенно ошибочнымъ[1]).

Отъ органической школы біо-соціологовъ обратимся теперь къ біологической школѣ или, какъ ее не безъ основанія называютъ многіе авторы — дарвинизму въ соціологіи[2]).

Біологическая школа въ соціологіи у большинства историковъ, философовъ и соціологовъ признается не научной и ненужной для рѣшенія какихъ бы то ни было задачъ соціологіи. М. М. Ковалевскій по этому вопросу держится иной точки зрѣнія; онъ считается съ принципами біологической школы въ соціологіи, признаетъ за нею научное значеніе, хотя по цѣлому ряду причинъ, о которыхъ скажу ниже, оцѣниваетъ ее ниже ея дѣйствительнаго значенія.

Чтобы точно опредѣлить и правильно оцѣнить точку зрѣнія Ковалевскаго на предметъ, скажу нѣсколько словъ по поводу соціологовъ, категорически открещивающихся отъ біологіи.

Какъ ни разнообразны соображенія, высказываемыя авторами этого направленія, въ общемъ, ихъ объединяетъ одинъ признакъ — это глубокое невѣжество въ естествознаніи и отсюда непониманіе элементарныхъ законовъ этой науки. Хорошимъ примѣромъ для иллюстраціи сказаннаго можетъ

---

[1]) См. Влад. Вагнеръ „Біологическія основанія сравнительной психологіи". Т. I. Петроградъ. Изд. Вольфа. стр. 139 и слѣд.

[2]) См. Владиміръ Вагнеръ. „Біологическія теоріи и вопросы жизни". Книгоиздательство „Образованіе". 1910 г.

служить книга П. Колле[1]), взгляды котораго сходятся съ таковыми же де-Роберти. Авторъ начинаетъ съ заявленія, что „область соціологіи не должна быть смѣшиваема съ областью біологіи". Это положеніе, по заявленію Колле, единогласно признается будто бы всѣми современными біологами и соціологами. Справедливость требовала бы прибавить къ этому „единогласно и всѣми" лишь знакомыхъ г. Колле авторовъ, которыхъ, въ общемъ, очень немного и болѣе всего — авторовъ философскаго направленія, сильно наклонныхъ въ сторону метафизики. Біологія, по ученію этихъ авторовъ, „выдѣляя изъ совокупности свойствъ человѣка его физіологическія отправленія, дѣлаетъ изъ нихъ спеціальный предметъ своихъ изслѣдованій въ анатоміи и физіологіи человѣческихъ органовъ и мозга". Такое оригинальное опредѣленіе біологіи едва ли приходилось встрѣчать кому-либо изъ натуралистовъ. Къ этому опредѣленію Колле присовокупляетъ, что между біологіей и соціологіей имѣется мѣсто для психологіи, — науки, по его мнѣнію, отвлеченной и „занимающейся изслѣдованіемъ свойствъ, признаваемыхъ отличными отъ біологическихъ и несводимыхъ далѣе ни къ чему". Мысль не менѣе оригинальная, чѣмъ и опредѣленіе біологіи. Другіе авторы, по свидѣтельству Колле, утверждаютъ, что „жизненный фактъ предшествуетъ факту умственному, а этотъ послѣдній проявляется раньше общественнаго", тогда какъ, по мнѣнію Колле, „опытъ повидимому, доказываетъ, что общественный фактъ непосредственно вытекаетъ изъ жизненнаго и что фактъ психологическій составляетъ конкретное сочетаніе обоихъ вышеуказанныхъ фактовъ, т. е. является фактомъ біо-соціальнымъ". Разсуждая на основаніи такихъ опытныхъ данныхъ, Колле приходитъ къ выводу, что теорія, „выводящая общественный фактъ изъ факта психологическаго, ошибочная теорія и что ошибка эта явилась слѣдствіемъ незаконнаго вторженія біологіи въ область соціологіи".

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что не всѣ историки и соціологи, являясь принципіальными противниками біологіи въ рѣшеніи соціологическихъ проблемъ, разсуждаютъ такъ, какъ это дѣлаетъ Колле; но ихъ неосвѣдомленность въ естествознаніи остается для всѣхъ одинаковой и неизмѣнной.

---

[1]) Paul Caullet „Elements de sociologie". Paris. 1913. Съ книгой этой я знакомъ по переводу въ неперіодич. изд. („Новыя идеи въ соціологіи"), издававшемся подъ редакціей М. М. Ковалевскаго и де-Роберти.

Колле говоритъ объ обществѣ, которое считаетъ видомъ, о расахъ, которыя также считаетъ видомъ; говоритъ о классахъ общественныхъ, которые также принимаетъ за видъ; говоритъ о человѣчествѣ, которое тоже оказывается видомъ; расы являются у него подвидомъ, а классы породой и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, по первому же вопросу исторіи культуры, которая, по мнѣнію этого автора и его единомышленниковъ, есть исторія расъ, — знаніе біологіи оказывается сполна отсутствующимъ и, очевидно, не необходимымъ.

То же видимъ мы и по другимъ вопросамъ соціологіи. Не доказано, говорятъ авторы, отрицающіе значеніе біологіи въ соціологическихъ вопросахъ, чтобы человѣкъ за время цивилизаціи, „органически поднялся на высшую ступень", а если поднялся, то — чтобы онъ былъ обязанъ этимъ быстрому размноженію и отбору въ борьбѣ за существованіе. Парсонъ идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что не доказано, „будто у стадныхъ животныхъ какого бы то ни было вида борьба на жизнь и на смерть между индивидомъ одного объекта играла какую-нибудь роль при естественномъ отборѣ".

Въ отвѣтъ на эти утвержденія можно сказать, что нѣтъ ни одного закона исторіи и соціологіи, который былъ бы основанъ большимъ количествомъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ тѣ, положенія которыхъ соціологи, по утвержденію Колле, считаютъ еще не доказанными. А между тѣмъ изъ факта недоказанности этихъ положеній они выводятъ рядъ своихъ заключеній и строятъ свои теоріи.

У животныхъ, утверждаютъ они, нѣтъ борьбы между особями и обществами одного и того же вида, вопреки фактамъ, которые свидѣтельствуютъ, что излюбленныя соціологами государства муравьевъ представляютъ нескончаемые примѣры такой борьбы. Нельзя, — продолжаютъ они свои доводы за неумѣстность біологическихъ наукъ при рѣшеніи задачъ соціологіи, — нельзя сопоставлять состязаніе за успѣхъ въ человѣческомъ обществѣ съ біологической борьбой за существованіе, ибо послѣдняя влечетъ за собой гибель менѣе пригодныхъ, а первое — нѣтъ. Факты свидѣтельствуютъ, что это утвержденіе одинаково невѣрно и въ первой, и во второй своей части, ибо въ обоихъ случаяхъ гибель можетъ и послѣдовать, и не послѣдовать, и т. д. и т. д.

Совершенно иначе смотритъ на дѣло М. М. Ковалевскій.

Разсмотрѣвши соціологическую доктрину Гиддингса [1]), М. М. пишетъ: „Эта книга заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: за исключеніемъ трактата Эспиноса, я нигдѣ не нашелъ такого широкаго пользованія явленіями общественности, встрѣчаемыми въ животномъ царствѣ, для объясненія природы и генезиса человѣческихъ союзовъ".

Если мы присоединимъ къ этому, что Гиддингсъ, рѣшая свою задачу, пользовался не старыми баснями о пчелиныхъ монархіяхъ и муравьиныхъ республикахъ, а явленіями общественности у высшихъ позвоночныхъ животныхъ, что указываетъ на правильный эволюціонный путь, то приведенный отзывъ объ его книгѣ въ устахъ Ковалевскаго получаетъ особое значеніе [2]).

Не буду говорить о высказанныхъ М. М. мысляхъ при разборѣ книги названнаго автора и отмѣчу лишь, что онѣ снова характеризуютъ нашего ученаго, какъ соціолога, умѣющаго отличать цѣнное на всѣхъ путяхъ изслѣдованія и отводить каждому изъ нихъ должное значеніе, насколько оно является научно обоснованнымъ.

„Гиддингсъ — читаемъ мы въ книгѣ Ковалевскаго о „Современныхъ соціологахъ", — справедливо указываетъ на то, что общеніе начинается еще въ средѣ животныхъ. Недаромъ же многіе смотрятъ на современныя стада пасущихся на волѣ млекопитающихъ, какъ на уцѣлѣвшіе остатки болѣе обширныхъ союзовъ, подобныхъ, напримѣръ, сотнямъ переселяющихся бизоновъ, которыхъ піонеры Сѣв. Америки, селившіеся къ западу отъ Аллегонь, находили на своемъ пути" и т. д.

Ковалевскій внимательно останавливается на идеѣ Гиддингса о роли пищи, которой избытокъ въ данномъ мѣстѣ вызываетъ временное скопленіе животныхъ и человѣка въ этомъ мѣстѣ. Онъ раздѣляетъ нѣкоторыя мнѣнія этого писателя о послѣдствіяхъ, сопровождающихъ такія временныя аггрегаціи; наконецъ, онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что Гиддингсъ,

---

[1]) „Принципы соціологіи".

[2]) Спѣшу оговориться во избѣжаніе недоразумѣній: книгу Гиддинга я отнюдь не считаю выраженіемъ того, что можетъ дать біологія для рѣшенія соціологическихъ проблемъ. Его основная доктрина, по которой первичнымъ соціальнымъ фактомъ является сознаніе породы, съ точки зрѣнія біологическихъ данныхъ примыкаетъ къ ученію Леба, уже нашедшаго приложеніе въ гипотезѣ Waxweiller'a (директора соціологическаго института Solvya въ Брюсселѣ). Свою оцѣнку этого направленія въ наукѣ и уже высказалъ въ I т. своего изслѣдованія „Біологическихъ основаній сравнительной психологіи" (Стр. 229 и слѣд.).

вопреки Старке и Вестермарку, признаетъ материнскій счетъ родства наиболѣе стариннымъ, а отцовскій позднѣйшимъ, и пр.

Ковалевскій, по моему мнѣнію, не совсѣмъ правъ, только въ томъ, что, подводя итогъ, своей оцѣнки Гиддингса, какъ соціолога, вслѣдъ за Тардомъ, полагаетъ, что Гиддингсъ заимствовалъ у послѣдняго основное положеніе своей системы; что онъ далъ только рядъ описаній или обобщеній, которыя мало чѣмъ отличаются отъ общихъ мѣстъ, или воспроизводитъ ходячія положенія спеціальныхъ общественныхъ наукъ: этнологіи, статистики, экономики, государствовѣдѣнія. Это, думается мнѣ, едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части заключеній Гиддингса. Дѣло въ томъ, что заключеніе біолога можетъ совпадать иногда буквально съ заключеніями соціологовъ (экономистовъ, государственниковъ и т. п.), отнюдь не являясь повтореніемъ давно извѣстнаго или общимъ мѣстомъ. Натуралистъ Гексли говоритъ почти то же, что соціологъ Гизицкій; натуралистъ Уоллесъ говоритъ о Высшемъ Разумѣ во многомъ напоминающее то, что говорилъ Шеллингъ; Гиддингсъ говоритъ почти то же, что и представитель психологической школы соціологовъ — Тардъ; но это вовсе не значитъ, чтобы кто-либо изъ нихъ повторялъ другого. Это значитъ лишь, что заключенія біологовъ могутъ совпадать съ теоріями историковъ и соціологовъ — и только.

III.

М. М. Ковалевскій и психологическая школа въ соціологіи.

Остановлюсь для выясненія отношенія нашего ученаго къ этой школѣ въ соціологіи на одномъ изъ вопросовъ, которому Ковалевскій посвятилъ большое вниманіе при обозрѣніи современныхъ соціологовъ и который лежитъ въ основѣ теоретическихъ построеній Тарда, — на вопросѣ о подражаніи и роли этой способности въ жизни человѣческихъ обществъ. Такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ названныхъ ученыхъ не вполнѣ правы съ точки зрѣнія данныхъ объективной біопсихологіи, то мнѣ придется коснуться этого вопроса въ такой полнотѣ, которая необходима для того, чтобы объяснить, почему я полагаю, что Ковалевскій принципіально стоитъ къ истинѣ ближе Тарда.

Свое разногласіе съ послѣднимъ М. М. Ковалевскій резюми-

руетъ такимъ образомъ: „Читатель можетъ заключить изъ моего разногласія съ Тардомъ, по вопросу о роли обычая и моды въ поступательномъ движеніи общества, что мы не одинаково смотримъ на коренной вопросъ о томъ, къ чему сводится въ дѣйствительности самое подражаніе. Для Тарда оно равнозначительно повторенію, для меня оно является своего рода модификаціей. Французская пословица, говорящая „n'imite pas qui veut", то есть подражаетъ не всякій желающій, только передаетъ одинъ изъ оттѣнковъ моей мысли. Въ подражаемомъ обыкновенно видятъ не его дѣйствительную природу, а торжество извѣстныхъ принциповъ, дорогихъ подражателю. Русскіе верховники временъ Анны Іоанновны, ставившіе себѣ образцомъ аристократическіе порядки Швеціи и будто бы подражавшіе имъ, на самомъ дѣлѣ стремились къ упроченію бюрократическаго господства. Не разъ въ исторіи повторялись такія же заимствованія. Вошедшій въ Россіи въ употребленіе терминъ „органическія заимствованія" довольно вѣрно передаетъ мою мысль, но только подъ однимъ условіемъ: если допустить, что продуктъ такого органическаго заимствованія нерѣдко расходится по самой природѣ съ своимъ образцомъ. При такомъ пониманіи, заимствованіе является не болѣе, какъ одной изъ формъ органическаго развитія. Оно не мѣшаетъ французамъ оставаться французами и послѣ видимаго переноса въ ихъ среду англійскаго парламентаризма.

Заимствованіе въ концѣ концовъ, — по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда заимствующимъ является не отдѣльный человѣкъ, а цѣлый народъ, — заключаетъ въ себѣ элементы самостоятельнаго творчества. Вѣрнѣе было бы употреблять, поэтому, взамѣнъ его терминъ приспособленіе, приспособленіе не общества къ заимствуемымъ порядкамъ, а этихъ порядковъ къ потребностямъ заимствующаго ихъ общества. Чтобы передать мою мысль во всей ея необусловленности, я скажу, что развитіе произошло бы въ томъ же направленіи и безъ заимствованія, но только съ меньшею быстротою и математичностью. А если такъ, то въ исторіи поступательнаго хода обществъ центръ тяжести лежитъ не въ подражаніи, а въ открытіи или изобрѣтеніи".

Ни Тардъ, ни Ковалевскій, какъ я сказалъ уже, справокъ по интересующему ихъ вопросу въ сравнительной психологіи не дѣлали. А между тѣмъ объективная біопсихологія не только поможетъ намъ установить, что оба эти ученыхъ въ своихъ взглядахъ на подражаніе, какъ факторъ эволюціи,

не вполнѣ правы, но и выяснитъ, почему это дѣйствительно такъ и почему Ковалевскій ближе къ истинѣ, чѣмъ Тардъ.

Данными объективной біопсихологіи съ несомнѣнностью установлены слѣдующія заключенія:

1) Способность къ подражанію у безпозвоночныхъ животныхъ не подтверждена ни однимъ точно установленнымъ фактомъ, если не считать способности нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать другъ за другомъ, руководствуясь обоняніемъ.

2) Способность къ подражанію наблюдается впервые у позвоночныхъ животныхъ и представляетъ собой прогрессивный моментъ въ развитіи психическихъ способностей огромнаго значенія.

3) Въ простѣйшемъ видѣ способность къ подражанію у животныхъ проявляется въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ повторяютъ дѣйствія особей своего вида, руководясь органами зрѣнія, или, если повторяется звукъ, и органами слуха.

4) Повтореніе это у животныхъ всегда инстинктивно и не цѣлепонимательно.

Самыя одаренныя изъ млекопитающихъ животныхъ — обезьяны — подражающія многимъ движеніямъ особей и своего и чужого видовъ, не понимаютъ цѣли производимыхъ путемъ подражанія дѣйствій и, кромѣ того, обладаютъ способностью подражать не всѣмъ, а лишь опредѣленнымъ дѣйствіямъ [1]).

Роль способности къ подражанію даже у высшихъ животныхъ не идетъ дальше запоминанія тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ число наслѣдственно установленныхъ случаевъ. Подражаніе за предѣлами этихъ случаевъ устанавливается лишь съ помощью дрессировки.

Само собою разумѣется, что такое подражаніе не можетъ быть факторомъ прогрессивной эволюціи общественности.

У человѣка способность къ подражанію двояка: одна — инстинктивная, унаслѣдованная отъ животныхъ, другая —

---

[1]) Торндайкъ, превосходный изслѣдователь психологіи этихъ животныхъ, наблюдалъ, какъ обезьяна, сидѣвшая въ одномъ помѣщеніи съ другой особью своего вида, несмотря на то, что она сотни разъ видѣла, какъ эта послѣдняя, дергая за веревку аппарата, получала орѣхъ, — не научилась подражать этому полезному дѣйствію. Собаки, лакомыя до сахара, могутъ сотни, тысячи разъ видѣть, какъ за дѣйствія, которыя они легко могли бы повторить, выдрессированная особь получаетъ подачки, не могутъ научиться производить тѣ же дѣйствія путемъ подражанія и требуютъ спеціальной для этого дрессировки.

благопріобрѣтенная, сопровождаемая участіемъ разумныхъ способностей, и поэтому, если не всегда, въ дѣйствительности, то въ возможности — цѣлепонимательная. Эта послѣдняя способность къ подражанію большею частью сопровождается творчествомъ и, несомнѣнно, представляетъ собою важный факторъ въ процессѣ эволюціи.

Таковы данныя объективной сравнительной психологіи [1]) по вопросу о подражаніи, какъ психической способности. Не имѣя о нихъ надлежащихъ свѣдѣній, нельзя составить правильнаго понятія о подражаніи, какъ факторѣ эволюціи у человѣка. Данныхъ этихъ ни Тардъ, ни Ковалевскій, въ виду не имѣли, вслѣдствіе чего споръ ихъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, остался и продолжаетъ быть открытымъ, и если послѣдній, въ концѣ концовъ, все же ближе къ истинѣ чѣмъ первый, то исключительно потому, что міровоззрѣніе Ковалевскаго въ цѣломъ гораздо шире, чѣмъ таковое у Тарда.

Между тѣмъ правильное рѣшеніе вопроса имѣетъ огромное значеніе въ рѣшеніи цѣлаго ряда основныхъ задачъ соціологіи. Чтобы установить это мое утвержденіе, я приведу взгляды соціологовъ на роль подражанія толпы, которая разсматривается, какъ прототипъ общественности.

„Толпа, — говоритъ Тардъ [2]), — не можетъ возрасти свыше извѣстнаго предѣла, положеннаго свойствами слуха и зрѣнія“ [3]); а нѣсколько ниже [4]) мы читаемъ: „толпа подчинена силамъ природы въ прямомъ смыслѣ этого слова, она зависитъ отъ дождя или отъ хорошей погоды, отъ жары или отъ холода; она образовывается чаще лѣтомъ, чѣмъ зимою. Лучъ солнца собираетъ ее, проливной дождь ее разсѣиваетъ“ и т. д. Другими словами, толпа, въ опредѣленіи Тарда, это такое явленіе, которое принято называть уличной толпой, и которое, модифицируясь, превращается въ высшія формы общественныхъ организацій.

Рядомъ съ такимъ опредѣленіемъ мы у Лебона, напримѣръ [5]), находимъ другое. Для него уличная толпа — это

---

[1]) См. Влад. Вагнеръ. „Біологическія основанія сравнительной психологіи“, т. II, изд. Вольфа.

[2]) „Общественное мнѣніе и толпа“, переводъ съ франц. подъ редакц. П. С. Когана.

[3]) Стр. 8.

[4]) Стр. 12.

[5]) Густавъ Лебонъ. „Психологія народовъ и массъ“. Перев. съ франц. Изд. Ф. Павленкова, 1896 г.

только частный случай, который онъ называетъ толпою анонимною. Рядомъ съ нею существуетъ серія другихъ видовъ толпы; таковыми являются: толпа присяжныхъ засѣдателей, толпа парламентскаго собранія, секты (политическія, религіозныя и др.), касты (военныя, рабочія), классы (буржуазный, крестьянскій), и т. д. Правда, эти разные виды толпы распредѣляются авторомъ въ разныя категоріи его классификаціи, но каждый изъ нихъ представляетъ собою, по мнѣнію Лебона, прежде всего толпу, которая, несмотря на особые признаки, въ своихъ основныхъ чертахъ и свойствахъ, всегда одна и та же.

Не трудно себѣ представить, какъ должно вліять на разсужденія авторовъ такое разногласіе по самому исходному пункту этихъ разужденій; а съ этимъ вмѣстѣ можно себѣ представить, сколько произвольнаго, личнаго, условнаго и спорнаго должно быть въ ихъ мнѣніяхъ и ихъ оцѣнкѣ подлежащихъ разсмотрѣнію явленій огромной важности и значенія.

Разногласіе и спорность рѣшенія задачи, конечно, возможны при всякихъ изслѣдованіяхъ, и сами по себѣ ничего еще не доказываютъ. Но бѣда въ томъ, что на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыми авторы пользуются для рѣшенія своей задачи, т. е. на почвѣ исключительно данныхъ исторіи и соціологіи, выхода изъ такихъ противорѣчій, такихъ условныхъ и произвольныхъ толкованій изслѣдуемыхъ явленій быть не можетъ. Ограничивая изслѣдованіе толпы человѣческимъ обществомъ, — вопросъ о ея генезисѣ теряетъ свою основу и неизбѣжно становится проблематичнымъ, а съ этимъ вмѣстѣ центръ тяжести изслѣдованія самъ собою переносится въ другое мѣсто: толпа изучается какъ явленіе, имѣющее объяснить нашу общественную жизнь съ той или другой ея стороны. Этотъ вопросъ представляетъ собою, конечно, самый основной и самый важный вопросъ въ изслѣдованіи, но къ его рѣшенію надо подойти, его надо вывести какъ заключеніе изъ относящихся къ нему фактовъ біологіи и сравнительной психологіи, а не начинать съ него, имъ исчерпывать изслѣдованіе и, въ концѣ концовъ, на немъ же строить и конечные выводы.

Подобно тому, какъ авторами рѣшается вопросъ о томъ, что такое толпа, рѣшаются и всѣ остальные вопросы, стоящіе въ связи съ нею. Такъ, причины, обусловливающія возникновеніе толпы, по мнѣнію однихъ авторовъ, заключаются, главнымъ образомъ, въ способности къ гипнозу, по мнѣнію другихъ — въ подражаніи, по мнѣнію третьихъ — въ свой-

ствахъ вожаковъ и т. д. На вопросъ, какъ мы должны относиться къ толпѣ, какъ общественному явленію, одни отвѣчаютъ: никакъ, ибо дѣло не въ толпѣ, а ея вожакахъ, которые могутъ создать и преступную, и добродѣтельную толпу; по мнѣнію другихъ, отношеніе должно быть сочувственное, ибо, въ концѣ концовъ, само общество есть продуктъ способности къ подражанію, и въ его основѣ лежитъ способная къ подражанію толпа; по мнѣнію третьихъ, мы должны различать преступную толпу отъ добродѣтельной, послѣднюю поощрять, а первую — преслѣдовать. Пюльезе, сколько я знаю, первый изложилъ въ статьѣ „О коллективномъ преступленіи" доктрину уголовной отвѣтственности за таковыя и предложилъ полу-отвѣтственность для всѣхъ тѣхъ, которые совершаютъ преступленіе, увлеченные толпой.

Не останавливаясь долѣе на мнѣніяхъ соціологовъ, я скажу кратко, что разнорѣчіе ихъ является лучшимъ свидѣтельствомъ того, что соціологія однимъ своимъ методомъ изслѣдованія и на основаніи одной только категоріи фактовъ, заимствуемыхъ изъ наблюденія надъ жизнью человѣческаго общества, едва ли можетъ дать отвѣты на поставленные ею самой вопросы. Она не можетъ отвѣтить на вопросъ, почему и какѣ образуется толпа въ человѣческомъ обществѣ; она не можетъ намъ отвѣтить на вопросы: почему толпа и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи всегда была, есть и будетъ ниже средняго уровня составляющихъ ее членовъ; почему еще у римлянъ сложилась поговорка: „сенаторы — люди хорошіе, а сенатъ — дурное животное". Почему толпа, даже состоящая изъ лицъ въ большинствѣ интеллигентныхъ, всегда заключаетъ въ себѣ что-то ребяческое и звѣрское одновременно: ребяческое — по своей капризной измѣнчивости, неожиданнымъ переходамъ отъ гнѣва къ взрывамъ смѣха; звѣрское — по своей свирѣпости.

На всѣ эти и длинный рядъ другихъ аналогичныхъ вопросовъ ничего не даютъ и не могутъ дать ни подробныя описанія свойствъ толпы, ни ея классификаціи по даннымъ одной соціологіи. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть полученъ только при содѣйствіи біо-психологіи, а матеріалы этой-то именно области знанія въ вопросѣ о толпѣ у соціологовъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ вовсе. Они, — эти матеріалы, — свидѣтельствуютъ, что толпа, являясь послѣднимъ звеномъ въ цѣпи біологическихъ организацій (сборище, аггрегатъ и стадо), не представляетъ собою

эмбріона общественности; что уже въ стадѣ мы наблюдаемъ факторы двухъ категорій, каждый по-своему регулирующихъ и направляющихъ жизнедѣятельность животныхъ. Одни изъ этихъ факторовъ — чисто біологическіе, наслѣдственные, другіе являются дѣломъ индивидуальнаго пріобрѣтенія особей стада, — это факторы соціальные въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Авторы-историки и соціологи упускаютъ изъ вида эти предшествующіе біологическіе этапы на пути эволюціи толпы; одни изъ нихъ, поэтому, не подозрѣваютъ важности давно установленнаго въ нашей наукѣ положенія, по силѣ котораго инстинктъ стадности долженъ быть противопоставленъ инстинкту общественности уже въ самомъ стадѣ; другіе недостаточно оцѣниваютъ полученныя свѣдѣнія [1]).

Біо-психологія, исходя изъ данныхъ эволюціи общественности въ царствѣ животныхъ, даетъ выходъ изъ противорѣчивыхъ мнѣній историковъ и соціологовъ. Она удостовѣряетъ, прежде всего, ошибочность мнѣнія, по которому толпа представляетъ собою эмбріонъ человѣческаго общества, въ томъ видѣ, въ какомъ рисовалъ его себѣ Тардъ. Этотъ авторъ утверждалъ, что обыкновенная уличная толпа „черезъ рядъ посредствующихъ ступеней отъ этого примитивнаго аггрегата, летучаго и аморфнаго“, ведетъ насъ „къ

---

[1]) Такъ, Н. К. Михайловскій, напр., пишетъ: „Мы хотимъ знать, почему и какъ образуется толпа въ человѣческомъ обществѣ, а біологія вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ трактуетъ о томъ, какъ генетически развилась толпа изъ стада“.

Михайловскому были извѣстны наблюденія Гальтона, изложенныя въ статьѣ послѣдняго „Inquiries into human faculties and its developement“, но они такъ же не были оцѣнены нашимъ публицистомъ по достоинству, какъ и указаніе Спенсера на то, что подражаніе требуетъ, говоря относительно, разумѣется, высокаго умственнаго развитія. Михайловскій противопоставлялъ Спенсеру мнѣніе Кандинскаго и Пеликана. Пеликанъ („Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества“) высказывалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія: способность къ подражанію, лежащая въ основѣ дѣйствій толпы, оказывается тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ менѣе развито сѣрое корковое вещество, безъ достаточнаго развитія котораго немыслима способность къ критикѣ. Цитированный Михайловскимъ съ тою же цѣлью Кандинскій пишетъ: „Инстинктивною подражательностью отличаются нѣкоторыя животныя, напримѣръ, обезьяны; въ весьма высокой степени мы видимъ ее у дѣтей, а также у идіотовъ и у нѣкоторыхъ слабоумныхъ... У взрослаго нормально развитаго человѣка, при видѣ извѣстнаго жеста другого лица, напр., кромѣ безсознательнаго побужденія воспроизвести этотъ жестъ, рождается въ мозгу извѣстное представленіе, вызывающее, въ свою очередь, другое

толпѣ организованной, имѣющей іерархическое раздѣленіе, продолжительную и регулярную жизнь, словомъ—къ той толпѣ, которую мы называемъ корпораціей, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: церкви и государству".

Соображеніе это построено на заблужденіи, вытекающемъ изъ того же источника, какъ и всѣ другія заблужденія авторовъ, пытающихся дать опредѣленіе толпы на основаніи данныхъ только исторіи и соціологіи.

Ни корпораціи, ни синдикаты, ни промышленныя и ученыя общества, ни государство, принципіально ничего общаго со стадной толпой не имѣютъ, и ни малѣйшей преемственности въ ихъ развитіи нѣтъ и быть не можетъ, ибо психологическіе факторы, лежащіе въ ихъ основѣ, противоположны инстинктамъ, объединяющимъ толпу. Другими словами, генезисъ этихъ явленій оказывается совершенно различнымъ, почему и строить такую филогенію, какъ это дѣлаетъ Тардъ: а) толпа, б) корпорація, в) церковь, г) государство, — безусловно невозможно.

Далѣе, біо-психологія удостовѣряетъ, что идея авторовъ, по которой судъ присяжныхъ, парламентскія собранія и обыкновенная уличная толпа суть явленія однородныя по своему существу, даже независимо отъ своего происхожденія, какъ это полагаютъ Лебонъ, Сигеле и др., представляетъ собой другую и не менѣе существенную ошибку.

Какъ дериватъ стада, толпа создается на почвѣ того же

представленіе и т. д., результатомъ чего будетъ не воспроизведеніе видѣннаго жеста, а мысль или чувство (напримѣръ, чувство смѣшного). У обезьяны же то же самое зрительное впечатлѣніе, вмѣсто мыслительной реакціи, обусловитъ реакцію двигательную, и видѣнный жестъ будетъ автоматически повторенъ.

Наблюденія Пеликана и Кандинскаго имѣютъ въ виду только инстинктивное подражаніе, приближающее человѣка къ животнымъ, изъ чего, разумѣется, не слѣдуетъ ни того, чтобы, кромѣ подражательности инстинктивной, у человѣка не было другой, болѣе сложной и совершенной, ни того, чтобы инстинктивная подражательность у высшихъ млекопитающихъ животныхъ не представляла собою высшей интеллектуальной способности, которую мы находимъ только у высшихъ видовъ этихъ животныхъ, какъ это справедливо указалъ Спенсеръ. Отсюда само собой понятно, что, давая отвѣтъ на вопросъ: какъ образовалась толпа, сравнительная психологія тѣмъ самымъ отвѣчала и на вопросъ: что такое она собою представляетъ, а стало быть и почему она образуется въ человѣческомъ обществѣ. Путаница въ опредѣленіи и пониманіи человѣческой толпы встрѣчается, если не у всѣхъ, то у очень многихъ соціологовъ.

инстинкта, который, какъ мы знаемъ, заключается у животныхъ въ томъ, что особи стада безотчетно и безпрекословно слѣдуютъ за вожакомъ и его указаніями. Толпа „слѣпа", она утратила способность къ критикѣ и является покорнымъ, безсмысленнымъ орудіемъ своего вожака, тогда какъ собранія людей, указываемыя авторами (синдикаты, корпораціи, практическія и ученыя общества и пр.), до тѣхъ поръ, пока они остаются таковыми, ни слѣпыми не представляются, ни способностей къ критикѣ не теряютъ.

Сравнительная психологія показываетъ намъ далѣе, что толпы не тождественны, и что противоположное утвержденіе такъ же далеко отъ истины, хотя и въ другую сторону, какъ и утвержденіе, что между уличной толпой и парламентомъ нѣтъ принципіальнаго различія. Все дѣло въ томъ, что, какъ мы теперь знаемъ, толпа стадная и толпа соціальная получаютъ свое начало отъ разныхъ инстинктовъ: первая — отъ инстинктовъ стадныхъ, вторая — отъ инстинктовъ соціальныхъ, изъ которыхъ послѣдніе у животныхъ привели уже сначала къ выбору, потомъ къ предпочтенію, затѣмъ къ симпатіи и, наконецъ, къ альтруизму.

Но у животныхъ соціальной толпы не бываетъ (и быть не можетъ), вслѣдствіе чего инстинкты стадные и соціальные большею частью легко различимы: стадный инстинктъ выражается въ опредѣленной формѣ общаго слѣдованія за вожакомъ; соціальный же инстинктъ никогда формы стаднаго проявленія не имѣетъ.

Иное дѣло въ человѣческомъ обществѣ. Высокое развитіе нервной системы, какой не знаетъ ни одно животное, чрезвычайно разнообразные способы воздѣйствія людей другъ на друга, наконецъ, способности къ гипнозу въ предѣлахъ и степени, недоступныхъ для животныхъ даже приблизительно, приводятъ къ тому, что, на ряду съ стадной толпой, мы у людей наблюдаемъ и соціальную толпу, по своимъ проявленіямъ мало чѣмъ отличающуюся отъ толпы стадной.

Слѣдуетъ ли, отсюда, однако, чтобы она, эта соціальная толпа, была и по существу такою же толпою, какъ толпа стадная? Сравнительная психологія утверждаетъ, что нѣтъ, что противоположное мнѣніе есть ошибка, объясняющаяся тѣмъ, что сторонники этого мнѣнія либо вовсе не знаютъ о существованіи въ стадѣ животныхъ стаднаго и общественнаго инстинктовъ, которыхъ развитіе идетъ своимъ чередомъ, хотя и въ опредѣленной корелляціи другъ съ другомъ, либо

знаютъ, но не оцѣниваютъ этого обстоятельства по достоинству. Толпа соціальная есть явленіе человѣчествомъ благопріобрѣтенное, не встрѣчающееся въ царствѣ животныхъ и обязанное своимъ происхожденіемъ необыкновенно высокому развитію нервной энергіи и способовъ воздѣйствія людей другъ на друга; напротивъ, толпа стадная представляетъ собою явленіе сполна унаслѣдованное. Возможность сходства этихъ различныхъ явленій въ своихъ проявленіяхъ даетъ такое же основаніе для ихъ отождествленія, какъ и сходство между крыломъ бабочки и крыломъ птицы. Сходство между этими послѣдними очень велико: и то, и другое служитъ для полета, и то и другое опредѣленнымъ образомъ вліяетъ на внутреннюю организацію, такъ какъ требуетъ сильной мускулатуры; то и другое играетъ огромную роль въ жизни животныхъ, которыя ими обладаютъ; даже по разнообразію и пестротѣ окраски эти органы напоминаютъ другъ друга; и, несмотря на все это, мы отлично знаемъ, что не только тождества между ними нѣтъ, но что они безусловно ничего общаго между собою, какъ таковые, не имѣютъ, ибо ихъ генезизъ глубоко различенъ.

Совершенно на такомъ же основаніи отличается толпа, возникшая изъ стадныхъ инстинктовъ, отъ толпы соціальной. Послѣдняя отличается отъ первой и другими признаками.

Толпа стадная не всегда совершаетъ преступленіе, но она всегда готова его совершить; для соціальной толпы преступленіе является неожиданной и не соотвѣтствующей ея инстинктамъ случайностью. Толпа стадная руководится вожакомъ, который создаетъ ее, дѣйствуя на чувствахъ животнаго въ человѣкѣ и направляя толпу въ эту сторону. Изъ всѣхъ стимуловъ, обусловливающихъ дѣятельность людей: 1) потребности въ пищѣ, 2) стремленіе къ самосохраненію, 3) полового влеченія, 4) эстетическихъ запросовъ, 5) этическихъ и нравственныхъ принциповъ 6) силъ интеллектуальныхъ, — вожакъ руководится самыми элементарными, самыми грубыми, но и самыми могущественными изъ нихъ: стремленіемъ къ питанію и самосохраненію.

Соціальной толпой, въ противоположность стадной, руководится герой, такъ какъ создаваемая имъ толпа построена на чувствахъ альтруизма, которыя въ человѣкѣ составляютъ человѣка[1]). Спеціальная толпа поэтому въ огром-

[1]) Всѣмъ этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы различеніе указанныхъ типовъ толпы всегда представлялось дѣломъ легкимъ. Напротивъ, бываютъ случаи очень затруднительные для рѣшенія задачи, а иногда и вовсе не разрѣшимые.

номъ большинствѣ случаевъ только полезна, даже въ своемъ латентномъ состояніи. Толпа стадная всегда вредна, какъ въ дѣйствующей, такъ и въ своей латентной разновидности. Вредна потому, что, обусловливаясь самыми грубыми инстинктами питанія и самосохраненія, она противодѣйствуетъ всему, что грозитъ измѣнить ея устои жизни; сознаніемъ силы своего множества она давитъ мертвой петлей стремленіе человѣка жить и мыслить по-своему.

Возвращаясь отъ изложенныхъ соображеній къ разногласію между Ковалевскимъ и Тардомъ по вопросу о роли подражанія, легко понять, почему я считаю перваго стоящимъ ближе къ истинѣ, чѣмъ второго. Для Тарда подражаніе есть только подражаніе, для Ковалевскаго это въ своемъ родѣ творчество; для Тарда ходъ эволюціи ничѣмъ не контролируемъ и ни въ какую сторону не направленъ; для Ковалевскаго прогрессивная эволюція есть реальный процессъ, которому мы должны всячески содѣйствовать. „Для Тарда, говоритъ Ковалевскій, соціологія не болѣе, какъ коллективная психологія". „Если бы это было такъ", — продолжаетъ М. М., — „если бы соціальная наука имѣла дѣло только съ повтореніями въ формѣ подражаній, то ею, очевидно, нельзя было бы считать ничто иное, какъ статистику, разумѣется, подъ условіемъ примѣненія метода подсчета и къ нравственнымъ явленіямъ. Найдутся, разумѣется, и въ прошломъ писатели, утверждавшіе что „исторія не болѣе, какъ продолжающаяся статистика, а статистика — остановившаяся исторія" (фраза Зюсьмильха). Но понимаемая въ смыслѣ статистики — соціологія, какъ я полагаю, едва ли въ состояніи дать намъ какое-либо опредѣленное представленіе о прогрессѣ. Писатели, какъ Тардъ, поэтому, какъ мнѣ кажется, совершенно логично, во-первыхъ, не признаютъ прогресса непремѣннымъ условіемъ жизни обществъ, а во-вторыхъ, отрицаютъ необходимость того, чтобы различныя русла, по которымъ протекаетъ жизнь отдѣльныхъ народовъ, направили свое теченіе въ одномъ и томъ же смыслѣ. Конечно, самый процессъ накопленія открытій и ихъ усвоеніе обществомъ, благодаря подражаніямъ, уже говоритъ въ пользу

Но эта трудность въ проведеніи демаркаціонной линіи между соціальной и стадной толпой не можетъ служить основаніемъ для отказа отъ рѣшенія задачи огромнаго теоретическаго значенія. Это рѣшеніе необходимо уже потому, чтобы не повторять ошибки Михайловскаго, въ силу которой пришлось бы поставить на одну доску и Гусса и вожака кишиневскаго погрома на томъ основаніи, что за тѣмъ и другимъ слѣдовала толпа.

поступательнаго движенія, но въ какомъ направленіи послѣдуетъ это движеніе, и какова конечная его цѣль, на это можно отвѣтить, пишетъ Тардъ, только такими общими положеніями, какъ все большее и большее господство человѣка надъ природой, все большая и большая утилизація ея силъ взамѣнъ силъ человѣческихъ. Мы въ правѣ также признать вытекающими отсюда послѣдствіями, напримѣръ, численное увеличеніе класса лицъ, располагающихъ досугомъ и, слѣдовательно, способныхъ посвятить свои силы другимъ задачамъ помимо простого обезпеченія личнаго существованія и продолженія породы.

Дальше такихъ общихъ заключеній едва ли можно придти, сосредоточивая всю работу соціолога на одной классификаціи явленій въ группы изобрѣтеній и подражаній. Въ другомъ мѣстѣ книги значится: „Мы не думаемъ, чтобы Тарду удалось обосновать абстрактную науку объ обществѣ или соціологію. И вотъ по какой причинѣ. Въ противность ея основателю, Конту, пытавшемуся дать этой новой наукѣ ея собственный законъ, какимъ является въ его системѣ законъ трехъ стадій, Тардъ строитъ обществовѣдѣніе на законахъ психологическихъ. Я полагаю, что соціологія, какъ самая сложная изъ всѣхъ абстрактныхъ наукъ, несомнѣнно, раскрываетъ собою дѣйствіе какъ общаго закона неорганической природы, закона неистребляемости матеріи и сохраненія энергіи, такъ и закона органическаго развитія, происходящаго подъ вліяніемъ борьбы сперва за существованіе, затѣмъ за преобладаніе, наконецъ, и психологическаго закона взаимодѣйствія порождаемыхъ вѣрованіями и желаніями открытій и подражаній. Но ко всѣмъ этимъ законамъ, заимствованнымъ изъ наукъ, ниже ея стоящихъ на іерархической лѣстницѣ отвлеченнаго знанія, соціологія необходимо должна присоединить свои собственные законы, которыхъ у Тарда нѣтъ“.

Въ категоріи этихъ законовъ М. М. Ковалевскій причисляетъ прогрессивную эволюцію культуры, работать на которую онъ и призывалъ молодежь въ своихъ всегда оригинальныхъ и талантливыхъ лекціяхъ.

Сказанное о роли подражанія и о толпѣ, съ точки зрѣнія данныхъ біопсихологіи, даетъ какъ разъ тѣ научныя основы для теоретическаго міровоззрѣнія Ковалевскаго, которыхъ не было въ его распоряженіи, но принципіальную важность которыхъ онъ понималъ несравненно правильнѣе своихъ многочисленныхъ коллегъ.

Пр. Владиміръ Вагнеръ.

ВЪ МИГЪ ТИШИНЫ.

Какъ чудно слушать тишину!
Идешь къ открытому окну,
Сливаешься душою съ далью.
Безмолвная глядитъ луна,
И облачная пелена
Скользитъ по ней сквозной вуалью.

Желаешь звуки уловить,
Но звуковъ нѣтъ. Нѣмая нить
Какъ будто всѣ уста связала.
Молчитъ листва. Молчитъ трава.
На мигъ уснувшія слова
Лишь память робко подсказала...

И даже не журчитъ ручей.
Нѣтъ въ мысляхъ суетныхъ рѣчей...
Спокойно дальнихъ звѣздъ мерцанье.
Подъ обаяньемъ тишины
Всѣ помыслы прояснены...
Молчанье — мудрое молчанье!

В. Умановъ-Каплуновскій.

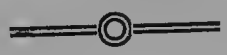
ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Дождь пересталъ. За мокрой балкой
Дымитъ послѣднихъ тучъ гряда.
Вдоль рельсъ, подъ насыпи, въ канавы
Сбѣгаетъ мутная вода.

На поворотѣ къ полустанку,
У стрѣлки, сторожъ съ фонаремъ.
Впотьмахъ клубитъ товарный поѣздъ.
Мерцаютъ звѣзды надъ Днѣстромъ.

Омытымъ блескомъ мѣсяцъ свѣтитъ
И серебритъ издалека
Рѣчную зыбь, пески, долину,
Полынь въ степи и облака.

Николай Лепетичъ.



ТОСКА.

РОМАНЪ ГРАЦІИ ДЕЛЕДДА.

(Продолженіе [1]).

IV.

Въ сочельникъ Реджина рано ушла къ себѣ и легла, подъ предлогомъ нездоровья, которое заставило призадуматься синьору Анну, но не особенно встревожило Антоніо. Онъ зналъ, или думалъ, что знаетъ, какой тайный недугъ грызетъ его жену; и имя недуга — носталгія, тоска по дому, по родинѣ, и надѣялся, что время излѣчитъ его.

Улегшись въ постель, Реджина предалась думамъ и воспоминаніямъ. Рождество въ Римѣ. — У нея предъ глазами клѣтки съ живыми курами, которыхъ носили по городу; торопливо бѣгущія синьоры съ полными руками покупокъ; жирные колбасники, выглядывающіе изъ своихъ вонючихъ лавокъ съ видомъ римскихъ императоровъ; его превосходительство товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, стоящій съ озабоченнымъ лицомъ передъ витриной.

Между служанкой, синьорой Анной и Гаспаре вышелъ жестокій споръ изъ-за того, какое тѣсто дѣлать для праздничнаго пирога; Марина, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать спускалась и вновь поднималась по лѣстницѣ, каждый разъ возвращаясь съ пакетами и каждый разъ что-нибудь забывая. За завтракомъ и за обѣдомъ всѣ три брата, мать и служанка все время обсуждали, что купить и что готовить къ празднику.

Отъ всего этого у Реджины сдѣлалось что-то въ родѣ несваренія желудка. Одна въ огромной жесткой постели, свернувшись клубочкомъ, чтобы меньше зябнуть, она чувствовала, какъ на нее наваливается тяжелымъ гнетомъ тоска несказанная. Сама она представлялась себѣ улиточкой, которая

---

[1]) См. іюль, стр. 165.

слышитъ, какъ на ея домикъ падаютъ тяжелыя капли дождя. И думала она все время обо одномъ — о далекомъ родномъ очагѣ, о сѣрой тьмѣ, озаренной отблесками снѣга. Сквозь голоса и смѣхъ, слышавшіеся изъ гостиной, сквозь зловѣще пронзительные звонки трамовъ, сквозь всѣ шумы огромнаго прожорливаго города, порой доносились съ недалекаго вокзала свистки локомотивовъ, и въ нихъ звучалъ то смѣхъ, то плачъ, то будто тоненькій, нѣжный, молящій голосъ ребенка; иной свистокъ словно чертилъ на черномъ небѣ радужные зизгаги; другіе подсмѣивались надъ Реджиной: „Уѣхать! Уѣхать? Какъ бы не такъ! Попала сюда, такъ ужъ сиди смирно. Прощай!..“

Она все больше раздражалась и почему-то больше всего на его превосходительство, товарища министра, который съ такимъ озабоченнымъ лицомъ придумывалъ, что бы ему купить къ празднику... потомъ опрашивала себя; кто эти чужіе незнакомые люди, которые тамъ шумятъ и смѣются въ гостиной?

Антоніо, хоть и сердился на нее, все же скоро пришелъ къ ней. Она притворилась спящей. Онъ тихонько дотронулся до нея и, почувствовавъ, какая она холодная, придвинулъ ее къ себѣ, чтобы согрѣть. На нее повѣяло особымъ, неописуемымъ и такимъ милымъ ей запахомъ его волосъ, и гнѣвъ ея растаялъ, но она не открыла глазъ. Часы бѣжали; городъ затихъ, уснулъ, какъ набѣгавшійся ребенокъ, которому обѣщали назавтра много лакомствъ. Реджина не могла уснуть, но вся разнѣжилась въ теплѣ; улиточка выглянула въ окошечко своего домика и увидала солнце, блестѣвшее на травѣ. Въ ночной тиши тихо и мелодично перезванились между собою колокола; одинъ звонилъ какъ будто у самой рѣки, такъ гулко, протяжно, тоскливо.

Реджинѣ вспомнился давно забытый стихъ Прати. Откуда возникъ онъ? Изъ глубины подсознательнаго, вызванный тоскующей пѣсней колоколовъ въ эту первую рождественскую ночь, проводимую ею въ изгнаніи?

Снятся мнѣ вёсны весны моей ранней,
Праздники снятся родного селенья...

Она начала повторять себѣ эти стихи, на монотонный, тоскливый мотивъ — и, въ концѣ концовъ, это усыпило ее Ей снилось, что она снова дома; сестренка на мандолинѣ наигрываетъ „Стефанія-гавотъ“ — Реджина смутно различала и рисунокъ на декѣ, изображающій трубадура съ лютней;

черный котенокъ съ недовольнымъ видомъ прислушивается къ музыкѣ, отчаянно зѣвая; за окномъ спускаются на землю лиловато-сѣрыя сумерки, бархатныя и молчаливыя. Но внезапно за окномъ появилось прильнувшее къ стеклу лицо, озабоченное, въ очкахъ, словно сдѣланныхъ изо льда. И Реджина разсмѣялась такъ громко, что Антоніо проснулся.

— Что съ тобою?

— Его превосходительство... — пробормотала она сквозь сонъ.

— Сегодня ночью ты смѣялась — теперь плачешь. О чемъ, скажи на милость? — спрашивалъ Антоніо на слѣдующее утро, проснувшись и найдя жену въ слезахъ.

— Ни о чемъ.

— Ни о чемъ! — Онъ разсердился. — Все время плачетъ, а о чемъ — не скажетъ. Ну, знаешь, я такъ больше не могу. Зачѣмъ ты меня мучишь?

Она взяла его руку и провела ею себѣ по глазамъ; онъ мгновенно смягчился.

— Да что съ тобой? Реджина, милая, ну, скажи ты мнѣ, что съ тобой! — допытывался онъ съ тоской и нѣжностью.

— Я, вѣдь не на тебя сержусь, — говорила она, пряча лицо у него на груди — я сама на себя, а за что — не знаю. Не умѣю побѣдить въ себѣ прошлаго... тоски... и боюсь будущаго...

И ему вдругъ стало невѣдомо отчего жутко.

— Почему же будущее страшитъ тебя?

— Потому что мы бѣдны... а Римъ такъ ужасно жестокъ къ бѣднякамъ...

Онъ еще больше испугался. Попробовалъ было разувѣрить ее:

— Нѣтъ, Реджина, мы не бѣдны. И потомъ — вѣдь, мы же любимъ другъ друга.

— Любить... прозябать... Нѣтъ, этого недостаточно.

— Но ты же знала...

— Знала и знаю. Оттого и сержусь на себя, что не умѣю побѣдить въ себѣ отвращенія, которое вызываетъ во мнѣ мѣщанская жизнь.

— Да чѣмъ же она хуже твоей прежней? Тамъ-то, въ концѣ концовъ, какъ ты жила?

— Ахъ, Антоніо, я мечтала...

И столько муки было въ этомъ невольномъ крикѣ души,

что Антоніо захотѣлось только одного — хоть на минуту утишить ея боль безвреднымъ успокоительнымъ.

— Послушай, — сказалъ онъ, — это тебя гнетъ тоска по родинѣ — носталгія. Вотъ увидишь сама: съ теченіемъ времени ты привыкнешь, сживешься. Да, наша жизнь скромная, мѣщанская, но развѣ ты думаешь, богатые счастливы?

— Да мнѣ же не богатство нужно.

— Такъ что же тебѣ нужно? Развѣ я глупъ? Развѣ я вульгаренъ? А вѣдь жить-то тебѣ, въ конечномъ счетѣ, приходится со мной. Будь же разсудительна, дѣтка. Ты создашь себѣ среду, какую захочешь сама. А пока, чтобы вылѣчиться отъ носталгіи, ты же можешь, какъ только захочешь, поѣхать на родину.

Успокоительное произвело желаемое дѣйствіе.

Реджина подняла къ нему просіявшее личико.

— Весной? — порывисто воскликнула она.

— И весной, и зимой — когда захочешь. А тѣмъ временемъ...

Но время только усилило душевный недугъ Реджины. Вечеромъ въ праздникъ св. Стефана Антоніо повелъ ее въ театръ Костанци.

Она надѣла свою самую изящную блузку, самыя красивые кольца и браслеты и пошла въ театръ, порѣшивъ ничему не удивляться, тѣмъ болѣе, что она уже была въ театрѣ въ Пармѣ. Оперный театръ Костанци былъ великолѣпнымъ колоссальнымъ экраномъ, въ которомъ, на фонѣ crême Venus, покрывавшаго женскія плечи, сверкали дивные жемчуга и бриллiанты. Великолѣпенъ былъ и партеръ, — роскошный цвѣтникъ съ большими цвѣтами, усыпанными сверкающей росой настоящихъ и поддѣльныхъ драгоцѣнностей.

Хотя Реджина и была уже въ театрѣ въ Пармѣ, первое впечатлѣніе было все же ошеломляющимъ. Близорукіе глаза ея сразу закрылись, не вынося яркаго свѣта; нѣчто подобное произошло и съ ея душой. Поднеся къ глазамъ бинокль, она разглядывала въ ближайшей ложѣ синьору, не красивую, но чрезвычайно изящно одѣтую, какъ показалось Реджинѣ, накрашенную, съ накладными волосами и искусно подведенными глазами, — и мучительно завидовала ей, несмотря на ея некрасивость. Оглядѣлась вокругъ себя — постепенно зависть ея росла, ширилась, переходила въ жгучую злобу.

Мысленно она желала, чтобы театръ этотъ сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣми этими нарядными дамами... потомъ замѣтила, что рядомъ съ нею сидитъ скромно одѣтая дама и смотритъ на ложи такими же, какъ у нея, жадными глазами, съ той же преступной завистью въ сердцѣ, и устыдилась самой себя. Опустила бинокль и ужъ больше не смотрѣла на ложи бельэтажа. Но предъ собой она видѣла въ первыхъ рядахъ креселъ нарядныхъ дамъ и мужчинъ, смотрѣвшихъ исключительно на ложи. На стулья они не оглядывались. Повидимому, для людей, сидѣвшихъ въ креслахъ, тѣ, кто сидѣлъ сзади, на стульяхъ, представлялись людьми низшей расы — или, еще хуже, совершенно не существовали.

„Мы для нихъ ничто. Мы — микробы, заполняющіе пустоту", думала съ горечью Реджина. Но внезапно она замѣтила нѣчто странное. Вѣдь и она сама испытывала по отношенію къ сидѣвшимъ сзади на стульяхъ и на галеркѣ то же презрительное равнодушіе, какое должны были ощущать сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ креселъ и въ ложахъ...

Антоніо, думая, что и она, какъ онъ, наслаждается музыкой и увлечена происходящимъ на сценѣ, отъ времени до времени сжималъ ей руку и говорилъ что-нибудь ласковое.

— Ты сегодня совсѣмъ королева[1]) — вся въ самоцвѣтныхъ каменьяхъ.

— Королева въ изгнаніи, — горько усмѣхнулась она.

V.

Впослѣдствіи, припоминая первый годъ своего замужества, Реджина раздѣляла его на множество отдѣльныхъ главокъ и, между прочимъ, придавала большое значеніе главѣ, заключавшей въ себѣ первый ея визитъ къ княгинѣ Микулиной.

Былъ вечеръ, въ началѣ января, теплый и пасмурный. На площади Независимости Реджина съ Ардуиной остановились подождать Массимо, который долженъ былъ нагнать ихъ.

Антоніо не было съ ними: онъ всѣ эти вечера сидѣлъ въ министерствѣ почти до девяти часовъ, за сверхурочной работой.

Пустынная площадь была озарена только желтоватымъ свѣтомъ прятавшейся за тучи луны; обнаженныя деревья чуть маячили въ туманномъ непрозрачномъ воздухѣ; тусклые, не-

---

[1]) Игра словъ Regina — по-итальянски: королева.

движные огоньки фонарей казались такими далекими... Нѣжащее успокоительное ощущеніе тишины, одиночества, безграничности окутывало душу Реджины, стоявшей посреди площади; впервые съ тѣхъ поръ, какъ она жила въ Римѣ, она нашла, чѣмъ восхититься.

— Идемъ! — сказалъ Массимо, подбѣгая къ нимъ съ парой новыхъ перчатокъ въ рукѣ, которыми онъ торжествующе размахивалъ. — Три пятьдесятъ! Ну, если сегодня madame не подастъ мнѣ надежды, горе ей.

— Ты способенъ жениться на ней! — съ жестомъ отвращенія сказала Реджина.

— Ахъ, хотѣла бы я, чтобъ это случилось! — вскричала Ардуина.

— Молчи. Надо, чтобъ я захотѣлъ. Я собой не торгую.

Они остановились у невысокой рѣшетчатой ограды сада принчипессы, и Массимо замѣтилъ:

— Вотъ черезъ эту калитку входятъ любовники madame.

Затѣмъ позвонили у подъѣзда виллы — вѣрнѣе виллъ, такъ какъ ихъ было двѣ, маленькихъ, но нарядныхъ, соединенныхъ открытой террасой, чѣмъ-то въ родѣ висячаго сада.

— Словно двѣ сестры, держащіяся за руки, — со вздохомъ сказала Реджина.

Лакей во фракѣ распахнулъ блестящія стеклянныя двери, и Реджина увидала двухъ огромныхъ волковъ, совсѣмъ какъ живые, прикурнувшихъ на красномъ коврѣ.

Комнаты были всѣ жарко натоплены; отъ пушистыхъ ковровъ, отъ огромныхъ медвѣжьихъ шкуръ, разостланныхъ передъ низкими широкими диванами, также покрытыми мѣхами, вѣяло словно теплымъ дыханіемъ уснувшаго на солнышкѣ звѣря, чѣмъ-то дикимъ и сладострастнымъ до боли.

Изъ длинныхъ металлическихъ вазъ выходили вѣтви колючихъ растеній, усыпанныхъ красными ягодами.

Княгиня, въ роскошномъ черномъ бархатномъ платьѣ, некрасиво отдѣланномъ бѣлыми кружевами, бесѣдовала съ двумя старухами, разсказывая имъ по-французски о чемъ-то приключившемся съ ея тетушкой, женою друга Жоржъ Зандъ.

— Въ ту пору тетушка моя была первою модницей въ Парижѣ; одинъ изъ ея туалетовъ описанъ Жоржъ въ „Маркизѣ де Вилльмеръ“...

Помимо двухъ старыхъ синьоръ, разсказъ ея слушалъ еще, мирно углубившись въ кресло, старый господинъ, бритый

и лысый, съ черепомъ, блестѣвшимъ, словно чашка изъ розоваго фарфора.

Маріанна, въ розовомъ платьѣ, декольтированная, своими быстрыми мышиными шажками подбѣжала къ новоприбывшимъ, посмотрѣла на Реджину и сказала, поблескивая глазами:

— Видъ у васъ чудесный, ma foi; есть что-нибудь новенькое?

— Что же вы хотите, чтобъ у меня было новенькаго?

Маріанна ткнула ее пальцемъ въ бокъ и разсмѣялась; похоже было, что мышка сегодня немножко подвыпила, и снова Реджина ощутила въ себѣ приливъ необъяснимаго физическаго отвращенія, которое внушали ей княгиня и ея компаніонка. Вначалѣ сама madame мало обращала вниманія на Венутелли. Гостей все прибывало. Все почти дамы, пожилыя иностранки, въ костюмахъ, свѣжести и элегантности весьма сомнительныхъ. Ардуина тотчасъ же завела разговоръ съ какимъ-то мордастымъ синьоромъ, съ большими круглыми, какъ у совы, глазами и вздернутымъ носомъ. Массимо куда-то исчезъ; Маріанна поминутно исчезала и появлялась снова, то порхая, то скользя по гостинымъ, оглашая ихъ своимъ пронзительнымъ смѣхомъ. Реджина очутилась между толстою дамой, которая сказала ей нѣсколько словъ, не глядя на нее, и лысымъ пожилымъ господиномъ, вовсе не раскрывавшимъ рта.

Очень скоро она соскучилась; почувствовала себя забытой, заброшенной среди всѣхъ этихъ жирныхъ и общипанныхъ стариковъ и старухъ, среди всѣхъ этихъ древнихъ шелковыхъ платьевъ, отъ ветхости даже не шелестѣвшихъ. Какая скука! Неужто это міръ богачей, волшебное царство, въ которое ей такъ мучительно хотѣлось попасть?

— Никогда больше Реджина не придетъ сюда! Никогда! — мысленно говорила она себѣ.

Неожиданно она увидѣла Ардуину, улыбавшуюся ей издали, знаками подзывая ее; но въ этотъ моментъ къ ней подошла принчипесса и фамильярнымъ, ласковымъ жестомъ положила ей на плечо маленькую руку, сверкающую перстнями.

— Хотите выпить чашку чаю?

Реджина быстро встала, тронутая такимъ вниманіемъ.

— Какъ поживаетъ вашъ мужъ? — спрашивала принчипесса, идя съ ней въ столовую.

— Хорошо, благодарю васъ, — тихо отвѣтила молодая женщина и покраснѣла. — Онъ не пришелъ, потому что...

— Извините?..

Вслѣдъ за принчипессой потянулись въ столовую, гдѣ былъ устроенъ роскошный буфетъ, и всѣ старики и старухи разсѣвшіеся вдоль стѣнъ.

Маріанна бѣгала взадъ и впередъ, угощая всѣхъ чаемъ.

— Хотите помочь мнѣ? — спросила она, проходя мимо Реджины. — Вы смотрите молоденькой дѣвушкой; идемте со мной.

Реджина подошла къ чайному столу, но чай разливать не умѣла; опрокинула какой-то графинчикъ и покраснѣла до слезъ.

— Вотъ, — молвила Маріанна, всовывая ей въ руки тарелочку, — предложите это вонъ тому господину съ собачьею мордой.

— Которому? Тише!

— Тому, который сидитъ рядомъ съ вашей невѣсткой. Это писатель...

Реджина перешла черезъ комнату, робѣя и думая, что всѣ на нее смотрятъ, но все же довольная тѣмъ, что она идетъ угощать тортомъ писателя...

— О, синьорина!.. — воскликнулъ этотъ послѣдній, вскакивая и кланяясь, когда Реджина поставила возлѣ него тарелочку.

— Синьора, — поправила Ардуина. — Это жена моего брата.

— Восхищаюсь и сожалѣю, — не безъ наглости сказалъ писатель. — Среди всѣхъ этихъ древностей (онъ обвелъ комнату своими круглыми совиными глазами) вы кажетесь дѣвочкой.

— О чемъ же вы сожалѣете? — спросила Ардуина.

— О томъ, что она ваша невѣстка.

Реджинѣ не понравился нахальный тонъ писателя, и она поспѣшила отойти обратно къ чайному столу. Маріанна уже изчезла; Реджина робко положила кусокъ торту на другую тарелочку и снесла ее Массимо, стоявшему у дверей и тоже заброшенному и забытому.

— О! ты тутъ хозяйничаешь? — удивился онъ. — Тогда ужъ дай мнѣ еще рюмку вина, вонъ изъ той длинной бутылки съ золоченымъ горлышкомъ — вонъ той, что стоитъ на углу у стола. И сама выпей.

Реджина пошла, но у столика стояла княгиня и наливала въ рюмку вино какъ разъ изъ высокой бутылки съ золоченымъ горлышкомъ.

— Массимо тоже проситъ рюмочку этого вина, — наивно пролепетала она.

— Извините...

Княгиня не разслышала, или не хотѣла понять.

Реджина налила сама полную до краевъ рюмку и отнесла ее деверю, вдыхая тонкій ароматъ вина, похожій на запахъ цвѣтка.

— Чудесный портвейнъ! — съ видомъ знатока замѣтилъ Массимо. — Спасибо, невѣстушка: ты спасаешь меня. Это нектаръ современныхъ боговъ.

— Ты веселъ сегодня.

— Что ты? Я до смерти соскучился. Давай уйдемъ отсюда; бросимъ Ардуину. Чья это собачья морда сидитъ съ нею рядомъ?

— Это писатель.

— Не знаю такого, — говорилъ Массимо, поглощая тортъ и запивая его виномъ. — Ну и публика! Можно ли приглашать такой сбродъ?

— Это правда. Но вѣдь и мы здѣсь, — возразила Реджина.

— Мы — другое дѣло. Плевать намъ на всѣхъ на нихъ! Мы молоды и можемъ еще разбогатѣть; они богаты, но никогда ужъ больше не станутъ молодыми.

— Не такъ громко. Пожалуй, ты правъ.

— Дай мнѣ за это еще рюмочку портвейна, — умоляющимъ тономъ попросилъ Массимо.

— Ладно, будетъ съ тебя.

Старики и старухи, пріятно возбужденные чаемъ и виномъ, говорили теперь громче, двигались, вставали, разбивались на группы.

Въ этой сутолокѣ Реджина снова очутилась рядомъ съ принчипессой.

— Скушайте же что-нибудь сами, — угощала княгиня. — Пройдемте со мною къ столу. Что вы хотите: рюмочку портвейна? Конфетъ? Какъ поживаетъ вашъ мужъ?

„Второй разъ спрашиваетъ", — подумала Реджина и прокричала ей въ ухо: — Благодарю васъ. Отлично.

— Что же вы — переѣхали на другую квартиру? Какъ вамъ нравится тамъ? Вотъ, попробуйте — чудесный портвейнъ. Хотите печенья? И тортъ сегодня вкусный. О, мсье Массимо, не хотите ли еще чашечку чаю? Ну, такъ рюмку портвейну? Скажите: вы тоже служите въ министерствѣ финансовъ?

— Нѣтъ, въ военномъ министерствѣ, madame.

Замѣтивъ, что madame разговариваетъ съ Венутелли, Маріанна тотчасъ же высунула свою мышиную мордочку изъ-за Реджины, и снова показалось молодой женщинѣ, что эта дѣвушка все время зорко слѣдитъ за принчипессой.

— У меня прехлопотное дѣло, — растягивая слова, говорила madame, — въ миланскомъ банкѣ у меня рента, а я хотѣла бы перевести ее въ Римъ; говорятъ, надо подать прошеніе въ министерство финансовъ — не могъ ли бы monsieur Антоніо завтра зайти ко мнѣ?

— Хорошо, я скажу ему, — обѣщала Реджина.

Маріанна повернулась къ madame и что-то ей сказала по-русски, почти повелительнымъ тономъ; принчипесса отвѣтила съ обычнымъ своимъ холоднымъ спокойствіемъ, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же отошла.

— А теперь я должна вознаградить васъ за помощь, которую вы мнѣ оказали, — говорила Маріанна Реджинѣ, наливая ей рюмочку какой-то бѣлой жидкости. — Выпейте.

— Что это? Нѣтъ, не хочу.

— Это водка... Русскія дамы охотно напиваются ею. Попробуйте. Видите, какъ я это дѣлаю, — продолжала она, поднимая рюмку и заглядывая внутрь. — О, я большая охотница выпить и, когда выпью, со мной происходитъ какъ разъ обратное тому, что обыкновенно бываетъ, — я перестаю говорить правду.

— Будто? — переспросилъ Массимо. — Это водка? Невкусная.

— О, сегодня я еще не пила, — сказала Маріанна.

Она засмѣялась и выпила; потомъ поднесла налитую рюмку къ губамъ Реджины и заставила ее проглотить жгучую жидкость.

— А теперь идемъ разрушать идиллію кошки съ собакой, — сказала она, направляясь въ сосѣднюю гостиную, гдѣ Ардуина съ писателемъ все время о чемъ-то бесѣдовали вполголоса, одни, забившись въ уголокъ, подъ колючимъ растеніемъ съ красными ягодами. Реджина и Маріанна усѣлись напротивъ нихъ, на диванъ, покрытый мѣховымъ ковромъ Массимо сталъ возлѣ нихъ.

Въ другой гостиной престарѣлая синьора пѣла: „Если тебѣ, дорогая“...

Невыразимая сладость разлилась по жиламъ Реджины; нѣжная и страстная музыка, уютный диванъ, устланный теплой

и мягкой шкурой, которую хотѣлось погладить, какъ кошку, едва уловимый ароматъ духовъ, носившійся въ воздухѣ и, больше всего, выпитая водка, отъ которой у нея словно что-то пульсировало въ горлѣ и колѣняхъ — все это повергало ее въ состояніе легкаго, но сладкаго опьянѣнія.

Ардуина также была возбуждена, говорила повышеннымъ голосомъ, тѣмъ самымъ тономъ, какой Реджина не разъ замѣчала у кузины Кларетты въ присутствіи мужчинъ, и, казалось, не видѣла невѣстки и деверя.

— Что съ ней сегодня, съ этой дурой? — спрашивала она себя.

Словно угадывая ея мысли, Маріанна нагнулась къ ней и тихонько сказала:

— Флиртуютъ...

Реджина засмѣялась какимъ-то растеряннымъ, безсознательнымъ смѣхомъ, но затѣмъ ужаснулась.

— Возможно ли? — пролепетала она.

— Все возможно, — увѣренно отвѣтила мышь. — Какъ вы еще наивны, однако! Со временемъ вы убѣдитесь, что здѣсь все возможно.

На другой день Антоніо сообщилъ Реджинѣ, что принципесса, къ которой онъ заходилъ потолковать о переводѣ ренты, приглашаетъ ихъ обоихъ къ себѣ на обѣдъ въ слѣдующее воскресенье.

Реджина, хоть и неохотно, приняла это приглашеніе, какъ и всѣ послѣдующія, которыя госпожа Микулина удостаивала присылать ей.

Обѣды у нея были дивные и сервированы идеально, но Реджина на нихъ скучала и каждый разъ возвращалась домой въ отвратительномъ настроеніи. Антоніо же увѣрялъ, что эти безмолвные, торжественные слуги, движущіеся, какъ автоматы, такъ угнетаютъ его своимъ присутствіемъ, что потомъ у него дѣлается несвареніе желудка. Гости madame были почти всегда иностранцы, старики и старухи, а изъ итальянцевъ посредственные поэты и никому невѣдомые художники. Разговоры за обѣдомъ были какъ будто и интересные, такъ какъ рѣчь шла о литературѣ, объ искусствѣ, о театрѣ, или на жгучія злободневныя темы, но всѣ высказывали общія мысли и устарѣлые взгляды, ничего общаго не имѣющіе съ тѣми идеями, какія мелькали въ умѣ Реджины. И молодая женщина ску-

чала у Микулиной, но, возвращаясь въ ненавистный ей домъ Венутелли, съ завистью думала о салонахъ принчипессы, гдѣ слуги движутся безшумно и размѣренно, словно живые автоматы, гдѣ все — красота, нѣга и блескъ, и самый свѣтъ зажигается словно по волшебству.

Въ одинъ прекрасный день Антоніо повелъ ее къ обойщику выбирать мебель для ихъ будущей квартирки на віа Масси д'Азеліо.

— Въ воскресенье мы сходимъ на квартиру и сообразимъ, какъ лучше разставить мебель, — сказалъ Антоніо, и Реджина тотчасъ же начала думать обо всѣхъ заботахъ и непріятностяхъ, которыя ее ожидаютъ.

— Одна прислуга чего стоитъ! Боже мой, неужели и мнѣ придется весь вѣкъ воевать съ ней? — съ ужасомъ говорила она себѣ.

Въ воскресенье утромъ они пошли на квартиру. Былъ конецъ января, ясное, теплое утро; въ воздухѣ уже пахло весной. Реджина бѣгомъ взбѣжала на лѣстницу изъ ста слишкомъ ступеней и, когда, наконецъ, добралась, вся въ поту и запыхавшись, до дверей ихъ квартиры, забавы ради принялась дергать за ручку звонка.

— Дилинь-дилинь-дилинь... — Кто здѣсь живетъ? Синьоръ Никто? Ахъ, какъ пріятно побывать въ гостяхъ у синьора Никто!

Антоніо съ таинственнымъ видомъ отперъ дверь своимъ ключемъ и вошелъ первымъ, а, войдя, повернулся и принялся отвѣшивать низкіе поклоны Реджинѣ.

Она оглядѣлась вокругъ, изумленная, и сказала, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи:

— Я думала, такія вещи бываютъ только въ романахъ.

Квартира была совершенно устроена и въ порядкѣ; мебель на мѣстѣ, на окнахъ гардины; двуспальная кровать бѣлѣла между двухъ ковровъ, на которыхъ два желтыхъ сеттера бѣжали съ куропатками въ зубахъ. Даже и въ кухнѣ всѣ полки были уставлены посудой.

Антоніо смотрѣлъ въ окно, чтобъ дать время Реджинѣ оправиться отъ неожиданности; она возмущалась сама собой — зачѣмъ не чувствуетъ волненія и радости, которыхъ вправѣ былъ ждать отъ нея заботливый мужъ, но все же поняла, что она должна сдѣлать, и сказала себѣ:

— Надо подойти къ нему и сказать: „Какой ты добрый!“

И, обнявъ его, она сказала:

— Какой ты добрый, Антоніо!

И, при видѣ дѣтской радости, блеснувшей въ его прекрасныхъ глазахъ, искренно умилилась душой.

— Антоніо, ты и вправду добрый, хорошій, такой хорошій, а я такая гадкая, дрянная. Но съ сегодняшняго дня и я буду хорошая — право же, вотъ увидишь.

И въ теченіе недѣли-двухъ она, дѣйствительно, была „хорошая", кроткая, даже веселая. Возилась съ утра до ночи съ укладкой вещей въ сундуки и комоды, а платьевъ въ платяные шкапы, съ перестановкой мебели и развѣшиваніемъ картинъ; въ жизнь свою она никогда еще такъ много не работала. Въ первую ночь, проведенную въ новой, удобной и мягкой постели, на тонкихъ простыняхъ, взятыхъ изъ ея приданаго, ей показалось, что она стряхнула съ себя гнетущій кошмаръ и начала новую жизнь. И она съ наслажденіемъ потягивалась, словно выздоравливающая послѣ тяжелой болѣзни.

Погода стояла чудесная; небо было высокое и чистое; въ воздухѣ уже вѣяло весенними ароматами; шумъ города доносился въ ихъ квартиру, смягченный разстояніемъ, словно шумъ отдаленнаго водопада, навѣвая сладкую дрему. Въ садикѣ внизу, прорѣзанномъ полосами солнца и тѣни, крохотный фонтанчикъ выбрасывалъ тоненькую струйку воды, падавшую въ миніатюрный бассейнъ, въ которомъ плавало нѣсколько золотыхъ рыбокъ; вокругъ фонтана цвѣли мелкія мѣсячныя розы; два бѣлыхъ котенка гонялись другъ за другомъ по дорожкамъ и, казалось, садикъ со всѣмъ, что въ немъ было, разбитъ спеціально для этихъ двухъ граціозныхъ пушистыхъ звѣрьковъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Реджина отдыхала и блаженствовала. Вещи были всѣ разложены по комодамъ и шкапамъ, и дѣлать ей было больше нечего. Служанка, о которой она думала съ такимъ страхомъ, сама обо всемъ заботилась, была тиха, учтива, даже элегантна. Правда, обходилась она дорогонько, но стоила своего жалованья.

Реджина досадовала только, когда ей приходилось по вечерамъ принимать счетъ отъ служанки, записывать расходы и заказывать обѣдъ на слѣдующій день, но, постепенно, привыкла и къ этому и снова заскучала.

Она подолгу стояла передъ зеркаломъ, подолгу мылась, причесывалась на разные лады, чистила зубы, полировала ногти; разглядывала себя и въ профиль, и en face и à trois quarts;

пудрилась, начала употреблять crême Venus и затягиваться въ корсетъ. А потомъ, или даже и продѣлывая все это, думала:

„Какая ты глупая, Реджина! Зачѣмъ ты все это дѣлаешь. На что тебѣ это?“ — и злилась сама на себя.

Бывали у нея немногіе; въ томъ числѣ тетя Клара съ Клареттой; старуха, снѣдаемая завистью къ аристократическимъ знакомствамъ Ардуины, сыпала разсказами о выдуманныхъ раутахъ и обѣдахъ, въ которыхъ она принимала участіе. Кларетта смотрѣлась во всѣ зеркала, шарила въ ящикахъ туалета Реджины, носилась опустошительнымъ вихремъ по всей ихъ квартиркѣ. Реджина ненавидѣла и мать, и дочь, и всю родню мужа, въ томъ числѣ включая и Ардуину, хотя эта послѣдняя продолжала водить ее къ разнымъ графинямъ и маркизамъ, у которыхъ она встрѣчалась съ другими графинями и маркизами.

— Прямо ужасъ, сколько тутъ у васъ въ Римѣ графовъ и графинь! — говорила Реджина Антоніо.

Въ гостяхъ она немножко развлекалась, немножко скучала; не обижалась, если „эти синьоры“ забывали отдать ей визитъ, и уже не удивлялась тѣмъ ужасамъ, которые разсказывали въ гостиныхъ о выдающихся литераторахъ и политическихъ дѣятеляхъ, а нерѣдко и о простыхъ смертныхъ.

— Все возможно, — говорила Маріанна, — и всего возможнѣй, что то, что болтаютъ злые языки, — клевета.

Съ наступленіемъ весны Реджиною вновь овладѣли тоска и недовольство. Въ квартиркѣ у нихъ становилось жарко. Молодая женщина часами сидѣла у окна, вся изнервничавшаяся и тревожная, какъ птица, еще не привыкшая къ клѣткѣ. Изъ „котячьяго садика“ пахло мокрой травой, и этотъ запахъ навѣвалъ ей приступы мучительной тоски по дому. Иногда она подносила къ глазамъ бинокль и разглядывала молодого человѣка, бродившаго въ садикѣ, приземистаго, лысаго, блѣднаго и пухлаго, вокругъ покрытаго прозеленью бассейна, въ которомъ плакалъ отъ скуки фонтанъ. Молодой человѣкъ тоже скучалъ. Реджина вспомнила, что видѣла этого господина, съ лицомъ одутловатымъ и желтымъ, какъ недозрѣлый абрикосъ, въ театрѣ Костанци, въ день св. Стефана, въ ложѣ бель-этажа, и сразу возненавидѣла его вмѣстѣ съ другими. Теперь она сочувствовала ему. Онъ тоже, видимо, изнывалъ

отъ скуки. Потому ли онъ скучалъ, что бродилъ по этому садику, или же бродилъ по садику, потому что ему было скучно? Порой онъ останавливался подразнить рыбокъ въ бассейнѣ, которыя, видимо, до смерти боялись его тросточки; потомъ, зѣвая, отходилъ и съ той же жестокостью, съ которой онъ дразнилъ рыбокъ, начиналъ тросточкой сбивать головки цвѣтовъ, блѣдныхъ глициній, вьющихся по стѣнамъ, розъ и невинныхъ маргаритокъ.

Ему хочется побить кого-нибудь", — думала Реджина, ловя и себя на желаніи помучить кого-нибудь.

Въ дождливые дни, частые и скучные до одурѣнія, она тосковала невыразимо и утѣшала себя только однимъ — мыслью о поѣздкѣ на родину. Считала дни и часы, остающіеся до отъѣзда; мимолетныя воспоминанія, картины дѣтства; далекіе, смутные образы проносились въ ея памяти, словно тучки, скользящія по небу. Припоминались мелочи ея жизни въ родительскомъ домѣ, будя въ душѣ приступы страстной нѣжности; отчетливо вставали въ памяти лица даже чужихъ, мало знакомыхъ людей, жившихъ на родинѣ, всѣ уголки лѣса, рощи, родного дома; съ странной назойливостью припоминались разныя мелочи, которыя въ дѣйствительности никогда особенно не привлекали ея вниманія. Вспоминался, напримѣръ, старый каменный жерновъ, валявшійся на плотинѣ возлѣ заброшенной, полуразвалившейся мельницы; воспоминаніе объ этомъ сѣромъ колесѣ, словно отдыхавшемъ отъ долгихъ трудовъ у рѣки, съ которой оно десятками лѣтъ боролось, волновало Реджину до слезъ.

Порой она пыталась разобраться въ себѣ; анализировать свою тоску, спрашивая себя, почему ее можетъ волновать воспоминаніе о каменномъ жерновѣ, о старомъ слѣпомъ метельщикѣ улицъ, о столѣтнемъ почти перевозчикѣ, съ огромными, словно обросшими мхомъ руками, о мальчишкахъ, сидящихъ у зеленой канавы, плетя косички изъ соломы, объ улиткахъ, ползающихъ по листьямъ платановъ.

— Я совсѣмъ глупая! — говорила она себѣ; и, тѣмъ не менѣе, вся загоралась радостью при мысли, что скоро она увидитъ этотъ каменный жерновъ, и старика перевозчика, и мальчишекъ, и улиточекъ, и канаву...

А дождь шелъ, не переставая; Римъ задыхался въ грязи и въ тоскѣ; и Реджина съ ребяческой жестокостью иной разъ мечтала о томъ, какъ хорошо было бы, если бъ пошелъ дождь изъ грязи и никогда уже не прекращался, такъ, чтобы всѣ

жители Вѣчнаго Города вынуждены были покинуть его и переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто. Тогда она вернулась бы къ себѣ на родину къ широкимъ горизонтамъ, къ чистымъ водамъ родной рѣки; и возродилась бы, воскресла бы душой, стала прежней Реджиной, живой, беззаботной, веселой птичкой.

Антоніо уходилъ и, возвращаясь, находилъ жену погруженной все въ ту же тоскливую, тупую апатію, безучастной ко всему окружающему.

— Пойдемъ пройтись, Реджина.

— Нѣтъ, не хочется.

— Пойдемъ; на воздухѣ тебѣ полегчаетъ.

— Я и такъ чувствую себя отлично.

— Неправда. Ты всегда такая мрачная. Ты совсѣмъ разлюбила меня.

— Ну, разлюбила. Такъ что же? Моя ли вина?

Иной разъ ей и вправду казалось, что она ненавидитъ и Антоніо, какъ все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ этому ненавистному городу. Въ такія минуты онъ представлялся ей какимъ-то второстепеннымъ персонажемъ въ ея жизни, вылинявшимъ и безжизненнымъ, такимъ же ненужнымъ, какъ и всѣ прочіе, маячившіе передъ нею въ картинѣ, затуманенной сѣткой дождя, гдѣ жила и возвышалась только она одна, съ съ колоссальной гордостью и эгоизмомъ.

Но весна все же пришла, теплая и яркая; по улицамъ, въ глубинѣ которыхъ близорукимъ глазамъ Реджины мерещились металлическія озера, разсыпались ватаги молодежи, женщинъ, дѣтей, съ цвѣтами въ рукахъ. Группы женщинъ, лицамъ которыхъ прозрачность воздуха и свѣтлые цвѣта одеждъ придавали весеннюю свѣжесть, спускались по віа Національе, по Корсо, по віа дель Тритоне, катались въ колясках, украшенныхъ розами, въ благоуханные вечера, словно пронизанные золотой пылью; мчались красные автомобили оглашая воздухъ ревомъ юныхъ чудовищъ, упоенныхъ свѣтомъ, обвитыхъ цвѣтами.

Реджина безъ конца бродила по улицамъ, и подъ руку съ мужемъ, и, чаще, одна — одна въ толпѣ чужихъ людей, въ потокѣ всѣхъ этихъ безпечно веселыхъ женщинъ, безпечности которыхъ она и завидовала, и осуждала ее, — одна среди гулявшихъ компаніями подругъ, сестеръ, товарокъ, къ

которымъ она ни за что въ мірѣ не присоединилась бы, несмотря на горькое чувство одиночества, угнетавшее ее.

Однажды, поднимаясь по площади Термини, она увидала Ардуину въ ея парадномъ черномъ платьѣ изъ чернаго шелка, обвисавшемъ на тощихъ плечахъ унылыми складками, говорившими о старости и печали. Реджина хотѣла было избѣжать встрѣчи съ невѣсткой, но не успѣла — та уже замѣтила ее.

— А я была у тебя; что же это? Ни дома тебя никогда не застанешь, ни сама не приходишь!.. — говорила Ардуина. — Что съ тобой? Чѣмъ ты занята? Гдѣ была все это время? И мама жалуется, что тебя не видно... Почему у тебя до сихъ поръ нѣтъ ребенка?

— А у тебя почему нѣтъ? Куда ты идешь? Ты такая нарядная! — съ насмѣшкой сказала Реджина.

— Иду въ Грандъ-Отель, къ одной богатѣйшей миссъ. Хочешь, пойдемъ вмѣстѣ? Стбитъ.

Реджина пошла — ей, все равно, некуда было дѣваться.

Красно-оранжевый отблескъ заката падалъ на Термы и на деревья аллей; изъ сада доносился дѣтскій крикъ, птичій щебетъ и гомонъ, напоминающій журчанье воды. И надо всѣмъ этимъ, надъ огромной залитой свѣтомъ площадью, надъ высокой струею фонтана, то прозрачной, какъ стекло, то отливающей всѣми цвѣтами радуги, разсыпаясь жемчужной пылью, блестѣла на фасадѣ гостиницы золотая вывѣска Грандъ-Отеля, словно надпись на фронтонѣ храма.

Подъ колоннами въѣзда толпились экипажи, лакеи въ яркоцвѣтныхъ жилетахъ, мужчины въ цилиндрахъ и нарядныя дамы. Среди прочихъ экипажей выдѣлялась придворная карета, запряженная парой лоснящихся вороныхъ.

— Должно быть, королева здѣсь [1],—сказала Ардуина.— Подождемъ немного — увидимъ ее.

— Въ такомъ случаѣ, прощай, — отвѣтила Реджина, протягивая ей руку. — Гдѣ одна королева, тамъ нѣтъ мѣста другой.

— Богъ мой! Какія претензіи, — въ комическомъ отчаяніи вскричала Ардуина. — Да иди же!

И потащила ее за собой, сквозь путаницу экипажей и нарядную толпу, наводнявшую портикъ, и смиренно освѣдомилась у одного изъ лакеевъ, у себя ли миссъ Гаррисъ.

---

[1]) Опять игра словъ: Regina — королева.

Лакей слегка нагнулся, чтобы выслушать вопросъ, не взглянувъ на обѣихъ.

— Миссъ Гаррисъ? Кажется дома; присядьте, пожалуйста.

Реджинѣ вспомнились внушительные лакеи госпожи Микулиной, которыхъ такъ стѣснялся Антоніо; въ присутствіи этого, она не только стѣснялась, но прямо-таки робѣла.

Ардуина увлекла Реджину въ оранжерею и остановилась тамъ; озираясь вокругъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ, спутница ея молчала, зачарованная развертывавшимся передъ нею сномъ наяву. Казалось, тутъ былъ пышный праздникъ. Съ хрустальнаго потолка лился какой-то странный свѣтъ, розовато-золотой; по коврамъ, между пальмъ, безшумно двигались словно призрачныя женщины, похожія на фей, разодѣтыя въ шелкъ и атласъ, съ длинными шелестящими шлейфами; на рукахъ, на шеѣ, въ ушахъ у нихъ сверкали жемчуга и бриллiанты. Тихій говоръ незнакомыхъ голосовъ; прорывавшійся смѣхъ, мелодическій звонъ фарфора и серебра; хрустальный дворецъ, міръ радости, свѣта и блеска, міръ нездѣшнихъ людей, забывавшихъ о реальности жизни въ этихъ заколдованныхъ пальмовыхъ рощахъ, облитыхъ призрачнымъ розовымъ свѣтомъ...

„Реальность жизни? — думала Реджина. — А это развѣ не реальная жизнь? Это и есть настоящая жизнь, а наша, жизнь маленькихъ людишекъ — сонъ, гадкій кошмаръ...“

Черезъ оранжерею прошла женщина — дивное созданіе въ длинной одеждѣ изъ желтаго шелка. — Словно комета! — прошептала Реджина.

— Это и есть миссъ Гаррисъ, — сказала Ардуина. — Сейчасъ она подойдетъ къ намъ.

Реджинѣ и во снѣ не снилась такая лучезарная красота. Какъ очарованная, не отрывала она безумныхъ глазъ отъ миссъ Гаррисъ, остановившейся въ глубинѣ оранжереи съ двумя мужчинами, одѣтыми въ черное.

Изъ глубины оранжереи донеслась медлительная, томная музыка, заглушавшая и смѣхъ, и говоръ, и легкій звонъ фарфора; миссъ Гаррисъ приближалась. Реджина ощущала почти физическую боль и жгучую тоску. Этотъ розовый свѣтъ заката, эти пальмы, создававшія иллюзію восточнаго пейзажа, теплый воздухъ, пропитанный благоуханіями, музыка, ослѣпительная красота богатой чужестранки — все это будило въ ней словно тоску по родинѣ, атавистическія воспоминанія о

волшебномъ мірѣ, гдѣ все было радостью и наслажденіемъ и откуда она была изгнана.

Въ это мгновеніе она поняла, какой недугъ грызетъ ея сердце. Ахъ, то была не тоска по родинѣ и по прежней дѣвичьей жизни; то умирали мечты, которыми она жила въ прошломъ, радужныя мечты, наполнявшія благоуханіями воздухъ, которымъ она дышала, домъ, гдѣ она жила, тропинки, по которымъ она бродила — мечты, за которыя она не могла винить себя, потому что онѣ родились вмѣстѣ съ нею, жили въ ея крови — въ крови дѣвушки, происходившей отъ расы владыкъ.

Миссъ Гаррисъ заглянула и въ уголокъ, гдѣ сидѣли двѣ маленькихъ мѣщаночки, волоча за собой длинный сверкающій шлейфъ съ граціей, въ которой было что-то кошачье. Ее сопровождали двѣ синьоры иностранки, болтая съ ней на невѣроятномъ французскомъ языкѣ.

Только когда Ардуина встала и заискивающе, униженно улыбнулась, миссъ Гаррисъ узнала ее, протянула ей руку и заговорила съ ней съ снисходительной любезностью. Затѣмъ красавица подсѣла къ нимъ, обернувъ вокругъ ногъ шлейфъ своего платья, словно отдыхающій котенокъ хвостикъ, и заговорила о томъ, какъ она устала, какъ ей надоѣло все это: сегодня она уже каталась на автомобилѣ, побывала у папы на личной аудіенціи, а черезъ полчаса должна быть на послѣднемъ пріемѣ у одной важной дамы. Реджину она не удостоила ни единымъ взглядомъ, да и объ Ардуинѣ черезъ минуту словно позабыла, какъ и о двухъ иностранкахъ, своихъ спутницахъ: говорила словно сама съ собою, вся поглощенная своей красотою и блескомъ, какъ звѣзда, которая свѣтитъ сама для себя. Ближніе и дальніе, всѣ смотрѣли только на нее одну.

Реджина содрогалась отъ сознанія своего униженія, отъ стыда за свой простенькій короткій выходной костюмъ, за свой неизмѣнный галстучекъ; когда миссъ предложила ей чашку чаю, она отстранила ее почти непріязненнымъ жестомъ.

Изъ Грандъ-Отеля она вышла, горя той же безсильною злобой и ненавистью, которыя терзали ее въ Костанцѣ, въ вечеръ св. Стефана.

— Не понимаю, зачѣмъ ты ходишь сюда, — говорила она Ардуинѣ. — Какъ можно такъ раболѣпствовать? Какъ собачонка смотритъ въ глаза и слушаетъ всѣми ушами, а та даже и не замѣчаетъ ея!

— Но, вѣдь, и ты, какъ мнѣ показалось, слушала ее очень внимательно.

— Я? Я всѣхъ васъ готова была задушить. Боже, какія вы, женщины, дуры!

— Но... Реджина? — изумилась писательницъ. — Я не понимаю тебя.

— Знаю, что не понимаешь. Да и гдѣ тебѣ понять, Зачѣмъ ты ходишь въ такіе дома? На что тебѣ эти люди? Что у тебя съ ними общаго? Или ты не понимаешь, что они — господа міра, а мы — рабы?

— Но, вѣдь, мы же интеллигенты. Мы — господа будущаго. Развѣ ты не слышишь, какъ стучатъ, поднимаясь по лѣстницѣ, наши деревянные башмаки и ихъ сапожки, спускающіеся?

— Это мы-то господа? Ты — госпожа? — съ невыразимымъ презрѣніемъ переспросила Реджина, тыкая пальцемъ чуть не въ лицо ей.

— Осторожнѣй, карета! — вскричала Ардуина, оттаскивая ее назадъ.

— Вотъ видишь. Они давятъ насъ колесами своихъ экипажей. Что такое интеллигенція? Развѣ существуетъ интеллигенція? Чего она стоитъ въ сравненіи съ атласнымъ шлейфомъ?

— А! ты завидуешь атласнымъ шлейфамъ? — добродушно засмѣялась писательница.

— Поди ты, дура! — въ бѣшенствѣ вскричала Реджина.

— Спасибо! — отвѣтила та, ничуть не обидѣвшись.

Вернувшись домой, Реджина кинулась на диванчикъ въ передней и съ часъ пролежала на немъ, отбивая ногою тактъ мѣрнаго постукиванья стѣнныхъ часовъ, — словно сердца этой маленькой квартирки.

Ея собственное сердце ныло отъ боли и униженія. Даже эта идіотка Ардуина угадала, что за недугъ томитъ ее.

День умиралъ въ сосѣдней комнатѣ, а въ столовой, выходившей окномъ во дворъ, уже сгущались вечернія тѣни. Въ раскрытыя настежь двери падалъ свѣтъ и ложился полоской посрединѣ прихожей, но углы въ ней были уже совсѣмъ темные. И Реджина думала:

„Сумерки. Какой ужасъ эти сумерки! Какую гнетущую тоску несутъ онѣ съ собой! Ужъ лучше мракъ, полный мракъ, во сто разъ лучше. Во тьмѣ живетъ боль, отчаяніе, возмущеніе: все это, вѣдь, еще жизнь; сумерки же — сплош-

ная скука, тоска, умираніе. Лучше быть нищимъ, чѣмъ мелкимъ буржуа: нищій можетъ вопить, ругаться, плюнуть въ лицо счастливчикамъ этого міра; маленькій буржуа молчитъ: у него душа мертвая, онъ не можетъ и не смѣетъ протестовать. Чего же ему еще? Онъ ужъ достигъ того, чего другіе еще добиваются и что когда-нибудь будетъ у всѣхъ. Уже получилъ свою долю. Если онъ требуетъ большаго, его считаютъ честолюбцемъ, эгоистомъ, завистливымъ. И дураки бранятъ его.

Атласные шлейфы. Вестибюли, свѣтлые и полные зелени словно залитые солнцемъ сады, автомобили, похожіе на летящихъ драконовъ. Сады, дивные сады, на которые мы смотримъ сквозь рѣшетку; розовыя виллы, укрытыя подъ пиніями, словно подъ огромными зонтиками изъ зеленыхъ кружевъ. Все это должно стать реальностью будущаго, того счастливаго „завтра", которое намъ сулятъ и которое все не приходитъ. Но завтра будетъ иное: все это исчезнетъ; міръ такъ малъ, что можетъ быть раздѣленъ только на двѣ половины — день и ночь, мракъ и свѣтъ. Когда это дѣленіе уничтожится, настанутъ сумерки для всѣхъ, и всѣ станутъ, какъ мы; всѣ будутъ жить въ маленькихъ, темныхъ квартиркахъ, съ безконечными лѣстницами, и улицы будутъ всѣ пыльныя, и будутъ по нимъ бѣгать грохочущіе вонючіе трамваи и ходить пѣшкомъ толпы маленькихъ буржуазокъ, одѣтыхъ съ поддѣльною роскошью въ поддѣльныя драгоцѣнности, веселыхъ поддѣльной веселостью. Въ воздухѣ будетъ носиться запахъ грязныхъ фіалокъ, измятыхъ грязными руками; всюду будетъ шумно и скучно; нищій не увидитъ осуществленія мечты, которой онъ тѣшилъ себя; дѣти бывшихъ богачей будутъ томиться тоскою о прекрасной мечтѣ, которая для отцовъ ихъ была дѣйствительностью. Къ чему тогда жить? Зачѣмъ живу я теперь?"

Но внезапно ей вспомнилось одно, два, три лица — три одинаковыхъ старческихъ лица, глядѣвшихъ другъ на друга въ уныломъ неуютномъ кабинетѣ, улыбаясь другъ другу съ насмѣшливой жалостью, словно три друга, которые безъ словъ понимаютъ одинъ другого. „Работать. Трудиться. Вотъ въ чемъ тайна жизни", снова прозвучалъ въ ушахъ и въ сердцѣ молодой женщины голосъ старика сенатора. Ей разсказали потомъ кое-что объ этомъ сенаторѣ: жена его, молодая, красивая, свѣтская женщина покончила самоубійствомъ,

и никто не зналъ, изъ-за чего — причины такъ и остались неизвѣстны.

„Работать, трудиться. Въ этомъ тайна жизни“. Кто знаетъ, быть можетъ, старый сенаторъ, говоря о женщинахъ, которыя умѣютъ работать, думалъ о своей женѣ, которая никогда не работала. Работать! Въ этомъ тайна будущаго, когда всѣ будутъ счастливы, потому что всѣ будутъ работать. Нѣтъ, я не женщина будущаго, какъ я иной разъ глупо утверждаю; я принадлежу настоящему, самому что ни на есть настоящему. Я — паразитъ, ничего больше: я живу трудомъ своего мужа, съѣдаю не только его силы, но и его душу, такъ какъ онъ любитъ меня — любитъ не по заслугамъ. А я не даю ему счастья. Зачѣмъ я живу? На что я нужна? Какая кому отъ меня польза? Я не гожусь даже на то, чтобы рожать дѣтей, да и... сама не хочу этого. Развѣ я сумѣла бы ихъ воспитать? Да и зачѣмъ рождать новыхъ людей? Развѣ не лучше было бы, если бъ и я не родилась? На что мнѣ эта жизнь?..

Ей казалось, что сумерки, сгущавшіяся вокругъ нея, окутываютъ и ея душу.

Но въ то же время она думала о свѣтлыхъ вечерахъ на берегу родной многоводной рѣки и видѣла передъ собой широкій горизонтъ, открытую даль, небо цвѣта фіалокъ и гераней, просторы водъ, полей, лѣсовъ...

Она шла вдоль берега, и въ глазахъ ея отражался нѣжный блескъ воды, лиловато-розовой, и неба, пылавшаго за рощей, и теплой травы, росшей по берегамъ. Маленькія вербочки, совсѣмъ молоденькія, склонялись къ блестящей водѣ, и пили-пили безъ конца, томимыя неутолимою жаждой. Она шла мимо нихъ и, какъ онѣ, жадно пила безъ конца лучезарную воду мечтаній.

Какой просторъ, какая глубина, какъ нѣжны эти доносящіеся издали звуки, заглушенные вечеромъ! Что это — голоса птичекъ въ лѣсу? Или зовы и голоса далекаго міра? Не дятелъ ли стучитъ клювомъ по тополю? О нѣтъ; это она сама стучитъ ногой по полу; это часы равнодушно отсчитываютъ миги въ полумракѣ гостиной, это запертая въ клѣткѣ канарейка стонетъ отъ тоски подъ окномъ, надъ грязнымъ проваломъ двора.

Порывистымъ гнѣвнымъ движеніемъ Реджина вскочила на ноги; злоба и отчаяніе душили ее. Она думала: „Какъ только онъ вернется, я скажу ему: зачѣмъ ты увезъ меня оттуда? Зачѣмъ привезъ сюда! Что мнѣ здѣсь дѣлать? Я уйду; я воздуха, свѣта хочу! Я задыхаюсь въ этой дырѣ.

Ты даже воздуха, даже свѣта не можешь мнѣ дать. Зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ этого раньше? Развѣ я знала, какая здѣсь жизнь? Убери отсюда эти тряпки, эти игрушки — не надо мнѣ ихъ: мнѣ нуженъ только воздухъ, только просторъ. Я задыхаюсь, я ненавижу, ненавижу васъ всѣхъ, я проклинаю этотъ городъ и людей, которые выстроили его, и судьбу, которая лишаетъ насъ даже возможности видѣть небо!..“

Она прошла въ свою спальню и машинально посмотрѣлась въ зеркало: при догорающемъ свѣтѣ дня увидала свои пышные блестящіе волосы, блестящіе зубы и ногти, нѣжную кожу, покрытую тончайшимъ слоемъ crême Venus — почти такую же тонкую и прозрачную, какъ у миссъ Гаррисъ. Злоба еще сильнѣй охватила ее. Она подошла къ туалетному столику, схватила баночку съ кремомъ и съ размаху швырнула ее объ стѣну — баночка упала на постель, не разбившись. Реджина взяла ее и поставила на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! — зарыдала она, кинувшись на кровать. — Я ему скажу: смотри, какая я стала. Смотри, что вы изъ меня сдѣлали. Сегодня лицо намазано, завтра такая же фальшивая станетъ душа. Нѣтъ, уйду! Уйду! Уйду! Домой вернусь. Ты ничто для меня. — Да, да, скажу ему все это сейчасъ же, какъ только онъ вернется домой.

Но вернувшись, Антоніо нашелъ ее спокойно сидящей за столикомъ, подсчитывавшей расходы и вписывавшей въ тетрадку служанкѣ, что нужно купить на завтра. Было поздно; горѣли лампы; столъ былъ накрытъ. Служанка на кухнѣ готовила ужинъ. По всей квартиркѣ разносилось сердитое, но въ то же время и веселое шипѣнье масла на сковородѣ и запахъ жареныхъ артишоковъ; въ окно, выходившее въ садикъ, пахло травою и лавромъ.

Молоко	0,20
Хлѣбъ	0,20
Вино	1,10
Мясо	1,00
Мука	0,50
Яица	0,50
Салатъ	0,05
Масло	0,60
Спаржа	0,50
Л.	4,65

Антоніо подошелъ къ женѣ и заглянулъ черезъ ея плечо въ тетрадку.

— Реджина, я былъ здѣсь въ шесть часовъ, но тебя не было.

— Я выходила.

— Слушай. Княгиня прислала мнѣ записочку на службу, чтобъ я зашелъ къ ней въ половинѣ седьмого, и я былъ у нея.

— Что ей нужно отъ тебя?

— Это начинаетъ мнѣ здорово надоѣдать... теперь она проситъ меня послѣдить за однимъ господиномъ, который играетъ на биржѣ на ея деньги.

Реджина подняла глаза на мужа и замѣтила, что Антоніо весь въ поту и блѣднѣе обыкновеннаго.

— На биржѣ? Какъ это дѣлается?

— Какъ это дѣлается, я тебѣ потомъ объясню. Но я... нѣтъ, что это за несносная женщина!

— Но, вѣдь, она же тебѣ заплатитъ за это. — А ты умѣешь играть на биржѣ?

— Еще бы! Чего же тутъ не умѣть. — Антоніо бросилъ на кровать свою шляпу. — Были бы деньги. О, если бъ у меня были деньги madame, которыя у нея лежатъ даромъ!.. Но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ играть самому: мнѣ придется только слѣдить за паденіемъ и повышеніемъ цѣнностей и провѣрять операціи, которыя продѣлываетъ за счетъ madame кавалеръ Р., подводить итоги ежедневнымъ операціямъ, справляться у биржевыхъ маклеровъ, словомъ, имѣть строгій надзоръ за всѣми предпріятіями кавалера.

— Но, — допытывалась Реджина, — заплатитъ-то она тебѣ за это хорошо, эта твоя „мадамъ“?

— Извините? — удачно передразнилъ онъ голосъ и жестъ княгини.

— Сколько она тебѣ заплатитъ за это?

— Нѣсколько лишнихъ сотенъ лиръ, — вѣдь она скупа, ты знаешь.

— Кушать подано, — доложила горничная, какъ всегда, опрятная и вѣжливая.

За ужиномъ Антоніо объяснялъ женѣ технику биржевыхъ операцій и, вообще, денежныхъ спекуляцій, и видно было, что его это очень интересуетъ — онъ говорилъ со вкусомъ, съ удовольствіемъ. Она тоже, казалось, заинтересовалась, но, хоть и слушала внимательно, въ глазахъ ея свѣ-

тился отблескъ мыслей, очень далекихъ отъ того, о чемъ разсказывалъ Антоніо. Однакоже, внезапно, она оживилась, и глаза ея вернулись къ окружающему міру дѣйствительности.

— А что, если бы ты, вообще, сталъ у нея довѣреннымъ лицомъ, ну, „личнымъ секретаремъ“ ея, что ли? — воскликнула она. — Вотъ было бы славно! Помнишь, въ первую ночь послѣ того, какъ мы съ ней познакомилось у Ардуины, мнѣ снилось, что она умерла и оставила намъ по завѣщанію все свое богатство.

— Это было бы не трудно.

— Что — получить наслѣдство отъ нея? — засмѣялась Реджина.

— Ну вотъ еще! Получить секретарство. Но для этого пришлось бы льстить, подмазываться къ ней, всячески изворачиваться, интриговать... вѣдь у нея, кромѣ этого кавалера Р. есть и другіе, которымъ она довѣряетъ: чтобы полностью завладѣть ея довѣріемъ, надо было бы сначала отшить всѣхъ другихъ, при помощи интригъ. А мнѣ это претитъ.

— Мнѣ тоже, — сказала Реджина, сразу застывая.

Она встала изъ-за стола и подошла къ окну, выходившему въ садъ. Антоніо послѣдовалъ за нею. Вечеръ былъ теплый, полный нѣги; пряный запахъ лавра становился все ощутительнѣе; на узенькихъ дорожкахъ сада, словно коврики, лежали полосы желтаго свѣта. Реджина посмотрѣла внизъ, потомъ на небо, изсиня-черное, и вздохнула, скрывъ вздохъ подъ легкой зѣвотой.

— Въ концѣ концовъ, развѣ намъ такъ ужъ плохо живется? Развѣ мы не счастливы? — говорилъ Антоніо, словно отвѣчая на свои мысли. — Чего намъ недостаетъ?

— Ничего — и всего.

— Чего намъ недостаетъ — говорю я? — повторилъ Антоніо, обращаясь съ этимъ вопросомъ, повидимому, больше къ себѣ самому, чѣмъ къ женѣ.

— А что отсюда — видно Большую Медвѣдицу? — спросила она, глядя вверхъ и притворяясь, будто не слыхала вопроса.

Онъ тоже поднялъ глаза.

— Нѣтъ, не видно.

— Ну, вотъ, видишь, значитъ, не все у насъ есть. Даже звѣздъ отсюда не видно.

— А на что тебѣ звѣзды? Оставь ихъ — какой отъ нихъ прокъ! Если бъ тебѣ серьезно чего-нибудь не доставало, ты бы не думала о звѣздахъ.

— Ты хочешь сказать, что мнѣ вотъ чего недостаетъ?— Она ткнула себя пальчикомъ въ лобъ.

— Кажись, что такъ.

— Это тебѣ, можетъ быть.

— А вотъ я возьму и выброшу тебя въ окно за то, что ты оскорбляешь меня, — пошутилъ онъ, обнимая ее за талію. — Если я поглупѣлъ, такъ это оттого, что ты меня сводишь съ ума своими причудами.

VI.

Причудъ особенныхъ, строго говоря, Реджина себѣ не позволяла, но говорила иногда очень странныя вещи, и, если порою рѣчи ея забавляли Антоніо, то еще чаще мучили его.

Подъ видомъ внѣшняго спокойствія Реджина не умѣла скрыть, что вся она во власти какой-то неотвязной мысли.

„О чемъ она все время думаетъ? — спрашивалъ себя Антоніо. Даже держа ее въ объятіяхъ, въ минуты нѣжности и страсти, и, казалось бы, полнаго сліянія, онъ чувствовалъ, что Реджина далека отъ него, недосягаемо далека.

Въ яркіе, разнѣживающіе, клонящіе къ дремотѣ весенніе дни, въ часы полуденнаго отдыха въ мягкой, удобной постели, Антоніо, любуясь женой, задавалъ себѣ все тотъ же вопросъ:

— Чего ей недостаетъ? Развѣ они не счастливы?

Въ закрытое окно проникалъ мягкій свѣтъ, золотившій обои. Казалось, безконечное блаженство царило въ этой уютной спальнѣ, окутанной золотистыми сумерками, благоухавшей ванилью, убаюкиваемой заглушенными шумами далекаго міра. И сама Реджина порой поддавалась этой сонной нѣгѣ, обаянію этого золотистаго свѣта. И въ тайникахъ души задавала себѣ тотъ же вопросъ, что и Антоніо.

— Чего ей недостаетъ? Оба они молоды и здоровы. Антоніо страстно любитъ ее и слѣпо ей вѣритъ. Онъ красивъ; его мягкія руки, бархатные глаза, прирожденный запахъ его волосъ — все это властно притягиваетъ и покоряетъ ее. И, однакожъ, даже и въ эти восхитительные полуденные часы, когда она казалась всего счастливѣе, когда Антоніо ласкалъ ея волосы, перебирая ихъ пальцами и любуясь ими, какъ драгоцѣнностью, лицо ея порой неожиданно омрачалось, и снова она вела странныя рѣчи.

— Зачѣмъ жить? Зачѣмъ мы живемъ? Что мы дѣлаемъ въ жизни?

Антоніо не пугался.

— Зачѣмъ мы живемъ? Да просто живемъ. Любимъ другъ друга, работаемъ, ѣдимъ, спимъ, ходимъ гулять, а при случаѣ, и въ театръ, когда можно.

— Но, вѣдь это же не жизнь. Или, если и жизнь, то безполезная; устала я отъ этой жизни.

— А ты чего же бы хотѣла?

— Не знаю. Я хотѣла бы летать. Не въ томъ сантиментальномъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этому слову, а въ буквальномъ. Вылетать и влетать черезъ окно. Самой придумать, какъ это сдѣлать.

— Этого и мнѣ иной разъ хотѣлось бы.

— Ахъ, ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь, — раздражалась она. — Не то. Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать что-то такое, чего ты не способенъ понять да и сама я, въ концѣ концовъ, не понимаю.

— Вотъ такъ славно!

— Пойми, это все равно, какъ если бы ты жаждалъ упиться такимъ напиткомъ, какого нѣтъ на свѣтѣ, и ничто бы не могло утолить твоей жажды. Бывали у тебя такія желанія?

— Бывали.

— Не вѣрю; не можетъ бы. Ты ничего не понимаешь.

— Но позволь. Объясни же, хотя бы намекомъ, дай мнѣ уловить твою мысль.

— Все равно не уловишь. Ты не способенъ понять этого. Пусти мои волосы.

— Смотри, сколько у тебя раздвоенныхъ, почему ты ихъ не подрѣжешь? Иначе они начнутъ выпадать. Я говорю...

— Ахъ, не все ли равно! Стóитъ ли заботиться о волосахъ? На что мнѣ все это?

— Знаешь, что? — Онъ дѣлалъ видъ, будто его осѣнила блестящая мысль. — Почему бы тебѣ не сдѣлаться кондукторшей трамвая? — И онъ начиналъ подражать движеніямъ руки кондуктора и стуку трамвая.

— Я даже не удостою тебя отвѣтомъ, — говорила она и отодвигалась отъ него на край кровати; но черезъ минуту придвигалась снова и по-дѣтски просила:

— Покажи птичку.

Онъ показывалъ, какъ поетъ птичка; она смѣялась, и онъ смѣялся, отъ радости, что разсмѣшилъ ее, и говорилъ:

— Какія мы дѣти! Если бъ такую супружескую сценку

показать въ театрѣ, вотъ-то было бы смѣху и шиканья. А вѣдь въ жизни бываетъ...

— О, театръ! Сколько тамъ лжи, условности! А романы? Попробуй написать романъ, гдѣ бы все было, какъ бываетъ на самомъ дѣлѣ въ жизни, — всѣ скажутъ: это неправдоподобно. Ахъ, хотѣла бы я умѣть писать! Изобразить жизнь, какъ она есть и какъ я ее понимаю — со всей ея гигантской мелочностью и ея мелкимъ величіемъ; это былъ бы такой романъ, или комедія, которымъ дивилась бы вся Европа.

Онъ смотрѣлъ на нее, разинувъ ротъ, дѣлая видъ, будто отъ изумленія не находитъ словъ; она снова раздражалась.

— Ты ничего не понимаешь. Ты вышучиваешь меня. И однакоже... если бъ я только могла...

Антоніо, въ свою очередь, становился серьезнымъ.

— А, можетъ быть, ты и смогла бы. Почему нѣтъ?

— Потому что сперва нужно было бы, чтобъ я... Да, нѣтъ, я не скажу тебѣ — тебѣ, все равно, не понять. Не могу я писать, не умѣю. Мыслей много, а словъ нѣтъ. И сколько такихъ, какъ я!.. Ты думаешь, что такое великіе люди? Такъ называемые мыслители? Счастливцы, которые умѣютъ выразить свою мысль. Ницше, напримѣръ. Ты думаешь, что я, что сотни тысячъ другихъ людей не могутъ мыслить, какъ Ницше, никогда не читавъ его? Разница только въ томъ, что онъ умѣлъ выразить свою мысль, а мы вотъ не умѣемъ. Я говорю: Ницше такъ, для примѣра; то же можно было бы сказать и объ авторѣ „Подражаніе Христу“....

— Тебѣ бы слѣдовало выйти замужъ за писателя, — говорилъ Антоніо, втайнѣ ревнуя къ человѣку, о которомъ Реджина, можетъ быть, мечтала и не встрѣтила его въ жизни. Но она еще больше раздражалась.

— Не стоитъ говорить. Не можешь ты меня понять. На что мнѣ твои писатели? Оставь меня. Я тебѣ сказала, чтобъ ты не трогалъ моихъ волосъ.

— Погоди. Куда же ты отодвигаешься? Давай еще поговоримъ о твоихъ великихъ замыслахъ. Ты думаешь, я глупый? А я тебѣ вотъ что хочу сказать... Только ты не смѣйся. Если хочешь сотворить чудо, роди сына. Ты знаешь, одинъ американецъ философъ, если не ошибаюсь, Эмерсонъ, говорилъ своей женѣ, что величайшее чудо, которое можетъ сотворить женщина, это...

— Создать новаго человѣка? Знаю, знаю. — Она лукаво улыбнулась. — Вотъ только не знаю, отъ меня ли одной то

зависитъ. Я говорю, что человѣчество ничтожно и что жить не стоитъ; но разъ я не убиваю себя, значитъ, я все-таки пріемлю жизнь. А разъ ужъ я пріемлю жизнь, самое великое, что я могу совершить въ жизни — это дать жизнь новому человѣку. И я сдѣлала бы это съ восторгомъ, съ гордостью, если бъ была увѣрена, что онъ не будетъ такимъ же маленькимъ, такимъ же мелкимъ мѣщаниномъ, какъ мы съ тобой.

— Онъ можетъ стать богатымъ, полезнымъ членомъ общества.

— Вздоръ. Сказки для маленькихъ мѣщанъ! — съ горечью возражала она. — И онъ будетъ такой же несчастный, какъ мы.

— Но вѣдь я счастливъ. Я вовсе не несчастенъ.

— Если ты счастливъ, это значитъ, что ты ничего не понимаешь, и въ такомъ случаѣ, ты вдвойнѣ несчастливъ, — говорила она, и лицо ея снова затуманивалось, а глаза зловѣще темнѣли, чего всегда боялся ея мужъ.

— Дорогая моя, брось ты эти мысли, иначе ты сойдешь съ ума, какъ твои великіе писатели.

— Вотъ и видно сейчасъ, что ты маленькій мѣщанинъ; говоритъ и самъ не знаетъ, что онъ говоритъ...

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Антоніо, взглянувъ на часы, не изображалъ на лицѣ своемъ комическій ужасъ.

— Опять опоздалъ! Милая моя, если бъ тебѣ надо было ходить на службу, увѣряю тебя, такія мысли не приходили бы тебѣ въ голову.

Онъ вскакивалъ съ постели, торопливо умывался; потомъ, съ мокрыми руками, съ освѣженнымъ влажнымъ лицомъ, подбѣгалъ поцѣловать жену.

— Ты точно земляничное мороженое, — говорила она, покоренная.

И супруги мирились.

Съ наступленіемъ жаркихъ дней тоска, меланхолія, нервность Реджины усилились. По ночамъ Антоніо слышалъ, какъ она все время ворочалась въ постели, отъ времени до времени тяжело вздыхая. Однажды ночью она призналась мужу, что у нея сердце не въ порядкѣ.

— Бьется, не переставая, часами подъ рядъ, такъ сильно, что духъ захватываетъ. Словно хочетъ вырваться изъ груди.

Это, должно быть, отъ высокой лѣстницы — прежде у меня никогда не бывало сердцебіенія.

Встревоженный, онъ хотѣлъ свести ее къ врачу, но она воспротивилась.

— Само пройдетъ... какъ только я уѣду отсюда.

Рѣшено было, что она уѣдетъ въ концѣ іюня, а въ августѣ Антоніо возьметъ отпускъ на двѣ недѣли и пріѣдетъ за нею.

— А если хватитъ денегъ, на обратномъ пути мы заѣдемъ на нѣсколько дней въ Віареджіо.

Реджина не поддакивала и не возражала. За первые шесть мѣсяцевъ семейной жизни супруги скопили всего лишь двѣсти лиръ; этого едва хватитъ на дорогу, но Антоніо надѣялся отложить кое-что за время отсутствія жены. Дни шли своею чередой; Римъ быстро пустѣлъ, хотя краткій періодъ жаровъ снова смѣнился проливными дождями. Антоніо считалъ дни.

— Еще десять, еще восемь деньковъ... и ты уѣдешь. Какъ я буду жить безъ тебя, цѣлый мѣсяцъ совсѣмъ одинъ?

Она сердилась, когда онъ говорилъ такъ — она какъ будто не хотѣла и думать о своемъ отъѣздѣ и никогда не говорила о немъ.

— Одинъ! Почему одинъ? Вѣдь у тебя же здѣсь мать и братья.

— Жена больше, чѣмъ братья и больше, чѣмъ мать.

— А если бы я умерла? Если бъ я тяжко заболѣла, и врачи предписали бы мнѣ, для выздоровленія, жить цѣлый годъ на родинѣ?

— Этого не можетъ быть.

— Ты говоришь, какъ ребенокъ. Почему не можетъ быть? Напротивъ, очень даже можетъ быть, — говорила она, все больше раздражаясь. — Вотъ такъ всегда! Что бы я ни сказала, — все это фантазія, все не можетъ быть. А почему не можетъ? Достаточно, чтобъ я сказала, чтобы ты...

— Реджина, что съ тобой? За что ты сердишься?

— Ну да! Конечно, такъ. Почему это я не могу заболѣть? Что я — желѣзная что ли? Очень даже возможно, что докторъ запретитъ мнѣ на время ходить по лѣстницамъ и велитъ пожить на свѣжемъ воздухѣ въ деревнѣ. Куда же я тогда поѣду какъ не къ себѣ домой? Или, можетъ быть, ты не пустишь меня?

— Наоборотъ, я первый настаивалъ бы. Но вѣдь ты

же, слава Богу, не больна. А что у тебя сердцебіеніе — это пустяки. Это пройдетъ. Ну, переѣдемъ на другую квартиру, пониже; хотя, правду сказать, я страшно привязался къ нашему гнѣздышку. Намъ здѣсь такъ счастливо живется! — говорилъ онъ, съ нѣжностью озираясь кругомъ.

Не отвѣчая, она подошла къ окну, вся туча-тучей. Отчего? Отъ ненависти къ этой крохотной квартиркѣ, гдѣ она съ каждымъ днемъ все больше задыхалась, или съ досады на сантиментальность мужа?

— Сегодня пятница, — сказала она. — Надо мнѣ идти съ прощальнымъ визитомъ къ твоей принчипессѣ. Она когда уѣзжаетъ?

— Кажется, въ серединѣ іюля. Въ Карлсбадъ.

— Хоть къ чорту! И она, и всѣ здѣшнія дамы.

— Чего ты злишься? А ты сама — не ѣдешь въ деревню? Подумай лучше о тѣхъ, которыя останутся въ этомъ пеклѣ — о фабричныхъ работницахъ, о пекаршахъ...

— Я потому и выругалась.

Немного погодя она одѣлась и пошла къ княгинѣ — не потому, чтобы ей такъ уже хотѣлось проститься съ madame, но чтобы какъ-нибудь убить нескончаемый лѣтній день.

Затянулась въ корсетъ, надѣла новое платье, синее, съ длиннымъ шлейфомъ, съ воланами внизу: поглядѣлась въ зеркало — нашла себя красивой и, несомнѣнно, болѣе элегантной, чѣмъ въ пору своего пріѣзда въ Римъ, но это не доставило ей никакого удовольствія.

Проходя мимо театра Костанци, она увидала юношу изъ „котячьяго садика", съ лицомъ цвѣта недозрѣлаго абрикоса, бесѣдовавшаго съ другимъ синьоромъ, большимъ и толстымъ, съ выцвѣтшими круглыми голубыми глазами съ рыжей собачкой подъ мышкой.

Она и этого синьора знала — это былъ извѣстный артистъ, пѣвшій въ Костанци.

Ей показалось, что оба любуются ею, и она вспыхнула отъ удовольствія, но тотчасъ же почувствовала въ этомъ инстиктивномъ движеніи души что-то грѣховное и разсердилась на себя, — какъ незадолго передъ тѣмъ сердилась на Антоніо, который „разсуждаетъ, какъ ребенокъ".

Къ княгинѣ она пришла въ боевомъ настроеніи и вошла, высоко неся голову, не поздоровавшись, даже не взглянувъ на лакея, который встрѣчалъ ее и Антоніо всегда съ оттѣнкомъ фамильярности, почтительной, но все же немножко обидной

Въ салонахъ принчипессы, хотя всѣ мѣха и ковры были убраны на лѣто, все же было очень жарко; сирень въ высокихъ вазахъ струила сильный, горькій, почти ядовитый ароматъ.

Гостей не было, кромѣ двухъ дамъ, изъ которыхъ одна болтала съ Маріанной и бранила Римъ. Компаньонка, еще болѣе безобразная въ красномъ открытомъ платьѣ, яростно спорила съ ней, грозя укусить злую синьору за такіе отзывы о Вѣчномъ Городѣ.

Княгиня слушала, блѣдная, холодная, съ жирнымъ недвижимымъ лицомъ. Когда вошла Реджина, Маріанна кинулась ей навстрѣчу съ крикомъ:

— Если и вы еще подбавите тутъ своего, я прямо взбѣшусь!

Реджина сѣла, обернувъ вокругъ ногъ шлейфъ платья, какъ это дѣлала миссъ Гаррисъ, и, зная, о чемъ идетъ рѣчь, сказала съ ядовитой усмѣшкой:

— Конечно, Римъ ужасенъ.

— Я васъ исцарапаю! — закричала Маріанна. — А это было бы грѣшно — вы сегодня такая красивая. А теперь, когда покраснѣли, стали еще красивѣе. Ваша шляпка мнѣ напоминаетъ шляпу одной великой герцогини, которую я видѣла въ Будапештѣ.

— Такъ Римъ ужасенъ? — переспросила принчипесса, поворачиваясь къ Реджинѣ, иронически улыбавшейся глупостями Маріанны. — Прежде вы не то говорили.

— Мнѣнія мѣняются.

— Извините?

— Мнѣнія мѣняются, — громко, почти сердито повторила Реджина. — Да и тогда я говорила, что Римъ хорошъ для богачей, а бѣднякамъ ужасенъ. Бѣднякъ въ Римѣ — какъ нищій у запертаго подъѣзда дворца... нищій, гложущій кость...

— А иной разъ мимо пробѣжитъ собака богача и вырветъ и эту кость изъ рукъ у нищаго... — сказала Маріанна.

Реджина нервно разсмѣялась.

— Это правда. Правда!

Княгиня подняла на нее свои узенькіе, желтоватые глазки, на минуту остановила на ея лицѣ тяжелый взглядъ, потомъ повернулась къ дамѣ, сидящей возлѣ нея, и заговорила съ ней по-нѣмецки.

Но Реджинѣ показалось, что madame хотѣла что-то ска-

зать ей своимъ холоднымъ ускальзающимъ взглядомъ, — что-то печальное, горькое и насмѣшливое, и она ужа не могла больше смѣяться.

---

28 іюня 1900 г.

„Антоніо,

„Ты прочтешь это письмо уже послѣ моего отдъѣзда. Прочтешь его еще опечаленный нашей разлукой и, быть можетъ, тебѣ покажется, что оно продиктовано мнѣ мимолетнымъ капризомъ. Но, если бъ ты зналъ, какъ много дней и даже мѣсяцевъ, я обдумывала его, провѣряла себя, мучилась тѣмъ, что мнѣ надо сказать тебѣ! Если бъ ты зналъ, какъ часто я пыталась сказать тебѣ на словахъ то, что теперь хочу сказать тебѣ въ письмѣ. Но ни разу мнѣ это не удалось: какая-то непреодолимая сила мѣшала мнѣ раскрыть передъ тобой свою душу; мнѣ казалось, что на словахъ мы не поймемъ другъ друга. Кто знаетъ, захочешь ли ты и сможешь ли ты понять меня теперь. Мнѣ казалось, въ письмѣ будетъ легко все сказать... теперь я чувствую, какъ это тяжело и трудно. Я предпочла бы подождать, пока я буду тамъ, у себя дома, и тамъ уже написать тебѣ это письмо; но я не хочу, чтобы ты могъ подумать, что какія-нибудь внѣшнія причины или чьи-нибудь совѣты толкнули меня на этотъ шагъ. Нѣтъ, мой Антоніо, мой милый, хорошій Антоніо, только мы одни, вдвоемъ, вдали отъ всѣхъ чужихъ и докучныхъ людей, мы одни можемъ и должны рѣшать свою участь. Выслушай меня. Теперь я попытаюсь объяснить тебѣ, какъ сумѣю лучше, мою мысль. Помнишь, Антоніо, какъ-то я говорила тебѣ: „Если бъ я заболѣла и врачи совѣтовали бы мнѣ вернуться на родину и пожить тамъ нѣкоторое время, дыша роднымъ воздухомъ, ты бы не пустилъ меня?“. И ты отвѣтилъ: „Я первый настоялъ бы на этомъ“. А я, вѣдь, и вправду больна; и, хотя недугъ мой душевный, онъ съѣдаетъ мои силы хуже всякой болѣзни, и мнѣ надо — надо вернуться на родину и пожить тамъ нѣкоторое время. Антоніо, мой возлюбленный, другъ мой и братъ, постарайся понять меня, прочти эти мои строки съ полнымъ вниманіемъ, какъ если бы ты читалъ въ моей душѣ. Я люблю тебя, я вышла за тебя по любви — той любви, не поддающейся описанію, сотканной изъ волшебныхъ чаръ и грезъ, какой любишь только разъ въ жизни, и никогда еще такъ глубоко и сильно

какъ въ эту минуту, я не чувствовала, что люблю тебя и связана съ тобой на всю жизнь. Когда ты появился передо мной впервые, на зеленомъ берегу, линія котораго замыкала для меня горизонтъ моей мечты, я увидѣла въ тебѣ воплощеніе всѣхъ моихъ завѣтныхъ и самыхъ прекрасныхъ мечтаній... Сколько лѣтъ уже я мечтала о тебѣ и ждала тебя! Это упоительное ожиданіе уже начинало заволакиваться дымкой печали и страха, когда ты явился. Въ тебѣ воплотился для меня весь тотъ невѣдомый и дивный міръ, который жилъ въ моей душѣ, созданный мечтами, книгами быть можетъ, отчасти, и наслѣдственными склонностями: ты былъ пламеннымъ вихремъ жизни, закружившимъ меня; столицей, со всѣмъ ея блескомъ и роскошью; всѣмъ безумнымъ, сладостнымъ, чего ждала моя молодость, даже если бъ ты и не былъ красивъ, и строенъ, и былъ бѣднѣе, чѣмъ ты есть, все равно я полюбила бы тебя. Ты пріѣхалъ изъ Рима — этого было достаточно. Ты не можешь, да и никто, если только онъ не родился и не прожилъ долгіе годы въ глухой провинціи, не можетъ вообразить себѣ, что представляетъ собой даже самый маленькій ничтожный чиновникъ изъ столицы, случайно попавшій въ медвѣжій уголъ, для дѣвушки, которая мечтаетъ о широкомъ мірѣ, никогда не видавъ его вблизи.

Какъ часто, проходя по віа Національе, всегда наводненной людьми, я съ горечью, съ жгучей насмѣшкой думала о томъ, что, если бы самый ничтожный изъ этихъ прогуливающихся мѣщанишекъ, самый захудалый чиновничекъ, съ душой недодѣланной, или засохшей раньше, чѣмъ она успѣла расцвѣсть, — одинъ изъ тѣхъ, которые теперь внушаютъ мнѣ такую безконечную жалость, прошелъ тогда по берегу По, передъ нашею виллой, — и онъ могъ бы вызвать въ моемъ сердцѣ глубокую страсть. Вся моя душа переворачивается отъ отвращенія при одной этой мысли. Не обижайся, Антоніо; я не смѣшиваю тебя съ этими людишками; ты не изъ ихъ числа; ты былъ и есть для меня нѣчто совсѣмъ другое, и теперь, когда развѣялись чары несбыточныхъ грезъ, остаешься для меня тѣмъ, что̀ выше этихъ грезъ: — человѣкомъ, добрымъ и честнымъ, юнымъ и нѣжнымъ возлюбленнымъ, образъ котораго дѣвушка ставитъ, какъ дивную статую, въ завѣтномъ саду своихъ грезъ. Но нашъ садикъ, Антоніо, нашъ садикъ убогъ и печаленъ. Мы съ тобой были еще слишкомъ бѣдны, чтобъ повѣнчаться и насадить садъ, достойный нашей любви. Когда я выходила за тебя и ѣхала въ Римъ, я была, какъ

слѣпая: воображала, что наши небольшія средства, сложенныя вмѣстѣ, и въ Римѣ дадутъ намъ возможность жить такъ, какъ мы жили бы на нихъ въ нашихъ краяхъ. Слишкомъ поздно я убѣдилась, что въ Римѣ на нихъ еле-еле можно имѣть хлѣбъ насущный. А однимъ хлѣбомъ не проживешь — умрешь, или, по крайней мѣрѣ, захвораешь, если не привыкъ къ такому режиму. Одной любовью, какъ бы она ни была велика, не вылѣчишь больного. И вотъ, повторяю тебѣ: я больна; столкновеніе съ дѣйствительностью, черствость этого хлѣба насущнаго вызвали у меня нѣчто въ родѣ нравственной анеміи. И недугъ этотъ до того обострился, что я не въ состояніи дольше такъ жить. Для меня жизнь въ Римѣ — мученіе. Мнѣ необходимо на время уйти изъ него, какъ раненому звѣрю, зарыться въ свою берлогу и тамъ отлежаться и выздоровѣть, или, по крайней мѣрѣ, пріучить себя къ мысли, что моя жизнь должна быть такой.

Антоніо мой, постарайся понять меня, если мнѣ и не удастся объяснить все такъ хорошо, какъ мнѣ бы хотѣлось. Позволь мнѣ вернуться въ свое родное гнѣздо, къ своей матери, которую я увѣрю, что я, дѣйствительно, больна и нуждаюсь въ воздухѣ родного края, и оставь меня тамъ на годъ или на два. Сдѣлаемъ то, съ чего слѣдовало бы начать: — будемъ ждать — какъ женихъ съ невѣстой, ждать часа, когда намъ можно будетъ соединиться: я пріучу себя къ мысли, что моя жизнь будетъ не такою, о какой я мечтала; а, тѣмъ временемъ твое положеніе (а, можетъ быть, и мое) улучшится. Мало ли людей такъ поступаютъ. Одна моя кузина тоже такъ сдѣлала: ея мужъ былъ учителемъ гимназіи въ Миланѣ. Вмѣстѣ имъ не на что было жить. Тогда она вернулась къ родителямъ, а онъ зарылся съ головой въ работу, читалъ, печатался, участвовалъ въ конкурсахъ, получилъ мѣсто преподавателя въ лицеѣ и былъ переведенъ въ маленькій городъ; тогда она пріѣхала къ нему, и теперь они блаженствуютъ.

Слушай, Антоніо; вѣдь и ты виноватъ отчасти — хоть и помимо воли, но, безспорно, виноватъ. Впрочемъ, и ты вѣдь не зналъ. Это судьба шутитъ надъ нами свои шутки. Когда, въ тихіе вечера, мы, обрученные, гуляли вмѣстѣ и я, съ дрожью въ голосѣ, говорила тебѣ о Римѣ, ты долженъ былъ понять, о чемъ я мечтаю, долженъ былъ разглядѣть за моими словами мою прекрасную и несбыточную мечту, какъ видишь луну сквозь вечерній туманъ. А ты, вмѣсто того, еще больше меня

разжигалъ, разсказывая мнѣ о княгиняхъ и графиняхъ, о пышныхъ балахъ, о пріемахъ...

Я вся горѣла отъ этихъ мечтаній — и вотъ, видишь, сгорѣла: что-то во мнѣ испепелилось. Моя ли вина? Если я виновата въ чемъ, то развѣ въ томъ только, что я не умѣю притворяться: другая женщина, на моемъ мѣстѣ, чувствуя то же, что чувствую я, притворилась бы, что она мирится съ дѣйствительностью, и осталась бы жить съ тобой, но отравила бы тебѣ существованіе. Вспомни: и я, въ первые мѣсяцы, мучила тебя своею тоской, своими жалобами и вѣчнымъ нытьемъ: и въ то же время чувствовала, какъ это гадко съ моей стороны, и стыдилась, и корила себя за это. Если бъ мы такъ продолжали, если бъ меня не осѣнила мысль, которую я теперь привожу въ исполненіе, мы бы кончили тѣмъ же, чѣмъ кончаютъ другіе: нынче ссора, завтра скандалъ, а можетъ быть, и преступленіе. Вѣдь, у меня что день, то больше накипало въ груди. Ты знаешь, я не романтична — скорѣй, даже скептикъ; но все вульгарное, мизерное, мелочное ранитъ мнѣ душу. Такая ужъ я родилась и передѣлать себя не могу; и сколько другихъ женщинъ, такихъ же, какъ я, но еще болѣе несчастныхъ, потому что болѣе слабыхъ, не умѣютъ во-время остановиться на краю пропасти, не умѣютъ во-время разглядѣть ее и обойти.

И все же, Антоніо, я люблю тебя — гораздо больше люблю, чѣмъ когда мы были женихомъ и невѣстой, и, чтобы остаться достойной тебя, приношу жертву — на время покидаю Римъ Не хочу дѣлать тебя несчастнымъ. Слезы застилаютъ мнѣ глаза, сердце мое обливается кровью, но... это необходимо.. рокъ велитъ намъ разстаться.

Когда я думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что я умираю но это необходимо — необходимо. Милый, милый, милый Антоніо, пойми меня: вчитайся и вдумайся въ каждое мое слово, не придавая ему иного значенія, чѣмъ то, какое даетъ ему мое сердце.

Главное, выслушай меня, какъ если бъ я лежала на твоей груди и могла выплакать на ней всѣ мои слезы; выслушай меня и пойми, какъ ты не разъ выслушивалъ и понималъ меня.

Помнишь ты наше рождественское утро?

Я плакала, и мнѣ казалось, что и твои глаза заволакиваются слезами: вотъ въ этотъ-то моментъ я и почувствовала, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, и рѣшила принести

тебѣ жертву; — эта жертва заключается въ томъ, что я на время покидаю тебя, чтобы постараться выздоровѣть и вернуться къ тебѣ хорошей и доброй.

Въ своемъ домикѣ я буду жить тобою и работать; да я тоже хочу положить свой камешекъ въ зданіе нашего будущаго благоденствія. Мы молоды, мы еще такъ молоды; мы многаго можемъ добиться, если только захотимъ.

Во мнѣ будь увѣренъ — и я тоже увѣрена въ тебѣ, потому что знаю, какъ ты любишь меня, и именно за то любишь, что я такая, какъ я есть — и не сомнѣваюсь въ тебѣ, какъ и ты не сомнѣвайся во мнѣ.

Слушай: черезъ двѣ-три недѣли, какъ мы и условились, ты пріѣдешь навѣстить меня, сдѣлаешь видъ, что нашелъ меня еще совсѣмъ больной и рѣшилъ оставить меня дома до полнаго выздоровленія... А затѣмъ возвратишься въ Римъ и будешь жить мыслью обо мнѣ, учиться, держать конкурсные экзамены. Тѣмъ временемъ пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ; мы каждый день будемъ писать другъ другу, будемъ экономить, копить любовь... и деньги. Наше матеріальное положеніе улучшится и, когда мы вновь соединимся, для насъ начнется медовый мѣсяцъ, ужъ не такой, какъ первый, и будетъ длиться всю нашу жизнь".

. . . . . .

Дойдя до этого мѣста въ своемъ письмѣ, Реджина почувствовала, что она вся окоченѣла, словно леденящій холодный вѣтеръ дулъ ей въ спину.

— Правда ли то, что она пишетъ Антоніо? Быть можетъ, все это только иллюзіи, ложь. Слова, слова... Кто знаетъ, какъ сложится будущее? Сложится? Но отъ кого же это зависитъ? Вѣдь мы сами дѣлаемъ будущее — оно складывается изъ настоящаго. Свое будущее я вотъ сейчасъ дѣлаю, этимъ письмомъ; плохо только, что я и сама не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Ей вдругъ стало жутко — что она дѣлаетъ? — и страшно этого невѣдомаго будущаго, но тотчасъ же она ободрилась, вспомнивъ, что письмо это написано кровью ея сердца.

Она можетъ ошибаться, но искренна вполнѣ: значитъ, бояться нечего — пусть будетъ, что будетъ. Жизнь принадлежитъ тѣмъ, у кого есть мужество осуществить задуманное. Однакожъ, ей казалось, что больше писать не слѣдуетъ, что и такъ она написала много лишняго, не сумѣвъ высказать

то, чѣмъ полна была ея душа. И она прибавила всего нѣсколько строкъ.

„... Отвѣть мнѣ сейчасъ же, какъ только прочтешь это письмо. Нѣтъ, не сейчасъ же... дай пройти времени, подожди нѣсколько часовъ. Какъ еще много мнѣ хочется сказать тебѣ, но не могу, не умѣю: сердце мое слишкомъ переполнено, я слишкомъ страдаю... Прости мнѣ, Антоніо, если эти строки причинятъ тебѣ боль: ты увидишь потомъ, что отъ такой боли родится великая радость. Успокой же меня: скажи, что ты понялъ и одобряешь мою идею. Тамъ, гдѣ я снова найду все, что мы съ тобой растеряли за эти послѣдніе мѣсяцы, я буду ждать твоего отвѣтнаго письма, какъ приговора. И оттуда еще напишу тебѣ — скажу, или, по крайней мѣрѣ, постараюсь сказать тебѣ все, что теперь распираетъ мнѣ сердце до острой боли.

Прощай! До свиданія! Ты видишь, я уже плачу при мысли о поцѣлуѣ, который я тебѣ дамъ на прощанье. Боже! ты и не будешь знать, сколько муки, любви, обѣтованій и надеждъ будетъ заключено въ этомъ прощальномъ поцѣлуѣ...

Что бы ты ни подумалъ обо мнѣ, Антоніо, не обвиняй меня въ легкомысліи: помни, что я — твоя Реджина, твоя странная, больная, но не дурная, не вѣроломная.

Реджина".

Кончивъ писать, она поспѣшно сложила письмо и сунула его въ конвертъ, не перечитывая. И снова испугалась. Потомъ подумала: а, можетъ быть, туда вкралась какая-нибудь ошибка, описка, мѣняющая весь смыслъ той или другой фразы. И она раскрыла еще не успѣвшій заклеиться конвертъ, перечитала письмо, съ огорченіемъ и страхомъ, и ничего не поняла, ничего не запомнила, только еще больше опечалилась. Ахъ, какое оно вышло холодное, это письмо, и какъ оно плохо написано! Длинное, даже слишкомъ длинное — и, однакожъ, ничто изъ того, чѣмъ мучительно билось и трепетало ея сердце, не перешло на эти бездушные листки...

— И я еще мечтала написать романъ, или драму когда я даже письма не умѣю написать! Но, все равно, онъ пойметъ. — Она заклеила конвертъ. — Онъ, навѣрно, пойметъ. Куда же положить это письмо? Боже мой, что, если онъ найдетъ его до моего отъѣзда? Что тогда? Можетъ быть, вышутитъ его; а если найдетъ его послѣ моего отъѣзда? Быть можетъ, заплачетъ? Ахъ, вотъ что: передъ тѣмъ, какъ

ѣхать на вокзалъ, я положу письмо къ нему на столикъ. А вдругъ онъ зачѣмъ-нибудь вернется съ полдороги?..

Всѣми этими маленькими заботами и мыслями она пыталась отогнать тревогу и тоску, одолѣвавшія ее.

Начала укладывать вещи; завтра въ девять утра отходитъ курьерскій поѣздъ, съ которымъ она уѣзжаетъ, а у нея ничего еще не готово. Весь долгій лѣтній день она ухлопала на это письмо.

— Что онъ будетъ дѣлать потомъ? — настойчиво спрашивала она себя. — Сдастъ квартиру? Переѣдетъ къ своимъ? А служанку отпуститъ? Измѣнитъ мнѣ? Нѣтъ, не измѣнитъ — въ этомъ я увѣрена. Думается мнѣ, что онъ опять будетъ жить съ матерью и братьями. Только бы они не настраивали его противъ меня. Можетъ быть, онъ сдастъ внаймы нашу квартирку, какъ она есть, съ мебелью? Интересно знать, сколько ему дадутъ. Сто лиръ? Дадутъ, пожалуй. Но нѣтъ, онъ нѣсколько сантименталенъ: онъ не захочетъ, чтобы чужіе люди, быть можетъ, вульгарные, профанировали наше гнѣздышко, какъ онъ его называетъ. А мнѣ — развѣ было бы то пріятно? Вздоръ! Глупыя слова! Въ этихъ комнаткахъ я столько выстрадала; эта мебель, эти собаки на коврахъ — все это мнѣ ненавистно. Не хочу больше видѣть ихъ... А все же... Будетъ, Реджина! Ты глупа, глупа и глупа.

— А съ моимъ приданымъ что же онъ сдѣлаетъ? Перевезетъ его къ себѣ на квартиру? Ну такъ что же? Мнѣ какое дѣло? Какъ хочетъ, такъ пусть и дѣлаетъ.

Отъ времени до времени ей приходила въ голову все та же, давно ужъ мучившая ее мысль. — А что, если онъ не проститъ? Какая тогда будетъ развязка всей исторіи?.. Да нѣтъ же, глупости. Онъ не можетъ не простить. Самое большее — пріѣдетъ къ ней туда, домой, чтобъ уговорить или вынудить ее вернуться.

Но она не поддастся и, въ свою очередь, убѣдитъ его... Мысленно она уже переживала ихъ свиданіе и ужасъ новой разлуки.

Раздумывая объ этомъ, она укладывала вещи въ чемоданъ, но работа не клеилась. И она думала:

„Какъ горька и безсмысленна жизнь! Вѣчное разставанье и прощаніе, вплоть до послѣдняго прощанья съ жизнью. А затѣмъ, конецъ... — Она выбросила изъ дорожнаго сундука всѣ вещи и начала укладывать ихъ по-новому. — Разъ

всѣ мы должны умереть, зачѣмъ доставлять себѣ столько ненужныхъ страданій. Зачѣмъ, напримѣръ, я уѣзжаю? Все равно, время какъ-нибудь протянулось бы... Но именно потому, что всѣ мы должны умереть, надо прожить жизнь какъ можно лучше. Годъ-другой пройдутъ незамѣтно, а вотъ тридцать-сорокъ лѣтъ — это ужъ много, цѣлая жизнь... А за два года... Но вѣрно ли это? — спрашивала она себя, свертывая и снова развертывая юбку, которая не хотѣла влѣзать въ сундукъ. — Вѣрно ли, что за два года наше положеніе улучшится? И, если даже немножко улучшится, буду ли я довольна? Не начнется ли для меня снова все та же сѣренькая жизнь?.. И такъ ужъ и будетъ идти... до конца. Умереть, совсѣмъ уйти изъ жизни — вотъ это такъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, не пришлось бы возиться съ укладкой этого противнаго чемодана".

— Прочь! — съ досадой воскликнула она, схвативъ непослушную юбку и отшвыривая ее въ уголъ. — Почему это ты не хочешь сгибаться? — Я же сгибаюсь... А, впрочемъ, можно и не брать тебя. Для кого мнѣ тамъ наряжаться?

Она сѣла на край кровати и по-дѣтски расплакалась. Никогда еще такъ ясно не предстазлялась ей вся нелѣпость и жестокость ея каприза. Ей казалось, что вся она насквозь лжива, что ей хочется одного только — насолить мужу, просто такъ, изъ врожденной жестокости, изъ ребяческой мстительности... Но черезъ минуту она встала и снова принялась укладывать юбку.

Возвратившійся Антоніо нашелъ ее на колѣняхъ возлѣ чемодана.

— Помоги мнѣ запереть его, — попросила Реджина, и, когда онъ нагнулся посмотрѣть замокъ, немного погнувшійся, прибавила: — А что, если произойдетъ столкновеніе поѣздовъ и я буду убита?

— Будемъ надѣяться, что этого не случится, — спокойно отвѣтила Антоніо, разглядывая замокъ.

— А если, напримѣръ, я буду ранена? Если меня перенесутъ въ какой-нибудь госпиталь и оставятъ тамъ надолго?

Онъ даже не отвѣтилъ.

— Да отвѣчай же. Какъ ты поступилъ бы?

— Но... почему тебѣ приходятъ все такія мысли? — Если у тебя такія мысли, зачѣмъ ты уѣзжаешь? Ну вотъ, засперъ. Гдѣ у тебя ремни? — спрашивалъ онъ, поднимаясь съ пола.

Она смотрѣла на него, такого высокаго, красиваго, стройнаго, съ устами свѣжими, какъ только что сорванный плодъ, съ блестящими глазами, въ которыхъ свѣтился розовый отблескъ заката.

— Завтра мы будемъ далеко другъ отъ друга... — сказала она, кидаясь ему на шею и покрывая его лицо безумными поцѣлуями. — Ты не измѣнишь мнѣ? Скажи: ты будешь мнѣ вѣренъ? Боже! а вдругъ мы больше не увидимся!

— Ты, значитъ, любишь меня?

— Такъ люблю, такъ люблю!..

Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, самъ забывая все въ порывѣ страсти и наслажденія, туманившаго ему разумъ всякій разъ, какъ Реджина выказывала ему свою нѣжность.

Въ ихъ поцѣлуяхъ была страсть и горечь, тайный привкусъ страданія и въ то же время сладость неизъяснимая. Реджина плакала; Антоніо шепталъ безумныя слова и молилъ ее не уѣзжать.

Потомъ оба вдругъ разсмѣялись.

— Можно подумать, что ты собираешься на сѣверный полюсъ, — шутилъ Антоніо. — Да ты и въ самомъ дѣлѣ плачешь?.. Полно, дѣтка! Мѣсяцъ пройдетъ незамѣтно. Я скоро пріѣду къ тебѣ; мы будемъ кататься на лодкѣ, вечеромъ когда рѣка вся розовая отъ заката...

— Если только не произойдетъ катастрофы, — жестоко пошутила она. — Ну, вотъ тебѣ ремни. Стяни покрѣпче...

VII.

Довольно неуклюжая коляска ѣхала по берегамъ По, по направленію Віаданѣ.

Режина, посаженная неособенно удобно, между сестрою и братомъ, выѣхавшими встрѣтить ее на станцію Казальмаджоре, болтала и смѣялась, но по временамъ задумывалась и становилась грустной и разсѣянной.

Тогда Тоскано и Джиджино, какъ всегда, легко поддававшіеся вліянію старшей сестры, также смущенно умолкали.

Вечеръ былъ теплый; большая красная луна, только что всплывшая надъ тускло-синимъ горизонтомъ, изборожденнымъ продлинноватыми, легкими сѣрыми тучками, лила свѣтъ на рѣку и на недвижные лѣса на берегу.

Отъ времени до времени глубокое безмолвіе прорѣзывали голоса, доносившіеся издали, съ противоположнаго берега По; воздухъ, пропитанный съ запахомъ травъ, острымъ и влажнымъ, будилъ тысячи воспоминаній въ душѣ Реджины.

Но что-то „странное“ творилось съ ней: и теперь, когда цѣль была достигнута, когда она вернулась въ тѣ мѣста, по которымъ такъ тосковала, она не могла найти себя, собрать мысли — душа ея ускользала отъ нея. Какъ въ Римѣ одно время ей казалось, что она привезла сюда только тѣло свое, а душу оставила на зеленомъ берегу По, такъ теперь ей казалось, что на зеленый берегъ вернулось только тѣло ея, усталое и измученное. А душа улетѣла, далеко, въ Римъ... Что теперь дѣлаетъ Антоніо? Очень онъ страдаетъ. Чувствуетъ ли онъ, какъ витаетъ около него душа его жены и льнетъ къ нему крѣпче, чѣмъ обнимали его ея руки? Написалъ ли ужъ онъ ей отвѣтъ? Антоніо! Антоніо!.. Сквозь запахъ влажной травы, сквозь всѣ воспоминанія и ощущенія, которыя будилъ въ ней этотъ запахъ, она ощущала нѣжный, особенный запахъ „какъ будто сожженныхъ цвѣтовъ“, выдѣляемый его волосами. И жгучія слезы подступали къ глазамъ. И она среди оживленнаго разговора вдругъ умолкала, и печальныя мысли ея уносились далеко.

Она уже раскаивалась, что написала это письмо, или, по крайней мѣрѣ, что поторопилась написать его.

— Ужъ, во всякомъ случаѣ, написать его можно было бы и дома. Ему было бы не такъ больно, — говорила она себѣ, сама отъ себя пряча свое раскаяніе.

— А какъ поживаетъ маэстро? А Габри и Габрія? — спросила она, проѣзжая мимо Фосса Капрара, въ глубинѣ которой отчетливо виденъ былъ подъ платанами бѣленькій домикъ, облитый розоватымъ свѣтомъ луны. За плотиной, межъ серебристыми ветлами, блестѣла рѣка, словное старое, слегка почернѣвшее серебро.

Тоскана и Джиджи вмѣсто отвѣта расхохотались оба, грубовато и насмѣшливо.

— Что это значитъ? Чему вы смѣетесь?

Юноша сдержалъ свой смѣхъ, но Тоскана засмѣялась еще громче.

— Да говорите же, въ чемъ дѣло. Ужъ не собирается ли маэстро, на старости лѣтъ, снова жениться?

— Онъ бы не прочь, да бабы не хотятъ, чортъ бы ихъ... —

отвѣтилъ кучеръ, Педринъ, поворачиваясь черезъ плечо къ Реджинѣ и безцеремонно прерывая „дѣтей“.

— Они собираются... въ Римъ, оба, Габри и Габрія, — пояснила, наконецъ, Тоскана. Братъ ея снова разсмѣялся.

— Зачѣмъ? Что они будутъ дѣлать въ Римѣ?

— Габри будетъ искать мѣста и помогать въ занятіяхъ Габріэли, которая хочетъ сдѣлаться профессоромъ.

— Ахъ, вотъ что!..

Теперь всѣ четверо смѣялись, и Реджина забыла на мигъ свою тревогу, такъ забавляла ее мысль объ этомъ юношѣ и дѣвушкѣ, которые собираются ѣхать въ Римъ, такъ просто, не имѣя ни денегъ, ни связей, словно это все равно, что поѣхать въ Віадану.

— А маэстро что говоритъ?

— Онъ совсѣмъ сдурѣлъ, — вмѣшался снова Педринъ, поворачивая къ ней свое лицо, большое, красное и безмятежное, какъ ликъ луны. — Онъ говоритъ: пусть хоть пѣшкомъ идутъ, лишь бы попасть туда: они добьются своего.

Джиджи, оживившись и передразнивая Габри, затянулъ немного въ носъ:

— Мы могли бы поѣхать въ Миланъ, но тамъ не принимаютъ женщинъ въ университетъ, какъ въ Римѣ и Флоренціи; мы ѣдемъ въ Римъ, потому что это столица Италіи. Я буду работать въ типографіи, а Габріэлла будетъ учиться.

Тоскана, подражая голосу Габрэллы, отвѣтила:

— А потомъ мой братъ будетъ печатать мои книги.

— Слушайте, ребятки, мнѣ сдается, что вы немножко завидуете имъ, — замѣтила Реджина.

— О! — воскликнули оба, задѣтые за живое.

Джиджи, дѣйствительно, хотѣлось ѣхать въ Римъ учиться Тоскана, у который былъ прелестный голосокъ, съ своей стороны, мечтала жить у сестры и учиться пѣнію.

Реджина задумалась, угадывая мечты сестры и брата и вспоминая свои собственныя разбитыя иллюзіи. Но упорно гнала отъ себя тоску, угрызеніе и мрачныя предчувствія, все больше тяготившія ее.

— А ты, Педринъ, не собираешься въ Римъ? Ты могъ бы свезти туда Габри и Габрію въ своей коляскѣ.

— О! я ѣду въ Парижъ, — спокойно отвѣтилъ ихъ возница, уже не молодой.

— Ты, вѣдь, помнится, еще въ прошломъ году собирался съѣздить туда; говорилъ, что деньги уже скоплены?

— Деньги были и есть, но мнѣ не охота ихъ тратить. А дядюшка все пишетъ: пріѣзжай, да пріѣзжай.

Реджина не слушала больше: сладость несказанная, данная, и, все же, внезапно нахлынувшая, наполнила цѣлительнымъ бальзамомъ ея больное сердце. Вонъ тамъ, въ глубинѣ, межъ темныхъ деревьевъ, обступившихъ дорожку, уже бѣлѣетъ бѣлая вилла; одно окно свѣтится. Слышенъ надтреснутый голосъ лягушекъ, распѣвающихъ хоромъ въ сосѣднемъ оврагѣ. На плотинѣ видны длинныя тѣни, мужская и женская, и чей-то голосъ, высокій, протяжный, разносится звонко, словно голосъ путника, который съ противоположнаго берега зоветъ перевозчика, чтобы тотъ перевезъ его въ лодкѣ черезъ рѣку:

— Реджина!..

— Это Адамъ, сумасшедшій, — пояснилъ Джиджи. — Онъ всегда такъ зоветъ тебя и увѣряетъ, что ты и въ Римѣ слышишь его. И эта тоже, — прибавилъ онъ, ущипнувъ за оолѣнку сестру.

— И ты тоже. Ты тоже!

Призывный голосъ все звучалъ, отраженный водой, доносясь до противоположнаго берега. Реджина вышла изъ экипажа и пошла навстрѣчу двумъ милымъ тѣнямъ. Одна изъ нихъ внезапно отдѣлилась отъ другой и устремилась съ головокружительной быстротой къ Реджинѣ, кинулась на нее, стиснула ее въ своихъ объятьяхъ и сдѣлала попытку опрокинуть ее наземь.

— Адамъ! Да ты съ ума сошелъ! — кричала она, упираясь. — Этого только не доставало. Ты и такъ переломалъ мнѣ всѣ кости.

Тутъ только Адамъ, большіе черные глаза котораго блестѣли при лунѣ, какъ черные алмазы, вспомнилъ, что Реджина въ письмахъ жаловалась на нездоровье и сразу оробѣлъ и присмирѣлъ.

— Какой ты огромный сталъ! — говорила. — Когда я уѣзжала, ты былъ меньше меня ростомъ, а теперь на два пальца выше.

— Сорныя травы быстро растутъ, — засмѣялся Джиджино.

Тогда Адамъ, дѣйствительно, колоссъ для своихъ пятнадцати лѣтъ, бросился на старшаго брата и опрокинулъ его на траву, столкнулъ съ откоса, кстати, и Токсану. Ароматная тишина на берегу сразу наполнилась криками, визгомъ, ве-

селымъ смѣхомъ, безпечными юными голосами. Оставивъ братьевъ и сестру, забывшихъ о ней, увлекшись веселой борьбой, въ которой каждый старался повалить другого на траву, такъ чтобъ онъ кувыркомъ свалился съ откоса, сама побѣжала навстрѣчу матери. Мать и дочь молча обнялись; затѣмъ, синьора Тальямари стала разспрашивать объ Антоніо.

— Я думала, и онъ съ тобой пріѣдетъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ тебѣ живется? Какъ ты съ мужемъ — дружно? Вы, быть можетъ, поссорились?

— О, нѣтъ! Онъ просто занятъ службой и не могъ пріѣхать — я же вамъ писала. У меня начались сердцебіенія — вѣдь, мы живемъ высоко, сто ступенекъ; каждый день раза три-четыре взбѣжишь по нимъ, поневолѣ сердце начнетъ биться. Ну, Антоніо встревожился, повелъ меня къ спеціалисту, къ доктору, который взялъ десять лиръ только за то, что приставилъ черную трубочку къ моей груди. И докторъ сразу объявилъ: „На родину. Пусть нѣсколько мѣсяцевъ подышитъ роднымъ воздухомъ". Но мнѣ теперь ужъ лучше; сердцебіеніе почти прошло. Погощу у васъ мѣсяцъ, самое большее, два. А потомъ Антоніо пріѣдетъ за мною...

Мать и дочь говорили обѣ на мѣстномъ діалектѣ и пристально смотрѣли одна на другую. Луна, теперь бѣлая и высоко стоявшая на прояснѣвшемъ небѣ, свѣтила имъ прямо въ лицо. Синьора Катерина, которой не было еще и сорока пяти, казалась старшею сестрой Реджины, такъ онѣ были похожи. Только мать была румянѣй и свѣжѣе дочери, съ огромными невинными глазами, болѣе ясными, чѣмъ у Реджины; однакоже Реджинѣ мать показалась сильно постарѣвшей и одѣтой почти смѣшно, въ черное платье прошлогодняго фасона, съ пышными рукавами, собранными въ сборки на плечахъ; въ прошломъ году это платье казалось ей очень изящнымъ.

— Такъ онъ, значитъ, пріѣдетъ за тобой? — повторила мать. — Ну, тогда я спокойна.

Но у дочери сжалось сердце. Вправду ли Антоніо пріѣдетъ за ней? А вдругъ онъ жестоко обидится и не пріѣдетъ?.. Но нѣтъ, этого даже въ мысляхъ нельзя допустить...

Прежде чѣмъ пройти короткою, окаймленной живою изгородью дорогой, ведущей отъ плотины къ дому, Реджина остановилась полюбоваться дивной картиной рѣки при лунномъ свѣтѣ. Словно завѣса раздвинулась, и все стало яснымъ и чистымъ; воздухъ былъ теперь свѣжъ и прозраченъ, какъ

хрусталь. И въ прозрачномъ воздухѣ легко различались оттѣнки зелени — болѣе темной — травы, сѣроватой — на ветлахъ; вода въ канавахъ отражала луну и свѣтлые стволы тополей, металлическіе листья которыхъ сталась вышитымъ узоромъ на бархатномъ фонѣ неба. Вилла, бѣлая, среди еще яркой зелени луга, вся обвитая дикимъ виноградомъ, перебрасывавшимъ свои фестоны съ одного дерева на другое, словно въ какой-то безмолвной пляскѣ ночи, казалась совсѣмъ крохотной Реджинѣ, пріѣхавшей изъ города, гдѣ дома всѣ огромные. Но пейзажъ, полный простора и весь округлый, какъ море въ часъ прилива, если смотрѣть на него съ идущаго судна, и могучая рѣка, усѣянная фантастическими островками, замкнутая линіей величавыхъ лѣсовъ, и горизонтъ, въ глубинѣ котораго при лунномъ свѣтѣ смутно выступали очертанія высокой бѣлой башни, ширили ей душу своей чистотой и безбрежностью.

Летучіе свѣтлячки стайками носились въ воздухѣ, словно падающія звѣздочки; слышенъ былъ шумъ мельничныхъ крыльевъ: такъ отрадно было дышать свѣжестью и нѣжной прохладой текучей воды. Вокругъ были миръ, прозрачность, чистота. И, однакоже, и въ этомъ величавомъ и спокойномъ пейзажѣ, какъ въ лицѣ матери, какъ въ братьяхъ, которыхъ она такъ любила, Реджина находила какую-то перемѣну. И пейзажъ былъ не тотъ, что прежде, и милые сердцу люди — не тѣ.

Она поднялась по лѣстницѣ, подъ кваканье лягушекъ, которыя удвоили рвеніе, точно привѣтствуя новоприбывшую, и ей припомнился день, — сырое и туманное утро ея отъѣзда съ Антоніо. Въ тотъ день вокругъ все было окутано туманомъ, но яркій свѣтъ озарялъ ея душу, теперь все сверкало: небо, рѣка, свѣтлячки, листья, трава, вода канавъ, но внутри нея былъ туманъ.

И внутри вилла показалась ей измѣнившейся. Слишкомъ голы были стѣны, слишкомъ скудно меблированы комнаты. А картина Баратта надъ каминомъ въ столовой — о Боже! какая она маленькая и вся выцвѣтшая!

И здѣсь все не то.

Она зашла въ кухню: черный котенокъ, сидя передъ очагомъ, смотрѣлъ на поленту, жарившуюся на угольяхъ; кухарка рѣзала лапшу; ничто не измѣнилось — а, между тѣмъ, все казалось новымъ Реджинѣ.

Послѣ ужина, веселаго и шумнаго, она, несмотря на уста-

лость, отъ которой ныло все ея тѣло, вышла погулять и прошла почти всю плотину. Младшій братъ, Адамъ, и сестренка сопровождали ее, но она чувствовала себя одинокой, и ей было грустно. Онъ былъ далеко, а нужно было его присутствіе, чтобы наполнить волшебное одиночество этой ночи, лучистой и ясной. Что онъ дѣлаетъ теперь? Въ концѣ іюня ночи и въ Римѣ теплы и душисты. Реджинѣ вспоминались ея послѣднія вечернія прогулки съ мужемъ по широкимъ, пустыннымъ аллеямъ виллы Людовизи и дель Макао; луна, выглядывавшая, словно крадучись, изъ-за верхушекъ деревьевъ, и шутки Антоніо, пытавшагося разсмѣшить жену, говоря: „Смотри, какъ высоко подвѣшена эта электрическая лампа". Ароматъ садовъ сливался съ доносившимся откуда-то запахомъ скошеннаго сѣна, гдѣ-то тренькала мандолина, умиляя тоскующее сердце Реджины. Да, ночи даже и въ Римѣ прекрасны, когда жары еще не пришли, а публика въ большинствѣ ужъ разъѣхалась. Вотъ и она уѣхала и — кто знаетъ, вернется ли въ Римъ; кто знаетъ, захочетъ ли Антоніо, чтобы она вернулась?..

Охваченная ребяческимъ страхомъ, она неожиданно остановилась, вся содрогаясь. На скатѣ плотины, валялся въ росистой травѣ старый каменный жерновъ, который она столько разъ отчетливо видѣла во время приступовъ носталгіи. Теперь, увидавъ его въ дѣйствительности, она замѣтила то, чего не замѣчала прежде: какъ разъ отсюда начиналась тропиночка, черезъ рощицу молоденькихъ ивъ и душистыхъ желтыхъ акацій, ведшая къ рѣкѣ. На этой самой тропиночкѣ, усыпанной мягкимъ желтымъ пескомъ, однажды вечеромъ минувшей осенью, въ розоватомъ полумракѣ кустовъ, окаймлявшихъ ее, она и Антоніо, покорившій ее своимъ исполненіемъ аріи изъ „Искателей жемчуга", обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ. И сейчасъ въ душѣ ея звенѣлъ его голосъ:

— Mi par d'udire ancora...

„Можетъ быть, потому мнѣ запомнился этотъ старый жерновъ", — подумала она, спускаясь по мягкой тропинкѣ, полной воспоминаній о немъ.

Она остановилась на минутку между густо разросшихся ивъ; потомъ подошла къ самой водѣ, синевато-бѣлой, искрящейся въ лунномъ свѣтѣ. Но и берегъ, возлѣ котораго за это время успѣлъ образоваться новый песчаный островокъ, мягкій и исчерченный тонкими рубчиками, какъ шоколадная конфетка, — даже и берегъ показался ей измѣнившимся.

Адамъ и Тоскано стали у самой воды, и дѣвочка пѣла; голосъ ея звенѣлъ въ лунномъ свѣтѣ, разсыпаясь соловьиною трелью. Неизвѣстно почему, Реджинѣ припомнился первый вечеръ у княгини и голосъ старой синьоры, пѣвшей: — „Тебѣ, дорогая...“

Какъ все это далеко. Такъ далеко, что, можетъ быть, никогда больше она и не увидитъ всего этого.

Но теперь это не смущало ея: въ эту лунную ночь, передъ чистой, прекрасной рѣкой и красотой родного пейзажа, ей мнилось — она пробудилась отъ тяжелаго сна, навѣяннаго опьяненіемъ; ее мучило только сомнѣніе, страхъ никогда больше не увидѣть тѣхъ, кто ей снился, потому что Антоніо, навѣрное, уже не пріѣдетъ за ней и не увезетъ ея обратно въ этотъ далекій міръ.

Никогда больше. Пройдутъ дни, мѣсяцы, годы. А онъ не пріѣдетъ. Ни черезъ три года, — срокъ, назначенный ею, ни черезъ десять лѣтъ, ни черезъ двадцать.

Какъ могла она не подумать объ этомъ, когда украдкой замышляла свое бѣгство, какъ птица, которая жаждетъ вырваться изъ клѣтки, не думая объ опасностяхъ, которымъ она подвергаетъ себя?

Почемъ же она знала? Развѣ мы знаемъ, что мы будемъ думать и чувствовать завтра?

„Вся наша жизнь печальный сонъ, — думала Реджина, глядя, какъ очарованная, на сверкающую, бѣгущую воду. — Я спала и грезила, и теперь сплю и грежу; и этотъ мой все растущій испугъ, страхъ, что Антоніо забудетъ и возненавидитъ меня, быть можетъ, дурной сонъ, кошмаръ. Развѣ я знаю, что будетъ? Но... что, если мои страхи сбудутся? Что же я тогда буду дѣлать? И здѣсь, вѣдь, мнѣ мѣста ужъ нѣтъ. Все здѣсь измѣнилось; все смотритъ на меня съ недовѣріемъ. Мой прежній міръ, которому я измѣнила, теперь отталкиваетъ меня. А я... я этого не предвидѣла“.

— Идемъ назадъ! — громко сказала она, встряхнувшись и подзывая сестренку и брата.

Назадъ она шла, понуривъ голову, думая о томъ, что она, несомнѣнно, ошибается. Нѣтъ, ея прежній міръ не могъ ей измѣнить — онъ слишкомъ старъ, чтобы быть способнымъ на такое вѣроломство.

— Разумѣется, здѣсь жизнь другая, но ничего, я привыкну. Завтра, при дневномъ свѣтѣ, когда я высплюсь и отдохну, все опять покажется мнѣ прежнимъ и милымъ.

Однакоже, она не смѣла поднять глазъ, чтобъ не увидѣть иву, подъ которой они въ первый разъ поцѣловались.

Тоскана, напѣвая, шла за нею; Адамъ, фигура котораго чернымъ пятномъ выдѣлялась на свѣтломъ искрящемся фонѣ ѣки, неожиданно закричалъ:

— Антоніо! Антоніо-о-о!..

Звонкій голосъ его разносился далеко; эхо повторяло его зовъ. И Реджина ускорила шаги, чтобы сестра не замѣтила, что по лицу ея катятся слезы.

Но на другой день солнце разсѣяло и дѣтскій страхъ Реджины, и укоры совѣсти, и опасенія.

„Сегодня или завтра я получу письмо отъ него. Бѣдный Антоніо!“ думала она, просыпаясь въ своей прежней дѣвичьей комнаткѣ, выходившей окномъ на плотину.

Ласточка, избравшая себѣ мѣстомъ ночевки желѣзный прутъ маркизы у окна, хотѣла было влетѣть въ комнату и стукнулась носикомъ въ стекло — окно было заперто на ночь.

Вся душа Реджины всколыхнулась радостью при видѣ этой ласточки; она вскочила съ постели, распахнула окно; видъ знакомаго пейзажа еще усилилъ ея радость. Охваченная неудержимымъ порывомъ, она наскоро одѣлась и убѣжала изъ дому въ поле, окунуться въ пьянящую нанну изъ зелени, солнца и росы. Она бродила по росистымъ, заросшимъ травою дорожкамъ, надъ которыми гигантскіе тополи возвысили колонны своихъ бѣлыхъ стволовъ, смѣшивая трепетную зелень вершинъ; проходила мимо канавъ, въ которыхъ плавали тихія утки. Улитки ползали по травѣ, оставляя за собой серебристый слѣдъ, сѣрый дятелъ на тополѣ своимъ мѣрнымъ тукъ-тукъ словно отмѣчалъ спокойное теченіе времени въ безконечности пространства и одиночества.

Какъ вечеромъ при лунѣ, такъ теперь на солнцѣ каждая травка, каждый листикъ, каждый камешекъ блестѣли и сверкали; величаво спокойно текла рѣка, прорѣзанная золотыми полосами свѣта, мѣстами клубящаяся жемчужною пѣной, надъ водоворотами; островки съ рѣдкой растительностью, съ кружевомъ трепетныхъ узорчатыхъ листьевъ, словно плавали между искрящейся, блестящей водой и такимъ же лучезарнымъ небомъ.

Весна царила еще во всемъ своемъ великолѣпіи надъ безбрежной равниной, весна, могучая и царственная, какъ

красавица-великанша, ласкаемая дыханіемъ своего возлюбленнаго, водяного царя, изукрашенная несчетными руками своихъ покорныхъ рабовъ — земледѣльцевъ.

Но, утомившись, Реджина присѣла на траву, еще влажную отъ росы, и мысли ея умчались далеко.

А къ полудню она вновь стала печальной и тревожной.

Начались визиты; приходили любопытные, болтливые, корыстные люди, воображавшіе, будто Реджина вліятельна и можетъ сдѣлать все, что захочетъ, оказать имъ любую услугу, потому только, что она живетъ въ Римѣ.

Вначалѣ она улыбалась, потомъ это ей надоѣло, и всѣ эти старые знакомые, приходившіе повидаться съ ней, или чего-нибудь попросить у нея, казались ей иными, чѣмъ прежде, старыми, простоватыми, почти смѣшными.

Пришелъ и маэстро, бывшій учитель Реджины, съ дочкой, Габріэллой, маленькой блондинкой, съ блѣднымъ пухлымъ личикомъ, съ изсиня-сѣрыми, точно стальными глазами, блестящими и пытливыми.

— Такъ-съ, — говорилъ маэстро, застегивая пиджакъ на узкой, впалой груди. — Вотъ и наша Реджина опять съ нами. Молодецъ дѣвочка; я получилъ открытку съ видомъ Колизея, спасибо. Вотъ это памятникъ, такъ памятникъ. Молодецъ, Реджиночка: осмотрѣла всѣ памятники, и языческіе, и христіанскіе, видѣла и произведенія Микель Анджело Буонаротти. Ахъ, Римъ! Я непремѣнно хочу, чтобы дѣти мои увидѣли Вѣчный Городъ.

— Папа! — сказала Габрія, пытливо вглядываясь въ лицо Реджины, — не смѣется ли она надъ старымъ учителемъ.

Но Реджина смотрѣла холодно и равнодушно, и этотъ холодъ нѣсколько смущалъ будущую профессоршу.

Потомъ пришла еще гостья — благородная синьорина ди Саббіонета, съ блѣднымъ лицомъ и черными волосами, зачесанными а ля Боттичелли; съ хорошенькой, гибкой фигуркой, изящно одѣтая, въ бѣлыхъ перчаткахъ и свѣтлыхъ туфелькахъ на высочайшихъ каблукахъ. Габрія, Тоскана и эта барышня были приблизительно однихъ лѣтъ — восемнадцати — и всѣ три были въ дружбѣ, но Реджина сразу замѣтила, что всѣ три завидуютъ другъ другу и почти ненавидятъ другъ друга. Благородная синьорина важничала и утонченно злословила.

— Боже мой, какіе каблуки! — сказала Габрія, отъ которой ничто не ускользало. — Теперь уже такихъ не носятъ.

— Въ кругу высшей аристократіи всегда носятъ такіе, — съ достоинствомъ возразила та.

Потомъ зашла рѣчь о маленькомъ скандалѣ, разыгравшемся на улицѣ между двумя синьорами, поругавшимися между собой до того, что споръ едва не кончился дракой.

— Жены мелкихъ чиновниковъ. Чего же можно требовать отъ нихъ? — Презрительно замѣтила благородная синьорина. — Дамы изъ высшаго аристократическаго круга, разумѣется, не позволили бы себѣ ничего подобнаго.

— Но, — возразила Реджина, — гдѣ же это ты свела знакомство съ дамами изъ высшаго аристократическаго круга?

— О, ихъ можно видѣть повсюду.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? — Если бы ты, дѣйствительно, очутилась въ обществѣ дамы изъ высшаго аристократическаго круга, и она удостоила бы взглянуть на тебя, ты бы оледенѣла отъ страха и униженія.

Дѣвушки покатились со смѣху; маэстро освѣдомился:

— Скажите, Реджина, вы знакомы съ герцогиней Колонна ди Санъ Пьетро.

— А кто ее знаетъ. Въ Римѣ столько герцогинь.

— Къ этой знатной дамѣ у насъ есть рекомендательное письмо отъ одной синьоры изъ Пармы.

— Папа! — вскричала Габрія, вся красная отъ гнѣва и уязвленной гордости. — Я не нуждаюсь ни въ какихъ рекомендаціяхъ. На что мнѣ твои знатныя дамы.

— Дитя мое, — возразила Реджина съ насмѣшливымъ состраданіемъ, — онѣ владычествуютъ въ мірѣ, и...

Кто-то постучался въ дверь. Реджина оборвала на полсловѣ и слегка поблѣднѣла, подумавъ, что это почтальонъ, развозившій на велосипедѣ телеграммы по всѣмъ дачамъ между Віаданой и Казальмаджоре. Но то былъ не онъ.

Вечерѣло; небо становилось багровымъ. Подруги ушли, всѣ три, а Реджина осталась сидѣть у окна, въ ожиданіи почтальона.

Въ глубинѣ гостиной маэстро и синьора Тальямари мирно бесѣдовали между собой, однакожъ отъ времени до времени поглядывая на Реджину, грусть и тревога которой не ускользнули отъ нихъ — да она, впрочемъ, и не пыталась ихъ скрыть. Маэстро нарочно говорилъ громко, чтобъ она слышала, о планахъ и мечтахъ своихъ дѣтей.

— Словомъ, пусть ѣдутъ, пусть работаютъ и завоевываютъ міръ, разъ ужъ они рѣшили завоевать его. Что имъ тутъ дѣлать. Дальше учителя и учительницы здѣсь они не пойдутъ. Благодарю покорно. Этого хлѣба мы ужъ накушались вдоволь.

— А вамъ не жалко разставаться съ ними?

— Что ужъ объ этомъ спрашивать, синьора Катерина. Родителямъ отпускать отъ себя дѣтей — это все равно, что сердце вырвать изъ груди. Но, вѣдь, мы ихъ родили для того, чтобъ они жили, а не для того, чтобъ они прозябали около насъ. Летите, летите, дѣтки, — прибавилъ онъ, раскидывая руки, съ невыразимою нѣжностью: — гнѣздо опустѣетъ, старикъ-отецъ въ печали окончитъ дни свои, — какъ, впрочемъ, онъ и началъ ихъ, — но въ сердцѣ своемъ синьора Катерина, въ сердцѣ своемъ онъ съ безмѣрной радостью будетъ говорить себѣ: я исполнилъ свой долгъ, научилъ своихъ дѣтокъ летать, какъ и меня когда-то научили мои родители. Ахъ...

Реджина все смотрѣла въ окно; слушала болтовню учителя, звонкіе голоса и смѣхъ трехъ дѣвушекъ, прогуливавшихся по плотинѣ, смотрѣла, какъ небо блѣднѣло, становилось почти прозрачнымъ, розовымъ, потомъ зеленоватымъ, какъ скользили по немъ, словно рѣзвая стая птичекъ, легкія лиловатыя облачка. И въ душѣ ея наростало — она сама не знала, почему, — смутное, глухое раздраженіе. Быть можетъ, потому что дѣвушки слишкомъ громко кричали и смѣялись, быть можетъ, потому, что маэстро говорилъ глупости, быть можетъ, потому, что почтальонъ все не показывался на плотинѣ.

Маэстро вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ читать оттуда отдѣльныя фразы и выписки, поминутно оговариваясь, что онъ это дѣлаетъ безъ вѣдома дочери, изъ стола которой онъ украдкой взялъ эту тетрадку.

— Нѣтъ, вы послушайте вотъ это — смотрите, какъ она наблюдательна. Это героиня будущаго разсказа. Моя Габрія все копитъ въ своей памяти; увидитъ интересный типъ и наблюдаетъ за нимъ, и ужъ все высмотритъ и примѣтитъ. Какъ хорошія хозяйки, которыя ничего не бросаютъ, потому что все можетъ когда-нибудь пригодиться... Слушайте: „Синьорина восемнадцати лѣтъ, блѣдная, анемичная, изъ знатной, разорившейся семьи. Лицемѣрка, тщеславная, завистливая, честолюбивая; умѣетъ однакоже скрывать свои недостатки подъ личиной холодной кротости, которая кажется въ ней естественной. Говоритъ все время о высшей аристократіи. Кто то сказалъ ей, что она похожа на мадонну Боттичелли;

съ тѣхъ поръ она напускаетъ на себя сантиментальность и придаетъ лицу своему выраженіе экстаза". Ну, развѣ это не чудесно, синьора Катерина.

— О, это въ самомъ дѣлѣ, превосходно, — проговорила синьора Катерина, съ милой снисходительностью. — Реджина, ты слышишь? Поди сюда, послушай, какъ Габрія готовитъ матеріалъ для будущихъ своихъ романовъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, чудесно.

Реджина думала о романѣ, который она сама собиралась написать и о которомъ въ этотъ день совсѣмъ забыла. Раздраженіе ея все возростало: въ характеристикѣ Габріи она узнавала синьорину ди Саббіонета, и ее злили претензіи и честолюбивыя мечты маленькой дочери учителя, а иллюзіи „простодушнаго родителя" внушали ей состраданіе... И она повернулась, чтобы сказать маэстро, чтобъ удержалъ Габрію дома и научилъ ее жить дѣйствительностью, не мечтами, и не посылалъ ее въ жестокій міръ, гдѣ бѣднякъ идетъ ко дну, какъ соломинка, попавшая въ водоворотъ, — но выцвѣтшіе глаза старика учителя свѣтились такой беззавѣтной нѣжностью, столько въ нихъ было надеждъ и сожалѣній, что ей стало жалко бѣднягу, и она не рѣшилась отнять у него его единственное богатство: — иллюзію.

— Такъ скверно не имѣть больше иллюзій, — мысленно говорила она себѣ, соображая, что сегодня отъ Антоніо, очевидно, уже не будетъ телеграммы.

Съ наступленіемъ вечера ее снова стали одолѣвать ребяческіе страхи и гадкія мысли. Вечернія тѣни вѣяли холодомъ, окутывали ее атмосферой печали, тайны и жути. Ей казалось, что она несется въ воздухѣ подъ темнѣющимъ сумеречнымъ небомъ, въ какую-то несуществующую страну, какъ эти маленькія облачки, похожія на фіолетовыхъ птичекъ, обреченныя вѣчно блуждать безъ всякой надежды на отдыхъ. Прежній міръ, въ который она вернулась, казался ей маленькимъ, печальнымъ и докучливымъ. И въ немъ она уже не чувствовала себя хорошо и легко. Но, въ концѣ концовъ, вынуждена была признаться себѣ въ одномъ: — измѣнился не старый міръ — перемѣна произошла въ ней самой.

Съ итал. пер. **З. Журавская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЪ СТЕПИ.

Недвижно на рѣчкѣ понурое стадо,
Въ тѣни отъ акаціи ноетъ комаръ,
Мать тихо качаетъ сонливое чадо,
И дремлетъ на лавочкѣ старый корчмарь.

Въ дорожной пыли и почтарь, и возница;
Свернули къ оврагу, и сталъ тарантасъ.
Болтомъ на шестѣ заскрипѣла криница,
И лентой хрустальной вода полилась.

Томимые зноемъ, и жаждой, и зудомъ,
Пьютъ кони устало. Звенятъ удила.
Назойливо вьются шмели у сѣдла.
И крупныя мухи блестятъ изумрудомъ.

Николай Лепетичъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СТАРАГО ПОРЯДКА.

ЗЕМСКІЙ АДРЕСЪ.

Послѣ извѣстнаго конституціоннаго заявленія перваго земскаго съѣзда 6-го ноября 1904 года, организація земцевъ — конституціоналистовъ рѣшила воспользоваться ближайшей сессіей губернскихъ земскихъ собраній съ цѣлью добиться отъ нихъ тоже соотвѣтствующихъ заявленій. Какъ извѣстно, большинство земскихъ собраній высказало тогда свои конституціонныя пожеланія въ формѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, составлявшихся по случаю рожденія Наслѣдника.

Въ Таврическомъ земскомъ собраніи конституціоналисты были наперечетъ; подавляющее же большинство гласныхъ представляло собою въ политическомъ отношеніи совершенно аморфную массу, рѣдко отваживавшуюся даже на борьбу съ произволомъ мѣстной администраціи: И тѣмъ не менѣе наша небольшая группа рѣшила сдѣлать попытку провести на очередномъ собраніи сессіи 1904 года конституціонный адресъ.

Не безъ треній прошелъ проектъ адреса даже въ конституціонной группѣ. Болѣе старые гласные, хорошо знакомые съ настроеніемъ собранія, высказывали серьезныя опасенія за судьбу адреса, считая, что онъ обреченъ на провалъ, а при такихъ условіяхъ лучше совсѣмъ не вносить его. Болѣе молодые доказывали, что старики судятъ о собраніи неправильно, что времена перемѣнились и что принятіе аналогичныхъ адресовъ въ другихъ собраніяхъ придастъ и нашему собранію достаточно смѣлости. Въ концѣ концовъ, наши старшіе товарищи, творцы отклоненнаго въ 1881 году на земскомъ собраніи проекта аналогичнаго адреса отложили въ сторону свой, основанный на пережитыхъ урокахъ исторіи, скептицизмъ.

Однако, въ виду сомнительности успѣха, приходилось

дѣйствовать осторожно, проведя адресъ сначала черезъ частное совѣщаніе всѣхъ гласныхъ.

Мы рѣшили, что читать адресъ на засѣданіи долженъ не составитель его, политическая репутація котораго придала бы адресу сразу опредѣленный оттѣнокъ, а другой гласный, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ собраніи и считавшійся, хотя и либераломъ, но съ оттѣнкомъ умѣренности. Вообще гласные, наиболѣе неблагонадежные въ глазахъ собранія обязались по возможности меньше говорить въ защиту адреса, дабы своей защитой не сдѣлать его непріемлемымъ.

Въ первый день собранія, въ 8 часовъ вечера, въ кабинетѣ пердсѣдателя управы стали собираться гласные. Всѣ были нѣсколько взволнованы, но у большинства, повидимому, настроеніе было смутное: съ одной стороны, неловко отстать отъ другихъ земствъ, выступившихъ уже съ политическими заявленіями, а съ другой — все-таки — „какъ бы чего не вышло". Больше другихъ волновались заговорщики — прогрессивные гласные. Они поминутно отзывали другъ друга въ сторону и дѣлились впечатлѣніями о политическомъ настроеніи большинства.

Наконецъ, всѣ въ сборѣ. Предсѣдатель звонитъ и предлагаетъ гласному К. огласить проектъ адреса. Водворяется торжественное молчаніе. Гласный К. встаетъ и съ волненіемъ въ голосѣ начинаетъ читать...

Чтеніе кончилось, и воцарилось молчаніе. Видно было, что стиль и тонъ адреса какъ-то сразу убаюкалъ подозрительность болѣе боязливыхъ гласныхъ, а отсутствіе жупельныхъ словъ, какъ „парламентъ" или „конституція", которыя они ожидали услышать, совершенно ихъ обезоружило.

Какъ людямъ, не знакомымъ съ алгеброй, кажется страшной сложная алгебраическая формула съ логариѳмами, корнями и степенями, пока подставленныя въ нее, при рѣшеніи, цифры не придадутъ ей ариѳметической добродушной простоты, такъ и конституціонная формула, въ которой иностранные термины государственнаго права изложены описательно русскимъ языкомъ, утратила въ глазахъ нашихъ гласныхъ пугающій характеръ. Нѣкоторые изъ нихъ шли на совѣщаніе съ намѣреніемъ искоренять изъ адреса всякое посягательство на требованіе конституціи — и вдругъ какъ-будто это и есть въ адресѣ, а придраться не къ чему. Начнешь придираться — и только обнаружишь свое невѣжество.

Никто не рѣшался высказаться. Мы, заговорщики, твердо выдерживали нашъ обѣтъ молчанія, но, наконецъ, одинъ изъ нашихъ, чтобы начать разговоръ, пустился на военную хитрость, заявивъ, что въ общемъ сочувствуетъ такому адресу, но считаетъ его слишкомъ умѣреннымъ.

Хитрость подѣйствовала. Послышались неопредѣленныя фразы одобренія адресу: „Нѣтъ, что вы, очень хорошо составлено", „прекрасная форма" и т. д. Съ похвалой отозвался объ адресѣ даже одинъ изъ крайнихъ правыхъ собранія, предводитель ***, но попросилъ для большей вразумительности снова прочесть его.

Снова читается адресъ, и снова воцаряется молчаніе, прерываемое неопредѣленными фразами одобренія.

— Ну что же, — говоритъ одинъ изъ прогрессистовъ, — адресъ возраженій не встрѣчаетъ и всѣ, повидимому, относятся къ нему сочувственно; остается его только принять и завтра огласить въ собраніи.

Гласные, однако, на это не рѣшаются и какъ-то неопредѣленно мнутся.

Наконецъ гласный ***, богатый землевладѣлецъ изъ крестьянъ, впослѣдствіи бывшій депутатомъ-октябристомъ въ 3-й Думѣ, рѣшается громогласно высказать свои сомнѣнія: „Все тутъ хорошо сказано, господа, а все таки какъ-то конституціей пахнетъ".

— Вѣдь тутъ о конституціи не упоминается, — утѣшаетъ его одинъ изъ прогрессистовъ, а вы по существу отнеситесь къ тому, что тутъ сказано. Надо или не надо, чтобы законы одобрялись нашими представителями? Надо или не надо, чтобы они слѣдили за законностью дѣйствій администраціи и не позволяли бы зря расходовать народныя деньги?

— Оно, конечно, это бы хорошо, а все-таки...

Нерѣшительностью гласныхъ, которые не столько настроены противъ конституціи, сколько опасаются „какъ бы чего не вышло", пользуется предводитель ***, и по его предложенію „въ виду особой важности предполагаемаго шага" частное совѣщаніе постановляетъ отложить рѣшеніе до слѣдующаго утра, дабы гласные имѣли время вполнѣ вникнуть въ содержаніе адреса и совершенно сознательно къ нему отнестись.

Какъ намъ передавали, иниціаторы отсрочки рѣшили будтобы, прежде чѣмъ подать свой голосъ за адресъ, посовѣтоваться съ губернаторомъ и дѣйствовать лишь съ его благословенія.

На слѣдующій день, задолго до начала собранія земскій залъ сталъ наполняться публикой, а гласные сошлись на послѣднее частное совѣщаніе въ кабинетѣ предсѣдателя управы.

Прогрессисты страшно волновались за судьбу адреса, такъ какъ за ночь настроеніе большинства гласныхъ могло сильно измѣниться. Ходили слухи о закулисныхъ переговорахъ съ губернаторомъ, о другомъ составляемомъ проектѣ адреса и т. под.

Открывая частное совѣщаніе, губернскій предводитель дворянства категорически заявилъ намъ, что допуститъ на собраніи оглашеніе адреса только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ принятъ безъ преній и единогласно. Этотъ ультиматумъ, противъ котораго мы тщетно возражали, совершенно насъ обезоружилъ.

На единогласіе мы никакъ разсчитывать не могли...

И дѣйствительно, трое гласныхъ — предводитель ***, будущій октябристъ *** и еще одинъ врачъ — воспользовались ультиматумомъ предсѣдателя, чтобы вынудить насъ на уступки. Они заявили, что будутъ голосовать противъ адреса, если въ концѣ его, гдѣ изложена конституціонная формула, не будетъ вставлена фраза о томъ, что народные представители должны наблюдать за „неуклоннымъ исполненіемъ распоряженій Верховной власти".

Фраза эта, конечно, нарушала стройность формулы и была совершенно безсмысленна, ибо контроль надъ администраціей самъ по себѣ предполагаетъ неуклонное наблюденіе надъ исполненіемъ законныхъ распоряженій Монарха, незаконныхъ же распоряженій отъ него исходить не должно.

Я пытался было возражать противъ внесенной поправки, но мои товарищи полагали, что дальнѣйшія пренія могутъ вызвать еще большія разногласія, и почти насильно заставили меня молчать. Поправка была принята, и единогласіе адресу обезпечено. Когда гласные заняли свои мѣста за зеленымъ столомъ, предсѣдатель, страшно волнуясь, предложилъ всѣмъ, стоя, выслушать всеподданнѣйшій адресъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Стало совершенно тихо.

Торжественнымъ и звучнымъ голосомъ гласный К. прочелъ текстъ, каждое слово котораго мы уже давно знали наизусть. Но тутъ, въ офиціальной обстановкѣ, передъ многочисленной публикой, эти слова пріобрѣтали особую значительность и проникновенность. Послѣ столькихъ лѣтъ мол-

чанія земская Россія заговорила откровеннымъ языкомъ... Мы знали, что мы не одни, что во всѣхъ концахъ Россіи раздаются такіе же голоса, предъявляются такія же требованія. И сознаніе, что мы, скромные гласные Таврическаго собранія, участвуемъ въ этотъ моментъ въ крупнѣйшемъ историческомъ событіи, приподымало настроеніе.

Адресъ былъ принятъ единогласно. Публика привѣтствовала насъ бурными, долго не прекращавшимися аплодисментами.

Гласные, даже самые апатичные, не могли скрыть своего радостнаго волненія отъ сознанія исполненнаго гражданскаго долга. Видно было, что всѣ они чувствовали себя въ этотъ моментъ героями. Выраженіе напряженности на ихъ лицахъ исчезло и смѣнилось блаженными улыбками. По щекамъ одного старика текли крупныя слезы облегченія...

Но три гласныхъ, вынудившихъ насъ на внесеніе своей поправки ради единогласія, отсутствовали... На слѣдующій день они подали заявленіе, осуждавшее постановленіе собранія о подачѣ адреса.

ПЕРВЫЙ МИТИНГЪ.

Десять лѣтъ тому назадъ Симферополь принадлежалъ къ числу городовъ Россіи, которые, на трафаретномъ языкѣ провинціальныхъ корреспондентовъ, именуются „богоспасаемыми градами“.

Въ послѣднее время въ нашихъ губернскихъ городахъ стала какъ будто просыпаться муниципальная жизнь, но въ дореволюціонную эпоху очагами общественнаго оживленія въ нихъ были почти исключительно губернскія земства. Въ губерніяхъ, въ которыхъ земская жизнь шла подъ знакомъ централизаціи, губернскія управы заполнялись кадрами земскихъ служащихъ, и этотъ „третій элементъ“ вносилъ особое оживленіе въ общественную жизнь губернскихъ городовъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ земская работа, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ уѣздахъ, общественная жизнь губернскихъ городовъ (если не считать университетскихъ центровъ), протекала тускло въ сферѣ мелкихъ повседневныхъ интересовъ, и закинутые туда одинокіе „чужестранцы“ изъ интеллигенціи ограничивались брюжжаніемъ на затхлую атмосферу своихъ „богоспасаемыхъ градовъ“.

Въ Таврической губерніи нѣкоторыя уѣздныя земства по интенсивности своей культурной работы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, но губернское земство въ эпоху, о которой я пишу, отличалось исключительной безжизненностью. Достаточно сказать, что въ то время при губернской управѣ не существовало еще ни агрономическаго, ни санитарнаго отдѣла, ни отдѣла по народному образованію, а страховое дѣло, относящееся исключительно къ вѣдѣнію губернскихъ земствъ, находилось въ самомъ зачаточномъ состояніи.

Благодаря этому въ Симферополѣ не было того естественнаго центра общественной жизни, который въ другихъ губернскихъ городахъ, въ эпоху общественнаго оживленія, захватившаго Россію въ 1904 году, представляли собой губернскія управы со сплоченными группами либеральныхъ земцевъ и земскихъ служащихъ, образовавшихъ кружки союза освобожденія. Когда начался періодъ политическихъ банкетовъ по случаю исполнившагося сорокалѣтія судебныхъ уставовъ, мы въ Симферополѣ чувствовали себя еще недостаточно для этого готовыми и сорганизованными. На такое опасное дѣло, какъ политическій банкетъ, симферопольцевъ трудно было раскачать. Иниціатива организаціи публичнаго политическаго собранія возникла все-таки въ небольшомъ кружкѣ земцевъ и земскихъ служащихъ.

Очень подробному обсужденію подвергся вопросъ о томъ, какой характеръ должно носить такое собраніе: слѣдуетъ ли привлечь въ него болѣе умѣренные элементы и дать имъ возможность высказаться, или, не считаясь съ ними, сорганизовать для политическихъ выступленій, при первомъ удобномъ случаѣ, болѣе радикальную часть мѣстной интеллигенціи. Второй путь былъ проще и скорѣе, но сторонники перваго пути находили, что резолюція, вынесенная людьми умѣренными, занимающими видное общественное положеніе, должна произвести гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ постановленіе, составленное, хотя бы и въ публичномъ собраніи, кружкомъ лицъ, политическая репутація которыхъ и безъ того всѣмъ и каждому извѣстна. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ и сейчасъ же былъ составленъ списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ привлечь къ организаціи „банкета“, какъ тогда стали называть всякое собраніе съ политическими рѣчами.

Первое организаціонное собраніе происходило на квартирѣ виднаго гласнаго симферопольской городской думы, нынѣ

покойнаго, д-ра Минята. Собралось человѣкъ пятнадцать мѣстныхъ „нотаблей“, какъ мы ихъ называли, — преимущественно земцы, земскіе служащіе, гласные думы, представители суда, адвокаты. Всѣ сочувственно отнеслись къ устройству „банкета“, но когда стали обсуждать вопросъ практически, то встрѣтились съ разными трудностями. Собраться по случаю сорокалѣтія судебныхъ уставовъ уже опоздали, собраться безъ всякаго повода—нельзя. Можно только использовать засѣданіе какого-либо изъ существующихъ легальныхъ обществъ. Но всѣ понимали, что послѣ перваго такого собранія, общество будетъ закрыто, и самъ собой становился вопросъ о томъ, стоитъ ли губить живое общество ради одного политическаго выступленія. Такъ и разошлись, ничего не рѣшивши.

Нѣсколько разъ возобновлялись наши собранія подъ гостепріимнымъ кровомъ д-ра Минята, и всегда мы вращались въ томъ же заколдованномъ кругу неразрѣшимой проблемы — устроить публичное политическое собраніе въ условіяхъ стараго режима. Стали было склоняться къ мысли организовать по подпискѣ совмѣстную встрѣчу Новаго года, какъ вдругъ кому-то пришла блестящая идея: въ Симферополѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ возникло Общество сельскаго хозяйства. Возникло и за отсутствіемъ живыхъ людей — умерло. Но, что для насъ было самое главное — остался вполнѣ законный уставъ общества. Вотъ и рѣшили воспользоваться паспортомъ этого покойника. Ознакомились съ уставомъ и стали дѣйствовать.

Чтобы не возбуждать подозрѣнія администраціи, приступили къ дѣлу по всѣмъ правиламъ устава: сначала было созвано собраніе для пріема новыхъ членовъ и для установленія дня выборовъ правленія, на второмъ собраніи происходили выборы, и уже послѣ производства всѣхъ этихъ формальностей рѣшено было созвать собраніе съ докладами, долженствовавшее превратиться въ „банкетъ“.

Между тѣмъ по Симферополю стали уже ходить слухи о томъ, что въ Обществѣ сельскаго хозяйства подготовляется какая-то политическая демонстрація, и публика, жаждущая услышать свободное слово, стала появляться на нашихъ собраніяхъ въ большомъ количествѣ. А на совѣщаніяхъ у д-ра Минята подробно обсуждалась программа предстоящаго „банкета“, намѣчались темы и ораторы.

Программа была установлена такая:

1) Вступительный докладъ о сельскомъ хозяйствѣ съ выводомъ, что безъ коренныхъ государственныхъ реформъ развитіе русскаго сельскаго хозяйства невозможно.

2) доклады о необходимости реформъ: а) въ области экономической, б) въ области народнаго просвѣщенія, в) въ области политической. Послѣдній пунктъ программы раздѣлялся на два отдѣла: 1) необходимость политическихъ свободъ и 2) необходимость гарантирующей ихъ конституціи и представительныхъ законодательныхъ учрежденій.

Засѣданіе было рѣшено устроить въ залѣ городской думы.

Когда мы разсуждали о предстоящемъ засѣданіи, мы представляли себѣ, что внѣшне оно будетъ протекать въ обычныхъ формахъ засѣданій различныхъ обществъ, т. е. что за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, помѣстится правленіе общества, въ ближайшихъ рядахъ стульевъ — члены, и сзади публика. Но все произошло совершенно не такъ.

Когда передъ началомъ засѣданія, я вошелъ въ подъѣздъ городской думы, то на лѣстницѣ попалъ въ густую толпу людей, которые тщетно пытались протискаться во второй этажъ, гдѣ было назначено засѣданіе. Пройдя черезъ другой ходъ, я вошелъ въ залъ, въ которомъ разставленные рядами стулья были уже всѣ сдвинуты въ сторону, и публика стояла въ невѣроятной давкѣ, плечомъ къ плечу. Въ серединѣ этой толпы за столомъ, сдавленные со всѣхъ сторонъ, сидѣли члены нашего правленія. Предсѣдатель, не ожидавшій попасть въ такую обстановку, имѣлъ довольно растерянный видъ.

Составъ толпы былъ самый пестрый. Тутъ были мелкіе торговцы, приказчики, рабочіе, представители интеллигенціи... Но „нотабли", которыхъ мы усиленно вербовали въ члены общества и которые, по нашему плану, должны были придать извѣстный удѣльный вѣсъ предполагавшимся резолюціямъ, блистали своимъ отсутствіемъ. Не пришли даже нѣкоторые изъ членовъ нашего организаціоннаго кружка. Ясно было, что намѣчавшійся нами „банкетъ" волею судебъ превратился въ первый народный митингъ.

Засѣданіе началось. Перваго докладчика, читавшаго свой докладъ, сидя за столомъ, совсѣмъ не было слышно, а потому слѣдующимъ пришлось вскарабкиваться на столъ и произносить рѣчи со стола.

Въ то время партійныя разногласія еще не отражались

на настроеніи широкихъ массъ населенія, а свободное слово было еще такой рѣдкостью, что каждаго нашего оратора встрѣчали и провожали шумными апплодисментами. Даже рѣчь оратора, говорившаго на тему о реформѣ народнаго образованія, казалась необыкновенно смѣлой.

Пришла и моя очередь лѣзть на столъ. Говорю я плохо, а потому заранѣе написалъ свою рѣчь на бумажкѣ и выучилъ ее наизусть, но, очутившись въ совершенно неожиданной обстановкѣ, на столѣ, подъ напряженными взглядами возбужденной толпы, бурно привѣтствовавшей мое появленіе, я порядкомъ растерялся и какъ-то сразу забылъ весь планъ составленной заранѣе рѣчи. Не думаю, чтобы эта рѣчь была особенно блестяща, но на мою долю выпала честь впервые публично произнести въ нашемъ городѣ сакраментальныя слова: „парламентъ“ и „конституція“. И эти отчетливо произнесенныя въ концѣ моей рѣчи слова, искупая ея форму и содержаніе, вызвали прямо бурю восторга въ собравшейся толпѣ. И самъ я, произнеся запретныя слова, которыя еще нѣсколько дней передъ тѣмъ усиленно старался затушевать описательными выраженіями въ земскомъ адресѣ, испытывалъ чувство, близкое къ упоенію...

Требованіемъ конституціи заканчивалась программная часть нашего засѣданія, но митингъ продолжался далѣе, уже безъ всякой программы.

Въ нашей программѣ политическая гамма шла отъ сельскаго хозяйства до конституціи, но въ разогрѣтой атмосферѣ митинга гамма была продолжена далѣе. Этому поспособствовало превходящее обстоятельство: кто-то принесъ на митиргъ только что привезенное изъ Петербурга письмо съ описаніемъ событій 9-го января. Письмо было тутъ же оглашено вскочившимъ на столъ ораторомъ и произвело потрясающее впечатлѣніе. Рѣчи стали острѣе, настроеніе толпы воинственнѣе.

Настроеніе толпы раскаливалось все больше и больше, но раскалилась и температура воздуха до такой степени, что дольше переносить духоту не было никакой возможности. Митингъ сталъ постепенно таятъ, и къ 2-мъ часамъ ночи всѣ разошлись по домамъ.

Съ этого момента симферопольскіе обыватели почувствовали, что и они пріобщились къ освободительному движенію.

Полицейскихъ репрессій не послѣдовало, и только че-

резъ нѣсколько мѣсяцевъ возникло „дѣло о собраніи въ городской думѣ“. Членовъ правленія общества сельскаго хозяйства допрашивали жандармы, при чемъ особенно интересовались молодымъ человѣкомъ, призывавшимъ къ оружію. Оказалось, что сыщики, перебирая фотографическія карточки поднадзорныхъ симферопольцевъ, нашли среди нихъ разыскиваемаго молодого человѣка. Выяснилось, что лицо это проживаетъ въ Сибири. Дали знать туда, и молодой человѣкъ, имѣвшій несчастье быть похожимъ на симферопольскаго оратора, былъ арестованъ. Впрочемъ, его скоро выпустили, послѣ того, какъ онъ доказалъ, что уже нѣсколько лѣтъ уѣхалъ изъ Симферополя, безвыѣздно находился въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ и не предпринималъ длительнаго путешествія изъ Азіи въ Европу для произнесенія на столѣ, на симферопольскомъ митингѣ, инкриминируемой ему фразы.

18-е октября.

17-го октября 1905 года вечеромъ я вернулся въ Симферополь съ ялтинскаго уѣзднаго земскаго собранія. Пріѣхалъ я на лошадяхъ, такъ какъ поѣзда изъ Севастополя не шли, вслѣдствіе длившейся уже нѣсколько дней забастовки.

Земское собраніе проходило нервно и возбужденно, какъ всѣ земскія собранія того времени. Предсѣдатель, еще годъ тому назадъ запрещавшій обсуждать самыя невинныя земскія ходатайства, былъ совершенно выбитъ изъ колеи и не препятствовалъ преніямъ и резолюціямъ опредѣленно политическаго содержанія. На второй день собранія къ намъ во время засѣданія вторглась толпа молодежи и, сорвавъ наше засѣданіе, открыла свой митингъ...

Въ Ялтѣ, впрочемъ, въ этотъ моментъ революція какъ-то не выходила еще за стѣны земскаго собранія. На улицахъ было совсѣмъ спокойно, магазины и рестораны были открыты, и обычная праздная толпа бродила взадъ и впередъ по набережной. Всеобщая забастовка до Ялты не докатилась.

Совсѣмъ другая картина мнѣ представилась въ Симферополѣ. Мрачнымъ и угрюмымъ показался мнѣ этотъ обычно мирный и тихій городокъ, когда я въѣзжалъ въ него вечеромъ 17-го октября.

увидѣвъ передъ собой реальную цѣль, сразу ускорила темпъ своего движенія. Какъ-то всѣ сразу почувствовали, что каждая лишняя минута, проведенная заключенными товарищами въ тюрьмѣ, является тяжкимъ оскорбленіемъ только что завоеванной свободы; всѣ ощутили страстную потребность немедленно раздѣлить съ ними радость сегодняшняго дня.

Почти бѣгомъ толпа направилась къ тюрьмѣ, у оконъ которой тѣснились арестанты. Они высовывали руки изъ-за рѣшетокъ, махали платками и что-то кричали...

Одну минуту манифестанты остановились передъ тюрьмой въ нерѣшительности.

И въ самомъ дѣлѣ, что же дальше было дѣлать? Подчиняясь стихійному чувству, мы пришли подъ стѣны симферопольской Бастиліи, но въ нашемъ распоряженіи не было средствъ, чтобы заставить открыться ея тяжелыя ворота.

Небольшая группа манифестантовъ отправилась, въ качествѣ парламентеровъ, вести переговоры съ губернаторомъ. Но губернаторскій домъ находится въ противоположномъ концѣ города, а возбужденная толпа не могла долго оставаться въ бездѣйствіи и спокойно глядѣть на тянущіяся къ ней изъ-за рѣшетокъ руки арестантовъ.

Нѣсколько наиболѣе нервныхъ людей побѣжали къ воротамъ и стали въ нихъ стучаться. Примѣръ оказался заразительнымъ, и скоро уже человѣкъ двѣсти плотной гурьбой окружили ворота тюрьмы.

Вначалѣ стучавшіе имѣли въ виду только вызвать для переговоровъ тюремное начальство, но понемногу страсти разгорались, въ ворота стали колотить изо всей силы кулаками, ногами, палками, чѣмъ попало...

Эти неистовые стуки произвели въ тюрьмѣ смятеніе, которымъ не приминули воспользоваться уголовные арестанты. За тюремными стѣнами послышался какой-то шумъ, и я увидѣлъ, какъ изъ окна третьяго этажа, свистя, звеня и лязгая въ воздухѣ, полетѣли тяжелые каторжные кандалы... Помню, какъ лязгъ летящихъ кандаловъ мнѣ показался тревожно-зловѣщимъ. До этого момента я чувствовалъ себя цѣликомъ во власти толпы и охватившихъ ее чувствъ. Когда я вмѣстѣ съ другими подходилъ къ тюрьмѣ, я совершенно не думалъ о послѣдствіяхъ, которыя могутъ отъ этого произойти. Ни я и никто другой въ этой ликующей толпѣ не задумывался надъ тѣмъ, какимъ образомъ мы достигнемъ освобожденія политическихъ заключенныхъ. Казалось, что отъ нашего при-

поднятаго настроенія, какъ отъ трубъ іерихонскихъ, разступятся ея суровыя стѣны и выпустятъ на свѣтъ Божій узниковъ, боровшихся за провозглашенную наконецъ свободу.

И только въ этотъ моментъ я почувствовалъ тревогу въ душѣ и смутное предчувствіе, что готовится что-то недоброе. Я до сихъ поръ, собственно, въ точности не знаю, что произошло тогда за стѣнами тюрьмы, такъ какъ послѣдующія кровавыя событія страшнаго дня 18-го октября отвлекли мое вниманіе отъ этого частнаго инцидента. Помню только, что непосредственно послѣ промелькнувшихъ въ воздухѣ кандаловъ, за угломъ тюрьмы показалась рослая фигура уголовнаго арестанта, выскочившаго, изъ какого-то бокового выхода. Этотъ человѣкъ имѣлъ видъ звѣря, выпущеннаго изъ клѣтки. На одну секунду онъ остановился у стѣны, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, а потомъ, низко пригнувшись къ землѣ, опрометью бросился къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ и исчезъ въ толпѣ за моей спиной.

Вслѣдъ за нимъ, по одиночкѣ, стали появляться другіе такіе же люди въ сѣрыхъ арестантскихъ одеждахъ, и всѣ такъ же, какъ и онъ, полуползкомъ добирались до гущи толпы...

. . . . . .

. . . . . .

Всѣхъ уголовныхъ бѣжало изъ тюрьмы человѣкъ шестьдесятъ, и многіе изъ нихъ, вѣроятно, приняли участіе въ организованномъ затѣмъ погромѣ и въ убійствахъ своихъ, правда, невольныхъ, освободителей.

. . . . . .

На Екатерининской улицѣ меня догналъ извозчикъ, на которомъ я увидѣлъ своихъ дѣтей, выѣхавшихъ, пользуясь чуднымъ осеннимъ днемъ, посмотрѣть на народное торжество. Само собой разумѣется, что я сейчасъ же вскочилъ въ экипажъ и повезъ дѣтей домой.

Благодаря этому случайному обстоятельству мнѣ не пришлось быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ кровавыхъ событій.

Пробывъ дома около часа, я снова поѣхалъ въ городъ (жилъ я на самомъ краю его), такъ какъ все-таки хотѣлось знать о судьбѣ манифестаціи.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Не дослушавъ сбивчивыхъ разсказовъ окружавшихъ меня людей, я опрометью бросился кружнымъ путемъ, черезъ другой мостъ въ центръ города. Опредѣленной цѣли у меня не было, я только чувствовалъ, что что-то нужно сдѣлать, что-то предпринять, но смутно сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что все это безполезно, что уже что-то роковое и неисправимое совершилось...

Я бѣжалъ, задыхаясь, по опустѣвшимъ улицамъ города. . . . . я услышалъ пѣніе „Спаси Господи". Двери . . . . часовни были широко раскрыты, и возлѣ нея стояло около сотни подростковъ и молодыхъ парней хулиганскаго вида; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ были колья и дрючки. Было что-то богохульное въ этой наглой и развязной толпѣ, горланившей молитву передъ открытыми дверями часовни. Когда я проходилъ мимо, пѣніе молитвы прекратилось, и мнѣ послышалось, что кто-то произноситъ рѣчь тихимъ елейнымъ голосомъ...

Я не зналъ, что вижу передъ собой толпу людей, мно-

гіе изъ которыхъ только что участвовали въ убійствахъ, но мнѣ сразу какъ-то невыразимо жутко стало въ ихъ сосѣдствѣ. Я еще ускорилъ шаги и, зайдя за уголъ, вошелъ въ подъѣздъ городской управы.

По опустѣвшимъ комнатамъ управы бродило нѣсколько блѣдныхъ растерявшихся людей — городской голова, члены управы, два-три служащихъ и еще кое-кто изъ случайно забѣжавшей публики.

Мнѣ разсказали, что во время митинга, происходившаго въ городскомъ саду, мимо проходила патріотическая манифестація. Кто-то сталъ стрѣлять въ манифестантовъ, послѣ чего началась рукопашная схватка, въ которой многіе были убиты. Въ настоящій моментъ все кончено, тѣла убитыхъ сложены во дворѣ первой полицейской части, а раненые свезены въ больницу.

Такова была господствующая версія происшедшаго, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ передавали кое-какія подробности, наводившія меня на сомнѣнія въ правильности такого освѣщенія событій.

Всѣ эти разсказы очевидцевъ и слухи, передававшіеся другъ другу кучкой встревоженныхъ людей, собравшихся въ управѣ, были прерваны дикимъ пѣніемъ и криками, донесшимися съ улицы. Мы выскочили на балконъ и увидѣли толпу мальчишекъ и парней, съ крикомъ и гамомъ несшихся по улицѣ, размахивая по воздуху дрючками. Это были тѣ же люди, которыхъ я только что видѣлъ около часовни. Послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Какъ оказалось, мы были свидѣтелями уже послѣдней вспышки еврейскаго погрома, и черезъ полчаса безъ всякихъ затрудненій громилы были разсѣяны. Все-таки за это время они успѣли убить еще двухъ случайно встрѣтившихся имъ по пути евреевъ.

Большихъ трудовъ стоило намъ соединиться телефономъ съ губернаторомъ и сообщить ему о только что видѣнномъ. Когда я вышелъ изъ управы и направился по слѣдамъ толпы громилъ, то засталъ уже на улицахъ полную тишину. И только битыя стекла нѣкоторыхъ магазиновъ напоминали о томъ, что сейчасъ произошло.

Я отправился разыскивать друзей и знакомыхъ и изъ разговоровъ съ ними постепенно уяснилъ себѣ картину погрома.

Дѣло въ общихъ чертахъ происходило такъ: въ то время, когда толпа съ красными флагами находилась около тюрьмы, изъ двора . . . . . вышла небольшая процессія съ трехцвѣтными флагами. На площади, ... процессія выстроилась и съ пѣніемъ гимна и „Спаси, Господи“ пошла по улицамъ города. По показаніямъ очевидцевъ, многіе изъ участниковъ процессіи уже въ самомъ началѣ были вооружены свѣжими, еще не бывшими въ употребленіи кольями. Процессія направилась на базарную площадь, откуда вернулась затѣмъ въ центральную часть города, численно замѣтно увеличившись. Съ первыхъ же своихъ шаговъ эта манифестація проявила нѣкоторую воинственность; нѣсколько прохожихъ, не снявшихъ шляпы при ея приближеніи, были избиты палками. Въ числѣ пострадавшихъ былъ, между прочимъ, мой знакомый, земскій агрономъ Л., получившій сильный ударъ палкой по головѣ.

А въ это время разсѣянная у тюрьмы манифестація снова сформировалась и направилась въ городской садъ для устройства митинга. Но митингъ продолжался недолго.

Вскорѣ участники митинга услышали звуки гимна и увидѣли проходящую мимо садовой рѣшетки манифестацію. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и непосредственно вслѣдъ за нимъ изъ рядовъ манифестантовъ въ садъ ворвалось человѣкъ шестьдесятъ вооруженныхъ кольями людей, ... : . которые съ криками „бей жидовъ“ бросились избивать участниковъ митинга. Тысячная безоружная толпа въ ужасѣ стала разбѣгаться, но выходы изъ сада оказались запертыми, ... , ... „Самооборона“, учрежденная революціонными организаціями во время забастовокъ, оказалась не на высотѣ положенія, почти не оказала сопротивленія нападавшимъ и, произведя по нимъ нѣсколько разрозненныхъ выстрѣловъ, тоже обратилась въ бѣгство. Въ концѣ концовъ, главной массѣ бѣглецовъ удалось вырваться изъ сада, но и за его оградой убійцы настигали свои жертвы и убивали ихъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Пока убійцы дѣлали свое страшное дѣло въ городскомъ саду, остальные участники „патріотической“ манифестаціи побѣжали къ губернаторскому дому. Они кричали, что „жиды“ на нихъ напали, стрѣляли въ нихъ изъ револьверовъ и одного человѣка убили.

Впослѣдствіи оказалось, что изъ числа участниковъ „патріотической“ манифестаціи былъ убитъ одинъ полицейскій чиновникъ, но совсѣмъ не на пути ея шествія, а въ городскомъ саду во время нападенія громилъ на митингъ.

Завернувъ за уголъ губернаторскаго дома, громилы яростно кинулись разносить и грабить еврейскіе дома и убивать мирныхъ евреевъ-прохожихъ.

Симферопольскій погромъ 18-го октября по сравненію съ погромами въ октябрьскіе дни въ другихъ городахъ (за исключеніемъ можетъ быть томскаго), отличался особой кровавой жестокостью. Основу его составляли массовыя убійства, а грабежъ и разгромъ, довольно скоро прекращенные полицейскими мѣрами, являлись какъ бы эксцессами, не входившими въ программу организаторовъ. Убито было въ разныхъ мѣстахъ города, главнымъ образомъ, — въ городскомъ саду и прилежащихъ къ нему улицахъ, болѣе 50 человѣкъ. Кромѣ того оказалось много раненыхъ.

Въ числѣ убитыхъ было нѣсколько моихъ знакомыхъ евреевъ.

Живо помню тихаго, скромнаго труженика, учителя еврейской школы Шаргородскаго, съ которымъ я встрѣчался въ правленіи общества вспомоществованія учащимъ. Жилъ онъ бѣдно и содержалъ на скудное учительское жалованье и частные уроки довольно многочисленную семью. Работалъ, кое-какъ перебивался, мечталъ о высшемъ образованіи и, вѣроятно, откладывалъ кое-какія крохи изъ своихъ доходовъ на случай поступленія въ университетъ. Университетъ былъ мечтой всей его жизни, но процентная норма стояла на пути... И вдругъ завѣтныя его желанія сбылись. Я встрѣтилъ его на улицѣ за нѣсколько дней до погрома. Лицо его свѣтилось радостью. — „Прощайте, сказалъ онъ мнѣ, — черезъ

нѣсколько дней ѣду въ Одессу, меня приняли въ университетъ".

Я горячо поздравилъ его, и мы разстались.

Въ Одессу онъ не поѣхалъ, задержанный забастовкой, а 18-го октября его трупъ съ размозженной головой лежалъ среди такихъ же обезображенныхъ труповъ его соплеменниковъ во дворѣ 1-й симферопольской части.

Князь В. Оболенскій.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА.

(V. Blasco Jbanez, „Los cuatro iinetes del Apocalipsis". Valencia. 1896.)

I.

Недавно въ Парижѣ я видѣлъ въ одной книжной лавкѣ цѣлый рядъ произведеній, на обложкѣ которыхъ наклеенъ былъ ярлыкъ съ указаніемъ, что авторъ убитъ на войнѣ. Если не ошибаюсь, такихъ книгъ было двѣнадцать или тринадцать.

Нѣкоторые изъ убитыхъ писателей, какъ, напримѣръ, Пеги, достигли внезапной славы, какою никогда не пользовались при жизни. Итакъ, во всѣхъ воюющихъ странахъ много талантливыхъ писателей находятся теперь въ окопахъ. Вѣроятно, тамъ находятся будущіе бытописатели великой катастрофы. А покуда самое талантливое и яркое произведеніе, навѣянное войной, написано нейтральнымъ, хотя и проживающимъ постоянно въ Парижѣ. Я говорю о только что появившемся въ Валенсіи романѣ Бласко Ибаньеса „Los cuatro jinetes del Apocalipsis". По-русски это будетъ. „Четыре апокалипсическихъ всадника".

— Еще черезъ нѣсколько часовъ, когда взойдетъ солнце, міръ узритъ своихъ заклятыхъ враговъ, четырехъ всадниковъ, мчащихся по полямъ, — говоритъ одинъ изъ героевъ романа своимъ двумъ пріятелямъ испанцамъ, съ которыми вмѣстѣ возвращается ночью домой по алеѣ Елисейскихъ полей, наканунѣ объявленія войны. — „Уже ржутъ отъ нетерпѣнія злые кони, предчувствуя бѣгъ. Уже обмѣниваются командными словами зловѣщіе всадники, прежде чѣмъ вскочить на сѣдла.

— О какихъ всадникахъ говорите вы? — спросилъ художникъ Архенсола.

— О тѣхъ, что предшествуютъ звѣрю.

Испанцамъ это объясненіе было такъ же мало вразумительно, какъ и предшествующія слова. У пріятелей мелькнула было мысль, что знакомый ихъ пьянъ, но любопытство у нихъ пробудилось.

— О какомъ звѣрѣ говорите вы? — спросилъ молодой художникъ.

Русскій взглянулъ такъ, какъ будто вопросъ его сильно изумилъ.

— Объ апокалипсическомъ, — отвѣтилъ онъ.

И Черновъ (такъ зовутъ русскаго, выражающаго въ романѣ любимыя идеи Бласко Ибаньеса) описалъ звѣря, выходящаго изъ бездны моря. Тѣло звѣря подобно барсу, лапы, какъ у медвѣдя, а пасть львиная. У него семь головъ съ десятью рогами. На ногахъ висятъ десять вѣнцовъ, и на каждой изъ семи головъ — слова кощунственныя. Евангелистъ не говоритъ, каковы именно эти слова; но они, очевидно, мѣняются съ каждымъ новымъ появленіемъ звѣря. И теперь русскій читалъ на головахъ звѣря кощунства противъ человѣчества, противъ справедливости, противъ всего того, что дѣлаетъ жизнь пригожей и привлекательной: „Сила выше права", „Слабому нѣтъ мѣста на землѣ", „Будь жестокъ, чтобы быть великимъ"... И звѣрь, несмотря на свою уродливость, желаетъ властвовать на землѣ и требуетъ отъ людей, чтобы они ему поклонились.

— Ну, а четыре всадника? — спросилъ молодой художникъ.

— Они предшествуютъ появленію звѣря... Агнецъ снимаетъ первую печать, и явился всадникъ на бѣломъ конѣ. Въ рукахъ у него лукъ, а на головѣ вѣнецъ. По однимъ толкованіямъ то — завоеванія, а по другимъ — чума. А, можетъ быть, и то, и другое...

Второй всадникъ сидитъ на рыжемъ конѣ, размахивая громаднымъ мечемъ. То — война. Отъ топота копытъ рыжаго коня исчезаетъ пыль на землѣ... Снята третья печать, и является всадникъ на вороном конѣ. Въ рукахъ у всадника вѣсы, чтобы взвѣшивать жизненные продукты. То — голодъ. Четвертый всадникъ появляется на блѣдномъ конѣ, и имя ему Смерть. И дана ему власть истреблять людей мечомъ, голодомъ, мукой и дикими звѣрями. Четыре всадника бѣшено мчатся впередъ, давя подъ копытами своихъ лошадей человѣчество. Черновъ описывалъ четыре земныхъ бича, какъ будто видѣлъ ихъ передъ глазами. На всадникѣ, что на бѣломъ конѣ, — накинутъ пестрый, яркихъ цвѣтовъ плащъ. Восточнаго типа лицо его искривлено улыбкой. Онъ какъ будто вынюхиваетъ жертву. И на полномъ скаку своего коня всадникъ натягиваетъ лукъ, чтобы пустить въ міръ стрѣлу и чуму. За плечами его — бронзовый колчанъ съ отравленными стрѣлами. То всѣ болѣзни, порождаемыя войною, какъ на поляхъ битвы и въ госпиталяхъ, такъ и городахъ и въ селеніяхъ. Второй всадникъ размахиваетъ надъ головой громаднымъ обоюдоострымъ мечомъ. И бѣгъ коня столь стремителенъ, что вѣтеръ, играя волосами всадника, поднялъ ихъ дыбомъ. Всадникъ молодъ, но жестокое выра-

женіе рта и нахмуренныя брови придаютъ его лицу необыкновенную свирѣпость. Плащъ его, откинутый вѣтромъ, не скрываетъ больше сильныхъ мышцъ. На ворономъ конѣ сидитъ старый, плѣшивый, высохшій всадникъ, сжимающій костлявой рукой вѣсы. Они означаютъ такое оскудѣніе, что пища будетъ отпускаться мѣрой, какъ золото. Острыя, какъ шпоры, колѣни четвертаго всадника подгоняютъ блѣднаго коня. Кожа на тѣлѣ всадника высохла, какъ пергаментъ, и даетъ возможность видѣть всѣ очертанія костей. Съ лица кожа совсѣмъ сползла, и видна сардоническая улыбка черепа. Въ высохшихъ рукахъ всадникъ держитъ косу. Вмѣсто плаща, за плечами его развѣваются лоскутья савана.

И бѣшеная кавалькада мчится, какъ вихрь. Надъ головами ея небо имѣетъ синеватый цвѣтъ трупа. Безформенныя чудовища съ визгомъ и воемъ носятся въ воздухѣ вслѣдъ за мчащимися всадниками. Бѣдное человѣчество, обезумленное ужасомъ, разсыпается во всѣ стороны, заслышавъ топотъ коней, на которыхъ мчатся Чума, Война, Голодъ и Смерть. Мужчины и женщины, старыя и молодыя, топчутъ другъ друга, стараясь скорѣе убѣжать. И бѣлый конь, вороной, рыжій и блѣдный давятъ ихъ подъ копытами. Молодой всадникъ со свирѣпымъ лицомъ слышитъ, какъ хрустятъ косточки, хрипятъ въ агоніи младенцы и какъ верещатъ по-заячьи старики.

— Господь на время забылъ про землю, — прибавилъ русскій. — Пройдетъ много времени, покуда Онъ снова вспомнитъ про нее. А до тѣхъ поръ четыре всадника, четыре воина-звѣря, будутъ единственными властелинами на землѣ... Четыре врага человѣчества теперь будутъ пытать его [1]).

Таковъ центральный обзоръ романа, выражающій основную мысль новаго произведенія. Содержаніе его вотъ какое. Въ 1870 году молодой французъ Марсель Денуае, передъ самой франко-прусской войной, уѣхалъ въ Аргентину, представлявшую тогда совсѣмъ еще дѣвственный край. Здѣсь онъ пытается самъ вести дѣла, богатѣетъ, разоряется и поступаетъ, наконецъ, въ управляющіе къ безконечно богатому ранчеро Хуліо Мадаріогѣ, или къ „центавру". Этотъ полудикій милліонеръ — наиболѣе удавшійся романисту типъ. „То былъ испанецъ, переселившійся въ Аргентину еще юношей, съ удовольствіемъ приспособившійся къ первобытнымъ условіямъ страны и жившій, какъ гаучо [2]), несмотря на свое колоссальное состояніе. Обыкновенно его звали, намекая на его

---

[1]) Los cuatro jinetes del Apocalipsis, 145—149.

[2]) Gaucho, полудикій обитатель степей въ Аргентинѣ.

родину, „галисіецъ Мадаріога“. Деревенскіе жители, изъ уваженія къ милліонеру, прибавляли къ его фамиліи титулъ, который относится къ имени: они называли его не донъ Хуліо, а донъ Мадаріога... Состояніе его было колоссально. Онъ жилъ въ степяхъ съ того момента, какъ прибылъ въ Аргентину. Тогда остальные бѣлые, страшась индѣйскихъ разбойничьихъ племенъ или indios bravos, держались укрѣпленныхъ городовъ. Первыя деньги онъ нажилъ, какъ вооруженный купецъ, развозившій въ фургонѣ товаръ изъ поселенія въ поселеніе. Онъ убивалъ индѣйцевъ, дважды былъ раненъ ими, нѣкоторое время находился въ плѣну и, наконецъ, сильно подружился съ однимъ касикомъ. На сбереженныя деньги Мадаріога купилъ землю, много земли, которая тогда отдавалась почти задаромъ, такъ какъ всюду бродили разбойничьи племена. На пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ Мадаріога развелъ стада быковъ и коровъ, которыя приходилось защищать съ карабиномъ въ рукахъ отъ степныхъ пиратовъ. Потомъ женился на метискѣ china [1]). Она ходила босикомъ, но получила въ приданое много квадратныхъ километровъ степи. Супруги продолжали вести полудикую жизнь въ своихъ владѣніяхъ, требовавшихъ путешествія въ нѣсколько дней, чтобы изъѣздить изъ край въ край. Затѣмъ, когда правительство оттѣснило индѣйцевъ къ границѣ и предлагало громадныя территоріи всѣмъ колонистамъ, убѣждая принять землю, какъ проявленіе патріотизма, владѣнія Мадаріога еще болѣе расширились. Онъ покупалъ и покупалъ за безцѣнокъ. Пріобрѣтеніе земель и заселеніе ихъ стало его миссіей... Слава про громадныя владѣнія Мадаріога достигла до Буэносъ-Айреса. Всѣ знали рончеро по имени, хотя очень немногіе — въ лицо. Когда онъ пріѣзжалъ въ столицу, то никто не догадывался, что гаучо, ходившій по городу въ тѣхъ же высокихъ штиблетахъ и съ тою же шалью, намотанною на шею, какъ въ степяхъ, и есть милліонеръ Мадаріога.

Заселеніе своихъ обширныхъ владѣній Мадаріога производилъ оригинально.

„Его сила неутомимаго центавра служила ему при заселеніи своихъ земель. Онъ былъ прихотливъ, достаточенъ и обладалъ тѣми же вкусами, какъ его отдаленные предки, завоевавшіе примѣсью своей крови туземное населеніе. Онъ также любилъ краснокожихъ красавицъ съ косымъ разрѣзомъ глазъ и съ истинными черными волосами, какъ конкистадоры.

---

[1]) China — матерія, состоящая на половину изъ шелка и шерсти. Такъ называютъ въ Аргентинѣ метисовъ, въ жилахъ которыхъ кровь бѣлыхъ наполовину.

Когда управляющій видѣлъ, что Мадаріога подъ какимъ-нибудь предлогомъ сѣдлаетъ коня и въ галопъ отправляется на ближнюю ранчу, то говорилъ про себя съ улыбкой: „Онъ поѣхалъ искать новаго батрака, который черезъ пятнадцать лѣтъ будетъ ему обрабатывать землю“. Служащіе на „es'ancia“[1]) толковали по поводу „фамильнаго сходства“ нѣкоторыхъ юношей, работавшихъ, какъ всѣ остальные въ поляхъ, и галопировавшихъ съ утра до ночи, выполняя какія-нибудь порученія. Происхожденіе этихъ молодыхъ людей являлось предметомъ безконечныхъ комментаріевъ. Капатасъ[2]) Селедоніо, этотъ тридцатилѣтній метисъ, ненавидимый всѣми за свою грубость и жадность, тоже имѣлъ отдаленное и „фамильное“ сходство съ патрономъ. Почти ежегодно въ estancia являлась издалека съ таинственнымъ видомъ какая-нибудь женщина. То была обыкновенно грязная, костлявая, china (метиска), съ впалыми щеками. Она водила за руку метисенка съ сверкающими глазами. Женщина просила, чтобы ее пустили къ хозяину для переговоровъ съ глаза на глазъ. И тогда она напоминала ему про поѣздку, совершенную лѣтъ двѣнадцать назадъ съ цѣлью купить новыя стада быковъ или коровъ.

— Помните, патронъ, — говорила женщина, — вы ночевали въ моей хатѣ, такъ какъ рѣка тогда вздулась?

Патронъ ничего не могъ вспомнить; но смутный инстинктъ подсказывалъ ему, что china говоритъ правду.

— Ну, ладно! — отвѣчалъ онъ. — Что же явилось?

— Патронъ, вотъ онъ тутъ. Пусть онъ лучше вырастетъ здѣсь, рядомъ съ вами, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ.

И женщина показывала Мадаріогѣ маленькаго метиса. Патронъ изъ скромности выражалъ нѣкоторое сомнѣніе. „Почему же именно мой, а не чей-либо другой?“ — спрашивалъ онъ. Но колебанія не продолжались долго.

— Ладно! Пусть помѣстятъ его съ другими, — говорилъ онъ окончательно. Мать возвращалась домой, успокоенная сознаніемъ, что карьера ея сына теперь обезпечена, такъ какъ патронъ, неудержимый въ своихъ порывахъ бѣшенства, былъ также необыкновенно щедръ. Сынъ, въ концѣ концовъ, получалъ участокъ земли и стадо овецъ. Въ первый годъ замужества это усыновленіе вызывало энергичный протестъ со стороны хозяйки, единственный въ ея жизни. Но центавръ сейчасъ же зажалъ ей ротъ окрикомъ:

---

[1]) Estancia, — большое помѣстье въ Юж. Америкѣ.

[2]) Надсмотрщикъ.

— И ты смѣешь еще говорить, ты, яловка! Ты только и умѣешь рожать мнѣ дѣвочекъ. Ты должна была бы стыдиться!

Та самая рука, которая небрежно вытаскивала изъ кармана, не разбирая, нѣсколько смятыхъ въ комокъ бумажныхъ денегъ и отдавала ихъ, — въ другіе моменты наносила удары плеткой, всегда находившейся при патронѣ. Собственно говоря, плетка предназначалась, чтобы подгонять коня, но патронъ постоянно стегалъ ею батраковъ, разсердившихъ его.

— Бью тебя, потому что имѣю право, — говорилъ въ видѣ оправданія патронъ, когда гнѣвъ его проходилъ[1]).

II.

Молодой французъ Денуае женится на старшей дочери центавра, который любитъ своего зятя и, когда особенно расположенъ, развиваетъ передъ нимъ свои политическіе взгляды, суммируемые однимъ словомъ — миръ.

„Мадаріога помнилъ печальные дни войны и насилья въ республикѣ. Онъ перечислялъ всѣ революціи, какъ во всей странѣ, такъ и въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Мадаріога принималъ во всѣхъ нихъ участіе, чтобы не отставать отъ сосѣдей... Но все это исчезло и больше не возвратится. Давно уже наступило время мира, труда и изобилія.

— Слушай, габачо[2]), — философствовалъ центавръ, попыхивая сигарой и отгоняя дымомъ комаровъ, роившихся надъ нимъ. — Я испанецъ, а ты французъ; Карлъ (другой зять) — нѣмецъ, дочери мои аргентинки, поваръ — русскій, подручный его — грекъ, завѣдующій конюшнями — англичанинъ, судомойки или туземки, или испанки, или итальянки. А что касается батраковъ, то они у меня изъ всѣхъ націй. У каждаго изъ нихъ свой законъ. И всѣ живемъ, тѣмъ не менѣе, мирно. Въ Европѣ они бы дрались, а здѣсь они — друзья.

Патронъ съ наслажденіемъ прислушивался къ музыкѣ рабочихъ: къ жалобнымъ пѣснямъ итальянцевъ, сопровождаемымъ аккомпаниментомъ мандолины, къ ропоту гитаръ испанцевъ и креоловъ и къ грубымъ голосамъ, пѣвшимъ про любовь и про смерть.

— Тутъ совсѣмъ Ноевъ ковчегъ, — замѣчалъ потомъ центавръ. Онъ хотѣлъ сказать „Вавилонское столпотвореніе“.

---

[1]) Los cuatro jinetes, стр. 37—42.

[2]) Кличка, даваемая испанцами французамъ.

— Мирно живемъ мы здѣсь, потому что у насъ нѣтъ королей, а армія мала, — философствовалъ центавръ. — Люди поэтому только и думаютъ о томъ, какъ бы лучше провести въ работѣ время, отпущенное имъ на землѣ. Думаю я также, что миръ у насъ оттого, что всего вдоволь. Есть достаточно на всѣхъ прибывающихъ. Другое было бы, кабы корма стало меньше здѣсь, чѣмъ людей... Что тамъ ни говори, надо признать, что живется намъ здѣсь спокойнѣе, чѣмъ всюду на землѣ. Люди даютъ другъ другу настоящую цѣну и живутъ рядомъ, не думая о томъ, изъ какой страны каждый. Парни наши не собираются въ банды и не идутъ убивать другихъ парней, которыхъ никогда въ жизни не видѣли и вся вина которыхъ только въ томъ, что родились они въ сосѣдней землѣ. Человѣкъ всюду злое животное. Съ этимъ я согласенъ. Но такъ какъ здѣсь онъ ѣстъ вдоволь и имѣетъ земли больше, чѣмъ ему необходимо, то онъ добръ какъ сытая собака. Въ твоей же землѣ людей слишкомъ много, живутъ они въ тѣснотѣ, раздражаютъ другъ друга, и корма имъ мало. Вотъ они и приходятъ легко въ бѣшенство. Чудесная вещь миръ и спокойная жизнь, габачо! Родина человѣка тамъ, гдѣ ему хорошо и гдѣ онъ не рискуетъ быть убитымъ, невѣдомо за что[1]).

Когда умеръ центавръ, свалившись съ коня, Денуае становится милліонеромъ. Теперь онъ старый человѣкъ. По настоятельному убѣжденію сына и дочери, онъ переѣзжаетъ въ Парижъ, какъ дѣлаютъ это всѣ разбогатѣвшіе бразильцы и аргентинцы. Въ Парижѣ отъ нечего дѣлать старикъ становится коллекціонеромъ, а сынъ Жюль ведетъ веселую и беззаботную жизнь. Онъ пробуетъ сперва быть художникомъ. „Сперва Жюль желалъ завоевать славу кистью и считалъ, что сдѣлать это не трудно. То обстоятельство, что онъ художникъ, позволяло ему первенствовать въ обществѣ пріятелей, т. е. молодыхъ людей изъ Южной Америки, не имѣвшихъ другого дѣла, кромѣ наслажденія жизнью и шумнаго разбрасыванія своихъ денегъ. Жюль съ смѣлой самоувѣренностью приступилъ къ рисованію картины. Онъ любилъ красивую, изящную живопись, цѣнную, какъ романсъ; живопись, изображавшую по преимуществу женское тѣло. Денегъ у него было много. Онъ завелъ изящную мастерскую, за спиной у молодого человѣка стоялъ отецъ, готовый всегда дать сыну сколько угодно денегъ. И Жюль думалъ: „Какъ же мнѣ не добиться того, чего достигаютъ другіе, не имѣющіе средствъ?“ Чтобы добиться славы, Жюль приступилъ къ громадному полотну, которое назвалъ „Пляска часовъ“. То былъ

---

[1]) Los cuatro jinetes, стр. 55—56.

предлогъ, чтобы рисовать красивыхъ обнаженныхъ дѣвушекъ и выбирать модели. Работалъ онъ съ лихорадочной быстротой, наполняя контуры массой яркихъ красокъ. Нѣкоторое время все шло хорошо; но потомъ Жюлемъ овладѣло сомнѣніе. Онъ долго стоялъ, не работая, передъ полотномъ и, наконецъ, отодвинулъ его въ дальній уголъ мастерской, въ ожиданіи лучшихъ временъ. То же самое произошло, когда онъ началъ нѣсколько женскихъ портретовъ. Жюль ничего не кончалъ, и это повергло его въ уныніе. „Славы онъ, однако, добился, хотя и не кистью, а пируэтами, не руками, а ногами". Слава вспомнила про Жюля и привлекла его въ свои сверкающія объятія. Внезапно онъ сталъ знаменитостью. Слава поджидаетъ человѣка иногда въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ... Изъ-за океана, для услады людей, прибыло новое развлеченіе. Мужчины и дамы, таинственнымъ голосомъ посвященныхъ, дающихъ знать о своемъ присутствіи, спрашивали въ гостиныхъ одинъ другого: „Умѣете ли вы тангировать?". Танго завладѣло міромъ. То былъ героическій гимнъ человѣчества, внезапно сконцентрировавшаго всѣ свои упованія на гармоническомъ вихляніи бедрами и ставшаго опредѣлять умственныя способности по проворности ногъ. Артистическій идеалъ общества, пресытившагося всѣмъ, удовлетворялся безсвязной, монотонной музыкой. Міръ танцовалъ, танцовалъ, танцовалъ!.. Негритянскій танецъ, зародившійся въ Кубѣ и ввезенный въ Южную Америку матросами, прибывающими на корабляхъ нагруженныхъ прессованнымъ мясомъ, побѣдно обошелъ весь міръ, подчиняя себѣ одну націю за другой. Танго побѣдило міръ, какъ „Марсельеза". Оно проникло даже въ королевскіе дворцы съ наиболѣе чопорнымъ этикетомъ. То была революція легкомыслія... Когда Жюль Денуае нашелъ, что тотъ танецъ, которому онъ учился во дни студенчества въ притонахъ Буэносъ-Айреса, господствуетъ въ Парижѣ, — то отдался ему, какъ старый возлюбленный. Кто бы могъ предсказать, что Жюль готовится къ славѣ, когда онъ танцовалъ въ притонахъ, въ которыхъ караулила постоянно полиція... Отъ пяти до семи часовъ ежедневно сотни глазъ теперь слѣдили съ восхищеніемъ за тѣмъ, какъ Жюль выполняетъ священный танецъ въ Елисейскихъ поляхъ, въ залахъ, гдѣ чашка чая стоитъ пять франковъ. „Что за контуры!" — воскликнули дамы, оцѣнивая изящное, гибкое, сильное тѣло Жюля. А онъ, выпятивъ грудь и перебирая маленькими, почти женскими ногами въ лакированныхъ туфляхъ, танцовалъ серьезно, молчаливо, вдумчиво, какъ математикъ, занятый разрѣшеніемъ трудной задачи.

... Женщины горѣли желаніемъ быть представленными великому танцору. Онѣ заранѣе предвкушали, какъ будутъ завидовать

подруги, когда завидятъ ихъ въ объятьяхъ Жюля, великаго танцора. Приглашенія лились дождемъ на Жюля. Передъ нимъ раскрывались двери наиболѣе недоступныхъ салоновъ. Каждый вечеръ онъ пріобрѣталъ десятокъ новыхъ знакомыхъ. Мода привлекала въ Парижъ профессоровъ изъ-за океана: альфонсовъ изъ предмѣстій Буэносъ-Айреса, гордыхъ и смущенныхъ тѣмъ, что ихъ привѣтствуютъ, какъ знаменитыхъ теноровъ или лекторовъ. Но такъ какъ эти „компадритосъ“ [1]) танцовали съ первобытной грубостью и, кромѣ того, брали деньги за уроки, то надъ ними всѣми восторжествовалъ Жюль Денуае. Приключенія его разсказывались всѣми, какъ эпизоды изъ моднаго романа [2])...

И вотъ съ стремительной быстротой надвинулась война, о которой всѣ говорили, но въ которую никто не вѣрилъ. „Мы не дикари, — думали всѣ, — въ наше время войны болѣе невозможны. Какъ можетъ быть война? При нынѣшнихъ орудіяхъ истребленія черезъ два мѣсяца въ Европѣ не останется больше солдатъ. Зданіе мирового кредита такъ устроено, что оно рухнетъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Вѣрящіе въ войну знаютъ это. И подобное сознаніе является лучшей гарантіей міра“. Такъ думали всѣ. И, тѣмъ не менѣе, война, безпримѣрная по размѣрамъ и ожесточенности, началась. По полямъ и городамъ Бельгіи, Франціи, Польши и Сербіи помчались четыре апокалипсическихъ всадника. Бласко Ибаньесъ вкладываетъ въ уста русскаго свою любовь къ мягкой средиземной культурѣ и ненависть къ философіи, въ основѣ которой лежитъ война.

„Цивилизація не исчерпывается всецѣло высоко развитой промышленностью, громаднымъ торговымъ флотомъ, сильной арміей и многочисленными университетами, въ которыхъ преподаются прикладныя науки, — говоритъ герой рома Черновъ. — Это матеріальная цивилизація. Есть другая, болѣе превосходная, возвышающая душу и не допускающая безпрерывнаго униженія человѣчества. Швейцарецъ, живущій въ своемъ деревянномъ шалэ и сознающій, что онъ равенъ всѣмъ остальнымъ согражданамъ, болѣе цивилизованъ, чѣмъ Her Professor, уступающій дорогу поручику, или гамбургскій милліонеръ, лакейски гнущій спину передъ каждымъ, могущимъ прибавить частицу von къ своей фамиліи... Кто въ Германіи протестовалъ когда-нибудь во имя защиты человѣческихъ правъ? Какія революціи происходили въ Пруссіи, въ этой странѣ великихъ деспотовъ? За два вѣка существованія Пруссіи только

---

[1]) Compadrito — альфонсъ.

[2]) Los cuatro jinetes, p.p. 91—93.

одна революція 1848 года, представлявшая собою плохую копію французской и кончившаяся ничѣмъ!.. За послѣднія сорокъ лѣтъ имперіализмъ въ Германіи достигъ высшаго развитія. Гдѣ же та интеллектуальная гегемонія Германіи, столь прославляемая нѣмцами? Они отличные чернорабочіе науки. Германцы настойчивые ученые съ узкимъ кругозоромъ, не видящіе дальше своей спеціальности. И на ряду съ громаднымъ трудолюбіемъ, достойнымъ всякаго уваженія, сколько научнаго шарлатанства! Сколько великихъ именъ, служащихъ вывѣской! Сколько ученыхъ, стоявшихъ во главѣ гостиницъ-санаторій!.. Германская наука дала много человѣчеству. Я признаю это, — продолжалъ Черновъ, — но наука другихъ народовъ дала тоже очень много. Если не считать ученыхъ спеціалистовъ, то гдѣ геніи, порожденные въ наше время Германіей, считающей себя универсальной? Вагнеръ — послѣдній романтикъ; онъ заканчиваетъ собою цѣлую эпоху и принадлежитъ къ прошлому. Ницше настойчиво указывалъ на свое польское происхожденіе и ненавидѣлъ Германію. Онъ предсказывалъ даже, что Германія подчинится славянскому міру. Другихъ великихъ людей мы не видимъ въ современной Германіи. Мы, „дикари", дали міру величайшихъ геніевъ, принесшихъ съ собою свѣтъ. Какія имена можетъ Германія Вильгельма II поставить рядомъ съ именами Толстого и Достоевскаго?.. Германія выдвинула геніевъ, когда не народился еще гордый пангерманизмъ; когда имперія еще не существовала. Гете, Шиллеръ и Бетховенъ родились въ маленькихъ государствахъ. Они восприняли идеи другихъ странъ и, въ свою очередь, содѣйствовали созданію міровой цивилизаціи. Они явились гражданами міра и не требовали, чтобы всѣ, читавшіе или слушавшіе ихъ, германизировались". Русскій дальше доказываетъ, что „культъ Одина" только перемѣнилъ названіе въ Германіи. „Одинъ" это — германское государство. „Одинъ", какъ и въ былыя времена, требуетъ человѣческихъ жертвъ. „Въ заснувшей аллеѣ Елисейскихъ полей русскій говоритъ своимъ спутникамъ про окровавленныхъ, неумолимыхъ боговъ германскаго полусна. Они пробудятся отъ сна въ эту ночь, заслышавъ любезное ихъ уху бряцанье оружія и обоняя острый запахъ крови. Свирѣпый, малоголовый Торъ протягиваетъ мышцы и хватается за градокрушительный молотъ свой. Вотанъ точитъ копье, остріе котораго молнія, а ратовище — громъ. Одноглазый Одинъ зѣваетъ отъ жадности на вершинѣ своей горы, ожидая мертвыхъ воиновъ, что столпятся у его трона. Простоволосыя Валкиріи, потныя, пахнущія лошадью, мчатся съ облака на облако, поощряя пронзительнымъ воемъ бойцовъ. Онѣ уносятъ трупы, перекинувъ ихъ, какъ переметы, впереди себя. Передъ „Одиномъ" не

всѣ равны. Культъ его цѣнитъ только сильныхъ, которыхъ убѣждаетъ своимъ авторитетомъ дерзать на все. Слабые должны имъ подчиниться, или исчезнуть. Народы тоже не равны между собою и раздѣляются на господъ и на низшія племена, удѣлъ которыхъ подчиняться. Такъ угодно Богу, — учатъ послѣдователи культа „Одина“.

Тутъ художникъ Архенсола прервалъ русскаго. Для доказательства неравенства людей германцы опираются не на религію, а на науку.

— Знаю, — сказалъ русскій. — Они говорятъ про детерминизмъ, естественный подборъ и про борьбу за существованіе. Германцы, такъ гордящіеся своими научными заслугами, строятъ на чужой землѣ свои любимыя теоріи и берутъ у сосѣдей матеріалы. Французъ Гобино и англичанинъ Чемберлэнъ дали имъ всѣ аргументы для защиты теоріи о томъ, что германцы — высшая раса. Изъ крохъ, упавшихъ со стола Дарвина и Спенсера, ихъ ученикъ Гекель сфабриковалъ доктрину монизма. Эта теорія, приложенная къ политикѣ, научно оправдываетъ гордость германцевъ и говоритъ, что надъ міромъ властвуетъ болѣе сильный.

Когда пріятели проходятъ подъ гулкими сводами Тріумфальной арки на площади Звѣзды, русскій не можетъ не задуматься надъ тѣмъ, что будетъ, если нѣмцы снова войдутъ въ Парижъ, какъ въ 1871 году.

„Что будетъ, если они снова будутъ топтать эти плиты? Въ 1871 году то были бѣдняки, пораженные собственнымъ стремительнымъ успѣхомъ. Они проходили здѣсь, чувствуя то же самое, что испытываетъ деревенскій парень, попавъ въ роскошную гостиную. Они удовлетворились тогда деньгами да двумя провиціями, чтобы тѣ на вѣчныя времена напоминали бы про поразительную побѣду. Но теперь въ Парижъ вошли бы не только солдаты. Въ хвостѣ войска, какъ раздраженная маркитантка, пришелъ бы Herr Professor, который, вмѣсто бочонка водки, принесъ бы на плечахъ теоріи германской „культуры“. Въ обозѣ прибыла бы новая философія, прославляющая силу, какъ главное начало, отрицающая свободу, отказывающая слабому въ правѣ на жизнь и отдающая міръ избранному народу, угодному Богу только потому, что имѣетъ болѣе совершенныя орудія истребленія. Человѣчество должно трепетать за свое будущее, если подъ этими сводами снова раздастся гулъ шаговъ германскихъ солдатъ“. Русскаго приводитъ въ негодованіе то, что „народъ, руководимый безумцами, желаетъ помѣстить Насиліе на пьедесталѣ, воздвигнутомъ для Права“ [1]).

---

[1]) Los cuatro jinetes del Apocalipsis, p.p. 131—141.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, Черновъ развиваетъ дальше свои взгляды. „Больше всего раздражала русскаго переоцѣнка всѣхъ нравственныхъ цѣнностей и философія бандитовъ, выдвигаемая, какъ послѣднее слово прогресса, но представляющая собою возвращеніе къ первымъ временамъ исторіи. Русскій желалъ пораженія носителей этой философіи; но, тѣмъ не менѣе, онъ не желалъ истребленія германскаго народа.

„Германцы, какъ народъ, обладаютъ великими достоинствами, смѣшанными съ недостатками, унаслѣдованными отъ прошлаго. Германцы, напримѣръ, обладаютъ организаторскимъ талантомъ и способностью работать; они поэтому могутъ оказать человѣчеству громадныя услуги. Но предварительно германцы нуждаются въ хорошемъ душѣ, т. е. въ пораженіи. Германцы обезумились гордостью, и ихъ безуміе становится крайне опаснымъ для міра. Когда исчезнутъ тѣ, которые отравили германцевъ иллюзіями гегемоніи надъ міромъ; когда несчастія прояснятъ и освѣтятъ воображеніе нѣмцевъ и когда они удовольствуются быть народомъ, равнымъ со всѣми, — они будутъ полезны и, кто знаетъ, быть можетъ, даже симпатичны. По мнѣнію Чернова, теперь для человѣчества нѣтъ болѣе опаснаго народа. Политическая организація германцевъ превратила ихъ въ воинственную орду, вымуштрованную пинками. Воля индивидуумовъ атрофирована. Передъ нами страна, гдѣ всѣ получаютъ пинки, и поэтому народъ стремится дать пинки другимъ [1])“.

III.

Представителемъ нѣмецкаго міровоззрѣнія въ романѣ является профессоръ Юліусъ фонъ-Гартротъ, двоюродный братъ знаменитаго „тангиста“ Жюля Денуае. Ихъ отцы женились на дочеряхъ „центавра“. Карлъ фонъ-Гартротъ задолго до войны уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ сталъ однимъ изъ финансовыхъ королей. Наканунѣ объявленія войны профессоръ навѣщаетъ въ Парижѣ своего двоюроднаго брата, которому совѣтуетъ немедленно уѣхать, такъ какъ Парижъ будетъ, несомнѣнно, взятъ. Противъ Германіи никто не можетъ устоять, ибо германскій народъ — цвѣтъ человѣчества. „Мы — единственный свободный народъ на землю, ибо умѣемъ повиноваться, — объясняетъ профессоръ Юліусъ фонъ-Гартротъ. — Мы обладаемъ свободой, приличествующей великому народу: свободой экономической и интеллектуальной“.

— Ну, а свобода политическая? — спросилъ Жюль.

---

[1]) Los cuatro jinetes, p. 338—338.

Профессоръ только презрительно пожалъ плечами при этомъ вопросѣ.

— Политическая свобода! Только вырождающіеся народы, не знающіе дисциплины, да низшія расы, жаждущія равенства съ высшими, говорятъ про политическую свободу. Германцамъ она не нужна. Мы народъ, состоящій изъ господъ. Мы признаемъ іерархію и желаемъ, чтобы нами повелѣвали родившіеся высшими. Мы обладаемъ организаторскимъ геніемъ.

По словамъ профессора, этотъ геній — великій полетъ германскаго народа. Захвативъ міръ, германская раса передастъ всему человѣчеству благодѣянія своего открытія. Народы будутъ такъ организованы, что индивидуумъ отдастъ обществу maximum своихъ способностей. Люди будутъ раздѣлены на полки для коллективнаго производства разнаго рода цѣнностей. Они, какъ машины, будутъ повиноваться волѣ завѣдующихъ. Такимъ образомъ, общество получитъ наивысшую сумму работы. И то государство, гдѣ такая работа возможна, является высшимъ государствомъ. Свобода представляетъ собою идею чисто отрицательную, или не сопровождается положительной концепціей, дѣлающей свободу полезной.

Жюль и Архенсола съ изумленіемъ прислушивались къ рѣчамъ профессора, описывавшаго идеальный строй, который міръ получитъ отъ Германіи. Каждый индивидуумъ, какъ клочекъ земли, подчиненъ интенсивной культурѣ. Человѣкъ превращается въ механизмъ. Не надо никакихъ дѣйствій, не производящихъ немедленные результаты.

— Такъ ты думаешь, что война будетъ? — спрашиваетъ Жюль у своего двоюроднаго брата. Молодой художникъ, какъ подавляющее большинство во Франціи, даже наканунѣ объявленія войны, не вѣрилъ еще въ ея возможность.

— Война объявлена будетъ завтра или послѣзавтра, — отвѣчаетъ профессоръ. — Она теперь неминуема и необходима для спасенія человѣчества.

Наступило молчаніе. Жюль и Архенсола въ изумленіи глядѣли на этого человѣка, столь миролюбиваго по внѣшности и прославляющаго войну.

— Ты не французъ, — началъ профессоръ, обращаясь къ своему двоюродному брату. — Ты родился въ Аргентинѣ, и поэтому тебѣ можно сказать правду.

— А развѣ ты не родился тоже въ Аргентинѣ? — съ улыбкой спросилъ Жюль.

Профессоръ сдѣлалъ жестъ протеста, какъ будто услыхалъ нѣчто оскорбительное.

— Нѣтъ, я — нѣмецъ. Гдѣ бы мы ни родились, мы всегда принадлежимъ нашей матери Германіи.

И онъ продолжалъ, обращаясь къ Архенсолѣ: „Вы тоже иностранецъ. Вы — изъ благородной Испаніи, обязанной намъ самымъ лучшимъ, что она имѣетъ: культомъ чести и рыцарскимъ духомъ“.

Испанецъ хотѣлъ протестовать; но профессоръ не далъ ему говорить и прибавилъ докторальнымъ тономъ:

— Вы были жалкими кельтами; васъ побѣдила низшая раса, принесшая къ вамъ латинскую культуру, что сдѣлало вашу долю еще болѣе горькой. Къ счастью, ваша страна была завоевана готами и другими племенами, германскаго происхожденія. Они и принесли къ вамъ сознаніе человѣческаго достоинства. Не забудьте, юноша, что вандалы были предки нынѣшнихъ пруссаковъ.

Снова Архенсола хотѣлъ говорить, но снова Жюль сдѣлалъ ему знакъ, чтобы мы не прерывали профессора, который, опьяненный собственными словами, забылъ всякую сдержанность.

— Мы увидимъ великія событія, — началъ онъ. — Какъ счастливы мы, что живемъ въ подобную эпоху, представляющую собою самую интересную въ исторіи. Человѣчество теперь готовится перемѣнить свой курсъ. Начинается эпоха дѣйствительной цивилизаціи.

И профессоръ сообщилъ, что война кончится съ безпримѣрной скоростью. Германія выполнитъ планъ, задуманный ею, не прерывая надолго экономической жизни всего міра. Одного мѣсяца будетъ достаточно, чтобы разгромить окончательно своего самаго страшнаго противника — Францію. Затѣмъ Германія двинется противъ Россіи, которая, вслѣдствіе обширности своей, не въ состояніи будетъ оказать немедленнаго сопротивленія. Затѣмъ, разгромивъ Францію и Россію, Германія нападетъ на гордую Англію, укрывшуюся на своихъ островахъ и препятствующую распространенію германскаго прогресса. Для осуществленія всей этой серіи молніеносныхъ ударовъ и разгромовъ требуется только одно лѣто. Съ листопадомъ міръ увидитъ окончательный тріумфъ Германіи. Съ увѣренностью и убѣжденностью ученаго, знающаго, что его не могутъ опровергнуть, профессоръ объяснялъ превосходство германской расы. Люди дѣлятся на двѣ группы: на доликокефаловъ и брахикефаловъ. Въ научномъ отношеніи ихъ также можно раздѣлить на русоволосыхъ и черноволосыхъ. Доликокефалы представляютъ собою чистую расу, надѣленную высшими умственными способностями. Брахикефалы — метисы, отмѣченные печатью вырожденія. Германецъ, представляющій собою чистый типъ доликокефала, является

единственнымъ наслѣдникомъ примитивныхъ арійцевъ. Всѣ остальные народы, а въ особенности южно-европейскіе, т. е. латинскія націи, представляютъ собою вырождающееся человѣчество. Тутъ испанецъ не выдержалъ.

— Но эти теоріи о расахъ устарѣли. Нѣтъ больше сколько-нибудь серьезнаго ученаго, который отстаивалъ бы ихъ. Чистыхъ народовъ нѣтъ, такъ какъ всѣ свидѣтельствуютъ о скрещиваніи съ незапамятныхъ временъ. Многіе нѣмцы въ этническомъ отношеніи предъявляютъ всѣ тѣ признаки, которые, согласно профессору, отличаютъ представителей низшей расы.

— Кое-что въ вашихъ утвержденіяхъ вѣрно, — сказалъ Гартротъ. — Но хотя германская раса и не совсѣмъ чиста, — она все же наименѣе смѣшанная среди всѣхъ другихъ народовъ, а потому ей приличествуетъ править міромъ.

Въ голосѣ профессора зазвучала иронія, когда онъ заговорилъ о кельтахъ, заселившихъ югъ. Они задержали прогрессъ человѣчества, направивъ его на ложный путь. Кельтъ — индивидуалистъ, и, вслѣдствіе этого, онъ — стремящійся къ равенству, революціонеръ, не признающій дисциплины. Къ тому же онъ гуманистъ; онъ по принципу защищаетъ слабыхъ, которымъ не должно быть мѣста въ экономіи природы. Благородный германецъ ставитъ выше всего порядокъ и силу. Онъ избранъ самою природой, чтобы повелѣвать расами евнуховъ, такъ какъ обладаетъ всѣми данными, отличающими вождя. Французская революція была только столкновеніемъ между германцами и кельтами. Французское дворянство происходитъ отъ германскихъ воиновъ, утвердившихся въ странѣ во время, такъ называемаго, нашествія варваровъ, тогда какъ буржуазія и низшій классъ представляютъ галло-кельтскій элементъ. Низшая раса побѣдила высшую, дезорганизовала страну и потрясла весь міръ. Кельты придумали демократію, соціализмъ и анархію. Но теперь пробилъ часъ, когда германская раса должна разсчитаться. Сѣверная раса возвращается, чтобы возстановить порядокъ, ибо для этого именно сохранилъ ее Богъ. Народъ можетъ достигнуть какихъ-либо крупныхъ результатовъ въ исторіи только въ томъ случаѣ, если онъ германскаго происхожденія. Чѣмъ менѣе германской крови въ его жилахъ, тѣмъ несовершеннѣе его цивилизація. Мы представляемъ собою аристократію человѣчества и соль земли. Профессоръ дальше объясняетъ, что предстоящая война не будетъ похожа на всѣ предшествовавшія ей. „До сихъ поръ войну вели солдаты, а теперь будетъ война солдатъ и профессоровъ. Университеты приняли такое же участіе въ подготовленіи ея, какъ и генеральный штабъ. Германская наука, то есть самая

совершенная наука, навсегда соединилась съ тѣмъ, что революціонеры латинскихъ расъ презрительно называютъ милитаризмомъ. Въ мірѣ господствуетъ сила. Она установила право. Она создала нашу цивилизацію, которая одна только заслуживаетъ названія истинной. Германская армія представляетъ собою цвѣтъ нашей культуры. Эта армія въ нѣсколько недѣль освободитъ міръ отъ кельтскаго вырожденія и обновитъ землю..." Высшимъ, наиболѣе совершеннымъ символомъ германизма является, — по утвержденію профессора, — Вильгельмъ II, „идеальный герой, въ которомъ нуждалась страна". „Мой учитель Лампрехтъ истолковалъ все величіе императора, — продолжаетъ Гартротъ. — Въ Вильгельмѣ II сконцентрированы традиціи германскаго народа и всѣ упованія его, порядокъ и дерзаніе. Какъ и дѣдъ его, онъ убѣжденъ, что властвуетъ милостью Божьею. Его живой и блестящій умъ схватываетъ и усваиваетъ также все новое. Онъ романтикъ, феодалъ и опора консерваторовъ-аграріевъ; но въ то же время онъ современный человѣкъ, ищетъ практическихъ разрѣшеній и обнаруживаетъ утилитарный, „американскій" умъ. Руководимая этимъ героемъ, Германія собрала свои силы и познала собственную дорогу. Университеты восторженно привѣтствовали Вильгельма II и его армію. Зачѣмъ же накоплять такую громадную силу, если не примѣнить ее въ концѣ-концовъ. Міровое господство принадлежитъ по праву германскому народу, такъ какъ только онъ одинъ располагаетъ достаточной силой. Германизація принесетъ человѣчеству неисчислимыя блага. Населеніе земного шара будетъ благоденствовать подъ властью народа, рожденнаго быть господами. Германское государство, представляющее собою такой растяжимый организмъ, затмитъ своимъ блескомъ всѣ имперіи прошлаго и настоящаго. Съ нами Богъ. Можетъ ли кто сомнѣваться въ существованіи германскаго Бога, нашего великаго союзника, какъ называетъ его императоръ? Этотъ Богъ проявитъ свою мощь передъ нашими врагами" [1]).

— „Война неизбѣжна, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ профессоръ Юліусъ фонъ-Гартротъ. — Намъ нужны колоніи, принадлежащія другимъ. Бисмаркъ, къ сожалѣнію, былъ уже старъ, когда произошелъ раздѣлъ земли. Вотъ почему онъ не потребовалъ ничего для Германіи, предоставивъ, такимъ образомъ, Англіи и Франціи забрать себѣ лучшія земли. Намъ необходимо, чтобы Германіи принадлежали всѣ страны, въ жилахъ населенія которыхъ течетъ германская кровь; тѣ страны, въ которыхъ цивилизація насаждена нашими предками". И Гартротъ перечислилъ эти страны. Голландія

---

[1]) Los cuatro jinetes del Apocalipsis, p. p. 104—117.

и Бельгія должны войти въ составъ Германской Имперіи. Франція тоже цивилизована была франками. Третья часть крови въ жилахъ населенія — германская. Италія... (Тутъ Гартротъ запнулся на мгновеніе, такъ какъ вспомнилъ, что это — союзная держава, конечно, ненадежная, но все-таки не непріятель.) Испанія и Португалія были заселены свѣтловолосыми готами, и поэтому тоже принадлежатъ къ странамъ съ германскимъ населеніемъ. И такъ какъ большинство населенія Южн. Америки испанскаго происхожденія, то и оно станетъ участникомъ возрожденія подъ германской гегемоніей. — Впрочемъ, о нихъ еще рано думать, — скромно добавилъ профессоръ. — Но часъ справедливаго суда исторіи пробьетъ.

„И все это осуществлено будетъ при помощи громадныхъ армій и путей, такъ какъ война является высшей формой прогресса. Моральныя правила должны существовать между индивидуумами, чтобы сдѣлать ихъ болѣе послушными и болѣе удобнымъ объектомъ для дисциплины. Но государству моральныя правила мѣшаютъ, и потому должны быть уничтожены имъ, какъ безполезная помѣха. Для государства не существуетъ ни истина, ни ложь. Оно признаетъ только утилитарность и средства, помогающія достиженію цѣли. Великій Бисмаркъ, чтобы добиться той войны съ Франціей, которая явилась фундаментомъ славы Германіи, не остановился передъ поддѣлкой телеграммы. „И знаю, что онъ — величайшій герой для нашего времени. Исторія снисходительно относится къ его поддѣлкѣ. Кто дерзнетъ осудить побѣдителя? Профессоръ Гансъ Дельбрюкъ былъ правъ, сказавъ: „Будь благословенна рука, поддѣлавшая эмскую телеграмму!“

„...Сила создаетъ новые законы. Если мы выйдемъ побѣдителями, — исторія не потребуетъ у насъ отчета за то, что мы сдѣлали. И такъ какъ мы навѣрно побѣдимъ, то священнослужители всѣхъ культовъ будутъ прославлять войну... Сила это — красота. Какъ много блеска и выразительности въ этомъ словѣ! Какъ много значитъ сила! Одинъ вѣрный ударъ и всѣ аргументы опровергнуты“.

— „Но развѣ ты такъ увѣренъ въ побѣдѣ? — спрашиваетъ Жюль у своего двоюроднаго брата. — Иногда судьба готовитъ страшныя разочарованія. Есть скрытыя силы, которыя трудно учесть заранѣе, а между тѣмъ они могутъ разстроить самые точные расчеты“.

На губахъ профессора скользнула презрительная улыбка.

— „Все предвидѣно и изучено давно уже съ нѣмецкой тщательностью и рачительностью. Кто наши враги? Самый страшный противникъ нашъ, — Франція — не въ силахъ выдержать долю страданій, лишеній и чрезмѣрное нервное напряженіе, приносимое войною

Французы — народъ физически слабый, отравленный революціоннымъ духомъ, отвыкшій, вслѣдствіе чрезмѣрной любви къ внѣшнему благополучію, отъ употребленія оружія. Наши полководцы оставятъ Францію въ такомъ состояніи, что она никогда больше не дерзнетъ заступить намъ дорогу. Остается Россія, но трудно собрать ея аморфныя массы, а еще труднѣе — двинуть ихъ. Германскій генеральный штабъ вычислилъ все, какъ по хронометру. Въ четыре недѣли Франція будетъ разгромлена, и тогда Германія броситъ всѣ свои силы противъ Россіи, прежде чѣмъ, эта страна начнетъ свои военныя дѣйствія. Убивъ пѣтуха, мы покончимъ и съ медвѣдемъ", — закончилъ побѣдоносно профессоръ. Онъ угадалъ замѣчаніе, которое хочетъ сдѣлать его двоюродный братъ.

— „Я знаю, что ты хочешь мнѣ сказать. Остается еще другой непріятель, не выступившій еще на арену, но появленія котораго мы, нѣмцы, всѣ такъ ждемъ. Этого врага мы больше всего ненавидимъ, потому что онъ измѣнилъ своей расѣ. Какъ мы его ненавидимъ!"

И въ тонѣ, которымъ сказаны были эти слова, звучали злоба и желаніе мщенія.

— „Мы выйдемъ побѣдителями, даже если Англія тоже присоединится къ непріятелю, — продолжалъ Гартротъ, — Англія не страшнѣе для насъ, чѣмъ Франція или Россія. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ она владычествуетъ надъ міромъ. Когда Наполеонъ палъ, Англія завладѣла на Вѣнскомъ конгрессѣ гегемоніей и будетъ сражаться за сохраненія ея. Но что значитъ ея усиліе? По выраженію Бернгарди, англичане — народъ, состоящій изъ людей, живущихъ при своемъ капиталѣ да изъ спортсменовъ. Англійская армія составлена изъ подонковъ. У англичанъ нѣтъ военнаго духа, тогда какъ мы — народъ, состоящій изъ воиновъ. Мы поэтому легко побѣдимъ англичанъ, ослабленныхъ ложнымъ представленіемъ о жизни... Мы, кромѣ того, разсчитываемъ на внутреннюю гниль нашихъ враговъ и на то, что ихъ единство только внѣшнее, — прибавилъ профессоръ послѣ нѣкоторой паузы. — Господь поможетъ намъ и посѣетъ раздоръ среди этихъ ненавистныхъ намъ народовъ. Не потребуется много времени, чтобы человѣчество узрѣло карающую десницу Божію. Одновременно съ объявленіемъ войны, во Франціи вспыхнетъ революція. Населеніе Парижа начнетъ сооружать баррикады на улицахъ, и повторится анархія, какъ во времена Коммуны. Тунисъ, Алжиръ и другія колоніи возстанутъ противъ метрополіи",

Недовѣрчивая улыбка появилась на губахъ Архенсола.

— „Я знаю хорошо, что говорю, — настаивалъ Гартротъ. — Во Франціи произойдетъ революція, и въ ея колоніяхъ возмущенія. Англія напрасно будетъ взывать къ колоніямъ своимъ о помощи.

Индія возстанетъ, а Египетъ придетъ къ заключенію, что настало время для освобожденія".

IV.

Война началась. Германскія войска, какъ лавина, устремились впередъ, сметая всѣ преграды: Бласко Ибаньесъ съ большой силой описываетъ движеніе этой лавины, затѣмъ бѣгство состоятельныхъ классовъ изъ Парижа, когда вдругъ выяснилось, что непріятель почти у стѣнъ города. Битва на Марнѣ спасла Парижъ отъ той участи, которой опасался Черновъ. Старикъ Денуае становится свидѣтелемъ великаго сраженія.

Онъ находится въ своемъ замкѣ на берегахъ Марны. И этотъ замокъ занимаютъ нѣмцы. Они превращаютъ его въ фортъ во время битвы. Сила таланта испанскаго романиста проявляется въ особенности во время описаній. И штурмъ замка, въ которомъ укрѣпились нѣмцы — наиболѣе поразительныя страницы въ произведеніи Бласко Ибаньеса. Французы одерживаютъ великую побѣду на Марнѣ, но они такъ изнурены, что не могутъ долго преслѣдовать непріятеля. Когда французы занимаютъ замокъ, старикъ Денуае возвращается въ Парижъ, по пути, по которому только что прослѣдовали „четыре всадника". Вотъ результаты работы всадника на рыжемъ конѣ; всадника, которому „дано бысть взяти миръ отъ земли". Всюду по дорогѣ Денуае встрѣчалъ кучи обугленнаго вещества, представлявшаго собою трупы людей и лошадей, сожженыхъ нѣмцами тогда, когда не началось еще общее отступленіе. И несмотря на эти костры, трупы лежали всюду. Ихъ было такъ много, что, казалось, имъ нѣтъ числа. Казалось, что земля извергла всѣ тѣла, которыя приняла со времени появленія человѣчества на ея поверхности. Безстрастное солнце заливало ослѣпительными потоками свѣта поле, усѣянное мертвыми тѣлами. Обломки штыковъ, металлическія бляхи и ружейные стволы сверкали, какъ куски зеркала. Была ночь, дождь и солнце еще не уничтожили своимъ разъѣдающимъ дѣйствіемъ блеска этихъ остатковъ боя. Трупы начали разлагаться. Запахъ преслѣдовалъ старика и становился сильнѣе по мѣрѣ того, какъ пѣшеходъ приближался къ Парижу. Каждые полчаса старикъ проходилъ новый кругъ, представлявшій послѣдующую ступень разложенія человѣческаго тѣла. Сперва Денуае проходилъ мимо труповъ солдатъ, убитыхъ наканунѣ. Эти были еще свѣжи. Тѣ трупы, которые были на другомъ берегу рѣки, пролежали уже два дня. Потомъ стали попадаться тѣла, пролежавшія три-четыре дня.

---

[1]) Los cuatr. jinetes, p. p. 113—114.

Испуганныя стаи вороновъ съ шумомъ поднимались, заслышавъ шаги старика, но сейчасъ же опять садились. Они были сыты, но еще не пресыщены и утратили всякій страхъ передъ человѣкомъ. Время отъ времени старикъ встрѣчалъ живыя существа. То были отряды кавалеристовъ, жандармовъ, зуавовъ и стрѣлковъ. Они изслѣдовали мѣстность, разыскивая спрятавшихся нѣмцевъ. Денуае приходилось каждый разъ разсказывать снова свою исторію и показывать свой спеціальный паспортъ, выданный ему для путешествія съ военными поѣздами въ свой замокъ. Эти солдаты, многіе изъ которыхъ были ранены, находились еще подъ впечатлѣніемъ побѣды. Они смѣялись, шумно говорили о своихъ подвигахъ и о минувшихъ опасностяхъ.

— Мы ихъ теперь прогонимъ за границу палками, — говорили они. Негодованіе солдатъ увеличилось при видѣ всего окружающаго. Деревни, амбары, отдѣльныя мызы были сожжены. На широкой равнинѣ, какъ скелетъ доисторическихъ животныхъ, виднѣлись желѣзные остовы зданій, исковерканные огнемъ. Громадныя фабричныя трубы валялись на землѣ, срѣзанныя почти у основанія. Въ тѣхъ трубахъ, которыя стояли еще, виднѣлись частыя, правильныя сквозныя отверстія, произведенныя пушечными снарядами. И онѣ казались гиганскими свирѣлями, воткнутыми въ землю. За разрушенными деревнями женщины копали громадныя ямы, но работа ихъ казалась безполезной, такъ какъ требовались нечеловѣческія усилія, чтобы закопать всѣ эти трупы. И Денуае подумалъ: „Послѣ побѣды мы всѣ умремъ. Насъ пожретъ чума“ [1]).

И наконецъ, старикъ возвращается въ опустѣвшій Парижъ, въ свой роскошный дворецъ на avenue Victor Hugo. Величественный швейцаръ привѣтствовалъ его, не зная, чѣмъ объяснить жалкій нищенскій видъ милліонера.

— Откуда вы? — спросилъ онъ.

— Изъ ада, — пробормоталъ старикъ. Онъ удивлялся, видя зданія не разрушенныя еще. Онъ удивлялся, что у него есть обѣдъ что его нѣмцы не гонятъ прикладами носить воду раненымъ. Видъ богатства напомнилъ ему снова, что онъ не послѣдній обсѣвокъ въ полѣ, но въ то же время въ памяти его начали воскресать всѣ оскорбленія и униженія, которыя онъ вытерпѣлъ въ послѣдніе дни... Черезъ два дня утромъ раздался звонокъ. Неужели кто-нибудь пришелъ въ гости теперь? Вошелъ солдатъ, маленькій пѣхотный солдатикъ, робкій, съ кепи въ рукѣ. Онъ бормоталъ несвязныя извиненія.

---

[1]) Los cuatro jinetes, p. p. 311—313.

— Я узналъ, что вы здѣсь... Я пришелъ... — пробормоталъ онъ.

То пришелъ Жюль, съ которымъ отецъ долго былъ въ ссорѣ. Старикъ стыдился, что въ то время, какъ всѣ ушли на войну, сынъ его ведетъ такую же жизнь, какъ и раньше. И вотъ теперь сынъ пришелъ мириться. Какимъ прекраснымъ онъ показался отцу. Кепи его порыжѣла и была запылена, а слишкомъ широкая шинель — вся въ заплатахъ; сапоги пахли юфтой. Но отцу казалось что онъ никогда не видѣлъ сына, болѣе изящнымъ и наряднымъ, чѣмъ теперь, когда его одѣли въ то, что удалось собрать въ цейхгаузахъ.

— Это ты? Ты?..

Отецъ судорожно обнялъ сына, застоналъ, какъ ребенокъ, и почувствовалъ, что ноги его не держатъ. Онъ всегда надѣялся, что у нихъ съ сыномъ наладится миръ... Теперь отецъ простилъ сыну за все прошлое. Въ концѣ концовъ, главнымъ виновникомъ былъ онъ, старикъ. Онъ былъ слишкомъ суровъ съ сыномъ.

— Ты — солдатъ? — твердилъ Денуае. — Ты защищаешь мою страну, чуждую тебѣ? — И старикъ цѣловалъ сына, а потомъ отходилъ на нѣсколько шаговъ, чтобы лучше любоваться имъ. Рѣшительно, мальчикъ гораздо красивѣе въ своемъ смѣшномъ, мѣшковатомъ мундирѣ, чѣмъ тогда, когда былъ знаменитымъ „тангистомъ“ и прельщалъ всѣхъ женщинъ. Старикъ, наконецъ, преодолѣлъ свое волненіе. Въ глазахъ его теперь горѣлъ злой огонь. Выраженіе ненависти искривило его губы.

— Ступай, мой мальчикъ, — сказалъ онъ просто. — Ты не знаешь еще, что такое война. Я пришелъ оттуда и видѣлъ ее вблизи. Эта война не похожа на всѣ другія, когда бой идетъ съ честными врагами. Теперь идетъ бой съ дикими звѣрями. Стрѣляй же въ нихъ. Съ каждымъ убитымъ уменьшаются опасности, угрожающія человѣчеству.

V.

Жюль ушелъ на войну. Онъ видѣлъ много слѣдовъ четырехъ всадниковъ. Жюль сражался и былъ произведенъ въ офицеры... Но вотъ въ домѣ Денуае случилось то же, что теперь бываетъ въ безчисленномъ множествѣ домовъ: старики узнали про то, что сынъ ихъ убитъ во время атаки и похороненъ гдѣ-то въ Шампани. И черезъ нѣсколько недѣль, когда старики немного оправились, они ѣдутъ разыскивать могилу сына. Въ автомобилѣ, кромѣ Денуае и

жены его, сидятъ еще ихъ дочь Чинчи и ея мужъ Рене, молодой офицеръ, искалѣченный на войнѣ.

Автомобиль медленно подвигался впередъ. Надъ нимъ висѣло низкое, хмурое зимнее небо. Казалось, что земля покрыта безчисленнымъ множествомъ бабочекъ, вздрагивавшихъ крыльями. Въ одномъ мѣстѣ поля бабочки эти образовали громадный рой, тогда какъ въ другомъ — жались кучками. И когда автомобиль приблизился, то сидящіе въ немъ увидали, что крылья бабочекъ трехцвѣтныя: то виднѣлось красное, то синее, то бѣлое крылышко. То были тысячи маленькихъ французскихъ флаговъ, трепетавшихъ постоянно то отъ легкаго вѣтерка, то отъ бѣшенаго порыва урагана, то отъ ледяного дуновенія зимней ночи. Края флажковъ истрепались отъ непогоды. Другіе были обожжены еще лѣтнимъ солнцемъ, какъ насѣкомыя, задѣвшія крыльями огонь. Среди трепетавшихъ флажковъ виднѣлись почернѣвшіе кресты, а на нихъ кепи, красныя фески съ длинными кистями, каски, украшенныя конскими волосами. Все это гнило и плакало дождевыми глазами.

— Сколько убитыхъ! — вздохнулъ Денуае.

И Рене, сидѣвшій напротивъ, съ грустью утвердительно кивнулъ головой. Могилы, могилы со всѣхъ сторонъ... Не было клочка земли, на которомъ не трепетали бы флажки. Казалось, земля вопитъ о чемъ-то. И ея крики — трепещущіе флаги... Въ каждой могилѣ лежало по нѣсколько человѣкъ. Число ихъ можно было опредѣлить по тлѣющимъ солдатскимъ шапкамъ да по заржавленнымъ каскамъ, навѣшаннымъ на крестѣ... Вѣнки, которыми были украшены нѣкоторые кресты, почернѣли и потеряли всѣ листья, бывшіе на нихъ. На нѣкоторыхъ крестахъ можно еще было прочитать имена убитыхъ; но на большинствѣ надписи начали уже сглаживаться.

„Такъ вотъ что такое геройская смерть! Такъ вотъ что такое слава! — печально думала Чинчи. — Даже имя не сохранится большинства этихъ солдатъ, убитыхъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силы. Только старая крестьянка, которая будетъ гнать здѣсь вечеромъ свою корову, прошепчетъ: „Не здѣсь ли схоронили и моего паренька?“ Только вдова въ траурѣ вспомнитъ мужа, не зная, какъ пробиться ей въ свѣтѣ. Только дѣти въ школѣ скажутъ: „И нашего отца убили!“ А донья Луиса, глядя на безчисленныя могилы, тихо шептала молитвы за матерей, потерявшихъ сыновей, за сиротъ, оставшихся, безъ отца. „Господи, забудь свой гнѣвъ и улыбнись снова намъ!“ — молилась старая аргентинка. А горе старика смягчалось только злораднымъ чувствомъ, что и ихъ, т. е. нѣмцевъ,

убито много... Жюль убитъ. Онъ, Марсель, тоже скоро умретъ, раздавленный несчастьемъ. Но зато сколько враговъ гніютъ здѣсь!.. Они тоже оставили позади себя близкихъ людей, которые будутъ вспоминать ихъ, какъ Денуае вспоминаетъ сына. И старикъ вспоминаетъ убитыхъ нѣмцевъ, какими видѣлъ ихъ живыми, когда они захватили его замокъ и отражали нападеніе французовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе знатные и страшные, имѣли на щекахъ театральные рубцы, полученны во время студенческихъ дуэлей. То были солдаты, носившіе съ собою въ котомкахъ книги. Разстрѣлявъ группу крестьянъ или ограбивъ деревню, они усаживались при свѣтѣ пожара читать философскій трактатъ или же сборникъ стиховъ. Они раздулись отъ науки, какъ жаба въ баснѣ Лафонтена, чрезвычайно горды своимъ умомъ педантовъ и усвоили себѣ тяжелую, запутанную діалектику средневѣковыхъ теологовъ. Они — дѣти софизма и внуки лжи. Они берутся доказать какіе угодно абсурды при помощи умственной эквилибристики. Къ такимъ акробатическимъ упражненіямъ они давно уже привыкли. Любимымъ методомъ о тезисѣ, антитезисѣ и синтезѣ они докажутъ, что Германія должна повелѣвать міромъ; что Бельгія сама виновата въ несчастіи, постигшемъ ее; что счастье человѣческое заключается въ томъ, чтобы жить полками, по-прусски, такъ, чтобы ни одна единица энергіи не пропадала даромъ; что высшій идеалъ человѣческаго существованія — это чистое стойло и полныя ясли: что свобода и справедливость представляютъ только романтическія иллюзіи французскихъ революціонеровъ; что все сдѣланное становится свято, какъ только увѣнчается успѣхомъ, а право представляетъ собою только послѣдствіе силы. И эти интеллектуалисты съ ружьями на плечахъ считаютъ себя паладинами, участвующими въ новомъ крестовомъ походѣ во имя цивилизаціи. Они хотятъ, чтобы русоволосыя племена окончательно восторжествовали надъ черноволосыми. Новые паладины желаютъ поработить презрѣннаго обитателя юга, дабы аристократія человѣчества той земли, т. е. германцы, навсегда стали бы руководителями судебъ всѣхъ народовъ“ [1]). Старикъ глубоко ненавидитъ этихъ вооруженныхъ педантовъ, этихъ средневѣковыхъ схоластиковъ, считающихъ себя выше всѣхъ народовъ, потому что имѣютъ шестнадцатидюймовыя пушки [2]). Но ему жаль рядовыхъ нѣмецкихъ солдатъ, гніющихъ кучами въ

---

[1]) Los cuatro jinetes, p. 385.

[2]) А. И. Герценъ много лѣтъ тому назадъ писалъ про „Чингисхана съ телеграфомъ“, т. е. про истребителей рода человѣческаго, вооруженныхъ послѣднимъ словомъ науки — уничтоженія.

безвѣстныхъ могилахъ: „То были вѣдь малограмотные крестьяне фабричные, приказчики...“

Плугъ вспахалъ уже поле, усѣянное безчисленными могилами. Солнце проглянуло сквозь тучи, и „улыбнулась слѣпая, глухая, безчувственная природа, не замѣчающая нашего присутствія на землѣ и принимающая одинаково безразлично, какъ одинокое тѣло ребенка, такъ и милліоны труповъ“. И вотъ, наконецъ, Чинчи находитъ крестъ, на которомъ любящій товарищъ вырѣзалъ ножемъ: „Лейтенантъ Денуае“. Молодой женщинѣ безконечно жаль брата. Она вспомнила почему-то въ этотъ моментъ, какъ тщательно онъ заботился о своемъ туалетѣ... Чинчи вспомнила большую ванну, ежедневный массажъ, упражненія съ цѣлью развить мышцы, ледяные души, тонкіе, изящные духи... И всѣ эти заботы о тѣлѣ только для того, чтобы гнить среди хлѣбнаго поля, какъ куча навоза, какъ рабочая скотина, околѣвшая надъ неоконченной бороздой и закопанная тутъ же! Чинчи посыпала могилу брата привезенными цвѣтами. „Это тебѣ, такъ любившему жизнь за ея красоту и за наслажденія, даваемыя ею, — говорила она мысленно. — Тебѣ, котораго такъ любили женщины“. И воспоминаніе о томъ, какъ Жюль любилъ жизнь, вызвало слезы на глазахъ у сестры... Старикъ Денуае сознавалъ, что жалобы безполезны. Въ немъ пробудился ранчеро (ranchero) прежнихъ лѣтъ: суровый, смѣлый, гнѣвный. Онъ устремилъ глаза далеко впередъ, туда, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ былъ находиться непріятель. Марсель въ бѣшенствѣ сжалъ кулаки. Ему казалось, что онъ видитъ звѣря, давящаго отъ вѣка человѣчество, какъ кошмаръ.

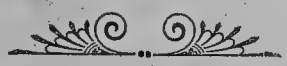
— „И еще разъ, какъ повторялось раньше, зло остается ненаказаннымъ! На землѣ нѣтъ справедливости. Міръ — результатъ случайностей. Все въ немъ — ложь, пустыя слова утѣшенія, придуманныя только для того, чтобы человѣкъ на время забылъ про ужасы своего существованія“.

И старику казалось, что онъ слышитъ вдали топотъ копытъ апокалипсическихъ коней. Ему чудился бѣшеный бѣгъ четырехъ всадниковъ, давящихъ человѣчество. Онъ видѣлъ грубаго, коренастаго юношу, размахивающаго мечомъ, затѣмъ лучника, готоваго спустить отравленныя стрѣлы эпидемій, плѣшиваго старика съ вѣсами въ рукахъ, символизирующей голодъ, и всадника на блѣдномъ конѣ, которому дана „область на четвертой части земли убити оружіемъ и гладомъ и смертію и звѣрьми земными“. Старикъ узналъ ихъ. То единственныя божества, дающія человѣчеству чувствовать свое страшное существованіе. Все остальное — сонъ, призракъ. Только четыре всадника — реальность...

Но Бласко Ибаньесъ — пѣвецъ жизни, а не смерти, радости, а не пессимизма. Романъ „Мертвые повелѣваютъ“ заканчивается аккордомъ: „Надъ міромъ властвуетъ любовь, а не смерть“. Такимъ же аккордомъ заканчивается „Los cuatro jinetes del Apocalipsis“: Любовь вполнѣ восторжествуетъ надъ смертью, когда устраненъ будетъ изъ жизни дикій тезисъ, примѣненный звѣремъ, тезисъ, что сила выше права.

Діонео.

Лондонъ.



ФРАНКЪ БРЭНГВИНЪ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.)

I.

Во Франціи въ послѣднее время замѣчается очень отрадная тенденція къ тому, чтобы сдѣлать слабо пульсировавшую внутри страны въ началѣ войны общественную жизнь болѣе полной, всесторонней. Это, несомнѣнно, оказываетъ благотворное вліяніе на населеніе страны, переживающей одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ своей исторіи. Къ проявленіямъ этой тенденціи принадлежитъ, между прочимъ, возрожденіе художественной жизни Парижа.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ здѣсь было организовано семь художественныхъ выставокъ.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ, несомнѣнно, помѣщающаяся въ Люксембургскомъ музеѣ выставка англійскаго и бельгійскаго искусства. Она, несмотря на разыгрывающіяся нынѣ міровой важности политическія событія, невольно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ замѣчательныхъ произведеніяхъ англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ ярко выступаетъ сила духа и богатство культуры двухъ наиболѣе передовыхъ народовъ Европы, находящихся нынѣ, какъ извѣстно, въ союзѣ съ Франціей.

Вотъ двѣ масляныхъ картины, одна большая акварель и 83 офорта — даръ Франка Брэнгвина Люксембургскому музею „въ знакъ уваженія и симпатіи къ Франціи и ея солдатамъ“, какъ гласитъ надпись на первой страницѣ каталога.

Впечатлѣніе — ошеломляющее. Что это — Рубэнсъ и Рембрандтъ въ лицѣ одного художника? — невольно спрашиваетъ себя посѣтитель выставки. Да, это — произведеніе титана искусства XX ст., совмѣстившаго въ себѣ особенности двухъ своихъ великихъ предшественниковъ, обогащенныя завоеваніями современной культуры.

По мнѣнію Коноди, Спаррова (Вальтэра Шоу), Уэста, Лебліонда, Рожера Маркса, Анри Марсэля, Гиллетота, Л. Бэнедита и

другихъ писателей, посвятившихъ творчеству Ф. Брэнгвина критическія статьи и цѣлыя сочиненія, онъ принадлежитъ къ величайшимъ художникамъ Англіи и къ первымъ офортистамъ въ мірѣ, онъ — геній, создавшій синтезъ эпохи.

Произведенія Брэнгвина представляютъ нынѣ тѣмъ большій интересъ, что, будучи англичаниномъ по происхожденію и воспитанію, онъ родился и часто жилъ и работалъ въ Бельгіи. Впечатлѣнія стариннаго живописнаго Брюгге, гдѣ художникъ въ 1867 г. узрѣлъ свѣтъ, съ тихими, неподвижными каналами этого города, сквозь частые тамъ густые туманы, окрашиваемыми въ пурпуровый цвѣтъ лучами восходящаго и заходящаго солнца, съ его дивной готической ратушью, съ его бэгинажами и оркестромъ колоколовъ, глубоко запали въ душу мальчика.

Когда ему было 10 лѣтъ его отецъ, англійскій архитекторъ, Куртисъ Брэнгвинъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшійся декорированіемъ бельгійскихъ церквей, уѣхалъ съ семьей въ Лондонъ, гдѣ получилъ должность при музеѣ South Kensington.

Здѣсь у мальчика Франка обнаружилась страсть къ искусству. Отецъ помѣстилъ его въ художественную школу. Но главнымъ мѣстомъ его художественнаго воспитанія были многочисленные лондонскіе музеи, содержащіе шедевры не только англійскихъ мастеровъ, но и испанскихъ, итальянскихъ, голландскихъ, фламандскихъ, индійскихъ, японскихъ. Тамъ онъ познакомился съ Вилліамомъ Моррисомъ, пригласившимъ его работать въ свою мастерскую и предсказавшимъ ему великое будущее на основаніи его рисунковъ съ картинъ А. Мантэня и скульптуры Донателло.

19 лѣтъ Ф. Брэнгвинъ уѣхалъ въ родную ему по воспоминаніямъ дѣтства Бельгію, а затѣмъ отправился въ кругосвѣтное путешествіе, поступивъ, за неимѣніемъ средствъ, гарсономъ на пароходъ. Онъ побывалъ въ Парижѣ, Италіи, Испаніи, Константинополѣ, Малой Азіи, Африкѣ, Индіи, Японіи, Россіи.

На 25 г. онъ написалъ свою замѣчательную картину — „Морскіе разбойники", доставившую ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной живописи.

Брэнгвинъ былъ въ первый періодъ своего творчества прежде всего пейзажистомъ и остался таковымъ во всѣхъ своихъ жанровыхъ, историческихъ, религіозныхъ картинахъ, въ офортахъ, декоративныхъ панно. Въ ранней молодости на него оказали сильное вліяніе произведенія бельгійскаго живописца и рисовальщика — Шарля Де-Гру. По своимъ сюжетамъ изъ народной жизни они идейно были въ извѣстной мѣрѣ родственны творчеству В. Мориса; но, будучи часто глубо религіозными, произведенія эти, вѣроятно, вдохно-

вили Ф. Бренгвина на путь религіозной живописи, на созданіе такихъ картинъ, какъ „Симеонъ Столпникъ“, „Поклоненіе волхвовъ“.

Но этотъ — второй — періодъ творчества Брэнгвина продолжался недолго. Его увлекла жизнь рабочихъ — въ частности — „тружениковъ моря“, съ которыми онъ сблизился во время своихъ путешествій. И онъ вступаетъ въ третій періодъ творчества — реалистическо-демократическій. Онъ посвящаетъ себя офорту и декоративному искусству, поступаетъ въ качествѣ рабочаго въ литографію, гдѣ дѣлаетъ гравюры своихъ картинъ.

II.

Поворотъ въ развитіи творчества Брэнгвина былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ тенденціями, господствовавшими въ англійскомъ искусствѣ. Послѣ великихъ мастеровъ Рейнольдса, Геркамера, Тэрнера, Констэбля — послѣ періода расцвѣта въ англійской живописи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. — наступилъ періодъ застоя — господство сухихъ классическихъ формулъ. Возрожденіе началось съ 1848 г. — съ образованія общества прерафаэлитовъ, душой котораго былъ Мэдоксъ Броунъ, организаторами — Г. Д. Росетти, В. Гентъ, Дж. Миллэсъ, однимъ изъ видныхъ представителей — Бэрнъ Джонсъ.

Развитіе прерафаэлитизма происходило въ тѣсной зависимости отъ развитія среди широкихъ слоевъ англійской интеллигенціи недовольства капиталистическимъ строемъ съ его большими городами, окутанными дымомъ и копотью фабричныхъ трубъ, съ его торгашескимъ духомъ, нищетой, борьбой классовъ, — недовольство, типичнымъ представителемъ котораго былъ Дж. Рэскинъ.

Послѣдній, бичуя современный общественный строй, не находя въ немъ элементовъ красоты, обратилъ, какъ извѣстно, свои взоры въ прошлое, противоставляя классицизму и предшествовавшему ему Ренессансу — художественный идеалъ средневѣковья. Туда же, а отчасти въ міръ фантазіи и народныхъ преданій уносилось воображеніе молодыхъ художниковъ — родоначальниковъ новаго теченія. Ихъ творчество развивалось подъ знаменемъ реакціи противъ классицизма и поворота къ періоду, предшествовавшему Ренессансу — къ примитивизму, къ до-рафаэлевскимъ временамъ, главнымъ образомъ, къ послѣдней стадіи примитивизма, представляемой С. Боттичелли. Прерафаэлитизмъ былъ по своей сущности романтическимъ, но стремящимся къ тѣсному контакту съ природой. Общество прерафаэлитовъ видѣло путь къ возрожденію искус-

ства въ вѣрномъ воспроизведеніи впечатлѣній природы въ простой, ясной формѣ, чуждой вычурности и громоздкой детализаціи.

У нѣкоторыхъ прерафаэлитовъ какъ, напр., у Бернъ-Джонса имѣлъ мѣсто временный уклонъ въ область болѣзненной фантазіи, фантазіи, достигшей апогея въ рисункахъ Бэрдели. Но изъ среды прерафалитовъ вышли и представители жизнерадостнаго демократическаго искусства — Виліямъ Моррисъ, авторъ извѣстной утопіи — „Вѣсти ниоткуда", и Вальтэръ Крэнъ. Они положили основы новаго стиля, организовавъ въ 1885 г. — „Гильдію рабочихъ искусства", задавшуюся цѣлью: 1) оздоровленія современнаго искусства, и 2) художественнаго воспитанія широкихъ народныхъ массъ путемъ сближенія съ ними художниковъ, подъема культурнаго уровня рабочихъ художественныхъ производствъ, развитія прикладного искусства, удешевленія и широкаго распространенія художественныхъ произведеній.

Въ англійскомъ искусствѣ началось широкое демократическое движеніе, развивавшееся послѣ смерти Виліяма Морриса подъ руководствомъ живописца, рисовальщика-философа и общественнаго дѣятеля Вальтера Крэна. Прошлогодняя выставка въ Парижѣ „декоративнаго искусства Великой Британіи" обнаружила блестящіе успѣхи этого движенія. Одинъ и тотъ же стиль замѣчается нынѣ и во внутреннемъ устройствѣ общественныхъ зданій, церквей, частныхъ квартиръ — въ стѣнной живописи, коврахъ, плафонахъ, скульптурѣ, витражахъ, обояхъ, мебели, утвари; въ одеждѣ и украшеніяхъ, и въ иллюстраціи книгъ, переплетномъ и печатномъ дѣлѣ.

Жизнерадостность, динамизмъ, свѣтлые тона, изящный, тонкій прерафаэлитскаго типа рисунокъ являются главными его особенностями. Въ то же время происходитъ сильное развитіе офорта и гравюры.

Изъ представителей англійскаго демократическаго искусства Вальтэръ Крэнъ былъ до Брэнгвина наиболѣе современнымъ художникомъ и по сюжетамъ, отражавшимъ его внутренній міръ, проникнутый идеей рабочаго класса, и по натурализму внѣшней формы его произведеній. Ихъ духъ, а часто и рисунокъ ближе къ греческому искусству, чѣмъ къ примитивизму и прерафаэлитизму. Онъ, несомнѣнно, положилъ большія заслуги въ дѣлѣ гармонизированія сюжетовъ и формы съ задачами новаго декоративнаго искусства. Но въ общемъ и цѣломъ въ этомъ искусствѣ еще замѣчалось сильное вліяніе романтизма прерафаэлитовъ. И рѣшающимъ моментомъ въ его развитіи является выступленіе Ф. Брэнгвина. Только его воистину микель анджеловскій рису-

нокъ и превосходящій по силѣ, сочности, чистотѣ шедевры Рубэнса колоритъ отвѣчаютъ духу той рабочей демократіи, дѣлу которой служили В. Моррисъ и Вальтэръ Крэнъ.

Это — отраженіе духа культуры англо-саксонской расы и могущества британскаго имперіализма, — пишетъ въ своей книгѣ М. А. Леблондъ [1]) о творчествѣ Брэнгвина. Это апоѳеозъ труда, это — искусство боевое, какъ у К. Мэнве и Вехарна, — говоритъ Рожеръ Марксъ. Это, по мнѣнію выдающаго англійскаго художественнаго критика Вальтера Шоу (Спаррова) [2]), воплощеніе англійскаго духа, обогащеннаго впечатлѣніями и культурными завоеваніями всего міра. Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ есть много вѣрнаго. Но они не охватываютъ духа творчества Брэнгвина въ его цѣломъ. Его искусство — міровое по своему характеру и значенію; оно, какъ у К. Мэнье, движимо въ своемъ развитіи духомъ современной рабочей демократіи, чувствомъ и сознаніемъ великой роли человѣческаго труда; оно апоѳеозъ борьбы, вѣчнаго движенія — въ свѣтѣ панкосмическаго міровоззрѣнія.

Въ развитіи творчества Ф. Брэнгвина сыграли роль и міровое значеніе англійской культуры, и атмосфера традиціонныхъ свободъ, и сила англійскаго рабочаго движенія. Художнику присущъ англійскій интеллектуализмъ и буйный духъ англо-саксонской расы. Въ его колоритѣ замѣтна страсть англійскихъ художниковъ къ сильнымъ, чистымъ тонамъ, разжигаемая трудностью къ ея удовлетворенію въ странѣ постоянныхъ тумановъ. Кромѣ того, роль Брэнгвина въ англійскомъ искусствѣ, особенно роль его, какъ декоратора, дѣлаетъ его національнымъ художникомъ, ибо творчество его объективно является синтезомъ традицій сильно бурной живописи Тэрнера и тенденцій эпигоновъ прерафаэлитизма. Но это творчество — не укладывается въ рамки британскаго имперіализма.

Ф. Брэнгвинъ идею борьбы, прежде всего борьбы человѣческаго генія съ окружающей средой, воплотилъ въ монументальную, но полную кипучей жизни форму, создавъ мощное искусство — плодъ его богатой индивидуальности, въ которой впечатлѣнія доковъ, фабрикъ, заводовъ, рабочей жизни Англіи, жизни Бельгіи, Испаніи, Италіи слились съ образами англійской исторіи, впечатлѣніями ранней молодости, морскихъ путешествій, природы экзотическихъ странъ. По пріемамъ писанія Брэнгвинъ, какъ вполнѣ правильно отмѣтилъ Вальтеръ Шоу — импрессіонистъ, обогатившій импрессіонизмъ рисункомъ, что его сближаетъ и съ Клодомъ

---

[1]) Leblond (M. A.), „Les peintres de race".
[2]) Sparrow (Walter Show) — „Frank Brangwyn".

Монэ и съ Ванъ-Гогомъ. Но содержаніе его произведеній шире и глубже, а внѣшняя форма сильнѣе и совершеннѣе.

III.

Въ залѣ Люксембургскаго музея выставлена лишь незначительная часть произведеній Ф. Брэнгвина, но и на основаніи этой части можно себѣ составить извѣстное представленіе о его творчествѣ.

А. Родэнъ говоритъ въ своемъ „L'Art", что взирая на великія произведенія искусства, мы настолько проникаемся ихъ содержаніемъ, что забываемъ о ихъ формѣ. Намъ думается, что это болѣе вѣрно въ отношеніи къ скульптурѣ, чѣмъ къ живописи, гдѣ краски сильно дѣйствуютъ на глазъ зрителя.

Когда останавливаешься на порогѣ зала Брэнгвина, прежде всего поражаетъ глазъ бурный оркестръ тоновъ знаменитой картины „Морскіе разбойники", напоминающій, по мѣткому выраженію Гиллемота[1]), звуки Вагнера и Берліоза.

Группа морскихъ разбойниковъ быстро мчится по морю на большой, полной богатой добычи лодкѣ, съ развѣвающимся на кормѣ краснымъ знаменемъ. За ней виднѣются — вторая, третья. Вдали на сѣро-желтомъ скалистомъ берегу раскинулся городъ — объектъ грабежа разбойниковъ, съ выдѣляющимися на свѣтлой полосѣ неба башнями и колокольнями церквей, съ окружающими ихъ стройными кипарисами, залитыми лучами восходящаго солнца. Яркое, кровавое пятно знамени рельефно выступаетъ на темно-синемъ фонѣ южнаго моря въ сопоставленіи съ теплыми, спокойными тонами берега. Бурныя страсти пробиваются сквозь плотски самодовольныя, но обладающія каждое своей индивидуальностью лица героевъ сюжета, нѣсколько напоминающихъ персонажи Рубэнса и Іорданса.

Гармониченъ ритмъ — отъ движенія бѣшено мчащихся лодокъ и морской воды до движенія знамени и наклона человѣческихъ фигуръ.

Въ воображеніи воскресаетъ рядъ преданій; вырисовываются образа похожденій древнихъ пиратовъ, норманновъ, казаковъ, Стеньки Разина и современныхъ морскихъ хищниковъ. Вспоминается взглядъ Леблiонда о Брэнгвинѣ, что это — натуралистъ, надъ которымъ витаетъ духъ Байрона.

Композиція этой картины безукоризненна. Какой-нибудь натуралистъ-педантъ скажетъ, пожалуй, что цвѣта слишкомъ ярки и, быть можетъ, найдетъ другіе недостатки въ деталяхъ. Но

---

[1]) Guillemot, — „F. Brangwyn" — L'Art et Decoration. 1909.

въ этой яркости нѣтъ извращенія природы, а лишь нѣкоторое усиленіе производимыхъ ею впечатлѣній. Внѣшняя форма здѣсь находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Ярко-красный цвѣтъ знамени какъ бы отражаетъ кровожадную натуру морскихъ хищниковъ. Густая краска воды отвѣчаетъ всему духу сюжета. — Несмотря на этотъ нѣсколько сгущенный цвѣтъ, который, впрочемъ, можно часто видѣть, путешествуя по южнымъ морямъ, передъ нами настоящая морская вода — прозрачная, особенно на болѣе свѣтлыхъ съ зеленоватымъ отливомъ гребняхъ волнъ.

Отъ двухъ другихъ полотенъ — „Торговля на пляжѣ", и „Колодезъ въ Марокко" уже вѣетъ спокойствіемъ знойнаго африканскаго дня. Здѣсь воля преобладаетъ надъ темпераментомъ; но и здѣсь доминируютъ чисто живописныя красоты. Въ „Торговлѣ на пляжѣ" темное пятно фигуры негра выдѣляется на фонѣ раскаленнаго золотящагося песчанаго берега и выдержанныхъ въ сѣрыхъ тонахъ сводовъ арки. Передъ торговцемъ — восточные ковры и толпа его сородичей въ яркихъ, разноцвѣтныхъ фескахъ.

Въ „Колодцѣ въ Марокко" темпераментъ художника бьетъ ключомъ въ яркихъ тонахъ одежды идущаго съ кувшиномъ воды мароканца и позолоченныхъ солнцемъ кустовъ. Здѣсь въ контрастѣ освѣщенныхъ кустовъ и укромнаго, осѣненнаго ихъ тѣнью уголка, гдѣ помѣщается колодезъ, намѣчается уже родственная у него съ Рембрандтомъ и старыми испанцами проблема борьбы свѣта съ тѣнью — основной мотивъ офортовъ Ф. Брэнгвина. Нѣсколько выше на той же стѣнѣ — идеальное воплощеніе этой проблемы — офортъ „Памятникъ въ Лондонѣ". Солнце, пробиваясь изъ-за густой черной тучи, вырисовываетъ на ней причудливые узоры, бросаетъ полосы свѣта на зданія Трафальгарской площади, на возвышающуюся посрединѣ ея статую, на заливающую ее толпу людей, и отражается въ струяхъ падающаго дождя.

Офорты Брэнгвина, какъ вполнѣ правильно отмѣтила англійская и французская критика, — это самостоятельное искусство; это картины, глубокія по содержанію, блестящія по выполненію. Въ нихъ всегда координированы элементы жанра и пейзажа, составляя вмѣстѣ одно цѣлое, создавая атмосферу силы, грозы, радости, отчаянія. Въ нихъ повсюду люди, большей частью рабочіе — на лонѣ природы. При помощи двухъ цвѣтовъ — чернаго и бѣлаго съ множествомъ оттѣнковъ, художникъ создаетъ симфонію самыхъ разнородныхъ тоновъ, властно играетъ на воображеніи зрителя, вызывая самыя разнородныя глубокія душевныя движенія.

Вотъ на горѣ „черная мельница въ Винчельзее“ среди чуднаго широко разстилающагося кругомъ пейзажа утопаетъ въ лучахъ воспроизведеннаго съ неподражаемымъ мастерствомъ полуденнаго солнца. Рабочій направляется къ ней, бодро взбираясь на гору. Внизу толпа рабочихъ уходитъ съ мельницы, съ тюками на плечахъ, съ корзинами въ рукахъ. А на ихъ лицахъ, одеждѣ, ношѣ палящіе лучи солнца борются съ бросаемой постройкой холодящей тѣнью.

Здѣсь толпа рабочихъ, какъ лавина, выливается изъ „Шахты“, ярка освѣщенная пламенемъ заводскихъ печей, отражающимся на темномъ фонѣ ночного неба и въ клубахъ выбрасываемаго тонкими трубами дыма. Тамъ выходящихъ изъ мрачнаго фабричнаго зданія рабочихъ встрѣчаютъ лучи заходящаго солнца, кладя на ихъ лица отпечатокъ радости, осѣнившей ихъ послѣ долгаго тяжелаго труда подъ живительнымъ дѣйствіемъ свѣжаго вечерняго воздуха.

Въ прекрасномъ по рисунку и по гармоническому размѣщенію на стѣнахъ костела — свѣта и тѣни — офортѣ Santa Maria della Saluta — заходящее солнце придаетъ спокойствіе и жизнерадостность проникшейся набожнымъ чувствомъ толпѣ.

Въ нѣкоторыхъ офортахъ — какъ, напр., „Кузнецы“, „Булочники“, „Носильщики“ на первое мѣсто выступаютъ ритмъ труда и мощныя фигуры рабочихъ съ сильными мышцами. Въ другихъ, какъ—„Выгрузка баржъ въ Гентѣ“, „Постройка корабля“, „Разрушеніе „Дункана“, „Постройка музея Викторіи и Альберта“, „Постройка моста“ ..etc... — роль рабочихъ, какъ творцовъ культуры.

Вотъ красивое готическое зданіе церкви, купающееся въ солнечныхъ лучахъ на берегу одного изъ гентскихъ каналовъ; на противоположномъ берегу работаютъ грузчики; одинъ изъ нихъ поднялся, чтобы утолить жажду; сильная здоровая его фигура съ умнымъ, веселымъ лицомъ, помѣщенная напротивъ церкви, какъ бы напоминаетъ о томъ, что ея зданіе — дѣло рукъ такихъ же, какъ онъ, рабочихъ. А вотъ вокругъ кораблей копошится толпа крошечныхъ въ сравненіи съ ними рабочихъ; тутъ они кладутъ палубу, тамъ разрушаютъ мачты ими же созданнаго великана. На одномъ офортѣ рабочіе, цѣпляясь по лѣсамъ, возводятъ стѣну, и уже вырисовываются контуры одного изъ богатѣйшихъ нынѣ лондонскихъ музеевъ, а солнечный лучъ, золотя края нависшей на горизонтѣ черной тучи, весело играетъ на стѣнахъ, лѣсахъ, человѣческихъ фигурахъ.

Иногда художникъ изображаетъ зловѣщую мощь стихій природы, какъ въ циклѣ „Разрушеніе Мессины“, на офортѣ — „Улица

въ „Мессинѣ“ луна изъ-за тучъ льетъ грустный свѣтъ на развалины церквей и домовъ.

То вдругъ ему вспоминаются преданія о Христѣ, и онъ создаетъ два прямо противоположныя по вызываемому ими настроенію офорта: „Рожденіе“ — произведеніе, напоминающее по жизнерадостности и яркости свѣта картину Корреджіо на ту же тему изъ дрезденскаго Цвингера; и „Распятіе“, гдѣ печальный образъ трехъ распятыхъ тѣлъ дополняется мрачной атмосферой ночи, черными густыми тучами, покрывающими небо, и слабымъ свѣтомъ занимающейся зари.

Иногда, поглощенный проблемой борьбы свѣта съ тѣнью, Бренгвинъ углубляется въ окружающую природу, забывая на минуту о человѣческомъ родѣ, и тогда изъ-подъ его рѣзца льются спокойные тона, давая тихую мягкую симфонію. Такова „Дорога въ Монтрейль“: свѣтлая ночь; тихо, кругомъ ни души; лишь длинныя тѣни тополей ложатся на освѣщенную луной дорогу.

Таковы и изображенія улицъ Брюгге.

IV.

Дѣлая офорты, работая въ литографіи надъ воспроизведеніемъ своихъ картинъ, Ф. Бренгвинъ выковалъ въ себѣ волю, необходимую для того, чтобы, регулируя свой темпераментъ, быть великимъ декораторомъ. Его живопись нынѣ украшаетъ стѣны общественныхъ зданій и частныхъ квартиръ богатыхъ любителей искусства въ Лондонѣ, Гласго, Лидсѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ.

Къ лучшимъ его работамъ принадлежитъ декорація дома цеха кожевниковъ въ Лондонскомъ City — Skiners Hall. Здѣсь — тотъ же бурный аккордъ тоновъ, что въ раннемъ произведеніи художника — „Морскіе разбойники“, строго гармонированный во всѣхъ 11 панно, покрывающихъ стѣны большого свѣтлаго, не только отъ дневного свѣта, но и отъ этихъ панно — зала. Сильная, нѣсколько волнистая линія рисунка повсюду согласована съ линіей архитектуры.

Въ виду глубокаго проникновенія Брэнгвина въ жизнь природы въ изображеніи имъ неба, воздуха, дали создается иллюзія, что событія изъ исторіи Лондона и цеха кожевниковъ вырисовываются передъ нами гдѣ-то на горизонтѣ сквозь окна зала.

Панно „Гармонія“ какъ будто символизируетъ настроеніе художника въ моментъ, когда онъ приступалъ къ созданію своего дѣла. На берегу слегка волнующагося моря, среди цвѣтущихъ вишневыхъ деревьевъ — молодая пара. Женщина съ пылающимъ взоромъ, съ золотистыми, развѣваемыми вѣтромъ волосами играетъ на цитрѣ. Мужчина сосредоточенно слушаетъ ее. Окружающая ихъ гуща зе-

лени окрашиваетъ мѣстами ея бѣлую одежду въ зеленоватый оттѣнокъ. За ними лазуревая полоса моря уходитъ вдаль, сливаясь съ горизонтомъ. И Брэнгвинъ удаляется въ глубь вѣковъ отъ сильно пульсирующей кругомъ его современной жизни.

Вотъ „процессія въ старыя времена“ на лодкахъ по Темзѣ, въ день ежегоднаго торжества — избранія лорда-мэра. Лордъ-мэръ рядъ городскихъ сановниковъ, рыцарей, мѣщанъ въ праздничныхъ костюмахъ — на лодкахъ, украшенныхъ, съ развѣвающимися на нихъ знаменами, медленно движутся по синей глади рѣки. И лазурь свѣтлаго неба, мѣстами подернутаго красиво стилизованными полосками облаковъ, и чистые, яркіе, веселящіе глазъ, желтые, красные, лиловые цвѣта одеждъ, и торжественныя, веселыя лица воспроизводятъ радостное, праздничное настроеніе.

Далѣе — торговля мѣхами, надѣленіе Эдуарда III правами цеха кожевниковъ и портныхъ на улицахъ Лондона, посѣщеніе дома кожевниковъ генераломъ Мункомъ, etc.

Повсюду образъ природы — небо — то свѣтлое, то покрытое густыми тучами, вода рѣки, либо моря — здѣсь темно-зеленая, тамъ синяя, и яркіе цвѣта костюмовъ дополняютъ сюжетъ, подчеркиваютъ его особенности. Повсюду лучи солнца борются съ тѣнью; при чемъ панно, изображающее встрѣчу кожевенниками генерала Мунка, по силѣ и мастерству воспроизведенія освѣщенія напоминаетъ знаменитую картину Рембрандта въ Амстердамскомъ музеѣ — „Ночная стража“. Изящество рисунка въ панно Брэнгвина, особенно въ изображеніи очертаній и орнаментаціи кораблей и лодокъ не уступаетъ шедеврамъ прерафаэлитовъ.

И въ фрескахъ во внѣшней галлереѣ двора лондонской биржи и въ панно въ домѣ Эдм. Дависа, и въ коврахъ дома Бинга, и въ витринахъ дома Тиффани въ Нью-Іоркѣ, и въ иллюстраціяхъ книгъ, напр., Донъ-Кихота — повсюду — тотъ же культъ силы тѣла и духа, тотъ же сильный колоритъ, тотъ же красивый, свободный рисунокъ, тоже единство композиціи.

Намъ въ точности неизвѣстны общественныя убѣжденія Ф. Брэнгвина, особенно въ настоящій моментъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Быть можетъ, они менѣе цѣльны и оформлены, чѣмъ у глубоко убѣжденнаго идеолога рабочаго класса — Вальтера Крэна. Но онъ психически гораздо ближе къ трудящимся массамъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, лишь идеологически связанный съ нимъ его, недавно умершій предшественникъ въ сферѣ новаго народнаго искусства. Онъ въ ряду творцовъ этого искусства, вмѣстѣ съ великимъ бельгійскимъ скульпторомъ К. Мэнье, стоитъ на высшей ступени его развитія.

Въ настоящій моментъ, однако, было бы преждевременнымъ сужденіе о томъ, является ли Ф. Брэнгвинъ завершителемъ или предтечей завершителя дѣла, начатаго В. Моррисомъ и Вальтеромъ Крэномъ — дѣла созданія овѣяннаго духомъ рабочей демократіи великаго стиля будущаго — „стиля Человѣчества“ [1]).

Въ виду величія произведеній Брэнгвина неудивительно, что залъ его въ Люксембургскомъ музеѣ и въ будни, и въ праздники полонъ посѣтителей. Здѣсь и художники, и художницы, дѣлающіе наброски съ его офортовъ, и представители англійской и французской буржуазіи, и студенты-французы, русскіе, японцы, и рабочіе и работницы, и выздоравливающіе отъ ранъ, либо пріѣхавшіе съ фронта на побывку французскіе, бельгійскіе солдаты и офицеры.

Каждый по-своему воспринимаетъ красоту произведеній Брэнгвина. Но у всѣхъ они вызываютъ образъ великой роли труда, всѣмъ внушаютъ чувство и пониманіе универсальнаго значенія искусства, у всѣхъ возбуждаютъ жажду полной, сильной жизни.

К. Залевскій.

[1]) Walter Crane, „For W. Morris to Whistler“.

ПРОЕКТЪ РЕФОРМЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Въ „Журналѣ Минист. народн. Просвѣщ.“ за 1915 годъ (№ 11 и 12) напечатаны матеріалы по реформѣ средней школы. Съ удовольствіемъ смотримъ мы на эти матеріалы уже по тому одному, что они свидѣтель пока еще не погибшихъ надеждъ и ожиданій общества, которыми было оно охвачено съ появленіемъ на министерскомъ посту графа П. Н. Игнатьева. Правда, „матеріалы“ еще не гарантія дѣйствительнаго осуществленія намѣченныхъ въ нихъ мыслей, такъ какъ мы видѣли сравнительно не такъ давно еще болѣе обширные „матеріалы“ комиссіи министра Боголѣпова, быстро канувшіе въ Лету, но будемъ надѣяться что этимъ новымъ „матеріаламъ“ судьбой предназначена болѣе счастливая доля. Весь проектъ этой реформы, раньше проведенія ея въ жизнь, подвергнется, конечно, всестороннему обсужденію въ обѣихъ нашихъ палатахъ, и мы не сомнѣваемся, что придется ему выдержать и въ нижней, а тѣмъ болѣе въ верхней палатѣ сильные налеты справа, такъ какъ многое въ немъ рѣзко измѣняетъ принципіальное положеніе средней школы, вливая новую, свѣжую струю въ застоявшуюся рутину. Найдется въ этомъ проектѣ кое-что и для возраженій съ другой стороны; — но не это страшно: страшнѣе всего, если ему не удастся дойти до стадіи обсужденія его въ палатахъ, а придется быть похороненнымъ въ архивахъ министерскихъ вмѣстѣ съ раньше скончавшихся собратами. А пока что, періодическая печать должна откликнуться по поводу тѣхъ начинаній, которыя приняло министерство, и высказать свои впечатлѣнія о нихъ, подавая голосъ изъ среды общества раньше, чѣмъ успѣютъ высказаться офиціальные его избранники. Не послѣднее мѣсто среди этихъ голосовъ должно принадлежать и педагогамъ, какъ лицамъ, по положенію своему долженствующимъ быть болѣе всего компетентными въ рѣшеніи такихъ вопросовъ; но, конечно, министерство само позаботится о томъ, чтобы узнать взгляды своихъ исполнителей на

мѣстахъ о проектируемыхъ имъ положеніяхъ. Пишущій эти строки ех-педагогъ, поработавшій на педагогическомъ поприщѣ болѣе 40 лѣтъ, и потому позволяетъ себѣ путемъ печатнаго слова высказать нѣсколько своихъ мыслей, навѣянныхъ не частностями опубликованныхъ программъ, а нѣкоторыми принципіальными положеніями.

Въ предисловіи къ напечатаннымъ „матеріаламъ" кратко сообщается о томъ, какъ и въ какой обстановкѣ они составлены. Въ апрѣлѣ 1915 года было созвано „особое совѣщаніе" подъ предсѣдательствомъ гр. П. Н. Игнатьева, и это совѣщаніе „установило общія положенія, на которыхъ должна строиться новая школа". Положенія эти слѣдующія: школа должна быть — 1) національной: 2) самодовлѣющей, т. е. дающей общее образованіе и неимѣющей непосредственной цѣлью подготовку въ высшія учебныя заведенія; 3) семилѣтней; 4) состоящей изъ двухъ ступеней: первой — съ трехлѣтнимъ, и второй — съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія. Кромѣ того, особое совѣщаніе высказалось за согласованіе курса первой ступени съ курсомъ первыхъ трехъ классовъ высшихъ начальныхъ училищъ, слѣдствіемъ чего является единство школы въ первой ступени. Для детальной разработки всѣхъ этихъ положеній, т. е. для составленія новаго устава, опредѣленія типовъ средней школы, построенія учебныхъ плановъ и программъ, министерство избрало изъ среды педагоговъ цѣлый рядъ лицъ, которымъ было поручено образованіе различныхъ комиссій для разработки того или иного спеціальнаго вопроса, главнымъ же образомъ — для выработки учебныхъ плановъ и программъ. Но раньше оказалось нужнымъ разсмотрѣть цѣлый рядъ вопросовъ, отъ того или другого рѣшенія которыхъ зависѣло дальнѣйшее направленіе работъ каждой комиссіи. Съ этой цѣлью предсѣдатели каждой комиссіи, а также нѣкоторые члены послѣднихъ были приглашаемы въ засѣданія, происходившія въ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ товарища министра г. Шевякова. Всѣхъ такихъ засѣданій было 10, а въ нихъ разсмотрѣны слѣдующіе вопросы: 1) объемъ свѣдѣній, требующихся для поступленія въ первый классъ; 2) число учебныхъ недѣль въ году; 3) предметы изученія на каждой изъ двухъ ступеней средней школы; 4) предѣльное число часовъ занятій въ недѣлю въ каждомъ классѣ каждой ступени; 5) количество недѣльныхъ часовъ по каждому предмету въ каждой ступени; 6) основные типы школы второй ступени и предметы изученія; 7) семестровая система; 8) способъ оцѣнки и провѣрки знаній.

Установивши вышеперечисленный рядъ, такъ сказать, основныхъ принциповъ школы, можно было спеціальнымъ комиссіямъ приступить къ выработкѣ программъ и объяснительныхъ записокъ къ нимъ. Остановимся пока на нѣкоторыхъ изъ этихъ основныхъ принциповъ.

Во главу угла поставлено, что школа должна быть національной. Кто и что могъ бы возразить противъ этого принципа? Вѣдь любить свою родину, свое родное отечество такъ естественно, что нельзя и представить себѣ, какъ это иначе можно воспитывать молодое поколѣніе, какъ не въ духѣ любви къ родному, не въ духѣ развитія у него „стремленія ко благу и славѣ отечества" — по выраженію Карамзина. Но весь вопросъ въ томъ, что съ принципомъ національности необходимо обращаться умѣло, чтобы не обратить его въ уродливое явленіе. Вѣдь изъ милаго, нѣжнаго, почти романтическаго чувства націонализма, содержащаго въ себѣ всѣ основы сердечности, можно сдѣлать, съ одной стороны, формальный, мундирный націонализмъ, т. е. обратить его въ жесткую сухость, а съ другой — сектантскій, шовинистическій націонализмъ, т. е. создать изъ него жестокость и безсердечіе, идущія въ разрѣзъ съ истинно-христіанскимъ началомъ любви къ человѣчеству. Послѣднее лучше всего видно на фактахъ въ развитіи принципа націонализма въ исторіи Европы XIX вѣка. Не этотъ ли принципъ привелъ къ тѣмъ ужасамъ современныхъ намъ событій, при которыхъ забывается все святое, все гуманное? Не подъ флагомъ ли этого принципа создалась „Deutschland über alles", во имя котораго нарушаются и международныя права, и охрана страждущихъ подъ „Краснымъ Крестомъ", и личная неприкосновенность мирныхъ гражданъ? Не подъ прикрытіемъ ли націонализма проявился цѣлый рядъ фактовъ народоненавистничества, доходившихъ часто до того, что даже дѣти замѣшивались въ эту ужасающую политику? Если такія уродливыя формы націонализма больное мѣсто въ жизни общества вообще, то тѣмъ паче націонализмъ въ школѣ долженъ быть не политическимъ, а тѣмъ здоровымъ, вытекающимъ изъ самой природы чувствомъ, которое чуждо всякой предвзятости и тенденціи. Хочется вѣрить, что министерскій проектъ реформы школы не желаетъ видѣть въ ней господство націонализма въ указанномъ нами политическомъ его значеніи, равно какъ не допуститъ и того сухого, формальнаго націонализма, который не создастъ истинныхъ гражданъ своего отечества, а только выработаетъ людей съ девизомъ „Ibi patria, ubi bene".

Кромѣ того, намъ кажется ошибочнымъ ставить въ связь положеніе „школа должна быть національной“ съ программами и даже кругомъ предметовъ, изучаемыхъ въ школѣ. И то, и другое должно быть подчинено болѣе широкому принципу въ дѣлѣ общаго образованія, а именно: нужно исходить изъ физіологическихъ и психологическихъ данныхъ и этимъ опредѣлять тѣ учебныя дисциплины, которыя болѣе всего въ данномъ возрастѣ и въ данной обстановкѣ соотвѣтствуютъ природѣ ученика; при выполненіи этого принципа природосообразности, само собою появится и то національное чувство, которое, какъ мы выше сказали, прирождено человѣку. Вотъ почему намъ кажется, что предметъ русскаго языка и литературы долженъ стоять на первомъ мѣстѣ въ ряду учебныхъ дисциплинъ, не потому, что этимъ мы школу дѣлаемъ національной, а потому, что изученіе всего родного, близкаго, вполнѣ природосообразно, особенно же родного языка, какъ частицы нашего *я*, тѣсно связанной съ личностью и со всѣмъ ея развитіемъ. Вспомнивъ сравнительно недавнее время толстовскаго устава средней школы, легко убѣдимся, что стремленіе сдѣлать школу національной, не зависитъ отъ круга учебныхъ дисциплинъ. Нельзя упрекнуть графа Д. А. Толстого въ томъ, что онъ не желалъ создать національной школы, и потому обставилъ ее классическими дисциплинами, а русскому языку и литературѣ отвелъ мѣсто на задворкахъ. Не удалось гр. Толстому создать здоровую національную школу потому, что вся его система шла въ разрѣзъ съ природой человѣка, убивала въ немъ живой духъ, создавала иногда озлобленіе, а чаще всего полную безыдейность. И если изъ латинской и греческой грамматики, при желаніи, можно создать тѣ бичи и скорпіоны, которыми забивается все живое и свѣтлое въ душѣ дитяти и юноши, то повѣрьте, что и реальныя науки, тоже, конечно, при желаніи, можно обратить въ тоску и уныніе для учащихся, равно какъ и изъ вполнѣ національнаго русскаго дѣепричастія легко устроить одну пытку. И при всѣхъ такихъ системахъ не будетъ вообще здоровой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинно національной школы.

Вторымъ положеніемъ при выработкѣ устава средней школы поставленъ принципъ: школа должна быть самодовлѣющей, т. е. дающей общее образованіе и неимѣющей непосредственной цѣлью подготовку въ высшія учебныя заведенія. Въ такомъ видѣ пока это положеніе и остается, такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣтъ никакихъ поясненій его. Трудно сказать что-нибудь по поводу этого принципа, не зная, какъ онъ долженъ развернуться. Единственно, что улавливается въ словахъ „не имѣющей непосредственной цѣлью подготовку въ высшія учебныя заведенія“ — это какъ

будто намекъ на уничтоженіе правъ окончившихъ среднюю школу на пріемъ въ высшія учебныя заведенія по аттестату. Если такъ, то мы только можемъ привѣтствовать эту мѣру, потому что теперешнія права служатъ источникомъ главныхъ недостатковъ школы. Не говоря уже о томъ, что учащіеся правной школы въ громадномъ большинствѣ случаевъ не заинтересованы дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ знаній, а только думаютъ о томъ, какъ бы всякими правдами и неправдами заполучить тотъ документъ, который открываетъ свободную дорогу въ университетъ, а это — весьма понятно — сильно понижаетъ научную цѣнность школы. Еще важнѣе, мнѣ кажется, введеніе принципа безправности для всѣхъ среднихъ школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, въ томъ отношеніи, что, только при условіи безправности, возможны во всемъ объемѣ проявленія педагогической иниціативы въ школѣ, чѣмъ такъ бѣдна современная школа, такъ какъ тогда не будетъ основанія у министерства подводить всѣ школы подъ одну регламентацію, чему мы были свидѣтелями еще такъ недавно. Мы лично, рѣшивъ въ началѣ 1905 года, что настала благопріятная минута для созданія гимназіи не по суровому министерскому шаблону, а съ проявленіемъ иныхъ воспитательныхъ методовъ и пріемовъ, попробовали открыть въ Кіевѣ частную мужскую гимназію, съ обязательствомъ выполнить къ концу курса все требуемое офиціальными программами, но въ теченіе курса думали оставить для себя возможность примѣнить иную группировку занятій учениковъ, не слѣдовать казеннымъ пріемамъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и, прежде всего, совсѣмъ на иныхъ началахъ построить внѣшкольное вліяніе педагогической среды и пр. Не удалось намъ на этихъ началахъ провести и полныхъ трехъ лѣтъ: измѣнившійся курсъ въ министерствѣ повліялъ на мѣстныя педагогическія власти такъ, что намъ предписали ни на іоту ни въ чемъ не отступать отъ казенныхъ программъ и правилъ, несмотря на то, что мы въ самомъ началѣ, въ прошеніи нашемъ о разрѣшеніи открыть гимназію, указывали на нѣкоторыя изъ нашихъ предположеній. Что же въ результатѣ получилось? Насъ на полдорогѣ остановили и не позволили сдѣлать болѣе длительный опытъ нашихъ педагогическихъ шаговъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ, даже при министрѣ Кассо, кое-что изъ нашихъ опытовъ было узаконено при введеніи новыхъ штатовъ въ 1912—14 гг. Такъ, желая поставить воспитательное вліяніе школы на учениковъ совсѣмъ въ иныя условія, мы упразднили казенную должность исп. обяз. инспектора, режній институтъ классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ, а черезъ $2^1/_2$ года, даже не спросивши насъ, недреманное окружное

око назначило къ намъ какое-то свое вспомогательное око въ качествѣ исполн. обяз. инспектора и обязало насъ завести классное наставничество, пригласить двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, какъ полагалось по штату, и упразднить тотъ принципъ, воспитательства, который у насъ уже былъ примѣненъ въ видѣ порученія преподавателю быть ближайшимъ воспитателемъ двухъ классовъ. Теперь же, по закону 28 іюня 1914 года предоставлено учредителямъ частныхъ гимназій упразднять должности исполн. обяз. инспекторовъ и помощниковъ классныхъ наставниковъ, а институтъ классныхъ наставниковъ, даже въ казенныхъ гимназіяхъ, еще раньше (1 іюля 1912 г.) видоизмѣненъ по тому же принципу воспитательному, какой въ нашей гимназіи пятью годами раньше былъ грубо среди учебнаго года разрушенъ.

Конечно, будь наша гимназія безъ правъ, она, казалось бы, могла бы быть болѣе свободно проявлять педагогически-воспитательную и учебную иниціативу, такъ какъ безправныя школы не такъ строго подчинены казеннымъ программамъ. Но это только такъ кажется. Частныя гимназіи безъ правъ въ настоящее время нормально существовать не могутъ, такъ какъ, при существованіи параллельной правности другихъ гимназій, общество, къ сожалѣнію, даетъ предпочтеніе не столько воспитательнымъ и учебнымъ принципамъ, сколько правности выдаваемыхъ школьныхъ аттестатовъ. Отсюда естественно, вытекаетъ слѣдующее явленіе: если частная безправная гимназія, дорожа правильной постановкой учебно-воспитательнаго дѣла, рѣшитъ принимать въ заведеніе учениковъ, вполнѣ отвѣчающихъ среднимъ требованіямъ, или даже минимальнымъ, то она будетъ такъ малолюдна, что не въ силахъ будетъ существовать съ матеріальной стороны, такъ какъ въ нее попадутъ очень немногія дѣти тѣхъ рѣдкихъ родителей, которыя не погонятся только за аттестатами; если же гимназія, желая имѣть достаточный контингентъ учащихся, будетъ принимать безъ разбора, то въ нее попадутъ въ большинствѣ только тѣ неудачники, которые очутились за стѣнами правныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ педагогамъ школы будетъ уже не до учебно-воспитательныхъ иниціативъ, такъ какъ имъ всѣ силы нужно употребить на то, чтобы хоть какъ-нибудь выполнить казенныя программы, въ виду необходимости подготовить этотъ трудный элементъ къ экзамену по этимъ программамъ, да еще и при казенныхъ экзаменаторахъ, такъ какъ чаяніе обучающагося даже въ безправной школѣ — полученіе аттестата для поступленія въ университетъ.

Принципъ самодовлѣющей школы открываетъ возможность ставить задачей только обучать и воспитывать, имѣя указатель въ видѣ

самыхъ общихъ программъ, а потому школа, будь то правительственная или частная, всецѣло можетъ быть охвачена желаніемъ не практическаго характера, а чисто идейнаго — достигать возможно лучшихъ учебныхъ и воспитательныхъ результатовъ, такъ какъ финальный аккордъ въ ней будетъ не муссированный дипломъ, который, подобно кредитной бумажкѣ, долженъ быть вездѣ принимаемъ, а свидѣтельство, сопровождаемое бо́льшей или меньшей степенью довѣрія. Въ иныхъ случаяхъ оно, какъ solo-вексель, можетъ быть принято къ учету непосредственно, а въ другихъ — потребуется поручительство, т. е. повѣрочный, а иногда конкурсный экзаменъ. Да вѣдь и въ настоящее время это явленіе частично существуетъ, такъ какъ въ большинствѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ пріемъ производится не по аттестату, а по конкурснымъ экзаменамъ. Стоитъ только эту мѣру расширить, предоставивъ самимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ рѣшать вопросъ о пріемѣ, и мы сразу очутимся въ иной атмосферѣ средней школы: и учащіе, и учащіеся будутъ идти въ дѣлѣ науки, такъ сказать, дорогою прямой, не станутъ изловчаться и все вниманіе обращать на то, какъ бы съ внѣшней, стороны окончательный экзаменъ прошелъ хорошо. Короче говоря, девять десятыхъ теперешнихъ школьныхъ злоупотребленій во всѣхъ формахъ и видахъ не будутъ имѣть болѣе мѣста.

Третьимъ, очень существеннымъ, положеніемъ является сокращеніе курса средней школы на одинъ годъ, т. е. восьмиклассныя гимназіи преобразуются въ семиклассныя. Это есть возвращеніе къ прежнему, такъ какъ до введенія толстовскаго устава, всѣ наши гимназіи были семиклассныя. Никакой мотивировки этого сокращенія гимназическаго курса на одинъ годъ не указано, но не трудно догадаться о мотивахъ: восьмилѣтній курсъ средней школы въ дѣйствительности обращается для громаднаго большинства въ девяти, десятилѣтній, а то и болѣе, и приходится многимъ оканчивать гимназію въ томъ возрастѣ, когда пора уже стоять въ жизни на своихъ ногахъ. Если такъ, то министерство гр. Игнатьева далеко болѣе жизненно отнеслось къ этому вопросу, нежели министерство гр. Толстого, рѣшавшаго многосложную задачу разсужденіями только формальнаго характера. Исходнымъ пунктомъ разсужденій тогда служило положеніе: гимназіи семиклассныя, при томъ количествѣ уроковъ и часовъ, какое положено было по уставу 1864 года, послѣ сокращенія каждаго урока до 1 часа, давали выпуски плохо подготовленныхъ воспитанниковъ, сравнительно съ тѣми выпусками, которые производились по уставу 1828 года и даже 1849 года. Если даже допустить, что этотъ фактъ пониманія

уровня знанія вѣренъ, то причинъ искать можно совсѣмъ въ другихъ областяхъ, а не въ цифирномъ вычисленіи количества учебныхъ часовъ въ гимназическомъ курсѣ по уставу 1828 и 1864 года, какъ это сдѣлано въ объяснительной запискѣ къ уставу гимназій 1871 года.

Съ педагогической точки зрѣнія не только не убѣдительны, но даже являются изумительными слѣдующія разсужденія объяснительной записки. „Съ 1828 по 1849 годъ въ семиклассныхъ нашихъ гимназій было назначено 160 полуторачасовыхъ уроковъ или 240 часовъ учебнаго (класснаго) времени въ недѣлю“,... а „въ 1849 году... количество учебнаго времени на всѣ классы гимназіи было уменьшено на 30 часовъ въ недѣлю, т. е. какъ бы убавленъ цѣлый учебный годъ“..., и наконецъ, по уставу 1864 года, съ дополнительной поправкой 27 сентября 1865 года „количество учебнаго времени было разомъ низведено до столь малаго размѣра, какого никогда еще не бывало въ нашихъ гимназіяхъ“, а именно — оно было уменьшено до 184-хъ часовыхъ уроковъ въ недѣлю, при чемъ надо, однако, замѣтить, что весь учебный срокъ года по уставу 1864 года былъ увеличенъ на три недѣли, о чемъ объяснительная записка говоритъ какъ бы вскользь. Итакъ, все разсужденіе сводилось къ тому, что ученики гимназій по уставу 1828 года проводили въ гимназіи 240 часовъ въ недѣлю, а по уставу 1864 года — 184 часа. Можно было бы для большаго эффекта пойти дальше и вычислить, сколько часовъ каждый ученикъ просиживалъ въ гимназіи въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ по уставамъ 1828 г. и 1864 года. Но имѣетъ ли право педагогъ только вести учетъ часовъ просиживанія учениковъ въ школѣ, не считаясь съ тѣмъ, при какой обстановкѣ они просиживаютъ, надъ чѣмъ просиживаютъ и пр. Не говоря уже о томъ, что программы и самые объемы предметовъ, изучавшихся въ школахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, существенно разнились отъ программъ 60-хъ годовъ, что не могло не вліять на фактъ успѣшности занятій учениковъ, — достаточно только принять во вниманіе количество учащихся въ гимназіяхъ, равно какъ и въ университетахъ въ 30-хъ и въ 60-хъ годахъ, чтобы отказаться, при опредѣленіи успѣшности занятій въ оба эти періода, отъ метода, употребленнаго министерствомъ. Если же прибавимъ къ сказанному, что въ гимназіяхъ по уставу 1828 г. ученики, просиживая въ школѣ 240 часовъ въ недѣлю въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ, приходили въ школу для занятій дважды въ день, а слѣдовательно весь ходъ ученія производился тутъ же, въ классѣ, а въ 60-хъ годахъ, проводя въ школѣ только 184 часа въ недѣлю, отбывали сразу всѣ 5 или $5^1/_2$ часовъ урочныхъ занятій

и, слѣдовательно, должны были ежедневно дома посвятить занятіямъ нѣсколько часовъ, то станетъ понятнымъ вполнѣ что не въ цифирномъ учетѣ часовъ пребыванія учащихся въ школѣ весь секретъ слабой ихъ успѣшности, и что лѣкарствомъ въ этомъ случаѣ никакъ не могла служить прибавка одного года ученія.

Признавало также министерство гр. Д. А. Толстого, что ученики гимназій были очень обременены домашними занятіями (да и не только домашними, — скажемъ отъ себя), но, стремясь облегчить ихъ, оно пошло не по естественной дорогѣ уменьшенія многопредметности въ гимназической программѣ и сокращенія самихъ программъ по многимъ предметамъ, а „для отвращенія зла“ нашло „совершенно необходимымъ увеличить количество учебнаго времени“, прибавивъ одинъ учебный годъ. Какъ бы ни увѣряла объяснительная записка министерства гр. Д. А. Толстого, что заботой министерства было поднятіе уровня знаній учащихся и облегченіе ихъ въ занятіяхъ, но слишкомъ очевидно было, что гр. Толстой, мечтавшій путемъ усиленнаго классицизма чуть ли не создать новую породу людей, разсчитывалъ, удлинняя періодъ ученія въ гимназіяхъ на одинъ годъ, подольше задержать юныя натуры, наиболѣе склонныя къ броженію умовъ, въ той атмосферѣ классической школы, въ которой, думалось ему, не заведется никакой общественно-бродильный элементъ. Какъ оправдались ожиданія гр. Толстого въ этомъ отношеніи, мы хорошо знаемъ, такъ какъ были свидѣтелями тѣхъ разочарованій правительства, которыя, сравнительно очень скоро, повели его къ исканію иныхъ путей въ области школьнаго устройства и водятъ его, какъ видимъ, и до сихъ поръ. А между тѣмъ восьмилѣтній срокъ пребыванія въ гимназіи для громаднаго большинства учащихся, какъ мы уже сказали, обращался въ дѣйствительности въ девяти-десятилѣтній, а то и болѣе, потому что трудность курса, съ одной стороны, и слабая интенсивность въ работѣ учащихся, въ другой, въ результатѣ сплошь и рядомъ давали факты неоднократнаго оставленія на второй годъ. Будучи преподавателемъ въ одной и той же гимназіи въ теченіе 30 лѣтъ, я имѣлъ возможность слѣдить за выпусками своихъ воспитанниковъ и видѣлъ что изъ учениковъ приготовительнаго класса, въ количествѣ болѣе 50, доходило безостановочно до выпуска не болѣе 4—5 душъ, т. е. продолжалось то же явленіе, на которое указывала объяснительная записка къ уставу 1871 года, считавшая, что причиной такого явленія служило сокращеніе количества учебныхъ часовъ въ недѣлю. Увеличивая на годъ учебный срокъ, уставъ 1871 года одновременно съ этимъ задумывался и надъ вопросомъ объ огражденіи гимназій отъ долгаго пребыванія въ нихъ учениковъ, не успѣвающихъ спра-

виться съ курсомъ; такъ § 34 устава гласитъ: „ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ, увольняются изъ заведенія“. Но черезъ нѣсколько лѣтъ министерство нашло нужнымъ этотъ параграфъ дополнить циркулярнымъ распоряженіемъ, въ силу котораго не разрѣшается въ теченіе всего гимназическаго курса оставаться на второй годъ въ классѣ болѣе трехъ разъ, а прогимназическаго — болѣе двухъ разъ, сверхъ того, начиная съ 5-го класса, не дозволяется оставаться по два года въ однихъ и тѣхъ же классахъ 2 раза сряду.

Итакъ, въ лучшемъ случаѣ ученики современной гимназіи могутъ окончить курсъ 18 лѣтъ (считая возрастъ пріема въ 1-й классъ 10 лѣтъ), что приходится на долю очень немногихъ; въ худшемъ вполнѣ законномъ случаѣ — 21 года (считая 3 раза оставленіе на второй годъ въ классѣ). Но надо имѣть въ виду, что гимназіи поразнымъ мотивамъ обходятъ вышеуказанные законы объ оставленіи на второй годъ въ классѣ, а именно: видя неизбѣжность оставленія ученика на 3-й годъ въ классѣ или оставленія на второй годъ сверхъ указанной нормы, гимназіи выдаютъ, такъ называемыя въ обиходѣ, „переводы на увольненіе“, т. е. ставятъ фиктивныя тройки, и ученикъ съ этимъ свидѣтельствомъ идетъ искать себѣ пристанища въ другой какой-нибудь гимназіи, а такихъ свидѣтельствъ ежегодно бываетъ выдано не малое количество, чѣмъ и еще удлиняется срокъ пребыванія въ гимназіи. Изъ всего сказаннаго видно, что теперь молодого человѣка въ тѣ годы, когда давно уже пора ему стать на ноги и заняться своей спеціальностью, все еще хотятъ держать на мальчишескомъ положеніи гимназиста и насильно погружать его въ многообразіе школьныхъ наукъ. Въ доброе старое время молодой человѣкъ 19—20 лѣтъ уже былъ съ университетскимъ дипломомъ въ рукахъ, а теперь въ этомъ возрастѣ едва завоевывается аттестатъ зрѣлости. Не считая нормальнымъ слишкомъ скороспѣлое окончаніе средне-учебнаго заведенія, особенно при современномъ ростѣ объема учебныхъ дисциплинъ, мы, однако, думаемъ, что семилѣтній курсъ гимназіи, при условіи нормально установленныхъ программъ, вполнѣ достаточенъ для того, чтобы дать юношѣ въ возрастѣ 17—19 лѣтъ тотъ багажъ знаній и — главное — ту степень умственнаго и нравственнаго развитія, которыя помогутъ ему оріентироваться въ его дальнѣйшемъ жизненномъ пути, въ какую бы сторону онъ ни направлялся.

Самымъ важнымъ и совершенно новымъ въ русской средней школѣ является установленное особымъ совѣщаніемъ положеніе, по которому гимназія должна слагаться изъ двухъ ступеней: первой — съ трехлѣтнимъ и второй — съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, при чемъ курсъ первой ступени долженъ быть согласованъ съ кур-

сомъ первыхъ трехъ классовъ высшихъ начальныхъ училищъ. Ясно, что этотъ проектъ даетъ болѣе широкій просторъ принципу всесословности школы, а, слѣдовательно, — злополучный вопросъ о кухаркиныхъ дѣтяхъ ставится совсѣмъ въ иную плоскость. Мы помнимъ, что во время формированія боголѣповской комиссіи устроены были при кіевскомъ учебномъ округѣ тоже особыя совѣщанія, на которыя приглашены были нѣкоторые мѣстные педагоги и профессора университета. И вотъ, когда въ этомъ совѣщаніи поднятъ былъ вопросъ о единствѣ школы, то онъ не встрѣтилъ въ большинствѣ сочувствія. Неудивительно поэтому, что матеріалы боголѣповской комиссіи, если не ошибаемся, не выдвинули впередъ вопросъ о единствѣ школы и всеобщности ея. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мечтаемъ мы теперь, что этотъ принципъ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гр. П. Н. Игнатьева выдвинутъ, какъ одинъ изъ основныхъ. Вѣдь теперь, когда русская общественная и государственная жизнь въ дѣлѣ образованія требуетъ проведенія принципа всеобщности въ самомъ широкомъ толкованіи этого слова, нельзя говорить о какомъ бы то ни было раздѣленіи школьныхъ дисциплинъ, начиная съ дѣтскаго возраста. Не естественно вѣдь рѣшать, по какой спеціальности пойдетъ мальчикъ 10—12 лѣтъ и отдавать его въ школу того или иного типа. Нормально построенная система образованія должна предоставить всему населенію право и возможность пройти единую школу, доходя до того этапа въ ней, какой окажется по силамъ и способностямъ учащагося. А если такъ, то средняя школа, служа продолженіемъ начальной, должна построить учебную систему такъ, чтобы общія для всѣхъ учащихся науки шли до того возраста, въ который болѣе ясно уже обозначаются наклонности и способности юноши. Если до сихъ поръ начальная школа, какъ бы нарочно, отмежована отъ средней, то этимъ подчеркивается классовое различіе, благодаря чему дѣти непривилегированныхъ сословій только въ исключительныхъ случаяхъ и въ ничтожныхъ количествахъ могутъ попадать въ среднюю школу. Если же восторжествуетъ новый принципъ единства школы на первой ея ступени, то будетъ возможно дѣтямъ, прошедшимъ три класса высшаго начальнаго училища, поступать во вторую гимназическую ступень, т. е. въ четвертый классъ гимназіи, конечно, если способности дитяти и матеріальная обстановка семьи гарантируютъ хоть сколько-нибудь успѣшность прохожденія дальнѣйшаго курса.

Хотя установленный особымъ совѣщаніемъ принципъ раздѣленія средней школы на двѣ ступени, низшую и высшую, по существу не рѣшаетъ еще вопроса о томъ, будетъ ли высшая ступень одно-

тонная, или развѣтвится на нѣсколько типовъ, но не было никакого сомнѣнія, что въ дальнѣйшей разработкѣ устройства школы на обѣихъ этихъ ступеняхъ должна проявиться, такъ называемая, бифуркація, такъ какъ всесословность или всеобщность первой ступени школы естественно влечетъ за собой и развитіе принципа развѣтвленія въ дальнѣйшемъ общемъ образованіи. Если на ряду съ классическими гимназіями уже въ уставѣ 1864 года созданы были и реальныя, тоже какъ общеобразовательныя, а не спеціальныя, измѣненныя затѣмъ въ министерство гр. Д. А. Толстого, съ пониженіемъ ихъ въ училища изъ гимназій, то это было слѣдствіемъ той потребности общества въ реальномъ образованіи, которая такъ рѣзко обозначалась въ тогдашней журнальной и газетной полемикѣ. Это тоже была система бифуркаціи наукъ въ средней школѣ, но проведенная по совсѣмъ иной системѣ: реальная школа, являясь съ первыхъ же классовъ параллельной классической школѣ, была загнана въ подполье, была умышленно обставлена такъ, чтобы на дѣлѣ доказать всѣ преимущества классическаго образованія. Несмотря на такое свое положеніе, она жила и даже постепенно стала выбиваться на дорогу особенно съ развитіемъ у насъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя уравняли въ дѣлѣ пріема воспитанниковъ и классическія и реальныя школы, предоставивъ рѣшеніе вопроса о пріемѣ повѣрочнымъ и конкурснымъ испытаніямъ. Одно только министерство народнаго просвѣщенія упорно оберегало свое излюбленное дѣтище, классическую гимназію, и ни за что не соглашалось никого пускать въ университетъ безъ аттестата зрѣлости.

Такимъ образомъ, развѣтвленіе наукъ въ школьной системѣ не является новостью съ внѣшней стороны, но до сихъ поръ это развѣтвленіе исходило изъ принципа неравенства положенія лицъ, прошедшихъ курсъ по той, а не другой вѣтви, при чемъ самый фактъ избранія той или другой вѣтви для учащагося зависѣлъ не отъ склонности его къ опредѣленному циклу наукъ, а исключительно отъ заранѣе намѣченной для него дороги въ жизни. Теперь же вопросъ о бифуркаціи долженъ быть поставленъ совершенно въ иной плоскости: всѣ дѣти учебнаго возраста должны пройти одну и ту же школу до того возраста, въ который болѣе или менѣе ясно опредѣляются уже ихъ характеръ, наклонности и способности, и тогда должна быть дана возможность учащемуся, не насилуя своей природы, пойти по той линіи школьной науки, которая наиболѣе будетъ отвѣчать индивидуальности каждаго.

Такъ какъ вопросъ о развѣтвленіи наукъ въ высшей ступени гимназій разсмотрѣнъ былъ подробно не въ особомъ совѣщаніи, а въ комиссіи, то мы къ нему вернемся еще впереди. Теперь же мы

считаемъ себя обязанными сдѣлать одну оговорку. Почти годъ назадъ, когда еще только заговорили о возможномъ реформированіи средней школы, мы высказали наши desiderata въ рядѣ статей: „Нѣсколько мыслей по поводу нашей средней школы“ [1]). Тамъ мы высказались за необходимость раздѣлить среднюю школу на двѣ ступени: первую — общую, вторую — развѣтвленную; но тогда мы, принимая въ расчетъ восьмилѣтній гимназическій курсъ, считали, что первая ступень должна обнимать первые пять классовъ, а развѣтвленіе начать только съ 6-го класса. Если же установить курсъ семилѣтній, — съ чѣмъ мы безусловно согласны, — то, конечно, слѣдуетъ сократить срокъ лѣтъ первой ступени, а не второй; мы не станемъ особенно защищать необходимость четырехгодичнаго общаго курса, какъ это было бы, по нашему мнѣнію, цѣлесообразнѣе, считаясь съ переходнымъ возрастомъ дѣтей (14—15 лѣтъ), и готовы признать и трехгодичный срокъ, лишь бы только осуществленъ былъ принципъ единой начальной школы для населенія всѣхъ сословій.

Всѣ разсмотрѣнныя нами положенія объ устройствѣ средней школы, какъ было сказано, установлены были въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія; дальнѣйшая же разработка вопроса о реформѣ школы на основѣ этихъ положеній сдѣлана была въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Такъ какъ задача этой комиссіи состояла въ томъ, чтобы подготовить всѣ основы для выработки программы по каждому отдѣльному предмету, то, естественно, мы встрѣчаемся здѣсь со многими положеніями, имѣющими спеціальный характеръ, почему и не будемъ ихъ касаться, обративъ пока вниманіе только на тѣ стороны, которыя имѣютъ болѣе общее значеніе.

Для того, чтобы устанавливать программы преподаванія, прежде, всего, конечно, нужно опредѣлить степень подготовки тѣхъ дѣтей, которыя будутъ поступать въ 1-й классъ. Въ опубликованныхъ до сихъ поръ программахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ указаній на объемъ свѣдѣній, требующихся при пріемѣ; но по косвеннымъ даннымъ видно, что требованія эти значительно сокращены по сравненію съ теперешними.

И это вполнѣ понятно, потому что первый классъ гимназіи, по идеѣ единства низшей школы, долженъ быть согласованъ съ первымъ классомъ высшихъ начальныхъ училищъ, куда дѣти поступаютъ со знаніями не ниже одноклассныхъ училищъ минист. на-

---

[1]) „Кіев. Мысль“, 1915 г. №№ 77-й, 89-й, 104-й.

род. просв. Если же сравнить программы этихъ послѣднихъ съ тѣми программами, которыя установлены были для поступающихъ въ первый классъ въ настоящее время, то окажется разница довольно значительная, особенно по русскому языку, отчасти по ариѳметикѣ.

Въ связи съ только что отмѣченнымъ пунктомъ объ условіяхъ пріема дѣтей въ 1-й классъ со стороны ихъ познаній, приходится указать на установленный въ комиссіи одинъ новый пунктъ, имѣющій очень серьезное принципіальное значеніе и идущій въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ единой начальной школы. Оказывается, что комиссія нашла необходимымъ, — хотя ничѣмъ не мотивировала этой необходимости, — сохранить до нѣкоторой степени классовой характеръ средней школы, прибавивъ къ общему типу гимназій, состоящихъ изъ двухъ ступеней, одинъ еще видъ, представляющій собою гимназію семиклассную, не раздѣленную на двѣ ступени, а проведенную цѣликомъ по классической системѣ, съ латинскимъ языкомъ, начиная съ 1-го класса, и съ греческимъ языкомъ, начиная съ 3-го класса. Изъ одного маленькаго примѣчанія къ этому пункту видно, что пріемъ въ такія гимназіи будетъ производиться совсѣмъ на другихъ началахъ, а именно: поступающіе въ первый классъ должны знать по русскому языку и ариѳметикѣ то, что проходится въ 1 классѣ общеобразовательныхъ гимназій, а слѣдовательно, — эти гимназіи будутъ обслуживать если не особую породу дѣтей, то особый какой-то слой общества. Съ перваго раза можетъ показаться совершенно логичнымъ и послѣдовательнымъ дать возможно больше развѣтвленій и типовъ школъ, чтобы больше былъ просторъ въ выборѣ той или другой изъ нихъ; но все это было бы справедливо, если бы не касалось того матеріала, который представляетъ собою живую душу въ возрастѣ 10—11 лѣтъ, когда самъ ребенокъ не только не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, чего онъ желаетъ для себя впереди, но не можетъ еще показать и своимъ родителямъ сколько-нибудь вѣскія основанія для рѣшенія того, по какой дорогѣ вести его обученіе. Классическая эта школа, такимъ образомъ, явится не общеобразовательной, а спеціальной, при условіи слишкомъ ранняго избранія спеціальности. Какой же можетъ получиться результатъ? Если на ряду съ общеобразовательными гимназіями будутъ существовать съ одинаковыми правами классическія гимназіи, то естественно ждать, что родители будутъ опредѣлять своихъ дѣтей въ малолѣтнемъ возрастѣ въ тѣ гимназіи, которыя открываютъ болѣе широкіе горизонты и не обрекаютъ учащихся на слишкомъ давшій себя знать обществу принудительный классицизмъ. Въ лучшемъ случаѣ окажется, что такія классическія гимназіи будутъ пустовать, и тогда, какъ это не разъ уже бывало,

начнутся измышленія льготъ для учащихся въ нихъ. Хорошо, если эти льготы будутъ того же характера, какъ было постановлено уставомъ гимназій 1828 года относительно учениковъ, обучавшихся греческому языку, а именно: изучившимъ греческій языкъ давался чинъ XIV класса тотчасъ по выходѣ изъ гимназій, тогда какъ обычно родовые дворяне производились въ первый классный чинъ только черезъ годъ по окончаніи гимназіи, дѣти личныхъ дворянъ — черезъ три года, а прочіе — черезъ пять лѣтъ. Но въ настоящее время едва ли на такую „мякину" приманится и молодой воробей, не то что старый, а потому подобныя льготы не увеличатъ контингента учащихся. И придется, чего добраго, опять быть свидѣтелями урѣзки правъ однихъ учебныхъ заведеній сравнительно съ другими.

Заговоривъ объ этихъ классическихъ гимназіяхъ только при случаѣ, по поводу различныхъ требованій отъ поступающихъ въ 1-й классъ однихъ и другихъ гимназій, мы считаемъ нужнымъ теперь сказать, что намъ впереди предстоитъ еще разсмотрѣть вопросъ о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ общеобразовательныхъ гимназіяхъ, почему теперь мы ограничиваемся этими общими замѣчаніями.

До сихъ поръ мы видѣли, что новыя условія прохожденія курса гимназіи, не касавшіяся пока предметовъ преподаванія, опредѣлили, во-первыхъ, сокращеніе на одинъ годъ срока пребыванія въ гимназіяхъ учениковъ, а во-вторыхъ, — сокращеніе требованій въ познаніяхъ отъ поступающихъ въ первый классъ. И то, и другое, конечно, должно быть учитываемо при установленіи количества предметовъ обученія и объема программъ по каждому изъ нихъ. Но къ этому учету, такъ сказать, внѣшнихъ условій необходимо прибавить и еще одно — продолжительность учебнаго года и продолжительность учебнаго дня.

Учебный годъ опредѣленъ комиссіей продолжительностью не менѣе какъ въ 32 недѣли, при чемъ указывается, что на лѣтнія каникулы отводится $2^1/_2$ мѣсяца, т. е. 11 недѣль.

Если прибавить по 2 недѣли на рождественскія и пасхальныя каникулы, то въ общей сложности получится только 47 недѣль. Очевидно, комиссія остальныя 5 недѣль отсчитываетъ еще на разные праздничные и неучебные дни, и такимъ образомъ, вѣроятно, считаетъ всѣ 32 учебныя недѣли по 6 дней, т. е. всего 192 учебныхъ дня въ году, а на долю неучебныхъ дней придется 173 дня, что составитъ 47,4%.

Въ данномъ случаѣ комиссія нисколько не отступила отъ той, нормы, которая наблюдалась все послѣднее время (не считая, конечно, ненормальныхъ двухъ сезоновъ ученія во время войны), а

именно: по самому благопріятному расчету, т. е. считая, что началось ученіе съ 16 августа и окончилось въ первыхъ числахъ іюня, что, кромѣ обычныхъ праздничныхъ дней, не было никакихъ случайныхъ неучебныхъ дней (а ихъ бываетъ иногда не мало), считая все это — повторяемъ — всѣхъ учебныхъ дней въ году можетъ быть 200; но если изъ нихъ вычесть весь сезонъ экзаменный, очень мало продуктивный въ смыслѣ гимназическаго ученія, то останется дней еще меньше, чѣмъ предполагаетъ установить комиссія, въ принципѣ отвергающая систему теперешнихъ экзаменовъ, о чемъ будетъ рѣчь далѣе. Такимъ образомъ, продолжительность учебнаго года по проекту комиссіи, почти не восполняетъ недочета одного класса и уменьшенія объема знанія при поступленіи въ гимназію. Не восполняетъ этихъ недочетовъ, какъ увидимъ ниже, и количество часовъ ежедневныхъ занятій въ гимназіи. Если бы мы хотѣли пойти по стопамъ объяснительной записки къ уставу гимназій гр. Д. А. Толстого, то, конечно, сразу сдѣлали бы выводъ, что проектъ реформы гимназій въ министерствѣ гр. П. Н. Игнатьева, буде осуществится, сильно понизитъ уровень знаній оканчивающихъ воспитанниковъ. Но мы держимся другого взгляда: количество учебныхъ часовъ и учебнаго времени въ періодъ школьной науки далеко не обусловливаетъ успѣшности или неуспѣшности занятій, такъ какъ эти послѣднія зависятъ отъ многихъ, гораздо болѣе существенныхъ и глубокихъ, причинъ. Не говоря уже о томъ, что для этого прежде всего необходимы тѣ условія, такъ сказать, внутренней, душевной стороны въ жизни школы, отсутствіемъ которыхъ такъ страдала она до сихъ поръ, и о которыхъ мы довольно подробно писали въ указанныхъ выше нашихъ статьяхъ въ „Кіевской Мысли", — не говоря уже объ этомъ, очень существеннымъ въ дѣлѣ продуктивности школьной работы является группировка предметовъ изученія и согласованность программъ каждаго предмета съ возрастомъ учащихся. Теперь мы и обратимся къ обозрѣнію того, какъ комиссія поняла и освѣтила эти вопросы.

При рѣшеніи вопроса о количествѣ изучаемыхъ предметовъ по классамъ, о числѣ уроковъ по каждому предмету въ классѣ и о предѣльномъ числѣ часовъ занятій въ недѣлю въ классахъ, комиссія сообразовалась съ возрастомъ учащихся, а потому всѣ эти пункты разсмотрѣла отдѣльно для низшей ступени гимназіи и для высшей, при чемъ всѣ предметы раздѣлены на двѣ категоріи — образовательные и воспитательные.

Въ низшей ступени образовательные предметы слѣдующіе: Законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія, географія и естествовѣдѣніе, при чемъ на русскій языкъ отводится 6 часовъ въ

недѣлю въ каждомъ классѣ, на математику по 4 часа, на исторію по 2 часа, на географію по 2 часа въ 1 и 2 классахъ и 3 часа въ 3-мъ классѣ, на естествовѣдѣніе по 2 часа въ каждомъ классѣ.

Полной новостью въ этой группировкѣ предметовъ является, какъ видимъ, отсутствіе въ первыхъ трехъ классахъ не только латинскаго языка, но даже иностранныхъ языковъ, послѣдняго не было въ русскихъ гимназіяхъ, кажется, за все время ихъ существованія. Объясняется это, конечно, все тѣмъ же желаніемъ сдѣлать низшую ступень образованія общею и всесословною. Мы готовы всецѣло согласиться съ этою новостью не только потому, что ради принципа единой низшей школы идемъ на уступки, но и потому, что не находимъ въ этомъ никакого ущерба для дѣла средняго образованія, такъ какъ для изученія иностранныхъ языковъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе возможны въ нашей средней школѣ, совершенно достаточно остальныхъ четырехъ лѣтъ, начиная съ 4-го класса. Что касается латинскаго языка, то о немъ, какъ о предметѣ школьнаго обученія, мы будемъ говорить ниже, но во всякомъ случаѣ считаемъ возможнымъ, безъ всякой потери для дѣла, вынести его за предѣлы первыхъ трехъ классовъ.

Не возражаемъ мы по существу и противъ 6 часовъ въ недѣлю, отводимыхъ для русскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ, такъ какъ, при хорошо построенныхъ и выполненныхъ программахъ преподаванія этого предмета, въ занятія имъ можетъ входить множество разнообразныхъ, интересныхъ и вполнѣ развивающихъ мышленіе и чувства дитяти упражненій. Замѣтимъ только мимоходомъ, что въ такомъ случаѣ окажется необходимымъ измѣнить и планы высшихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ на русскій языкъ отведено только по 5 часовъ въ недѣлю.

Кромѣ образовательныхъ предметовъ, на которые назначено по 18 часовъ въ недѣлю въ 1 и 2 классахъ и 19 часовъ — въ 3 классѣ, въ кругъ занятій на этой низшей ступени вводятся воспитательные предметы: физическія упражненія, считая въ нихъ танцы и ручной трудъ (3 часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ), рисованіе съ черченіемъ (по 2 часа въ 1 и 2 классахъ и 3 часа въ 3 классѣ), пѣніе и музыка (1 часъ въ недѣлю, въ кажд. классѣ). Не будемъ касаться нѣкоторыхъ частностей, которыя вызываютъ сомнѣнія и возраженія, оставляя ихъ до иного случая, а укажемъ только на главное, что, по нашему мнѣнію, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, какъ недостатокъ въ планѣ занятій для этого возраста. Совершенно затушевано физическое воспитаніе, такъ какъ отведенные для него 3 часа въ недѣлю вообще недостаточны для дѣтей, требующихъ ежедневныхъ разнообразныхъ и хорошо орга-

нированныхъ физическихъ упражненій, а тутъ въ 3 часа въ недѣлю предполагается устроить и танцы, и ручной трудъ, и гимнастику. Окажется, въ концѣ концовъ, что всѣ эти занятія, по совершенно ясной причинѣ, обратятся въ ничто, и физическое воспитаніе въ нашихъ гимназіяхъ останется въ томъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ было и раньше. Если намѣчаемая таблица уроковъ даетъ всѣхъ 25 часовъ въ недѣлю въ 1 и 2 класахъ и 27 часовъ — въ 3 классѣ, то мы смѣло рискнули бы прибавить въ каждомъ классѣ еще по 3 часа для физическихъ упражненій, такъ какъ имѣли случай убѣдиться, что дѣти этого возраста и теперь, при большемъ количествѣ предметныхъ уроковъ (въ 1 классѣ 22 часа въ недѣлю, во 2-мъ — 26 часовъ, въ 3—27 часовъ, не считая воспитательныхъ предметовъ), не только не тяготятся уроками гимнастики и иныхъ физическихъ упражненій и игръ, но усиленно просятъ позволить имъ остаться послѣ всѣхъ уроковъ въ гимназіи для этихъ упражненій.

Переходя теперь къ обозрѣнію плана гимназическаго ученія на высшей ступени, прежде всего остановимся на проектируемой системѣ бифуркаціи или развѣтвленія наукъ.

Комиссія намѣтила, начиная съ 4-го класса, раздѣленіе на три типа (собственно говоря, выходитъ четыре), „съ сохраненіемъ въ каждомъ изъ нихъ за русскимъ языкомъ значенія важнѣйшаго предмета“, какъ сказано въ предисловіи къ „Матеріаламъ по реформѣ средней школы“ (стр. 5). Первое отдѣленіе названо новогуманитарнымъ; въ немъ латинскій языкъ не преподается совсѣмъ, обязательно изучается одинъ изъ новыхъ языковъ, и преобладаетъ по количеству часовъ изученіе гуманитарныхъ предметовъ (русскій языкъ, исторія, географія). Второе отдѣленіе названо гуманитарно-классическимъ; въ немъ изучается латинскій языкъ, одинъ изъ новыхъ языковъ и тѣ же предметы, что и въ первомъ отдѣленіи, но только, какъ сказано уже, при немного уменьшенномъ числѣ уроковъ. Третье отдѣленіе — реальное, въ немъ, конечно, латинскій языкъ не преподается, тоже обязательно изучается одинъ изъ новыхъ языковъ, и вообще перевѣсъ по количеству часовъ падаетъ на предметы реальные, при чемъ идетъ развѣтвленіе ихъ по двумъ линіямъ; преобладаніе математики — въ одной и естествознанія — въ другой.

Не касаясь деталей разработки этого общаго плана, мы считаемъ необходимымъ остановиться немного на самомъ принципѣ бифуркаціи въ средней общеобразовательной школѣ. Раньше мы сказали, что нисколько не отрицаемъ необходимости въ половинѣ курса средней школы дать возможность учащимся, приблизительно въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, избрать себѣ для дальнѣйшаго обученія тотъ

циклъ предметовъ, къ которому, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ начали уже проявляться бо́льшія наклонности. Однако намъ кажется, что въ практируемой системѣ бифуркаціи комиссія поддалась нѣкоторому увлеченію и перешла границы необходимаго и возможнаго, допуская, такъ сказать, роскошь и излишество. Едва ли имѣются серьезныя основанія, вытекающія изъ наблюденій и опыта, а равно подтверждаемыя психологическимъ изученіемъ дѣтской природы, къ тому, чтобы считать нужнымъ, почти еще въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ детализировать наклонности и способности учащихся, чтобы сразу давать для нихъ исходъ по четыремъ линіямъ. Найдется ли кто-нибудь изъ самыхъ опытныхъ педагоговъ, кто рѣшилъ бы, послѣ первыхъ трехъ лѣтъ ученія дитяти въ гимназіи, что для такого-то мальчика 13—14 лѣтъ не только болѣе подходятъ занятія реальными науками, а не гуманитарными — и наоборотъ, но даже угадалъ бы, что такому-то болѣе по плечу занятія древними языками, а такому-то они не пригодны? Равнымъ образомъ, кто можетъ опредѣлить въ этомъ возрастѣ, какія реальныя науки окажутся болѣе по плечу учащемуся — математика или естествознаніе? Очевидно, вопросъ придется рѣшать чуть ли не на узелки, и сами учащіеся будутъ избирать для себя ту или иную вѣтвь, руководствуясь болѣе наитіемъ и всякими случайностями, а не дѣйствительнымъ призваніемъ.

Сверхъ отсутствія логической необходимости въ подобной детализаціи вѣтвей школьнаго изученія, мы видимъ и очень сильное практическое затрудненіе при выполненіи такого плана. Уже въ 4-мъ классѣ придется имѣть для нѣкоторыхъ предметовъ двѣ-три классныя комнаты (исторія, новый языкъ, латинскій языкъ), а начиная съ 5-го класса — даже три-четыре комнаты, такъ какъ, кромѣ Закона Божія, ни одинъ предметъ не можетъ идти по одной и той же программѣ, потому что количество недѣльныхъ уроковъ въ классѣ по каждому предмету различно во всѣхъ вѣтвяхъ. Такъ, русскій языкъ въ 5 классѣ на ново-гуманитарномъ отдѣленіи идетъ при 5 урокахъ, на гуманитарно-классическомъ — при 3 урокахъ, а на реальномъ — при 4-хъ. Ясно, что сводные уроки для этихъ трехъ отдѣленій немыслимы. Если придется осуществить этотъ планъ бифуркаціи, то семиклассная гимназія должна будетъ имѣть не менѣе 15 учебныхъ комнатъ, при чемъ въ каждомъ изъ семи классовъ не можетъ быть болѣе 40 учениковъ (беремъ теперешнюю норму), такъ какъ иные предметы въ классѣ могутъ быть сводными. Такъ, напримѣръ, не говоря о Законѣ Божіемъ, въ 4-мъ классѣ могутъ быть сводными уроки по русскому языку, математикѣ, физикѣ, географіи, потому что по этимъ предметамъ назначено одинаковое число уро-

ковъ въ недѣлю на всѣхъ вѣтвяхъ; но тутъ же, въ 4-мъ классѣ, должны быть раздѣлены ученики на группы по исторіи, новымъ языкамъ, естествовѣдѣнію, латинскому языку. Итакъ, уже помѣщеніе гимназіи, при сравнительно небольшомъ количествѣ учащихся (maximum 280 учениковъ на 7 классовъ), явится крайне убыточнымъ; прибавьте еще необходимость оплатить трудъ учителей по таблицѣ усиленнаго количества ихъ уроковъ въ нѣсколькихъ группахъ одного класса, и станетъ яснымъ, что вопросъ матеріальный въ дѣлѣ содержанія средне-учебныхъ заведеній очень осложнится.

Если, какъ намъ кажется, слишкомъ широко задуманная бифуркація на высшей ступени средней школы не вызывается необходимостью и является излишней роскошью, не отвѣчающей дѣйствительнымъ запросамъ жизни; если при томъ она даетъ такія осложненія на практикѣ, то не правильнѣе ли будетъ остановиться только на раздвоенной вѣтви изучаемыхъ наукъ, начиная съ 4-го класса — гуманитарное отдѣленіе и реальное.

Нужно полагать, что комиссія, дѣля гуманитарное отдѣленіе на двѣ вѣтви, руководствовалась желаніемъ устроить на одной вѣтви латинскій языкъ не какъ общеобразовательный предметъ, а какъ спеціальный, отведя на изученіе его 23 часа въ недѣлю въ четырехъ классахъ, т. е. почти по 6 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ (кромѣ 4 класса, въ которомъ положено 5 уроковъ), и сохранивъ, такимъ образомъ, традицію теперешней классической школы. Если вникнуть въ таблицу распредѣленія уроковъ по предметамъ и классамъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, то станетъ яснымъ, что въ остальныхъ предметахъ разница въ количествѣ часовъ по этимъ двумъ вѣтвямъ не существенна, а главное — не оправдывается никакими иными соображеніями, кромѣ необходимости какъ-то выкроить расписаніе, отдѣливъ для латинскаго языка львиную долю и въ то же время уравновѣсивъ общее число часовъ. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что предметъ русскаго языка на ново-гуманитарной вѣтви долженъ быть пройденъ при 19 урокахъ, а гуманитарно-классической — при 16 урокахъ?

Вѣдь основной принципъ средней школы, установленный особымъ совѣщаніемъ, что школа должна быть самодовлѣющей, т. е. неразсчитанной на подготовку спеціальную въ то или другое высшее учебное заведеніе, при чемъ во главу угла въ ней ставится родной языкъ и литература; почему же этотъ основной предметъ на гуманитарно-классическомъ отдѣленіи не только уступилъ первенство латинскому языку (16 ур. по русскому языку и 23 ур. по латинск.), но и уменьшился на 3 часа въ недѣлю сравнительно съ ново-гуманитарной вѣтвью? Еще болѣе характерна разница въ количествѣ

часовъ, отводимыхъ для математики на этихъ двухъ вѣтвяхъ: ново-гуманитарная вѣтвь — 15 часовъ въ недѣлю, гуманитарно-классическая — 12. Едва ли есть возможность учесть въ такихъ скрупулезныхъ доляхъ разницу въ математическихъ способностяхъ дѣтей одной и другой вѣтви, а также разницу въ степени необходимыхъ математическихъ знаній для каждой изъ этихъ вѣтвей. Совершенно то же можно сказать и о другихъ предметахъ: исторія (на ново-гуманитарн. отдѣл. 14 уроковъ, на гуманитарно-классическомъ — 12), географія (на ново-гуманит. отд. 6 уроковъ, на гуманит.-классическомъ — 4), физика и космографія (на ново-гуманит. отд. 11 уроковъ, на гуманит.-классич. — 9). Однимъ словомъ, все сводится къ тому, что латинскій языкъ, совершенно вычеркнутый изъ программъ ново-гуманитарной вѣтви, введенъ на гуманитарно-классическомъ отдѣленіи со всѣми примѣтами не общеобразовательнаго предмета, а спеціальнаго. Въ этомъ мы видимъ коренную ошибку и поэтому остановимся на этихъ вопросахъ болѣе подробно.

Если бы комиссія строго удержалась на принципѣ общеобразовательности средней школы и установила только болѣе отчетливо замѣчаемое различіе въ наклонностяхъ и способностяхъ дѣтей, приближающихся уже къ юношескому возрасту, по двумъ главнымъ линіямъ — гуманитарныя и реальныя науки, — то она не лишила бы ново-гуманитарное отдѣленіе изученія латинскаго языка, какъ это сдѣлано теперь. Если бы комиссія, съ другой стороны, не поддалась нѣкоторому давленію традиціи и не побоялась открыто признать полную устарѣлость и непригодность классической школьной дисциплины, какъ таковой, то она не ввела бы на гуманитарно-классическомъ отдѣленіи латинскій языкъ въ такой усиленной порціи (по 6 уроковъ почти во всѣхъ классахъ). Иными словами, комиссія нашла бы нужнымъ слить оба отдѣленія въ одно — гуманитарное — и отвела бы въ немъ мѣсто латинскому языку „не большее и не меньшее, а среднее, гдѣ сидятъ дѣти гостинныя“, какъ поется въ старорусской пѣснѣ, и какъ того требуетъ спокойное, безпристрастное и — главное — нетенденціозное разсужденіе.

Начнемъ съ того, оправдывается ли логикой, а затѣмъ и практикой жизни, исключеніе латинскаго языка изъ круга образовательныхъ предметовъ ново-гуманитарнаго отдѣленія? Неестественно ученикамъ гуманитарнаго отдѣленія не быть знакомыми съ основами того языка, безъ знанія котораго почти нѣтъ возможности впереди научно работать по предметамъ, связаннымъ съ цикломъ гуманитарныхъ наукъ. Захочетъ ли юноша, окончившій среднюю школу по ново-гуманитарному отдѣленію, заняться въ дальнѣйшемъ русской филологіей, литературой, — придется ему изучать для этого и ла-

тинскій языкъ; пойдетъ ли онъ по пути историческихъ работъ, — тоже не обойтись ему безъ знанія этого языка; устроится ли для него дорога юридическихъ знаній, — тутъ ужъ и думать нельзя обойтись безъ латинскаго языка. Можно возразить на это, что буде понадобится это знаніе латинскаго языка, то молодой человѣкъ самостоятельно пріобрѣтетъ его, и даже сдѣлаетъ это сравнительно быстро; но къ чему же тратить драгоцѣнное время на черновую работу тогда, когда каждый часъ долженъ быть дорогъ для болѣе продуктивныхъ занятій? А между тѣмъ въ школѣ совершенно незамѣтно могутъ быть пріобрѣтены тѣ знанія, которыя сами по себѣ составляютъ все-таки прекрасную учебную дисциплину, если ихъ не доводить до утрировки, и которыя впереди помогутъ очень часто оріентироваться въ тѣхъ или другихъ областяхъ научныхъ работъ.

Равнымъ образомъ, и ошибочнымъ, и даже вреднымъ шагомъ мы считаемъ введеніе усиленной порціи классицизма на гуманитарно-классическомъ отдѣленіи. Вѣдь это значитъ — сохранить то больное мѣсто въ современной школѣ, которое въ результатѣ дастъ полное ослабленіе интереса у учащихся къ предмету латинскаго языка, погружая ихъ, такъ сказать, въ однобокость знанія, совершенно выходящую за предѣлы общеобразовательности. Если и въ реформированной школѣ пойдетъ опять скрупулезное грамматическое изученіе латыни, съ ни къ чему ненужными письменными упражненіями въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій, а особенно съ русскаго на латинскій; если опять чтеніе классиковъ сведется, ради грамматической точности, къ переводу на какой-то невообразимый языкъ, вмѣсто русскаго, — то предметъ этотъ обреченъ будетъ въ школѣ на роль нелюбимаго предмета, но только теперь его уже не поддержитъ обязательность изученія, — и отдѣленіе гуманитарно-классическое едва-едва будетъ существовать. Можетъ быть и здѣсь придется тогда прибѣгнуть къ какимъ-нибудь поощрительно-заманивающимъ мѣрамъ, въ родѣ чина XIV класса. А между тѣмъ такъ нетрудно на гуманитарномъ отдѣленіи пріобрѣсти знанія латинскаго языка, но, конечно, опредѣливши ограниченный объемъ этихъ знаній. Признавая, что задача изученія латинскаго языка въ средней школѣ должна состоять въ доведеніи учащихся до умѣнія разобраться въ латинскомъ текстѣ средней трудности, при бѣгломъ пользованіи словаремъ, мы думаемъ, что для этого въ теченіе четырехъ лѣтъ нужно только пріобрѣсти достаточный запасъ словъ, умѣя оріентироваться въ процессѣ производства ихъ, изучить хорошо этимологію и синтаксисъ, отнюдь не вдаваясь въ детали исключеній, а особенно въ тонкости синтаксическихъ построеній. Если выпускной ученикъ, какъ это было въ дотолстов-

скихъ гимназіяхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ состояніи будетъ оріентироваться, при бѣгломъ пользованіи словаремъ, въ переводѣ нетрудныхъ отрывковъ такихъ авторовъ, какъ Корнелій Непотъ, Юлій Цезарь, Овидій, Виргилій, Цицеронъ, то, по нашему мнѣнію, большаго и желать не нужно (да большаго, кстати сказать, не достигала и толстовская гимназія), такъ какъ этотъ объемъ знанія языка дастъ ему возможность впереди пользоваться имъ при самыхъ разнородныхъ научныхъ работахъ, равно какъ послужитъ прочнымъ фундаментомъ и для тѣхъ, кто пожелалъ бы далѣе работать въ спеціальной области классической филологіи.

Мы не безъ умысла сослались только что на гимназіи 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Дѣло въ томъ, что объяснительная записка къ уставу гимназій 1871 года особенно усиленно подчеркиваетъ неудовлетворительность постановки учебнаго дѣла, благодаря распоряженіямъ правительства въ 1849 и 1851 годахъ. Тамъ находимъ даже такія строки: „трудно сказать, до какой степени несостоятельность въ дѣлѣ науки, литературы и всего умственнаго образованія дошла бы Россія подъ вліяніемъ мѣръ, принятыхъ въ 1849 и 1851 году, если бы дѣйствіе этихъ мѣръ... не было сначала ослаблено до нѣкоторой степени административными распоряженіями, а потомъ и вовсе прекращено изданіемъ устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года“ [1]). Кто возьмется быть защитникомъ мѣропріятій, начиная съ 1848 года до конца царствованія Николая I, въ тотъ періодъ, когда даже министръ гр. С. Уваровъ оказался либераломъ и долженъ былъ уступить мѣсто другому; когда началась изоляція русской науки и жизни отъ растлѣвающаго вліянія запада; когда всячески закупоривались двери университетовъ, въ огражденіе, какъ отъ изобилія слушателей, такъ и отъ проникновенія въ стѣны университета путемъ профессорскихъ лекцій „неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ“; когда даже былъ проектъ составить „хорошее руководство къ изученію всеобщей исторіи, написанной въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія“? Кто возьмется все это защищать? — спросимъ мы опять. Но объяснительная записка къ уставу 1871 года, тоже, какъ мы видѣли, рѣзко нападающая на мѣропріятія этого періода, всю бѣду видитъ въ томъ, что гимназіи по уставу 1849 года, horribile dictu, сократили число уроковъ по древнимъ языкамъ, и латинскій языкъ установили только въ 4—7 классахъ, при 16 урокахъ въ недѣлю. Мы же не ошибемся, если скажемъ, что гимназіи того періода не обнаруживали никакихъ осо-

---

[1]) Сборн. постановл. и распоряж. по гимн. и прогимн. Спб. 1874.

бенныхъ недостатковъ, сравнительно съ предшествовавшими выпусками и тѣмъ болѣе съ послѣдующими, а постановка гимназической науки тогда не мѣшала воспитанникамъ своимъ обнаруживать себя потомъ и трудоспособными, и становиться выдающимися учеными во всѣхъ областяхъ, включительно до классической филологіи. Мы не станемъ заниматься перечисленіемъ тѣхъ именъ, которыя, прошедши гимназическій курсъ именно въ этотъ періодъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, научною и общественною своей дѣятельностью заслужили того, что внесены уже давно въ списки лицъ, составляющихъ украшеніе и гордость родины. Мы смѣло утверждаемъ, что процентное отношеніе такихъ именъ ко всѣмъ учившимся въ гимназіи въ тѣ годы нисколько не меньше, а, можетъ быть, даже и больше такого же отношенія лицъ, учившихся въ классическихъ гимназіяхъ толстовскаго режима. Все это мы указываемъ только для того, чтобы отодвинуть въ сторону мотивировку якобы слабости средней школы при уменьшеніи объема изученія древнихъ языковъ, на чемъ построена почти вся аргументація объяснительной записки къ уставу 1871 года. А если такъ, то мы считали бы и теперь въ реформируемой средней школѣ, для достиженія указанныхъ выше задачъ изученія латинскаго языка, совершенно достаточнымъ назначить въ четырехъ классахъ 16 уроковъ въ недѣлю, по 4 урока въ каждомъ классѣ, при чемъ, конечно, соединить обѣ гуманитарныя вѣтви въ одну. Что касается таблицы распредѣленія уроковъ, то она, сравнительно, очень мало измѣнится, что видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей проектъ распредѣленія уроковъ на двухъ гуманитарныхъ отдѣленіяхъ по предположенію комиссіи, а рядомъ — проектъ, предполагаемый нами, т. е. одно гуманитарное отдѣленіе.

ОБРАЗОВАТ. ПРЕДМ.	Ново-гуманитарное					Гуман.-классическое					Гуманитарное				
	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего
1) Законъ Божій	2	2	2	2	8	2	2	2	2	8	2	2	2	2	8
2) Русск. языкъ .	5	5	4	5	19	5	3	4	4	16	4	5	4	4	17
3) Исторія	3	3	4	4	14	3	3	3	3	12	3	3	4	4	14
4) Математ. . . .	4	4	4	3	15	4	3	3	2	12	4	3	3	2	12
5) Физ. и космогр.	2	3	2	4	11	2	2	2	3	9	2	2	2	3	9
6) Логика	—	—	—	2	2	—	—	—	2	2	—	—	—	2	2
7) Новый языкъ .	5	5	4	4	18	2	4	5	4	15	4	4	4	4	16
8) Географія . . .	2	2	2	—	6	2	2	—	—	4	2	2	2	—	6
9) Естествовѣд. .	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10) Латинск. яз. .	—	—	—	—	—	5	6	6	6	23	4	4	4	4	16
Всего . . .	23	24	24	24	95	25	25	25	26	101	25	25	25	25	100

Представивъ эту таблицу, мы можемъ теперь, помимо указанной уже нелогичности устраненія латинскаго языка изъ предметовъ преподаванія на ново-гуманитарномъ отдѣленіи, отмѣтить еще нѣсколько странностей въ проектируемой министерствомъ таблицѣ. А именно:

1) Какими физіологическими, психологическими или иными данными надо объяснять тотъ фактъ, что учащіеся на ново-гуманитарномъ отдѣленіи могутъ быть облегчены въ ежедневныхъ занятіяхъ сравнительно съ гуманитарно-классическимъ отдѣленіемъ (95 урок. въ недѣлю и 101 урокъ)? Логика подсказываетъ совершенно обратное: если гуманитарно-классическое отдѣленіе вводитъ въ кругъ учебныхъ дисциплинъ сравнительно такой трудный предметъ, какъ латинскій языкъ, то естественнѣе было ожидать, что, щадя отроческую и юношескую природу, для учащихся на этомъ отдѣленіи будутъ сдѣланы общія облегченія. Объясненіе этой странности мы находимъ только одно: комиссія, желая включить въ таблицу гуманитарно-классическаго отдѣленія усиленную порцію латинскаго языка, не нашла, конечно, возможнымъ исключить изъ общей схемы предметовъ ни одного изъ нихъ, а потому обратилась къ чисто механическому способу обскубыванія каждаго предмета понемногу, да и то не въ состояніи была окончательно уровнять таблицы. Станетъ это очевиднымъ изъ дальнѣйшихъ пунктовъ.

2) Мы говорили уже мимоходомъ о той странности, которая замѣчается въ таблицахъ распредѣленія уроковъ по русскому языку и математикѣ на двухъ отдѣленіяхъ. Теперь, при взглядѣ на таблицу, можно видѣть полную картину этой странности. Почему ново-гуманитарное отдѣленіе должно въ 5 классѣ проходить курсъ словесности въ теченіе 5 уроковъ въ недѣлю, а гуманитарно-классическое при 3-хъ! Почему ученики ново-гуманитарнаго отдѣленія въ 5, 6 и 7 классахъ должны математику проходить при большемъ количествѣ уроковъ, чѣмъ ученики гуманитарно-классическаго отдѣленія?

3) Почему предметы исторіи, географіи съ космографіей должны имѣть большее число уроковъ на ново-гуманитарномъ отдѣленіи сравнительно съ гуманитарно-классическимъ?

4) Но верхомъ невразумительности служитъ предметъ новаго языка: начинаясь только въ 4-мъ классѣ, предметъ этотъ на ново-гуманитарномъ отдѣленіи имѣетъ 5 уроковъ въ недѣлю, а на гуманитарно-классическомъ только 2. Мыслимо ли начинать изученіе языка только при 2 урокахъ въ недѣлю?

5) А совсѣмъ ужъ курьезомъ является введеніе въ таблицу уроковъ только 6-го класса на ново-гуманитарномъ отдѣленіи есте-

ствовѣдѣнія въ количествѣ 2 уроковъ; это выходитъ совсѣмъ ужъ какая-то persona vagabunda!

Всѣ эти шероховатости легко устраняются одновременно съ упраздненіемъ, искусственнаго на нашъ взглядъ, раздѣленія гуманитарной вѣтви на два отдѣленія. Какъ видно изъ приведенной таблицы, во всѣхъ классахъ получается по 25 уроковъ въ недѣлю, русскій языкъ сохраняетъ свое первенствующее положеніе; остальные предметы или сохраняютъ то же количество уроковъ, которое было въ проектѣ комиссіи на гуманитарно-классическомъ отдѣленіи (математика, физика съ космографіей), или даже большее (исторія, новый языкъ, географія).

Что касается реальнаго отдѣленія, то хотя раньше мы и высказали вскользь нашъ взглядъ на то, что дѣленіе его на двѣ вѣтви — математическую и естественно-научную — тоже можетъ быть признано роскошью, однако, по существу возражать противъ этого не будемъ, т. к., во-первыхъ, признаемъ, что у нѣкоторыхъ юношей слишкомъ опредѣленно обнаруживается математическая складка ума, а слѣдовательно, — средняя школа должна имъ дать все необходимое для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи, а во-вторыхъ, въ осуществленіи предложеннаго проекта не видимъ особенныхъ практическихъ затрудненій: вѣдь все сводится къ тому, что разойдутся въ количествѣ уроковъ только два предмета — математика и естествовѣдѣніе. Относительно распредѣленія уроковъ по предметамъ и классамъ мы, не будучи спеціалистами въ области реальныхъ наукъ, не беремъ на себя смѣлости разсматривать детали, но по нѣкоторымъ вопросамъ болѣе общаго характера позволимъ себѣ высказать наши сомнѣнія.

1) На математич. вѣтви въ 4-мъ классѣ поставлено всего 21 урокъ въ недѣлю, не считая воспитательныхъ предметовъ, а на естественно-научный 23[1]). Чѣмъ объяснить эту разницу?

2) Почему на реальномъ отдѣленіи для новаго языка отведено такъ мало часовъ — всего 13? Вѣдь знаніе иностран. языковъ и для занятій реальными науками такъ же необходимо, какъ и для гуманитарныхъ.

3) Почему естествовѣдѣніе, не изучаемое на математической вѣтви ни въ 4-мъ, ни въ 5-мъ, ни въ 6-мъ классахъ, появляется при двухъ урокахъ въ 7-мъ классѣ? Если это повторительный курсъ того, что проходилось на низшей ступени, то это теперь курсъ почти безполезный.

---

[1]) Въ напечатан. таблицѣ поставлено для обѣихъ вѣтвей 23, но это очевидная ошибка, подобно цѣлому ряду другихъ.

4) Почему въ кругъ образовательныхъ предметовъ не введено математическое черченіе, которое помѣщено, очевидно, въ отдѣлѣ воспитательныхъ предметовъ подъ рубриками „рисованіе“ (въ 4 классѣ для естествен. 2 урока, для математиковъ 3) и „черченіе“ (въ 6-мъ классѣ для обѣихъ вѣтвей 2 урока)?

Поставивъ этотъ рядъ вопросовъ, мы дальше не пойдемъ, такъ какъ убѣждены, что отвѣтъ на нихъ дадутъ люди, болѣе насъ компетентные въ этой области. Для ясности приведемъ только таблицу распредѣленія уроковъ на реальномъ отдѣленіи.

Образоват. предметы.	Математич. вѣтвь.					Естеств.-научная вѣтвь.				
	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего.	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего.
1) Законъ Божій	2	2	2	2	8	2	2	2	2	8
2) Русскій языкъ	5	4	3	4	16	5	4	3	4	16
3) Исторія	2	3	3	3	11	2	3	3	3	11
4) Математика	4	6	6	6	22	4	4	4	5	17
5) Физика и космогр.	2	2	4	5	13	2	2	4	5	13[1])
6) Химія	—	2	—	—	2	—	2	—	—	2
7) Логика	—	—	2	—	2	—	—	2	—	2
8) Новый языкъ	4	3	3	3	13	4	3	3	3	13
9) Географія	2	2	2	—	6	2	2	2	—	6
10) Естествовѣдѣніе	—	—	—	2	2	2	2	2	3	9
Всего	21	24	25	25	95	23	24	25	25	97

Относительно группировки воспитательныхъ предметовъ на высшей ступени средней школы мы въ подробностяхъ тоже говорить не будемъ, какъ не говоримъ о нихъ и при обзорѣ занятія на низшей ступени; однако, и тутъ не умолчимъ о томъ, что на физическія упражненія всѣхъ видовъ отведено мало времени — всего по 3 часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Слѣдуетъ прибавить хотя по одному еще часу въ недѣлю въ 4-мъ и 5-мъ классахъ, гдѣ возрастъ, почти еще отроческій, требуетъ бо́льшихъ движеній, чѣмъ у старшихъ. Время для этого найти можно, если принять во вниманіе, что предѣльное число уроковъ въ недѣлю смѣло можно доводить до 30, считая въ томъ числѣ 5—6 уроковъ не на учебные предметы.

Этимъ мы закончимъ обзоръ, такъ сказать, общей программы построенія гимназій, не касаясь разбора программъ по каждому отдѣльному предмету, тѣмъ болѣе, что такой разборъ не можетъ

[1]) Напечатано ошибочно 15.

быть по силамъ одному лицу для всѣхъ предметовъ. Что касается предметовъ, близкихъ намъ по спеціальности, то мы разсчитываемъ въ ближайшемъ будущемъ высказать наши соображенія въ отдѣльной статьѣ.

Сверхъ отмѣченнаго нами до сихъ поръ, комиссія затронула еще нѣсколько очень важныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, но о нихъ пока сказано такъ мало въ развитіе общихъ положеній, что и мы ограничимся только справками.

Признала комиссія желательнымъ перейти къ семестровой системѣ, но какъ это сдѣлать, комиссія не разъяснила. Въ общемъ, какъ принципъ, система эта прекрасна, потому что приближаетъ къ идеалу ученія: repetitio est mater studiorum. Вѣдь къ чему сводится семестровая система? Если ученикъ черезъ полгода, при провѣркѣ его знаній, оказался неуспѣвшимъ, то онъ остается на томъ же семестрѣ для повторенія еще разъ того же полугодичнаго курса. При единичномъ обученіи эта система можетъ уменьшиться до одного урока, и это, конечно, будетъ идеалъ: не идти далѣе до тѣхъ поръ, пока не усвоено прошлое. Но въ томъ-то и горе, что въ нашихъ многолюдныхъ гимназіяхъ не только немыслимо выполнить этотъ идеалъ, но и значительно сокращенный идеалъ — семестровая система — представитъ массу затрудненій при организаціи занятій. Представьте себѣ только, какое количество комнатъ потребуется для занятій, и сколько нужно имѣть преподавателей.

Съ большимъ удовольствіемъ прочли мы въ заключеніяхъ комиссіи строки объ отмѣткахъ, экзаменахъ, наградахъ, — съ удовольствіемъ не потому только, что мысли комиссіи здѣсь вполнѣ сошлись съ высказанными нами раньше[1]), и не только высказанными, но съ практиковавшимися въ учрежденной нами въ 1905 году въ Кіевѣ мужской гимназіи, но потому, что въ этихъ строкахъ проглядываетъ свѣжій, бодрящій духъ иниціативы, а не та педагогическая рутина, которая, какъ паутиной, заткала всѣ просвѣты въ школьномъ дѣлѣ. Но предоставимъ комиссіи въ этомъ случаѣ сказать самой за себя. „Болѣе цѣлесообразнымъ и педагогичнымъ было признано замѣнить цифровые баллы возможно частыми освѣдомленіями родителей учащихся о случаяхъ неуспѣшности ихъ дѣтей въ томъ или другомъ отдѣлѣ изучаемаго предмета. Переводные экзамены, представляющіе, несомнѣнно, явленіе отрицательное, должны быть замѣнены періодическими, идущими черезъ весь учебный годъ повѣрками знаній путемъ повторенія лишь въ самыхъ существенныхъ чертахъ каждаго пройденнаго отдѣла, при чемъ про-

---

[1]) „Кіевская Мысль", 1915 г. №№ 77.

вѣрки эти отнюдь не должны имѣть значенія экзамена. Логическимъ слѣдствіемъ отмѣны переводныхъ экзаменовъ была признана и отмѣна выпускныхъ испытаній. Однако, введеніе этой мѣры, въ силу цѣлаго ряда внѣшнихъ причинъ, представляетъ въ настоящее время большія трудности. Награды и медали признаны подлежащими отмѣнѣ"[1]).

Отъ себя прибавить къ этому ничего не находимъ нужнымъ; скажемъ только: дай, Боже, въ добрый часъ!...

Въ заключеніе, позволю себѣ подѣлиться, моими грустными думами, которыя невольно рождаются, когда заговоришь о школьныхъ дѣлахъ. Какъ я уже сказалъ, многое изъ того, что въ этомъ министерскомъ проектѣ реформы средней школы указывается какъ желательное, было положено въ основу учрежденной мною въ 1905 году въ Кіевѣ мужской гимназіи. Это былъ періодъ общественныхъ чаяній и упованій. Но налетѣлъ шквалъ 1906—7 годовъ и развѣялъ велѣніемъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежало, всѣ планы, всѣ опыты и пробы, всѣ начинанія въ моей школѣ. За что же мнѣ пришлось, скрѣпя сердце, отказаться отъ всего того, что теперь, черезъ 8—9 лѣтъ, идетъ подъ флагомъ того же министерства?

Впрочемъ, этотъ вопросъ переноситъ меня моментально въ другую обстановку. Когда въ 1908 году стряслась бѣда надъ кіевскимъ Обществомъ Грамотности, обвинявшимся въ распространеніи нежелательныхъ книгъ, я какъ предсѣдатель совѣта Общества Грамотности, ѣздилъ въ столицу съ попытками спасать дѣло и имѣлъ случай бесѣдовать съ тогдашнимъ очень виднымъ сановникомъ въ подлежащемъ вѣдомствѣ. Между прочимъ, въ разъясненіяхъ своихъ этому лицу я сказалъ: „Намъ ставятъ въ вину внесеніе въ народныя библіотеки даже и такихъ книгъ, которыя одобрены для этой именно цѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія", и при этомъ я указалъ ему соотвѣтственные номера „Журнала Мин. Народн. Просв." И вотъ, въ отвѣтъ на это я получилъ отъ особы, съ язвительной улыбкой на устахъ, такую реплику: „Значитъ, и министерство просвѣщенія можетъ ошибиться".

Дай Богъ, чтобы въ дѣлѣ намѣченной реформы средней школы, и именно въ основныхъ ея положеніяхъ, не пришлось услышать повторенія подобныхъ репликъ!

Д. Науменко.

[1]) Матеріалы..., стр. 8.

ИЗЪ ИСТОРІИ БАЛКАНСКИХЪ СОГЛАШЕНІЙ И СОЮЗОВЪ.

ТАЙНАЯ КОНВЕНЦІЯ МЕЖДУ БОЛГАРІЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРІЕЙ. 1898 г.

I.

Въ 1897 г. между Болгаріей и Сербіей былъ заключенъ торговый договоръ, въ основу котораго впервые положены были принципы солидарности интересовъ Болгаріи и Сербіи. Во время переговоровъ, происходившихъ между болгарскими и сербскими делегатами, выяснилось, что и болгарскій кабинетъ д-ра Стоилова, и сербское правительство Симича почти сходятся въ своихъ взглядахъ на очередныя задачи балканской политики. Заключеніе торговаго договора и переговоры, которые одновременно съ этимъ были начаты болгарскими и сербскими делегатами въ Цетиньѣ, давали основаніе надѣяться, что балканскимъ государствамъ удастся найти прочное основаніе для серьезныхъ переговоровъ о широкомъ политическомъ оборонительномъ союзѣ.

Къ сожалѣнію, въ Вѣнѣ узнали обо всѣхъ этихъ приготовленіяхъ прежде, чѣмъ болгарскому и сербскому правительствамъ удалось осуществить свои намѣренія. Австрійскіе агенты-провокаторы поспѣшили воздѣйствовать на находившагося тогда въ „затруднительномъ матеріальномъ положеніи“ эксъ-короля Милана и подробно оріентировали его о томъ, какъ сербскій министръ-предсѣдатель Симичъ „продаетъ интересы Сербіи и своего короля Александра Обреновича одновременно Черногоріи и Болгаріи“, и какіе результаты получатся изъ всего этого для Сербіи и для дома Обреновичей. Миланъ экстренно вызвалъ въ Вѣну своего сына и, раскрывши ему „весь заговоръ“, посовѣтовалъ немедленно смѣнить кабинетъ заговорщиковъ и пригласить на постъ министра-предсѣдателя д-ра Владана Джорджевича, „единственнаго человѣка, способнаго въ эти трудныя минуты спасти отечество и династію“.

Король Александръ ни на минуту не усомнился въ истинности всего разсказаннаго его отцомъ. Изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ информировался его отецъ, онъ и самъ слыхалъ уже о томъ, что противъ него и противъ Сербіи готовится страшный заговоръ, и что только кабинетъ д-ра Владана Джорджевича могъ бы спасти страну и династію.

Все было такъ хорошо подготовлено и инсценировано, что король Александръ Обреновичъ считалъ себя не въ правѣ долго думать и колебаться, и въ теченіе двухъ дней, здѣсь же, въ Вѣнѣ, назначилъ д-ра Джорджевича министромъ-предсѣдателемъ и разработалъ съ нимъ основные пункты программы по управленію Сербіей.

Такъ въ теченіе двухъ дней въ Вѣнѣ были уничтожены сразу незрѣлые плоды политическихъ усилій двухъ балканскихъ правительствъ, выработавшихъ основы для политическаго и экономическаго сближенія между Болгаріей и Сербіей.

II.

Вступивши въ исполненіе своихъ обязанностей, д-ръ Владанъ Джорджевичъ началъ съ того, что обратился за инструкціями къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, графу Голуховскому. Тонкій дипломатъ и дальновидный политическій дѣятель, графъ Голуховскій не хотѣлъ, однако, связывать себя какими-нибудь опредѣленными совѣтами или инструкціями. Дѣйствительно, д-ръ Джорджевичъ былъ его ставленникомъ и фаворитомъ, но, прежде чѣмъ начать съ нимъ „большія дѣла“, нужно было выяснить его удѣльный вѣсъ, его государственныя и политическія способности.

Поэтому, вмѣсто точныхъ инструкцій и совѣтовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи начерталъ передъ своимъ сербскимъ коллегой широкіе контуры общей политической программы. Такъ, Сербія должна постараться какъ можно скорѣе добиться искренней и прочной дружбы со стороны султана и заключить съ его правительствомъ военный оборонительно-наступательный союзъ. Добившись этого, Сербія сможетъ гарантировать себѣ гегемонію на Балканахъ, такъ какъ Турція не посмѣетъ заняться никакими авантюрами, мощь Болгаріи будетъ парализована сербо-турецкимъ договоромъ, а Греція и безъ того неспособна вліять на дальнѣйшее развитіе балканской политики.

Хотя программа эта была только намѣчена, и хотя самъ графъ Голуховскій прямо заявилъ, что, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, онъ не сможетъ ничѣмъ помочь своему сербскому коллегѣ,

тѣмъ не менѣе д-ръ Владанъ Джорджевичъ съ жаромъ ухватился за эту новую „блестящую“ идею. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія министромъ-предсѣдателемъ, онъ съ женой и дочерью были уже гостями султана Абдулъ-Гамида. И въ то время, какъ его дамамъ оказывалась совершенно исключительная честь, и султанъ лично показывалъ имъ свой гаремъ, въ кабинетахъ Ильдизъ-Кіоска кипѣла оживленная работа. Миссія д-ра Владана Джорджевича въ Константинополѣ закончилась полнымъ успѣхомъ: военная конвенція между Сербіей и Турціей была окончательно редактирована, и было, условлено, что король Миланъ, снабженный спеціальными полномочіями отъ своего сына, лично пріѣдетъ въ Константинополь для подписанія этого акта[1]).

III.

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что сербскіе короли Александръ и Миланъ, въ сотрудничествѣ со своимъ новымъ министромъ-предсѣдателемъ, сознательно и безсознательно выполняли всѣ детали сложнаго плана, начертаннаго графомъ Голуховскимъ. Въ ту пору вся иностранная политика Сербіи сводилась, въ концѣ концовъ, къ тому, чтобы сдѣлать наперекоръ Россіи. Это выливалось иногда въ такія рѣзкія формы, что австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ чаще приходилось охлаждать пылъ сербскаго правительства, чѣмъ подливать масла въ огонь.

Трудность задачи австро-венгерской политики того времени была въ другомъ. Графъ Голуховскій прекрасно понималъ, что Болгарія всегда найдетъ себѣ сильныхъ помощниковъ и покровителей, разъ только обнаружится, что Сербія и Турція заключили между собой военную конвенцію. Слѣдовательно, нужно было во что бы-то ни стало добиться того, чтобы Болгарія искала помощи противъ Сербіи не у Россіи, а у самой Австро-Венгріи. А такъ какъ въ Болгаріи въ то время продолжалъ еще оставаться у власти кабинетъ д-ра Стоилова, опредѣленно руссофильскаго направленія, то вовлеченіе Болгаріи въ сферу интересовъ политики Австро-Венгріи представлялось задачей исключительно трудной. Тѣмъ не менѣе, всѣ усилія австрійскихъ дипломатовъ неуклонно стремились къ достиженію намѣченной цѣли. Австрійскій представитель въ Софіи оплелъ князя Фердинанда и его правительство сплошной цѣпью интригъ. Переходя отъ самыхъ заманчивыхъ обѣщаній къ запугиваніямъ и угрозамъ, онъ постоянно намекалъ князю и Стоилову на

---

[1]) См. объ этомъ въ мемуарахъ: Влад. Джорджевичъ: „Крај једне династије“, т. I, стр. 109—159, Београд, 1903.

то, что Болгарія со всѣхъ сторонъ окружена врагами, и что Россія не хочетъ и не можетъ предотвратить всѣ тѣ опасности, которыя угрожаютъ княжеству.

Въ началѣ 1898 года австрійская дипломатія въ Софіи перестала говорить намеками и начала оперировать фактами. На одномъ изъ очередныхъ свиданій съ д-ромъ Стоиловымъ, австрійскій дипломатическій агентъ въ Софіи заявилъ прямо, что у него есть свѣдѣнія о заключенной уже между Сербіей и Турціей военной конвенціи. Прочитавши по бумажкѣ содержаніе первыхъ двухъ пунктовъ этой конвенціи, австрійскій дипломатическій агентъ заявилъ, что дѣло не только въ этомъ. Сербія и Турція заключили уже договоръ и о назначеніи сербскихъ владыкъ во всѣхъ крупныхъ центрахъ Македоніи, и, такимъ образомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сербы окажутся фактическими хозяевами всей Македоніи. Россія смотритъ на все это сквозь пальцы и склонна скорѣе поддержать Сербію, чѣмъ пойти на открытый конфликтъ съ Турціей. Если болгарское правительство сомнѣвается въ истинности этихъ сообщеній, то оно легко можетъ провѣрить все это черезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ въ Константинополѣ и Вѣнѣ. Австро-венгерское же правительство считаетъ своимъ долгомъ заблаговременно оповѣстить обо всемъ этомъ софійскій кабинетъ, такъ какъ сербско-турецкая военная конвенція представляетъ собой реальную и конкретную опасность для мирнаго развитія балканскихъ народовъ. Зная, что князь Фердинандъ и его правительство жаждутъ мира для всего полуострова, правительство императора Франца-Іосифа находитъ своевременнымъ уже теперь начать переговоры между Австро-Венгріей и Болгаріей и сообща поискать выхода изъ создавшагося положенія.

Какъ ни странно было все, сообщенное австрійскимъ дипломатическимъ агентомъ, глава болгарскаго правительства не могъ сразу же не убѣдиться, что все это было вѣрно. Свѣдѣнія, полученныя имъ изъ Константинополя, подтвердили слово въ слово все, сообщенное австрійскимъ дипломатическимъ агентомъ. Свѣдѣнія, полученныя Стоиловымъ изъ Петербурга, тоже совпадали съ информаціями австрійской дипломатіи.

Положеніе д-ра Стоилова становилось критическимъ. Съ одной стороны, онъ не могъ отказаться отъ основного принципа своей политики и отречься отъ своего руссофильства; съ другой стороны, онъ съ каждымъ днемъ убѣждался все больше и больше въ томъ, что надъ Болгаріей собираются грозовыя тучи, и что Болгаріи не отъ кого ждать помощи и поддержки.

IV.

Въ серединѣ апрѣля 1898 года графъ Голуховскій рѣшилъ, во что бы то ни стало ликвидировать вопросъ съ Болгаріей. Торопливость его объяснялась тѣмъ, что Россія начинала понимать сложную игру графа Голуховскаго и д-ра Владана Джорджевича, и, по всему было видно, рѣшила положить этому предѣлъ. Въ то время, какъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ (графъ Муравьевъ) сдѣлалъ весьма категорическія заявленія сербскому посланнику въ Петербургѣ, русскій дипломатическій агентъ въ Софіи велъ не менѣе категорическіе разговоры съ д-ромъ Стоиловымъ. Графъ Голуховскій понималъ, что если такъ пойдетъ дальше, то Болгарія совершенно ускользнетъ изъ сѣтей австрійской дипломатіи.

Чтобы положить конецъ всему этому, графъ Голуховскій телеграфически предписалъ своему дипломатическому агенту въ Софіи добиться какъ можно скорѣй аудіенціи у князя Фердинанда и въ послѣдній разъ объяснить ему и министру-предсѣдателю Стоилову истинное положеніе вещей.

Исполняя инструкціи своего правительства, австрійскій дипломатическій агентъ тотчасъ же постарался получить аудіенцію у князя Фердинанда, 28 апрѣля. На этой аудіенціи онъ говорилъ мало, но убѣдительно. Повторивши еще разъ всѣ доводы и соображенія, изложенные имъ въ бесѣдахъ съ д-ромъ Стоиловымъ, онъ отъ имени своего правительства, заявилъ князю Фердинанду, что императорскому и королевскому правительству надоѣло возиться съ балканской политикой и играть роль няньки при непослушныхъ дѣтяхъ. У Австро-Венгріи есть свои очередныя задачи и заботы, и если Болгарія не хочетъ внять голосу благоразумія и добрымъ совѣтамъ ея австрійскихъ друзей, то, очевидно, больше говорить не о чемъ. Но если князь Фердинандъ понимаетъ истинныя намѣренія Россіи и болгарскихъ руссофиловъ и если онъ хочетъ серьезно и прочно обезпечить себѣ и своему потомству престолъ Болгарскаго княжества, то онъ долженъ сейчасъ же, не теряя ни минуты времени, подписать договоръ, текстъ котораго былъ заранѣе приготовленъ и врученъ князю тутъ же на аудіенціи. При этомъ австрійскій дипломатическій агентъ добавилъ, что этотъ договоръ не подлежитъ никакимъ, даже редакціоннымъ, поправкамъ и измѣненіямъ и долженъ быть или немедленно подписанъ въ его настоящемъ видѣ, или немедленно же и цѣликомъ отвергнутъ.

Вечеромъ того же 28-го апрѣля князь Фердинандъ пригласилъ къ себѣ д-ра Стоилова и ознакомилъ его съ содержаніемъ текста договора. На заявленіе Стоилова о томъ, что этотъ вопросъ дол-

женъ быть разсмотрѣнъ въ засѣданіи министерскаго совѣта, князь рѣзко заявилъ, что министерскому совѣту нѣтъ до этого никакого дѣла, и что если Стоиловъ не хочетъ поставить своей подписи на этомъ актѣ, то въ Болгаріи есть достаточно политическихъ дѣятелей, которые будутъ рады подписаться подъ этимъ договоромъ. Тогда же князь Фердинандъ объяснилъ Стоилову, что онъ хотѣлъ бы видѣть на договорѣ подпись именно Стоилова, такъ какъ только глава руссофильской партіи сможетъ, подписавши подобный договоръ, остаться вѣрнымъ руссофильской политикѣ. Если же Стоиловъ откажется подписать договоръ и князю придется поручить составить кабинетъ кому-нибудь изъ руссофобовъ, то курсъ болгарской политики сейчасъ же рѣзко измѣнится, и съ такимъ трудомъ возстановленныя и налаженныя отношенія съ Россіей оборвутся разъ навсегда.

Какъ всегда въ разговорахъ съ представителями политическихъ партій и теченій, князь Фердинандъ и на этотъ разъ въ разговорѣ съ Стоиловымъ нашелъ тотъ именно аргументъ, который всего ближе и понятнѣе его собесѣднику. Стоиловъ сразу понялъ, какъ могутъ использовать этотъ договоръ болгарскіе руссофобы, и предпочелъ самъ подписать его, чтобы только остаться еще нѣкоторое время у власти.

Такимъ образомъ, вопросъ о подписаніи договора между Австро-Венгріей и Болгаріей былъ принципіально рѣшенъ все въ тотъ же день 28-го апрѣля 1898 года. Затѣмъ 20-го мая, договоръ былъ подписанъ имп. Францемъ-Іосифомъ и княземъ Фердинандомъ, 21-го мая онъ былъ контрасигнованъ графомъ Голуховскимъ въ Вѣнѣ, а 25-го іюня д-ромъ Стоиловымъ въ Софіи.

Вотъ текстъ этого договора:

„Его Апостолическое Величество Императоръ Австро-Венгріи и Его Царское Высочество Болгарскій Князь, желая по возможности лучше всего услужить интересамъ Ихъ Домовъ и Ихъ Державъ; имѣя въ виду значительныя измѣненія, происшедшія со времени подписанія Ими соглашенія отъ 13 іюля 1887 года въ Ишлѣ; признавая, что пересмотръ этого соглашенія отвѣчаетъ этимъ измѣненіямъ и является вполнѣ своевременнымъ, — согласились, такъ же, какъ и Ихъ правительства, о слѣдующихъ договорныхъ пунктахъ, долженствующихъ восполнить вышеупомянутое соглашеніе, при чемъ эти пункты имѣютъ ту же цѣль, какъ и вышеупомянутое соглашеніе, а именно:

Ст. 1. Его Апостолическое Величество Императоръ Австро-Венгріи и Его Царское Высочество Князь Болгаріи рѣшили закрѣпить ихъ союзъ и распространить его на ихъ державы и на ихъ соотвѣтствующія правительства.

Ст. 2. Австро-Венгерское правительство, имѣя въ виду родство и тѣсныя связи, существующія къ счастью между обоими Государями, не допуститъ въ своей странѣ никакихъ интригъ, которыя были бы направлены противъ Е. Ц. В. Князя Фердинанда Болгарскаго и Его Августѣйшей Семьи. Австро-Венгрія также будетъ готова послать помощь болгарскому князю Фердинанду въ случаѣ опасности, могущей угрожать Его жизни или Престолу, какъ изъ-внутри, такъ и изъ-внѣ его княжества; также гарантируетъ ему и его наслѣдникамъ существованіе и неприкосновенность Его короны и династіи.

Его Ц. В. Болгарскій Князь тоже не допуститъ въ ввѣренной ему странѣ никакого политическаго или религіознаго дѣйствія противъ Австро-Венгріи и ея Императорскаго и Королевскаго Дома; онъ не допуститъ никакого покушенія со стороны другой державы, буде таковая пожелала бы сдѣлать болгарскую территорію базой для своихъ военныхъ операцій противъ Австро-Венгріи, и будетъ препятствовать образованію добровольческихъ четъ, которыя имѣли бы цѣлью присоединиться къ непріятелямъ Его Апостолическаго Величества Императора Австро-Венгріи.

Ст. 3. Его Ц. В. Болгарскій Князь и Его правительство приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы русско-ортодоксальное и панславистское вліянія были уничтожены въ болгарскомъ государствѣ. Австро-Венгрія, съ своей стороны, искоренитъ своими средствами сербскую пропаганду въ цѣляхъ возстановленія великой Сербіи или Южной Федеративной Словеніи, чтобы такимъ образомъ не былъ причиненъ вредъ интересамъ Его Ц. В. князя Фердинанда и Его Династіи.

Ст. 4. Австро-Венгрія будетъ поддерживать болгарскія требованія и болгарскіе политическіе и религіозные интересы въ восточной Македоніи и въ Адріанопольскомъ вилайетѣ.

Болгарія признаетъ за Австро-Венгріей, въ качествѣ сферы ея интересовъ, Ново-Базарскій Санджакъ, Коссовскій вилайетъ, Албанію и западную Македонію, включая сюда долину р. Вардара съ Салониками и Халкидикскій полуостровъ.

Ст. 5. Если Австро-Венгріи представится благопріятный моментъ для присоединенія занятыхъ ею провинцій Босніи и Герцеговины, то Болгарія окажетъ ей свое политическое содѣйствіе, а въ случаѣ нужды окажетъ ей содѣйствіе и своимъ войскомъ противъ протестовъ Турціи и противъ возможныхъ возраженій Сербіи и Черногоріи. Въ то же время правительство Его Апостолическаго Величества Императора Австро-Венгріи окажетъ поддержку необходимымъ дѣйствіямъ правительства Е. Ц. В. князя Фердинанда въ моментъ, когда Болгарія сочтетъ себя способной освободиться отъ мучительнаго сюзеренитета султана — поскольку это касается Восточной Румеліи.

Ст. 6. Болгарія не будетъ заключать, безъ предварительнаго соглашенія со своимъ августѣйшимъ австро-венгерскимъ союзникомъ, никакихъ сдѣлокъ какого бы то ни было характера ни съ какой другой державой и, спеціально, не образуетъ никакого полити-

ческаго и военнаго соглашенія и не заключить экономическаго союза съ Сербіей и Россіей.

Австро-Венгрія признаетъ титулъ Царя за Его Ц. В. Княземъ Фердинандомъ Болгарскимъ и Его наслѣдниками изъ династіи Саксенъ-Кобургъ-Готской и учрежденіе независимаго королевства изъ вассальнаго княжества Болгаріи въ моментъ, когда Е. Ц. В. Болгарскій князь и Его правительство сочтутъ это необходимымъ. Австро-венгерская дипломатія употребитъ также все свое вліяніе, чтобы и другія державы согласились и признали принятый титулъ.

Ст. 7. Если Австро-Венгрія будетъ вовлечена въ войну противъ Россіи и Черногоріи, Болгарія будетъ сохранять строжайшій нейтралитетъ и не уступитъ ни своей территоріи для прохожденія и лагерныхъ остановокъ русскихъ войскъ, ни своихъ стратегическихъ пунктовъ на берегахъ Дуная и Чернаго моря для русскаго флота.

Австро-Венгрія не допуститъ никогда и ни въ какомъ случаѣ, чтобы Россія оккупировала Болгарію или какую бы то ни было территорію, входящую въ сферу болгарскихъ интересовъ. Больше того, австро-венгерское правительство откроетъ болгарскому правительству въ большихъ банкахъ кредитъ для реализаціи разныхъ займовъ по консолидированію царства Е. Ц. В. Князя Фердинанда и Его правительства, какъ для улучшенія болгарской арміи, ея вооруженія и укрѣпленія, такъ и для развитія политическихъ, техническихъ, промышленныхъ и торговыхъ учрежденій болгарскаго государства.

Ст. 8. Если Турція нападетъ на Болгарію, то австро-венгерская армія вступитъ въ Старую Сербію, въ Албанію и въ Македонію. Если Турція нападетъ на Австро-Венгрію, болгарскія войска вступятъ въ Адріанопольскій вилайетъ и пойдутъ на Константинополь; въ то же время болгарскія четы вызовутъ возстаніе въ Македоніи.

Ст. 9. Въ случаѣ распаденія Оттоманской Имперіи, Австро-Венгрія завладѣетъ Ново-Базарскимъ Санджакомъ, Старой Сербіей, Албаніей и западной Македоніей включительно съ Солунью и Халкидикскимъ полуостровомъ.

Болгарія завладѣетъ восточной Македоніей и Адріанопольскимъ вилайетомъ.

Ст. 10. Если Сербія нападетъ на Австро-Венгрію, болгарскія войска займутъ Пиротъ и Нишъ; если же Сербія нападетъ на Болгарію, то австро-венгерская армія пойдетъ на Бѣлградъ и Крагуевацъ.

Въ обоихъ случаяхъ раздѣлъ Сербіи будетъ неминуемъ, и Австро-Венгрія вступитъ во владѣніе западной Сербіей, отъ Дрина до Моравы, включая Нишъ и Пожаревацъ.

Болгарія, съ своей стороны, съ помощью ея союзницы Австро-Венгріи, получитъ восточную Сербію за исключеніемъ Ниша и Пожаревца и ихъ округовъ.

Ст. 11. Если правительство Его Апостолическаго Величества Императора Австро-Венгріи, въ теченіе времени дѣйствія настоящаго договора, окажется въ состояніи реализовать предполагаемую федерацію балканскихъ государствъ, связавши ихъ, черезъ ихъ ди.

настіи, съ Августѣйшимъ Домомъ Габсбурговъ — подъ гегемоніей Австро-Венгріи и верховнымъ императорскимъ скипетромъ Государя Габсбургскаго Дома, — то Болгарія будетъ пользоваться самой широкой автономіей и образуетъ составную и значительную часть этой федераціи.

Его Апостолическое Величество Императоръ Австро-Венгріи и его правительство озаботятся тѣмъ, чтобы въ такомъ случаѣ увеличить королевство Болгарію слѣдующимъ образомъ: Болгарія будетъ обнимать Андріанопольскій вилайетъ, восточную Македонію и восточную Сербію съ исключеніемъ города Ниша и Пожаревацa. Царская корона Болгаріи со всѣми государственными прерогативами будетъ неприкосновенной и наслѣдственной за Его Ц. В. княземъ Фердинандомъ и Его Династіей.

Его Ц. В. Фердинандъ, въ особенности въ качествѣ высокаго члена „Club des Pangermanistes“ и „Congrégation des propaganda fide“ святой католической римской вѣры, посвятитъ всю свою дѣятельность и все свое государственное вліяніе тому, чтобы облегчить въ своемъ государствѣ возможно широкое развитіе германизма и католицизма; оказывая въ предѣлахъ своего королевства всяческое содѣйствіе развитію австро-венгерской промышленности и торговли и германской культуры, онъ самымъ энергичнымъ образомъ будетъ бороться противъ насажденія на болгарской территоріи какихъ бы то ни было „nouvelles idées“, которыя могутъ быть насаждаемы агитаціей крайнихъ свободомыслящихъ, соціалистовъ, анархистовъ или панславистовъ.

Впрочемъ подробности этой статьи будутъ точнѣе и обстоятельнѣе опредѣлены договаривающимися сторонами въ моментъ, когда обстоятельства потребуютъ этого и когда государи сочтутъ это необходимымъ.

Ст. 12. Настоящее соглашеніе войдетъ въ силу со дня подписанія его и будетъ оставаться въ силѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, считая отъ этой даты. Въ случаѣ, если за двѣнадцать мѣсяцевъ до истеченія этихъ пятнадцати лѣтъ ни одна изъ договаривающихся сторонъ не объявитъ своего намѣренія о прекращеніи дѣйствій соглашенія, послѣднее останется въ силѣ въ продолженіе цѣлаго года съ того дня, въ который заявленіе объ этомъ будетъ подано въ письменной формѣ одной изъ договаривающихся сторонъ. Но, если въ то время, когда опредѣленная въ договорѣ дата наступаетъ, одна изъ договаривающихся сторонъ находится въ войнѣ, то соглашеніе будетъ продолжено eo facto до заключенія мира.

Въ удостовѣреніе чего, мы постановляемъ и постановимъ, чтобы настоящее соглашеніе имѣло силу закона между обѣими державами.

Составлено въ двухъ экземплярахъ въ Вѣнѣ, въ двадцатый день мая мѣсяца 1898 года.

Подп.: *Францъ-Іосифъ.*
Подп.: *Фердинандъ.*

Нижеподписавшіеся, надлежащимъ образомъ уполномоченные своими Государями, принимая во вниманіе, что соотвѣтствующія пра-

вительства единодушно одобрили всѣ постановленія настоящаго договора, также подписали этотъ договоръ и приложили къ нему свои печати.

Вѣна, 21 мая 1898 г. Контрасигновано: Графъ Агеноръ Голуховскій, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Апостолическаго Величества Императора Австро-Венгріи.

Софія, 25 іюня 1898 г. Контрасигновано: Стоиловъ, Предсѣдатель Министерскаго Совѣта и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Высочества Князя Болгарскаго.

V.

Изъ текста приведеннаго выше секретнаго договора можно сдѣлать много выводовъ и заключеній, которыя напрашиваются сами собой. Оставляя эти выводы и заключенія къ концу настоящей статьи, я здѣсь хочу обратить вниманіе читателя на одно весьма характерное обстоятельство.

Ст. 11-я договора начинается слѣдующимъ интереснымъ пассажемъ: „Если правительство Его Апостолическаго Величества Императора Австро-Венгріи, въ теченіе времени дѣйствія настоящаго договора, скажется въ состояніи реализовать федерацію in spe балканскихъ государствъ, связавши ихъ, черезъ ихъ династіи, съ Августѣйшимъ Домомъ Габсбурговъ — подъ гегемоніемъ Австро-Венгріи и верховнымъ императорскимъ скипетромъ Государя Габсбургскаго дома“...

На что намекалъ этотъ основной пассажъ ст. 11-й секретнаго договора? Имѣлъ ли онъ въ виду успокоеніе амбиціи и подозрительности Болгарскаго князя, или за нимъ скрывались какіе-нибудь практическіе шаги и конкретныя попытки?

У насъ есть достаточно основаній, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Выше мы говорили о томъ, что графу Голуховскому удалось путемъ прямого воздѣйствія на экс-короля Милана и на его сына короля Александра рѣзко и круто измѣнить весь ходъ внутренней и внѣшней политики Сербіи. Если до сихъ поръ кабинетъ Симича, въ согласіи съ кабинетомъ Стоилова, могъ мечтать о заключеніи прочнаго политическаго союза между Сербіей, Болгаріей и Черногоріей, союза, который былъ бы свободенъ отъ внѣшнихъ, внѣ-балканскихъ политическихъ вліяній, то образованный по совѣту графа Голуховскаго кабинетъ Владана Джорджевича не могъ мечтать ни о чемъ подобномъ. Владанъ Джорджевичъ заранѣе согласился вести только такую политику, которая будетъ угодна австрійскому министерству иностранныхъ дѣлъ. Владанъ Джорджевичъ въ этомъ отношеніи былъ наиболѣе подходящимъ орудіемъ для проведенія въ жизнь идеи графа Голуховскаго о такой балканской фе-

дераціи, которая находилась бы подъ гегемоніей и постояннымъ бдительнымъ контролемъ Габсбургскаго Дома и австрійскаго правительства. Къ этому нужно прибавить еще и то, что сербскій король Александръ былъ въ то время холостымъ человѣкомъ, и что у графа Голуховскаго была на примѣтѣ невѣста, которая вполнѣ отвѣчала главному условію и могла очень прочно связать домъ Обреновичей съ Габсбургскимъ Домомъ.

Въ виду всего этого, добившись заключенія секретнаго соглашенія съ Болгаріей, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сейчасъ же послѣ этого опять занялся сербскими дѣлами и рѣшилъ какъ можно скорѣе реализовать „связь" между сербской династіей и Габсбургскимъ Домомъ.

О томъ, какъ тонко и осторожно подходилъ графъ Голуховскій къ реализаціи своего плана, можно составить себѣ понятіе изъ мемуаровъ Владана Джорджевича, разсказывающаго намъ на этотъ счетъ много интересныхъ деталей. Такъ какъ мемуары эти до сихъ поръ не переведены на русскій языкъ, я сдѣлаю здѣсь довольно большую выписку. Это — рапортъ Владана Джорджевича королю Александру, посланный изъ Вѣны 25 октября 1898 года, на слѣдующій день послѣ свиданія, которое Джорджевичъ имѣлъ съ графомъ Голуховскимъ.

Читатель помнитъ, что 20-го мая между Австро-Венгріей и Болгаріей было подписано секретное соглашеніе, одинъ изъ пунктовъ котораго предвидѣлъ раздѣлъ Сербіи. Съ этого времени не прошло и полугода, какъ графъ Голуховскій уже доказываетъ сербскому премьеру, что интересы Сербіи для Австріи всегда были самыми близкими и дорогими. И сербскій премьеръ, въ восторгѣ отъ искренности австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, торопится сообщить своему государю о томъ, что наконецъ дѣла сербскаго королевства пошли по правильному пути.

Итакъ, предоставимъ слово самому Владану Джорджевичу. Вотъ точный текстъ рапорта, отправленнаго имъ королю Александру изъ Вѣны 25 октября 1898 года[1]).

Государь, — Какъ я уже имѣлъ честь извѣстить Ваше Величество вчерашней депешей, графъ Голуховскій, вернувшись изъ Галиціи, — хотя и оставался въ Вѣнѣ всего одинъ день и на слѣдующій же день уѣхалъ въ Венгрію — принялъ меня весьма любезно, задержалъ меня у себя больше часу, и когда, во время нашего разговора, ему доложили, что пришелъ министръ-предсѣдатель

---

[1]) См. Мемуары: Владанъ Джордневичъ: Крај једне династије. Т. II, стр. 11 — 19, Београд, 1903.

графъ Тунъ, онъ не хотѣлъ прервать разговора со мной и сказалъ: „Скажите министру-предсѣдателю, что я вечеромъ зайду къ нему: — „На Herrengasse?“ спросилъ чиновникъ. „Куда онъ самъ скажетъ“, — отвѣтилъ Голуховскій и сейчасъ же продолжилъ разговоръ со мной.

Этотъ разговоръ я началъ заявленіемъ, что хотя и нахожусь въ Вѣнѣ для лѣченія, но все же счелъ своей обязанностью попросить частнымъ путемъ аудіенцію у Его Превосходительства, прежде всего для того, чтобы устно выразить соучастіе въ великомъ несчастьѣ, поразившемъ Императорскій Домъ (Голуховскій поклонился); а, во-вторыхъ, чтобы отъ имени королевскаго правительства поблагодарить императорское правительство за его благоволенье, выразившееся въ цѣломъ рядѣ фактовъ, особенно же въ предложеніи, присланномъ намъ Уніонъ-Банкомъ и Аграрнымъ Банкомъ. Правда, эти банки нѣсколько дней тому назадъ прекратили всякіе дальнѣйшіе переговоры и письменно взяли назадъ свои предложенія, мотивируя это, какъ мнѣ кажется, не тѣми причинами, которыя въ дѣйствительности...

— Знаю, — прервалъ меня графъ Голуховскій, — и мнѣ было весьма непріятно, когда я узналъ объ этомъ, такъ какъ мы искренне желаемъ помочь вамъ оздоровить ваше финансовое положеніе, но что подѣлаешь? Денежный рынокъ во всей Европѣ весьма плохъ и нельзя придумать худшаго момента для поисковъ займа, чѣмъ теперешній. Черезъ 3—4 недѣли политическое положеніе настолько прояснится, что Вы опять сможете послать Вашего посредника, и онъ докончитъ переговоры или съ той же самой группой, или съ какой-нибудь другой финансовой группой.

Я поблагодарилъ графа Голуховскаго за это его обѣщаніе, и чтобы доказать ему, какую большую услугу оказало бы намъ императорское правительство, если бы помогло заключить этотъ заемъ, я изложилъ ему, что проектированное расширеніе ж. д. сѣти вполнѣ обезпечиваетъ развитіе народнаго хозяйства, что Е. В. Король Миланъ за девять мѣсяцевъ успѣлъ добиться блестящихъ результатовъ въ арміи, и заявилъ ему, что нынѣшнее правительство Е. В. Короля Александра за нѣсколько лѣтъ успѣло бы выполнить государственную программу, начертанную Королемъ, и за все это мы были бы прежде всего благодарны помощи императорскаго правительства въ самомъ трудномъ для насъ финансовомъ вопросѣ.

— Помощь эта обезпечена за вами. Относительно вашей арміи я слыхалъ, что на послѣднихъ маневрахъ она произвела отличное впечатлѣніе. Всѣ спеціалисты, имѣвшіе случай видѣть ее, отзываются о ней съ похвалой. Такъ и нужно. Пусть у васъ будетъ небольшая, но хорошая армія. Изъ великихъ державъ ни одна не нападетъ на васъ, если Сербія останется, какъ теперь, элементомъ мира и порядка на Балканахъ. Что касается маленькихъ государствъ, то мы, великія державы, не допустимъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ напалъ на Сербію. Я думаю, что теперь въ Сербіи закончилась полоса политическихъ распрей и авантюръ. Доказательства этого я вижу въ плодотворной дѣятельности нынѣшняго сербскаго правительства, а особенно въ политической зрѣло-

сти Короля Александра, столь необычайной въ его годы. Я былъ пораженъ, увидавши, какой прогрессъ сдѣланъ Королемъ Александромъ въ послѣдніе годы.

Дозвольте, Государь, умолчать о томъ, что я сказалъ графу Голуховскому, сколько и какъ работаетъ теперь Король Александръ, и позвольте отмѣтить только то, что сказалъ мнѣ графъ Голуховскій:

— Это хорошо. Необходимо только постоянство и выдержка въ этомъ отношеніи. Я самъ говорилъ объ этомъ Королю Александру при нашемъ послѣднемъ свиданіи. Пусть онъ присматривается къ дѣятельности Короля Карла, который прошелъ черезъ такія же тяжелыя испытанія и который, будучи старше возрастомъ, обогащенъ жизненнымъ опытомъ. То же самое я говорилъ и Королю Карлу, съ которымъ я въ дружескихъ отношеніяхъ еще со времени моей службы посланникомъ въ Бухарестѣ. Я просилъ его помогать Королю Александру своими совѣтами, и онъ мнѣ обѣщалъ это. Для этого прежде всего нужно было бы, чтобы...

Здѣсь я прервалъ графа, сказавши ему:

— ... Чтобы Король Карлъ отдалъ визитъ моему Государю...

— Да, — сказалъ графъ Голуховскій и посмотрѣлъ на меня продолжительно — и я думаю, что это будетъ въ непродолжительномъ времени. Тогда Король Карлъ могъ бы помочь въ одномъ очень важномъ вопросѣ, потому что главная опасность для вашей династіи въ томъ, что у васъ нѣтъ престолонаслѣдника...

— Насколько это для меня ясно, — сказалъ я, — видно изъ слѣдующаго факта. Когда Королю Александру угодно было возложить на меня обязанность составить кабинетъ, то первый вопросъ, котораго я коснулся, былъ вопросъ о женитьбѣ Короля. Но препятствіе въ томъ, что среди православныхъ принцессъ нѣтъ въ настоящее время ни одной невѣсты, изъ католическихъ же принцессъ ни одна не согласится перейти въ православіе, а протестантскія, которыя легче мѣняютъ религію...

Графъ снова прервалъ меня:

— Не нужно, чтобы эта принцесса мѣняла религію. Будетъ достаточно, если она согласится, чтобы ея дѣти были православными. Какъ бы то ни было, но Король Александръ долженъ какъ можно скорѣе жениться, какъ по политическимъ, такъ и по династическимъ соображеніямъ. Сербія имѣетъ только одного единственнаго непріятеля. Это не Австро-Венгрія и не Россія. Все, о чемъ трубили и писали, будто мы съ Россіей согласились раздѣлить Балканскій полуостровъ, или хотя бы разграничить на немъ сферы нашихъ интересовъ — все это глупыя выдумки. Чѣмъ длиннѣе граница, на которой соприкасаются два государства, тѣмъ больше между ними треній. Наша граница съ Россіей и теперь слишкомъ длинна, чтобы мы могли желать ея удлинненія. А потомъ этотъ раздѣлъ, если бы мы даже его и хотѣли, нельзя было бы произвести безъ согласія тѣхъ, кого нужно было бы дѣлить. Поэтому мы и не желаемъ никакого раздѣла на сферы вліянія. Наша политика сводится къ тому, чтобы Балканскія государства были дѣйствительно независимыми, хорошо устроенными государ-

ствами. Мы, австрійцы, не стремимся добиться вліянія въ Сербіи, но не потерпимъ и того, чтобы какая-нибудь другая великая держава вмѣшивалась въ внутреннія дѣла Сербіи. Итакъ, вы не должны ничего бояться ни со стороны Россіи, ни со стороны Австро-Венгріи?.. А Болгарія?.. Она не посмѣетъ двинуться противъ васъ, и если бы попробовала, то получила бы такой урокъ, что никогда бы не смогла забыть его. Вашему единственному непріятелю, откровенно конспирирующему противъ Сербіи (Голуховскій сказалъ мнѣ, кого онъ подразумѣваетъ, но сербское перо возмущается и отказывается написать здѣсь это имя[1]), помогаютъ два факта: во-первыхъ, — что въ Бѣлградѣ нѣтъ престолонаслѣдника, а во-вторыхъ, — что тамъ есть нѣкто, называющійся Жадовскимъ[2])...

Когда, въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разговора графъ Голуховскій самъ завелъ рѣчь о посѣщеніи Вѣны графомъ Муравьевымъ, я воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. И хотя я не вѣрю въ то, во что вѣрятъ мои коллеги въ Бѣлградѣ, а именно, что, между прочимъ, графъ Муравьевъ помѣшалъ осуществленію нашего займа въ Вѣнѣ, все же я сказалъ, что „слыхалъ" объ этомъ, и что я былъ бы очень признателенъ графу, если бы онъ сказалъ мнѣ, дѣйствительно ли графъ Муравьевъ употребилъ свое послѣднее пребываніе въ Вѣнѣ на то, чтобы разстроить сербскій заемъ.

— Могу Васъ увѣрить честнымъ словомъ, — сказалъ графъ Голуховскій, — что объ этомъ не было говорено ни слова ни со мной, ни съ кѣмъ-либо другимъ.

Тогда я попытался провѣрить то, о чемъ мнѣ говорилъ одинъ изъ посланниковъ въ Вѣнѣ, а именно, что графъ Муравьевъ хотѣлъ, чтобы Австро-Венгрія дѣйствовала въ томъ смыслѣ, чтобы Король Миланъ былъ устраненъ изъ Сербіи, и спросилъ, не называя источника, вѣренъ ли этотъ слухъ?

— Теперь нѣтъ, — сказалъ мнѣ графъ Голуховскій. — Они пытались сдѣлать это гораздо раньше, но мы категорически заявили, что не только мы не будемъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи, но и не сможемъ терпѣть, чтобы какая-нибудь иностранная держава вмѣшивалась въ нихъ, и послѣ нашего отвѣта объ этомъ не было больше разговоровъ. Дѣйствительно, теперь графъ Муравьевъ опять говорилъ о томъ, что Король Миланъ постоянно замышляетъ политическія авантюры, которыя могутъ довести до какихъ-нибудь серьезныхъ осложненій, но когда Его Величество Императоръ самъ сказалъ ему, что Онъ гарантируетъ, что все это не вѣрно, и что Король Миланъ занимается исключительно своими обязанностями Начальника постоянной арміи, тогда графъ Муравьевъ сказалъ, что послѣ столь рѣшительнаго заявленія Его Величества Императора и онъ долженъ повѣрить, что все это такъ. Въ разговорѣ со мной графъ Муравьевъ говорилъ еще, что съ нашимъ заявленіемъ о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Сербіи плохо

---

[1]) Ясно, что графъ Голуховскій назвалъ Джорджевичу черногорскаго князя Николая.

[2]) Тогдашній первый секретарь русской легаціи въ Бѣлградѣ.

гармонируетъ тотъ фактъ, что Сербіей управляетъ теперь кабинетъ Джорджевича, являющагося просто агентомъ австрійскаго правительства. На это я ему отвѣтилъ, что у насъ нѣтъ обычая поддерживать у власти въ чужихъ государствахъ нашихъ пріятелей, а тѣмъ болѣе агентовъ; напротивъ, что мы въ Сербіи пережили больше всего непріятностей именно отъ тѣхъ правительствъ, о которыхъ весь свѣтъ думалъ, что это наши самые близкіе друзья. Что касается г-на Джорджевича и его коллегъ, то они не только не наши агенты, и не наши политическіе друзья, но мы ихъ даже не знаемъ. Если мы симпатично относимся къ кабинету г-на Джорджевича, если мы готовы помочь ему, чѣмъ можемъ, то это, во-первыхъ, потому, что это первый въ Сербіи кабинетъ, который понялъ, что въ странѣ, въ которой нѣтъ больше трехсотъ человѣкъ, знающихъ, что такое политика, что въ такой странѣ нельзя управлять, опираясь на политическую партію, если не желать политическаго хаоса, который не можетъ принести пользы странѣ и и не можетъ быть пріятенъ сосѣдямъ. Все, что сдѣлалъ каоинетъ Джорджевича съ тѣхъ поръ, какъ онъ у власти, онъ сдѣлалъ мудро и по опредѣленному плану съ цѣлью возстановить въ Сербіи миръ, порядокъ и работу на экономическомъ и культурномъ поприщѣ, а это должно привлечь къ нему симпатіи всѣхъ, кто искренне желаетъ добра Сербіи. Мы желаемъ этому государству добра, такъ какъ и въ наши интересы входитъ, чтобы въ Сербіи царили миръ, порядокъ и культурная работа.

Такъ какъ графъ Голуховскій остановился на этомъ и не хотѣлъ по собственной иниціативѣ сказать мнѣ ничего больше о томъ, изъ-за чего пріѣзжалъ въ Вѣну графъ Муравьевъ, то я не хотѣлъ тянуть его за языкъ, тѣмъ больше, что я боялся, что и безъ того нашъ разговоръ затянулся слишкомъ долго и что у меня не останется времени поговорить съ нимъ о нотѣ, которую мы хотѣли послать великимъ державамъ. Поэтому я сейчасъ же перешелъ къ вопросу объ албанскихъ звѣрствахъ въ старой Сербіи и заговорилъ о платоническомъ пріятельствѣ Турціи къ Сербіи, которое причиняетъ намъ только громадный вредъ, такъ какъ даетъ новое оружіе въ руки оппозиціи. Изложивши все это детально, я спросилъ графа Голуховскаго, могли ли бы мы разсчитывать на помощь великихъ державъ, если бы мы обратились къ нимъ съ нотой, въ которой изложили бы всѣ албанскія звѣрства, совершенныя въ послѣднее время на нашей границѣ, звѣрства, которыя могутъ быть опасными для мира не только на Балканахъ...

Графъ Голуховскій прервалъ меня:

— Только не это!.. Въ теперешній моментъ — ни за что!.. Россія задалась цѣлью добиться у Султана назначенія принца Георгія губернаторомъ Крита. Если она успѣетъ въ этомъ, то во всѣхъ остальныхъ вопросахъ она должна будетъ содѣйствовать Портѣ. Если бы вы теперь выступили съ требованіемъ, чтобы великія державы вмѣшались, то Россія, — это абсолютно вѣрно, — первая стала бы доказывать, что изъ за нѣсколькихъ обыкновенныхъ албанскихъ нападеній нельзя подымать опасный македонскій вопросъ. Что касается политики Порты по отношенію къ Болгаріи, то она,

очевидно, противна самимъ турецкимъ интересамъ. Я нѣсколько дней тому назадъ говорилъ здѣшнему турецкому послу, что ихъ покровительство болгарской пропагандѣ противъ сербской абсолютно не имѣетъ смысла, такъ какъ такимъ путемъ сами же турки насильно болгаризируютъ всю Македонію, тогда какъ интересъ Турціи состоитъ въ томъ, чтобы усилить всѣ болѣе слабыя національныя пропаганды и, такимъ образомъ, держать Болгарію въ подчиненіи по принципу divide et impera. Я сказалъ Махмудъ Недиму еще и слѣдующее: вотъ, напримѣръ, въ Куманово, разъ вы уже изъ-за любви къ Болгаріи совершили ошибку и не возстановили status quo въ церкви, то вашъ чисто турецкій интересъ состоялъ въ томъ, чтобы сейчасъ же, какъ можно скорѣе, создать еще одну церковь, и одну дать болгарамъ, а другую — сербамъ и, такимъ образомъ, какъ можно скорѣе снять этотъ вопросъ съ порядка дня. Махмудъ Недимъ и самъ понялъ это, но говоритъ, что въ Константинополѣ его не слушаютъ. У васъ есть еще вопросъ, кажется въ Скопьѣ, въ которомъ турки, удовлетворивши сербовъ, удовлетворили бы своимъ собственнымъ, турецкимъ интересамъ.

На это вкратцѣ я изложилъ ему, въ чемъ состоитъ вопросъ о митрополитствѣ Фирмиліана.

— Это необходимо рѣшить какъ можно скорѣе, — сказалъ графъ Голуховскій. — Позвольте мнѣ сдѣлать объ этомъ себѣ замѣтку. Такъ, я снова распоряжусь, чтобы баронъ Каличе серьезно занялся въ Константинополѣ вашими интересами, такъ какъ успѣхъ въ этой области только утвердилъ бы положеніе вашего кабинета.

Конецъ разговора между графомъ Голуховскимъ и д-ромъ Владаномъ Джорджевичемъ посвященъ выясненію вопроса о долгахъ короля Милана и другихъ семейныхъ дѣлъ дома Обреновичей, и для насъ не представляетъ никакого интереса. Гораздо интереснѣе короткая шифрованная депеша, посланная Джорджевичемъ королю Александру изъ Вѣны 3-го ноября 1898 года, послѣ второго свиданія съ графомъ Голуховскимъ. Вотъ содержаніе этой шифрованной депеши:

„Говорилъ съ графомъ Голуховскимъ цѣлый часъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: „1. Россія настаиваетъ передъ Фердинандомъ, чтобы онъ велъ себя абсолютно мирно. 2. Баронъ Каличе получилъ инструкціи энергично настоять передъ Портой, чтобы она удовлетворила всѣ сербскія требованія. 3. Во французской прессѣ дѣйствуетъ противъ насъ королева Наталія черезъ Патримонье и Милована Миловановича“.

VI.

Изъ сопоставленія того, какъ австрійская дипломатія работала въ Софіи и въ Бѣлградѣ, можно сдѣлать много интересныхъ выводовъ.

Такъ, прежде всего, необходимо отмѣтить, что общимъ зада-

ніемъ австрійской дипломатіи того времени на Балканахъ было образованіе такого балканскаго блока, который основывался бы на династическихъ связяхъ балканскихъ династій съ домомъ Габсбурговъ, и чтобы, такимъ образомъ, за этимъ послѣднимъ была обезпечена постоянная гегемонія на Балканахъ. Съ этой цѣлью румынскіе Гогенцоллерны и болгарскіе Кобурги вовлекались прямо и непосредственно въ сферу интересовъ Габсбургскаго Дома, а для сербскихъ Обреновичей была уже приготовлена невѣста, хотя и католичка, но великодушно соглашавшаяся на то, чтобы ея дѣти были православными. Черногорскіе Нѣгуши, оставшіеся въ сторонѣ отъ этихъ сложныхъ матримоніально-политическихъ плановъ, обвинялись въ „открытомъ конспирированіи противъ сербскаго короля", и даже австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ не стѣснялся говорить объ этомъ въ оффиціальномъ разговорѣ съ сербскимъ премьеромъ.

Все въ этомъ отношеніи было взвѣшено и предусмотрѣно. Единственное, чего не могла предусмотрѣть австрійская дипломатія — это безумной страсти короля Александра къ Драгѣ Машиной, страсти, которая разрушила всѣ хитрые и тонкіе планы графа Голуховскаго, эксъ-короля Милана и д-ра Владана Джорджевича. Король Александръ, давши полную свободу своему премьеру дѣйствовать, какъ онъ найдетъ нужнымъ, подготовлялъ цѣлый рядъ государственныхъ переворотовъ и не останавливался даже передъ покушеніемъ на отцеубійство, лишь бы посадить на сербскій престолъ любимую имъ женщину. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, страсть восторжествовала надъ сложными дипломатическими расчетами, и планы австрійской дипломатіи потерпѣли крушеніе совершенно неожиданнымъ образомъ.

Второй выводъ, который самъ собою напрашивается при сопоставленіи дипломатическихъ ходовъ Австро-Венгріи въ Бѣлградѣ и въ Софіи, это тотъ, что австрійская дипломатія въ концѣ прошлаго вѣка, хотя и мечтала о „балканской федераціи подъ гегемоніей Габсбургскаго Дома", не могла, однако, въ выполненіи этого плана, положиться ни на Сербію, ни на Болгарію; даже больше того: она ясно видѣла, что интересы Болгаріи и Сербіи не могутъ быть согласованы ею ни между собой, ни съ интересами Австро-Венгріи. Поэтому австрійскимъ дипломатамъ приходилось обѣщать Болгаріи раздѣлъ Сербіи, намекать сербамъ на возможность раздѣла Болгаріи, и противъ Сербіи и Болгаріи держать постоянно наготовѣ Турцію, преподавая ей уроки знаменитой австрійской политической доктрины: „divide et impera".

Если эти два вывода, которые я подчеркиваю здѣсь, представляютъ собой теперь почти исключительно историческій интересъ

и не имѣютъ прямого отношенія къ современной балканской дѣйствительности, то третій выводъ, который необходимо сдѣлать изъ приведенной мной исторической справки, весьма поучителенъ именно по отношенію къ моменту, переживаемому теперь балканскими народами.

Этотъ третій выводъ можно формулировать такъ: въ 1898 году, когда Австро-Венгріи во что бы то ни стало нужно было привлечь на свою сторону и Сербію, и Болгарію, австрійская дипломатія впервые точно и ясно опредѣлила, какая именно часть Балканскаго полуострова нужна самой Австро-Венгріи, и какая часть полуострова можетъ быть оставлена балканскимъ народамъ. Если сличить два приведенныхъ мною выше документа — секретное соглашеніе между Австро-Венгріей и Болгаріей отъ 20-го мая 1898 года, и рапортъ Владана Джорджевича королю Александру отъ 25-го октября того же года, то сразу бросается въ глаза, что и въ Софіи, и въ Бѣлградѣ австрійская дипломатія была искренна въ одномъ только, единственномъ пунктѣ. А именно въ томъ, что жизненные интересы Австро-Венгріи никогда не позволятъ двуединой монархіи отказаться отъ Албаніи и отъ всей западной Македоніи, включая сюда долину рѣки Вардара съ городомъ Салониками и полуостровомъ Халкидикскимъ.

Этотъ пунктъ представляется австрійской дипломатіи настолько важнымъ, что она формулируетъ и перефразируетъ его на всякіе лады въ трехъ статьяхъ (ст.ст. 4, 9 и 10) своего секретнаго соглашенія съ Болгаріей. И если разсматривать это секретное соглашеніе именно съ точки зрѣнія того, какъ Австро-Венгрія уже въ 1898 году устанавливала за собой права на балканскія территоріи, то получается совершенно ясная и опредѣленная картина. А именно, что болгарскій князь Фердинандъ, желая гарантировать престолъ себѣ и своему потомству, разъ навсегда и при томъ самымъ категорическимъ образомъ отказался въ пользу Австро-Венгріи отъ долины рѣки Вардара съ городомъ Салониками и Халкидикскимъ полуостровомъ и отъ всѣхъ македонскихъ земель, лежащихъ къ западу отъ рѣки Вардара. Этотъ отказъ въ секретномъ соглашеніи фигурируетъ и въ качествѣ принципіальнаго, такъ сказать теоретическаго отказа (ст. 4-я соглашенія), и въ качествѣ отказа практическаго, какъ въ случаѣ раздѣла Оттоманской Имперіи (ст. 9-я соглашенія), такъ и въ случаѣ раздѣла Сербскаго королевства (ст. 10-я соглашенія). Этотъ же отказъ, въ еще болѣе принципіальной и торжественной формѣ, фигурируетъ въ секретномъ соглашеніи четвертый разъ, въ статьѣ 11-й, гдѣ самымъ точнымъ образомъ

описываются возможныя максимальныя границы будущаго царства Болгаріи.

Понятно, что обезпечивши себя на этотъ счетъ со стороны Болгаріи, австрійская дипломатія всячески стремилась убѣдить въ этомъ и сербское правительство. И когда Владанъ Джорджевичъ только вскользь упомянулъ о томъ, что „албанскія звѣрства" въ Старой Сербіи могутъ заставить Сербію апеллировать къ великимъ державамъ и даже пойти на открытый конфликтъ съ Турціей, графу Голуховскому не оставалось ничего больше, какъ зажать ротъ сербскому премьеру энергичнымъ протестомъ:

„Только не это!.. Въ теперешній моментъ — ни за что!.."

А это, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значило:

— Пожалуйста забудьте объ Албаніи и о Старой Сербіи, такъ какъ единственными хозяевами этихъ земель являемся мы!

VII.

Итакъ, семнадцать лѣтъ тому назадъ въ секретномъ соглашеніи, заключенномъ съ Австро-Венгріей, Болгарія торжественно и категорически отказалась въ пользу Австро-Венгріи отъ всякихъ правъ на Албанію, западную Македонію и долину рѣки Вардара съ городомъ Салониками и полуостровомъ Халкидикскимъ. Взамѣнъ этого Австро-Венгрія тоже торжественно и категорически признала за Болгаріей права на восточную Македонію, восточную Сербію за исключеніемъ городовъ Ниша и Пожаревацa съ ихъ округами, и на Адріанопольскій вилайетъ.

Договоръ былъ заключенъ на 15 лѣтъ, и срокъ его дѣйствія истекалъ въ 1913 году. За эти пятнадцать лѣтъ Болгарія неоднократно и весьма откровенно нарушила одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ секретнаго соглашенія — ст. 6-ю, постановляющую, что

„Болгарія не будетъ заключать, безъ предварительнаго соглашенія со своимъ августѣйшимъ австро-венгерскимъ союзникомъ, никакихъ сдѣлокъ какого бы то ни было характера ни съ какой другой державой, и, спеціально, не образуетъ никакого политическаго и военнаго соглашенія и не заключитъ экономическаго союза съ Сербіей и съ Россіей".

Въ 1902 году Болгарія заключила военную конвенцію съ Россіей, а въ 1910 году болгарское правительство вело переговоры съ русскимъ правительствомъ о заключеніи русско-болгарскаго политическаго договора, переговоры, которые были доведены почти до конца и разстроились только въ самую послѣднюю минуту. Въ

1904 году Болгарія подписала политическій договоръ съ Сербіей, а а въ 1905 году болгарское Народное Собраніе единогласно par acclamation вотировало законъ о болгаро-сербскомъ таможенномъ союзѣ, законъ, который не былъ проведенъ въ жизнь не по винѣ Болгаріи.

Но, несмотря на то, что цѣлый рядъ болгарскихъ правительствъ такъ упорно и систематически нарушалъ одну изъ основныхъ статей австро-болгарскаго секретнаго соглашенія, несмотря на то, что договоръ о сербо-болгарскомъ союзѣ отъ 29 февраля 1912 года въ корнѣ мѣнялъ всю балканскую политику, а побѣды болгаръ и сербовъ надъ турками измѣнили всю политическую обстановку на Балканахъ, несмотря на все это, секретное соглашеніе между Австро-Венгріей и Болгаріей не только не было денонсировано, но, наоборотъ, какъ будто пріобрѣтало все большую и большую силу. Психологія царя Фердинанда, находящаяся въ вѣчномъ и непримиримомъ конфликтѣ съ психологіей болгарскаго народа, гнулась, но не ломалась, шла на компромиссы, но не забывала того, кто гарантировалъ Кобургскому дому болгарскій престолъ. И всякій разъ, когда только представлялся для этого сколько-нибудь удобный случай, секретное соглашеніе между Австро-Венгріей и Болгаріей торжествовало надъ всѣми остальными союзами и соглашеніями, заключенными и подписанными княземъ, а впослѣдствіе царемъ Фердинандомъ.

Въ мою задачу не входитъ теперь анализъ того, насколько наши ошибки и ошибки нашихъ союзниковъ помогли въ этомъ отношеніи царю Фердинанду. Я хочу отмѣтить другое обстоятельство, гораздо болѣе важное съ точки зрѣнія практической политики.

Теперь, когда секретное соглашеніе между Австро-Венгріей и Болгаріей замѣнено формальнымъ союзнымъ договоромъ между Германіей и Болгаріей, теперь, когда болгарская армія и всѣ силы болгарскаго народа отданы въ полное и исключительное распоряженіе германскаго генеральнаго штаба, является совершенно естественнымъ вопросъ. А именно, что могло быть обѣщано Болгаріи въ вознагражденіе за помощь, оказанную ею державамъ центральной Европы? Или, говоря иначе, могли ли австро-германцы въ 1915 году предложить Болгаріи больше того, что въ 1898 году гарантировала ей Австро-Венгрія въ статьяхъ 4-й, 9-й, 10-й и 11-й секретнаго соглашенія?

Имѣются самыя серьезныя основанія для того, чтобы утверждать, что, въ смыслѣ компенсацій, которыя должна получать Болгарія, договоръ 1915 года почти не измѣнилъ условія секретнаго соглашенія 1898 года. Правда, на этотъ разъ германская дипло-

матія не была такъ скупа на обѣщанія, какъ австрійская дипломатія восемнадцать лѣтъ тому назадъ. На этотъ разъ Болгаріи обѣщанъ небольшой участокъ даже западной Македоніи, по правому берегу Вардара, такъ что на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ километровъ оба берега рѣки Вардара должны остаться во владѣніи болгаръ. Но, съ другой стороны, Болгаріи почти ничего не обѣщано въ самомъ важномъ, въ самомъ жизненномъ для нея вопросѣ — въ вопросѣ объ уступкѣ греками въ пользу Болгаріи устьевъ рѣкъ Месты и Струмы, устьевъ, безъ которыхъ вся восточная Македонія должна окончательно зачахнуть и захирѣть черезъ нѣсколько лѣтъ. Болгаріи ничего не было обѣщано и со стороны Румыніи, такъ какъ Германія прямо заявила Болгаріи, что если поднять этотъ вопросъ, то Румынія не только ничего не отдастъ назадъ, но еще запроситъ за свой нейтралитетъ новыя территоріи. Что касается Адріанопольскаго вилайета, на счетъ котораго австрійская дипломатія была такъ щедра въ 1898 году, то теперь Болгаріи даны обѣщанія такого условнаго характера, что никакихъ серьезныхъ надеждъ на этотъ счетъ нѣтъ даже у самого Радославова.

Что же, въ концѣ концовъ, обѣщано теперь Болгаріи?..

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ 1915 году Болгаріи, болгарскому народу, за колоссальное напряженіе всѣхъ его физическихъ и моральныхъ силъ, Германія обѣщала дать гораздо меньше, чѣмъ Австро-Венгрія обѣщала въ 1898 году. Но зато царю Фердинанду, котораго нѣмецкіе агенты успѣли на этотъ разъ запугать больше, чѣмъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, снова обѣщано то самое главное, изъ-за чего онъ всегда готовъ пожертвовать какими угодно территоріями. Ему обѣщано, что его корона не будетъ снята съ его головы, и что болгарскій тронъ на этотъ разъ окончательно упрочится за Кобургскимъ домомъ.

Въ этой непропорціональности между тѣмъ, что гарантировано болгарскому народу, и тѣмъ, что обѣщано царю Фердинанду, въ этомъ вѣчномъ конфликтѣ между интересами и психологіей болгаръ и интересами и психологіей ихъ царя — зародышъ большихъ смутъ и недоразумѣній, которыми непремѣнно кончится сотрудничество Болгаріи съ державами центральной Европы. И если мы хотимъ быть реальными политиками, если мы хотимъ не пропускать удобныхъ для насъ случаевъ, то мы не должны забывать уроки исторіи и не должны пренебрегать практикой нашихъ враговъ, особенно тогда, когда она даетъ хорошіе результаты. Мы должны помнить, что наши враги восемнадцать лѣтъ терпѣли самые неожиданные повороты и колебанія болгарской политики, прежде чѣмъ дождались окончательно благопріятнаго для нихъ момента. И мы

должны быть постоянно наготовѣ и помнить о томъ, что разрывъ между болгарами и австро-германцами можетъ наступить неожиданно. И если къ тому времени у насъ все еще не будетъ готовой точки зрѣнія и готовой программы въ балканскомъ вопросѣ, то это будетъ значить, что мы разъ навсегда должны отказаться отъ всякой балканской политики.

Влад. Викторовъ-Тороповъ.

Римъ.

КНИГА О ЦѢЛЯХЪ ВОЙНЫ.

André Cheradame. *Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de „la partie nulle“. Paris, 1916. 356 стр.*

Война можетъ имѣть опредѣленную цѣль только для тѣхъ, государствъ, которымъ принадлежитъ иниціатива вооруженнаго нападенія на сосѣдніе народы. Устроители и зачинщики войны, конечно, знали, для чего они ее предпринимаютъ; они ставили предъ собою извѣстныя положительныя задачи, разрѣшеніе которыхъ представлялось имъ возможнымъ только при помощи оружія. Страны, подвергшіяся нападенію, должны прежде всего стремиться къ оборонѣ отъ непріятельскаго нашествія и не могутъ задаваться какими-либо самостоятельными политическими планами; имъ приходится поневолѣ играть болѣе страдательную роль и ограничиваться на первыхъ порахъ защитою своихъ территорій.

Это существенное различіе между иниціаторами войны и невольными ея участниками отражается на всемъ настроеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ. Въ Германіи никто не сомнѣвался въ неизбѣжности расширенія предѣловъ имперіи на западѣ и на востокѣ; программа этого расширенія открыто обсуждалась и разрабатывалась въ печати; она служила естественнымъ оправданіемъ непрерывныхъ вооруженій и связанныхъ съ ними финансовыхъ затратъ и усилій. Мечты о господствѣ надъ другими народами, о присоединеніи Голландіи, Бельгіи, нѣмецкихъ земель Австріи и нашихъ остзейскихъ провинцій, были издавна свойственны огромному большинству образованныхъ нѣмцевъ и входили въ кругъ обычнаго міросозерцанія нѣмецкихъ патріотовъ. Когда вспыхнула война, каждый нѣмецъ имѣлъ ясное и точное понятіе о томъ, къ какимъ результатамъ она должна привести въ случаѣ неминуемой побѣды. Напротивъ, среди державъ тройственнаго согласія, собственно, отсутствуютъ какія-либо опредѣленныя представленія о возможныхъ и желательныхъ для нихъ послѣдствіяхъ военнаго торжества надъ противникомъ.

Правда, Франція могла надѣяться въ будущемъ получить обратно

Эльзасъ и Лотарингію; Англія заступалась за неприкосновенность и независимость Бельгіи, а позднѣе заявляла о своемъ рѣшеніи оградить свободу малыхъ народовъ отъ домогательствъ центральныхъ имперій и положить предѣлъ притязаніямъ прусскаго милитаризма; Россія выступала непосредственно въ защиту Сербіи противъ Австріи и имѣла вообще въ виду оградить свои традиціонные интересы на Балканскомъ полуостровѣ. Въ основѣ этихъ разнообразныхъ мотивовъ и стремленій лежала только одна основная идея — сознаніе безусловной необходимости довести войну „до конца", чтобы разъ навсегда покончить съ невыносимыми претензіями Германіи на первенствующую роль въ Европѣ. Предполагалось сокрушить прусскій милитаризмъ или „пруссачество", по выраженію бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова; но какъ этого достигнуть, какъ добраться до прусскаго духа и строя Германской Имперіи, — остается неизвѣстнымъ.

И программа дѣйствій союзниковъ послѣ одержанія ими окончательной побѣды намѣчается пока еще въ крайне неясныхъ очертаніяхъ. Отнимутъ у нѣмцевъ Эльзасъ-Лотарингію, африканскія и азіатскія колоніи, — а дальше что? Какія перемѣны будутъ произведены въ международныхъ отношеніяхъ и въ политическомъ бытѣ Европы? Подвергнется ли Германія какимъ-либо принудительнымъ преобразованіямъ въ духѣ ограниченія „пруссачества"? Сохранитъ ли свое существованіе Австро-Венгрія, а если сохранитъ, то въ какомъ видѣ? Какъ поступлено будетъ съ Турціею и Болгаріею? Какія пріобрѣтенія и выгоды должна выговорить въ свою пользу Россія? Всѣ эти вопросы неизбѣжно встанутъ предъ союзниками послѣ той полной конечной побѣды, о которой неоднократно и авторитетно говорилось въ деклараціяхъ и рѣчахъ представителей державъ согласія. Не слѣдуетъ ли подготовиться къ ихъ дѣятельному разрѣшенію этихъ сложныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія заинтересованныхъ странъ, подобно тому какъ это дѣлаютъ нѣмцы относительно своихъ національныхъ требованій и интересовъ? Въ Германіи правительство, политическія партіи и разныя общественныя организаціи подробно формулировали свои пожеланія по вопросу объ условіяхъ мира; докладная записка, поданная канцлеру въ маѣ прошлаго года отъ имени шести крупныхъ промышленныхъ общественныхъ союзовъ, заключала въ себѣ обстоятельно мотивированную программу германскихъ домогательствъ и служила предметомъ обсужденія въ печати и парламентѣ. Нѣмцы заранѣе устанавливаютъ свои условія и требованія на случай заключенія мира, тогда какъ союзники ограничиваются пока лишь намеками, предоставляя разработку и выясненіе ихъ болѣе или менѣе близкому будущему.

Французскій публицистъ Андрэ Шерадамъ старается пополнить этотъ пробѣлъ своей книгой, посвященной разбору военно-политическихъ цѣлей и плановъ Германіи. Изъ анализа этихъ враждебныхъ плановъ онъ выводитъ главные пункты, на которыхъ должны настаивать союзники въ видахъ огражденія и защиты своихъ жизненныхъ интересовъ. Заглавіе книги — „Разоблаченный планъ пангерманистовъ“ — не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію. Авторъ очень много и настойчиво говоритъ о двухъ важныхъ національно-политическихъ планахъ, относящихся къ 1895 и 1911 годамъ: онъ постоянно ссылается на эти планы, какъ на руководящіе государственные акты, въ которыхъ выражены истинныя намѣренія и стремленія Германіи. Въ частности, на „планѣ 1911 года“ онъ основываетъ всѣ свои разсужденія о скрытыхъ и явныхъ замыслахъ берлинской политики, избѣгая, однако, указанія на источники и документы, касающіеся этихъ таинственныхъ плановъ. Только въ одномъ мѣстѣ упоминается, что планъ 1895 года изложенъ въ анонимной брошюрѣ, изданной въ 1895 году при содѣйствіи „всегерманскаго союза“ подъ заглавіемъ: „Великая Германія и средняя Европа въ 1950 году“. Какимъ образомъ мечтанія нѣмецкаго патріота о томъ, что будетъ съ Германіею и Европою въ 1950 году, превратились въ „планъ 1895 года“, — это секретъ Шерадама.

„Основной пангерманистскій планъ 1895 года — замѣчаетъ авторъ — былъ впослѣдствіи значительно переработанъ и составилъ сущность плана 1911 года“. Объ этомъ новомъ переработанномъ планѣ идетъ рѣчь на протяженіи всей книги, начиная съ первой же главы; этотъ планъ иллюстрируется множествомъ картъ, цифръ и таблицъ; на немъ строятся всевозможные выводы, — и только на 166-й страницѣ мимоходомъ сообщается читателю, что „міровые элементы этого плана изложены въ книгѣ Отто Рихарда Танненберга, вышедшей въ 1911 году въ Лейпцигѣ и переведенной на французскій языкъ Морисомъ Милльо: „Великая Германія, дѣло XX вѣка“. Опять-таки нельзя понять, почему сочиненіе частнаго лица, быть можетъ, интересное и поучительное само по себѣ принято авторомъ за какую-то оффиціальную программу, подъ именемъ „плана 1911 года“. Авторъ придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что значительнѣйшая часть требованій и предсказаній Танненберга осуществилась на дѣлѣ въ настоящей войнѣ; но это совпаденіе доказываетъ лишь, что завоевательные планы германской военной партіи соотвѣтствуютъ господствующимъ взглядамъ и стремленіямъ нѣмецкаго общества, и что эти идеи и стремленія нашли себѣ вѣрное выраженіе въ книгѣ Танненберга.

Впрочемъ, Шерадамъ не имѣлъ даже повода, „разоблачать“

„планы 1895 и 1911 годовъ“, такъ какъ они изложены были въ общедоступныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, и вся его аргументація, основанная на этихъ мнимыхъ планахъ, теряетъ свой серьезный смыслъ. Авторъ связываетъ содержаніе разбираемыхъ имъ двухъ книгъ или „плановъ“ съ своими двумя основными идеями — о величайшей опасности допущенія устройста соединительнаго пути отъ Гамбурга къ Персидскому заливу и о безусловной необходимости разложенія Австро-Венгріи на составныя части по національностямъ, съ образованіемъ особой юго-славянской федераціи. Осуществленіе проекта дороги отъ Гамбурга къ Персидскому заливу, по словамъ Шерадама, предоставило бы Германіи фактическую власть надъ Австро-Венгріею, Балканами и Турціею и увеличило бы германскія военныя силы до 20 милліоновъ солдатъ (стр. 151, 167 и др.), а потому угрожало бы рабствомъ всей Европѣ. Дорога „Гамбургъ—Персидскій заливъ“ является для Шердама истиннымъ кошмаромъ, воплощеніемъ многихъ бѣдъ. Онъ полагаетъ, что страны, черезъ которыя будетъ проходить дорога, непремѣнно подпадутъ подъ власть Германіи; но онъ упускаетъ изъ виду, что устройство желѣзной дороги черезъ Малую Азію до Багдада было международнымъ предпріятіемъ, въ которомъ, кромѣ Германіи, участвовали Франція и Англія. Чѣмъ большее участіе принимали бы названныя великія державы въ доведеніи дороги до Персидскаго залива, тѣмъ менѣе исключительныхъ привилегій эта дорога давала бы Германіи, хотя и способствовала бы, правда, усиленію внѣшней торговли европейскихъ націй и въ томъ числѣ, прежде всего, нѣмецкой. По мнѣнію автора, судьба Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова должна быть рѣшена въ зависимости отъ вопроса о дорогѣ „Гамбургъ — Персидскій заливъ“: нужно избавить эти страны отъ германской гегемоніи именно для того, чтобы не могла осуществиться эта дорога. Шерадамъ считаетъ проведеніе ея колоссальнѣйшимъ и непоправимымъ бѣдствіемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы она проходила черезъ территоріи, свободныя отъ германскаго владычества или преобладанія; онъ не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ оговорокъ или условій.

Основываясь на суровыхъ требованіяхъ „плана 1911 года“ (т. е. книги Танненберга), Шерадамъ старается быть столь же суровымъ по отношенію къ Германіи; онъ предлагаетъ наложить на нее контрибуцію въ размѣрѣ не менѣе 250—300 милліардовъ франковъ, съ тѣмъ, чтобы она выплачивала каждой изъ союзныхъ державъ-побѣдительницъ по два милліарда въ годъ (стр. 179) и чтобы сумма долга, впредь до ея полнаго погашенія, обезпечивалась надлежащими территоріальными и финансовыми гарантіями. Осо-

бенно авторъ предостерегаетъ союзниковъ отъ „страшной берлинской ловушки игры въ ничью“, такъ какъ согласіе на возстановленіе status quo, бывшаго до войны, отдало бы на волю Германіи имперію Габсбурговъ, Балканы и Турцію и подготовило бы Европѣ новыя катастрофы въ будущемъ. Шерадамъ, однако, не останавливается на томъ предположеніи, что „игра въ ничью“ могла бы быть допущена по отношенію къ одной Германіи, а никакъ не относительно Австро-Венгріи и Турціи, съ которыми побѣдители устроились бы по своему усмотрѣнію, согласно своей общей освободительной программѣ.

Л. Слонимскій.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЯ КАМЕРЫ.

Конфликты предпринимателей съ рабочими составляютъ одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій промышленнаго развитія. Гдѣ существуютъ фабрики и заводы, тамъ не можетъ не происходить разногласій между представителями труда и капитала. Устранить такія разногласія невозможно; но не только возможно, а и необходимо стремиться къ тому, чтобы они не приводили къ перерывамъ въ производственной дѣятельности, всегда сопряженнымъ съ матеріальными убытками для борющихся сторонъ и для страны и нерѣдко сопровождающимся эксцессами, опасными для имущества и даже для жизни гражданъ. Словомъ, необходимо въ интересахъ соціальнаго мира, чтобы стачки, являющіяся ultima ratio промышленной борьбы, по возможности были замѣнены мирными способами улаженія промышленныхъ конфликтовъ. Однимъ изъ такихъ способовъ является учрежденіе примирительныхъ камеръ, давно уже существующихъ во многихъ странахъ, впереди которыхъ была Англія. Первая камера этого рода возникла тамъ въ 1860 г. по иниціативѣ фабриканта Мунделлы.

Назначеніе примирительныхъ камеръ состоитъ въ томъ, чтобы служить посредниками въ промышленныхъ конфликтахъ между спорящими сторонами съ цѣлью привести ихъ къ соглашенію. Онѣ являются органами посредническаго разбирательства, имѣющаго своимъ назначеніемъ предотвращеніе стачекъ посредствомъ мирнаго улаженія разногласій въ промышленной средѣ.

У насъ въ Россіи до сихъ поръ такихъ учрежденій не существовало, но потребность въ нихъ чувствовалась очень сильно, и чѣмъ дальше наша страна подвигалась по пути промышленнаго развитія, тѣмъ эта потребность становилась острѣе. А потому весьма своевременно вопросъ объ устройствѣ у насъ примирительныхъ камеръ былъ выдвинутъ вторымъ съѣздомъ военно-промышленныхъ комитетовъ въ февралѣ текущаго года.

Съѣздъ, признавъ необходимымъ проведеніе спеціальнаго положенія о примирительныхъ камерахъ въ законодательномъ порядкѣ,

но, въ виду медленности законодательнаго пути, высказался за учрежденіе временныхъ примирительныхъ камеръ властью особаго совѣщанія по оборонѣ государства. Впредь до осуществленія примирительныхъ камеръ въ законодательномъ порядкѣ съѣздъ призналъ необходимымъ учрежденіе властью особаго совѣщанія примирительной камеры при центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ; съѣздомъ же былъ выработанъ и проектъ положенія такой камеры. Такимъ образомъ, было положено начало движенію въ пользу примирительнаго разбирательства, получившему въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ замѣтное развитіе.

Отдѣлъ промышленнаго труда московскаго военно-промышленнаго комитета выработалъ свой проектъ положенія о примирительной камерѣ при комитетѣ, отличающейся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ петроградскаго, но въ общемъ основанный на тѣхъ же началахъ. Въ то же время центральный комитетъ, намѣреваясь приступить къ осуществленію резолюціи второго съѣзда, изложенной выше, обратился къ обществу заводчиковъ и фабрикантовъ петроградскаго района съ предложеніемъ выбрать своихъ представителей въ будущую примирительную камеру. Общество отвѣтило А. И. Гучкову, какъ предсѣдателю центральнаго комитета, что оно не находитъ возможнымъ принять участія черезъ своихъ представителей въ проектируемой камерѣ въ виду отсутствія въ Россіи профессіональныхъ организацій, безъ которыхъ, по мнѣнію общества, примирительное разбирательство вообще невозможно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Москвѣ „организованные“ промышленники повели кампанію противъ учрежденія примирительной камеры при московскомъ военно-промышленномъ комитетѣ. Въ пленарномъ засѣданіи комитета 27 іюля ихъ представители, Ю. И. Поплавскій и Гутцайтъ, очень энергично возражали противъ факультативныхъ примирительныхъ камеръ, тоже ссылаясь на отсутствіе у насъ профессіональныхъ организацій и высказываясь за необходимость проведенія положенія о примирительныхъ камерахъ законодательнымъ порядкомъ. Тѣмъ не менѣе комитетъ значительнымъ большинствомъ высказался въ пользу учрежденія при немъ примирительной камеры, выразивъ въ то же время пожеланіе, чтобы было проведено соотвѣтствующее положеніе и черезъ законодательныя палаты. Въ отвѣтъ на это постановленіе комитета „организованные“ промышленники обратились въ московскій биржевой комитетъ, приглашая его обсудить вопросъ о примирительныхъ камерахъ и, очевидно, надѣясь провести тамъ свою точку зрѣнія.

Въ виду попытки организованныхъ промышленниковъ перенести дѣло въ биржевой комитетъ, предсѣдатель московскаго военно-

промышленнаго комитета С. А. Смирновъ также обратился въ тотъ же комитетъ съ письмомъ, въ которомъ изложилъ точку зрѣнія московскаго военно-промышленнаго комитета на примирительныя камеры.

Московскій военно-промышленный комитетъ, — пишетъ г. Смирновъ, — считая мобилизацію труда однимъ изъ основныхъ условій интенсивной работы объединенныхъ производительныхъ силъ страны на оборону, не могъ пройти мимо того обстоятельства, что въ переживаемое острое время общаго напряженія и въ атмосферѣ чрезвычайно осложнившихся взаимоотношеній въ хозяйственной жизни страны отсутствуютъ совершенно учрежденія, могущія выполнять функціи посредничества между предпринимателями и рабочими. Не останавливаясь уже на опытѣ дружественныхъ намъ странъ, гдѣ примирительныя камеры — какъ обязательнаго, такъ и факультативнаго характера — пользуются правами гражданства, московскій военно-промышленный комитетъ подчеркиваетъ исключительную важность своей попытки созданія примирительной камеры для центральнаго промышленнаго района, принимая во вниманіе отсутствіе здѣсь, какъ и въ Россіи вообще достаточно сильныхъ и широкихъ организацій профессіональнаго характера, какъ промышленныхъ, такъ и рабочихъ, устраняющихъ необходимость въ общественномъ и частномъ посредничествѣ.

Примирительная камера при московскомъ комитетѣ, будучи лишена какой бы то ни было обязательной санкціонирующей власти, дастъ возможность воспользоваться услугами общественнаго посредничества тѣмъ изъ промышленниковъ, которые таковое посредничество признаютъ цѣлесообразнымъ или желательнымъ при возникающихъ конфликтахъ съ рабочими, какъ съ точки зрѣнія обще-го сударственныхъ интересовъ, такъ и въ цѣляхъ обезпеченія спокойнаго и нормальнаго теченія въ своихъ предпріятіяхъ. Возраженія противъ факультативной камеры покоятся, главнымъ образомъ, на не совсѣмъ точномъ представленіи о природѣ и предѣлахъ компетенціи этого типа камеръ. Въ виду чего московскій военно-промышленный комитетъ считаетъ нужнымъ еще разъ обратить вниманіе на отсутствіе принудительной функціи у камеры, которую проектируется образовать при комитетѣ. Другихъ, болѣе серьезныхъ и основательныхъ возраженій, которыя основывались бы на правильно понятныхъ интересахъ промышленности, комитетъ въ данномъ случаѣ не усматриваетъ.

Считая долгомъ обратиться съ настоящимъ заявленіемъ въ московскій биржевой комитетъ, какъ въ наиболѣе авторитетный руководящій органъ промышленной Москвы, московскій военно-про-

мышленный комитетъ полагаетъ, что биржевой комитетъ не можетъ не поддерживать стремленія организованныхъ общественныхъ силъ страны обезпечить послѣдней соціальный миръ, безъ котораго невозможна широкая и дѣятельная помощь арміи для успѣшной борьбы съ врагомъ. Московскій военно-промышленный комитетъ выражаетъ твердую увѣренность, что старѣйшее торгово-промышленное учрежденіе Москвы будетъ способствовать установленію среди промышленныхъ круговъ правильнаго взгляда на роль и значеніе общественнаго посредничества между предпринимателями и рабочими".

До настоящаго времени вопросъ о примирительныхъ камерахъ не обсуждался въ биржевомъ комитетѣ.

Съ своей стороны, бюро центральнаго военно-промышленнаго комитета нашло необходимымъ вновь подвергнуть обсужденію принципіальный вопросъ о факультативномъ примирительномъ разбирательствѣ и созвало съ этой цѣлью пленарное собраніе комитета, которое и состоялось 18 августа, при участіи проф. А. А. Мануилова и предсѣдателя рабочей группы при московскомъ комитетѣ В. А. Герегорадуева. Противъ учрежденія факультативной примирительной камеры при центральномъ комитетѣ возражалъ только представитель петроградскаго общества заводчиковъ и фабрикантовъ г. Дюфуръ, удалившійся изъ засѣданія до голосованія, и вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ единогласно. Таково положеніе вопроса о примирительныхъ камерахъ въ настоящее время.

Возраженія, выдвинутыя организовальными промышленниками, сводятся къ тому, что при отсутствіи у насъ профессіональныхъ организацій устройство факультативныхъ примирительныхъ камеръ невозможно, ибо при такихъ условіяхъ не существуетъ никакихъ гарантій, что это рѣшеніе камеръ будетъ выполнено. Въ виду этого промышленники высказываются за проведеніе положенія о примирительныхъ камерахъ законодательнымъ путемъ, но рѣшительно отвергаютъ принципъ факультативности.

Безспорно, что положеніе о камерахъ должно пройти черезъ законодательныя учрежденія; но, если принять во вниманіе, какъ длиненъ и тернистъ у насъ, въ настоящее время законодательный путь, то нельзя не видѣть, что позиція, занятая организованными промышленниками, практически сводится, въ сущности, къ отсрочкѣ рѣшенія вопроса о примирительныхъ камерахъ на неопредѣленное и, во всякомъ случаѣ, очень продолжительное время. Между тѣмъ событія, переживаемыя Россіей, совершенно исключительныя и дѣлаютъ рѣшеніе этого вопроса безусловно неотложнымъ. Если вообще слѣдуетъ избѣгать, промышленныхъ конфликтовъ, а въ случаѣ ихъ возникновенія, необходимо стремиться всѣми силами къ мирному разрѣшенію ихъ, то те-

перь, когда всякій конфликтъ подобнаго рода невыгодно отражается на оборонѣ, поддержаніе соціальнаго мира прямо настоятельно. Эта настоятельность и оправдываетъ введеніе сейчасъ факультативныхъ примирительныхъ камеръ, не дожидая законодательной санкціи. Если бы, дѣйствительно, при существующихъ у насъ условіяхъ нельзя было устроить факультативныхъ примирительныхъ камеръ, то, конечно, передъ невозможностью пришлось бы преклониться. Но вѣдь это не такъ.

Возраженія промышленниковъ и неубѣдительны. Хотя почти полное отсутствіе у насъ профессіональныхъ организацій рабочихъ и составляетъ очень неблагопріятное условіе для правильнаго функціонированія и широкаго распространенія факультативныхъ примирительныхъ камеръ, тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ препятствіемъ оно все же не является. Если рабочимъ будетъ дана возможность сговариваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то они сумѣютъ согласиться и относительно передачи возникшаго разногласія въ примирительную камеру. Отсутствіе профессіональныхъ организацій непрепятствуетъ рабочимъ принимать коллективныя рѣшенія въ пользу стачекъ; почему же оно будетъ препятствовать имъ принимать коллективныя рѣшенія въ пользу передачи дѣла въ примирительную камеру? Несомнѣнно, профессіональныя организаціи, какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, предотвращаютъ легкомысленные стачки и сами по себѣ, независимо отъ примирительныхъ органовъ, сокращаютъ стачечное движеніе. Въ — этомъ государственное и общественное значеніе рабочихъ союзовъ, и поэтому необходимо возражать всѣми силами противъ практики преслѣдованія профессіональныхъ организацій, господствовавшей у насъ до настоящаго времени.

Однако, до сихъ поръ не слышно было о какихъ-либо попыткахъ „организованныхъ“ промышленниковъ отстаивать профессіональныя организаціи рабочихъ и содѣйствовать ихъ распространенію и укрѣпленію. А теперь, когда на очередь поставлено учрежденіе у насъ примирительныхъ камеръ, они выдвигаютъ въ качествѣ возраженія отсутствіе профессіональныхъ организацій.

Если они искренни, то почему же они не спѣшатъ ввести во всѣхъ предпріятіяхъ институтъ фабричныхъ старостъ, допускаемый у насъ закономъ (1903 г.)? Этотъ вопросъ, выдвинутый именно рабочими группами военно-промышленныхъ комитетовъ, ясно доказываетъ, что въ рабочей средѣ учрежденіе старостъ встрѣчаетъ сочувствіе; между тѣмъ „организованные“ промышленники не спѣшатъ воспользоваться возможностью создать нѣкоторый суррогатъ профессіональныхъ организацій въ видѣ старостъ и разрѣшаемыхъ закономъ 1913 г. собраній рабочихъ подъ ихъ предсѣдательствомъ.

Проекты, образцовыя правила о старостахъ, согласно съ закономъ, — требующимъ, чтобы такія правила были выработаны для каждаго предпріятія, — уже давно составлены и центральнымъ, и московскимъ военно-промышленными комитетами, но „организованные“ промышленники и здѣсь стали въ оппозицію. Они выработали свои правила, явно непріемлемыя для рабочихъ, и, повидимому, не собираются идти и въ этомъ отношеніи на встрѣчу желаніямъ рабочей среды. Положеніе, занятое „организованными“ промышленниками въ вопросахъ о примирительныхъ камерахъ и фабричныхъ старостахъ, показываетъ, какъ слабо еще развиты среди нашихъ промышленниковъ правильные взгляды на отношеніе рабочихъ и предпринимателей и на способы улаженія возникающихъ между ими конфликтовъ. Примирительныя камеры и фабричные старосты должны были бы встрѣтить полное сочувствіе со стороны всѣхъ промышленныхъ дѣятелей, если бы они отдавали себѣ ясный отчетъ въ крайней ненормальности существующаго положенія, когда въ странѣ отсутствуютъ какіе бы то ни было способы мирнаго разрѣшенія разногласій между трудомъ и капиталомъ. Между тѣмъ часть промышленниковъ, и при томъ наиболѣе крупныхъ, заявляя о своемъ сочувствіи начинаніемъ военно-промышленныхъ комитетовъ въ интересахъ соціальнаго мира, на дѣлѣ вставляетъ этимъ начинаніемъ палки въ колеса, тормозя дѣло и нанося тѣмъ самымъ вредъ странѣ. Общество заводчиковъ и фабрикантовъ беретъ на себя тяжелую отвѣтственность, мѣшая успѣху даже самыхъ скромныхъ попытокъ привить нашей промышленной средѣ культурные навыки, необходимые для упрочненія мирнаго развитія промышленной жизни.

А. Мануиловъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Вопросъ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ. — Методъ исчисленія ихъ по „себѣстоимости". — Твердыя цѣны на сахаръ и на скотъ. — Продовольственное дѣло, какъ „побочное" для министерства земледѣлія. — Землевладѣльческая идиллія. — Письмо А. И. Гучкова. — Рабочіе старосты и примирительныя камеры. — Перемѣна въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. — Маріампольская трагедія. — Дерзновеніе и покаяніе. — М. Ѳ. Громницкій †.

Когда въ осенній день надъ мѣстностью виситъ туманъ, рѣдѣющій или сгущающійся въ зависимости отъ вѣтра, изъ-за него показываются то здѣсь, то тамъ, небольшія пространства, дающія возможность судить, до извѣстной степени, объ общемъ характерѣ завѣшенной картины. Нѣчто подобное происходитъ теперь у насъ въ разныхъ сферахъ народной жизни. О многомъ приходится только догадываться, многое узнавать урывками, случайно. Во всѣхъ концахъ Россіи злобой дня служитъ дороговизна, тяжелая для массы, выгодная для отдѣльныхъ лицъ. Съ обѣихъ сторонъ идетъ борьба, не всегда и не вездѣ выступающая наружу. И все-таки, несмотря на разнородныя затрудненія, основныя ея черты становятся все болѣе и болѣе ясными. Общественныя организаціи и печать дѣлаютъ свое дѣло; свѣтъ проникаетъ и въ уголки, лежащіе вдали отъ большой дороги. Достаточно привести одинъ примѣръ, заимствуемый изъ дальней части Заволжья. Въ періодъ выработки новыхъ цѣнъ на хлѣбъ, когда многіе неохотно продаютъ его, ожидая результатовъ расцѣнки, мѣстный уполномоченный обратился къ нѣсколькимъ поставщикамъ Новоузенскаго уѣзда (Самарской губерніи) съ требованіемъ поставки зерна, подъ угрозою реквизиціи. Посѣвщики выразили недоумѣніе, почему то же требованіе не предъявлено одновременно ко всѣмъ владѣльцамъ, т. е. къ помѣщикамъ наравнѣ съ крестьянами [1]). Понятно, какъ должно было отразиться на умахъ населенія столь неодинаковое отношеніе къ производителямъ хлѣба...

---

[1]) См. статью г. Петрищева: „Безъ власти" въ № 194 „Русскихъ Вѣдомостей".

Защитники высокихъ цѣнъ на хлѣбъ охотно увѣряютъ, что они отстаиваютъ интересы всѣхъ сельскихъ хозяевъ, безъ различія классовъ и сословій; но житейская практика постоянно идетъ въ разрѣзъ съ этими увѣреніями. Въ подтвержденіе явно-тенденціознаго тезиса приводятся доводы, еще болѣе подтверждающіе его несостоятельность. Въ состоявшемся на-дняхъ засѣданіи особаго продовольственнаго совѣщанія предсѣдатель Саратовской губернской земской управы, г. Гриммъ, защищая „аграріевъ" отъ нападокъ прогрессивной печати, указалъ на то, что въ Саратовской губерніи изъ 100% землевладѣльцевъ помѣщики составляютъ не болѣе 10%, а всѣ остальные — крестьяне. Но развѣ въ экономическомъ бытѣ огромнаго большинства крестьянъ продажа хлѣба имѣетъ, хотя бы приблизительно, то значеніе, какое она занимаетъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ? Попытки установить подобіе солидарности, гдѣ ея нѣтъ и въ поминѣ, никого убѣдить не могутъ; но нельзя ручаться за то, что онѣ не будутъ имѣть никакихъ результатовъ и не повліяютъ на исходъ „хлѣбнаго вопроса".

Несмотря на опытъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, съ достаточною ясностью — и въ Россіи, и за границей, — говорящій за энергичныя мѣры къ обезпеченію продовольствія страны, необходимость твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ у насъ все еще не перестала быть предметомъ сомнѣній. Прямо возставать противъ нихъ, однако, рѣшаются немногіе, быть можетъ потому, что слишкомъ авторитетна защита, которую онѣ встрѣчаютъ со стороны военныхъ властей. Въ продовольственномъ совѣщаніи одинъ изъ представителей министерства торговли и промышленности заявилъ, что онъ вообще не сторонникъ твердыхъ цѣнъ, но, при сложившихся условіяхъ, принужденъ говорить въ ихъ пользу. Въ бесѣдѣ съ представителями печати гр. А. А. Бобринскій призналъ себя принципіальнымъ сторонникомъ твердыхъ цѣнъ — но онѣ хороши, по его мнѣнію, лишь при условіи, если онѣ приводятся въ равной мѣрѣ на всѣ безъ исключенія продукты; иначе, по его мнѣнію, создается несправедливость по отношенію къ собственникамъ продуктовъ, на которые установлены твердыя цѣны. Настаивать, однако, на этомъ мнѣніи министръ земледѣлія, повидимому, не намѣренъ. Проведеніе его въ жизнь столкнулось бы съ трудно преодолимыми препятствіями; не всѣ же продукты играютъ въ народной жизни ту роль, которая безспорно принадлежитъ хлѣбу. Настоящимъ объектомъ борьбы является, такимъ образомъ, не необходимость твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ вообще, а способъ ихъ опредѣленія и граница ихъ дѣйствія.

Въ землевладѣльческой средѣ на первый планъ выдвигается исчисленіе цѣнъ на хлѣбъ по „себѣстоимости" или по издержкамъ

производства. До какой степени оно произвольно и шатко — объ этомъ можно судить, прежде всего, по громадной разницѣ результатовъ, которые оно даетъ въ смежныхъ и сходныхъ по характеру губерніяхъ. Въ Самарской губерніи, напримѣръ, цѣна за пудъ ржи была предположена въ 1 р. 53 к., за пудъ пшеницы — въ 2 р. 38 к., за пудъ овса — въ 1 р. 35 к.; въ Саратовской губерніи соотвѣтствующія цѣны исчислены въ 1 р. 88 к., 2 р. 98 к. и 3 р. 34 к. Управляющій саратовской контрольной палатой указалъ, въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи, что выведенная мѣстнымъ совѣщаніемъ цѣна пуда ржи превышаетъ подлинную его цѣну (вмѣстѣ съ нормальной прибылью) на 48 коп. Въ Кузнецкомъ уѣздѣ при опредѣленіи цѣны на рожь была принята въ расчетъ уборка десятины серпами, гораздо болѣе дорогая и примѣняемая только въ рѣдкихъ случаяхъ. Очевидно, что торжество принципа „себѣстоимости" завело бы хлѣбную политику въ непроходимыя дебри, затруднило бы свободное обращеніе хлѣба и слишкомъ обогатило бы производителей за счетъ потребителей. Но и при избраніи другого, болѣе справедливаго способа опредѣленія твердыхъ цѣнъ онѣ могутъ дать желанные результаты лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ будутъ распространены на всѣ сдѣлки, а не только на заключаемыя для арміи; лишь тогда цѣна на хлѣбъ сдѣлается общедоступной, и сообразно съ этимъ понизится и цѣна на другіе продукты первой необходимости. Естественнымъ спутникомъ твердыхъ цѣнъ является право реквизиціи, обезпечивающее населенію доступъ къ необходимымъ для него продуктамъ, а это право не пользуется сочувствіемъ министра земледѣлія. „Реквизиція, — сказалъ онъ въ своей бесѣдѣ съ представителями печати, — мѣра чрезвычайно опасная и обоюдоострая, къ которой слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ". Очень важно, поэтому, что за распространеніе твердыхъ цѣнъ, — а слѣдовательно и права реквизиціи, — на всѣ сдѣлки съ хлѣбомъ высказались весьма энергично представители военной власти. Главный полевой интендантъ, говорившій отъ имени начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, мотивировалъ примѣненіе твердыхъ цѣнъ ко всѣмъ сдѣлкамъ необходимостью оградить интересы рабочихъ, „безъ которыхъ армія безусловно не можетъ ни одного дня существовать". Положеніе рабочихъ при дѣйствующихъ порядкахъ „становится прямо критическимъ; никакая заработная плата, какъ бы она ни была высока, не можетъ исправить это положеніе". Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Егорьевъ высказался за предоставленіе права реквизиціи уполномоченнымъ министерства, т. е. противъ сосредоточенія его исключительно въ рукахъ министра. За умѣренныя твердыя цѣны на предметы первой необходимости, пріобрѣтаемые

населеніемъ, говорилъ, по порученію военнаго министра, и главный интендантъ, генералъ Богатко; только онѣ, по его словамъ, „могутъ успокоить заводы и дать арміи возможность получить все то, что ей необходимо для борьбы съ непріятелемъ“. Нужно надѣяться, что эти голоса не прозвучатъ безслѣдно.

Умѣренность цѣнъ на хлѣбъ безъ сомнѣнія, условіе столь же важное, какъ и ихъ твердость. Въ комиссіи съѣзда уполномоченныхъ, м-ва земледѣлія вопросъ о размѣрѣ хлѣбныхъ цѣнъ возбудилъ весьма серьезное разногласіе. Принявъ, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, методъ опредѣленія твердыхъцѣнъ, предложенный московскимъ съѣздомъ уполномоченныхъ — методъ болѣе правильный, чѣмъ излюбленное нѣкоторыми губернскими совѣщаніями исчисленіе по „себѣстоимости“, — комиссія высказалась за крупныя прибавки къ полученнымъ по этому методу цѣнамъ (въ размѣрѣ до 40% на рожь; до 50—60% на овесъ, до 30—40% на пшеницу). Членъ Госуд. Дум. Каразинъ нашелъ устанавляемыя такимъ путемъ цѣны слишкомъ низкими; представитель союза городовъ Громанъ призналъ ихъ, наоборотъ, слишкомъ высокими. Какъ г. Каразинъ, такѣ и г. Громанъ участвовали на съѣздѣ не въ качествѣ членовъ, а въ качествѣ приглашенныхъ лицъ; одинаковой, слѣдовательно, должна была быть участь поданныхъ ими особыхъ мнѣній. Между тѣмъ, предсѣдателемъ комиссіи, членомъ Госуд. Совѣта Гербелемъ, было принято для приложенія къ журналу только первое изъ нихъ...

Представители печати не имѣли доступа въ засѣданія съѣзда, посвященныя вопросамъ о цѣнахъ; далеко не все, происходившее тамъ, могло доходить до всеобщаго свѣдѣнія. Очень интересно, поэтому, сообщеніе члена продовольственнаго совѣщанія отъ Госуд. Думы, М. С. Воронкова, появившееся на-дняхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 198). Не всѣ члены совѣщанія получили приглашеніе на съѣздъ уполномоченныхъ; лично М. С. Воронковъ узналъ о съѣздѣ изъ газетъ, пріѣхавъ въ Петроградъ случайно. Сознательно или нѣтъ, но приглашеніе получили только сторонники повышенія твердыхъ цѣнъ. Члены съѣзда, уполномоченные по снабженію продовольствіемъ арміи и флота, въ большинствѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ производителями продуктовъ. Отсюда своеобразное раздвоеніе личности, замѣчаемое у многихъ членовъ съѣзда: съ одной стороны — призывъ къ сдержанности, съ другой — откровенные голоса о необходимости использовать моментъ: „всѣ наживаются, всѣ пользуются случаемъ; почему же намъ это запрещается? Пришло время, когда мы можемъ и должны получить свою долю“... „Въ странѣ, пишетъ М. С. Воронковъ, хлѣба много. Я бывалъ на мно-

гихъ совѣщаніяхъ въ области Войска Донского, и категорически утверждаю, что за повышеніе цѣнъ ратуютъ только крупные землевладѣльцы, представители же кооперативовъ и крестьяне стоятъ въ сторонѣ отъ этого дѣла, прекрасно понимая, что повышеніе цѣнъ на хлѣбъ вызоветъ сильный скачекъ по всей линіи цѣнъ на всѣ другіе продукты и удорожитъ рабочія руки... Настроеніе у большинства членовъ съѣзда очень бодрое. Они поняли, что новый министръ земледѣлія — свой человѣкъ. Аграріи учли то обстоятельство, что въ лицѣ А. Н. Наумова ушелъ человѣкъ, старавшійся сдерживать неумѣренные аппетиты". Остается только разсчитывать на то, что въ рѣшительный моментъ къ приведенному выше голосу военныхъ властей присоединится голосъ общественнаго мнѣнія. Оно не можетъ примириться съ мыслью о возможномъ торжествѣ своекорыстныхъ расчетовъ надъ насущнѣйшими потребностями народа.

Неудивительно недоброжелательство, съ которымъ относятся въ извѣстныхъ сферахъ къ органамъ общественнаго мнѣнія — къ печати и къ общественнымъ организаціямъ. Въ своемъ обращеніи къ уполномоченнымъ министръ земледѣлія выразилъ увѣренность, что ихъ не смутитъ „шумъ налета этихъ цеппелиновъ и аэроплановъ". Быть можетъ, эта увѣренность не лишена основанія; но не съѣзду уполномоченныхъ и даже не продовольственному совѣщанію принадлежитъ послѣднее слово въ вопросѣ, глубоко интересующемъ всю Россію. Сравненіе, пущенное въ ходъ гр. Бобринскимъ, вѣрно только въ одномъ отношеніи: „налеты" прессы и общественныхъ организацій дѣйствительно производятъ нѣкоторый шумъ и нѣкоторую тревогу. Но дальше этого сходство не идетъ. На войнѣ шумъ, производимый летательной машиной, можетъ помѣшать исполненію ея задачи; въ политической жизни „налеты" именно своимъ „шумомъ" содѣйствуютъ иногда достиженію желанной цѣли... И куда исчезло то сочувствіе къ общественнымъ организаціямъ, о которомъ гр. Бобринскій счелъ нужнымъ заявить въ своей бесѣдѣ съ представителями печати? Безъ сотрудничества съ ними, — говорилъ онъ тогда, — онъ не можетъ себѣ представить никакой плодотворной общественной и государственной работы; почему же теперь ему непріятенъ ихъ голосъ и онъ счелъ нужнымъ предостеречь противъ него руководимое имъ собраніе?

Одновременно съ вопросомъ о хлѣбѣ общее вниманіе обращаетъ на себя вопросъ о сахарѣ. Въ особенности интересны проникшія въ печать свѣдѣнія о „Центросахарѣ" — учрежденіи, на которое возложена была забота о правильномъ распредѣленіи даннаго продукта. Исторію этого учрежденія разсказалъ, на недавнемъ московскомъ собраніи уполномоченныхъ, участвовавшій въ управленіи

имъ И. Г. Чернышъ. Созданное въ 1915 г. съ цѣлью упорядочить сахарное дѣло, оно установило предѣльную цѣну въ 5 р. 10 к. за пудъ сахара. Сахарозаводчики возражали, что правительству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ частную торговлю, что цѣны на сахаръ назначены слишкомъ низкія. Заводы не выполняли нарядовъ, отпускали сахаръ въ количествѣ гораздо меньшемъ противъ требуемаго. Не было налицо вагоновъ для перевозки сахара, а если они находились, то ими пользовались частныя лица, обходя правила о нарядахъ, распоряженія „Центросахара" и твердыя цѣны. Спекуляція также тормозила дѣятельность „Центросахара". Московскій спекулянтъ Берензонъ потребовалъ вывоза для него сахара. Ему сказали, что этого нельзя сдѣлать, не нарушая распоряженія министра А. Н. Наумова. „Мы его уже убрали", — отвѣтилъ Берензонъ [1])... Въ настоящее время И. Г. Чернышъ и руководившій вмѣстѣ съ нимъ дѣлами „Центросахара" М. Е. Суковкинъ не участвуютъ болѣе въ управленіи этимъ учрежденіемъ... Понятно, что московское собраніе выразило имъ сожалѣніе по поводу ихъ ухода; понятно также, что трудно быть увѣреннымъ въ осуществленіи надеждъ на „удовлетвореніе, въ умѣренной степени, потребности въ сахарѣ", выраженныхъ гр. Бобринскимъ во время его бесѣды съ представителями печати. „Я не стану отрицать, сказалъ онъ тогда, что въ сахарной промышленности, какъ и въ другихъ областяхъ, встрѣчаются злонамѣренныя лица, старающіяся извлечь пользу изъ экономическихъ затрудненій, въ которыя поставлена страна великой войной. Но я имѣю основаніе утверждать, что дѣятельность названныхъ лицъ — явленіе болѣе или менѣе случайное". Едва ли, однако, можно считать случайной невзгоду, постигшую, въ лицѣ завѣдывавшихъ „Центросахаромъ", энергичныхъ охранителей общественнаго интереса.

На „исключительную опасность", представляемую реквизиціями, гр. Бобринскій указывалъ и при обсужденіи въ продовольственномъ совѣщаніи твердыхъ цѣнъ на скотъ. Онъ признавалъ необходимымъ, чтобы на примѣненіе этой мѣры уполномоченные каждый разъ испрашивали его согласіе. Поддерживали его приглашенные имъ въ засѣданіе члены Госуд. Совѣта кн. Голицынъ и Мясоѣдовъ и управлявшій тогда земскимъ отдѣломъ Невѣровъ, утверждавшіе, что реквизиція не нужна, что твердыя цѣны, разъ онѣ соотвѣтствуютъ себѣстоимости, могутъ существовать и безъ нея, и что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ примѣнять ее къ собствен-

[1]) Съ большею рельефностью этотъ эпизодъ изложенъ въ полу-оффиціальномъ письмѣ, выписка изъ котораго напечатана въ № 196 „Русскихъ Вѣдомостей". Впечатлѣніе отъ него получается очень странное.

никамъ скота, допуская ее развѣ для скотопромышленниковъ. Совѣщаніе не согласилось съ этимъ мнѣніемъ и постановило допустить реквизицію скота въ Сибири на общемъ основаніи.

Неблагопріятнымъ для правильнаго хода продовольственнаго дѣла представляется общее отношеніе къ нему министра земледѣлія. „Продовольственное дѣло, — сказалъ гр. Бобринскій во время бесѣды съ представителями печати, — совершенно чуждо основнымъ задачамъ министерства земледѣлія; оно было пристегнуто къ нему въ самомъ началѣ войны А. В. Кривошеинымъ, добровольно взявшимъ на себя эту обузу... Вопросы продовольственные для министерства земледѣлія побочные, временные и спеціально вызванные войною". Къ какому вѣдомству всего правильнѣе было бы отнести продовольственное дѣло — это въ настоящую минуту вопросъ академическій; оно почти два года находится въ рукахъ министерства земледѣлія, для него образовался тамъ многочисленный персоналъ и такъ или иначе налажена работа, которую странно было бы прерывать или перестраивать въ силу междувѣдомственныхъ соображеній. Едва ли, при томъ, министерство земледѣлія менѣе другихъ можетъ считаться приспособленнымъ къ завѣдыванію продовольственнымъ дѣломъ; въ тѣхъ размѣрахъ, какіе создала для него небывалая по продолжительности и тяжести война, оно было бы непривычнымъ и труднымъ и для всякаго другого министерства. По прежде бывшимъ примѣрамъ оно скорѣе всего могло бы быть предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ; но развѣ это министерство удачно имъ руководило при условіяхъ, несравненно менѣе трудныхъ и сложныхъ? Не убѣдительна и ссылка гр. Бобринскаго на особое министерство снабженій, учрежденное у нашихъ союзниковъ; у нихъ оно удалось, но это еще не значитъ, чтобы столь же успѣшной оказалась пересадка его на нашу почву... Какъ бы то ни было, признаніе вопроса „пристегнутымъ", „побочнымъ" — плохая гарантія правильной его постановки благополучнаго его рѣшенія.

Въ вступительной рѣчи, съ которою гр. Бобринскій обратился, 6-го августа къ чинамъ своего вѣдомства, онъ назвалъ существенною частью своей программы поддержку между помѣщиками и крестьянами такихъ добрососѣдскихъ отношеній, какія, по его словамъ, установились издавна въ его наслѣдственномъ имѣніи. Не меньше ли, однако, забота о такой поддержкѣ подходитъ къ кругу дѣйствій министерства земледѣлія, чѣмъ „побочный" для него, будто бы, продовольственный вопросъ? Да и вообще можно ли видѣть въ установленіи „добрососѣдскихъ" сословныхъ или классовыхъ отношеній задачу какого бы то ни было административнаго вѣдомства? Идиллія, въ родѣ той, которая въ Смѣлѣ, по словамъ гр. Бобринскаго, возбу-

ждала удивленіе „иностраннаго экономиста“, уже въ крѣпостныя времена была далека отъ реальныхъ условій нашей жизни — и не имѣетъ съ ними ничего общаго въ настоящее время. Не она рисуется передъ воображеніемъ нашихъ крайнихъ правыхъ — и не ссылкой на нее можно отвѣтить на приводимый въ рѣчи гр. Бобринскаго вопросъ: „какъ станетъ представитель объединеннаго дворянства защищать интересы крестьянъ“?

Выше упомянуто о серьезномъ значеніи, которое представители военной власти придаютъ успокоенію и удовлетворенію рабочихъ, трудящихся для обороны. Само собою разумѣется, что эта безусловно важная цѣль можетъ быть достигнута не однимъ только установленіемъ твердыхъ и умѣренныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Еще важнѣе укрѣпленіе въ средѣ рабочихъ увѣренности, что они состоятъ подъ охраной закона, что ограждена ихъ личная свобода и не стѣснена ихъ правомѣрная дѣятельность. Этой увѣренности въ рабочихъ кругахъ, повидимому, не существуетъ. Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій центральнаго военно-промышленнаго комитета представители рабочихъ возбудили вопросъ о мѣрахъ, принимаемыхъ мѣстной администраціей противъ рабочихъ группъ военно-промышленныхъ комитетовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти группы совершенно разгромлены, въ другихъ — обезсилены произведенными въ ихъ средѣ (конечно — въ административномъ порядкѣ) арестами и высылками. Предсѣдатель центральнаго военно-промышленнаго комитета обратился по этому поводу къ министру внутреннихъ дѣлъ съ письмомъ, выражающимъ опасеніе за дальнѣйшую дѣятельность комитетовъ. „Сознаніе, — говоритъ А. И. Гучковъ, — что настоящая война есть война народная, въ свое время побудило ввести въ составъ военно-промышленныхъ комитетовъ представителей отъ всѣхъ классовъ общества и, въ частности, отъ рабочихъ. Имѣлось въ виду, что ихъ участіе можетъ послужить къ увеличенію военныхъ средствъ нашей страны. Не было никакихъ основаній опасаться, что это участіе принесетъ какой-либо вредъ государственному порядку. Напротивъ, оно только способно укрѣпить въ рабочихъ массахъ сознаніе важности момента и создать въ нихъ извѣстный подъемъ и желаніе споспѣшествовать силенію нашей военной мощи... Между тѣмъ, администрація на мѣстахъ, не получивъ, повидимому, соотвѣтствующихъ указаній отъ центральной власти, продолжаетъ старую политику съ рабочими ментами. Въ однихъ мѣстахъ рабочіе не допускаются даже вовсе къ выбору представителей въ военно-промышленные комитеты, въ

другихъ — выбранные подвергаются аресту и высылкѣ... Эта система неминуемо посѣетъ раздраженіе въ рабочей средѣ, опасное равнодушіе къ интересамъ и цѣлямъ борьбы". Оказало ли письмо А. И. Гучкова какое-либо дѣйствіе на министерство внутреннихъ дѣлъ — это покажетъ время. Система, противъ которой оно направлено, глубоко вкоренилась въ административные нравы; многолѣтній опытъ, наглядно доказывающій ея несостоятельность, не поколебалъ до сихъ поръ ея основъ — но все же трудно допустить, что ея не сдвинетъ съ мѣста стихійный порывъ, вызванный великою войною.

Прекращенія административной расправы недостаточно для обезпеченія за рабочими того положенія, которое они должны занимать въ правовомъ государствѣ: необходимы мѣры положительнаго характера, улучшающія бытъ всего рабочаго класса. Кое-что можетъ быть достигнуто пересмотромъ закона о рабочихъ старостахъ, крайняя неудовлетворительность котораго съ самаго начала обратила его въ мертвую букву. Въ представленіи, съ которымъ министръ торговли и промышленности вошелъ по этому предмету въ совѣтъ министровъ, указаны главные недостатки закона и способы ихъ исправленія. Учрежденіе въ данномъ предпріятіи рабочихъ старостъ предоставлено теперь исключительно управленію предпріятія; предполагается допустить учрежденіе ихъ и по заявленію одной трети всего наличнаго состава рабочихъ, а также по иниціативѣ министра. Намѣчается отмѣна правила, въ силу котораго для учрежденія старостъ требуется разрѣшеніе губернскаго начальства. По дѣйствующему закону, рабочимъ предоставляется лишь избирать кандидатовъ, изъ числа которыхъ старосты назначаются управленіемъ предпріятія; предполагается ввести избраніе старостъ непосредственно самими рабочими, при чемъ избираемы могутъ быть и женщины. Старостамъ предоставляется право созывать общія собранія рабочихъ. Отмѣняется дискреціонное право губернатора увольнять старостъ, „не удовлетворяющихъ своему назначенію". Все это безспорно измѣняетъ къ лучшему содержаніе неудачнаго закона; но принести желанные плоды новый порядокъ можетъ лишь въ связи съ общимъ прогрессомъ рабочаго законодательства.

Затрудненій на пути къ этому прогрессу слѣдуетъ ожидать какъ со стороны правительства, такъ и со стороны предпринимательскихъ промышленныхъ организацій. Это доказываетъ съ особенною ясностью судьба вопроса объ устройствѣ при военно-промышленныхъ комитетахъ примирительныхъ камеръ. За учрежденіе ихъ высказалась Госуд. Дума, высказалось совѣщаніе по оборонѣ; но къ разработкѣ соотвѣтствующаго законопроекта министерство

торговли и промышленности не приступило. Тогда иниціативу движенія взялъ на себя центральный военно-промышленный комитетъ, пользуясь тѣмъ, что въ его составѣ имѣются представители рабочихъ. Онъ обратился къ петроградскому обществу фабрикантовъ и заводчиковъ съ предложеніемъ избрать съ своей стороны уполномоченныхъ въ примирительную камеру. Общество отвѣчало отказомъ, заявляя, что признаетъ допустимыми только примирительныя камеры, установленныя въ законодательномъ порядкѣ и обязательныя для обѣихъ сторонъ. Этотъ отказъ былъ повторенъ представителемъ общества, В. В. Дюфуромъ, въ многолюдномъ собраніи, происходившемъ 15-го августа. Мотивировалъ онъ его невозможностью примирительныхъ камеръ при отсутствіи правовыхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій; „нельзя, — воскликнулъ онъ, — начинать постройку зданія съ крыши". Несостоятельность этого сравненія обнаруживаетъ съ полною ясностью всю шаткость, всю искусственность тезиса: факультативная примирительная камера была бы не „крышей", а временной постройкой, замѣняющей настоящее зданіе... Противъ мнѣнія г. Дюфура выступили и представители науки, и представители труда. Профессоръ А. А. Мануиловъ показалъ, что при условіяхъ, существующихъ у насъ въ данную минуту, факультативныя примирительныя камеры послужили бы первымъ весьма важнымъ шагомъ къ разрѣшенію вопроса въ законодательномъ порядкѣ. По справедливому замѣчанію одного изъ представителей рабочей группы, фабриканты, уклоняясь отъ разрѣшенія конфликтовъ путемъ неформальнаго примирительнаго разбирательства, свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ о заинтересованности своей не въ организаціи, а въ дезорганизаціи рабочаго класса. „Если бы русскіе промышленники, — воскликнулъ В. М. Абросимовъ, — были искренни въ своихъ ссылкахъ на осуществленіе у насъ профессіональныхъ организацій, то теперь не пришлось бы центральному военно-промышленному комитету употреблять столько усилій для налаживанія такихъ организацій". Что рабочіе достигли высокой степени политической зрѣлости, это представители ихъ доказали своимъ голосованіемъ: сознавая, что при отказѣ организованныхъ промышленниковъ отъ участія въ примирительныхъ камерахъ послѣднія могутъ быть обречены на бездѣйствіе, они все-таки вотировали за нихъ вмѣстѣ со всѣми другими членами собранія (изъ котораго до подачи голосовъ удалился В. В. Дюфуръ). Во время преній было указано на то, что общество фабрикантовъ и заводчиковъ пользуется большою силой, большимъ вліяніемъ и можетъ предупредить обращеніе отдѣльныхъ предпринимателей къ примирительному разбирательству; по „чернымъ спискамъ", имъ соста-

вляемымъ, рабочихъ не принимаютъ ни на одинъ заводъ. Если это такъ, то единственнымъ средствомъ сломить его противодѣйствіе представляется законодательная регламентація примирительнаго разбирательства.

Поистинѣ удивительна та легкость, съ которою совершаются перемѣны фронта въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати. Яркій примѣръ этого рода данъ на-дняхъ газетой г. Скворцова, въ которой, по мѣткому выраженію „Русскихъ Вѣдомостей", прочно установился обычай радостно привѣтствовать приходящее и не добромъ поминать уходящее начальство. Когда, 1-го марта, состоялось, по представленію А. Н. Волжина, разрѣшеніе совмѣстныхъ докладовъ синодальнаго оберъ-прокурора и первоприсутствующаго въ Св. Синодѣ, „Колоколъ" отнесъ день принятія этой мѣры къ числу „тѣхъ знаменательныхъ датъ, съ которыми связаны крупныя событія и явленія въ жизнедѣятельности церковнаго управленія". Теперь та же газета утверждаетъ, что „понимающіе церковную жизнь съ глубокой тревогой встрѣтили актъ 1-го марта", и иронизируетъ надъ бывшимъ оберъ-прокуроромъ, пребывающимъ въ сладкомъ сознаніи, что онъ совершилъ дѣло исторической важности, много полезное и важное для церкви". Предметомъ восторженныхъ похвалъ г. Скворцова является теперь „осторожная и дальнозоркая церковно-соборная политика" петроградскаго митрополита, благодаря которой мысль о совмѣстныхъ докладахъ „замерла" и осталась вовсе безъ исполненія. Необходимо, по мнѣнію г. Скворцова, чтобы, „за первоіерархомъ осталось право самостоятельнаго доклада Монарху". Но развѣ такое право въ настоящее время не существуетъ? И развѣ оно устраняетъ возможность совмѣстныхъ докладовъ представителей церковнаго и гражданскаго управленія? Развѣ нѣтъ никакой разницы между дѣлами исключительно церковными и дѣлами, въ которыхъ заинтересованы какъ церковь, такъ и государство? Конечно, отношенія между церковью и государствомъ, въ настоящемъ ихъ видѣ оставляютъ желать весьма многаго; конечно, ненормально самое существованіе „вѣдомства православнаго исповѣданія", — но пока оно имѣется налицо, въ дѣлахъ церковныхъ не можетъ не раздаваться, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ рамкахъ, голосъ свѣтской власти. Важно не то, какъ происходятъ доклады — самостоятельно или совмѣстно; важно то, чтобы весь строй нашей политической жизни обезпечивалъ независимость церкви отъ государства и государства отъ церкви. Пока этого нѣтъ, ни церковь, ни государство ничего не выиграютъ отъ перехода нѣкоторыхъ

функцій изъ рукъ оберъ-прокурора въ руки „первоіерарха“, какой бы титулъ онъ ни носилъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Самъ по себѣ совершенно ничтожный, инциндентъ съ г. Булацелемъ заслуживаетъ вниманія только какъ признакъ времени. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что безвѣстный и безавторитетный журналистъ долженъ былъ лично принести повинную передъ посломъ одной изъ союзныхъ съ Россіей великихъ державъ! Стоило ли обращать вниманіе на выкрикиванья, раздающіяся въ пустомъ пространствѣ и носящія въ себѣ явные слѣды нравственнаго и умственнаго убожества? Оказывается, однако, что и самая явная неправда, повторяемая изо дня въ день съ все возрастающимъ апломбомъ, можетъ, наконецъ, истощить самое невозмутимое терпѣніе и вызвать потребность въ реакціи, когда достаточно было презрительнаго молчанія. Редакторъ „Россійскаго Гражданина“ такъ настойчиво, такъ утвердительно говорилъ о значеніи своемъ въ вліятельныхъ сферахъ, что пассивное отношеніе къ его выходкамъ стало трудно переносимымъ; явилась потребность устранить всякое сомнѣніе въ ихъ абсолютномъ несоотвѣтствіи съ истиной. Г. Булацель, явясь къ представителю Англіи, призналъ, что утвержденія его о дѣйствіяхъ британской арміи во Франціи безусловно ложны. Ошибка всегда возможна, часто извинительна; но ложь принадлежитъ къ числу тѣхъ грѣховъ, которые не прощаются публицисту и лишаютъ его права на довѣріе... Что къ покаянію, которое наложилъ на себя г. Булацель, присоединилось административное взысканіе, въ видѣ отдачи его газеты подъ предварительную цензуру — объ этомъ нельзя не пожалѣть. Эта дискреціонная мѣра не только нарушаетъ свободу, которою должно пользоваться всякое печатное слово: она мѣшаетъ нашимъ крайнимъ правымъ показать себя во всей красѣ, во всей „своеобразности“ своихъ взглядовъ и своихъ стремленій... Исторія съ г. Булацелемъ имѣетъ еще другое значеніе: она показываетъ наглядно, какъ важно положить конецъ тому, что даетъ поводъ къ толкамъ о какой-то солидарности между властью и крайней правой печатью...

Мало замѣченною въ нашей печати прошла вѣсть о смерти М. Ѳ. Громницкаго. Было время, когда онъ занималъ, и занималъ по праву, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди прокура-

туры, созданной судебными уставами Императора Александра II. Его имя не безъ основанія называли тогда рядомъ съ именемъ А. Ѳ. Кони. Мало похожіе другъ на друга, они оба достигали вершинъ судебнаго краснорѣчія. Громницкій обладалъ даромъ убѣждать, не увлекая; его рѣчь, простая, безыскусственно прозрачная, строго логичная, все освѣщала ровнымъ свѣтомъ, не оставляя въ умѣ слушателей никакихъ сомнѣній. Къ защитѣ онъ чувствовалъ менѣе опредѣленное призваніе и недолго оставался присяжнымъ повѣреннымъ. Въ концѣ жизни, состоя предсѣдателемъ департамента судебной палаты, онъ показалъ себя, по словамъ лицъ, знакомыхъ съ этой стороной его дѣятельности, идеальнымъ судьею; но незабываемую страницу онъ внесъ въ исторію первыхъ лѣтъ судебной реформы, какъ достойный соратникъ и соперникъ князя А. И. Урусова и Ѳ. Н. Плевако.

P. S. Послѣдній день съѣзда уполномоченныхъ министерства земледѣлія былъ ознаменованъ повышеніемъ твердыхъ цѣнъ на разные сорта хлѣба въ размѣрѣ отъ 40 до 60%, между тѣмъ какъ въ рѣчи Г. В. Глинки, при открытіи съѣзда, maximum повышенія предполагался въ 20—26%. Въ тотъ же день стало офиціально извѣстно увольненіе Г. В. Глинки отъ должности товарища министра земледѣлія. Заслуги его въ продовольственномъ дѣлѣ, высоко оцѣненныя военнымъ министромъ, были признаны на съѣздѣ въ рѣчи г. Гербеля, возбудившей, какъ и отвѣтъ Г. В. Глинки, живое одобреніе среди присутствовавшихъ. Въ глубокомъ молчаніи, наоборотъ, была выслушана рѣчь преемника Г. В. Глинки, г. Невѣрова... Въ засѣданіи особаго продовольственнаго совѣщанія, состоявшемся 31-го августа, введеніе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ по всѣмъ сдѣлкамъ принято большинствомъ 12 голосовъ противъ восьми. Съ большинствомъ голосовали члены Госуд. Думы Воронковъ, гр. Капнистъ и Шаховской, члены Госуд. Совѣта Бразоль и Савицкій, представители союзовъ земскаго и городского, товарищъ министра земледѣлія, директоръ департамента земледѣлія, завѣдующій продовольственнымъ дѣломъ, главноуполномоченный по закупкѣ мяса для арміи и представитель военнаго министерства, съ меньшинствомъ — члены Госуд. Думы Кривцовъ, Казаринъ и Сафоновъ члены Госуд. Совѣта Мейштовичъ и гр. Толстой и представители вѣдомствъ финансовъ, торговли и промышленности и госуд. контроля. Въ засѣданіи 2-го сентября совѣщаніемъ, по большинству голосовъ, утверждены высокія цѣны на хлѣбъ, намѣченныя съѣздомъ уполномоченныхъ, несмотря на энергичный протестъ гг. Воронкова

и Громана. На этотъ разъ представители вѣдомствъ, кромѣ министерствъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ, голосовали съ меньшинствомъ. За несогласіемъ военнаго министра съ высокими цѣнами, вопросъ переходитъ на разсмотрѣніе соединенныхъ совѣщаній продовольственнаго и по оборонѣ, и, слѣдовательно, надежда на правильное его рѣшеніе еще не совсѣмъ потеряна.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Вопросъ о принудительномъ трудѣ крестьянъ на помѣщиковъ. — Государственная необходимость и частный интересъ землевладѣльцевъ. — Сельскохозяйственныя работы военноплѣнныхъ. — Походъ аграріевъ на земли колонистовъ и на хлѣбныя цѣны. — Еще о польскомъ вопросѣ.

Въ условіяхъ нашего разновластія, отмѣна обязательнаго постановленія калужскаго губернатора о принудительной уборкѣ крестьянами помѣщичьихъ полей, состоявшаяся въ экстренномъ порядкѣ, по телеграфу, коснулась одной только Калужской губерніи, а отнюдь не всѣхъ мѣстностей, гдѣ эта мѣра была принята. Уже послѣ того, какъ въ Калужской губерніи принудительный крестьянскій трудъ былъ отмѣненъ, въ газетахъ отмѣчалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской и Смоленской губерній аналогичныя обязательныя постановленія продолжаютъ дѣйствовать. А въ телеграммѣ отъ 23 августа „Русское Слово“ оповѣстило, что и на Витебскую губернію „распространено обязательное постановленіе, согласно которому сельскимъ рабочимъ, бѣженцамъ и прочимъ лицамъ обоего пола, въ возрастѣ отъ 15-ти до 50-ти лѣтъ, способнымъ къ сельскимъ работамъ и свободнымъ ко дню опубликованія постановленія, вмѣняется въ обязанность немедленно поступить на работы по уборкѣ полей въ хозяйства, которыя, по военнымъ обстоятельствамъ, не въ состояніи сами убрать урожай за недостаткомъ рабочихъ рукъ“.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не сказать, что иниціаторы возрожденія крестьянскаго принудительнаго труда, по крайней мѣрѣ, для нынѣшняго года, запоздали. Августъ мѣсяцъ самъ собой быстро ликвидировалъ вопросъ въ его практической постановкѣ. Тѣмъ не менѣе вопросъ, поднятый обязательнымъ постановленіемъ калужскаго губернатора, не можетъ не привлекать къ себѣ самаго серьезнаго вниманія, и не только со стороны принципіальной, ибо имѣются несомнѣнные показатели того, что въ ближайшее же время ему предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ боевыхъ законодательныхъ вопросовъ. Чрезвычайно симптоматичны мысли, которыя господствуютъ по данному вопросу въ министерствахъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ.

Какъ сообщалось въ газетахъ, немедленно по опубликованіи калужскимъ губернаторомъ его обязательнаго постановленія, отдѣломъ сельской экономіи министерства земледѣлія былъ составленъ докладъ, въ которомъ категорическимъ образомъ доказывалась „полная незакономѣрность распоряженія, устанавливающаго совершенно новые институты гражданскихъ правоотношеній“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдомствѣ, руководимомъ бывшимъ главою объединеннаго дворянства, гр. А. А. Бобринскимъ, сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“ было заявлено, что вопросъ о принудительномъ сельскохозяйственномъ трудѣ „неизбѣжно долженъ быть поднятъ, въ виду остраго недостатка въ рабочихъ рукахъ“ и что соотвѣтственная мѣра должна только „носить не случайный и частный, а планомѣрный и общій характеръ“. Такимъ образомъ, въ обязательномъ постановленіи калужскаго губернатора возраженія со стороны министерства земледѣлія встрѣтило не существо возрожденія института крѣпостного подневольнаго труда крестьянъ на помѣщиковъ, а лишь формальная „незакономѣрность“ введенія пережитка крѣпостного права въ одной губерніи и властью администраціи.

Если такъ, то, очевидно, что министерство земледѣлія или уже включило, или въ ближайшемъ времени включитъ въ число своихъ очередныхъ задачъ выработку законопроекта, который къ будущей лѣтней кампаніи подвелъ бы подъ „неизбѣжную“ мѣру основанный на законѣ и „общій“ фундаментъ. Тому же газетному сотруднику было объяснено и главное обоснованіе этого законопроекта: „одновременно съ нормированіемъ и распредѣленіемъ различныхъ предметовъ потребленія необходимо нормировать и трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ“.

Представители министерства внутреннихъ дѣлъ, бесѣду съ которыми имѣлъ сотрудникъ „Русскаго Слова“, высказывались еще болѣе откровенно и опредѣленно. Они говорили: „По свѣдѣніямъ, получаемымъ отъ мѣстной администраціи, всѣ большія экономіи испытываютъ обостренную нужду въ рабочихъ рукахъ. Крестьяне, снявъ хорошій урожай со своихъ полей и имѣя накопленныя деньги, совершенно не желаютъ наниматься на работы. По донесеніямъ съ мѣстъ, избытокъ средствъ тратится крестьянами на наряды, на улучшенную пищу, а остатокъ припрятывается. Въ то же время нигдѣ не замѣчается стремленія къ улучшенію своего хозяйства. Крыши попрежнему крыты соломой, и никто не думаетъ о томъ, чтобы покрыть ихъ желѣзомъ. Увеличенія покупокъ сельскохозяйственкыхъ машинъ тоже не замѣчается. Вмѣсто того, чтобы улучшать свое хозяйство, затрачивая на это пріобрѣтенныя средства, крестьяне, какъ сообщаетъ мѣстная администрація, предпочитаютъ

проводить время въ праздности. Въ результатѣ, десятки тысячъ десятинъ засѣянныхъ полей изъ-за отсутствія рабочихъ рукъ не могутъ быть убраны. Хлѣбъ осыпается и гніетъ на корню". Въ виду всего этого, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ находятъ, „что такая мѣра, какъ принудительное привлеченіе къ сельскохозяйственнымъ работамъ, оправдывается условіями времени", такъ какъ „гибель милліоновъ пудовъ хлѣба изъ-за недостатка рабочихъ рукъ отразится весьма печально на хозяйствѣ страны и на снабженіи населенія и арміи". Сверхъ другихъ аргументовъ, сотруднику „Русскаго Слова" было указано на примѣръ Германіи, „гдѣ обязательный трудъ давно примѣняется".

Эту послѣднюю ссылку, какъ мотивъ какихъ бы то ни было мѣропріятій, рекомендуемыхъ къ принятію у насъ, несомнѣнно, слѣдуетъ исключить. Во-первыхъ, что и какъ сейчасъ дѣлается въ Германіи, мы въ точности не знаемъ и, по условіямъ войны, знать не можемъ. Во-вторыхъ, слишкомъ ужъ много и оффиціальная, и неоффиціальная Россія говоритъ и говорила о Германіи для того, чтобы указаніе на нее, какъ на примѣръ, въ какомъ бы то ни было отношеніи могло быть убѣдительно. И если ссылка на примѣръ Германіи заслуживаетъ вниманія, то не по ея существу, а потому, что въ устахъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ она чрезвычайно знаменательна. Къ подобной аргументаціи своихъ мнѣній люди прибѣгаютъ тогда, когда ими руководитъ желаніе во что бы то ни стало доказать то, чего доказать нельзя. А потому она гораздо болѣе свидѣтельствуетъ о страстности отношенія къ вопросу, нежели о намѣреніи дѣйствительно брать въ данномъ отношеніи примѣръ съ Германіи.

Не разумомъ, а страстью желаній продиктованы и другіе мотивы, сообщенные въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сотруднику „Русскаго Слова". Министерство земледѣлія намѣревается, повидимому, трактовать законодательный вопросъ о принудительномъ трудѣ крестьянъ на помѣщиковъ исключительно въ плоскости сужденій о государственной необходимости. Министерство внутреннихъ дѣлъ одновременно становится и на карательно-воспитательную точку зрѣнія, устанавливая и противопоставляя два исходныхъ положенія: „всѣ большія экономіи испытываютъ обостренную нужду въ рабочихъ рукахъ" и „крестьяне совершенно не желаютъ наниматься на работы".

Въ былое время это нежеланіе находило бы простое, всепокрывавшее еще недавно объясненіе — въ народномъ пьянствѣ. Теперь винныя лавки закрыты, и пользоваться, въ интересахъ „большихъ экономій", привычнымъ и избитымъ доводомъ не приходится. А

потому обстоятельства вынудили искать иныхъ объясненій. И страсть желаній объясненія нашла. Крестьянамъ бросается упрекъ въ томъ, что они имѣютъ „накопленныя деньги". При этомъ трата накопленныхъ денегъ на наряды составляетъ лишь одно обоснованіе упрека. Рядомъ съ нимъ поставлены и другія; трата на „улучшенную пищу" и „припрятываніе" остатка. Радѣтели о крестьянскомъ благополучіи желали бы, чтобы крестьяне не несли сбереженій въ сберегательныя кассы и чтобы они, продолжая жить впроголодь, какъ жили въ дни торжества надъ русской жизнью кабака, перекрыли соломенныя крыши желѣзомъ и замѣнили цѣпы, косы и серпы сельскохозяйственными машинами. Но неужели эти радѣтели не знаютъ, что кровельное желѣзо продается сейчасъ въ деревнѣ въ десять разъ дороже, чѣмъ продавалось до войны, и что за сельскохозяйственныя машины спрашиваютъ въ складахъ тоже совершенно нелѣпыя цѣны?

Конечно, и чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, и владѣльцы „большихъ экономій", и то, и другое отлично знаютъ. И нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что всѣ упреки, которые, въ связи съ недостаткомъ въ деревнѣ рабочихъ рукъ, вдругъ посыпались на крестьянство, — не что иное, какъ перепѣвы тѣхъ же старыхъ пѣсенъ, такъ хорошо знакомыхъ и по времени, предшествовавшему введенію института земскихъ начальниковъ, и по первымъ годамъ послѣконституціонной реакціи. Упреки, направленные противъ цѣлые вѣка голодавшихъ людей, въ тратахъ на „улучшенную пищу" и въ „припрятываніи" денегъ, слишкомъ для этого ярки и слишкомъ характерны. Разница коренится въ немногомъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ радѣтеляхъ о крестьянскомъ благополучіи говорила не столько жадность наживы, сколько страхъ разоренія. Послѣ 1905—1906 гг. они были охвачены политическимъ испугомъ. Теперь не даютъ покоя землевладѣльцамъ чудовищные барыши промышленниковъ и всякаго рода „мародеровъ тыла"...

Нельзя отрицать, само собою разумѣется, что минувшая лѣтняя кампанія прошла съ значительными затрудненіями. Рабочія руки расцѣнивались очень дорого и ихъ было мало. Весьма возможно, что кое-гдѣ хлѣбъ былъ убранъ не во-время, осыпался и не далъ того количества зерна съ десятины, на которое давалъ надежды урожай. Но отсюда до утвержденія о государственной опасности создавшагося будто бы затрудненія въ обезпеченіи продовольствіемъ населенія и арміи еще очень далеко. Эта опасность, во всякомъ случаѣ, требуетъ доказательствъ съ цифрами въ рукахъ. Ибо какой бы ни былъ въ итогѣ минувшей кампаніи зерновой недо-

боръ, онъ съ избыткомъ покрывается отсутствіемъ внѣшняго вывоза. При отсутствіи вывоза за границу, у насъ хлѣба не можетъ не хватить, какъ бы ни была сокращена изъ-за дороговизны рабочихъ рукъ посѣвная площадь въ „большихъ экономіяхъ“ и сколько бы въ этихъ экономіяхъ зерна ни осыпалось. Крестьяне свое зерно сняли, и сняли они, согласно полученнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ мѣстной администраціи свѣдѣніямъ, „хорошій урожай“. Это во-первыхъ. А второе заключается въ томъ, что говорить о недостаткѣ въ Россіи хлѣба, при отсутствіи заграничнаго вывоза и при условіи, что рѣшительно нигдѣ не было недорода, столь же, по меньшей мѣрѣ, рискованно, какъ говорить, что можетъ у насъ оказаться и недостатокъ топлива, въ смыслѣ имѣющагося въ странѣ запаса лѣса, угля и нефти.

Затрудненія съ уборкой травъ и хлѣба имѣли частный характеръ, и частный же характеръ имѣютъ вытекающія отсюда послѣдствія. Но допустимъ, что къ будущему году можетъ наступить и государственная необходимость принятія мѣръ для обезпеченія арміи и населенія основнымъ продуктомъ питанія — хлѣбомъ. Оправдаетъ ли тогда эта необходимость принудительную нормировку труда въ сельскомъ хозяйствѣ?

Аналогія, устанавливаемая въ министерствѣ земледѣлія между нормированіемъ и распредѣленіемъ предметовъ потребленія и нормировкой труда, грѣшитъ явнымъ смѣшеніемъ того, чего смѣшивать нельзя никогда. Нормированіе предметовъ потребленія затрагиваетъ одни имущественные интересы; нормировка же труда — не только интересы имущественные, но и личные. А потому, одно дѣло ограничить собственника въ свободѣ распоряжаться его имуществомъ, въ правѣ продавать продукты производства и обмѣна по „вольной“ цѣнѣ и въ правѣ продавать ихъ тому, кому онъ хочетъ, — и совершенно другое ограничивать человѣка въ его правѣ на свободный трудъ. Государственная необходимость знаетъ и ограниченія въ свободѣ труда, знаетъ трудъ принудительный, и не только за установленное помимо воли рабочаго вознагражденіе, но и вовсе безвозмездный. Лучшій и самый полный примѣръ такого принудительнаго труда — повинность военной службы. Но какъ эта, такъ и всякая другая личная повинность тѣмъ и отличаются отъ рабства или отъ крѣпостного состоянія человѣка, что онѣ ставятъ подлежащаго принужденію къ подневольному труду гражданина въ непосредственныя отношенія съ государствомъ. Въ этого рода нормировкѣ никакого распредѣленія труда, подобнаго распредѣленію предметовъ потребленія, быть не можетъ. Иначе создаются не отношенія государственной повинности между

государствомъ и его подданнымъ, а отношенія рабства между тѣмъ, чей трудъ, въ порядкѣ распредѣленія, безвозмездно или за опредѣленную плату отданъ, и тѣмъ, кому онъ по распредѣленію предоставленъ.

Другими словами, государство можетъ, во имя неустранимой инымъ путемъ государственной необходимости, заставлять гражданина работать на себя — и не можетъ заставлять его работать на другого такого же, какъ и онъ, гражданина. Въ противномъ случаѣ, никакими разсужденіями и доводами нельзя затуманить простой и безспорный выводъ, что „новый институтъ гражданскихъ правоотношеній“ явится не чѣмъ инымъ, какъ возрожденіемъ крѣпостного права. Еще съ прошлаго года у насъ существуютъ военнообязанные рабочіе, т. е. такіе рабочіе-землекопы, каменщики и плотники, которые отнюдь не по своей волѣ производятъ разнообразныя, необходимыя въ интересахъ войны, работы въ районахъ, близкихъ къ фронтамъ. И этотъ новый институтъ возраженій не встрѣчаетъ. Но не встрѣчаетъ онъ ихъ не потому, что работы землекопныя, плотницкія и строительныя тяжелѣе, легче или нужнѣе работъ сельскохозяйственныхъ, а потому, что это — институтъ отношеній публично-правовыхъ. Въ принудительныхъ же сельскозяйственныхъ работахъ крестьяне работали, гдѣ такія работы были въ нынѣшнемъ году введены, не на государство и не на казну, а на помѣщиковъ. Они убирали хлѣбъ, принадлежащій частнымъ лицамъ. Своимъ трудомъ они создавали, прежде всего, имущественную выгоду владѣльцамъ большихъ и малыхъ экономій. Если же вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличивали общій запасъ зерна въ странѣ, то это было тѣмъ результатомъ, который оставался незамѣтнымъ какъ для нихъ, такъ для тѣхъ, на чьихъ поляхъ они работали.

Если бы государственная необходимость продиктовала неизбѣжность принудительнаго сельскохозяйственнаго труда, то логическій выходъ могъ бы быть одинъ: государство должно было бы начать съ реквизиціи частновладѣльческихъ земель и лишь послѣ того оно могло бы ввести на реквизированныхъ и отданныхъ въ казенное или общественное управленіе земляхъ принудительный трудъ „лицъ обоего пола“, „способныхъ къ сельскимъ работамъ“. Только при такой постановкѣ дѣла было бы справедливое двустороннее принужденіе и не было бы возсозданія крѣпостного права. Едва ли, однако, этотъ логическій выходъ встрѣченъ былъ бы привѣтствіями оттуда, откуда сейчасъ раздаются вопли о надвигающейся государственной опасности остаться безъ достаточныхъ запасовъ хлѣба и гдѣ съ такой радостью ухватились за мысль о принудительномъ крестьянскомъ трудѣ.

Все, что касается принудительнаго труда на поляхъ помѣщиковъ мѣстныхъ крестьянъ, въ равной мѣрѣ относится къ принудительному сельскохозяйственному труду бѣженцевъ и военноплѣнныхъ. Въ минувшую лѣтнюю кампанію трудъ военноплѣнныхъ былъ широко использованъ. Еще шире, надо думать, онъ будетъ использованъ въ будущемъ году, ибо опытъ привлеченія военноплѣнныхъ на сельскохозяйственныя работы, по весьма единодушнымъ отзывамъ, признается удачнымъ. Тѣмъ не менѣе, мы рискуемъ не идти за господствующимъ въ данномъ вопросѣ теченіемъ и позволяемъ себѣ держаться другихъ мыслей.

. . . . . .

Не знаемъ, много ли было въ минувшее лѣто помѣщиковъ, которые по принципіальнымъ соображеніямъ не брали въ имѣнія военноплѣнныхъ. Повидимому, такихъ было мало. И въ результатѣ отовсюду слышится, что если бы не работа плѣнныхъ, то собрать урожай было бы невозможно. Со всѣмъ этимъ нельзя, конечно, не считаться. Но все-таки мы полагаемъ, что „раздача" плѣнныхъ по помѣщичьимъ усадьбамъ и по крестьянскимъ дворамъ — особенно „раздача" въ одиночку, по двое и по трое, — есть фактъ въ высокой степени ненормальный и нежелательный. Военноплѣнный, во все время нахожденія въ плѣну, остается и долженъ оставаться солдатомъ.

Возбужденіе въ правой прессѣ, въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, а равно особо чуткими губернаторами, вопроса о принудительномъ трудѣ крестьянъ на помѣщиковъ составляетъ хотя главнѣйшее, но все же лишь одно звено въ цѣпи фактовъ и показателей, свидѣтельствующихъ о новыхъ вѣяніяхъ,

если еще не получившихъ, то готовящихся получить господство въ нашей внутренней политикѣ. Эти вѣянія являются, впрочемъ, новыми только для даннаго момента. Въ сущности, они старѣе всѣхъ другихъ, ибо имѣютъ прямые корни въ томъ укладѣ русской жизни, который разрушенъ великимъ актомъ 19 февраля 1861 года.

Уже назначеніе на постъ предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ Б. В. Штюрмера, одинаково близкаго по его прошлому какъ къ бюрократіи, такъ и къ крайнымъ правымъ теченіямъ въ земствѣ, и даже занимавшаго одно время, — правда, по назначенію, — должность предсѣдателя губернской земской управы, — уже одно это назначеніе давало основанія ожидать усиленія вліянія классовыхъ интересовъ крупнаго землевладѣнія, совпадающихъ у насъ съ сословными интересами помѣстнаго дворянства. А когда, непосредственно вслѣдъ затѣмъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ А. А. Бобринскій, нѣсколько лѣтъ стоявшій во главѣ совѣта объединеннаго дворянства и, если не ошибаемся, главный иниціаторъ объединенія дворянъ, то ожиданія, естественно, стали трактоваться, какъ фактъ наступившій. И обстоятельства увольненія съ поста министра земледѣлія А. Н. Наумова, замѣненнаго тѣмъ же графомъ Бобринскимъ, наступленіе факта съ несомнѣнностью подтвердили.

Голосъ аграріевъ сейчасъ звучитъ у насъ громче всѣхъ другихъ политически-реакціонныхъ и экономически-жадныхъ голосовъ. Какъ сообщалось въ газетахъ („День", № 206), въ совѣтѣ объединеннаго дворянства спѣшно составляется „для правящихъ сферъ" записка о томъ, что „съ государственной точки зрѣнія" представляется „несправедливымъ" (!) отдавать ликвидируемыя нѣмецкія колонистскія земли крестьянскому банку и что хотя бы часть назначенныхъ къ продажѣ имуществъ германскихъ выходцевъ должна поступать „на льготныхъ условіяхъ" въ распоряженіе дворянскаго банка. Только при этомъ, по мнѣнію совѣта объединеннаго дворянства, можетъ быть возстановлена „государственная справедливость", усматриваемая авторами записки въ „упроченіи" дворянскаго землевладѣнія и въ сохраненіи силы и вліянія помѣстнаго дворянскаго класса въ земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Насколько въ этомъ походѣ на земли, которыя предназначены, — къ сожалѣнію, далеко не всѣ, — на частичное удовлетвореніе земельнаго голода крестьянъ, участвуетъ широко разлившаяся жажда наживы, утверждать съ положительностью, конечно, трудно. Но ссылка, какъ на мотивъ, на „справедливость" наводитъ и въ данномъ отношеніи на нѣкоторыя, не особенно лестныя для объ-

единенныхъ дворянъ размышленія. Жажда наживы сказалась съ полной откровенностью въ другомъ — въ томъ, что предшествовала установленію „твердыхъ цѣнъ“ на продукты земельнаго хозяйства.

О пріемахъ исчисленія въ губернскихъ совѣщаніяхъ „себѣстоимости“ зерна, на основаніи чего землевладѣльцы и въ продовольственномъ совѣщаніи въ Петроградѣ требовали фиксаціи твердыхъ цѣнъ, даютъ яркое понятіе слѣдующія сообщенія мѣстныхъ газетъ. Въ Саратовѣ одинъ изъ участниковъ совѣщанія, въ отвѣтъ на обращенный къ нему упрекъ въ повышенномъ опредѣленіи „себѣстоимости“ цинично заявилъ: „Насъ раздѣваютъ и грабятъ, — будемъ и мы раздѣвать. Въ Ростовѣ-на-Дону, когда на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ были приняты явно несообразныя „твердыя цѣны“ и когда одинъ изъ членовъ съѣзда высказалъ опасеніе, что выведенной „себѣстоимости“, какъ, очевидно, ненормальной, никто не повѣритъ, другой членъ съѣзда крикнулъ на всю залу: „Пусть насъ считаютъ ненормальными, лишь бы платили хорошо!“ Въ Балашовѣ, послѣ опредѣленія себѣстоимости пуда пшеницы въ 5 р. 54 к., въ залѣ раздался возгласъ: — „Хорошо-то оно хорошо, но все же немножко... стыдновато!“ Возгласъ раздался и замолкъ, выведенная же себѣстоимость измѣнена не была...

Въ петроградскомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гр. А. А. Бобринскаго даже представители нѣкоторыхъ вѣдомствъ напоминали землевладѣльцамъ о стыдѣ. Такъ, представитель министерства финансовъ прямо обвинялъ мѣстныя совѣщанія въ стремленіи обосновать проектировавшіяся цѣны „пониженіемъ данныхъ урожайности и повышеніемъ стоимости производства“. Но собравшіеся въ Петроградѣ землевладѣльцы, если не въ лицѣ большинства участниковъ совѣщанія, то въ лицѣ весьма замѣтнаго и весьма много и откровенно говорившаго меньшинства, считали себя непроницаемо забронированными отъ всякихъ подобныхъ напоминаній. Ихъ броню составляли громкія слова о выполняемомъ ими, путемъ распашки полей и снятія зерна, почетномъ государственномъ долгѣ и о вниманіи ихъ къ интересамъ крестьянъ.

Большинствомъ совѣщанія, все-таки цѣны, существовавшія до кампаніи нынѣшняго года, повышены въ нѣсколько меньшей мѣрѣ, чѣмъ того желали нѣкоторыя мѣстныя совѣщанія. Но не въ томъ положеніи чувствуютъ себя сейчасъ аграріи, чтобы легко сдавать позиціи. Уже послѣ принятія размѣра твердыхъ цѣнъ, наиболѣе настойчивые участники совѣщанія продолжали утверждать, что единственнымъ основаніемъ исчисленія должна служить „себѣстоимость“, установленная на мѣстахъ. Свои утвержденія они подкрѣпляли угрозой забастовки помѣщиковъ, которые при принятыхъ цѣнахъ

оставятъ въ будущемъ году поля не засѣянными. И, въ итогѣ, еще совсѣмъ нельзя имѣть увѣренности въ томъ, что арміи и населенію, въ воздаяніе реакціонныхъ заслугъ балашовскихъ владѣльцевъ „большихъ экономій“ не придется платить за пудъ пшеницы по 5 р. 54 коп.

Дороговизна, въ смыслѣ высоты цѣнъ рѣшительно на все, сравнительно съ цѣнами, стоявшими до войны, есть одно явленіе переживаемаго момента, а непрерывный ростъ расцѣнки всякаго рода товаровъ и услугъ — другое. И смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. Первое имѣетъ свое главное объясненіе въ паденіи цѣнности денегъ, обусловленномъ громаднымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Причины же второго коренятся не столько въ реальныхъ финансово-экономическихъ данныхъ, сколько въ той страсти къ наживѣ, которая безудержно ползетъ во всѣ стороны и, вслѣдъ за извозчиками, мелочными торговцами и милліонерами-банкирами, проникла теперь въ среду землевладѣльцевъ. Жизнь и издержки всякаго рода производствъ съ каждымъ днемъ становятся дороже и дороже. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, разсчитывая „себѣстоимость“ жизни, или предметовъ производства, слишкомъ многіе дѣлаютъ ту надбавку, которая и въ ихъ карманѣ должна оставить часть денегъ, выпускаемыхъ государствомъ на нужды войны. Отсюда и проистекаетъ ростъ цѣнъ безъ всякой мѣры и безъ всякаго оправданія.

И если аграріи заслуживаютъ сугубаго упрека за открытый ими походъ, то не потому, что они составляютъ рѣдкое исключеніе, а потому, что они лицемѣрно покрываютъ простое стремленіе къ наживѣ или къ поправленію ихъ денежныхъ дѣлъ заявленіями о „государственной необходимости“ и яко бы заботами о крестьянахъ. Насколько эти заботы искренни, ясно видно изъ составляемой совѣтомъ объединеннаго дворянства записки. Еще характернѣе выдвинутый вопросъ о принудительномъ сельскохозяйственномъ трудѣ.

Возвращаемся къ польскому вопросу, который снова оказался въ центрѣ общественнаго вниманія, какъ у насъ, такъ и въ союзныхъ съ Россіей странахъ. Изъ Англіи приходятъ вѣсти, что тамъ онъ дебатируется съ особеннымъ интересомъ.

Въ русскихъ лѣвыхъ политическихъ кругахъ ясно обозначились два теченія. Одно — въ пользу разрѣшенія польскаго вопроса на началахъ автономіи; другое — въ пользу его разрѣшенія путемъ образованія самостоятельнаго и независимаго польскаго государства. Какъ мы указывали въ прошломъ мѣсяцѣ, на почвѣ проекта автономіи Польши стоитъ партія народной свободы. Но къ этому теченію примыкаютъ и нѣкоторые представители другихъ,

болѣе лѣвыхъ политическихъ группъ, напримѣръ, В. А. Бурцевъ. На почвѣ польской независимости стоятъ партіи соціалистическія, но вмѣстѣ съ ними держатся этого теченія и многіе другіе политическіе дѣятели даже изъ числа тѣхъ, которые вообще занимаютъ болѣе правое мѣсто, нежели кадеты. Словомъ, въ данномъ вопросѣ получилось дѣленіе воззрѣній не по обычной политической группировкѣ, а по нѣсколько иной.

В. А. Бурцевъ считаетъ автономію единственнымъ путемъ, по которому въ условіяхъ даннаго момента могутъ и должны идти поляки. „Политически независимая Польша, — пишетъ онъ, — можетъ быть идеаломъ для поляковъ, но это не можетъ и не должно быть ихъ практической программой въ данное время, потому что въ настоящее время нѣтъ ни силъ, ни условій для того, чтобы мы могли надѣяться на возможность такого рѣшенія польскаго вопроса, при данныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Программа поляковъ съ ея первымъ параграфомъ: „независимая Польша“, — мечта, ровно ни на чемъ серьезномъ не основанная, мечта, чреватая ужасными разочарованіями и бѣдствіями для польскаго народа“.

Мечтой же, безконечно далекой отъ осуществленія въ условіяхъ настоящаго дня и потому вредной, называетъ В. А. Бурцевъ независимость Польши и для тѣхъ русскихъ, которые не отрицаютъ права поляковъ на независимость, но только не отдаются иллюзіямъ. Свой положительный выводъ онъ формулируетъ такъ: автономія Польши, „широкая, честная автономія“, „является желанной, единственно реальной нашей задачей, общей и намъ, и полякамъ“.

Въ противовѣсъ словамъ В. А. Бурцева, приведемъ голосъ поляковъ, дошедшій къ намъ изъ-за нѣмецкихъ окоповъ. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ А. Ѳ. Бабянскій цитировалъ слѣдующія строки изъ „Курьера Варшавскаго“ отъ 26 августа н. ст., органа, по его утвержденію, „крайне умѣреннаго“: „Всякіе автономическіе замыслы въ нашемъ политическомъ мнѣніи похоронены категорически, не говоря о томъ, что они никогда не были дѣйствительнымъ выраженіемъ политическихъ требованій народа, имѣющаго крѣпкое сознаніе своихъ историческихъ правъ и твердо стоящаго при требованіи независимости Польши... Для полусредствъ никогда не будетъ въ Польшѣ друзей и поддержки. Автономическое разрѣшеніе польскаго вопроса мы бы здѣсь считали всѣ національнымъ бѣдствіемъ и не помирились бы съ нимъ никогда. Историческій народъ никоимъ образомъ не можетъ мыслить иначе своихъ естественныхъ стремленій и политическихъ требованій, какъ въ смыслѣ безусловно гарантированной независимости“.

Въ своей запискѣ по польскому вопросу министерство внутреннихъ дѣлъ заранѣе отрицало объективную цѣнность отзвуковъ, приходящихъ изъ занятой нѣмцами Варшавы. И, конечно, нельзя не признать, что полной цѣнности эти отзвуки, поскольку они прошли черезъ нѣмецкую цензуру, во всякомъ случаѣ, имѣть не могутъ. Если же мы привели слова „Курьера Варшавскаго", то только для того, чтобы показать, въ какой малой мѣрѣ В. А. Бурцевъ можетъ надѣяться на успѣхъ своего обращенія къ полякамъ. Разъ передъ сознаніемъ поляковъ встала независимость Польши, не въ очертаніяхъ мечты, а какъ возможность, то убѣдить ихъ въ преимуществахъ для нихъ „автономическаго разрѣшенія польскаго вопроса" болѣе, чѣмъ трудно.

Дѣйствительно ли независимость Польши, въ условіяхъ и обстоятельствахъ, созданныхъ войною, сдѣлалась реальной возможностью? Вотъ, въ сущности, основной вопросъ, въ прямой связи съ отвѣтомъ на который должны стоять сужденія о способахъ и формахъ разрѣшенія польскаго вопроса.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

SCRIABINIANA.

КЪ ГОДОВЩИНѢ СО ДНЯ СМЕРТИ А. Н. СКРЯБИНА [1]).

Прошелъ всего годъ со смерти А. Н. Скрябина (14-го апрѣля 1915 г.), и мы уже имѣемъ четыре книги, посвященныя изслѣдованію жизни и творчества одного изъ замѣчательныхъ русскихъ композиторовъ. Фактъ небывалый, показывающій, какой живой интересъ вызываетъ къ себѣ личность Скрябина и его музыка, и возбуждающій самыя пріятныя мысли о быстромъ ростѣ нашей музыкальной культуры.

Изъ названныхъ четырехъ книгъ самое большое значеніе имѣетъ книга Сабанѣева, являющаяся серьезнымъ и глубокимъ изслѣдованіемъ музыканта, не только тщательно изучившаго музыку Скрябина, но, благодаря личной дружбѣ съ композиторомъ, имѣющаго возможность сообщить намъ самыя цѣнныя свѣдѣнія о его намѣреніяхъ.

Оставляя въ сторонѣ внѣшнюю біографію Скрябина, Сабанѣевъ подробно останавливается на внутреннемъ развитіи музыкальнаго таланта и міросозерцанія композитора. Конечно, внѣшняя жизнь Скрябина не можетъ быть освѣщена достаточно такъ скоро послѣ его смерти, но именно по отношенію къ Скрябину чрезвычайно важно знать подробно факты его личной жизни для пониманія развитія его міросозерцанія. Творчество Скрябина, болѣе чѣмъ у какого-либо другого композитора, было отображеніемъ его личной

---

[1]) Леонидъ Сабанѣевъ. „Скрябинъ". Стр. 265. Ц. 3 руб. К-во „Скорпіонъ". Москва. 1916 г.

„Музыкальный Современникъ". № 4 и 5 (двойной), посвященный А. Н. Скрябину. Со многими иллюстраціями. Стр. 105. Ц. 3 р. 50 к. Петроградъ. 1916 г.

В. Г. Каратыгинъ. „Скрябинъ". Стр. 68. Съ иллюстраціями. Цѣна не указана. Изданіе Н. И. Бутковской. Петроградъ. Годъ не обозначенъ. (1915).

Евгеній Гунстъ. „А. Н. Скрябинъ и его творчество". Стр. 76. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. Москва. 1915.

жизни, и потому оно имѣетъ такой цѣльный видъ непрерывнаго устремленія къ одной высшей точкѣ, къ созданію „Мистерій". Поэтому, до опубликованія переписки Скрябина и подробной его біографіи, всѣ изслѣдованія его творчества будутъ страдать чувствительными пробѣлами. Тѣмъ не менѣе трудъ Сабанѣева и теперь уже даетъ въ высшей степени цѣнныя и важныя свѣдѣнія о развитіи творчества Скрябина.

При этомъ замѣчательно, что Сабанѣевъ, когда говоритъ вообще о Скрябинѣ, признаетъ его великимъ геніемъ (стр. 257), сдѣлавшимъ „шагъ такой величины, который до него не дѣлало человѣчество за всю музыкальную исторію" (стр. 173). Когда же Сабанѣевъ разсматриваетъ творчество Скрябина детально, съ полнымъ знаніемъ предмета анализируя отдѣльныя сочиненія, то оказывается, что во всѣхъ областяхъ творчества съ того момента (съ „Прометея"), когда Скрябинъ, наконецъ, сталъ самимъ собою, его постигла катастрофическая неудача. Всѣ послѣднія сочиненія Скрябина написаны на новой гармонической основѣ, кореннымъ образомъ отвергающей всю современную музыку. Весь смыслъ всей нашей музыки заключается въ смѣнѣ диссонансовъ и консонансовъ, въ томъ психическомъ напряженіи, которое вызываетъ въ насъ диссонансъ, и въ томъ психическомъ удовлетвореніи, которое даетъ намъ разрѣшеніе, хотя бы послѣ сильнѣйшей борьбы, диссонанса въ консонансъ, т. е. въ трезвучіе (напр., Do-Mi-Sol). Скрябинъ создалъ новую гармонію, въ которой на мѣсто нашего трезвучія онъ поставилъ (въ качествѣ консонанса, не диссонанса!) шестизвучіе: Do — Mi — (Sol пропускается) — Si бемоль — Re — Fa діэзъ — La. Найденный Скрябинымъ интуитивно, въ качествѣ консонирующаго, шестизвучный аккордъ (Скрябинъ не зналъ акустики!), Сабанѣевъ возводитъ въ консонансъ уже на основаніи ученія объ обертонахъ, ссылаясь не на измѣнчивую основу вкуса (нашъ вкусъ категорически отвергаетъ консонантность Скрябинскаго аккорда, и требуетъ его разрѣшенія въ трезвучіе), а на научныя данныя акустики. Но, не говоря уже о томъ, что акустика еще не даетъ прочной опоры для выводовъ Сабанѣева[1]), и принимая

---

[1]) Очень жаль, что Сабанѣевъ въ своей книгѣ не отвѣтилъ на убѣдительныя, съ научной точки зрѣнія, замѣчанія Арсенія Авраамова на „ультрахроматическое" толкованіе Сабанѣевымъ Скрябинскаго аккорда въ статьѣ „Ультрахроматизмъ" или „Омнитональность"?, помѣщенной въ 4—5 номерѣ „Музыкальнаго Современника". Отвѣтъ Сабанѣева въ 6-мъ номерѣ того же журнала переноситъ споръ изъ области науки въ область теософіи и является, въ сущности, уклоненіемъ отъ спора.

вполнѣ его же собственную теорію, мы приходимъ вмѣстѣ съ нимъ къ убійственнымъ для творчества Скрябина выводамъ.

„Оказалось, что область, открытая имъ, настолько велика, что оріентироваться въ ней почти невозможно“ (стр. 157). Открытыя Скрябинымъ новыя гармоніи оказались неисполнимы на нашихъ инструментахъ съ ихъ темперированнымъ строемъ, въ которомъ гармонія Скрябина звучитъ, въ сущности, „фальшиво и неточно“ (стр. 158). Правда, Сабанѣевъ обладаетъ такимъ слухомъ, который исправляетъ (?) фальшь и даетъ ему возможность „наслаждаться прозрачностью и красотою звучности тамъ, гдѣ многіе слышатъ какофонію и фальшь“ (стр. 159). Но что же дѣлать тѣмъ, у кого слухъ физическій, а не астральный? Но и помимо этой непокорности нашего слуха и физики инструментовъ, самъ же Сабанѣевъ признаетъ, что съ изобрѣтеніемъ своего аккорда Скрябинъ утратилъ возможность пользоваться главными рессурсами нашей музыки: исчезъ ладъ, исчезли модуляціи, исчезло все богатство энгармонизмовъ, утратился подлинный контрапунктъ, и „мелодія его (Скрябина) принуждена виться по тѣмъ линіямъ, которыя обозначены гармоніей (стр. 160)[1]. На нашъ взглядъ это уже не музыка, во всякомъ случаѣ, не музыка для людей, существующихъ въ физическомъ планѣ! Я не могу, за недостаткомъ мѣста, привести здѣсь отзывовъ Сабанѣева о Скрябинѣ, какъ піанистѣ, или объ оркестровыхъ сочиненіяхъ Скрябина, столь же неутѣшительныхъ для композитора, но долженъ разсказать о катастрофѣ основной идеи его „Мистерій“.

„Въ его духѣ родилось величайшее изъ мечтаній и дерзаній, которыя когда-либо знало человѣчество, и онъ почувствовалъ въ себѣ силы для свершенія акта, передъ которымъ блѣднѣетъ все созданное человѣчествомъ до сихъ поръ“ (стр. 12)... „Вся жизнь дѣлается какъ бы одержимой идеей Мистеріи“ (стр. 13)... „Его жизнь съ 1902 г. (Скрябинъ родился 25 декабря 1871 г.) — собираніе матеріала для Мистеріи“ (стр. 17). Изложенію этой идеи „Мистеріи“ Сабанѣевъ посвящаетъ особую главу.

„Мистерія“ должна была быть синтезомъ всѣхъ искусствъ, „нѣкоторымъ однократнымъ и по самому смыслу своему заключительнымъ актомъ — актомъ, завершающимъ исторію вселенной“ (стр. 37). „Цѣль мистеріи — дать всеобщую Смерть въ Богѣ. Ея назначеніе, осуществить эволюціонный процессъ, разрушить физи-

---

[1]) Мелодія Скрябина въ этомъ случаѣ аналогична той мелодіи, которую композиторъ могъ бы сочинить, если бы онъ рѣшилъ пользоваться только тремя нотами (въ разныхъ октавахъ) трезвучія!

ческій міръ. Въ внѣшнемъ физическомъ планѣ такая мистерія отобразится въ видѣ грандіознаго конечнаго катаклизма, въ видѣ гибели міра, конца свѣта" (стр. 48). „Себя онъ считалъ тѣмъ, кто обреченъ создать мистерію" (стр. 49). Что такое должна была быть эта мистерія, какъ думалъ Скрябинъ осуществить свою идею соединенія всѣхъ искусствъ въ этомъ актѣ, осталось неизвѣстнымъ самымъ близкимъ его друзьямъ. „Сколько я ни старался, сколько ни сопоставлялъ многообразныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ его личныхъ словъ, изъ бесѣдъ, сколько ни старался узнать отъ него детально подробности структуры этого зданія, я не получалъ ничего ощутительнаго" (стр. 51).

Скрябинъ умеръ, не открывъ никому, что такое должна была быть эта „Мистерія", оставивъ въ видѣ намека на подготовку къ ней только текстъ „Предварительнаго Дѣйствія", музыка къ которому не была написана. Казалось бы, самая смерть Скрябина самымъ нагляднымъ образомъ дискредитировала идею мистеріи, какъ конца міра. Но это можетъ казаться намъ, обыкновеннымъ смертнымъ. Для теософа же Сабанѣева тотъ фактъ, что Скрябинъ умеръ, не написавъ Мистерію, вовсе не служитъ доказательствомъ того, „что вообще Мистерія" (конецъ міра, причиняемый художественнымъ созданіемъ одного человѣка!) — „есть мечта, что она не осуществима"... „Съ мистической точки зрѣнія только незначительная часть нашей личности присутствуетъ съ нами въ планѣ нашего воплощенія"... „Мистерія могла наступить для него за гробомъ, и онъ могъ быть въ ней великимъ дѣйствующимъ лицомъ, не присутствуя на физическомъ планѣ". „Я говорю это, прибавляетъ Сабанѣевъ (стр. 66), не какъ убѣжденіе свое, а какъ мистическую возможность". Тѣмъ не менѣе на стр. 67 Сабанѣевъ говоритъ: „Но мечта его будетъ жить. Это — не художественное произведеніе, оно не воплотилось никакъ, если не считать его музыкальныя отраженія въ его сочиненіяхъ. Но она существуетъ — эта мечта, она создана имъ, этотъ огромный уничтожающій своею грандіозностью ментальный образъ, который можетъ быть даже выигралъ оттого, что не воплотился въ реальность, оттого, что остался въ планѣ мысли. И этимъ избѣгъ того приниженія, которое вообще сопровождаетъ всякое воплощеніе въ физическихъ планахъ" (67).

Оставляя въ сторонѣ непонятное и противорѣчивое въ словахъ Сабанѣева, мы все же вмѣстѣ съ нимъ можемъ считать, что и мы выиграли оттого, что Мистерія не воплотилась въ физическомъ планѣ: кому же охота участвовать въ концѣ міра!

Но несмотря на преклоненіе Сабанѣева передъ „Мистеріей", онъ все же думаетъ, что Скрябинъ ошибался, считая себя обречен-

нымъ на созданіе „Мистеріи“. Съ теософической точки зрѣнія Скрябинъ былъ на ложномъ пути. „Вмѣсто высшаго озаренія его путь привелъ къ помраченію земного сознанія... вмѣсто теургіи онъ (Скрябинъ) попалъ въ область сатанизма и непреднамѣренной черной магіи. Причины—въ центробѣжной силѣ сатанической гордости... Путь теургіи идетъ черезъ мистику, чрезъ созерцаніе, чрезъ отрѣшеніе отъ индивидуальности“ (стр. 83). „Разсмотримъ внимательнѣе всю совокупность его духовныхъ признаковъ, отображенныхъ въ его идеяхъ и въ его искусствѣ — и развѣ не припуждены мы изумленно воскликнуть, увидѣвъ обликъ сатаны“ (стр. 73). „Извѣстное затемненіе реальнаго сознанія сказывалось во всѣхъ областяхъ и проявлялось отсутствіемъ или по крайней мѣрѣ притупленіемъ чувства критицизма по отношенію къ себѣ“ (стр. 81).

Итакъ, прочитавши книгу самаго преданнаго скрябиниста и дѣйствительнаго знатока его музыки, остаешься, въ концѣ концовъ, въ недоумѣніи: былъ ли Скрябинъ въ концѣ своей жизни геніемъ или безумнымъ?

Гораздо понятнѣе для большой публики книга, изданная „Музыкальнымъ Современникомъ“. Роскошно отпечатанный, богато иллюстрированный большой томъ содержитъ статьи семи авторовъ: Ю. Энгеля, М. Неменовой-Лунцъ, Н. Кашкина Л. Сабанѣева, Бориса Шлецера, Арсенія Авраамова, и В. Каратыгина. Наиболѣе интересенъ біографическій очеркъ Ю. Энгеля. Трудъ Энгеля (96 страницъ) написанъ по первоисточникамъ и отличается полнотой (насколько это возможно теперь), теплымъ тономъ и тѣмъ безпристрастнымъ спокойствіемъ историка, которое особенно цѣнно при сопоставленіи съ языкомъ скрябинистовъ. Прочтите, напримѣръ, статью Шлецера, состоящую изъ экстатическихъ восклицаній, непонятныхъ простому смертному: „Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы имѣли возможность сдѣлать видимыми для насъ всѣ вибраціи воздушной массы находящихся поблизости предметовъ, стѣнъ помѣщенія и самыхъ нашихъ тѣлъ, которыя вызываютъ, напр., исполненіе „Прометея“, то мы бы убѣдились, что вещество здѣсь и спеціально наша плоть вибрируетъ въ столь комплексномъ (?) ритмѣ, что возможно и распаденіе и трансформація его“ (стр. 155).

Очень интересна статья Сабанѣева, представляющая какъ бы эскизъ содержанія вышедшей позже его книги о Скрябинѣ. Еще болѣе интереса по научной убѣдительности его выводовъ представляетъ статья А. Авраамова. Онъ весьма основательно доказываетъ, что попытка Сабанѣева подвести научный фундаментъ подъ „Скрябинскій аккордъ“ противорѣчитъ тому факту, что Скрябинъ писалъ

для темперированнаго фортепіано и мыслилъ въ темперированномъ строѣ.

Вообще книга „Музыкальнаго Современника“ даетъ рядъ статей, очень рѣзко противорѣчащихъ другъ другу. Это дѣлаетъ честь безпристрастію редакціи, но ставитъ въ затрудненіе читателя при оцѣнкѣ творчества Скрябина. Послѣдняя статья въ этомъ сборникѣ принадлежитъ петроградскому скрябинисту В. Каратыгину и даетъ разборъ сочиненій Скрябина съ точки зрѣнія формы. Этотъ разборъ будетъ очень полезенъ изучающимъ музыку Скрябина, но языкъ Каратыгина, особенно безъ нотныхъ примѣровъ, дѣлаетъ чтеніе его статьи чрезвычайно утомительнымъ.

Этотъ же замысловатый и въ то же время высокопарный языкъ Каратыгина является недостаткомъ его книги „Скрябинъ“. Книга посвящена, главнымъ образомъ, описанію планомѣрнаго развитія таланта Скрябина, котораго Каратыгинъ считаетъ геніальнымъ художникомъ. Вотъ образецъ языка Каратыгина: „Неистовства экзальтаціи (въ „Прометеѣ“) граничатъ съ истерическими конвульсіями, и въ то же время не оставляютъ сомнѣній въ своей высочайшей одухотворенности, ибо зачаты они отъ союза геніальнаго поэта съ необъятной вселенной и рождены въ высшихъ планахъ дематеріализаціи духа“ (стр. 56). Любопытно отмѣтить, что московскій (Сабанѣевъ) и петроградскій (Каратыгинъ) скрябинисты и теософы рѣзко расходятся въ сужденіяхъ о Скрябинѣ въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ: о вліяніи Чайковскаго на Скрябина, объ оркестровыхъ его сочиненіяхъ, о значеніи устремленія Скрябина къ „Мистеріи“. Но во всякомъ случаѣ, экстатическій языкъ Каратыгина кажется намъ искренней передачей его воспріятія музыки Скрябина. Этого нельзя сказать о предисловіи къ книгѣ Каратыгина, написанномъ Н. Евреиновымъ: „Его смерть“. Это двѣ страницы фальшивыхъ и вульгарныхъ восклицаній, производящихъ очень непріятное впечатлѣніе. „Какъ великій праздникъ представлялась смерть плѣненному здѣсь духу Скрябина“. Откуда это взялъ Евреиновъ? Вѣдь эту же книгу Каратыгинъ кончаетъ словами: „Вѣчное проклятіе смерти, такъ рано похитившей его у насъ“. „Космическій анекдотъ, продолжаетъ Евреиновъ, долженъ былъ найти и достойное заключенье! — великій актъ освобожденья генія оказался въ связи съ ничтожнымъ прыщомъ“. Недурное надгробное слово!

Рядомъ съ названными выше произведеніями книга Гунста не представляетъ интереса. Центромъ ея является уже ранѣе напечатанная въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ статья „Десять сонатъ Скрябина“, къ которой прибавлены: „Памяти генія“, „Матеріалы

къ біографіи Скрябина“ и перепечатка статьи Гунста — „Историческія параллели“. Все это слабо и по содержанію, и по изложенію. Достаточно сказать, что смерть Скрябина представляется автору чѣмъ-то такимъ, „съ чѣмъ не можетъ мириться мозгъ, противъ чего всей своей силою протестуетъ духъ“ (стр. 7). Плохо дѣло, если духъ и мозгъ автора дѣйствуютъ раздѣльно! Только этимъ я могу объяснить слова Гунста на стр. 24: „И лишь ничтожная кучка бездарныхъ рутинеровъ и жалкихъ своимъ ничтожествомъ ретроградовъ продолжала, до самыхъ послѣднихъ дней жизни этого великаго человѣка, издѣваться надъ нимъ“... Вѣдь не могъ же Гунстъ не знать, что въ числѣ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ послѣднихъ сочиненій Скрябина были: Римскій-Корсаковъ, Лядовъ, Глазуновъ, С. И. Танѣевъ!

Викторъ Вальтеръ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Активное выступленіе Румыніи противъ Австро-Венгріи. — Оффиціальные мотивы этого акта. — Значеніе румынскаго участія въ войнѣ. — Объявленіе войны Германіи со стороны Италіи. — Международное положеніе Греціи. — Борьба съ Австро-Венгріей.

Положеніе военно-политическихъ дѣлъ въ Европѣ все болѣе запутывается и въ то же время становится все менѣе благопріятнымъ для Германіи. Утромъ 27 (14) августа представитель Италіи при швейцарскомъ союзѣ, маркизъ Паулуччи ди Кальболи, вручилъ завѣдующему дѣлами внѣшней политики члену федеральнаго совѣта Гофману ноту объ объявленіи войны Германіи, съ просьбою передать эту ноту въ Берлинъ. Вечеромъ того же дня румынскій посланникъ въ Вѣнѣ сообщилъ австрійскому министерству иностранныхъ дѣлъ, что съ девяти часовъ пополудни 14 (27) августа Румынія считаетъ себя состоящею въ войнѣ съ Австро-Венгріею. На слѣдующій день германское правительство, въ силу своего союза съ имперіею Габсбурговъ, объявило войну Румыніи; то же самое сдѣлали вслѣдъ затѣмъ Болгарія и Турція.

Эти посыпавшіяся одно за другимъ воинственныя заявленія должны значительно ускорить ходъ событій на Балканахъ и привести къ рѣшительной развязкѣ кризиса, тянущагося уже слишкомъ долго. Смѣлый шагъ Румыніи оказался неожиданнымъ для австро-германской дипломатіи и засталъ ее, повидимому, врасплохъ; оффиціозные нѣмецкіе органы до послѣдней минуты увѣряли, что король Фердинандъ и кабинетъ Братіано останутся до конца на сторонѣ побѣдителей, т. е. германцевъ, и, во всякомъ случаѣ не выступятъ противъ центральныхъ имперій, вопреки всѣмъ призывамъ и волненіямъ румынскихъ патріотовъ. Правда, король Фердинандъ отклонилъ предложеніе императора Вильгельма II прислать въ Бухарестъ герцога Альбрехта Мекленбургскаго, такъ какъ подобная секретная миссія возбудила бы нежелательные толки въ румынскомъ обществѣ; этотъ фактъ былъ уже серьезнымъ симптомомъ поворота въ политикѣ Румыніи, но онъ былъ истолкованъ лишь какъ дока-

зательство нежеланія вызвать неудовольствіе и подозрительность державъ согласія. Румынія сильнѣйшимъ образомъ заинтересована въ успѣхѣ союзниковъ, дѣйствующихъ противъ Болгаріи и Австро-Венгріи, и она вмѣшалась въ войну именно въ тотъ моментъ, когда русскія арміи подошли къ границамъ Венгріи, а экспедиціонный корпусъ генерала Саррайля, усиленный отрядами итальянскихъ и русскихъ войскъ, предпринялъ наконецъ свое наступленіе противъ болгаръ и германцевъ, занимающихъ территоріи Македоніи и Сербіи. Для Румыніи чрезвычайно важно, съ одной стороны, предупредить возможность созданія „великой Болгаріи" въ ущербъ остальнымъ балканскимъ народностямъ, а съ другой — освободить отъ мадьярскаго владычества три милліона румынъ, населяющихъ пограничныя области Трансильваніи и Буковины. Жизненные политическіе интересы и завѣтные національные идеалы заставляли Румынію примкнуть къ противникамъ болгаръ и австро-венгерцевъ, и румынское правительство, послѣ долгихъ колебаній, отказалось отъ безплоднаго и двусмысленнаго нейтралитета, когда военное счастье стало явно измѣнять австро-германцамъ. Румынія по-своему рѣшила, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и она присоединилась не къ бывшимъ побѣдителямъ, а къ тѣмъ, которые имѣютъ наибольше шансовъ достигнуть торжества въ ближайшемъ будущемъ. Въ качествѣ небольшой державы, не имѣющей права рисковать своимъ существованіемъ, Румынія могла сдѣлать свой выборъ только при полной увѣренности въ успѣхѣ союзниковъ, и потому ея рѣшеніе явилось для Германіи грознымъ предвѣстникомъ возможной катастрофы. Оптимизму нѣмецкихъ патріотовъ былъ нанесенъ сильный ударъ. Свѣжая полумилліонная армія, выдвинутая Румыніею, вноситъ новый крупный элементъ въ распредѣленіе силъ на Балканахъ и разстраиваетъ всѣ расчеты германскаго генеральнаго штаба. Берлинская дипломатія ошиблась въ своихъ надеждахъ на личное германофильское вліяніе короля Фердинанда, принадлежащаго, какъ извѣстно, къ роду Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; не помогли также закулисныя старанія и интриги германскихъ дипломатическихъ агентовъ и сочувствующихъ имъ мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, въ родѣ гг. Карпа и Маргиломана. Общественное мнѣніе страны высказывалось съ такой энергіей и единодушіемъ, что правительству оставалось подчиниться и исполнить свой патріотическій долгъ, диктуемый непреложными обстоятельствами. На этотъ разъ кабинеты антигерманской коалиціи сумѣли добиться надлежащаго соглашенія съ Румыніею и обезпечить ея активное участіе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Русскія войска получили право перехода черезъ румынскую территорію, и появленіе

ихъ въ тылу болгаръ не преминетъ дать серьезный толчокъ событіямъ.

Въ нотѣ, сообщенной австро-венгерскому посланнику въ Бухарестѣ, графу Чернину, румынское правительство весьма подробно мотивировало свое объявленіе войны Австро-Венгріи. Это нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта противъ вѣнскаго кабинета, при чемъ изложеніе начинается съ характеристики международныхъ отношеній на Балканахъ за послѣдніе годы. „Союзъ, заключенный между Германіею, Австро-Венгріею и Италіею, — говорится въ нотѣ, — имѣлъ, согласно заявленіямъ самихъ правительствъ, существенно охранительный и оборонительный характеръ. Его главною цѣлью было обезпечить союзныя страны отъ всякихъ нападеній извнѣ и укрѣпить положеніе дѣлъ, созданное предшествующими трактатами. Желая сообразовать свою политику съ указанными тенденціями, Румынія присоединилась къ этому союзу. Преданная своимъ конституціоннымъ задачамъ и вѣрная своему твердому рѣшенію оставаться элементомъ порядка и равновѣсія въ области нижняго Дуная, Румынія не переставала способствовать поддержанію мира на Балканахъ. Послѣднія балканскія войны, разрушивъ существовавшій status-quo, заставили ее усвоить новую линію поведенія. Ея вмѣшательство привело къ возстановленію мира и равновѣсія. Для себя она довольствовалась только выпрямленіемъ границъ, которое увеличивало ея безопасность отъ нападеній и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляло несправедливость, допущенную по отношенію къ ней на берлинскомъ конгрессѣ“. Здѣсь дается понять, что присоединеніе болгарской части Добруджи по бухарестскому договору 1913 года должно было служить компенсаціею за возвращеніе Россіи по берлинскому трактату части Бессарабіи, отрѣзанной у нея парижскимъ договоромъ 1856 года. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Какъ бы то ни было, бухарестскій миръ отчасти испортилъ, отношенія съ Австро-Венгріею. Преслѣдуя эти мирныя цѣли, — говорится далѣе въ нотѣ 14 августа — Румынія съ разочарованіемъ убѣдилась, что она не встрѣчаетъ того вниманія со стороны вѣнскаго кабинета, на какое она въ правѣ была разсчиты-

вать. Когда вспыхнула война, Румынія, такъ же какъ и Италія, отказалась присоединиться къ австро-венгерскому объявленію войны, о которомъ она не была предупреждена вѣнскимъ кабинетомъ. Весною 1915 года Италія вступила въ войну съ Австріею, и тройственный союзъ пересталъ существовать. Въ то же время исчезли причины, вызвавшія присоединеніе Румыніи къ этой политической комбинаціи. Вмѣсто группы государствъ, стремящихся общими усиліями обезпечить миръ и сохранить фактическое и правовое положеніе, созданное трактатами, мы видѣли предъ собою державы, которыя предприняли войну съ цѣлью кореннымъ образомъ измѣнить старыя обязательства, служившія основою ихъ союзнаго договора. Эти глубокія перемѣны представляли явное доказательство того, что цѣль, которую преслѣдовала Румынія, присоединяясь къ тройственному союзу, уже не можетъ быть достигнута, и она должна дать новое направленіе своимъ стремленіямъ и усиліямъ. Это было тѣмъ болѣе обязательно, что дѣло, затѣянное австро-венгерцами, угрожало существеннымъ интересамъ Румыніи и самымъ законнымъ ея національнымъ надеждамъ". Въ виду такой радикальной перемѣны въ установившихся отношеніяхъ между Австро-Венгріею и Румыніею, послѣдняя вновь пріобрѣла свободу дѣйствій. Правительство „считало своимъ долгомъ соблюдать нейтралитетъ въ войнѣ, возникшей противъ его воли и вопреки его интересамъ, основываясь прежде всего на данныхъ съ самаго начала вѣнскимъ кабинетомъ обѣщаніяхъ и увѣреніяхъ, что монархія не руководствуется по отношенію къ Сербіи никакими завоевательными планами и не стремится къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ. Эти увѣренія не оправдались. Въ настоящее время фактически создается положеніе, изъ котораго могутъ произойти великія территоріальныя и политическія перемѣны, способныя подвергнуть опасности всю будущность Румыніи. Дѣло мира, которое думала совершить Румынія, вѣрная духу тройственнаго союза, обречено было на безплодіе именно тѣми, которые были призваны его поддержать и защищать". Въ нотѣ излагается затѣмъ исторія тѣхъ обидъ и разочарованій, которыя испытывала Румынія въ теченіе тридцатилѣтняго періода существованія ея союза съ центральными имперіями. „Примкнувъ въ 1883 году къ группѣ этихъ державъ, Румынія не забывала кровныхъ связей, соединяющихъ населеніе ея съ соплеменниками, остающимися въ подданствѣ австро-венгерской монархіи; напротивъ, въ дружественныхъ и союзныхъ отношеніяхъ съ тремя великими державами она видѣла драгоцѣнный залогъ своего внутренняго спокойствія, какъ и гарантію улучшенія быта австро-венгерскихъ румынъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германія и Италія, которыя преобразовали свои го-

сударства на основѣ принципа національностей, не могли не признавать законности требованій, вытекающихъ изъ этого принципа. Неудовольствіе румынскаго населенія Австро-Венгріи всегда находило сильный отголосокъ въ Румыніи, угрожая нарушить добрыя отношенія между обоими государствами. Страна обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, которыя естественно связывались съ политическою близостью къ имперіи Габсбурговъ. Въ пользу австро-венгерскихъ румынъ не было введено за тридцать лѣтъ ни одной реформы, которая давала бы имъ хотя бы подобіе удовлетворенія; напротивъ, съ ними обращались, какъ съ низшей расою, осужденной оставаться подъ гнетомъ чуждаго элемента, составляющаго лишь меньшинство среди различныхъ національностей Австро-Венгріи. Всѣ несправедливости, совершавшіяся относительно венгерскихъ румынъ, возбуждали и поддерживали въ Румыніи раздраженіе противъ сосѣдней монархіи, и только съ большимъ трудомъ удавалось правительству улаживать происходившія тренія. Съ наступленіемъ войны можно было надѣяться, что австро-венгерское правительство придетъ наконецъ къ сознанію настоятельной необходимости положить конецъ этому порядку вещей, несовмѣстимому не только съ дружбою, но и съ обычными мирными отношеніями между сосѣдними государствами. Два года войны, въ теченіе которыхъ Румынія сохраняла нейтралитетъ, убѣдили ее, что Австро-Венгрія относится враждебно ко всякой внутренней реформѣ и не способна улучшить жизнь управляемыхъ ею народовъ; и она столь же легко готова жертвовать подвластными народностями, какъ и безсильна ограждать ихъ отъ враждебныхъ посягательствъ. Война, въ которой участвуетъ почти вся Европа, выдвигаетъ важнѣйшія проблемы, касающіяся внутренняго развитія и даже существованія государствъ. Румынія, желая содѣйствовать ускоренію конца конфликта и подчиняясь необходимости охранять свои племенные интересы, видитъ себя вынужденною вступить въ борьбу на сторонѣ тѣхъ, которые могутъ обезпечить ей осуществленіе ея національнаго единства. По этимъ основаніямъ она признаетъ себя съ этого момента находящеюся въ состояніи войны съ Австро-Венгріею".

Доводы, изложенные въ этомъ интересномъ дипломатическомъ документѣ, имѣли, конечно, одинаковую силу и за прежніе годы, до возникновенія настоящей европейской войны, и получили особенно рѣзкое подтвержденіе въ событіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе Румынія должна была по разнымъ причинамъ держаться системы тройственнаго союза и избѣгать конфликтовъ съ Австро-Венгріею, въ силу традицій, прочно утвердившихся въ царствованіе покойнаго короля Карла I. Тѣсно связанный родственными

и культурными отношеніями съ Германіею, вѣрный поклонникъ Пруссіи и ея двухъ королей-императоровъ, Гогенцоллернъ по фамиліи и убѣжденіямъ, Карлъ I сознательно поддавался одностороннему вліянію Берлина въ области внѣшней политики и былъ особенно доступенъ внушеніямъ, направленнымъ противъ Россіи, такъ какъ признавалъ себя обиженнымъ во время русско-турецкой войны и на берлинскомъ конгрессѣ; поэтому и присоединеніе его къ тройственному союзу въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было скорѣе актомъ личнаго чувства, чѣмъ дѣломъ обдуманнаго расчета или политической цѣлесообразности. Отступить отъ этихъ многолѣтнихъ традиціонныхъ связей, унаслѣдованныхъ отъ покойнаго короля, было крайне трудно для его племянника, короля Фердинанда, и надо признать большой его заслугой рѣшимость порвать старыя отношенія и дѣйствовать согласно требованіямъ большинства народа, въ духѣ національныхъ интересовъ страны.

Приведенная нота совершенно не задѣваетъ Германіи и говоритъ исключительно объ Австро-Венгріи — хотя душою тройственнаго союза и всей его балканской политики былъ берлинскій кабинетъ, а не вѣнскій. Своимъ умѣреннымъ и корректнымъ тономъ Румынія, быть можетъ, разсчитывала избѣгнуть прямого столкновенія съ Германіею, какъ это удавалось Италіи въ теченіе болѣе года; но выступленіе Румыніи было слишкомъ опасно для Австро-Венгріи, и Германія слишко заинтересована въ балканскихъ дѣлахъ, чтобы можно было допустить какое-либо колебаніе или промедленіе въ грозномъ отвѣтѣ изъ Берлина. Этотъ надменный отвѣтъ долженъ былъ показать Румыніи, что она будетъ имѣть дѣло не только съ австрійцами и болгарами, но и съ германцами: въ то же время заявленіе Германіи должно было успокоить Австро-Венгрію, которая привыкла уже возлагать всѣ свои надежды на могущественную помощь германскихъ армій и ихъ вождей. Но Германія едва ли можетъ удѣлить какую-либо часть своихъ войскъ для защиты венгерскихъ земель отъ румынскаго нашествія, и ея вызовъ по адресу Румыніи остается пока только однимъ жестомъ. Румынія въ своемъ выступленіи опирается не только на русскія войска, подвигающіяся впередъ съ разныхъ сторонъ, но и главнымъ образомъ на крупныя силы, собранныя въ Салоникахъ подъ общимъ руководствомъ генерала Саррайля. Теперь уже ясно видно, какое огромное значеніе для хода балканскихъ событій имѣло присутствіе международнаго экспедиціоннаго корпуса у границъ Болгаріи и Македоніи. Активное участіе Румыніи въ войнѣ было бы едва ли возможно, если бы поблизости не стояли наготовѣ значительныя военныя силы, выставленныя совмѣстно всѣми державами согласія.

Многіе находили это коллективное военное предпріятіе излишнимъ и рискованнымъ послѣ того, какъ оно оказалось безполезнымъ съ точки зрѣнія своей первоначальной цѣли — доставленія спасительной помощи Сербіи; англичане склонны были ликвидировать его, опасаясь, что оно подвергнется печальной участи дарданельской экспедиціи; только французское правительство твердо стояло за усиленіе и лучшую организацію этого корпуса, заключающаго въ себѣ, въ сущности, нѣсколько самостоятельныхъ армій. Оказывается, что французы были правы: войскамъ генерала Саррайля суждено теперь играть главную роль въ военныхъ операціяхъ, отъ исхода которыхъ зависитъ, можно сказать, судьба всего Балканскаго полуострова. Это чувствуется уже всѣми послѣ выступленія Румыніи.

Другое выступленіе — Италіи противъ Германіи — представляется гораздо менѣе важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Оно только устраняетъ неравенство въ положеніи союзниковъ: до сихъ поръ Италія формально находилась въ войнѣ только съ Австро-Венгріею и не могла участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ и противъ Германіи, какъ, напр., на Балканахъ; отнынѣ она будетъ дѣйствовать повсюду наравнѣ въ другими державами согласія и совмѣстно съ ними, что отчасти уже осуществилось отправленіемъ значительнаго отряда итальянскихъ войскъ въ Салоники. Когда Италія объявила войну Австро-Венгріи, германское правительство почему-то не исполнило своихъ союзныхъ обязательствъ и воздержалось отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія на итальянскомъ фронтѣ; въ этомъ отношеніи Германія поступала такъ, какъ будто она вовсе не состоитъ въ союзѣ съ Австро-Венгріей и не обязана воевать съ ея врагами. Такое странное положеніе сохраняло свою силу до послѣдняго времени и продолжало бы существовать и дальше, если бы оно не было прекращено по волѣ Италіи. На этотъ разъ Германія соблюдала несвойственную ей скромность и предоставила Италіи играть до конца роль нападающей стороны. Дѣло въ томъ, что для Германіи было очень удобно имѣть однимъ противникомъ меньше въ числѣ своихъ оффиціальныхъ враговъ: Италія не могла бы, напр., участвовать въ обсужденіи условій мира, относящихся спеціально къ Германіи, или поддерживать какія-либо направленныя противъ нея требованія союзниковъ; затѣмъ, послѣ заключенія мира, можно было бы сразу возстановить съ Италіею нормальныя торговыя и иныя отношенія, несмотря на участіе итальянскихъ представителей въ парижской конференціи, вырабатывавшей мѣры экономической борьбы противъ нѣмецкаго засилья. Теперь эта тонкая комбинація разрушена, къ великому неудовольствію нѣмецкихъ патріотовъ, и германское правитель-

ство только напрасно ставило себя въ неловкое и отчасти комическое положеніе своимъ упорнымъ закулиснымъ заигрываніемъ съ Италіею. Только въ послѣдніе мѣсяцы Германія какъ будто убѣдилась въ безплодности своихъ стараній и стала относиться къ итальянцамъ, какъ къ скрытымъ и отчасти явнымъ врагамъ. Итальянская дипломатія получила, такимъ образомъ, матеріалъ для надлежащей мотивировки своего рѣшенія объявить Германіи войну. „Враждебные акты германскаго правительства противъ Италіи — говорится въ итальянской нотѣ 14 августа — слѣдуютъ одинъ за другимъ въ возрастающемъ изобиліи. Достаточно указать на неоднократныя поставки оружія и предметовъ военнаго снаряженія австрійцамъ со стороны Германіи, а также на постоянное участіе германскихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ въ различныхъ военныхъ операціяхъ, направленныхъ противъ Италіи. Только благодаря постоянной поддержкѣ, оказываемой Германіею въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, Австро-Венгрія могла предпринять недавно свои наиболѣе крупныя наступательныя усилія. Къ этому можно прибавить такіе факты, какъ выдача германскимъ правительствомъ австрійцамъ итальянскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ австро-венгерскихъ концетраціонныхъ лагерей и попавшихъ въ предѣлы германской территоріи; запрещеніе германскимъ банкамъ и кредитнымъ учрежденіямъ производить какія-либо денежныя выдачи и платежи итальянскимъ подданнымъ; прекращеніе выдачи итальянскимъ рабочимъ пенсій, причитающихся имъ на основаніи германскихъ законовъ. Такое положеніе вещей не можетъ быть болѣе терпимо итальянскимъ правительствомъ; оно усиливаетъ, къ исключительному вреду Италіи, глубокій контрастъ между фактическими и правовыми условіями обѣихъ сторонъ — контрастъ, вытекающій изъ того обстоятельства, что Германія и Италія находятся въ союзѣ съ двумя группами, воюющими между собою державъ“. Такъ какъ Италія не имѣетъ своего представителя въ Берлинѣ, въ виду состоявшагося уже давно разрыва дипломатическихъ сношеній между обѣими странами, то она вынуждена была прибѣгнуть къ необычному посредничеству посторонняго нейтральнаго правительства — а именно швейцарскаго — для передачи объявленія войны Германіи.

Италія и Румынія, независимо отъ своихъ спеціальныхъ цѣлей и стремленій, враждебныхъ Австро-Венгріи, имѣютъ еще на Балканахъ особые интересы, противорѣчащіе германскимъ, и уже по этой причинѣ онѣ не могли избѣгнуть прямого столкновенія съ Германіей. Въ настоящее время всѣ государства, близко заинтересованныя въ балканскихъ дѣлахъ, — кромѣ одной лишь Греціи, — участвуютъ въ разгорѣвшейся войнѣ; Греція же, находящаяся почти въ центрѣ

балканскаго пожара и подвергшаяся уже частичной оккупаціи съ разныхъ сторонъ, старается во что бы то ни стало сохранить подобіе нейтралитета, которое при данныхъ обстоятельствахъ полезно и желательно только для Германіи. Воюющіе рвутъ на части греческую территорію; болгарскія войска безпрепятственно занимаютъ пограничные греческіе форты и города, какіе имъ нравятся; они заняли важный приморскій городъ Кавалу, взяли въ плѣнъ добровольно сдавшійся гарнизонъ и передали его, съ сохраненіемъ оружія, германцамъ, — а Кавала была долго предметомъ спора между Болгаріей и Греціей при распредѣленіи завоеванныхъ турецкихъ земель послѣ успѣшной войны 1912 года съ Турціею. По всѣмъ признакамъ, Греція обязалась предоставить болгарамъ свободу дѣйствій въ предѣлахъ своей территоріи подъ условіемъ какихъ-то компенсацій, обѣщанныхъ ей Германіею въ будущемъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что эти дѣйствія Болгаріи совершаются подъ руководствомъ германскаго генеральнаго штаба и подъ гарантіей германскаго правительства. Союзные кабинеты, опираясь на свои салоникскія войска и на свои броненосцы, протестуютъ и предъявляютъ болѣе или менѣе грозные ультиматумы, съ требованіемъ министерскихъ и прочихъ перемѣнъ; ультиматумы принимаются, требованія исполняются и министры мѣняются, а положеніе остается все то же или еще болѣе ухудшается и запутывается. Такъ какъ король и его приближенные остаются на своихъ мѣстахъ, то и политика ихъ направляется по тѣмъ же путямъ, въ согласіи съ секретными совѣтами и указаніями, получаемыми изъ Берлина, при участіи и посредничествѣ королевы, сестры Вильгельма II; такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ иностранные наблюдатели, близко знакомые съ закулисными политическими дѣлами нынѣшней Греціи. Эти именно закулисныя вліянія побудили кабинетъ Заимиса выйти въ отставку; новый министръ-президентъ Калогеропулосъ является, повидимому, послушнымъ орудіемъ короля Константина.

Въ международныхъ отношеніяхъ Греціи водворяется какая-то непонятная анархія; болгары распоряжаются въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, какъ враги, а правительство относится къ нимъ какъ къ союзникамъ, хотя иногда формально возражаетъ противъ ихъ дѣйствій, какъ будто для очистки совѣсти. На почвѣ этой международной анархіи развивается внутренняя, правительственная, сопровождаемая общественными и народными волненіями. Даровитѣйшій политическій дѣятель, Венизелосъ, держится въ сторонѣ отъ дѣлъ и поневолѣ ограничивается рѣзкою критикою правительственной или, вѣрнѣе, королевской политики. Король Константинъ не принадлежитъ, по рожденію, къ числу германскихъ принцевъ или вассаловъ; внукъ дат-

скаго короля, сынъ великой княгини Ольги Константиновны, онъ могъ бы быть свободнѣе отъ одностороннихъ германскихъ вліяній, и тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ подчиняется имъ, не останавливаясь предъ явными опасностями своего положенія. Иностранныя арміи, союзныя и непріятельскія, сражаются въ предѣлахъ Греціи и передвигаются по ея землѣ, а греческое правительство заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ. Король Константинъ ведетъ, очевидно, рискованную игру; онъ можетъ подвергнуться участи перваго греческаго короля, Оттона баварскаго, низложеннаго народнымъ возстаніемъ 1862 года. Обѣ династіи — первая и вторая — были избраны державами-покровительницами, которыя вообще, въ силу трактатовъ, пользуются правами опеки по отношенію къ Греціи; эти три державы могутъ, по взаимному между собою соглашенію, занять любую часть греческой территоріи; онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли бы право и возможность положить конецъ вредной политической анархіи, позволяющей болгарамъ и германцамъ располагать вооруженными силами Греціи въ ущербъ союзникамъ. Взятіе въ плѣнъ вооруженныхъ отрядовъ нейтральной страны, съ которой оффиціально сохраняется миръ, и отправленіе этихъ отрядовъ, съ сохраненіемъ оружія, въ Германію представляло бы совершенно неразрѣшимую загадку, если бы это не было замаскированною передачей отдѣльныхъ частей греческихъ войскъ въ распоряженіе государствъ, находящихся въ войнѣ съ державами-покровительницами Греціи. Быть можетъ, въ дѣйствительности такой сознательной и намѣренной передачи не существуетъ, а указанные факты вызываются лишь безнадежной анархіею; но, въ такомъ случаѣ, анархія принимаетъ размѣры, крайне опасные для союзниковъ и для самой Греціи. Это уже не политическій кризисъ, а начало полнаго внутренняго разстройства и разложенія. Справиться съ подобнымъ положеніемъ, конечно, не подъ силу выдвигаемымъ короною безцвѣтнымъ дѣятелямъ, въ родѣ малоизвѣстнаго Калогеропулоса и его товарищей.

Общественное мнѣніе въ Европѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ въ кровавомъ туманѣ сплетается столько сложныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ, международныхъ и мѣстныхъ, національно-племенныхъ и религіозныхъ, и гдѣ честолюбія мелкихъ народностей сталкиваются между собою въ безпощадной жестокой борьбѣ. Развязка приближается, и очень можетъ быть, что она наступитъ здѣсь скорѣе, чѣмъ въ другихъ районахъ военныхъ дѣйствій. Эта развязка должна имѣть наибольшее значеніе для Австро-Венгріи, противъ которой съ трехъ сторонъ напираютъ могущественные враги — русскіе, итальянцы и теперь румыны. Военныя неудачи австрій-

цевъ и румынское наступленіе въ предѣлахъ Венгріи вызываютъ сильную тревогу среди мадьяръ; руководители и ораторы парламентской оппозиціи произносятъ горячія рѣчи противъ правительства графа Тиссы, возстаютъ противъ подчиненія австро-венгерскихъ войскъ германскимъ полководцамъ, требуютъ выдѣленія мадьярской арміи изъ общей массы вооруженныхъ силъ имперіи для спеціальной защиты венгерскаго государства, возбуждаютъ вопросъ о политической самостоятельности и независимости Венгріи, и, такимъ образомъ, подготовляютъ почву для того распаденія монархіи, которому извнѣ должны способствовать нападающія на нее непріятельскія арміи. Въ сущности, нынѣшняя Австро-Венгрія есть самая уродливая политическая комбинація, какую только можно было бы придумать, — продуктъ искусственныхъ и случайныхъ сочетаній, поддерживаемыхъ насиліемъ и традиціею. Она всегда была источникомъ несправедливыхъ войнъ, коварныхъ честолюбивыхъ плановъ, безсердечныхъ національныхъ преслѣдованій и массовыхъ расправъ, совершаемыхъ во имя правительственнаго „престижа". Въ Австріи одиннадцать милліоновъ нѣмцевъ господствуютъ надъ восемнадцатью милліонами людей разныхъ національностей — чеховъ, поляковъ, русинъ, словинцевъ, итальянцевъ и др.; въ Венгріи десять милліоновъ мадьяръ командуютъ двѣнадцатью милліонами хорватовъ, словаковъ, сербовъ, румынъ. Австрійская центральная власть находится исключительно въ рукахъ нѣмцевъ и не признаетъ никакихъ самостоятельныхъ правъ за славянскимъ большинствомъ населенія, за исключеніемъ только поляковъ, высшіе классы которыхъ пользуются мѣстнымъ самоуправленіемъ; даже такія крупныя народности, какъ чешская, подвергаются попыткамъ принудительнаго онѣмеченія и сурово преслѣдуются за приверженность къ „славянской идеѣ". Еще недавно извѣстный депутатъ Крамаржъ, женатый на русской, былъ присужденъ къ смертной казни за „руссофильство" и до сихъ поръ сидитъ въ тюрьмѣ подъ угрозой исполненія этого безумно-жестокаго приговора. Австрійскій парламентъ не собирается въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и даже великая европейская война, разоряющая теперь Австрію, предпринята вѣнскимъ кабинетомъ безъ участія рейхсрата и безъ малѣйшаго подобія отвѣтственности, при ничтожнѣйшемъ составѣ министровъ. Изъ параграфовъ конституціи соблюдается только 14-й, соотвѣтствующій 87-й статьѣ нашихъ основныхъ законовъ. Мѣстные провинціальные сеймы или не созываются или остаются безъ всякаго реальнаго значенія. При отсутствіи или бездѣйствіи парламента, въ Австріи не бываетъ министерскихъ кризисовъ; дѣлами управляетъ кабинетъ, во главѣ котораго давно уже стоитъ чуждый народу бездарный сановникъ, графъ

Штюргкъ. Важнѣйшіе вопросы иностранной политики рѣшаются въ придворныхъ кругахъ, по соглашенію съ имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ венгерскимъ министромъ-президентомъ. Игнорируя мнѣнія и желанія подвластныхъ народностей, особенно славянъ, вѣнское правительство внимательно прислушивается къ голосу мадьярскихъ магнатовъ. Венгерскій парламентъ, въ отличіе отъ австрійскаго, не бездѣйствуетъ, а напротивъ, съ шумомъ и трескомъ исполняетъ свои функціи, доставляя много непріятностей безцеремонно-властному графу Тиссѣ; но въ этомъ парламентѣ, если судить по отчетамъ объ его засѣданіяхъ, участвуютъ только графы съ громкими именами — Андраши, Карольи, Аппоньи, — и примыкающіе къ нимъ менѣе знатные дѣятели. Они одни говорятъ отъ имени народа, хотя представляютъ собою лишь незначительную группу крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ; народныя массы не имѣютъ своихъ собственныхъ представителей въ парламентѣ, и голосъ ихъ не доходитъ до правящихъ сферъ.

Съ одной стороны, австрійскіе нѣмцы, склонные увлекаться идеалами всегерманскаго единства и могущества, а съ другой — мадьяры, мечтающіе о независимости своего государства, тянутъ имперію на путь воинственныхъ предпріятій и пріобрѣтеній, чтобы блескомъ внѣшнихъ успѣховъ возвысить и укрѣпить свою власть надъ остальнымъ населеніемъ. Династія, слѣдуя берлинскимъ внушеніямъ, направляетъ свои честолюбивые помыслы на ближній Востокъ: планъ овладѣнія частью Балканскаго полуострова до Салоникъ былъ окончательно установленъ незадолго до убійства наслѣдника престола, Франца-Фердинанда, въ его секретныхъ совѣщаніяхъ съ Вильгельмомъ II въ замкѣ Мирамаръ, близъ Тріеста, въ апрѣлѣ 1914 года, и затѣмъ, въ Конопиштѣ, въ іюнѣ того же года. Предполагалось захватить Сербію, Черногорію и Албанію, присоединить ихъ къ монархіи и образовать изъ юго-славянскихъ земель третье союзное государство въ составѣ имперіи, наравнѣ съ Венгріей и нѣмецкой Австріей, — такъ что дуализмъ уступилъ бы мѣсто „тріализму“. Рѣшенная тогда же война началась съ нападенія на Сербію подъ предлогомъ возмездія за Сараевское преступленіе, при чемъ обѣщаніе не дѣлать территоріальныхъ пріобрѣтеній имѣло, по обыкновенію, скрытый смыслъ и означало лишь готовность не мѣнять границъ будущей вассальной Сербіи. Всѣ бѣдствія настоящей войны вызваны преступной австрійской политикой, поощряемой Германіей; послѣдняя никогда не рѣшилась бы воевать одновременно съ тремя великими державами, если бы не имѣла къ своимъ услугамъ вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи. И пока будетъ существовать имперія Габсбурговъ въ современномъ ея видѣ, до тѣхъ поръ немыслимо уста-

новленіе прочнаго мира и спокойствія въ Европѣ. Австро-Венгрія, исторически связанная съ Германіей, не можетъ не быть ея вѣрной союзницею; она не можетъ отказаться отъ стремленія на Востокъ, и это стремленіе должно еще болѣе усилиться, когда осуществится идея „всегерманцевъ“ — присоединеніе австрійскихъ нѣмецкихъ областей къ Германіи, съ образованіемъ новой юго-славянской или славянско-венгерской федераціи. Нельзя бороться съ прусскимъ милитаризмомъ, оставивъ въ его распоряженіи Австро-Венгрію. Съ этой точки зрѣнія нынѣшняя борьба Италіи и Румыніи спеціально противъ Австро-Венгріи представляетъ громадный интересъ; она указываетъ именно тотъ путь, котораго должны неуклонно держаться союзники для разрѣшенія предстоящей имъ великой задачи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. Изд-во М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. 485. Цѣна 3 р. 50 коп.

Имя Николая Ивановича Новикова принадлежитъ къ чи извѣстнѣйшихъ въ русскомъ обществѣ и неизмѣнно называется, какъ имя одного изъ родоначальниковъ русской независимой мысли и общественности. Его дѣятельность по изданію журналовъ и книгъ, его участіе въ масонскомъ движеніи и въ созданіи довольно широкаго просвѣтительнаго и благотворительнаго движенія чрезъ Дружеское Ученое Общество и затѣмъ жестокое обрушившееся на него гоненіе власти, — все это уже не разъ было разсказано. Но разсказъ о дѣятельности и судьбѣ Новикова навсегда останется однимъ изъ самыхъ драматическихъ и захватывающихъ повѣствованій о благородномъ человѣкѣ и его участи въ средѣ тупого или враждебнаго общества подъ игомъ деспотической власти, видящей укоръ себѣ и опасность въ свободной общественности.

Новая книга о Новиковѣ носитъ въ значительной части компилятивный характеръ, такъ какъ опирается въ большей части на обширные матеріалы, собранные о Новиковѣ и масонствѣ Лонгиновымъ, Пекарскимъ, Ешевскимъ, Пыпинымъ, Незеленовымъ, въ послѣднее время Барсковымъ и др. Автору принадлежитъ внимательное изученіе всего этого разнообразнаго матеріала и литературы о Новиковѣ и его времени и широкій планъ работы, ставящей Новикова въ центрѣ движенія общественно-просвѣтительной мысли его времени. Дѣятельность его развертывается въ книгѣ г. Боголюбова все время на фонѣ удачной картины настроеній и стремленій екатерининской эпохи.

Наиболѣе вниманія авторъ удѣлилъ раскрытію общественнаго значенія русскаго масонства. Въ немъ Новиковъ нашелъ стройную систему всегда ему близкихъ основныхъ идей... „Всѣ эти идеи — и общечеловѣческаго браства, и справедливаго общественнаго строя, и освобожденія человѣческаго духа, и нравственнаго усовершенствованія — начинала проводить въ XVIII вѣкѣ и русская лите-

ратура и журналистика, но только масонство поставило себѣ цѣлью систематически воспитать ихъ въ человѣкѣ. Наконецъ, въ условіяхъ русской дѣйствительности за масонствомъ была еще одна серьезная заслуга — его организаціи были первыми серьезными организаціями для нравственнаго воспитанія общества, возникшими не по приказу власти, а по самостоятельному общественному почину. Даже тотъ мистицизмъ, который во вторую половину вѣка такъ густо окуталъ основную нравственную идею масонства, не былъ безусловно опаснымъ: онъ не могъ сдѣлаться орудіемъ обскурантизма уже по одному тому, что шелъ рядомъ съ признаніемъ правъ человѣческаго разума, поскольку его выводы не противорѣчили св. Писанію, и съ призывами къ просвѣщенію". — Съ этой точки зрѣнія г. Боголюбовъ освѣщаетъ и послѣдніе годы жизни Новикова, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи находили признаки настоящаго обскурантизма, овладѣвшаго Новиковымъ. Авторъ весьма подробно говоритъ также объ отношеніи къ Новикову и масонству правительства, особенно лично Екатерины II. Книга написана легко и живо и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ полезный вкладъ въ историческое чтеніе по XVIII вѣку.

Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Томъ III и VI. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.). Изданіе семьи. Петроградъ, 1915—1916, т. III, стр. XIII—445, т. IV, стр. VIII—661. Цѣна за оба тома 6 рублей.

Первое изданіе мемуаровъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго объ эпохѣ освобожденія крестьянъ появилось еще при его жизни, но на правахъ рукописи и въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Теперь книга вышла съ добавленіями и исправленіями, отчасти сдѣланными самимъ авторомъ, отчасти имъ намѣченными.

Эти два большихъ тома берешь въ руки съ большими ожиданіями, вызываемыми какъ самою эпохою, которой они посвящены, такъ и личностью автора. Членъ-экспертъ и завѣдывавшій дѣлами знаменитыхъ редакціонныхъ комиссій, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ предсѣдателю комиссій Я. И. Ростовцеву, П. П. Семеновъ все время былъ вблизи людей освобожденія и въ курсѣ ожесточенной борьбы мнѣній и партій, которыя образовались въ сановныхъ и высшихъ кругахъ въ то знаменательное время. Казалось бы, мемуары должны дать живую и разнообразную картину, полную увлекательнаго содержанія. Но по личнымъ ли особенностямъ характера П. П. Семенова, потому ли, что онъ свои воспоминанія началъ писать на склонѣ жизни, не ранѣе 1908 года, — именно такой картины въ этихъ мемуарахъ читатель не найдетъ. Своему повѣ-

ствованію авторъ намѣренно усвоилъ тонъ сухого протокольнаго изложенія. Цѣлыя страницы и главы сплошь состоятъ изъ пространнаго изложенія сначала журналовъ редакціонныхъ комиссій, потомъ журналовъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и, наконецъ, журналовъ Государственнаго Совѣта. Эти двѣ послѣднія группы журналовъ, правда, становятся впервые достояніемъ читающей публики (впрочемъ, они также напечатаны въ недавно выпущенномъ, но не поступавшемъ въ продажу четырехтомномъ изданіи архива Государственнаго Совѣта), но кругъ ея не можетъ быть очень широкъ именно по значительной сухости изложенія этого матеріала, конечно, очень важнаго для историковъ эпохи и для изучающихъ Положеніе 19-го февраля юристовъ.

Тѣмъ не менѣе, и въ сглаженно сухомъ изложеніи П. П. Семенова выступаютъ во многихъ мѣстахъ глубоко драматическія подробности и перипетіи великой борьбы за освобожденіе. Своей задачею авторъ считалъ показать, „какую роль каждый изъ главныхъ дѣятелей эпохи освобожденія игралъ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и что онъ внесъ въ коллективную работу, обнимавшую весь строй русской государственной и общественной жизни... До сихъ поръ... послѣдовательнаго разсказа о всемъ томъ, что происходило не только на самой сценѣ событій, но и за кулисами ихъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, въ исторической литературѣ еще не было. Я чувствовалъ поэтому за собою нравственный долгъ, какъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ участниковъ законодательныхъ работъ того времени, пополнить этотъ пробѣлъ“. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, воспоминанія даютъ довольно много подробностей къ уже установленному традиціонному канону исторіи освобожденія, котораго всецѣло держится и П. П. Семеновъ. Помимо лично слышаннаго и видѣннаго, авторъ также даетъ многія біографическія справки и характеристики отдѣльныхъ лицъ, и здѣсь иногда изложеніе дѣлается болѣе живымъ, и эпоха облекается въ плоть и кровь бытовыхъ чертъ и деталей.

Въ первой главѣ, говоря о Милютинѣ и Заблоцкомъ-Десятовскомъ, П. П. Семеновъ чрезвычайно высоко оцѣниваетъ въ ходѣ мыслей объ освобожденіи участіе К. Д. Кавелина. Послѣдній, хотя и не принималъ непосредственнаго и оффиціальнаго участія въ законодательныхъ работахъ по освобожденію, но первый установилъ въ кругу друзей освобожденія принципъ земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Указаніе на то, что это можетъ быть достигнуто только путемъ правительственнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, принадлежитъ также Кавелину и составляетъ его безсмертную заслугу въ исторіи великой эпохи.

Любопытны во второй главѣ разсказы П. П. Семенова о себѣ, какимъ образомъ онъ, уже въ тѣ годы занятый путешествіями въ Азію, очутился въ центрѣ работъ по освобожденію. Подобно ряду другихъ дѣятелей, непосредственное знакомство съ помѣщичьей и крестьянской жизнью натолкнуло юношу, получившаго образованіе въ половинѣ сороковыхъ годовъ и закончившаго его во время крымской войны за границею, на мысль освобожденія. Одновременно съ планами изученія центральной Азіи, будущій географъ-изслѣдователь изучалъ экономическій и сельско-хозяйственный бытъ въ теоріи и практикѣ Германіи, Франціи и Италіи, чтобы послѣ перваго своего путешествія погрузиться въ дѣло, участіе въ которомъ онъ считалъ патріотическимъ долгомъ. П. П. Семеновъ не безъ нѣкотораго чувства справедливой гордости разсказываетъ далѣе, какъ онъ вошелъ въ дѣло весною 1858 года въ разгаръ столкновеній между Ростовцевымъ, котораго увлекъ тогда было крайне узкій проектъ освобожденія, выдвинутый Позеномъ, и между Кавелинымъ и Милютинымъ съ другой стороны, — вошелъ „чувствуя въ себѣ и необходимую для того подготовку и нравственную силу для роли посредника и миротворца между людьми, которыхъ обстоятельства и ихъ таланты вывели на первыя роли". Мнѣніе Семенова, что именно онъ и заставилъ Ростовцева перемѣнить взгляды и присоединиться къ стремленіямъ Милютина и другихъ, повидимому, преувеличено. Разсказы Семенова о Ростовцевѣ, съ которымъ онъ былъ тѣсно близокъ, о томъ, какъ Ростовцевъ колебался, занимать ли мѣсто предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, и о послѣдней болѣзни и смерти его со знаменитымъ „Государь, не бойтесь!" — все это важный источникъ свѣдѣній, и мѣстами, какъ заключительный разсказъ о послѣднихъ заботахъ Ростовцева, чтобы трудъ редакціонныхъ комиссій не былъ отброшенъ или искаженъ, полонъ настоящаго драматизма. Первый томъ заканчивается смертью Ростовцева и разсказомъ о бесѣдѣ государя съ авторомъ мемуаровъ о Ростовцевѣ и его послѣднихъ словахъ о дѣлѣ редакціонныхъ комиссій.

Въ книгѣ разсѣяно довольно много отдѣльныхъ, иногда весьма характеристичныхъ эпизодовъ объ императорѣ Александрѣ II. Въ нихъ обрисованъ онъ, какъ человѣкъ высокоблагожелательный, но мнительный во всемъ, что касалось его власти, и легко подвергавшійся стороннимъ вліяніямъ, когда играли на этой струнѣ; въ этомъ отношеніи авторъ мемуаровъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ пагубное вліяніе графа П. А. Шувалова. Извѣстно, что почти тотчасъ по окончаніи дѣла освобожденія прекратилось служебное движеніе всѣхъ, — по выраженію реакціонеровъ изъ высшихъ круговъ, — „замѣшанныхъ въ дѣло редакціонныхъ комиссій": такъ или иначе всѣ они

были устранены отъ видной дѣятельной роли въ государственной службѣ. Шуваловъ, какъ шефъ жандармовъ, здѣсь былъ очень дѣятеленъ. Однажды имъ была придана такая окраска рѣчи въ дворянскомъ собраніи М. Н. Любощискаго, уже сенатора, что при первомъ же докладѣ министра юстиціи, государь потребовалъ отъ него увольненія слишкомъ вольнодумнаго сенатора. Министромъ юстиціи былъ въ это время Замятинъ, не имѣвшій, по отзыву П. П. Семенова, репутаціи человѣка съ государственными способностями и твердой воли; но онъ имѣлъ гражданское мужество напомнить государю, что по закону сенаторы не могутъ быть смѣняемы безъ суда, и Любощинскому чрезъ министра было объявлено лишь крайнее неудовольствіе государя. Любощинскій въ отвѣтъ хотя и передалъ просьбу Замятину объ отставкѣ, но сдался и смиренно просилъ Шувалова о пощадѣ, и тогда Шуваловъ въ новомъ докладѣ государю представилъ рѣчь въ иномъ свѣтѣ. Точно также статсъ-секретарь А. П. Заблоцкій-Десятовскій впалъ, по доносу Шувалова, въ немилость у государя за мнимое возбужденіе городского самоуправленія противъ правительства и удержался на своемъ мѣстѣ только по заступничеству графа Палена.

Дѣло, сдѣланное редакціонными комиссіями и возвышеннымъ настроеніемъ работавшихъ въ немъ двухъ-трехъ десятковъ просвѣщенныхъ бюрократовъ и немногихъ экспертовъ, должно быть для полной своей исторической оцѣнки сопоставляемо съ общимъ традиціонно коснымъ уровнемъ тогдашней бюрократической машины. Нѣкоторыя черточки этого уровня обрисованы и въ воспоминаніяхъ Семенова. Великолѣпенъ въ своемъ родѣ приводимый имъ эпизодъ изъ жизни знаменитаго члена редакціонныхъ комиссій Ю. Ѳ. Самарина. Поступивъ на службу въ сенатъ секретаремъ, Самаринъ далъ по порученному ему отвѣтственному дѣлу исчерпывающій, правильный по закону и прекрасно мотивированный проектъ сенатскаго опредѣленія; но долженъ былъ выслушать нотацію своего непосредственнаго начальника: „Ты забылъ самое главное, а именно, что сенаторъ глупъ и его не пойметъ, а вотъ посмотри, какъ я передѣлаю твою работу, и тогда всякій дуракъ ее пойметъ“. И дѣйствительно оберъ-секретарь привелъ работу Самарина къ формѣ привычной канцелярской хріи, на изученіе которой Самарину и пришлось потратить цѣлыхъ три года...

Какъ мы сказали, въ изложеніи исторіи движенія крестьянскаго дѣла П. П. Семеновъ держится установившагося канона. Этотъ канонъ слагается изъ такихъ моментовъ: добрая воля государя, энергія и работа немногихъ просвѣщенныхъ друзей освобожденія изъ круга бюрократовъ и людей общественной подготовки,

противодѣйствіе большинства высшей бюрократіи, стремившейся ликвидировать крестьянскій вопросъ съ наименьшими потерями для помѣщичьяго класса. Съ суховатою объективностью излагаетъ авторъ шагъ за шагомъ ходъ реформы и формулируетъ разногласія, возникавшія въ многочисленныхъ засѣданіяхъ и учрежденіяхъ, по разнообразнѣйшимъ вопросамъ, входившимъ въ кругъ крестьянской реформы. Весь этотъ огромный матеріалъ полезенъ и необходимъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы прослѣдить тѣ или другія частности, вошедшія въ наше большей частью до сихъ поръ дѣйствующее законодательство о крестьянахъ. Но въ общей постановкѣ исторіи крестьянскаго преобразованія въ книгѣ Семенова все время чувствуется человѣкъ, для котораго все въ реформѣ сводилось именно къ игрѣ силъ и взаимодѣйствій тѣснаго круга непосредственныхъ участниковъ дѣла. Изъ нихъ, объ однихъ онъ говоритъ съ сочувствіемъ, о другихъ со спокойнымъ холодноватымъ отрицаніемъ, иногда и для нихъ подыскивая оправданія, какъ для Муравьева-Виленскаго и др. Въ общемъ книга Семенова-Тянъ-Шанскаго представляетъ законченный въ своемъ родѣ памятникъ цѣлаго міровоззрѣнія просвѣщеннаго бюрократизма. Оно благожелательно стремилось опредѣлить потребности и нужды народной массы и послужить имъ, но при всемъ томъ раздѣляло многія предубѣжденія той же бюрократической среды. Авторъ какъ бы не допускаетъ и тѣни мысли, что для разрѣшенія крестьянскаго вопроса могъ быть мыслимъ иной путь, нежели путь благожелательной бюрократической реформы. Этимъ, конечно, и объясняется, что онъ совершенно не находитъ нужнымъ въ качествѣ историка считаться, напримѣръ, съ мнѣніями современной радикальной печати, полной отголосковъ того, что занимало редакціонныя комиссіи.

Лишь случайно авторъ говоритъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ той эпохи, имѣвшихъ существенное отношеніе къ вопросу о реформѣ и занимавшихъ все передовое общество. Только мимоходомъ отмѣчены нѣкоторые адресы и заявленія со стороны дворянства. Въ нихъ преимущественно выражались олигархическія поползновеній наиболѣе вліятельной его части, мечтавшей объ участіи въ государственномъ управленіи, какъ о вознагражденіи за утрату вотчинныхъ и личныхъ правъ надъ крестьянствомъ; но были также и болѣе демократическія настроенія, и наконецъ, откровенныя заявленія крѣпостниковъ о томъ, что дѣятельность редакціонныхъ комиссій есть революціонная интрига, имѣющая цѣлью паденіе и распаденіе Россіи.

О роли общественнаго мнѣнія, выражавшагося чрезъ печать, и вовсе нѣтъ рѣчи въ мемуарахъ Семенова, такъ что можно поду-

мать, что печать была тогда quantité negligealbe для редакціонныхъ комиссій. Конечно, это было не такъ, и о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ любопытный переданный П. Семеновымъ эпизодъ на частномъ обѣдѣ 10 мая 1860 г. Обѣдъ былъ устроенъ херсонскимъ предводителемъ дворянства Касиновымъ членамъ редакціонныхъ комиссій и наличнымъ въ Петербургѣ депутатамъ губернскихъ комитетовъ. Здѣсь выступилъ калужскій депутатъ, князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, и въ довольно пространной рѣчи высказалъ, что независимо отъ несомнительныхъ заслугъ по крестьянскому дѣлу редакціонныхъ комиссій и губернскихъ комитетовъ, слѣдуетъ еще вспомнить и тѣхъ лицъ, которыя, не принимая непосредственнаго участія въ законодальныхъ работахъ, подготовили дѣло освобожденія крестьянъ своими литературными работами и своимъ смѣлымъ и самоотверженнымъ служеніемъ великому дѣлу. Изъ этихъ лицъ онъ назвалъ, какъ онъ выразился, всѣми уважаемыя имена: Унковскаго, Кавелина, Чичерина, Тургенева и Григоровича, за здоровье которыхъ и предложилъ тостъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на заслуги въ крестьянскомъ дѣлѣ и русской заграничной прессы, участниковъ которой, впрочемъ, не назвалъ. Тостъ, предложенный княземъ Оболенскимъ, произвелъ большое смущеніе между присутствующими и вызвалъ громкое сочувствіе однихъ и не менѣе громкое неодобреніе другихъ. Тогда поднялся старѣйшій изъ членовъ редакціонныхъ комиссій П. А. Булгаковъ и совершенно неожиданно высказалъ, что въ такомъ случаѣ придется еще вспомнить и о тѣхъ людяхъ, которые гораздо раньше стремились къ освобожденію крестьянъ и даже старались осуществить его на практикѣ, а потому онъ предлагаетъ молчаливый тостъ въ память Емельяна Пугачева. Эта выходка привела присутствующихъ въ такое смущеніе, что всѣ они, молчаливо простившись съ хозяиномъ, поспѣшили разойтись по домамъ, а слухъ объ этомъ инциндентѣ облетѣлъ на другой день весь Петербургъ и возбудилъ всеобщее его осужденіе, тѣмъ болѣе, что Булгаковъ былъ статсъ-секретаремъ и часто замѣнялъ графа Панина въ предсѣдательствованіи редакціонными комиссіями. До императора Александра II свѣдѣнія о случившемся на обѣдѣ Касинова дошли на другой день рано по утру изъ личнаго доклада гр. Панина, которому государь выразилъ свое крайнее неудовольствіе на непростительную, по его мнѣнію, выходку его статсъ-секретаря. На это гр. Панинъ поспѣшилъ въ нѣкоторое оправданіе Булгакова объяснить государю, что Булгаковъ, будучи возмущенъ намекомъ на заслуги по крестьянскому дѣлу враждебной государю подпольной прессы, хотѣлъ своею выходкой сдѣлать невозможнымъ ожидаемое имъ предложеніе тоста

за здоровье такихъ государственныхъ преступниковъ, какими были въ это время Герценъ, Огаревъ и Бакунинъ. Разъясненіе гр. Панина и откровенное, хотя и циническое признаніе призваннаго государемъ для личнаго съ нимъ объясненія Булгакова въ томъ, что онъ „былъ пьянъ“ и, можетъ быть, видѣлъ враговъ отечества тамъ, гдѣ ихъ не было, умиротворили гнѣвъ государя, и весь этотъ инцидентъ не имѣлъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Булгакова.

Конечно, этотъ эпизодъ живѣе рисуетъ въ мемуарахъ Семенова атмосферу и настроенія той поры, чѣмъ многія страницы выдержекъ изъ сухихъ журналовъ. Очень часто примѣчанія автора въ выноскахъ къ подобнымъ выдержкамъ гораздо интереснѣе самыхъ журналовъ, потому что разногласіе, формулированное въ журналахъ въ видѣ отвлеченныхъ положеній и цифръ, комментировано въ выноскахъ, какъ живая борьба лицъ, представлявшихъ собою болѣе или менѣе значительныя и вліятельныя общественныя группы. Таковы, напр., поясненія о роли въ главномъ комитетѣ кн. П. П. Гагарина, проведшаго съ успѣхомъ пагубные даровые „нищенскіе“ надѣлы, на которые соблазнилось множество крестьянскихъ обществъ въ черноземной полосѣ, или о роли М. Н. Муравьева, стремившагося къ всяческой затяжкѣ разрѣшенія аграрнаго вопроса и т. п. (глава XIX тома IV).

Издана книга съ внѣшней стороны прекрасно, иллюстрирована многими портретами дѣятелей освобожденія. Въ приложеніи данъ указатель главнѣйшихъ личныхъ именъ къ обоимъ томамъ, содержащій не только постраничныя указанія, но и краткое обозначеніе предметовъ, упоминаемыхъ въ связи съ даннымъ именемъ.

Къ 10-лѣтію I Государственной Думы 27 апрѣля 1906—27 апрѣля 1916. Сборникъ статей перводумцевъ. Изд-во „Огни“ Петроградъ, 1916. Стр. IV+230+I. Цѣна 2 р. 25 к.

Сколько-нибудь полной исторіи первой Государственной Думы мы еще не скоро дождемся. Сборникъ, изданный къ десятилѣтію ея перводумцами, пестритъ многочисленными цензурными пропусками и не содержитъ даже такого документа этой исторіи, какъ выборгское воззваніе. Книга поэтому поневолѣ носитъ преимущественно мемуарный характеръ, но самый предметъ ея такъ живъ и поучителенъ, такими безчисленными нитями связанъ съ исканіями и надеждами на лучшее будущее и для нашихъ дней, что и въ этой формѣ книга достаточно отвѣчаетъ интересу вопроса. Въ сборникѣ объединены имена многихъ виднѣйшихъ перводумцевъ, и въ томъ

числѣ имѣются имена недавно почившихъ М. М. Ковалевскаго и В. П. Обнинскаго, еще давшихъ въ него свои статьи.

Выборамъ въ первую Думу посвящены статьи Н. Карѣева, Д. Протопопова, крестьянина И. Л., кн. Вл. Оболенскаго, Ал. Букейханова и Ѳ. Крюкова. Въ этихъ воспоминаніяхъ разсѣяно много бытовыхъ чертъ и подробностей изъ разныхъ концовъ Россіи, и рельефно рисуется настроеніе широкихъ круговъ избирателей, возложившихъ на перводумцевъ всѣ свои упованія, такъ что названіе первой Думы „Думою народныхъ надеждъ" вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ воспоминаніяхъ Н. Огородникова описанъ „Первый день" Государственной Думы, полный очарованія, незабываемый день, когда не было „ни облачка въ небѣ, ни тѣни сомнѣнія и усталости въ душѣ, ни малѣйшаго слѣда пережитыхъ страданій въ ликующемъ народѣ", а было „полное забвеніе всего тяжелаго прошлаго, безотчетное упоеніе ожиданіемъ близкаго неизбѣжнаго возрожденія къ новой, красивой жизни подъ сѣнью права и свободы". Въ видѣ приложенія къ этой статьѣ данъ отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, принятый 5 мая и представляющій понынѣ неосуществленную программу насущныхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ.

Основному, что было выдвинуто Думою, посвящены: одушевленная статья В. Обнинскаго „Первая Дума и правительство въ вопросѣ о землѣ", статья Н. Гредескула „Національный вопросъ въ первой Думѣ" и статья М. Ковалевскаго „Первая Дума и ея завѣты". „Исторія знаетъ не одинъ примѣръ палатъ, — писалъ М. М. Ковалевскій: — имѣвшихъ лишь кратковременное существованіе и въ то же время опредѣлившихъ на долгіе годы то направленіе, по какому съ временными остановками будутъ слѣдовать ихъ преемницы. Вспоминается знаменитое собраніе въ церкви св. Павла членовъ, такъ называемаго, Франкфуртскаго парламента. Объединенная и демократическая Германія можетъ считать его своею колыбелью. А куда только не разбрелись эти начинатели въ дѣлѣ собиранія германскихъ земель. Одни принуждены были эмигрировать въ Америку, другіе перешли швейцарскую границу (напр. Карлъ Фохтъ), третьи, какъ Блюмъ, казнены были въ Вѣнѣ. Сравнительно съ ихъ судьбою менѣе горькой можетъ показаться судьба членовъ первой Думы, даже тѣхъ, которые осуждены были за выборгское воззваніе къ потерѣ своихъ политическихъ правъ. Двухмѣсячная дѣятельность депутатовъ перваго призыва, такъ слабо отразившаяся въ непосредственной перемѣнѣ нашего устарѣлаго законодательства, не вызвавшая ближайшихъ перемѣнъ ни въ составѣ правительства, ни въ общемъ направленіи нашей политики, тѣмъ не менѣе не

принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, которыя проходятъ безслѣдно для поступательнаго хода исторіи. Завѣты, оставленные первой Думой, не потеряли своей жизненной силы и во многомъ опредѣлятъ тотъ путь, по которому пойдетъ дальнѣйшее развитіе нашей гражданственности".

Далѣе, въ горячо написанныхъ, провѣренныхъ бесѣдами съ виднѣйшими очевидцами дѣла, воспоминаніяхъ М. Винавера расказана вся исторія разгона Думы и выборгскаго воззванія, въ статьѣ „Въ ожиданіи роспуска и послѣ роспуска". Каковы бы ни были результаты выборгскаго воззванія, подписаннаго послѣ долгой борьбы и тяжелыхъ колебаній, „первая Дума, — кончаетъ Винаверъ свои воспоминанія, — не разсѣялась безслѣдно, — она еще разъ спаялась воедино". В. Обнинскій даетъ картину Россіи „Послѣ роспуска". Я. Имшенецкій подѣлился воспоминаніями объ отбываніи тюремнаго наказанія въ „Крестахъ" за подписаніе выборскаго воззванія. А. Васильевъ въ статьѣ „Идея парламента міра и первая Государственная Дума" говоритъ о заключительномъ отголоскѣ существованія Думы, объ участіи русскихъ депутатовъ въ лондонской междупарламентской конференціи мира, гдѣ сэромъ Кемпбелль-Баннерманомъ было произнесено знаменитое крылатое слово; „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!" Несмотря на всю остроту безумной международной войны, авторъ считаетъ возможнымъ высказать увѣренность: „Съ Германіей или безъ Германіи — близко, вѣрится, возрожденіе идеи международнаго парламента Будущимъ, истиннымъ представителямъ Россіи, первая Дума въ засѣданіи 30 іюня 1906 г. оставила завѣтъ явиться снова иниціаторами осуществленія этой великой идеи и вмѣстѣ съ нею вѣчнаго Божьяго мира на всей землѣ".

Въ заключительной части книги помѣщенъ рядъ статей и справокъ, принадлежащихъ перу Родичева, Шаховского и др. посвященныхъ „Свѣтлой памяти покойныхъ депутатовъ перваго призыва", въ томъ числѣ памяти Муромцева, Герценштейна, гр. Гейдена, Шершеневича, Іоллоса и др., кончая принявшими участіе въ сборникѣ В. П. Обнинскимъ и М. М. Ковалевскимъ (замѣтки о послѣднемъ принадлежатъ А. Васильеву и В. Кузьмину-Караваеву). Наконецъ, указана литература книгъ и брошюръ о первой Государственной Думѣ. Сборникъ, при всей его видимой спѣшности и нѣкоторой случайности, хорошо вводитъ въ настроенія первой Государственной Думы и представляетъ любовный и полезный для будущихъ историковъ откликъ на десятилѣтіе перваго русскаго парламента.

Ч. В—скій.

Георгію Ивановичу Челпанову отъ участниковъ его семинаріевъ въ Кіевѣ и Москвѣ. 1891—1916. Статьи по философіи и психологіи. Москва. 1916 г. 430 стр. (съ потретомъ Г. И. Челпанова). 8°. Цѣна 3 р. 50 к.

Выпускомъ этого сборника бывшіе и настоящіе ученики проф. Г. И. Челпанова отмѣтили 25-лѣтіе его научно-литературной и педагогической дѣятельности. Въ книгу вошли слѣдующія статьи: А. Щербина — „Слѣпой музыкантъ В. Г. Короленка"; А. Лосевъ — „Эросъ у Платона"; П. Блонскій — „Историческій контекстъ философіи Беркли"; П. Поповъ — „Бергсонъ и его критики"; Л. Салачовъ — „Гносеологія — онтологія"; И. Марковъ — „Интуиція Я"; Г. Шпетъ — „Сознаніе и его собственникъ"; Ѳ. Бережковъ — „Субъективны ли чувственныя качества?"; А. Циресъ — „Къ вопросу объ очевидности математическихъ положеній"; И. Дьяковъ — „Проблема взаимоотношенія субстанціи и времени"; П. Дале — „О подсознательныхъ явленіяхъ душевной жизни"; К. Корниловъ — „Конфликтъ двухъ экспериментально-психологическихъ школъ"; Б. Сѣверный — „Къ вопросу о природѣ сравненія"; Н. Ферстеръ — „Къ анализу процесса упражненія"; А. Каэласъ — „Къ вопросу о генезисѣ эмоцій"; Н. Рыбниковъ — „Къ вопросу о методикѣ изслѣдованія памяти"; В. Экземплярскій — „Психологія типовъ представленія и вопросы педагогики". Всѣ эти статьи представляютъ интересъ въ разныхъ отношеніяхъ. Въ частности, весьма любопытна статья о „Слѣпомъ музыкантѣ": авторъ ея — прив. доц. моск. унив., слѣпой съ 3-лѣтняго возраста, разсматриваетъ „этюдъ" В. Г. Короленка съ точки зрѣнія его соотвѣтствія дѣйствительной психологіи слѣпыхъ, при чемъ пользуется почти исключительно данными собственнаго опыта. Отмѣтивъ сочувственное отношеніе Короленка къ слѣпымъ, авторъ находитъ, что художнику рѣшительно не удалось проникнуть въ душу слѣпыхъ: слѣпой Короленка — „воображаемый". Не излагая за недостаткомъ мѣста остальныхъ статей сборника, дадимъ ихъ общую характеристику. Въ нихъ ученики проф. Челпанова за 25 лѣтъ показываютъ, что и какъ сближаетъ ихъ съ учителемъ и отдѣляетъ отъ него.

Проф. Челпановъ принадлежитъ къ поколѣнію русскихъ мыслителей, выступившихъ активно въ началѣ 90-хъ годовъ. Представители этого поколѣнія отличаются сильнымъ интересомъ къ вопросамъ метафизики; которые они ставили и рѣшали въ связи и въ свѣтѣ теоріи познанія Проф. Челпановъ въ этомъ отношеніи не типиченъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ онъ не проявилъ особаго, замѣтнаго влеченія къ метафизикѣ. По своимъ интересамъ

онъ — психологъ, но вопросы психологіи ставитъ и рѣшаетъ въ связи съ вопросами теоріи познанія. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, психологическія работы котораго начали появляться тоже въ 90-хъ годахъ. Какъ и Овсянико-Куликовскій, онъ въ теоріи познанія держится взглядовъ „умѣреннаго критицизма", представляющаго своеобразное сочетаніе позитивизма и неокантіанской философіи. Подобно Овсянико-Куликовскому, для Челпанова характерно также сочетаніе задачъ ученаго изслѣдователя и педагога (въ широкомъ смыслѣ слова). Онъ обладаетъ широтою воспріятій и умѣніемъ уловить и изложить весьма сложныя вещи прозрачно, просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно. Въ этомъ отношеніи Челпановъ — учитель по преимуществу.

Не удивительно, что у него много учениковъ. Принадлежа къ разнымъ поколѣніямъ и обнаруживая различныя степени зрѣлости взглядовъ, они представляютъ — въ цѣломъ — нѣкоторое единство. Вопросы философіи и психологіи, по своей связи характерные для учителя, остались связанными и у нихъ. Но учитель сочеталъ тѣ и другіе единолично, ученики — подѣлили ихъ между собою (это видно и изъ приведеннаго перечня статей). Какъ и учитель, ученики обнаруживаютъ обширную начитанность, широту философскихъ воспріятій и умѣніе вникать въ сложныя и тонкія ученія и философскія задачи. Но тогда, какъ для учителя это является условіемъ и орудіемъ популяризующаго изложенія, для учениковъ это — почва для проявленій самостоятельнаго творчества. И если первый въ своей области достигаетъ цѣли ясностью и простотою мысли и изложенія, то вторые — въ своей области — стремятся къ цѣли путями сложными и уже потому не всегда ясными, не говоря о другихъ причинахъ, не содѣйствующихъ ясности. Впрочемъ, едва ли кто откажетъ ученикамъ въ признаніи за ихъ вопросами значительности и за ихъ отвѣтами — большей или меньшей цѣнности.

Во всемъ этомъ ученики въ извѣстной степени слѣдуютъ за учителемъ. Они удаляются отъ него гораздо больше въ вопросѣ о содержаніи философіи. Почти всѣ они порвали съ „умѣреннымъ критицизмомъ", нѣкоторые ополчились противъ характернаго для него „примѣра" теоріи познанія и съ величайшимъ пыломъ занимаются вопросами „метафизики". Въ этомъ отношеніи они скорѣе слѣдуютъ за метафизиками-современниками учителя. Они сочувственно цитируютъ Вл. С. Соловьева, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого (изъ которыхъ, впрочемъ, только послѣдній одного поколѣнія съ Челпановымъ). Однако, метафизическія симпатіи учениковъ не являются рѣзкимъ „бунтомъ" противъ „критицизма" учителя. Г. И. Челпановъ, какъ и всѣ умѣренные критицисты, не

былъ и не является совершеннымъ отрицателемъ метафизики, поскольку она наукообразна. А ученики, въ свою очередь, усердно стремятся придать ей этотъ характеръ. Въ ихъ метафизическихъ воззрѣніяхъ нѣтъ ничего „мистическаго"; напротивъ, они стараются быть „реалистами". Въ этомъ отношеніи очень характерно то, что нѣкоторые изъ нихъ, при томъ — съ разныхъ точекъ зрѣнія — доказываютъ „объективность" той картины міра, которую рисуетъ „здравый смыслъ". Они пытаются оправдать его ядро, вплоть до мысли, что звуки, краски и т. д. существуютъ объективно, а не только въ рамкахъ тѣснаго сознанія отдѣльныхъ людей.

Въ заключеніе отмѣтимъ, безъ сомнѣнія, отрадное явленіе. Жалобы на отсутствіе у насъ культурныхъ традицій и преемственности въ идейномъ развитіи, столько разъ опровергнутыя въ другихъ областяхъ, несостоятельны и въ области философіи. Въ этомъ наглядно убѣждаетъ, между прочимъ, и настоящій юбилейный сборникъ. Къ его содержанію можно относиться какъ угодно; но при любой его оцѣнкѣ нельзя не признать положительнымъ явленіемъ самый фактъ его выхода и относительную серьезность поднятыхъ и разсмотрѣнныхъ въ немъ вопросовъ.

Т. Райновъ.

„Музыкальный Современникъ", № 8-й, посвященный памяти С. И. Танѣева. Апрѣль, 1916 г. Петроградъ. Стр. 144, со многими иллюстраціями.

Какъ всѣ книги „Музыкальнаго Современника", и 8-я книга издана роскошно и богато иллюстрирована, но, къ сожалѣнію, редакціи не удалось собрать статей, достойнымъ образомъ воспроизводящихъ оригинальную, столь сильную морально и умственно, личность покойнаго московскаго композитора, не удалось найти музыкальныхъ писателей, которые дали бы, основанную на изученіи произведеній Танѣева, характеристику и оцѣнку его творчества. Отчасти вина въ недостаткахъ книги падаетъ и на редакцію, такъ какъ она не нашла, повидимому, нужнымъ поручить кому-либо разборъ камерной музыки Танѣева и его кантаты „По прочтеніи псалма", т. е. произведеній, занимающихъ центральное мѣсто въ творчествѣ композитора.

Самую лучшую и наиболѣе интересную статью далъ Игорь Глѣбовъ: „Романсы С. И. Танѣева". Но его статья оказалась ограничена очень узкой темой — разборомъ романсовъ Танѣева, являющихся самыми слабыми среди его произведеній. Тѣмъ не менѣе Глѣбовъ далъ серьезное изслѣдованіе, основанное на ясныхъ и глубокихъ понятіяхъ о сущности музыкальнаго творчества. Вслѣдствіе

этого Глѣбову удалось освѣтить причины недостаточной яркости и жизненности творчества Танѣева въ его романсахъ. Не могу, однако, согласиться съ терминологіей Глѣбова, когда онъ говоритъ о музыкальныхъ представленіяхъ и понятіяхъ (стр. 97). „Музыкальное понятіе“ есть терминъ самопротиворѣчащій. Понятіе есть всегда слово, обнимающее безчисленное множество предметовъ, обладающихъ общими признаками, а музыкальная мысль (Глѣбовъ говоритъ „представленіе“, что тоже не точно) или образъ есть всегда единичное, конкретное явленіе, которое никогда не можетъ играть роль понятія, хотя бы изъ одной музыкальной мысли и возникалъ цѣлый рядъ мыслей „ей соподчиненныхъ“ (стр. 97).

Полную противоположность Глѣбову представляетъ Н. Брюсова, которая на пяти страницахъ даетъ наборъ якобы глубокомысленныхъ фразъ, имѣющихъ такъ же мало отношенія къ Танѣеву, какъ къ любому другому композитору. Нельзя же считать философіей мысли, непонятныя ни автору, ни его читателю, а Брюсова, повидимому, думаетъ, что именно изъ такихъ сочетаній непонятнаго подлежащаго съ непонятнымъ сказуемымъ и состоитъ философія. Напр.: среди насъ есть люди, „для которыхъ нѣтъ тайны нигдѣ, ни въ чемъ, — или, можетъ быть, для нихъ все равно таинственно“ (стр. 88). Недурное „или!“ И это пишется въ статьѣ „Музыкальное творчество Танѣева“, Танѣева, который терпѣть не могъ фальшиваго глубокомыслія ни въ словѣ, ни въ музыкѣ.

Очень неудачна третья статья о творчествѣ Танѣева, принадлежащая В. Каратыгину. И это неудивительно. Чувствующій отвращеніе къ музыкѣ Чайковскаго, учителя и друга Танѣева, преклоняющійся предъ Скрябинымъ и Дебюсси, что можетъ хорошаго сказать Каратыгинъ о Танѣевѣ, при всемъ своемъ уваженіи къ техникѣ и учености композитора? И вотъ на протяженіи 14 страницъ Каратыгинъ пишетъ о чемъ угодно: и о метамузыкѣ, и о музыкальной всеядности, и о глубинѣ, ширинѣ и высотѣ музыкальной мысли, и о магіи и мистикѣ, но очень мало о Танѣевѣ и его музыкѣ. Да и въ томъ немногомъ, что пишетъ Каратыгинъ о Танѣевѣ, есть вещи, съ которыми нельзя согласиться. Такъ (стр. 74), нельзя согласиться, что Танѣевъ „со своимъ несовременнымъ, какъ бы анахроническимъ звукосозерцаніемъ, явилъ собою типъ композитора, нѣсколькими вѣками запоздавшаго родиться въ міръ“. Еще менѣе похоже на правду, что „талантъ Танѣева моментами граничилъ съ геніальностью“ (стр. 85). Уже не говоря о томъ, что никакая степень таланта не можетъ превратиться въ геніальность, ибо талантъ и геніальность суть свойства человѣческаго духа, различныя качественно, а не количественно, именно къ Танѣеву меньше

всего примѣнимо слово „геній“, и самъ онъ меньше всего помышлялъ о такомъ рангѣ въ ряду композиторовъ. Интуитивность и простота, наивность и непосредственность выраженія — эти качества менѣе всего свойственны таланту Танѣева. „Я передѣлывалъ темы (т. е. то, что Моцартъ и Глинка творили вполнѣ безсознательно) до тѣхъ поръ, пока онѣ мнѣ начинали нравиться“, пишетъ Танѣевъ Чайковскому по поводу своего перваго квартета. Такимъ образомъ, статья Каратыгина мало даетъ читателю для пониманія творчества Танѣева.

Къ сожалѣнію, три статьи біографическаго характера совсѣмъ уже мало даютъ матеріала для знакомства съ жизнью и личностью Танѣева. Н. Д. Кашкинъ въ силу „разныхъ обстоятельствъ, а также старческихъ немощей“ (стр. 7) не успѣлъ написать біографическій очеркъ Танѣева и далъ только довольно несвязный очеркъ его отношеній съ московской консерваторіей. Не могу не отмѣтить въ статьѣ Кашкина словъ: „Шутовская хламида теософско-сверхчеловѣческихъ измышленій, которую пытались возложить и на него (Танѣева), возбуждала въ немъ припадки самой искренней веселости“ (стр. 6). Мнѣ кажется, со стороны редакціи журнала, въ которомъ пишутъ Сабанѣевъ, Каратыгинъ и другіе теософы, напечатаніе этихъ строкъ является верхомъ безпристрастія.

Воспоминанія о Танѣевѣ, данныя Е. Богословскимъ и Ю. Померанцевымъ, содержатъ интересныя черты и отдѣльные факты изъ жизни композитора, но мало литературны и даже написаны какъ-то небрежно. „Его трудъ о канонѣ — почти законченный, — пишетъ Богословскій кажется, — къ сожалѣнію, еще не изданъ“. Развѣ такъ трудно было узнать навѣрное, изданъ или нѣтъ этотъ трудъ Танѣева!?

Очень хороша статья Ю. Энгеля „С. И. Танѣевъ, какъ учитель“. Энгель былъ два года ученикомъ Танѣева въ классѣ контрапункта и фуги въ московской консерваторіи, и даетъ весьма интересное описаніе преподаванія Танѣева, мимоходомъ рисуя обаятельную, несмотря на строгость требованій, личность учителя. Къ сожалѣнію, значительная часть статьи Энгеля, по своему спеціальному содержанію, недоступна большой публикѣ.

То же приходится сказать о статьѣ В. Бѣляева „Подвижной контрапунктъ строгаго письма С. И. Танѣева“. Это разборъ замѣчательной книги Танѣева, сдѣланный съ полнымъ знаніемъ предмета и въ общедоступной формѣ, насколько она возможна по отношенію къ такому спеціальному вопросу. Бѣляевъ считаетъ книгу Танѣева создающей эпоху: „Это тотъ рубежъ, который отдѣляетъ въ музыкальной теоріи одну эпоху отъ другой“ (стр. 129).

Викторъ Вальтеръ.

Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. 1916 г. 704 ст. ц. 5 р.

Данная книга составилась въ своей значительной части изъ статей автора, ранѣе напечатанныхъ въ рядѣ изданій; но около трети книги заполнено очерками, появляющимися впервые. Несмотря на такой „собирательный" характеръ — всѣ очерки переработаны, и потому книга является цѣльнымъ и законченнымъ трудомъ.

Дѣлится она на четыре основныхъ отдѣла подъ названіями: 1) „Общество", гдѣ изслѣдуются остовные методы познанія соціальныхъ явленій, 2) „право", гдѣ находимъ до извѣстной степени, примѣненіе этихъ методовъ къ опредѣлнію области общественнаго бытія, 3) „Государство" и 4) „Культура".

Въ небольшой рецензіи нѣтъ возможности и надобности приводить содержаніе отдѣльныхъ очерковъ и излагать воззрѣнія автора на тотъ или иной частный вопросъ. Вмѣсто этого цѣлесообразнѣе выдѣлить центральный пунктъ всей книги, прослѣдить его примѣненіе и указать на его пріемлемость или непріемлемость. Какъ видно уже изъ подзаголовка и изъ предисловія, работа Б. А. Кистяковскаго посвящена вопросу методологіи соціальныхъ наукъ. Ея содержаніе вполнѣ оправдываетъ это заданіе. Хотя въ ней и немалое мѣсто отведено праву, но и правовыя проблемы разсматриваются преимущественно съ точки зрѣнія методологической.

Начавъ съ констатированія кризиса соціальныхъ наукъ, авторъ правильно указываетъ и на основную причину его, каковой является все продолжающееся подчиненіе этихъ дисциплинъ соціальной философіи и психологіи. Эмансипація отъ этой зависимости, несомнѣнно, задача момента. Формулируя затѣмъ постановку методологическихъ проблемъ, онъ сводитъ ихъ къ тремъ основнымъ задачамъ: „къ обработкѣ соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія категорій общности, необходимости и долженствованія, иначе къ выясненію вопросовъ: 1) какъ добываются и создаются научныя понятія о соціальныхъ явленіяхъ, 2) примѣнимо ли къ нимъ причинное объясненіе, и 3) какова роль и значеніе нормъ въ соціальной жизни (27—29 стр.).

Отвѣты автора на эти вопросы гласятъ: 1) категорія причинности вполнѣ примѣнима къ соціальнымъ явленіямъ. „При изслѣдованіи соціальныхъ явленій, говоритъ Б. А. Кистяковскій, мы можемъ установить общезначимыя причинныя соотношенія, обладающія предикатомъ безусловной необходимости" (168—8, см. 118—119 стр.). 2) Но это не единственная категорія. На ряду съ ней съ полнымъ правомъ можетъ и должна занять здѣсь мѣсто и категорія должен-

ствованія или справедливости. Послѣдняя даже имѣетъ нѣкоторый пріоритетъ передъ первой, ибо „долженствованіе вмѣщаетъ въ себѣ и необходимость". „Обо всемъ, что касается людей... можно и должно судить съ нравственной точки зрѣнія", говоритъ авторъ.

Какъ видно уже отсюда, авторъ — сторонникъ плюралистическаго метода. Этотъ плюрализмъ вполнѣ отчетливо проявляется при изслѣдованіи отдѣльныхъ промблемъ, напр. проблемы права. Критикуя односторонне-монистическія теоріи, онъ настаиваетъ на возможности изученія права съ различныхъ точекъ зрѣнія, — въ частности, можно конструировать государственно-организаціонное, соціологическое, психологическое и нормативное понятіе права. Каждое изъ нихъ можетъ быть правильнымъ, и только по выработкѣ такихъ понятій возможно единое синтетическое понятіе права. Аналогичный пріемъ приводится имъ и въ слѣдующихъ отдѣлахъ книги при изслѣдованіи другихъ проблемъ.

Таковъ центральный пунктъ этой интересной и цѣнной работы. На всей книгѣ лежитъ печать вдумчиваго и философски воспитаннаго ума, прошедшаго дисциплину школы Винделбанда-Риккерта. Отдѣльные пункты, какъ, напр., анализъ причиннаго изученія соціальныхъ явленій (см. резюме 168 стр.) — превосходны и исчерпывающи.

Но отдавая должное автору и подписываясь вполнѣ подъ его положеніями, касающимися категорій причинности, я не могу того же сказать о данномъ имъ обоснованіи и возможности примѣненія категоріи должнаго. Здѣсь, думается мнѣ, все спорно. Если спорна уже сама теоретико-познавательная концепція Риккерта, то спорные пункты ея въ примѣненіи къ отдѣльнымъ проблемамъ выступаютъ гораздо рѣзче и острѣе. Несомнѣнно, категоріи необходимаго и должнаго различны. Несомнѣнно также, что человѣку присуще стремленіе къ справедливости и соотвѣтственная оцѣнка явленій. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что эти оцѣночныя положенія могутъ быть сужденіями, т. е. элементомъ науки, и если могутъ, то возможно ли обоснованіе общезначимости основной нормы, являющейся альфой и омегой даннаго метода? Мнѣ кажется, что на эти вопросы приходится отвѣтить отрицательно. Возможна общезначимая, естественно-научная (категорія причинности) теорія о нормахъ, какъ о фактахъ, но общезначимая нормативная теорія о чемъ бы-то ни было невозможна.

Всякое сужденіе съ „долженъ" или его замѣстителями („чти отца твоего", „не убій", „слушай начальство", „дѣйствуй такъ чтобы правило твоей дѣятельности... стало всеобщимъ закономъ" и т. д.) — дѣло вѣры и произвола; другими словами — такія „волеизъ-

явленія" — совсѣмъ не сужденія и лежатъ внѣ области знанія или истины. И легко понять, почему. Всякое сужденіе предполагаетъ примѣнимость къ нему категоріи истины или лжи. Что же можно съ этой точки зрѣнія сказать о всѣхъ сужденіяхъ съ приставкой sollen? Можно ли сказать, что выраженія: „не убій", „слушай старшихъ", „люби ближняго" и т. д. — истинны? Нѣтъ. Равно, нельзя сказать, что они и ложны. Они стоятъ внѣ этихъ критеріевъ, а потому и не являются сужденіями, и не могутъ составить науки. Обоснованіе этихъ взглядовъ мной было развито въ книгѣ: „Преступленіе и кара" (Введеніе); подтвержденіе ихъ я нашелъ у Пуанкарэ въ его статьѣ: „Наука и нравственность" (теперь переведена на русскій языкъ), и уважаемый авторъ не убѣдилъ меня въ ошибочности моихъ положеній... Въ силу этого для меня рѣшительно не оправдана параллель его между логическими и этическими нормами, между понятіемъ и нравственнымъ принципомъ. Не нашелъ я у него и обоснованія общезначимости его идеала. Вмѣсто нормы: „люби ближняго", логически съ такимъ же правомъ возможенъ и противоположный принципъ: „ненавидь ближняго", и исходя изъ него, можно также построить цѣлую систему положеній или рецептовъ поведенія. Въ силу того же не доказана и неизмѣнность нравственнаго принципа. Параллель его съ $2 \times 2 = 4$ не годна, (см. 243 стр.) ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, а въ рецептѣ: „люби ближняго" или въ иномъ подобномъ нѣтъ сужденія, а есть только словесное волеизъявленіе, о которомъ нельзя сказать ни того, что оно истинно, ни того, что оно ложно. Въ силу этого уже оно не можетъ быть логически общезначимо. Выражаясь словами Пуанкарэ, — о научной этикѣ или, иначе, о нормативномъ познаніи, не можетъ быть рѣчи потому, что наука говоритъ въ изъявительномъ наклоненіи, а нормальная дисциплина — въ повелительномъ. Поскольку возможна научная этика, она можетъ и должна быть примѣненіемъ той же категоріи причинности (наукой о нормахъ); поскольку же сама эта дисциплина будетъ нормативною — она не будетъ наукой. Она лежитъ въ иной плоскости и внѣ категоріи истины, какъ внѣ ея лежитъ и эстетическая оцѣнка. Какъ послѣдняя, такъ и нравственная оцѣнка суть только объекты научнаго познанія (наравнѣ съ другими объектами физико-химич., біологич. и соціальнаго міра); сама же оцѣнка и т. н. „оцѣночныя высказыванія" — въ составъ науки не входятъ, а потому не могутъ дать и нормальнаго метода, какъ способа познанія.

Косвеннымъ поддержаніемъ сказаннаго служитъ почти вся исторія этики и „моральныхъ системъ" а равно и новѣйшія по-

пытки созданія нормативной науки и метода (напр., Штаммлеръ). Такія попытки были и остаются научно безплодными. Этимъ я не хочу сказать, что онѣ вообще безцѣнны. Нѣтъ. Онѣ имѣли большую цѣнность, которая лежитъ только внѣ сферы познанія или науки.

Таковъ основной спорный пунктъ глубоко-интересной работы Б. А. Кистяковскаго. Можно съ ней соглашаться и не соглашаться, но и въ послѣднемъ случаѣ спорные отдѣлы прочтутся съ пользой всѣми противниками, не говоря уже о союзникахъ. Въ цѣломъ, книга одна изъ тѣхъ, которыя необходимо прочесть всякому, думающему и изучающему явленія человѣческаго духа и общественной жизни.

Питиримъ Сорокинъ.

Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Опыты эстетическіе и критическіе. Москва. Издательство „Мусагетъ". 1916. Стр. 351. Цѣна 2 р. 75 к.

„Эта вторая книга избранныхъ „эстетическихъ и критическихъ опытовъ" продолжаетъ развивать единое міровоззрѣніе, основы котораго уже намѣчены въ первой („По звѣздамъ"), — читаемъ въ предисловіи. — „Міросозерцаніе живо — поскольку оно рождаетъ новыя стремленія, зрѣло — поскольку обрѣтаетъ въ себѣ законъ. Въ этой книгѣ читатель найдетъ и поднятыя борозды и предѣльныя межи. Онъ уловитъ въ частности очертанія моей эстетики и поэтики; задумается со мною надъ идеогоніей новаго духа; оглянетъ пройденный символизмъ съ его окраинъ".

Любопытствующій читатель прежде всего обратится, конечно, къ тѣмъ очеркамъ, которые сгруппированы подъ общимъ заглавіемъ: „Искусство и символизмъ". Благо читателю, если онъ сумѣетъ, послѣ немалой борьбы съ своеобразно изломанною и вычурною рѣчью критика-поэта, найти въ ней отзвукъ своимъ настроеніямъ и мыслямъ. Вотъ основныя опредѣленія (на которыхъ нужно, къ несчастью, сначала вывихнуть свой языкъ и образъ мышленія) того, что такое символическая поэзія и символизмъ.

„Символизмъ кажется упрежденіемъ той гипотетически мыслимой, собственно религіозной эпохи языка, когда онъ будетъ обнимать двѣ раздѣльныхъ рѣчи: рѣчь объ эмпирическихъ вещахъ и отношеніяхъ и рѣчь о предметахъ и отношеніяхъ иного порядка, открывающагося во внутреннемъ опытѣ, — іератическую рѣчь пророчествованія. Первая рѣчь, нынѣ единственно намъ привычная, будетъ рѣчь логическая, — та, основною внутреннею формой которой является сужденіе аналитическое; вторая, нынѣ случайно примѣшанная къ первой, обвивающая священною золотою омелой друж-

ные съ нею дубы поэзіи и глушащая паразитическимъ произрастаніемъ разсадники науки, поднимающаяся тучными колосьями родного злака на пажитяхъ вдохновеннаго созерцанія и чуждыми плевелами на полѣ, вспаханномъ плугами точнаго мышленія, — будетъ рѣчь миѳологическая, основною формою которой послужитъ „миѳъ", понятый какъ синтетическое сужденіе, гдѣ подлежащее — понятіе — символъ, а сказуемое — глаголъ: ибо миѳъ есть динамическій видъ (modus) символа, — символъ, созерцаемый, какъ движеніе и двигатель, какъ дѣйствіе и сила". (129—130). „Отличительными признаками чисто символическаго художества являются въ нашихъ глазахъ:

„1) сознательно выраженный художникомъ параллелизмъ феноменальнаго и ноуменальнаго, гармонически найденное созвучіе того, что искусство изображаетъ, какъ дѣйствительность внѣшнюю (realia), и того, что оно проводитъ во внѣшнемъ, какъ внутреннюю и высшую дѣйствительность (realiora), ознаменованіе соотвѣтствій и соотношеній между явленіемъ (оно же — „только подобіе", „nur ein Gleichniss") и его умопостигаемою или мистически прозрѣваемою сущностью, отбрасывающею отъ себя тѣнь видимаго событія;

„2) — признакъ, присущій собственно символическому искусству и въ случаяхъ, такъ называемаго, „безсознательнаго" творчества, не осмысливающаго метафизической связи изображаемаго, — особенная интуиція и энергія слова, каковое непосредственно ощущается поэтомъ, какъ тайнопись неизреченнаго, вбираетъ въ свой звукъ многія, невѣдомо откуда отозвавшіяся эхо и какъ бы отзвуки родныхъ подземныхъ ключей — и служитъ такимъ образомъ, вмѣстѣ предѣломъ и выходомъ въ запредѣльное, буквами (общепонятнымъ начертаніемъ) внѣшняго и іероглифами (іератическою записью) внутренняго опыта" (стр. 134—135).

Эти реторично тяжелыя формулы многообразно развиты въ „опытахъ" г. Вячеслава Иванова съ присущимъ ему пристрастіемъ къ неудобопонятности и къ обилію семинарско-греческихъ терминовъ, которыми въ символической эстетикѣ такъ же злоупотребляютъ теперь, какъ въ прежнихъ эстетическихъ теоріяхъ злоупотребляли нѣмецкими и французскими. Читатель иногда въ правѣ и негодовать и смѣяться, когда мудреною рѣчью о простыхъ вещахъ исхищренно и темно прикрывается тщетное усиліе объяснить таинственныя realiora противополагаемыя всѣмъ доступнымъ realia. Когда неподготовленный читатель, не испортившій себѣ этимъ языкомъ пониманія, узнаетъ, что предложеніемъ „солнце сѣло" или ему подобными онъ сотворилъ „миѳъ", ибо солнцу садиться, въ сущности, не на что, и пріобщился къ акту мистическаго миѳотворчества, чи-

татель невольно чувствуетъ себя въ положеніи мосье Журдена, узнающаго что, онъ весь вѣкъ говорилъ прозою, и пугающая трудность пониманія глубокомысленнаго тумана рѣчей критика-символиста заставляетъ подозрѣвать, что за туманомъ и самъ критикъ не усматриваетъ никакихъ realiora. По собственному признанію, автора, школа, дѣйствительно, ихъ и не нашла. „Историческою задачею новѣйшей символической школы было, — читаемъ у В. Иванова, — раскрыть природу слова, какъ символа, и природу поэзіи, какъ символики истинныхъ реальностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта школа отнюдь не выполнила своей двойной задачи“. Авторъ скромно ограничиваетъ завоеванія школы „нѣкоторыми начальными достиженіями“ и ея „паѳосомъ въ переживаемомъ нами всеобщемъ сдвигѣ системы духовныхъ цѣнностей“. Весьма скромно и благоразумно, поэтому, его напоминаніе молодымъ поэтамъ: „Не нужно желать „быть символистомъ“; можно только наединѣ съ собой открыть въ себѣ символиста — и тогда лучше всего постараться скрыть это отъ людей... О символѣ должно помнить — „не пріемли всуе“ (144). — Совѣтъ благоразуменъ, ибо сознательное стремленіе къ параллелизму феноменальнаго и ноуменальнаго, въ духѣ вышеприведеннаго опредѣленія, можетъ вести только къ сухо раціоналистическому аллегоризму въ поэтическомъ творчествѣ.

Наше скептическое отношеніе къ realiora, открываемымъ будто бы въ символической эстетикѣ и поэтикѣ, не мѣшаетъ съ интересомъ присматриваться къ приложеніямъ символической теоріи Вячеслава Иванова. Наиболѣе интересною статьею въ сборникѣ намъ показались первыя статьи о Достоевскомъ. — при комической мѣстами страсти всему находить символическое истолкованіе, (напр., Кирилловъ въ „Бѣсахъ“ все чай пьетъ по ночамъ, „чаепитіе — симптомъ русскаго медитативнаго идеализма“).

Любопытны указанія Вячеслава Иванова на близость въ построеніи романовъ Достоевскаго съ древне-греческою трагедіею и нѣкоторые мотивы въ творчествѣ его. Также, интересно сближеніе „Бѣсовъ“ съ концепціею гетевскаго „Фауста“, но исхищренно мудрено истолкованіе „Бѣсовъ“ въ видѣ „ѳеургической загадки“: „какъ возможенъ Иванъ-царевичъ, грядущій во имя Господне, — какъ возможенъ приходъ суженаго Земли русской жениха-богоносца?“. Конечно, Достоевскому не снились подобные комментаріи, какъ Гете не снились безчисленные комментаріи и истолкованія „Фауста“. Но любопытно, какъ знаменіе времени, это неустанное обращеніе къ Достоевскому, исканіе въ смутномъ зыблящемся зеркалѣ его творчества отвѣта на исканія современныхъ мистиковъ. Ч. В—скій.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛѢННЫМЪ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.)

Громадные размѣры нужды нашихъ военноплѣнныхъ и въ особенности самая острота нужды, обусловленная поистинѣ ужасными условіями ихъ существованія въ германскихъ и австрійскихъ лагеряхъ, вызвали въ жизни, какъ въ Россіи, такъ и за границей цѣлый рядъ правительственныхъ и общественныхъ организацій, посильно стремящихся облечить участь томящихся въ плѣну.

Эта помощь началась прежде всего съ установленія мѣстонахожденія военноплѣнныхъ и ихъ регистраціи, затѣмъ стало возможнымъ ближайшее выясненіе ихъ нуждъ и организація самой помощи, сводящейся, съ одной стороны, къ установленію съ лагерями и съ отдѣльными плѣнными письменныхъ сношеній, съ другой — къ снабженію ихъ всѣмъ, въ чемъ они нуждаются. Эти главныя стороны дѣла составляютъ предметъ занятій каждой организаціи, занимающейся помощью военноплѣнныхъ: регистрація, розыскъ отдѣльныхъ лицъ, установленіе съ ними сношенія и удовлетвореніе ихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ.

Приведемъ перечень всѣхъ извѣстныхъ намъ организацій съ краткими свѣдѣніями о ихъ дѣятельности. У насъ имѣются слѣдующія правительственныя организаціи:

1) Центральное справочное бюро о военноплѣнныхъ главнаго управленія Краснаго Креста (Петроградъ, Инженерная, 4). Въ это учрежденіе поступаютъ списки военноплѣнныхъ отъ воюющихъ съ нами странъ съ распредѣленіемъ ихъ по лагерямъ. Оно даетъ справки о мѣстѣ нахожденія военноплѣнныхъ. Имъ изданы „Справочникъ для сношеній съ русскими военноплѣнными, находящимся въ Германіи и Австро-Венгріи", со спискомъ германскихъ и австрійскихъ лагерей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и карта расположенія лагерей.

Въ Москвѣ (Воздвиженка, 1) имѣется отдѣленіе этого бюро, которое даетъ такія же справки.

2) Особый комитетъ для помощи военноплѣннымъ при Центральномъ Справочномъ Бюро Краснаго Креста (Петроградъ, Итальянская, 11) — служитъ посредникомъ по пріему и пере-

дачѣ пожертвованій для русскихъ воиновъ, находящихся въ плѣну. Это учрежденіе является главнымъ органомъ Краснаго Креста по дѣламъ матеріальной помощи военноплѣннымъ. Оно даетъ свидѣтельства на безплатную отправку грузовъ, адресованныхъ въ лагери военноплѣнныхъ, оно сносится съ учрежденіями Краснаго Креста нейтральныхъ и воюющихъ съ нами странъ по дѣламъ военноплѣнныхъ и т. д. При немъ организовано особое совѣщаніе изъ представителей правительственныхъ и главныхъ общественныхъ организацій, для объединенія ихъ дѣйствій въ дѣлѣ помощи военноплѣннымъ.

3) Высочайше учрежденный комитетъ для помощи военноплѣннымъ, состоящій подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Этотъ комитетъ получаетъ крупныя правительственныя ассигнованія на дѣло помощи военноплѣннымъ, за счетъ коихъ, а также на пожертвованія онъ оказывалъ крупную помощь военноплѣннымъ. По 1-е января 1916 г. имъ доставлено военноплѣннымъ до 20 тысячъ пудовъ хлѣба и до 50 тысячъ руб. деньгами. Въ настоящее время средства, полученныя этимъ учрежденіемъ изъ государственнаго казначейства ($4^1/_2$ милліона рублей), распредѣляются между учрежденіями, входящими въ совѣщаніе при Особомъ Комитетѣ Краснаго Креста — т. е. Высочайше учрежденнымъ комитетомъ, Особымъ Комитетомъ и комитетами союза городовъ и земскаго союза.

4) Бюро о военноплѣнныхъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (Дворцовая площадь, министерство иностранныхъ дѣлъ) вѣдаетъ сношеніями по дѣламъ о военноплѣнныхъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Между прочимъ, дѣла по обмѣну военноплѣнныхъ и по интернированіи больныхъ въ нейтральныхъ странахъ сосредоточены этомъ учрежденіи.

5) Верховная слѣдственная комиссія (Петроградъ, зданіе сената). Эта комиссія, между прочими дѣлами, собираетъ свѣдѣнія о наказаніяхъ военноплѣнныхъ и ихъ содержаніи въ плѣну — какъ отъ бѣжавшихъ изъ плѣна и возвращаемыхъ инвалидовъ, такъ и по другимъ источникамъ. Свѣдѣнія эти публикуются на русскомъ и иностранныхъ языкахъ — какъ доказательство нарушенія германцами и австрійцами правилъ обращенія съ военноплѣнными, установленныхъ путемъ международныхъ соглашеній (на Гаагской конфереціи).

Кромѣ правительственныхъ, у насъ имѣется цѣлый рядъ организацій общественныхъ, а именно:

1) Отдѣлъ о военноплѣнныхъ при главномъ комитетѣ союза городовъ (Москва, Средніе Торговые ряды, подъѣздъ № 3). Съ этимъ вновь образованнымъ съ 1916 г. учрежденіемъ совмѣстно работаетъ московскій комитетъ помощи военноплѣннымъ и застигнутымъ войной, широко работавшій съ самаго начала войны. Московскій комитетъ хорошо наладилъ сношеніе съ лагерями военноплѣнныхъ черезъ агентуру въ нейтральныхъ странахъ: въ Даніи и Голландіи.

Въ Копенгагенѣ имъ открыто особое бюро, черезъ которое наводятся справки, посылаются письма, вещи и деньги. Агентъ въ Гаагѣ исполняетъ заказы на продукты для пересылки опредѣленнымъ лицамъ въ ла-

гери военноплѣнныхъ. Московскій комитетъ имѣетъ громадную кліентеллу и является старѣйшей и крупнѣйшей организаціей для помощи военноплѣннымъ. Для характеристики масштаба работы и размѣра помощи этого учрежденія можно привести слѣдующія цифровыя данныя. Комитетъ получаетъ на свои нужды ежемѣсячно 10,000 рублей отъ города Москвы; имъ дано справокъ о мѣстонахожденіи (съ сентября 1915) 2.801, отправлено писемъ (съ основанія) 47.760, переотправлено писемъ военноплѣнныхъ 109.221, исполнено заказовъ на сумму 13.170 р., собрано пожертвованій деньгами 93.282 р. 58 к., книгами 3400. Въ настоящее время отправлено трафаретныхъ посылокъ 13.170. Отдѣлъ имѣетъ свой сухарный заводъ, выпекшій 24.000 пудовъ сухарей для отправки военноплѣннымъ.

Отдѣлъ помощи военноплѣннымъ при главномъ комитетѣ всер. союза городовъ особо исполнилъ различныхъ порученій частныхъ лицъ и учрежденій 853 на сумму 5065 р. 55 к., исполнилъ порученій мѣстныхъ отдѣловъ (ихъ имѣется 51) 12.829 на сумму 52.236 руб., имъ отправлено запросовъ въ копенгагенское бюро 6711. Изъ пожертвованій переведено на закупку и отправку военноплѣннымъ предметовъ продовольствія въ Копенгагенъ — 30.500 руб., въ Гаагу — 15.000 и въ Бернъ — 3000 руб.

2) Отдѣлъ помощи военноплѣннымъ при главномъ комитетѣ всероссійскаго земскаго союза (Москва, Петровка 1) Это учрежденіе образовано въ декабрѣ 1915 г. Задача его — вести агитацію въ пользу военноплѣнныхъ въ земской Россіи. Главная работа идетъ черезъ провинціальные комитеты земскаго союза. Имъ издана очень полезная брошюра: „Въ плѣну“, составленная покойнымъ В. П. Обнинскимъ. Отдѣлъ имѣетъ сношенія съ 436 земскими комитетами и съ 300 кооперативными союзами. Указанная брошюра разослана въ количествѣ 59.500, кромѣ того 37.000 плакатовъ, 73.000 справочныхъ карточекъ, 15.000 циркуляровъ и 7000 списковъ лагерей. Отдѣлъ исполнилъ заказовъ на посылки черезъ Голландію на 13.829 р. 33 к., отправилъ до 3000 пуд. сухарей, бѣлья и т. п. Въ отдѣлъ по 1 іюля поступило пожертвованій около 76.000 р.

3) Отдѣлъ о военноплѣнныхъ при петроградскомъ областномъ комитетѣ всероссійскаго союза городовъ (Петроградъ. Б. Конюшенная, 12). Это учрежденіе образовано въ сентябрѣ 1915 г. Оно состояло все время въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ московскимъ комитетомъ, а нынѣ состоитъ въ качествѣ отдѣла при главномъ комитетѣ, пользуясь помощью его бюро въ Копенгагенѣ и его агента въ Голландіи.

Со времени основанія отдѣла по 1-е іюня 1916 г. имъ собрано пожертвованій безъ опредѣленнаго назначенія 30.813 р. 11 к., по особому сбору „Петроградъ-военноплѣннымъ“ — 57.613 р. 22 к., съ назначеніемъ опредѣленнымъ лицамъ (по Комиссіи Общенія) — 20.189 р. 70 к. и 20.034 р. 77 к. на заказы продуктовъ черезъ Голландію, всего 128.650 р. 83 к.

За то же время пріобрѣтено на пожертвованія и отправлено собственно отдѣломъ разныхъ предметовъ 1.980 ящиковъ, изъ коихъ часть пожертвована, часть — на сумму 6.129 р. — куплена; сдано заказовъ черезъ Голландію 3.763 на сумму 20.034 р. 77 к., особо

по Комиссіи Общенія отправлено военноплѣннымъ 9.105 почтовыхъ посылокъ на сумму 20.189 р. 70 к.

Особо по сбору „Петроградъ-военноплѣннымъ“ отправлено 2.142 ящика съ бѣльемъ и продуктами, вѣсомъ приблизительно 6.426 пуд. и особо 1 вагонъ крупы 1.000 пуд., всего 7.426 пуд., сверхъ того чай, сахаръ и медикаменты черезъ Голландію на 2.500 р. и послано книгъ на 1.500 р. — всего же на сумму 49.518 р. 91 к. На оставшуюся отъ сбора сумму куплены и досланы ржаные сухари (4 вагона).

Книжно-библіотечная комиссія отдѣла собрала и отправила до 300.000 названій книгъ, подобранныхъ въ библіотечки.

Запросовъ о мѣстонахожденіи военноплѣнныхъ въ отдѣлъ поступило около 5.000.

При отдѣлѣ состоятъ комиссіи: почтовая (организовано дежурство въ почтамтѣ по написанію адресовъ на посылкахъ), книжно-библіотечная (сборъ и отправка книгъ), общенія военноплѣнныхъ съ семьей и родиной (сборъ пожертвованій на индивидуальныя посылки, ихъ заготовленіе и отправка по назначенію, переписка съ военноплѣнными и ихъ родственниками), концертно-театральная (для сбора средствъ) и изученія быта и защитѣ правъ. Послѣдняя комиссія собираетъ и публикуетъ матеріалы о положеніи военноплѣнныхъ и подготовляетъ мѣры къ улучшенію ихъ быта и защитѣ ихъ правъ [1]).

Въ работѣ по столицѣ и окрестностямъ отдѣлу помогаютъ нѣкоторыя городскія и уѣздныя попечительства о бѣдныхъ.

Въ тѣсной связи съ петроградскимъ отдѣломъ о военноплѣнныхъ работаетъ сибирское общество помощи больнымъ и раненымъ воинамъ со справочнымъ бюро при немъ и рядъ провинціальныхъ комитетовъ въ Сибири и губерніяхъ, входящихъ въ петроградскую область всероссійскаго союза городовъ. Провинціальныя организаціи образовались въ самое послѣднее время, но нѣкоторыя изъ нихъ проявляютъ уже энергичную работу, какъ, напримѣръ, комитеты вологодскій, екатеринбургскій, нарвскій и нѣкоторые другіе.

Въ другихъ областяхъ Россіи провинціальные комитеты помощи военноплѣннымъ только еще начинаютъ возникать, между тѣмъ за помощью къ центральнымъ организаціямъ обращается такое число военноплѣнныхъ, съ которымъ они не имѣютъ уже

[1]) Въ самое послѣднее время отдѣлъ занялся вопросомъ о помощи возвращающимся изъ плѣна инвалидамъ. Планъ организаціи этой помощи имѣетъ быть выработанъ совмѣстно съ объединенной организаціей въ Москвѣ.

и теперь физической возможности справиться, почему перенесеніе работы на мѣста въ провинціи является злободневной и важной задачей въ общей системѣ работы на помощь военноплѣннымъ. Къ этой работѣ мы призываемъ и интеллигенцію провинціальныхъ городовъ и деревни.

Кромѣ организацій, входящихъ во всероссійскіе союзы городовъ и земствъ, имѣются отдѣльныя общества помощи военноплѣннымъ. Таковы:

1) Всероссійское общество помощи военноплѣннымъ, участвовавшее въ организаціи сбора „Петроградъ-военноплѣннымъ" и работающее, какъ, по сбору и отправкѣ пожертвованій деньгами и вещами, такъ и по дежурству въ почтамтѣ.

2) Орловское общество помощи военноплѣннымъ.

3) Ташкентское общество крестныхъ матерей.

4) Кружокъ пріемныхъ матерей въ Петроградѣ.

5) Польское, литовское и еврейское общества помощи жертвамъ войны.

Приведенный перечень, несомнѣнно, не исчерпываетъ всѣхъ народившихся организацій и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ легче будетъ выполнить трудную задачу. Но кромѣ ихъ числа, важна согласованность ихъ дѣйствій. Она наилучше достижима при помощи мощныхъ организацій — всероссійскаго союза городовъ и всероссійскаго земскаго союза.

Для помощи нашимъ военноплѣннымъ имѣются еще слѣдующія учрежденія за границей:

1) Русскій комитетъ въ Бернѣ, получающій на свою дѣятельность 400.000 фр. въ мѣсяцъ отъ россійскаго общества Краснаго Креста. Этотъ комитетъ послалъ въ 1915 г. 70.000 пуд. хлѣба и на 82.000 руб. бѣлья. Обслужено 177 лагерей. За апрѣль 1916 г. тотъ же комитетъ отправилъ 16.000 пуд. свѣжаго хлѣба и 108.000 пакетовъ табаку.

Въ Швейцаріи имѣются еще комитеты: въ Женевѣ (Женевскій кружокъ общественной помощи русскимъ военноплѣннымъ), Лозаннѣ и Невштателѣ. Благодаря близости отъ лагерей этимъ комитетамъ удалось организовать регулярную доставку военноплѣннымъ свѣжаго хлѣба и др. скоропортящихся продуктовъ по абонементу. Женевскій кружокъ въ апрѣлѣ обслуживалъ 5 лагерей, доставивъ въ нихъ 133 посылки: мѣсячный бюджетъ его 2.000 франковъ. Онъ издалъ „Азбуку военноплѣннаго", разсылаемую въ лагери безплатно.

2) Русскій комитетъ въ Лондонѣ на пожертвованныя деньги доставилъ черезъ Бернъ до 10.000 пудовъ хлѣба (по 1/IV 1916 г.) въ 57 лагерей и снабдилъ лагери значительнымъ количествомъ книгъ.

3) Русскій комитетъ въ Стокгольмѣ работаетъ въ связи съ шведскимъ Краснымъ Крестомъ. За январь 1916 г. онъ оказалъ деньгами и вещами помощь на 4.609 руб. Кромѣ пожертвованій, комитетъ получаетъ субсидіи отъ русскихъ организацій.

4) Комитеты въ Амстердамѣ, Гаагѣ и Маастрихтѣ (Голландія) возникли въ связи съ тѣмъ, что въ эту страну попадали одни изъ первыхъ русскихъ бѣглецовъ изъ плѣна и поразсказали объ ужасахъ германскаго плѣна. Находясь близъ германскихъ лагерей военнопленныхъ, эта нейтральная страна (какъ и Швейцарія) оказалась наиболѣе удобной для сношеній съ военнопленными и для снабженія ихъ необходимыми припасами. Маастрихтъ находится близъ границы съ Германіей. Изъ Гааги приготовленныя посылки направляются сюда, гдѣ на ж. д. вокзалѣ и происходитъ работа по дальнѣйшему ихъ направленію. Какъ упомянуто, у московскаго комитета помощи военнопленнымъ въ Гаагѣ есть свой агентъ (г. Шелгуновъ), черезъ котораго проходитъ большое количество заказовъ на продукты для военнопленныхъ изъ Москвы и Петрограда. — Въ Амстердамскомъ комитетѣ есть особое отдѣленіе духовной помощи, снабжающее военнопленныхъ книгами.

5) Отдѣленіе московскаго комитета въ Копенгагенѣ. Черезъ это бюро проходитъ громадное количество порученій по наведенію справокъ, пересылкѣ корреспонденціи и исполненію заказовъ изъ Москвы и Петрограда. Это главное русское учрежденіе за границей для сношенія съ русскими военнопленными и этихъ послѣднихъ съ родиной. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ даже приблизительныхъ цифръ, характеризующихъ размѣры громадной работы этого учрежденія. О немъ можно судить потому, что большая часть операцій московскаго комитета (см. выше) и нѣкоторая часть операцій петроградскаго комитета произведены черезъ или при содѣйствіи копенгагенскаго бюро.

6) Русско-французскій комитетъ въ Парижѣ находится въ сотрудничествѣ съ россійскимъ обществомъ Краснаго Креста, отъ котораго получаетъ ежемѣсячно 100.000 рублей. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности этого учрежденія, у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Во Франціи имѣется еще комитетъ помощи военнопленнымъ въ Ліонѣ, еженедѣльно отправляющій до 50.000 посылокъ, преимущественно въ лагери Баваріи. По количеству отправокъ всего болѣе обслуживаются русскіе военнопленные. Въ послѣднее время работа въ Ліонѣ соединена съ работой въ Парижѣ и сильно развивается.

7) Всемірный союзъ христіанской молодежи (американская организація) оказываетъ черезъ своихъ агентовъ въ Германіи и Австріи нѣкоторую помощь русскимъ военнопленнымъ, главнымъ образомъ, въ области медицинской помощи и въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей.

Всѣ перечисленныя учрежденія, надо это отмѣтить, дѣйствуютъ безъ общаго плана, удовлетворяя нужду военнопленныхъ по мѣрѣ выясняющейся для каждаго изъ нихъ потребности — на основаніи писемъ или сообщеній лицъ, посѣтившихъ лагери. Это — больное мѣсто всей помощи военнопленнымъ. Въ сущности, весьма вѣроятно, что плѣнные однихъ лагерей снабжаются исправно, другихъ же совсѣмъ не получаютъ ничего. Необходима согласованность въ дѣлѣ помощи, и къ этому всѣ организаціи направляютъ усилія, но въ виду трудности и медленности сношеній во время

войны, а также затруднительности обширной регистраціи, пока этой согласованности, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Но помимо равномѣрности распредѣленія пожертвованій между лагерями, что могло бы быть достигнуто путемъ согласованныхъ дѣйствій отдѣльныхъ организацій, весьма важное значеніе имѣетъ возможно справедливое распредѣленіе помощи между отдѣльными нуждающимися, задача совсѣмъ не выполнимая для комитетовъ, сносящихся съ лагерями по почтѣ въ условіяхъ военнаго времени и не имѣющихъ на мѣстѣ своихъ агентовъ. Выполненіе этой важной задачи взяли на себя образовавшіяся въ самыхъ лагеряхъ военноплѣнныхъ очень полезныя учрежденія — кассы и комитеты взаимопомощи, которые мѣстами занимаются, кромѣ распредѣленія, и добываніемъ средствъ путемъ ежемѣсячныхъ взносовъ, устройства концертовъ и т. п.

Эти учрежденія возникаютъ съ разрѣшенія комендантовъ лагерей и имѣютъ свои писаные уставы. Должностныя лица въ нихъ — выборныя. Эти кассы значительно облегчаютъ дѣло справедливаго распредѣленія посылаемыхъ въ лагери продуктовъ, отъ нихъ же получаются увѣдомленія объ исправномъ полученіи отправленныхъ въ данный лагерь предметовъ. Кромѣ того, въ лагеряхъ имѣются отдѣльныя пользующіяся общимъ уваженіемъ лица — изъ докторовъ, священниковъ, офицеровъ, вольноопредѣляющихся и пр.,— имена которыхъ сдѣлались извѣстными русскимъ организаціямъ отъ посѣтившихъ германскіе и австрійскіе лагери сестеръ милосердія. На ихъ имя также отправляются посылки или же посылающіе обусловливаютъ раздачу продуктовъ при ихъ участіи.

Конечно, работа всѣхъ перечисленныхъ организацій не могла остаться безъ результатовъ: справки о мѣстонахожденіи, содѣйствіе въ пересылкѣ корреспонденціи и продуктовъ, крупныя отправки съѣстныхъ продуктовъ и книгъ — все это должно было нѣсколько облегчить тяжелое положеніе нашихъ плѣнныхъ. Посѣщеніе лагерей русскими сестрами милосердія, заступничество дѣятелей Краснаго Креста, датскаго и шведскаго, а также вмѣшательство въ нѣкоторыхъ случаяхъ испанскихъ консуловъ — отчасти устранили особо грубыя нарушенія правъ военноплѣнныхъ въ отношеніи наказаній за проступки, и пр. Но всѣ эти улучшенія и облегченія участи являются лишь частичными, и въ общемъ положеніе нашихъ военноплѣнныхъ продолжаетъ оставаться очень тягостнымъ и требующимъ самаго большаго вниманія, участія и посильной помощи прежде всего

со стороны ихъ родственниковъ,—затѣмъ земляковъ и, наконецъ, всѣхъ добрыхъ людей.

Надо помнить, что плѣнные получаютъ вдвое меньше хлѣба и др., продуктовъ, чѣмъ имъ необходимо, чтобы быть сытыми и здоровыми. Допустимъ, что на каждаго плѣннаго надо добавлять хотя по 1 фунту хлѣба въ день: на 1000 чел., надо уже 25 пуд., въ день, на 100.000 чел., 2.500 пудовъ въ день, въ недѣлю надо 17.500 пудовъ, а въ мѣсяцъ 75.000 пуд., или около 100 вагоновъ одного хлѣба... И это количество необходимо лишь на 100.000 человѣкъ плѣнныхъ, а вѣдь въ дѣйствительности ихъ гораздо больше... Удовлетворить насущную нужду въ пропитаніи такого числа военноплѣнныхъ нельзя безъ помощи со стороны родственниковъ.

Однимъ изъ препятствій къ широкой помощи деревни своимъ родичамъ и знакомымъ, кромѣ ихъ безграмотности и незнанія, какъ посылать съѣстные припасы, повидимому, является сомнѣніе о томъ, не отберутъ ли посылаемое военноплѣннымъ сами нѣмцы, не послать бы хлѣбъ, вмѣсто своихъ близкихъ, нѣмцамъ... Сомнѣнія эти вызываются тѣмъ, что многія посылки не доходятъ по назначенію.

Петроградскому отдѣлу о военноплѣнныхъ, гдѣ работаетъ авторъ, приходится отправлять еженедѣльно многія сотни посылокъ, получать ежедневно сотни извѣщеній изъ плѣна, видѣть десятки возвращающихся еженедѣльно инвалидовъ и, наконецъ, получать письма отъ гражданъ нейтральныхъ (не воюющихъ съ Германіей) странъ, и могу съ полной убѣжденностью заявить, что за малыми исключеніями посылки отдѣла доходятъ исправно по назначенію, о чемъ имѣются увѣдомленія отъ самихъ военноплѣнныхъ. Если лица, кому адресована посылка, не находятъ адресата (это всего чаще бываетъ по отношеніи посылокъ въ случаяхъ смерти его), то посылки возвращаютъ намъ обратно въ полной цѣлости.

Большое количество посылокъ изъ деревень не доходятъ до тѣхъ, кому онѣ адресованы, исключительно по неполному и неправильному написанію адреса, по которому нельзя отыскать плѣннаго, а также вслѣдствіе того, что плѣннаго съ такой фамиліей не оказывается въ данномъ лагерѣ (переведенъ въ другой или посланъ на работы куда-либо). Мы знаемъ объ этомъ потому, что изъ Германіи такія посылки въ десяткахъ тысячъ возвращаются обратно. Если бы нѣмцы забирали посылаемый хлѣбъ, они не посылали бы посылки обратно въ Россію.

Есть и другія сомнѣнія: многіе полагаютъ, что „плѣнные не заслуживаютъ помощи: зачѣмъ они сдавались въ плѣнъ...“

Но огульное обвиненіе нашихъ воиновъ несправедливо и обидно для безъ того измученныхъ нашихъ плѣнныхъ воиновъ...

Люди, какъ вездѣ, бываютъ всякіе: „въ семьѣ не безъ урода“; но это еще не даетъ права считать поголовно всѣхъ военноплѣнныхъ чуть ли не измѣнниками, а потому имъ и не помогать.

Посмотримъ, какъ относятся къ своимъ плѣннымъ англичане и французы и какъ они организовали помощь своимъ военноплѣннымъ.

Уже самыя первыя извѣстія о положеніи военноплѣнныхъ разныхъ національностей въ германскихъ лагеряхъ отмѣчали громадную разницу въ матеріальномъ и духовномъ положеніи плѣнныхъ русскихъ отъ плѣнныхъ другихъ національностей: тогда какъ плѣнные французы и англичане имѣли все необходимое для существованія, — русскіе плѣнные являлись какими-то паріями — полуодѣтыми, грязными, голодными людьми, потерявшими всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства. Главныя причины такой разницы заключались въ томъ, что недостатки пищи, бѣлья и одежды у французскихъ и англійскихъ плѣнныхъ пополнялись предметами, посылаемыми въ большомъ количествѣ съ родины. Кромѣ того, малѣйшее нарушеніе ихъ правъ влекло за собой протестъ и вмѣшательство агентовъ нейтральныхъ странъ и угрозы примѣнить лишенія къ нѣмецкимъ плѣннымъ въ Англіи и Франціи. Это быстро измѣняло отношенія.

По опубликованнымъ въ заграничной прессѣ даннымъ оказывается, что тогда какъ каждый плѣнный англичанинъ ежемѣсячно получалъ 6—7 посылокъ, каждый французъ 5—6 посылокъ, русскіе военноплѣнные получали только изъ 10 чел. одинъ и то одну посылку въ мѣсяцъ.

Изъ писемъ, получаемыхъ петроградскимъ отдѣломъ о военноплѣнныхъ, мы видимъ, что многіе наши плѣнные, пробывъ въ плѣну годъ и болѣе, не получали ни одной посылки, а нѣкоторые даже и писемъ. Они были какъ бы отрѣзаны отъ родины, совершенно забыты и брошены — хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Англичане и французы бодро переносили свое несчастіе, видя и ощущая сочувствіе своего народа и получая отъ него необходимую помощь.

Кто же собственно помогаетъ англійскимъ и французскимъ военноплѣннымъ? Въ Англіи это преимущественно общественная помощь, во Франціи общественная и правительственная.

Англійскій комитетъ о военноплѣнныхъ является центральной общественной организаціей, находящейся въ связи съ

помогающими ей 150 обществами помощи военноплѣннымъ, разбросанными по всей странѣ. Часть посылокъ отправляется почтой, часть болѣе крупныхъ отправокъ производится черезъ особую пароходную компанію. Отправки посылокъ выражаются цифрами 5500—7000 въ день.

Во Франціи дѣло организаціи помощи военноплѣннымъ находится также въ рукахъ общественныхъ организацій, но въ ней принимаетъ живѣйшее участіе и французское правительство. Это участіе выражается въ крупной субсидіи обществамъ — 2 милліоновъ фр. въ $^1/_3$ года и въ распредѣленіи субсидіи между провинціями, которое дѣлается обычно пропорціонально количеству населенія. Въ каждомъ департаментѣ образовано общество помощи военноплѣннымъ, которое ведетъ списки военноплѣнныхъ даннаго департамента и старается обслуживать ихъ нужды, получая на это средства отъ правительства и собирая ихъ путемъ благотворительности. Денежные обороты обществъ подчинены ревизіи контрольнаго вѣдомства. Кромѣ субсидіи деньгами, правительство приходитъ на помощь военноплѣннымъ выдачей форменной одежды и обуви изъ интендантскихъ запасовъ и подержанныхъ вещей.

Такимъ образомъ, здѣсь правительство идетъ рука объ руку съ обществомъ, и дѣло помощи военноплѣннымъ ведется планомѣрно благодаря распредѣленію заботы о плѣнныхъ по мѣсту ихъ происхожденія, что должно достигать скорѣе цѣли. Денежная помощь оказывается лишь въ томъ случаѣ, если родственники не въ состояніи этого сдѣлать сами, къ чему направлены первоначальныя усилія членовъ обществъ помощи военноплѣннымъ.

Намъ кажется, что и у насъ нужно пойти тѣмъ же путемъ. Прежде всего необходимо составить списокъ плѣнныхъ уроженцевъ данной губерніи и заботу о нихъ возложить на мѣстные комитеты помощи военноплѣннымъ, учрежденіе коихъ въ каждомъ губернскомъ городѣ неотложно необходимо. Слѣдующій шагъ мѣстнаго комитета долженъ заключаться въ отысканіи и оповѣщеніи семьи военноплѣннаго о его мѣстонахожденіи и нуждѣ. Въ томъ случаѣ, если родственники берутъ военноплѣннаго на свое попеченіе, онъ записывается за ними; если же попечителей не находится, забота о плѣнномъ берется самимъ комитетомъ. И на этотъ предметъ необходимо комитетамъ располагать нѣкоторыми средствами, долженствующими образоваться по преимуществу изъ пожертвованій.

Губернскіе комитеты не могутъ, однако, одни помочь широкой нуждѣ военноплѣнныхъ даже данной губерніи, если къ нимъ не придетъ на помощь въ качествѣ ихъ агентовъ деревенская интеллигенція, отъ активности которой только и можно ожидать, что

деревня пойметъ весь ужасъ положенія ихъ кровныхъ въ плѣну и неослабно будетъ снабжать ихъ (1—2 раза въ недѣлю) съѣстными припасами. Военноплѣнные, у которыхъ не окажется имущей родни или не окажется даже и родныхъ, по необходимости должны будутъ взяты на попеченіе общественной благотворительности.

Темнымъ, безграмотнымъ людямъ, даже при всемъ добромъ желаніи оказать помощь своимъ роднымъ, находящимся въ плѣну, сдѣлать это трудно и нужно придти имъ въ деревняхъ и селахъ на помощь — путемъ совѣта и непосредственнаго участія въ написаніи адресовъ за границу. Необходимо, чтобы объяснить все и помочь взялась деревенская интеллигенція — прежде всего изъ учителей, учительницъ, духовныхъ, врачей, фельдшеровъ, агрономическаго персонала, дѣятелей коопераціи, земства. Въ деревнѣ много отдыхаетъ „господъ" и учащейся молодежи — ихъ прямой долгъ удѣлить часть своего досуга на это поистинѣ святое дѣло.

Ко всей провинціальной интеллигенціи наша горячая просьба откликнуться на нашъ призывъ къ дѣятельной посильной помощи военноплѣннымъ при содѣйствіи ихъ родственниковъ и земляковъ... Дружными, общими усиліями можно еще, пока не поздно, спасти нашихъ военноплѣнныхъ отъ голоднаго истощенія.

Организацію дѣла возьмутъ на себя всероссійскіе союзы городовъ и земствъ съ ихъ областными и городскими учрежденіями, въ каковыя и надлежитъ обращаться за содѣйствіемъ [1]).

Н. Бородинъ.

[1]) Такіе комитеты имѣются почти во всѣхъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ. Гдѣ нѣтъ комитетовъ можно обращаться въ городскія и земскія управы.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Агафоновъ, В. Настоящее и прошлое земли. Пгр., 1916 г. Ц. 3. 50 к.

Барановскій, А. М. Стихотворенія. Пгр., 1916 г.

Барацъ, Г. Источники слова о законѣ и благодати, и евангельской пѣсни. Кіевъ, 1916 г. Ц. 75 к.

Бертенсонъ, Л. Изъ воспоминаній о Д. В. Григоровичѣ. 1916 г.

Василевскій, Л. По слѣдамъ войны. Впечатлѣнія военнаго врача. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Випперъ, Р., проф. Исторія Греціи въ классическую эпоху. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Отецъ Памфилъ. Пгр., 1916 г. Ц. 6 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Кахетинка. Пгр., 1916 г. Ц. 8 к.

Денисюкъ, Н. Государственное хозяйство въ популярн. изложеніи. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Денисюкъ, Н. Хозяйствен. жизнь Россіи. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Жулавскій, Г. Изъ дома отцовъ. Пер. съ польскаго. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Зайцевъ, Б. Земная печаль. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каменевъ, Ю. О Герценѣ и Чернышевскомъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Клаузнеръ, І., д-ръ фил. Сущность еврейской этики. Одесса, 1916 г. Ц. 25 к.

Клоссовскій, А., проф. Краткій курсъ метереологіи. Одесса, 1916 г. Ц. 2 р.

Клочковъ, М., проф. Очеркъ правительственной дѣятельности времени Павла I. Пгр., 1916 г. Ц. 4 р.

Ковальская, Л. Дороговизна жизни и борьба съ ней. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Круковскій, А. Плетневъ, какъ критикъ. Воронежъ, 1916 г.

Кульваренко. Авель и Каинъ. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Левинъ, И. Новыя тенденціи въ экономич. кризисахъ. Пгр., 1916 г.

Лермонтовъ, М. Ю. Максимъ Максимовичъ. Пгр., 1916 г. Ц. 5 к.

М. Л. За что воюетъ сейчасъ русскій народъ. Полтава, 1916 г. Ц. 10 к.

Морозовъ, Н. Какъ прекратить вздорожаніе жизни. Москва, 1911 г. Ц. 60 к.

Набоковъ, В. В. Стихи. Пгр., 1916 г.

Олигеръ, Н. Опасные люди. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Павлова, М. Практ. руководство къ изученію личности ребенка. Одесса, 1916 г. Ц. 1 р.

Пепіонжкевичъ, К. Систематическій сборникъ задачъ по анализу безконечно-малыхъ. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Рабиновичъ, И. Какъ боролись чехи съ нѣмцами за права своей народности. Пгр., 1916 г. Ц. 50 к.

Сепатовъ, В. Вавилонъ, Израиль и Германія. Пгр., 1916 г. Ц. 75 к.

Скиталецъ. Сквозь строй. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тимковскій, Н. Женихъ. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлорусское возрожденіе. Москва, 1916 г.

Вопросы колонизаціи. Сборникъ. Подъ ред. Чиркина и Гаврилова. Пгр., 1916 г.

Костромская деревня въ первое время войны. Кострома, 1916 г.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритовыхъ залежей. Подъ ред. проф. Я. Самойлова. Г. 7. Москва, 1915 г.

Перевальная дорога. Проектъ В. Авдѣева. Пгр., 1916 г.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО", Вы безусловно БЫСТРѢЕ и УСПѢШНѢЕ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО" успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись — подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладного искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. корр., ком. ариѳм., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. д.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—9 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—5 р. 60 к.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Каждая по 1 р. 40 к.

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 40 коп.

Ариѳметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ. Франц., англ. и нѣм. по 45 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; МОСКВА, Мясницкая 18.

Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота.

Большое развитіе воздушной фотографіи заставляетъ озаботиться изготовленіемъ значительнаго количества фотографическихъ аппаратовъ, для которыхъ нужны объективы.

Такъ какъ для воздушной фотографіи необходимы спеціальные объективы, не изготовляющіеся въ Россіи, получить которые въ настоящее время изъ-за границы крайне затруднительно, то Отдѣлъ Воздушнаго Флота обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ съ просьбой предоставить имѣющіеся въ ихъ распоряженіи фотографическіе объективы, удовлетворяющіе условіямъ, указаннымъ ниже въ примѣчаніи, на нужды нашей авіаціи.

Отдѣлъ Воздушнаго Флота надѣется, что обращеніе его встрѣтитъ самое горячее сочувствіе среди всѣхъ Русскихъ людей, жаждущихъ побѣды надъ нашимъ врагомъ, и поможетъ успѣшно справиться съ крайне нужнымъ и спѣшнымъ изготовленіемъ аппаратовъ для цѣлей воздушной фотографіи.

Списки учрежденій и лицъ, пожертвовавшихъ объективы, будутъ съ благодарностью объявлены въ печати. Не могущимъ же предоставить ихъ безвозмездно Отдѣлъ Воздушнаго Флота уплатитъ стоимость принятыхъ отъ нихъ объективовъ.

Примѣчаніе: Жертвуемые объективы отдѣльно или вдѣланные въ камеры просятъ направлять: въ Отдѣлъ Воздушнаго Флота, Петроградъ, Офицерская улица, 35 и мѣстные Комитеты по сбору пожертвованій на воздушный флотъ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія.

Объективы должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣть фокусное разстояніе 18—40 сантм.; 2) имѣть свѣтосилу 1:3,5—1:6,3; 3) быть слѣдующихъ типовъ и фирмъ: БУШЪ-Омнары, ГЕРЦЪ: Целлоры, Пантары и Дагмары, КРАУСЪ: тессары, РОЕНШТОКЪ—Эйринары, РОССЪ—Гомоцентрики и Телеценъ трикии Икспрессы, ФОХТЛЕНДЕРЪ—Геліары и Коллинеары, ЦЕЙСС Ъ—Тесса и Протары